

новейшей восточноевропейской
истории и культуры

Zentralinstitut **ZIMOS**
für Mittel- und Osteuropastudien

Forum für osteuropäische
Ideen- und Zeitgeschichte

№ 1, 2017

Distributed by
ibidem Press

Форум

новейшей восточноевропейской
истории и культуры

Русское издание

№ 1, 2017

Редакция:
Леонид *Люкс* (главный редактор)
Николаус *Лобковиц*
Алексей *Рыбаков* (Алексей *Макушинский*)
Андреас *Умланд*
Антонина *Зыкова*
Антон *Шеховцов*

Форум

новейшей восточноевропейской
истории и культуры

Русское издание

№ 1, 2017

Редакция:

Леонид *Люкс* (главный редактор)

Николаус *Лобковиц*

Алексей *Рыбаков* (Алексей Макушинский)

Андреас *Умланд*

Антонина *Зыкова*

Антон *Шеховцов*

Адрес редакции:

Zentralinstitut für Mittel- und
Osteuropastudien Katholische Universität

Eichstätt-Ingolstadt Marktplatz 7

D-85072 Eichstätt

E-Mail: zimos@ku.de

На обложке: «Большевик» - картина русского художника
Бориса Михайловича Кустодиева (1878-1927)

[https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/
a/ab/Bolshevik_-_Kustodiev.jpg](https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/a/ab/Bolshevik_-_Kustodiev.jpg)

Графическая обработка:

Марина Цой

Содержание

I. К столетию Русской революции (4)

Нина Хайлова

Революция как предчувствие и реальность:
по страницам дневника князя Владимира Голицына 7

Игорь Волгин

Судьба Алёши Карамазова: Фёдор Достоевский
у истоков русской революции 25

Юлия Щербина

Значение революции в творчестве Фёдора Достоевского:
на примере романов *Братья Карамазовы* и *Бесы* 41

Анна Доронина

Революция в мировосприятии русских символистов:
Андрей Белый и Александр Блок 49

Владимир Булдаков

Российская революция: утопия, память, наука 61

Александр Доброхотов

Метафизика революции 1917-го года в идеях и образах современников 76

Александр Гиринский

Феномен большевизма: философское и социологическое прочтение 91

Анастасия Туманова

Экспертное сообщество ученых-экономистов и рецепты
преодоления общенационального кризиса 1914-1917 гг. 106

Сергей Бычков

Истоки и причины крушения Российской империи:
взгляд Георгия Федотова 125

Эдуард Тинн

Консерватизм русской элиты и катаклизм российской истории
двадцатого века 133

II. История, культ и дискуссии вокруг Организации украинских националистов (2)

II.1. ОУН в 1930-е годы и во время германо-советской войны 1941-1945 гг.

Олена Петренко

Игры в эмансипацию: женщины и ОУН в 1930-х годах 137

Джон-Пол Химка

Львовский погром 1941-го: немцы, украинские националисты и карнавальная толпа 146

Гжегож Россолински-Либе

«Украинская национальная революция» 1941-го года: дискурс и практика фашистского движения 177

Дмитрий Титаренко

Пресса Украины периода нацистской оккупации как фактор украинской националистической пропаганды 207

Михаил Тяглый

«Цыганский вопрос» в идеологии и практике украинского национального движения во время Второй мировой войны 226

II.2. Формы и последствия коллаборационизма ОУН с нацистской Германией

Кай Струве

Команда особого назначения «Львов», украинская милиция и т.н. «Дни Петлюры» 25-26 июля 1941-ого года 235

Пер Андерс Рудлинг

Обучение убийству: шуцманшафт батальон 201 и гауптман Роман Шухевич в Белоруссии в 1942-ом году 253

Игорь Баринов

Союзники или коллаборанты? ОУН и нацистская Германия в ходе оккупации Украины в 1941-1943 гг. 271

Юрий Радченко

Дневник нацистского идеолога и бюрократа Альфреда Розенберга: Холокост и «восточная политика» Третьего Рейха 291

III. Культурология

Станислав Панин

Научное изучение эзотеризма в России: история и современность 309

IV. Политология

Руслан Кермач

Отношение украинцев к России и россиянам:
динамика и основные тенденции 323

V. Эссе

Михаил Блюменкранц

Проснувшиеся в Армагеддоне: размышления о символической
реальности в эпоху кризисов 341

Леонид Люкс

Был ли распад СССР неизбежен? Замечания по поводу одного спора 352

Андреас Умланд

Будущее международное положение Украины: шесть внешнеполитических
сценариев для ключевого государства Восточной Европы 357

Коротко об авторах 371

I. К столетию Русской революции (4)*

Нина Хайлова

Революция как предчувствие и реальность: по страницам дневника князя Владимира Голицына

В галерее деятелей московского городского самоуправления особое место принадлежит князю Владимиру Михайловичу Голицыну (1847–1932). Потомственный дворянин, представитель прославленного в российской истории рода, он посвятил более двадцати лет государственной службе, в том числе занимал должности московского вице-губернатора (1883–1887), губернатора (1887–1891). Однако главным местом самореализации князя стало общественное поприще, прежде всего, работа в Московской городской думе (с 1873 г. – гласный, в 1897–1905 гг. – городской голова)¹. Во многом его стараниями была проведена масштабная модернизация муниципального хозяйства, обеспечены рост и качественное обновление социально-культурной сферы². В ноябре 1905 г. в знак за-

* 27 и 28 апреля 2017 г. в Москве состоялась первая научная конференция Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога при Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики». Тема конференции: «Россия сто лет после революции: причины и последствия». В нашей рубрике, посвященной столетию Русской революции, мы начинаем публикацию материалов этой конференции. В следующем выпуске *Форума* мы продолжим эту публикацию – *прим. ред.*

¹ См.: Болдина Е.Г. Московский губернатор и городской голова Москвы князь В.М. Голицын // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: к 850-летию Москвы и 225-летию со дня рождения Московского генерал-губернатора, Светлейшего князя Дмитрия Владимировича Голицына: материалы IV Голицынских чтений, 18–19 января 1997 г. Ч. 1. С. Большие Вяземы, 1997. С. 57-64; Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и московская дума. М., 2010; Московская власть: городские головы (1782–1917): Ил. биограф. руководителей городского самоуправления. Вып. 1. М., 1997; Московская энциклопедия. Т. 1. Лица Москвы. Кн. 1. М., 2007. С. 397-398; Почетные граждане Москвы (1866–1917): ист.-биограф. изд. / С.А. Комиссарова, В.Г. Кошкидько, К.А. Соловьев. М., 2009; Кошкидько В.Г. Московский городской голова князь В.М. Голицын // Ярославский педагогический вестник. Том I: Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 17-21; Нестеров И.А. Московский городской голова князь Владимир Михайлович Голицын (1897–1905): автореф. дисс. на соиск. уч. степ. к.и.н. М., 2013; Его же. Развитие революционных событий в Москве и отставка Городского головы князя В.М. Голицына (январь–ноябрь 1905 г.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2013. № 3. С. 79-83; и др.

² По инициативе Голицына к 1901 г. был реконструирован Мытищинский водопровод, а в январе 1904 г. завершено сооружение нового – Москворецкого. Приметой времени стала муниципализация (одновременно с расширением) трамвайной сети, переход с конной тяги на электрическую. Развивалось железнодорожное сообщение между различными районами Москвы. С име-

слуг «хозяина» города Дума избрала своего руководителя почетным гражданином г. Москвы, заказала его портрет В.А. Серову³. К этому времени Москва приобрела репутацию не только «рассадника» передового опыта самоуправления, но и превратилась в один из центров либеральной оппозиции. А сам Голицын уже в первые годы нового столетия стал известен как поборник конституции, яркий деятель земско-городского движения. И впоследствии, вплоть до 1917 г. он продолжал участвовать в общественно-политической жизни. Однако до сих пор отсутствует полномасштабная биография Голицына. Не воссоздана и система его взглядов, не укладывающихся в традиционную схему политических «лагерей».

Особое место среди источников изучения личности Голицына занимает дневник, который он пунктуально вел на протяжении шестидесяти семи (!) лет – с 1865 г. до ухода из жизни⁴. Большая часть этого обширного наследия, изданного лишь частично⁵, хранится в собрании рукописей Российской государственной библиотеки. «Полный свод моего мирозерцания, всей моей умственной или душевной жизни»⁶, – так князь определял значимость документа для самого себя, не исключая при этом его ценность и для потомков. Голицын не раз возвращался на страницах дневника к разъяснению причин резкой перемены собственных взглядов – каким образом «из убежденного носителя административной власти» он мог в сравнительно короткое время «статься убежденным конституционалистом». Отмечая главную роль в этом «перевороте» обстоятельств службы, заявлял в марте 1904 г.: «Всё, что проходило и проходит мимо глаз моих не таково, чтобы во мне могли сохраниться какие-либо симпатии к консерватизму, какие-либо инстинкты власти абсолютизма...»⁷

Трезвый взгляд на окружающее был свойственен Голицыну не только как многоопытному управленцу, но еще и как дипломированному биологу. Выпускник естественного отделения физико-математического факультета Московского уни-

нем Голицына связана реконструкция старых и строительство новых мостов, постепенная замена керосиновых фонарей электрическими и газовыми. В 1903 г. Дума ввела бесплатное лечение для постоянных жителей Москвы. При Голицыне впервые было обеспечено всеобщее начальное образование для москвичей, создана сеть бесплатных городских библиотек. Финансирование городских программ осуществлялось в значительной мере за счет частных пожертвований. Приток этих денег в городскую казну был самым большим при Голицыне, благодаря его авторитету в среде деловой элиты. Немалые заслуги принадлежали ему и в развитии музейного дела в Москве. В частности, Голицын способствовал принятию П.М. Третьяковым решения о передаче Москве своей знаменитой галереи. Была проведена реконструкция здания музея, воздвигнут ныне существующий фасад (по проекту В.М. Васнецова). Галерея работала 300 дней в году, посещение ее было бесплатным.

³ Время создания картины, согласно дневниковым записям Голицына, – с 1 декабря 1905 г. по 17 апреля 1906 г. В настоящее время портрет находится в Государственном историческом музее.

⁴ См. Розенталь И.С. Прогрессист Голицын и его дневник // Россия–XXI. 2007. № 4. С. 118-137.

⁵ Голицын В.М. Дневник 1917–1918 годов. М., 2008.

⁶ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 75, д. 28, л. 119. Далее ссылки на архивные источники относятся к этому фонду. – НХ.

⁷ Д. 25, л. 18.

верситета (1869), князь называл своим «истинным призванием» определение растений и «вообще флористику», был увлечен этим на протяжении всей жизни. В 1905–1912 гг. он публиковал результаты своих исследований в *Трудах Ботанического сада Императорского Юрьевского университета*⁸, так что с полным основанием мог считать себя членом научного сообщества.

Профессиональный интерес к ботанике сочетался у Голицына с любовью к художественной культуре, обширными познаниями в области истории, философии. Огромная эрудиция, вкус к раздумьям над проблемами человеческого бытия и путями общественного развития, тайнами природы и мироздания, – все это подкрепляло его амбиции и как мыслителя⁹, нередко обеспечивало глубину и проницательность суждений.

Определяющую роль в судьбах народов и государств Голицын отводил не «деяниям человеческим», а исключительно идеям («их развитию, последовательному росту, степени восприятия их народами»), и, прежде всего, – идее о прогрессе как «истинном рычаге человеческого бытия»¹⁰. Ссылаясь на евангельскую притчу «о новом вине и новых мехах», автор дневника указывал на то, что сам «Христос установил и узаконил идею прогресса, как теоретически принципиальную, так и практически применимую во всяких случаях жизни»¹¹. «Если не верить в прогресс – общественный, народный и особенно общечеловеческий – то жизнь теряет свой смысл»¹², – полагал князь. По его мнению, опыт истории свидетельствовал о неизбежном, последовательном торжестве «идей знания, света и свободы», хотя для этого порой требовался «очень продолжительный период»¹³. Неразрывно связанными с идеей прогресса Голицын считал и «основания души человеческой» – идеи о праве и справедливости.

А насколько адекватной, по его мнению, была реакция российской власти на данный «тренд» общественного развития? «Отрицание прогресса, самой его идеи, желание бороться с нею»¹⁴, – так бывший московский городской голова на протяжении многих лет характеризовал упорное нежелание «верхов» считаться с

⁸ См.: Голицын В. Очерк флоры Епифанского уезда Тульской губернии // *Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета*. Т. 5. Вып. 4. Юрьев, 1905. С. 230–243; То же (окончание) // Там же. Т. 6. Вып. 1. Юрьев, 1906. С. 20–31; Его же. Первое дополнение к очерку флоры Епифанского уезда Тульской губернии // Там же. Т. 7. Вып. 4. Юрьев, 1907. С. 231–233; Его же. Второе дополнение к очерку флоры Епифанского уезда Тульской губернии // Там же. Т. 8. Вып. 4. Юрьев, 1908. С. 230–232; и др. По словам внука, благодаря этим публикациям в 1922 г. Голицын «стал членом КУБУ (Комиссии по улучшению быта ученых) ..., и года два-три получал хороший паек» // Голицын С.М. Записки уцелевшего. Роман в жанре семейной хроники. М., 2016. С. 19.

⁹ «Однажды назван я был мыслителем, и это слово, пророненное случайно, ... глубоко запало мне в душу. Иного, лучшего эпитета себе я не желаю», – как-то заметил Голицын (Д. 26, л. 48 об.).

¹⁰ Д. 27, л. 277.

¹¹ Д. 29, л. 88–88 об.

¹² Д. 30, л. 326.

¹³ Д. 30, л. 184.

¹⁴ Д. 27, л. 277.

«веканиями времени». При этом он указывал на тщетность усилий правящих «сфер» видеть «свое спасение и безопасность в ходячих фразах о Святой Руси, о власти, о единодержавии и проч.», поскольку «истинный смысл этих фраз давно улетучился, единодержавие превратилось в самодержавие чиновников, власть обратилась в произвол самодуров и т.д.»¹⁵. «Идеалы человечества должны быть впереди, а не позади. Объект этих идеалов, их цель – созидание будущего, а не воскрешение прошлого, стремление вперед, а не задержка сзади, – обозначал Голицын позиции «здорового смысла». – Мы призваны жить и работать с живыми людьми и для них, а не для мертвых и с ними. А многие не хотят это понять»¹⁶. И еще: «Мы упрямо держимся своей слепоты и продолжаем верить в какие-то фантастические палладиумы, вроде русского строя, русской самобытности. Полнейшая негодность всего этого ясно доказана, и держаться этого значит идти навстречу новым кризисам, еще более сложным, еще более острым»¹⁷, – подобные рассуждения не редкость на страницах дневника. «Уважение к прошлому не должно порождать вражды к настоящему и недоверия к будущему», – так, в конечном итоге, его автор определял достойное «отношение разумного человека к жизни, своей и окружающей»¹⁸.

Проецируя ситуацию «дóлжного» на российское прошлое, Голицын заключал: «История России есть борьба царской власти с Россией». Единственной светлой страницей в истории самодержавия он считал правление Александра II. Благодаря реформам этого периода Россия имела реальный шанс выбраться наконец-то из наезженной колеи и встать на новый путь, – в этом князь нисколько не сомневался. Главную причину того, что данная альтернатива оказалась неосуществленной, он видел в том, что «Александр II, дав местное самоуправление, не увенчал его государственным и эта задержка, эта пауза, подчеркнутая и усиленная еще его преемником, сделала то, что вместо правильного развития правового строя мы разом очутились в революции»¹⁹. Осенью 1904 г. Голицын записал: «После царствования Александра II, понимавшего, что надо идти в уровень своего времени и его требований, последовало царствование тупого эгоиста, в свою очередь замыкаемое бесхарактерным мистиком, не знающим, что делать и куда идти. Это последнее совершенно объясняет все то, что ныне происходит у нас и чему выхода нет, кроме радикальной перемены всей системы правления»²⁰, – именно такой представлялась ему внутренняя логика развития драмы российской истории.

Не случаен поэтому и один из «сквозных» сюжетов дневника – революция в России. Голицын осмысливал это явление как предчувствие и реальность, впи-

¹⁵ Д. 21, л. 179.

¹⁶ Д. 27, л. 303.

¹⁷ Д. 28, л. 5 об.

¹⁸ Д. 30, л. 259 об.

¹⁹ Д. 31, л. 23.

²⁰ Д. 25, л. 132.

сывая его во всемирно-исторический контекст. Причем размышления подобного рода занимали князя задолго до 1917 г. Еще в 1890-е гг. он предсказывал неизбежность переворота «в смысле свободы и падения чиновничьего самодержавия и произвола», полагая, что случится это вследствие «толчка извне»²¹.

В январе 1900 г. Голицын определил собственное понимание «революции». Для него было неприемлемо упрощенное представление о ней как «уличных беспорядках, бунте толпы». Называя эти явления случайными, он замечал, что власть при желании может их предотвратить, а, в противном случае, успешно бороться с ними. «Но не в этом революция, – подчеркивал автор дневника, – а в новых идеях, в идейной борьбе за правду и справедливость против злоупотреблений и рутины, против произвола и насилия, а против этого бороться нельзя, это неудержимый поток, которого никакими искусственными ограждениями не остановишь, которого не обезоружить изъятием отдельных, "неблагонадежных", личностей». Указывая на неотвратимость в России подобного рода «революции» («как неизбежно наступление весны после зимы»), Голицын заявлял тогда: «Разумным людям надо готовиться к ней»²². Но – как готовиться? С разъяснениями на этот счет он не раз выступал на страницах дневника. Стремление отдельных личностей «руководить событиями» князь характеризовал как «пустой звук, порождение очень ограниченных, но очень много мнящих о себе умов»²³. Он предупреждал: будущее – «всегда неожиданное, события никогда не следуют предусмотренным путем»²⁴.

Главной задачей всех тех, кто искренне заботился о благе России, Голицын считал преодоление критиканского уклона в отношении существующего режима, первоочередную сосредоточенность на подготовке «программы улучшений и преобразований». С неизменной симпатией князь отзывался о «людях свободных, любящих свою Родину, понимающих ее нужды», которые «вырабатывают в тиши своих кабинетов программы желанного строя, планы реформ». Примером, достойным подражания, он называл опыт С.А. Муромцева²⁵. При этом Голицын постоянно подчеркивал особое значение совместных усилий власти и общества – в русле «мирного обновления» и в соответствии с «логикой истории», провозглашал приоритет гражданского и политического воспитания масс.

Он разделял мнение о том, что «лучшее средство избегнуть революции – это ее совершить»²⁶. Князь считал эту мысль (парадоксальную лишь на первый взгляд) «глубоко справедливой», поскольку «нельзя победить прогресс борьбою, а можно только руководить им»²⁷. «Действительно, когда переворот назрел, когда коренное изменение строя является неизбежным, разумным, – сознательные лю-

²¹ Д. 26, л. 28.

²² Д. 21, л. 183 об.-184.

²³ Д. 21, л. 101.

²⁴ Д. 25, л. 101.

²⁵ Д. 30, л. 274, 322 об. [С.А. Муромцев (1850-1910) – известный русский правовед – прим. ред.]

²⁶ Д. 31, л. 71-71 об.

²⁷ Д. 27, л. 277.

ди, стоящие на высоте своего времени, должны бы взять в свои руки это преобразовательное дело, не дожидаясь того, чтобы оно пошло помимо них и б[ыть] м[ожет] вопреки их идеалам»²⁸, – рассуждая подобным образом, автор дневника указывал на необходимость действий «на опережение», с целью предотвращения «революции снизу». «Если бы французская монархия стояла на высоте своего времени и понимала потребности народа, революции не было бы. То же и у нас»²⁹, – не сомневался Голицын.

Он подчеркивал закономерный характер революции 1905–1907 гг. А поскольку революция оказалась тогда во многом не завершённой, то, по его мнению, вопрос о ней продолжал оставаться в «повестке дня». Тем более что лейтмотивом столыпинской эпохи князь называл «прежние гнет, гонения и нелепости». В январе 1908 г. он записал: «Вот уже скоро четыре года, что вступили мы в период революции, и конца не видно...»

«Можно ли говорить об экономическом преуспевании, о культуре, просвещении в такой стране, где законность обращена в пустой звук, где ни личность, ни имущество, ни свобода передвижения и обитания ничем не обеспечены, где царствует произвол, а не власть, где управляет охрана, а не правительство?» – задавался Голицын резонным вопросом летом 1911 г. Сравнивая два периода – революции 1905–1907 гг. и последующей «эпохи мрачной реакции и шулерства», – он приходил к выводу: «Если события нашего Смутного времени испугали наших "мирных граждан" и отшатнули их временно от прогрессистов и вообще от движения вперед, то столыпинский режим сделал как раз обратное, и с бóльшим успехом: этих "мирных граждан" он отшатнул от себя и сделал из них своих врагов»³⁰. «Очень тревожным симптомом» князь считал т.н. «забастовку порядочных людей»³¹. В числе последних Голицын подразумевал и своих соратников («умеренных и знающих»), которых правительство не захотело и не сумело вовремя привлечь к совместной работе, а «предпочло втолкнуть всех без разбора в ряды опасных, неблагонадежных, чуть не революционеров»³².

Что касается непосредственных «носителей» революционной тактики, то отношение Голицына к ним было неоднозначным. «Я понимаю психологию революционера, даже самого крайнего, когда он стремится всеми силами и средствами разрушить существующий, ненавистный ему строй, но когда в основе этого отрицательного стремления лежит положительный идеал, к осуществлению коего это разрушение и должно служить, – счел нужным отметить князь в феврале 1911 г. – Но когда стремления его имеют целью одно разрушение, каким бы бла-

²⁸ Д. 31, л. 71-71 об.

²⁹ Д. 31, л. 583.

³⁰ Д. 30, л. 135 об.-136.

³¹ Д. 29, л. 334 об.

³² Д. 26, л. 156 об.

городным негодованием они ни одушевлялись, сколько бы мужества и самоотвержения ни вложил он в них – этого я не понимаю»³³.

Исследуя эффект «гипнотического» воздействия «крайних революционеров» даже на «самых здравомыслящих» граждан, Голицын обращал внимание на своего рода «обаяние» героизма, всегда безотказно действующее на публику³⁴. В этом смысле не стал исключением и сам князь, не скрывавший своего искреннего сочувствия «людям протеста». Вспоминая декабристов, членов 1-й Думы и многих других «страдальцев за правду», включая «жертв современного режима», он признавал: «Не нам судить их, не нам в среде их отделять искренних героев, знающих себя и свое дело, за которое страдали, от тех, кто оболыщался призраками»³⁵. При этом он подчеркивал «обратный эффект» в обществе от борьбы правительства с «враждебными элементами»: «от сочувствия к чему-либо до самопожертвования ради того же – один шаг»³⁶. «Этот поганый режим создал у нас не одну сотню революционеров в душе ... рассуждающих "чем хуже, тем лучше" ..., которые если сами и не прибегнут к каким-либо насилиям, то втайне будут сочувствовать всем таковым»³⁷, – свидетельствовал Голицын осенью 1909 г. «...все более и более охватывает меня презрение к нашему режиму, и все более возмущаюсь и негодую. Думаю, что много подобных мне однородно думающих и чувствующих»³⁸, – констатировал он спустя два года.

Причисляя себя к радикалам, Голицын вместе с тем считал ошибочным смешение «радикализма с анархизмом, радикала – с революционером». В его представлении, радикал – это тот, «кто вооружается и беспощадно борется против всяких злоупотреблений, произвола, пошлости, против всего отжившего, одним словом тот, кто является носителем и поклонником прогресса в самом широком и всеобъемлющем смысле этого слова». При этом князь подчеркивал вред для развития («или воспитания») подобного рода радикализма, того озлобления, даже ожесточения, которое, по его наблюдению, в значительной степени росло и усиливалось накануне Первой мировой войны «особенно в средних классах общества и в среде умеренных даже людей по отношению к царствующему режиму и представителям его»³⁹.

Обозначенная Голицыным тенденция свидетельствовала, по его мнению, о сохранении ключевой проблемы. Это – несостоятельность не только правительства, продолжавшего «искусственно задерживать нормальное развитие строя, создание правового порядка с широким представительством и полной ответственностью»⁴⁰, но и общества, у которого («как и у наших государственных де-

³³ Д. 30, л. 98 об.-99.

³⁴ Там же.

³⁵ Д. 30, л. 299 об.

³⁶ Д. 30, л. 201.

³⁷ Д. 29, л. 363.

³⁸ Д. 30, л. 240-241 об.

³⁹ Д. 30, л. 384-384 об.

⁴⁰ Д. 31, л. 71 об.

ятелей») очень слабо развито «умение ловить момент», а потому, – замечал автор дневника, – «сплошь и рядом мы запаздываем и это благодаря тому, что не прислушиваемся к биению пульса народной жизни и общественного настроения»⁴¹. Голицын предполагал, что данная ситуация могла разрешиться не «революцией в общепринятом смысле этого слова», а другим путем: «последует постепенное, но быстрое гниение, которое кончится внезапным падением... как падает здание на деревянных столбах, когда столбы эти подгнили»⁴². Он также выступил с предсказанием: следствием «глухой борьбы» между обществом и правительством («неумелой с той и другой стороны») может явиться «выход наружу самых вредных элементов общества... всяких проходимцев», которые могут «наделать таких дел, что не опомнишься: найдись теперь предприимчивый человек, и он повернет все вверх дном»⁴³. «На почве разлагающейся, деморализованной ничего создать нельзя, и элементам революционным, с одной стороны, хулиганским – с другой, будет где себя показать»⁴⁴, – записал он в феврале 1909 г.

Объясняя устойчивые тенденции в действиях власти и общественных сил, Голицын выделял ряд факторов. «Вся беда – наша некультурность!»⁴⁵ – указывал князь на корень всех проблем. Негодование было его неизменной реакцией на распространенное мнение, согласно которому «нам нужна сильная власть»: «Нет, не власть нужна. А нужны головы, которые умели бы руководить этой властью, а их-то у нас нет, и вдобавок ни в каком лагере»⁴⁶. Голицын не сомневался в том, что для того, чтобы «распознать действительные требования жизни, нужны разум, окрашенный культурой, чувство, освещенное разумом»⁴⁷. В то же время, по его мнению, и оппозиция, и власть в России начала XX в. оказались неподготовленными к своей миссии. «Целое поколение – а, может быть, два или три – должно отжить и исчезнуть, должно уступить место другому, более состоятельному и иначе развитому, дабы достигнуто было усовершенствование жизни вообще, о котором лучшие умы мечтают»⁴⁸, – безрадостно констатировал он.

Вместе с тем, исходя из реалий («все разбилось, все раздробилось, фактически движение находится в руках революционной партии»)⁴⁹, Голицын считал возможным и необходимым образование «фактического центра» в политической жизни России, который мог бы стать опорой и для правительства, и для общества⁵⁰. Он неизменно поддерживал объединительные тенденции в рядах либеральной оппозиции («лишь бы служили они ко благу, прогрессу и просвеще-

⁴¹ Д. 31, л. 116-116 об.

⁴² Д. 28, л. 283 об.-284.

⁴³ Д. 27, л. 204 об.; д. 28, л. 85-85 об.

⁴⁴ Д. 28, л. 210 об.-211.

⁴⁵ Д. 28, л. 311 об.

⁴⁶ Д. 26, л. 245.

⁴⁷ Д. 26, л. 118.

⁴⁸ Д. 28, л. 282.

⁴⁹ Д. 26, л. 56 об.

⁵⁰ Д. 26, л. 150 об.

нию»⁵¹): в 1906–1908 гг. – возглавлял московский Клуб независимых, сыгравший определенную роль в сплочении «мирнообновленцев», в 1912 г. – был избран членом Московского комитета Партии прогрессистов.

Незадолго до вступления России в Первую мировую войну Голицын все более склонялся к тому, что время и возможности для «мирного обновления» оказались в который раз упущены. Одним из симптомов приближения революции князь считал рост «не простого недовольства царем», а «озлобление, презрение» по отношению к нему⁵². Сам он предвидел обреченность династии еще в 1904 г.: «Радуются рождению наследника. Напрасно...»⁵³ «Был у нас Николай первый, теперь у нас Николай последний», – в этой «остроте, привезенной из Петербурга», в декабре 1907 г. Голицын видел «удачное отражение настоящего нашего положения и будущности»⁵⁴. «Наш убогий Государь», «тщедушный и двуличный монарх», – таким предстает на страницах дневника образ последнего российского императора. «Наше несчастье в том, что неограниченная власть находится в руках более чем ограниченного человека»⁵⁵, – подчеркивал князь трагизм ситуации. «Тот царь, который увлек Россию в японскую войну, спокойно перенес позор поражения, ввел режим гнета в своем царстве, сам прячась от своего народа, тот перестал быть царем, в смысле народного вождя, с тем уже нечего считаться»⁵⁶, – записал он в апреле 1911 г.

Как и многие современники, Голицын не видел в правящей династии «запаса для будущего», поскольку она «существовала и выполняла свое призвание ... только для себя, для своего благополучия, и заботы о России были только отдельными, отрывочными проблесками и то только в тех случаях, когда интересы России совпадали с интересами ее благополучия»⁵⁷. А потому у него не было сомнений в том, что «при неминуемом кризисе ... ребром будет поставлен вопрос династический»⁵⁸. Он отмечал рост популярности идеи о том, что «можно жить и без царя». «Для этого придумано новое слово – «обезтронить»⁵⁹, – указывал князь в июле 1915 г. Осенью того же года он записал: «Теперь вся Россия сплотилась воедино против царя»⁶⁰.

При этом позиция Голицына не во всем совпадала с распространенным мнением. Он видел корень проблемы вовсе не в решении династического вопроса: «Все говорят о царе и на все лады его бранят, не видя, что он и его роль в сущности не имеют никакого значения и устранение его ни на чем не отразится»⁶¹.

⁵¹ Д. 31, л. 590 об.

⁵² Д. 31, л. 5 об.

⁵³ Д. 25, л. 105.

⁵⁴ Д. 27, л. 228.

⁵⁵ Д. 27, л. 174.

⁵⁶ Д. 30, л. 131-131 об.

⁵⁷ Д. 31, л. 352 об.-353.

⁵⁸ Д. 31, л. 5 об.

⁵⁹ Д. 31, л. 472 об.

⁶⁰ Д. 31, л. 547.

⁶¹ Д. 31, л. 516.

Князь считал гораздо более важным ответ на вопрос: а насколько готова к грядущей революции умеренная оппозиция (в лице наиболее близких ему – кадетов и прогрессистов). Он продолжал настаивать на том, что во главу угла ей следовало бы ставить не отрицание существующих порядков, не борьбу «с вражьиими силами», а разработку позитивной программы. «Недостаточно иметь в себе идеал, надо еще сознавать пути к его осуществлению, содействовать следованию по этим путям»⁶², – напоминал Голицын опыт революции 1905-1907 гг., прежде всего, причины «незадавшейся» судьбы Манифеста 17 октября 1905 г. и Государственной думы двух первых созывов. В то же время он с тяжелым чувством отмечал среди многих своих соратников «почти полное отсутствие такого руководительного начала» и, более того, «состояние полного бессознания»⁶³. Голицын предвидел, что с подобным настроением умеренная оппозиция вновь окажется «у разбитого корыта» в результате очередного революционного кризиса.

Рост недовольства царской властью накануне и в годы войны автор дневника считал далеко не единственным предвестником революции. Он указывал и на другие, по его словам, признаки неизбежной катастрофы, в т.ч. «красноречивые» симптомы «ужасного» состояния «разложения», поразившего общество сверху донизу. Во-первых, это – «громадное усиление разгула и азарта во всех формах и видах»⁶⁴. «Это производит впечатление, – замечал Голицын, – что люди торопятся жить, использовать свободу жизни и ее блага или все кажущееся им благом, словно предчувствуя, что скоро наступит конец этому..., а правительство словно видит в этом азарте отвлечение от политики»⁶⁵. Еще один тревожный симптом – это «воровство, казнокрадство, взяточничество», «усиление хищничества» в чиновных и общественных сферах: «Как будто весь режим обратился в систему возможно бóльшего расхищения в свою пользу всего, что только лежит под руками, и сама власть сделалась слугой в этой оргии корысти. Всякий тащит себе, и всё служит этому под крылышком "казны": естественные богатства, безбожно расхищаемые, промышленные предприятия всякого рода, начиная с железных дорог, земельные банки и т.д. О будущем никто не думает»⁶⁶. Опасность подобной ситуации подчеркивалась в дневнике еще раньше, в 1909 г.: «Никакая кон-

⁶² Д. 31, л. 4.

⁶³ Д. 31, л. 4, 31 об.

⁶⁴ Характерно в этом смысле письмо Голицына в редакцию газеты Русские ведомости в июне 1915 г., в котором он выразил «крайнее удивление» и глубокое возмущение по поводу «поразительного пренебрежения» со стороны Московского бегового общества к «тяжелым во всех отношениях событиям», переживаемым страной. «Во время страшной войны, когда весь русский народ охвачен одним чувством, одной мыслью, когда все его силы направлены на борьбу с врагом и на помощь пострадавшим в этой борьбе или от нее, Общество назначает бега с призами на 60 тыс. руб.», – свидетельствовал князь. При этом автор письма указывал на то, что, к примеру, в Англии, где «скачки – национальный спорт», подобные мероприятия были отменены до окончания войны... «Неужели Общество не могло отказаться от этих призов и направить эти суммы в иную цель?» – восклицал Голицын, в итоге заявив о сложении с себя звания почетного члена этого Общества // Русские ведомости. 1915. 16 июня. № 137.

⁶⁵ Д. 31, л. 81.

⁶⁶ Д. 31, л. 81-81 об.

ституция не поможет, раз все у нас перемошенничалось и развратилось до мозга костей»⁶⁷.

Зимой-весной 1915 г. Голицын считал знаком приближения революции и «ужасающий», по его словам, экономический кризис. Эта опасность, указывал он, «пожалуй, серьезнее германских полчищ»⁶⁸. Отмечая еще целый ряд поводов для недовольства властью («оттягивание» созыва Государственной думы, «покровительство» немцам внутри страны, и т.д.), князь приходил к заключению, что все это, вместе взятое, ускоряло «неизбежный переворот»⁶⁹.

«Правительство наше прикидывается сильным, могущественным, не боящимся никого и ничего, но в душе своей оно не может не сознавать, что с каждым днем оно все более и более теряет почву из-под ног»⁷⁰, – записал Голицын в июле 1915 г. Не раз он выступал с заявлениями о бесполезности перемены лиц в правительстве: «Не все ли равно, что один чиновник сядет на место другого! К этому всегда сводятся у нас все реформы»⁷¹. «Не этими пустяками удовлетворить страну, а переменить надо всю систему, весь строй»⁷², – продолжал настаивать автор дневника.

А какие силы в России, по его мнению, могли в годы войны выступить в качестве «мотора» необходимых коренных преобразований? Он не рассчитывал на государственных деятелей из прежней «обоймы». По словам Голицына, перед «громадностью, умопомрачительностью» задач, вставших перед страной, они «уподобиться могут мышам, стоящим перед египетскими пирамидами». Подходящими кандидатурами на роль «богатыря, который сдвинет наш проклятый строй ... и мощною рукой поведет Россию по путям к свету и свободе», он считал общеземский и общегородской союзы. Согласно его выводам, именно эти организации вполне могли бы «взять в свои руки все дело народного представительства» и стать «основанием ... для водворения правового строя»⁷³.

В то же время у Голицына уже не оставалось сомнений в том, что решающую роль в грядущей революции сыграют народные массы. В очередной раз он подчеркивал: «Все идет к народному – а не правительственному только – перевороту»⁷⁴. В этой связи ему казалось уместным обратить внимание общественных деятелей на необходимость «приучать себя к слову "республика"»⁷⁵. Следствием процесса демократизации князь считал также еще одну глобальную тенденцию, проявляющуюся и в России – «стремление к внутренней федеративности, в про-

⁶⁷ Д. 29, л. 14 об.

⁶⁸ Д. 31, л. 337 об.

⁶⁹ Д. 31, л. 447 об.-448.

⁷⁰ Д. 31, л. 462 об.

⁷¹ Д. 31, л. 439.

⁷² Д. 31, л. 49.

⁷³ Д. 31, л. 313-313 об.

⁷⁴ Д. 31, л. 32 об.

⁷⁵ Д. 31, л. 31 об.

тивоположность правительственной централизации»⁷⁶. Распространяя данную тенденцию и на национальный вопрос, Голицын заявлял о себе как стороннике создания в России «федеративного строя с полным равноправием национальностей»⁷⁷.

Как и прежде, для него была очевидна непредсказуемость грядущих событий, поскольку настроение и поведение «многомиллионного сфинкса» в лице крестьянства и «его пролетарских отпрысков» предугадать невозможно. Еще один, по словам Голицына, «неразгаданный сфинкс» – это армия (хотя сам он еще летом 1911 г. отмечал, что этот «оплот» власти «постепенно, но быстро революционизируется»⁷⁸). «Но все это, – тревожился князь, – вовсе не заботит наших мудрых сановников, глухих и слепых»⁷⁹.

В мае 1915 г. Голицын поместил в дневнике свое наблюдение о расколе общества на «три стихии, или три элемента, живущие и действующие отдельно друг от друга и притом не без взаимной вражды». Первая «стихия» – это народ, «безропотно приносящий тяжелые жертвы, но несомненно таящий в себе какие-то ожидания». Второй элемент – «общество, или интеллигенция, самоотверженно служащие и пособляющие этим жертвам, но словно утратившие надежду на какие-либо иные, более широкие плоды». И, наконец, – третий элемент – это правительство, занятое, по его убеждению, исключительно ограждением себя от упомянутых двух элементов. Ни к чему хорошему этот «тройственный параллелизм» не приведет⁸⁰, – заключал князь.

Примерно тогда же, в середине 1915 г., он предложил еще один взгляд на расклад общественно-политических сил в стране. Голицын выделил «две стихии, два полюса»: на одном из них – «правительство, стремящееся к сохранению власти, на другом – «крайние партии противоположных друг другу окрасок, которые одинаково стремятся захватить эту власть»⁸¹. Автор дневника вынужден был признать: «Между этими двумя крайностями нам, прогрессистам, конституционалистам, нет места и мы оказываемся бессильными»⁸². Можно ли предотвратить столкновение упомянутых двух «стихий»? Он был убежден: примирить их могло бы только безотлагательное утверждение в России конституции, т.е. «честное, откровенное, добросовестное создание правового строя»⁸³. Однако, по его мнению, шансов на развитие событий по данному «сценарию» тогда уже не существовало. «Все мы находимся под двойным давлением – военных событий, которые принимают все более решающий характер, и внутренних волнений, ко-

⁷⁶ Д. 31, л. 46 об.

⁷⁷ Д. 31, л. 47.

⁷⁸ Д. 30, л. 209 об.

⁷⁹ Д. 31, л. 334 об.-335.

⁸⁰ Д. 31, л. 395-395 об.

⁸¹ Д. 31, л. 404 об.

⁸² Д. 31, л. 520 об.

⁸³ Д. 31, л. 461.

торые все обостряются в своем напряжении»⁸⁴, – записал Голицын в сентябре 1915 г.

«Благодаря безумной реакции, которую наши чиновные слепцы принимали за твердую власть, мы сразу очутились в революции, ибо нечего скрывать – она уже началась, – констатировал он летом 1915 г. – Стало быть, у нас и "реакция", и "революция"»⁸⁵. Обозначая основные события этой революции, Голицын в августе 1915 г. высоко оценил решение московской городской думы о необходимости образовать «такое правительство, которое пользовалось бы доверием народа». В этом он видел преемственность революционной традиции. «Как это оправдывает все то, что происходило 10-летие тому назад в той же [московской городской – НХ] думе, на земских съездах, в 1-й Государственной думе!»; «Московское постановление произвело громадное впечатление, оно встрепенуло погань петроградскую. Давно пора!»; «Вслед за Москвой все города, сословия, общественные организации поднялись и высказались в еще более сильных формах»⁸⁶, – делился Голицын впечатлениями от событий августа 1915 г. Тогда же он приветствовал и образование Прогрессивного блока в IV Думе как реализацию давней мечты своих соратников о создании «конституционного центра», а в начале сентября – открытие двух съездов – общеземского и общегородского. Однако иллюзий у него не было: «Вероятно, там в верхах отнесутся к этому как слепые к картинам и глухие к музыке»; «петроградского чиновника ничем не прошибешь»⁸⁷. 20 сентября 1915 г. Голицын записал: «Из всего общественного подъема этого последнего времени не вышло ничего: Петроград на все положил свою лапу»⁸⁸.

Тем не менее сохраняя уверенность в том, что перемены не заставят себя долго ждать, он считал показательным симптомом «наэлектризованное настроение» публики, безнадежную утрату доверия общества к власти. А потому, замечал князь, «одной искры будет довольно для вспышки того, о чем у нас не думают наши мудрецы»⁸⁹. В который раз он предсказывал: «Удар, извне нам нанесенный, разрушит наш режим». При этом он не сомневался в том, что война послужила лишь «поводом, даже предлогом, а удар был подготовлен и нанесен нами самими себе»⁹⁰.

Продолжая сохранять «твердую веру» в «конечную победу наших общественных сил», Голицын указывал на источники своего оптимизма в новых условиях. Во-первых, это – заметные успехи самоорганизации русского общества в годы войны. Он верил в то, что подобная «школа воспитания» не может пройти даром. Во-вторых, сторонник прогресса, он просто не видел другого пути для России, кроме превращения ее в правовое государство. В который раз он отвечал и кри-

⁸⁴ Д. 31, л. 534.

⁸⁵ Д. 31, л. 461.

⁸⁶ Д. 31, л. 504 об.-506 об.

⁸⁷ Д. 31, л. 523 об., 526.

⁸⁸ Д. 31, л. 536.

⁸⁹ Д. 31, л. 558.

⁹⁰ Д. 31, л. 489.

тикам этой идеи – тем, кто на протяжении почти полувека продолжал твердить, что «мы не дозрели, не доросли до правового строя и политической свободы». «Когда же мы дорастем? – восклицал князь. – Известно, что лучшее средство выучиться плаванию, это броситься в воду. Лучшее средство политически дозреть, это иметь правовой строй и право участия в нем, быть гражданином в полном смысле этого слова»⁹¹.

В канун свержения самодержавия Голицын, по воспоминаниям его внука, «предвидел – куда приведет бессмысленная политика царских министров и как истинный патриот глубоко страдал»⁹². Опровергая мнение о «постановочном» характере Февральской революции, он выступил против обвинений «кадетов, прогрессистов и др. в том, что они "затеяли" переворот, когда народ не был к нему готов, и что все затеянное ими так изуродовалось. Это последнее обвинение имеет то основание, что кадеты не сумели воспользоваться моментом, когда власть была у них в руках, и оказались несостоятельными, – соглашался автор дневника. – Но первое обвинение нелепо: никто не затевал переворота, а совершил он силой вещей, роком, хотя и при деятельном содействии тех, кто в свое время не послушался кадетов и так упрямо цеплялся за прежнее, негодное, воображая, что оно может быть сохранено мерами охраны»⁹³.

В послефевральской России Голицын отмечал полную сумятицу в умах, извращение понятий о свободе и порядке. «Безумная анархия и господство черни»⁹⁴, – так он характеризовал ситуацию к осени 1917 г. Исходя из опыта истории, князь не сомневался в том, что «революция в крайнем своем развитии всегда приводит к диктатуре, ... а деспотизм и произвол, – неизбежно ведут к революции»⁹⁵.

Чем ближе к октябрю 1917 г., тем более беспросветным становилось настроение Голицына. Он не отрекся от своих взглядов, по-прежнему считал правовой строй единственным путем к спасению России. Но обстановка в стране практически не оставляла у него сомнений в том, что эта цель скрылась за горизонтом... Анализируя причины случившегося, он в который раз свидетельствовал об устойчивой закономерности: в обоих лагерях, – «монархическом, выдавшем в конституции посягательство на самые устои монархии и ставившем сторонников ее на одну доску с революционерами, и анархическом, считающем конституцию буржуазным измышлением, а сторонников ее – своими врагами», – «словно одинаково забыта Россия, а на первом плане стоят интересы классовые, партийные, личные»⁹⁶. В этом автор дневника видел угрозу для русского народа «остаться навеки под игом и в состоянии рабства»⁹⁷.

⁹¹ Д. 31, л. 600.

⁹² Голицын. Записки уцелевшего... С. 24.

⁹³ Голицын. Дневник 1917–1918 годов... С. 330.

⁹⁴ Там же. С. 97.

⁹⁵ Там же. С. 39-40.

⁹⁶ Там же. С. 50-51.

⁹⁷ Там же. С. 84.

Судя по записям сентября-октября 1917 г., он не сомневался в том, что «мы дошли до точки, когда можно ждать всяких событий, даже самых неожиданных»⁹⁸. «Кажется, что все у нас готово для диктатуры. Даже все ее ждут, но увы! Диктатора нет»⁹⁹. Кстати, на протяжении 1917 г. князь ни разу не упомянул в дневнике имя В.И. Ленина. Крайних левых он вообще не рассматривал тогда как возможных будущих властителей и организаторов России. За несколько дней до большевистского переворота Голицын заявлял: «"Крайние", заменяющие порядочных людей, очень много берут на себя, и нетрудно предугадать, что на этом-то сорвутся они, ибо не отличаются они знанием дела и способностью его вести»¹⁰⁰.

«Началась война гражданская...»¹⁰¹ – записал он 25 октября 1917 г. «Печален жребий России – перейти от убогого Николая и его хулиганов к нынешним анархистам-предателям»¹⁰², – сокрушался Голицын. При этом он отмечал черты сходства ситуации при старом и новом режиме: тесную связь власти и злоупотреблений ею, «ничтожество» личностей государственных «мужей», «несостоятельность» наших «лучших людей». Голицын называл приход к власти большевиков «естественным плодом нашего многолетнего режима», «возмездием за порчу народа, за вековое угнетение его»¹⁰³. В который раз он указывал на один из главных просчетов оппозиции: «Мы мало интересовались народом, не заботились о его духовном развитии, не знали его. ... Народ, как коллективность, беспросветно дик»¹⁰⁴. «Впрочем, – подтверждал князь свое давнее наблюдение, – и наши так называемые образованные классы были дикими в душе своей вопреки внешнему лоску. ... Я не знаю, что у нас хуже, что более дико – разнузданность обнаглевшей, варварской толпы или самодурство наших аристократов, вельмож, мнящих себя "солью земли"»¹⁰⁵. «Все мы одинаково виноваты, но и все оказались одинаково слепыми и бессознательными орудиями рока, в том числе и Николай [II]»¹⁰⁶, – заключал Голицын.

Единственным, «бесспорно, благотельным и многообещающим результатом нашей анархии» он считал «идею о федерализме», в поддержку которой он выступал задолго до 1917 г.¹⁰⁷

«Что же дальше?» – пытался Голицын прозреть будущее на исходе 1917 г. Он не разделял сожалений определенных кругов о царском режиме. По поводу призывов к восстановлению монархии замечал, что готов поддержать это только при

⁹⁸ Там же. С. 76.

⁹⁹ Там же. С. 91.

¹⁰⁰ Там же. С. 99.

¹⁰¹ Там же. С. 106.

¹⁰² Там же. С. 327.

¹⁰³ Там же. С. 125, 345.

¹⁰⁴ Там же. С. 190-191, 333.

¹⁰⁵ Там же. С. 316.

¹⁰⁶ Там же. С. 206.

¹⁰⁷ Там же. С. 180.

условии «прочной гарантии правового строя». Зная о собирании антибольшевистских сил, бывший князь не рассчитывал на их успех. «И тут опять наша вечная язва – нет людей»¹⁰⁸, – констатировал он. «Все ждут падения наших "правителей", а они и не думают уступать свое место, да и некому их столкнуть»¹⁰⁹. Голицын полагал, что «на той ниве, которая вспахана [революцией – НХ], вряд ли что создастся»¹¹⁰. Впрочем, он готов был признать, что современникам событий не дано в полной мере понять их. По его словам, «это – задача будущего»¹¹¹...

В январе 1932 г., незадолго до ухода из жизни, отвечая самому себе на вопрос о том, «какова дальнейшая судьба России и будет ли когда-нибудь ликвидирован советский режим», Голицын оставил своего рода «предсказание». Оно заключалось, во-первых, в предчувствии установления в стране «диктатуры личности, наподобие того, как это было с Наполеоном после его побед в Италии и Египте». Во-вторых, в будущем ему представлялось неизбежным падение большевистского режима, поскольку он не обладает «созидательными способностями». Причем, по его мнению, это «падение воспоследует силой инерции, ... как-то само собой, под собственной тяжестью, т.е. непригодностью к реальному окружающему миру»¹¹².

К началу 1930-х гг. Голицын и члены его семьи как «социально чуждые элементы» сполна испытали «прелести» нового режима. В 1918 г., спасаясь от голода, Владимир Михайлович и его жена, Софья Николаевна (урожд. Делянова), покинули Москву и поселились в Богородицке (Тульской губ.), в семье дочери, Веры Владимировны Бобринской. В конце того же года Голицын, его сын и два зятя были арестованы. Их перевезли в Москву и вскоре освободили. Тогда сыграло роль заступничество председателя исполкома Моссовета Л.Б. Каменева. В начале 1919 г. он лично встретился со старшим членом семейства, после чего Владимир Михайлович получил (в память заслуг перед москвичами) своего рода «охранную грамоту».

До 1922 г. Голицын оставался в Богородицке, трудился там одно время библиографом в местном отделе народного образования, затем – вернулся в Москву. Он все чаще ощущал себя «реальным обломком того времени», которое для нового поколения имело «характер чего-то легендарного, исторического». Отрадой для него было воскрешение в мыслях череды «призраков» давным-давно исчезнувших людей и событий, повествование о своем прошлом. Работа над воспоминаниями и ранее помогала Голицыну хоть ненадолго отрешиться от окружающей действительности... Радовала его и возможность обращения к заинтересованной читательской аудитории со своими рассказами о былом¹¹³.

¹⁰⁸ Там же. С. 339.

¹⁰⁹ Там же. С. 284.

¹¹⁰ Там же. С. 112.

¹¹¹ Там же. С. 118.

¹¹² Там же. С. 354.

¹¹³ См.: Голицын В.М. Московский университет в 60-х годах. [Первые впечатления. Профессора. Студенты, дело Нечаева. Общественная жизнь Москвы. Университет в 60-е гг.] // Голос

В 1925 г. Владимир Михайлович овдовел. Он тяжело пережил утрату жены, с которой прожил более полувека (в 1921 г. они отметили «золотую» свадьбу). 1929 год был ознаменован очередным ударом судьбы: Голицына лишили избирательных прав и выселили из столицы. Последние его «прибежища» – Сергиев Посад (у дочери – Елизаветы Владимировны Трубецкой), с лета 1931 г. – Дмитров (в семье сына Михаила). В новых обстоятельствах, заметно «сдавший» физически, Владимир Михайлович тем не менее старался внести посильный вклад в обеспечение семьи. По заказам издательств он (вместе с сыном) занимался литературными переводами, не отказываясь и от случайных заработков¹¹⁴. Скончался Голицын от воспаления легких, был похоронен в с. Подлипечье под Дмитровом, на кладбище возле церкви Иконы Божией Матери Казанской (могила не сохранилась).

* * *

Раздумья Голицына о судьбе России на рубеже XIX-XX вв. имеют особую ценность. Представитель истинной национальной элиты, нерядовой участник общественно-политических событий, он принадлежал к редкой «породе» деятелей. Человек не суеты, но сути, он тщательно оберегал свою независимость, сумел избежать излишней политизированности и в то же время сохранить до конца верность либеральным убеждениям, которые «выросли» непосредственно из его жизненного опыта. Все это, по нашему мнению, дает основание с доверием относиться к наблюдениям и выводам Голицына. В определенной мере показателем степени объективности автора дневника могут служить его прогнозы развития ситуации, которые нередко (хотя и не всегда) – попадали в цель. В этой связи представляет интерес, в частности, трактовка Голицыным революции в России как процесса, который развивался на протяжении длительного времени, вовсе не ограничиваясь хронологическими рамками 1905-1907 гг. и известными событиями-

минувшего. 1917. № 11-12. С. 173-240; Его же. Москва в семидесятых годах // Голос минувшего. 1919. № 5-12. С. 111-162; Его же. Мои театральные воспоминания // Временник Русского театрального общества. Кн. I. М., 1924. С. 31-90; Его же. Старая Москва [о Москве 1850 – 60-х гг.] / публ. В.Ф. Молчанова // Записки Отдела рукописей Российской государственной библиотеки. Вып. 51. М., 2000. С. 147-193.

¹¹⁴ Один из таких эпизодов (получение Голицыным «солидного гонорара» в период жизни в Дмитрове) описан в воспоминаниях С.М. Голицына: «Директор Литературного музея, известный революционер, сподвижник Ленина Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич приобрел у кого-то из бывших людей толстый альбом с фотографиями шестидесятых годов. А кто такие были расположенные по страницам господы и дамы – оставалось неизвестным. Альбом в темно-синей бархатной корке был доставлен в Дмитров, и дед с увлечением принялся за работу. Он не только называл каждого и каждую по имени, отчеству и фамилии, но и рассказывал о них различные, иногда очень длинные, иногда со скабрёзными подробностями истории. ... Сейчас в книгах, посвященных Пушкину, постоянно приводится фотография его жены Наталии Николаевны в старости. Сидит почтенная дама в кресле. Фотография эта была из того альбома, и разгадал ее мой дед» // Голицын С.М. Записки уцелевшего... С. 558.

ми 1917 г. Очевидно, что спустя более чем сто лет мудрый взгляд Голицына на все им пережитое и осмысленное противостоит облегченным картинам прошлого (столь распространенным ныне), побуждает к размышлениям о причинах устойчивых закономерностей в отношениях между властью и обществом. Можно предположить, что его «рецепты» спасения России еще долго будут сохранять свою актуальность.

Игорь Волгин

Судьба Алёши Карамазова: Фёдор Достоевский у истоков русской революции

26 мая 1880 года в одесской газете *Новороссийский телеграф* появилось следующее сообщение: «...из кое-каких слухов о дальнейшем содержании романа (*Братья Карамазовы – И.В.*), слухов, распространившихся в петербургских литературных кружках, я могу сказать... что Алексей делается со временем сельским учителем и под влиянием каких-то особых психических процессов, совершающихся в его душе, он доходит даже до идеи о цареубийстве»¹. Безымянный автор (он подписался буквой Z) не только косвенно подтверждает дневниковую запись Суворина, но даже «усиливает» ее: не просто «политическое преступление», а «идея о цареубийстве». Отсюда понятно суворинское «его бы казнили» (ибо если Z говорит лишь об идее, то Суворин – о «политическом преступлении» как о совершившемся факте).

Поразительно, что крупная легальная газета в мае 1880 года осмелилась сообщить читателям столь пикантные подробности. Не менее поразительно, что произошло это ещё при жизни Достоевского, – и теоретически можно допустить, что данная публикация была ему известна².

Разумеется, Достоевский не одобрил бы способ действий, избранный его любимым персонажем. Но перестал бы он любить его? Это очень сомнительно. Тот факт, что тягчайшее политическое преступление призван был совершить «ранний человеколюбец», герой, обладающий исключительными моральными качествами, – этот факт в высшей степени знаменателен. «Лучший», «избранный» по этической шкале Достоевского совершал «худшее» по шкале юридической, государственной, да и человеческой тоже.

Надо полагать, Победоносцев (как частное лицо) ужаснулся бы, узнай он о творческих намерениях Достоевского. Но для обер-прокурора Святейшего Синода (а к маю 1880 года Победоносцев уже стал таковым) подобная развязка рома-

¹ В своей работе «Путь Алексея Фёдоровича Карамазова» Д.Д. Благой высказывает предположение, что источником этих слухов и даже автором заметки мог быть сам Суворин. Если это так, то возможность знакомства с ней Достоевского становится ещё более вероятной. Однако серьёзным аргументом против авторства Суворина служит сам текст статьи, мало напоминающий суворинские тексты. Не был ли автором петербургский журналист И.Ф. Василевский («Буква»)? Именно он представлял *Новороссийский телеграф* на Пушкинском празднике в Москве и, очевидно, являлся петербургским корреспондентом газеты. Второй «кандидат» – В.П. Буренин, ближайший и, очевидно, хорошо информированный сотрудник Суворина. Один из его криптонимов – Z.

² *Новороссийский телеграф*. 1880. № 1578 (Журнальные заметки).

на вдвойне неприемлема. Среди революционеров было немало выходцев из духовной среды, семинаристов и т.п. Однако бывший послушник (то есть лицо, готовящее себя к монашескому служению) в роли царевубийцы – случай беспрецедентный, наносящий тяжкий удар по авторитету Церкви.

Что бы ни совершил Алёша Карамазов в своем романном будущем, сомнительно, чтобы эти поступки были бы способны уничтожить его личное обаяние, поставить под сомнение изначальную чистоту его нравственной природы и тем самым лишить его читательских симпатий. Такова художественная логика самого романа. И «нынешний» и «будущий» Алексей Фёдорович Карамазов по своему психологическому складу не имеет и не может, конечно, иметь ничего общего с Петром Степановичем Верховенским, с Нечаевым или нечаевцами – с «бесами».

Для Нечаева революция – своего рода искусство для искусства: она не только может использовать человека как слепое орудие своих «высших» интересов, она «выше» нравственности вообще. Мнимая прикосновенность «наших» («бесы») к таинственному миру конспиративных «пятёрок» очень льстит их провинциальному самолюбию и служит своего рода средством для изживания их психологических комплексов. Иное дело – Алёша.

Сколько продолжений у *Братьев Карамазовых*?

Но пора процитировать дневниковую запись А.С. Суворина полностью: «Он хотел его провести через монастырь и сделать революционером. Он совершил бы политическое преступление. Его бы казнили. Он искал бы правду и в этих поисках, естественно, стал бы революционером»³. Так излагается А.С. Сувориным (в его дневниковой записи 1903 года) один из неосуществлённых планов продолжения *Братьев Карамазовых*. До сих пор этих задуманных планов было известно пять. Нам хотелось бы указать ещё на один.

Упоминание о нём встречается у того же А.С. Суворина – в его широко известных воспоминаниях. Причём если приводимая выше дневниковая запись сделана многие годы после смерти Достоевского, то воспоминания опубликованы «по свежим следам» – в день похорон писателя. «Алёша Карамазов, – пишет Суворин в *Новом времени*, – должен был явиться героем следующего романа, героем, из которого он (Достоевский – *И.В.*) хотел создать тип русского социалиста, не тот ходячий тип, который мы знаем и который вырос вполне на европейской почве...»⁴.

Оба суворинских свидетельства (дневниковое и газетное) всегда принимались за высказанную двукратно одну и ту же версию продолжения *Братьев Карамазовых*. «...В одном и очень существенном, – замечает Д.Д. Благой, – заметка в

³ См. в кн.: Благой Д. От Кантемира до наших дней. М., 1979. С. 349.

⁴ Незнакомец. О покойном // Новое время. 1881. 1 февраля.

Новом времени и дневниковая запись полностью совпадают: Алёша становится революционером»⁵. Нам кажется, что совпадения здесь нет и в помине. Сравнительная дневниковую запись Суворина с его воспоминаниями, Д.Д. Благой пишет: «Естественно, что такое гласное сообщение (то есть публикация воспоминаний в *Новом времени* – И.В.) имело более приглушённый характер (ведь не прошло и трёх месяцев после убийства царя) по сравнению с записью в *Дневнике*, который Суворин писал не для печати, а для себя и для истории. Потому же он скрыл и свое авторство под псевдонимом "Незнакомец"»⁶.

В этих двух утверждениях содержатся две существенные ошибки. Во-первых, как мы уже говорили, воспоминания Суворина были опубликованы 1 февраля 1881 года: то есть не только «не прошло и трёх месяцев после убийства Царя», как полагает Благой, но ещё оставался целый месяц до такового⁷. Во-вторых, Суворину не было никакой надобности «скрывать» свое авторство. Вся читающая Россия знала, что Незнакомец и Суворин – одно и то же лицо: уже много лет это ни для кого не являлось секретом. Таким образом, соображения, указывающие на желание Суворина «приглушить» известную ему версию, автоматически отпадают. Просто он обнародовал лишь одну из них.

В то время как версий было две. Действительно – в первом случае (в *Дневнике*) будущий Алёша, по логике вещей, именно тот самый «ходячий тип», который способен совершить «политическое преступление». Он идёт по тому же пути, что и его предшественники. И – с тем же результатом. «Его бы казнили». Во втором случае (в воспоминаниях) – Алёша «русский социалист», то есть социалист в духе самого Достоевского. Следовательно, он за «русское (то есть – нравственное) решение вопроса», при котором ни о каком «политическом преступлении» как будто не может быть и речи.

Таким образом, А.С. Суворин говорит не об одном, а фактически о двух различных продолжениях *Братьев Карамазовых*. И каждое из них противоречит другому. Либо Суворин что-то напутал, либо здесь не было никакого противоречия. Чистейшая душа, «ранний человеколюбец», казалось бы бесконечно далекий от забот и треволнений русской революции, естественно должен был ступить на её тернистый путь. «Его бы казнили». Он разделит бы участь Каракозова, Дубровина, Соловьёва. При кажущейся множественности альтернатив реальный исход был только один.

Решил ли «для себя» сам создатель *Братьев Карамазовых*, какой именно путь уготован его герою? Ответить на этот вопрос крайне затруднительно. Известно, что у Достоевского сюжетные замыслы в процессе своего романного воплощения претерпевали самые различные метаморфозы. Поэтому о планах реализации того или другого из них следует говорить очень осторожно и – в сослагательном

⁵ Благой. От Кантемира до наших дней. С. 349.

⁶ Там же.

⁷ Ошибка исследователя вызвана тем, что он называет неверную дату публикации статьи Суворина: дается ссылка на *Новое время* от 26 мая 1881 года, а не от 1 февраля.

наклонении. Во всяком случае, автора серьёзно занимали те два варианта, которые в своё время были сообщены Суворину. Но – только ли Суворину?

К воспоминаниям Суворина

В четверг 29 января 1881 года (то есть на следующий день после смерти Достоевского) двадцатипятилетний студент Академии художеств И.Ф. Тюменев записывает в дневнике: «Мне кажется, скончайся теперь Тургенев, Гончаров, Островский, никого бы не было так жалко, как именно, Фёдора Михайловича, который только что начал завладевать вниманием общества, только что крайне заинтересовал всех своими «Карамазовыми», только приготовился повествовать дальше о судьбе Алёши, этого, по его намерению, нового русского Евангельского социалиста...»⁸.

Тюменев, говоря о «русском евангельском социалисте», фактически повторяет приведённое выше свидетельство Суворина (с добавлением слова «Евангельский»). Однако – повторяет ли? Ведь запись Тюменева помечена 29 января; воспоминания же Суворина «О покойном» появятся в печати только через два дня – 1 февраля. Откуда же Тюменеву, человеку лично с писателем незнакомому, стали известны его скрытые художественные намерения?

В самом тексте романа нет прямых указаний на «Евангельский социализм» Алёши (а есть только ясно выраженное желание продолжить роман). Следовательно, Тюменев воспользовался какими-то иными источниками. Ими могли быть литературные слухи, суждения о романе в периодической печати, либо, наконец (этого нельзя полностью исключить), – заявления самого Достоевского на литературных вечерах⁹.

Уже после смерти Достоевского в *Литературном журнале*, издававшемся при газете *Новое время*, была помещена статья В.К. Петерсена (подписанная псевдонимом «Оникс») – «Вступление к роману *Ангела*». «По словам покойного, – пишет автор, – Алексей Карамазов должен был выразить положительный тип детолюбца-христианина, совершенно чистого сердцем»¹⁰. Спрашивается: откуда Петерсен почерпнул эти сведения?

В краткой заметке «От автора», предваряющей роман, ни словом не упоминается ни о «детолюбце-христианине», ни вообще о каких-либо других достоинствах будущего Алёши Карамазова. Поэтому выражение Петерсена «по словам покойного» следует, кажется, понимать буквально: имеется в виду не авторское

⁸ Литературное наследство. Т. 86. М., 1973. С. 335.

⁹ Допустимо, впрочем, ещё одно предположение: запись Тюменева за 29 января сделана им не в этот день, а несколько позднее, когда автор уже ознакомился со статьей Суворина в *Новом времени*.

¹⁰ Литературный журнал. 1881. № 7. Стб. 609.

(романное) слово, а живая речь самого Достоевского, то есть устное высказывание. Но как бы там ни было, в 1881 году версия об Алеше – христианском социалисте (версия, опирающаяся главным образом на внероманные источники) не оставалась секретом для широкой публики.

Впрочем, обсуждались и другие варианты. В своих воспоминаниях Л.И. Веселитская (В. Микулич) рассказывает, что осенью 1880 года, будучи в гостях у старой приятельницы писателя Елены Андреевны Штакеншнейдер, она разговорилась с ней о Достоевском. «А как его здоровье?» – «Плохо. Он часто хворает и много работает. Он продолжает Карамазовых. Теперь будет падение Алёши»¹¹.

Это важное свидетельство никогда не отмечалось исследователями. Правда, в нём содержится одна неточность: осенью 1880 года у Достоевского не было намерения немедленно продолжать *Карамазовых*. Он решил сделать двухлетний перерыв. Таким образом, Е.А. Штакеншнейдер сообщает В. Микулич не о работе над продолжением романа, а скорее всего о планах этого продолжения.

Указание Штакеншнейдер на будущее «падение» Алёши как будто подтверждает еще одну из дошедших до нас версий: пробуждение в Алёше карамазовского начала, его роман с Грушенькой и т.д. Не исключено, что именно это и имелось в виду. Но слово «падение» у Микулич никак не прокомментировано. Поэтому, наряду с падением в его *романтическом* смысле, можно представить и другое: падение как гражданский и жизненный крах, как политическую катастрофу. Во всяком случае, такое предположение нельзя полностью игнорировать.

Итак, ещё при жизни Достоевского наблюдается одновременное бытование разных версий «второго» романа. Естественно спросить: уж не сам ли Достоевский способствовал распространению этой – достаточно разноречивой – информации? Теперь у нас есть основания полагать, что именно так оно и было. Более того: можно вообразить, когда и при каких обстоятельствах один из интересующих нас вариантов (а именно – с «Евангельским» Алёшей) был сообщён Суворину.

Свидетельство Софьи Ивановны

Сравнительно недавно были опубликованы дневниковые записи забытой ныне писательницы Софьи Ивановны Смирновой (по мужу – актёру Александрийского театра – Сазоновой). В 1880 году Смирновой-Сазоновой было двадцать восемь лет. «Фёдор Михайлович, – замечает Анна Григорьевна, – был дружен с Софьей Ивановной Смирновой и очень ценил её литературный талант»¹².

29 февраля 1880 года, в первой половине дня, Достоевский посетил Софью Ивановну, которая, между прочим, сообщила ему, что, занятая своими делами,

¹¹ Микулич В. Встреча со знаменитостью. М., 1903. С. 21.

¹² Достоевская А.Г. Воспоминания. М., 1971. С. 290.

она не сможет быть вечером у Суворина (там справлялось четырехлетие *Нового времени*). Достоевский уехал. После него явился Суворин – и принялся уговаривать. Она пообещала и писала, что Суворин очень был рад, целовал ей руки. Если бы это только было возможно, то и нам, любопытствующим читателям чужих дневников, вовсе не грех «целовать руки» Софье Ивановне: благодаря её тогдашнему согласию мы ныне обладаем свидетельством высокой важности.

Они вновь встретились вечером. За поздней трапезой Софья Ивановна сидела между Достоевским и Сувориным и таким образом была невольной свидетельницей (а скорее всего – и участницей) их беседы. «Достоевский удивлён моему приезду. За ужином говорил Суворину про себя, что он русский социалист и что напрасно это просмотрели в 1-й части *Братьев Карамазовых*, где он это высказывал, объясняя, в чём состоит русский социализм...»¹³.

Достоевский усиленно подчёркивает, что он – «русский социалист». И это настоятельное указание перекликается с глухим (нерасшифрованным) признанием того же Суворина: «Политические идеалы Достоевского, мимоходом сказать, были широки, и он не изменил им со дней своей юности»¹⁴. «Мимоходом» говорит о том же и первый биограф Достоевского Орест Фёдорович Миллер: «...социалистом в широком человеческом смысле этого слова он никогда не переставал быть».

Если Достоевский и «рenegат революционного дела» (Степняк-Кравчинский), то следует согласиться, что это «рenegатство» носит не совсем обычный характер. Убеждённый противник революции (и всех форм революционного насилия), он вместе с тем остается искренним приверженцем её «высших» (то есть «евангельских») целей¹⁵. Он хотел воплотить свою веру в жизненном подвиге Алёши Карамазова и его судьбой указать путь: найти альтернативу своему собственному – «его бы казнили». Но тут возникало одно непреодолимое затруднение.

Непреодолимое затруднение

Такого Алёши еще не существовало в природе. Этот духовный тип (так полагал Достоевский) лишь намечался в действительной жизни. Те же «русские социалисты», которые *были*, – шли прямой дорогой на эшафот. «Но братья явились бы несомненными деятелями социализма, – пишет уже упоминавшийся нами Петерсен. – Иван вышел бы подстрекателем, мрачным фанатиком идеи перестроить

¹³ Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1980. С. 275-276.

¹⁴ Новое время. 1881. 1 февраля.

¹⁵ Об этом см. подробнее в нашей работе: Доказательство от противного // Вопросы литературы. 1976. № 9. См. также: Волгин И. Возвращение билета: парадоксы национального самознания. М., 2004. С. 196-230.

заново мир...»¹⁶. Эти соображения, хотя и высказанные в достаточно грубой форме, не так уж неосновательны.

Перед автором *Братьев Карамазовых* вставала дилемма: либо создать ещё один идеальный образ (своего рода «Идиота» русской революции: именно так несколько раз именуется Алёша в черновых набросках к роману), либо воплотить в будущем Алёше те реальные человеческие судьбы, с трагическими развязками которых современники сталкивались на протяжении последних лет. «Его бы казнили». Очевидно, оба замысла существовали параллельно. И эти творческие колебания нашли отражение в двух разных версиях, приводимых Сувориным. Но не могут ли параллельные (как это бывает у Достоевского) в конце концов пересечься?

На первый взгляд может показаться, что замысел об Алёше, совершающем «политическое преступление» (назовём его условно версией Суворина / Z), возник позже, чем замысел о «русском Евангельском социалисте». Работа над романом начинается в 1878 году (хотя задумывается он, естественно, раньше). По времени это совпадает с началом жестокого и кровавого противостояния между правительством и революционным подпольем. В 1878 году подобные проявления носят ещё единичный и разрозненный характер (одна смертная казнь за год). Последующие годы (1879–1880) дают мощный всплеск обоюдного террора. На этот период приходится наибольшее количество покушений (в том числе – четыре попытки цареубийства) и соответственно – самая высокая за весь XIX век цифра смертных казней (двадцать одна).

Нет ничего невероятного в том, что будущий Алёша «доходит даже до идеи о цареубийстве»: идея, как говорится, носилась в воздухе. «...Жизнеописание-то у меня одно, – сказано в авторском предисловии, – а романов два. Главный роман второй – это деятельность моего героя уже в наше время, именно в наш теперешний текущий момент»¹⁷.

«Текущий момент» (то есть 1878–1880 годы) давал автору обильный материал для предпочтения одной из версий. Подпольщик-террорист (он же в большинстве случаев – смертник) становится едва ли не самой значительной фигурой русской политической жизни. Действительность вносила свои коррективы в творческие планы Достоевского.

Повторяем: так может показаться. Ибо на деле получается, что действительность не столько корректировала, сколько *подтверждала* его творческие намерения. Не исключено, что мысль об Алёше-цареубийце присутствовала у Достоевского с самого начала.

¹⁶ Литературный журнал. 1881. № 7. Стб. 609.

¹⁷ Достоевский Ф.М. ПСС в 30-ти тт. Т. 14. Л., 1974. С. 6.

Ряд совпадений

Об этом, прежде всего, свидетельствует подмеченное в своё время Л.П. Гроссманом сходство фамилий Карамазов – Каракозов¹⁸. Но кроме фонетического сходства можно было бы указать и на иные – не менее значимые – созвучия.

В черновом наброске так и не завершённого предисловия к *Бесам* сказано: «В Кириллове народная идея – сейчас же жертвовать собою для правды. Даже несчастный, слепой самоубийца 4 апреля в то время верил в свою правду (он, говорят, потом раскаялся – слава Богу!) и не прятался, как Орсини, а стал лицом к лицу»¹⁹. Итак, в предисловии к *Бесам* должен был упоминаться Каракозов! Более того: его поступок так или иначе связывался с «народной идеей». Это было невероятно; напечатать такое было бы невозможно. Не потому ли предисловие так и осталось недописанным?

Далее в наброске следовало: «Жертвовать собою и всем для правды – вот национальная черта поколения. Благослови его Бог и пошли ему понимание правды. Ибо весь вопрос в том и состоит, что считать за правду»²⁰. В самом романе эта идея не получила ощутимого развития. Но через десять лет у Достоевского звучит что-то очень знакомое: «...он был юноша отчасти уже нашего последнего времени, то есть честный по природе своей, требующий правды, ищущий её и верующий в неё, а уверовав, требующий немедленного участия в ней всею силой души своей, требующий скорого подвига, с непременным желанием хотя бы всем пожертвовать для этого подвига, даже жизнью»²¹.

В характеристике Алёши Карамазова почти дословно воспроизведено то, что уже говорилось ранее в незаконченном предисловии к *Бесам*. Ради «скорого подвига» Алёша готов пожертвовать «даже жизнью». В свете версии Суворина / Z эти слова звучат многозначительно. Правда, несколько дальше содержится намёк совершенно иного рода, указующий как будто на первую суворинскую версию (изложенную в его воспоминаниях): «Алёша избрал лишь противоположную всем дорогу, но с тою же жаждой скорого подвига»²². «Противоположная всем дорога» – это и есть «русский социализм». По-видимому, начиная ро-

¹⁸ См.: Гроссман Л. Достоевский. М., 1965. С. 569-572. Правда, на это указывал ещё Страхов, добавляя, что Иван (а не Алёша) «должен был выйти на дорогу политического преступника и совершить какое-нибудь страшное покушение». Это чрезвычайно любопытное свидетельство, подтверждающее структурную роль «страшного» политического преступления в планах «второго» романа. Конечно, у Ивана Федоровича Карамазова имеется несравнимо больше шансов на амплуа политического преступника, нежели у его брата Алёши. Такое романное решение было бы «логичным» и художественно обоснованным. Однако оно не содержало бы тех парадоксальных возможностей, которые, как будет показано ниже, открывались в случае реализации версии Суворина / Z.

¹⁹ См.: Русь. 1883. 6 января.

²⁰ Достоевский Ф.М. ПСС в 30-ти тт. Т. 11. Л., 1974. С. 303.

²¹ Там же. Т. 14. С. 30.

²² Там же. Т. 14. С. 25.

ман, его автор ещё не остановился окончательно ни на одном из вариантов продолжения. Алёше оставлялся шанс.

Казалось бы, оба предполагаемых варианта обладают примерно одинаковыми потенциальными возможностями. Но в романе имеется ещё одно (причем капитальное) указание на вероятность именно трагической развязки. Как ни странно, оно до сих пор не было учтено. Это – эпитафия.

Диалог эпитафий

«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода» (Иоан. 12:24). Эпитафией взяты слова Евангелия от Иоанна. Но если исходить только из текста романа, их смысл не вполне ясен. «Эти слова, – пишут комментаторы Полного собрания сочинений Достоевского, – ...выражают надежду писателя на грядущее обновление и процветание России (и всего человечества), которое должно наступить вслед за всеобщим разложением и упадком»²³.

Что ж, это приемлемое, но, думается, далеко не достаточное объяснение. Во-первых, «разложение и упадок» (в том смысле, в каком их понимают комментаторы) еще не есть *смерть*, а скорее – некое неполноценное, ослабленное существование. Однако четвертое Евангелие подразумевает не ослабление жизни, а её уничтожение, прекращение данной формы бытия. Падшее в землю зерно не «разлагается» и не «приходит в упадок», а – умирает: только смерть и ничто иное кладет начало новой, возрожденной жизни. Поэтому «обновление» (и, если угодно, даже «процветание») мыслится именно как возрожденное, а не преобразованное бытие.

Разумеется, вселенский смысл слов Евангелия от Иоанна бесконечно шире и глубже тех возможных аллюзий, которые применимы к каким бы то ни было частным ситуациям. Пшеничное зерно «достигает цели» лишь «смертью смерть поправ». Это – реальность *Нового Завета*. Однако в метафизическом смысле таким «зерном» можно почтить не только Алёшу Карамазова, но и самого автора романа, который на эшафоте *пережил* свою смерть и духовно воскрес.

Но воскресение требует искупительной жертвы. Представляется, что эпитафия к *Братьям Карамазовым* относится не только к известному нам тексту романа, но и ко всей предполагаемой диалогии в целом. Тогда становится ясен его сокровенный смысл: гибель Алёши на эшафоте есть искупление. «Много плода» даёт-ся гибелью главного героя²⁴.

²³ Там же. Т. 15. С. 523 (Примечания).

²⁴ В тексте романа слова эпитафии повторяются Зосимой. На вопрос Алёши, почему старец поклонился Мите, тот отвечает, что провидит его судьбу: «Послал я тебя к нему, Алексей, ибо думал, что братский лик твой поможет ему. Но всё от Господа и все судьбы наши. (Далее сле-

Но если так, тогда эпитафия к *Братьям Карамазовым* вступает в сложные отношения с другим эпитафием – к другому роману: «Тут на горе паслось большое стадо свиней, и они просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, вышедшие из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло. Пастухи, увидя случившееся, побежали и рассказали в городе и по деревням. И вышли жители смотреть случившееся и, пришедши к Иисусу, нашли человека, из которого вышли бесы, сидящего у ног Иисусовых одетого и в здравом уме, и ужаснулись. Видевшие же рассказали им, как исцелился бесноватый» (Лк.8:26-39).

Исцеление бесноватого есть *чудо*. Он внешним образом избавляется от своего внутреннего недуга. В том, что его оставляют бесы, нет его собственной, личной заслуги. Бесы вселяются в нечистых животных – и последние гибнут. Это – языческое жертвоприношение.

Сюжет, который приводится в Евангелии от Луки, не имеет ничего общего с притчей, изложенной в Евангелии от Иоанна. Между тем цитаты из обоих источников – в контексте поздней романистики Достоевского – втягиваются в напряжённый диалог: они не только дополняют, но и оспаривают друг друга. «Россия выблевала вон эту пакость, которую её окормили, и уж, конечно, в этих выблеванных мерзавцах не осталось ничего русского»²⁵, – пишет Достоевский Майкову 9/21 октября 1870 года, объясняя идею будущего романа.

Что же, может быть, в Петре Верховенском и нет «ничего русского» (хотя это весьма сомнительно: ведь сам он – закономерное порождение русской жизни). Однако подобное утверждение уж никак не приложимо к Алёше Карамазову. Правда, то преступление, которое он собирается совершить, по своей идейной и юридической тяжести (и, если угодно, по своей «нерусскости») не идёт ни в какое сравнение с убийством Шатова: оно неизмеримо «страшнее». Но, согласно художественной логике обоих романов, вина «бесов» в «рядовом» преступлении перетягивает предполагаемую вину Алёши в преступлении экстраординарном. Ибо нравственные истоки этих деяний различны. Убийство Шатова есть результат расчёта, лжи, гнусной интриги. Его кровью хотят скрепить «наших». При этом убийцы если и рискуют, то относительно: во всяком случае, не жизнью (по законам Российской империи за уголовное убийство не назначалось смертной казни).

То, что, согласно версии Суворина / Z, должен был совершить Алёша, с точки зрения государства являлось прямым покушением на само государство: это была бы тягчайшая, не заслуживающая ни малейшего снисхождения вина. Вина, тре-

дует текст эпитафии.– *И.В.*) Запомни сие... Мыслью о тебе так: изыдешь из стен сих, а в миру пребудешь как инок». Не исключено, что слова эпитафии могут частично относиться и к Дмитрию Карамазову. Однако поскольку главным героем, как сказано в авторском предисловии, является Алёша и прямо к нему обращены слова «запомни сие», то, надо полагать, именно *его* судьбу предрекает Зосима. Знаменательно, что эпитафия повторяется при отсылке Алексея в *мир*.

²⁵ Достоевский Ф.М. ПСС. Т. 29. Кн. I. С. 145.

бующая предельной кары. Но, как мы уже говорили, даже *такое* преступление не могло бы коренным образом изменить читательского отношения к главному герою *Братьев Карамазовых*. Так же как убийство Раскольниковым старухи-процентщицы не лишает его окончательно ни авторских, ни читательских симпатий. Убийство всегда (кроме случая защиты *от* убийцы) отвратительно Достоевскому. И в плане этическом для него совершенно безразлично, кто является жертвой: Шатов, Алёна Ивановна или русский царь.

Алена Ивановна и русский царь

Но в двух последних случаях (Алена Ивановна и Александр II) присутствует некая общая черта. Поступок Раскольникова есть такое же *теоретическое* преступление, как и цареубийство. Причём оба эти акта идейно бескорыстны (во всяком случае, в первом приближении). И Раскольников, и, очевидно, будущий Алёша Карамазов разрешают себе «кровь по совести». «Какой удар, бесценный Лев Николаевич, – пишет Страхов Толстому через несколько дней после удавшегося наконец покушения на русского царя. – ...Бесчеловечно убили старика, который мечтал быть либеральнейшим и благодетельнейшим царем в мире. *Теоретическое убийство*, не по злобе, не по реальной надобности, а потому что *в идее* это очень хорошо (подчёркнуто нами – *И.В.*)»²⁶.

Это письмо написано примерно через месяц после другого послания, в котором Страхов извещал Толстого о смерти Достоевского. На сей раз имя Достоевского не упомянуто: однако проблема *Преступления и наказания* налицо. «Нужны ужасные бедствия, – продолжает Страхов, – опустошения целых областей, пожары, взрывы целых городов, избиение миллионов, чтобы опомнились люди. А теперь только цветочки»²⁷.

Удивительно: казнь российского императора вызывает у Страхова цепь ассоциаций, очень схожих с теми, какие возникают в эсхатологическом сне Раскольникова на каторге, после убийства им вдовы-чиновницы. То, о чём говорит Страхов, – это переключка с соответствующим местом *Преступления и наказания*. Убийство Алены Ивановны было написано за несколько месяцев до первой попытки цареубийства. Всего же при жизни Достоевского их было шесть. Эти попытки действовали на него угнетающе. В возможной насильственной гибели монарха, «по доброй воле» освободившего двадцать пять миллионов подданных, он усматривал конкретное политическое зло.

По мысли Достоевского, реформа 1861 года создала исторический прецедент исключительной важности. Она явила пример добровольного отказа от вековой исторической несправедливости, мирного разрешения грозящего страшными

²⁶ Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870–1894. СПб., 1914. С. 268.

²⁷ Там же.

бедствиями социального конфликта. В этом смысле освобождение крестьян было как бы первым шагом к «русскому решению вопроса»: проведённая сверху акция *намекала* на возможность созидания такого миропорядка, который будет основан на справедливости – и только на ней.

Насильственная гибель Александра II, с личностью которого Достоевский связывал и крестьянское освобождение, и возможность дальнейших – не менее радикальных – реформ, такой исход мог бы, по его мнению, означать конец (или, по крайней мере, существенную отсрочку) его собственных глобальных предположений. Тем знаменательнее, что совершить это должен был его любимый герой²⁸.

Достоевский ненавидел террор и не знал никаких ему оправданий. Но понимал также, что болезнь глубоко поразила Россию, захватив таких «чистых сердцем» юношей, как Алёша Карамазов. Скажем больше: предчувствие того, что в революцию ринутся в первую очередь идеалисты, – эта угадка *даёт ключ* к пониманию трагических потрясений XX века.

Существует мнение, что Достоевский не имеет никакого касательства к проблемам русской революции («как будто у революции могут быть высшие нравственные цели», – брезгливо бросает один автор, очевидно, не подозревая о том, что без наличия таковых ни одна Бастилия в мире не шелохнулась бы)²⁹. «Бесы вышли из русского человека, – писал Достоевский Майкову в 1870 году, – и вошли в стадо свиней, т.е. в Нечаевых, в Серно-Соловьёвичей и проч. Те потонули или потонут наверно, а исцелившийся человек, из которого вышли бесы, сидит у ног Иисусовых»³⁰. Так не случилось.

Жертва и искупление

К концу десятилетия обнаружилось, что русская революция не пошла по нечаевскому пути. Напротив: в рядах её приверженцев ещё резче обозначилась та самая «национальная черта поколения», которую он пророчески угадал десять лет назад. Можно было изгнать бесов *из* русского человека. Но нельзя было изгнать *самого* русского человека.

²⁸ Так как действие второй части дилогии должно было разворачиваться в самом конце 70-х годов, понятно, что предполагаемое покушение Алёши могло прийтись только на период продолжающегося царствования Александра II. Само собой разумеется, что покушение должно было окончиться неудачей: ведь не мог же Достоевский при ещё живом царе изобразить его гибель!

²⁹ Белов С.В. «Гений и злодейство – две вещи несовместные» // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб., 1993. С. 14-19. См. также: Волгин. Возвращение билета. С. 574.

³⁰ Достоевский Ф.М. ПСС. Т. 29. Кн. I. С. 145.

Спасти себя мог только он сам. От русской революции уже нельзя было «отделаться» языческим жертвоприношением: утопив свиней в озере. Искупительная жертва Алёши Карамазова должна была знаменовать, что ради разрешения главного вопроса русской жизни – «что считать за правду» – на заклятие приносятся избранные из избранных. Эпиграф к *Братьям Карамазовым* вступал в тайное противоборство с эпиграфом к *Бесам*.

Алеше Карамазову было суждено «перетащить на себе» исторический опыт двух последних десятилетий. Он мог обрести художественный авторитет не проповедью «евангельского социализма» (и вообще не проповедью: вроде той, какую он произносит у Илюшиного камня), а только делом. Колю Красоткина и других «русских мальчиков» нельзя было уговорить. Но их еще можно было *убедить* – ценой собственной гибели. «А если умрёт, то принесет много плода» (Иоан. 12:24). Смерть Алёши на эшафоте и должна была стать его *делом*.

Самое поразительное, что подобный исход мог быть одновременно и подтверждением другой романной версии – о «русском социалисте». Параллельные должны были в конце концов пересечься. Предполагалось «безумное» художественное решение. Алёша второго романа должен был умереть именно за ту идею, которую, согласно «сверхзадаче» этого романа, он призван был опровергнуть. Но такие идеи не опровергаются словом. С ними можно спорить только жизнью.

Как и Родион Раскольников, Алексей Карамазов проводил эксперимент на себе. Для развенчания теории Раскольникова потребовалась судьба Раскольникова. Для преодоления идеи Алёши Карамазова (идеи, приведшей его на эшафот) потребовалась жизнь Алёши Карамазова. Это было доказательством от противного.

И тут мы вновь возвращаемся к записи в последней записной книжке – *о крови*. Крепко-то оказывается не у тех, которые кровь прольют, а у тех, чью кровь прольют. Вот он – закон крови на земле. Казалось бы, запись бесспорна: именно революционеры проливают чужую кровь. Следовательно, «крепко» оказывается не у них.

Но – жертвовать собою и всем для правды – национальная черта поколения. К концу 70-х годов эта черта обозначилась как массовая. Были явлены вопросы в высшей степени мучительные и трудные – именно для моральных оценок. Тот, кто проливал чужую кровь, одновременно проливал и свою, совершенно сознательно обрекая себя на гибель (этот дух жертвенности характерен почти для всех главных деятелей «Народной воли»).

«Иди и гибни безупрёчно.

Умрешь не даром – дело прочно,

Когда под ним струится кровь,»

– так предвосхитившие события некрасовские строки неожиданно перекликаются со словами Достоевского о «законе крови на земле». Власть тоже проливала чужую кровь: следовательно, «крепко» оказывалось не у неё. «Закон крови» в России был подобен заколдованному кругу.

Этот круг следовало разорвать. Алёша Карамазов, всходя на эшафот, собственной кровью должен был освятить иной – бескровный – путь: путь «русско-го евангельского социалиста». Его гибель явилась бы двойным искуплением.

Возникает вопрос: стоит ли так подробно останавливаться на всех этих несуществующих материях? Ведь ни один из вариантов второго романа так и не получил художественного воплощения. И можно лишь гадать, какое продолжение (или завершение) обрела бы жизнь Алёши Карамазова и других героев, будь этот роман написан. Может быть, Алёша мирно бы закончил свои дни в монастыре, окружённый воспитуемыми и наставляемыми им детьми, как это некогда и предполагалось. Поэтому не проще ли говорить о том, что есть, нежели поддаваться неверному соблазну догадок и навязывать *несозданному* участь десятой (сожжённой) главы «Евгения Онегина», – с той разницей, что последняя (теоретически) ещё может быть когда-нибудь восстановлена, в то время как ненаписанное нельзя восстановить никогда?

Всё это так. И мы не стали бы вдаваться в рискованную область гадательного и неизвестного, если бы к этому не подвигал нас сам Достоевский. Второй «главный» роман отбрасывает незримую тень на первый, и в этой тени – не только сотворенные герои *Братьев Карамазовых*, но и сам сотворивший их автор.

Естественный отбор

Итак, кажется несомненным, что замыслов «главного» романа было несколько и что они в основном возникли ещё до начала писания. Но столь же несомненно, что события 1879–1880 годов были способны существенным образом трансформировать эти планы, ослабить одни сюжетные линии и усилить другие, отфильтровать варианты и резко повысить шансы одного из них. Происходит своего рода естественный отбор.

Думается, что к зиме – весне 1880 года если не окончательно, то, во всяком случае, более подробно, чем остальные, отрабатывается версия Суворина / Z: в мае она попадает в *Новороссийский телеграф*³¹. Она могла соединять в себе элементы различных сюжетов (в том числе и «детскую» линию романа). Но центральное место, по-видимому, должна была занять будущая драма Алёши.

Происходит совмещение двух разнородных планов, их взаимопроникновение. С одной стороны, Алёша «главного» романа воплощал в себе идеальный порыв

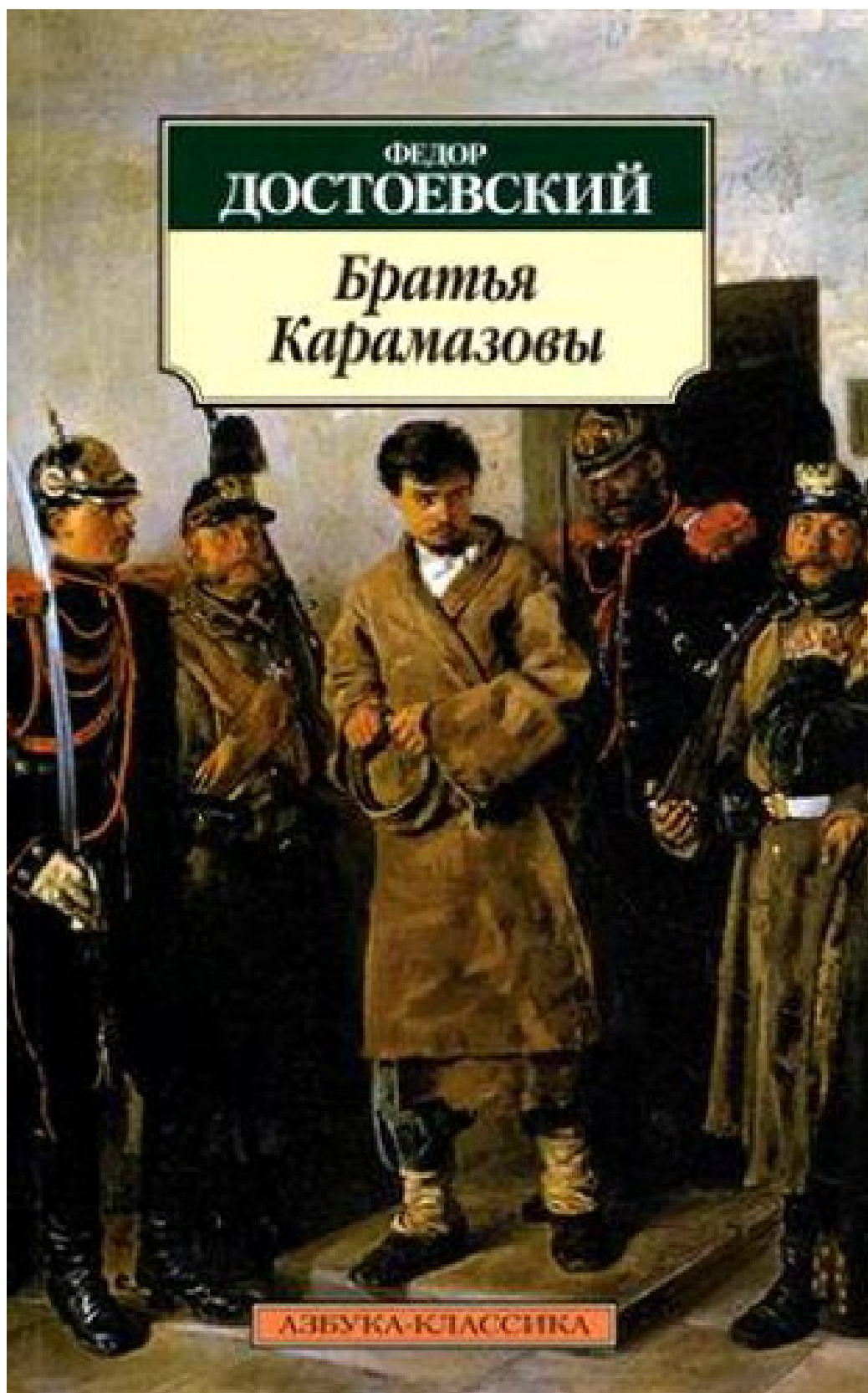
³¹ Не содержится ли намек на знакомство с этой версией в следующих словах Петерсена: «Жалеете ли вы, читатель, что этот роман никогда не будет написан Достоевским? Откровенно сказать, я не жалею; я убеждён, что это, наверное, вышел бы плохой роман, нимало не способный помочь разобраться в окружающей нас путанице и раздражающем всех хаосе кровавого сентиментализма». Цитата по: Литературный журнал. 1881. № 7. Стб. 609. Кстати, Алексей Фёдорович «второго» романа должен был, если верить *Новороссийскому телеграфу*, стать сельским учителем. Сельским учителем был одно время и стрелявший в царя А. Соловьёв.

русской революции, с другой – действовал согласно её реальной исторической логике. При столь очевидной противоречивости этого предполагаемого персонажа он сохранял глубокое внутреннее единство. В младшем из Карамазовых, старающемся о мировой гармонии и одновременно – ради всё той же гармонии – разрешающем себе «кровь по совести», был схвачен момент истины. В Алёше – подвижнике и царубийце – проступали два лика русской революции.

Понятно, почему Суворин никогда не предал гласности то, что он недвусмысленно зафиксировал в своем дневнике. Обнародование версии о «политическом преступлении» (и тем более расшифровка характера этого преступления) – вещи для него идеологически недопустимые³². Да и столичная цензура вряд ли осталась бы равнодушной к сообщению о том, что покойного автора *Братьев Карамазовых* посещали столь рискованные сюжеты. После 1 марта 1881 года упоминание об этом делалось и вовсе неуместным.

Между тем подобный исход романа естествен для Достоевского. Художник крайностей, он не мог удовольствоваться «рядовым» политическим преступлением. Ему было необходимо самое тяжкое (но, заметим, для 1879–1880 годов – *типичное*). Достоевский – весьма актуальный писатель.

³² Это ещё один аргумент в пользу того, что автором статьи в *Новороссийском телеграфе* (Z-м) был не Суворин. Если, как пишет Благой, версию о царубийстве Суворин «не решился доверить... даже дневнику» (и это через много лет!), трудно представить, чтобы он отважился на столь сенсационное (пусть даже и анонимное) заявление в печати.

Юлия Щербина*

Значение революции в творчестве Фёдора Достоевского: на примере романов *Братья Карамазовы* и *Бесы*

«Всеобщая вера в революцию
есть уже начало революции.»
В.И. Ленин

«Революция, кроме конца любви, ни к чему не приводила...»

Как Достоевский относился к революции? Как он понимал ее и принимал ли? Вот вопросы, которые мы задаем себе при исследовании произведений Достоевского. То, что революция – значимая для Достоевского проблема, сомнению не подлежит – вновь пересказывать трагическое значение его собственной революционной деятельности здесь не станем. Но в своем творчестве Достоевский обращается к этой проблеме снова и снова, каждый раз рисуя ее в новой форме. Вот она предстает нам как духовное¹ событие – бунт против Бога у Ивана Карамазова, бунт против отца у Мити, бунт против навязанных социальных ролей у Раскольникова. Это предельно широкая интерпретация революции, т.е. «глубокого качественного изменения в развитии»², некоторого переворота в мировоззрении, сознании или обществе. Изменение оказывается не просто глубинным, но даже фатальным: Иван в своем отрицании Бога лишается рассудка, Митя в свирепом и отчаянном желании справедливости – свободы, Раскольников переживает совершенную метаморфозу прежних взглядов, отправляясь на каторгу.

А вот революция описывается как социальное событие, влияющее на многих и многих людей, потому что революция, прежде всего, затрагивает людей, каждого в отдельности и в совокупности – и мы видим, как разворачиваются трагические события романа *Бесы*. К сожалению, фраза «качественные изменения» не всегда

* Аспирант Школы философии факультета гуманитарных наук при Национальном исследовательском университете «Высшая Школа Экономики», стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ.

¹ Термин «духовное» в этой статье используется в широком смысле, включающем как интеллектуальные и психологические аспекты, так и аспекты, связанные с религией и религиозностью.

² Красин Ю.Л. Революция // Философский энциклопедический словарь. 1983. http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3184/РЕВОЛЮЦИЯ. Последнее посещение 22.05.2017.

подразумевает достижение блага. У Достоевского, скорее, даже наоборот – недаром его сравнивали с Данте: он проводит своих героев через ад и страдание, через препятствия, муки выбора и тяжелого размышления, через апокалиптические сны – и для него это самые верные признаки революций. В конце концов, никакого «хэппи-энда». Реальность сурова, а Достоевский, будучи «реалистом в высшем смысле», не может описывать революцию как-то иначе. Революция приводит к кровопролитию и загубленным жизням, революция приводит к страданию и болезненным идеям. Так, относительно революционной группы Нечаева Достоевский был уверен, что это «именно был случай заблудшей совести, дошедшей «до такого ужаса», как только человек – вместо Бога и идеала – «насоздаст себе идолов» – идеями или практическими действиями и поступками»³.

Для Достоевского революция стала выразителем того события, когда идея оказывается способной настолько поглотить человека, что у того сбиваются все прежние ориентиры. Ради цели все средства хороши, а убийство – лишь *почти магическое* связывание друг друга кровью. Так, один из сторонников Нечаева, А. Кузнецов, утверждал: «... для совершения террористического акта над Ивановым не было никаких серьезных оснований, этот акт нужен был Нечаеву для того, чтобы крепче спаять нас кровью»⁴. Именно с этой целью Верховенский в *Бесах* призывает пятерку своих приспешников убить Шатова. На тот момент в его убийстве нет никакой острой необходимости, что понимают даже члены пятерки. Шатов не представляет опасности, ведь к нему вернулась жена и родился ребенок. Однако пятерку необходимо слить, соединить воедино таким образом, чтобы они никогда уже не смогли покинуть организацию и предать главного беса, т.е. самого Верховенского. Убийство и пролитая кровь должны не только юридически обезопасить Верховенского, но и породить определенную мистическую сплоченность пятерки, поскольку лишение жизни человека – наиболее радикальный шаг в отвержении христианства, нарушение главной заповеди⁵. Тем не менее, именно этот шаг оказывается последней каплей: есть вещи, которые даже самые отчаянные подлецы не в силах перенести. В *Бесах* убийство Шатова оказывается непосильной ношей для тех, кто его совершил. Это показывает, что в революции все оказывается позволено. Но не всегда, далеко не всегда, человек, охваченный столь мощной идеей, в состоянии до конца пронести ее тяжесть – происходит слом, тотальный и грубый, словно жесткий сапог топчет выбившийся из-под асфальта цветок. Этот слом у Достоевского происходит и во время духовной, и во время социальной революции, которые оказываются тесно переплетены друг с другом.

Конечно, Достоевский не стал свидетелем революции 1917 года. Но, как отмечают многие мыслители, он смог предвидеть революционные события и то, что в них испытает русский человек: «... главные сочинения Федора Михайловича

³ Пономарева Г.Б. Достоевский: я занимаюсь этой тайной. М., 2001. С. 174.

⁴ Там же. С. 175.

⁵ Иудаизма тоже (6-я заповедь) – прим. ред.

Достоевского – не просто великая литература и яркая публицистика, они – наше национальное священное писание, а их автор – наш национальный пророк. Не в том смысле, что он создатель какой-то новой религии (хотя так думали Рильке и Шпенглер), и не в том, что все предсказания сбылись (сбылось только то, чего он больше всего боялся, а надежды и упования пошли прахом), а в том, что он с наибольшей полнотой и ясностью выразил в своих творениях сущность русского самосознания»⁶. Однако, по меткому замечанию В.К. Кантора, пророк – «это не предсказатель будущего, как полагает обыденное сознание, а посланник Бога, обличающий свой народ за несправедную жизнь»⁷. В своих произведениях Достоевский не столько предсказатель, сколько тот, кто обличает народ, раскрывает неприглядные стороны его жизни. В конце концов, Достоевский не показывает нам героев – все его персонажи метафизически искалечены: «у Достоевского во всех романах приливы жалости и муки страсти, но нет ни одного образа целостной благодатной любви»⁸. По мнению чешского философа Т.Г. Масарика, Достоевский вовсе не был способен показать светлого, по-настоящему верующего персонажа: попыткой изображения такого характера стал князь Мышкин, но и тот словно бы не удался⁹.

На наш взгляд, к изображению революций Достоевским наиболее подходит его собственное определение: «... мой Пётр Верховенский может несколько не походить на Нечаева, но мне кажется, что в пораженном уме моем создалось воображением то лицо, тот тип, который соответствует этому злодейству»¹⁰. Достоевский не столько предвещает драматические события, сколько предлагает читателю разные типы людей, поведения, событий, а в итоге выводит некоторую общую линию того, как революция осуществляется в жизни одного человека и в жизни общества. Именно это – демонстрация революции в жизни одного конкретного человека и революции в жизни всего общества – и позволяет нам говорить о двух типах революции в творчестве Достоевского.

«- Это бунт, – тихо и потупившись проговорил Алёша.
- Бунт? ... Можно ли жить бунтом, а я хочу жить»

Духовная метаморфоза и ее последствия – красная нить повествования Достоевского об Иване Карамазове. Иван предстает перед читателем как персонаж, охваченный вопросами – вопросами, которые способны перевернуть все его суще-

⁶ Сергеев С. Наш национальный пророк // Фёдор Достоевский. Что есть Россия: дневники писателя. М., 2014. С. 6-7.

⁷ Кантор В.К. Достоевский как ветхозаветный пророк // Слово/Word. 2010. № 65. <http://magazines.russ.ru/slovo/2010/65/ka13.html>. Последнее посещение: 22.05.2017.

⁸ Степун Ф. Письма. М., 2013. С. 413.

⁹ Масарик Т.Г. Россия и Европа. 3 тт. М., 2003-2004. Т. 3. С. 293.

¹⁰ Достоевский Ф.М. Письма. М., Берлин, 2013. С. 99.

ство. С ответами же на эти вопросы Иван не способен смириться в полной мере – и в этом его трагедия: «трагедия Ивана состоит не в том, что он приходит к выводам, отрицающим нравственность; мало ли людей, для которых теоретическое "все позволено" является только удобной вывеской для практической безнравственности; она состоит в том, что с таким выводом не может помириться его сердце "высшее, способное такой мукой мучиться", как охарактеризовал его старец»¹¹. Другими словами ситуацию Ивана описывает Я. Голосовкер, проводя параллель между произведением Достоевского и учением Канта: Иван становится приверженцем кантовского антитезиса – чего-то негативного, где все позволено, а Бога и бессмертия нет, но в то же время (и в этом заключается его трагедия) он не способен принять эту вседозволенность и стремится к тому, чтобы поступать в рамках тезиса, т.е. чего-то позитивного¹². «Конфликт между тезисом и антитезисом – это необходимый конфликт человеческого разума, который стремится к безусловному и, когда в экспериментальной череде, он пытается приблизиться к конечным состояниям, которые ограничивают эмпирический синтез а priori, он [разум] сталкивается с четырьмя фундаментальными проблемами»¹³. Если для Канта эти фундаментальные проблемы – свобода воли, бессмертие, существование Бога – лишь иллюзия и ловушка, в которую попадает разум, для Достоевского они – подлинная человеческая трагедия, поскольку разум мучается вопросами, которые не могут быть разрешены; мучается, поскольку они касаются не теории и границ познания, а собственно человеческой жизни.

Бунт Ивана – это бунт против Бога, против несправедливости наказания и страдания. Иван не понимает, как Бога можно оправдать, если страдают ни в чем не повинные дети и мир орошается их слезами: «для чего познавать это *чертово* добро и зло, когда это столько стоит? Да ведь весь мир познания не стоит тогда этих слезок ребеночка к "боженьке". Я не говорю про страдания больших, те яблоко съели, и черт с ними, и пусть бы их всех черт взял, но эти, эти!»¹⁴. Иван мучается непониманием – как возможно, что мир устроен именно так, а не иначе? Как возможно жить по такому устройству, как возможно согласиться с тем, что «страдание есть, а виновных нет»? Да и предлагаемая схема возмездия – наличие ада и того, что виновные будут мучиться после смерти – тоже не устраивает его: «но зачем мне их отмщение, зачем мне ад для мучителей, что тут ад может поправить, когда те *уже* замучены? И какая же гармония, если ад: я простить хочу и обнять хочу, я не хочу, чтобы страдали больше»¹⁵. Эта фраза Ивана еще раз подчеркивает острое противоречие в его душе: в своей повести о Великом инквизиторе он заключает, что все позволено, что ложь, а не истина – необходимая

¹¹ Булгаков С. Иван Карамазов как философский тип // Вехи. 1901. <http://www.vehi.net/bulgakov/karamaz.html>. Последнее посещение 22.05.2017.

¹² Голосовкер Я. Достоевский и Кант // Имагинативный абсолют. М., 2012.

¹³ Patocka J. On Masaryk's Philosophy of Religion // The New Yearbook of Phenomenology and Phenomenological Philosophy. 2015. Vol. 14. P. 111. (Перевод мой.)

¹⁴ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М., С. 301.

¹⁵ Там же. С. 304.

часть религии, что на самом деле Бога не существует вовсе. Но в то же время он словно по-прежнему не может смириться с собственными заключениями, потому что они противны его душе. Разум принимает антитезис, сердце стремится к тезису.

Алёша называет бунтом то, что Иван признает Бога, но «только билет ему почтительнейше возвращает». Мы же называем это духовной революцией – именно в этот момент ярко выражается метаморфоза размышлений и личности Ивана, которая впоследствии и под влиянием дальнейших событий ожесточает его болезнь. Размышления о мироустройстве, Боге, несправедливости его (в то время как он *должен быть* благостен и милостив, полон любви к миру и своим созданиям, что ярко демонстрирует всем своим характером и мировоззрением Алёша), детских слезах и страданиях – все это приводит Ивана к своеобразной духовной революции, которая словно снежный ком затрагивает его самого и тех, кому он дорог.

Совсем другой тип революции, изображенной Достоевским, предстает нам в романе *Бесы*. Это тоже своего рода бунт. Однако он выражен уже не только в личном, но и в социальном плане.

«...в нём загорелась мечта: примкнуть к движению и показать свои силы»

В романе *Бесы* Достоевский «предсказал большевизм»¹⁶. Этот роман писался задолго до революции 1917 года, однако Достоевский стремился изобразить не столько конкретные происшествия, сколько некоторый тип человека и событий. Пожалуй, именно это изображение типа, т.е. общей формы, некоего отпечатка, образца и позволило писателю прозреть трагические события 1917 года. Как отмечает Ф. Степун, *Бесы* стали результатом раздумий Достоевского о «метафизических основах большевизма»¹⁷.

Достоевский задумывал роман как памфлет, отражавший социально-общественные события, происходившие в то время в России. Взволнованный разворачивавшимся делом Нечаева, Достоевский опасался, что Россию, как и тогдашнюю Европу, затронет волна атеизма и социализма. Тема борьбы православия и атеизма, веры и просвещенного рационализма вообще являлась значимой для писателя, в *Бесах* же она приобретает острый полемический характер: «из всех современников только он один [Достоевский] в бунтарских идеях Тка-

¹⁶ Кантор. Достоевский как ветхозаветный пророк.

¹⁷ Степун Ф. *Бесы* и большевистская революция // Vehi.ru. 1991. <http://www.vehi.net/dostoevsky/stepun.html>. Последнее посещение 22.05.2017.

чева-Нечаева уловил сущность коммунистического рационализма и большевистского безумия»¹⁸.

Почему безумия? В романе Достоевский вводит несколько видов «бесов»: рангом повыше (например, Ставрогин) и пониже (Верховенский-младший). Он показывает не только некоторую борьбу этих разноранговых бесов, но и их деятельность по отношению ко всему обществу. Чего только стоит Петр Верховенский, который следит за окружающими и ведет себя плутовски, просачивается в доверие и при этом его наружность не вызывает никакой симпатии: «Это был молодой человек лет двадцати семи или около, немного повыше среднего роста, с жидкими белокурыми, довольно длинными волосами и с клочковатыми, едва обозначавшимися усами и бородкой. Одетый чисто и даже по моде, но не щегольски; как будто с первого взгляда сутуловатый и мешковатый, но однако ж совсем не сутуловатый и даже развязный. Как будто какой-то чудака, и однако же все у нас находили потом его манеры весьма приличными, а разговор всегда идущим к делу. Никто не скажет, что он дурен собой, но *лицо его никому не нравится*»¹⁹. Верховенский в некотором смысле напоминает шута²⁰, но только в том его мистическом аспекте, когда развязное и нетривиальное поведение его становится непредсказуемым настолько, что подчиняет волю других людей (как, например, в случае с Лебядкиным)²¹. Схожести персонажей с реальными действующими в революционной парадигме личностями отмечают многие исследователи: так, Ставрогина сравнивают с Бакуниным, Верховенского – с Нечаевым²². Но главный пророческий пафос Достоевского не в схожестях, которые могут быть опровергнуты, а в главном: писатель четко демонстрирует центральный момент большевизма, который для русской культуры может быть губительным. Этим центральным моментом является «богоборческая природа зарождающейся большевистской революции»²³. Как мы знаем, Достоевский тонко чув-

¹⁸ Там же.

¹⁹ Достоевский Ф.М. Бесы. М., 2008. С. 92.

²⁰ Относительно ассоциации Верховенского с шутком интересна не только историко-политическая сторона, при которой шут – тот, кто находится рядом с королем и способен указывать и высмеивать его действия, т.е. показывать правду и одновременно веселить окружающих, но и мистический аспект, прослеживающийся в традиции гадальных карт Таро. В них Шут – это нулевой аркан, чистый лист, полный идей, логика его действий никогда никому до конца непонятна, он словно бы действует вне логики, нарушая существующие законы и пренебрегая запретами. Его действия невозможно угадать, одновременно с этим он всегда различен, т.е. носит разные личины, выбирает их. Вспомним, как Верховенский говорит Ставрогину: я выбрал носить свое лицо, это я настоящий, хотя дурачком прикинуться было бы проще.

²¹ Верховенский вообще – противоречие и амбивалентность. Он «тараторит», «трещит», говорит быстро, словно бы сбивается, но при этом излагает все четко, ясно; мысль, которую он хочет донести становится всем понятной. При некоторой кажущейся неуклюжести и торопливости он одним взглядом, одной фразой может заставить человека оробеть, как в случае с Лебядкиным в гостиной Варвары Петровны; он легко входит в доверие и манипулирует людьми, что, например, случилось с губернаторшей.

²² Схожесть, например, состоит в том, что оба настаивали на убийстве студента, а после совершенного каким-то образом улизнули за границу.

²³ Степун. *Бесы* и большевистская революция.

ствовал потребность русского народа в религии и Боге. Он всю жизнь мучился вопросом о том, существует ли Бог²⁴ и передал это вопрошание персонажам своих романов. Как показывает Достоевский, вера в существование Бога и бессмертие души является тем основанием, на котором держится мораль. Без Бога и веры в бессмертие ничто не сдерживает человека в его поступках. Представляется возможным, что именно атеизм и сомнение в существовании Бога (а у некоторых – уверенность, что Бога не существует) и приводят их к смерти: самоубийству или убийству.

В романе богоборчество выражается не только как отрицание Бога или попытки найти его при отсутствии самой веры («Я буду верить в Бога», как говорит Шатов). Достоевский изображает весь ужас возможного существования русского человека без Бога – легкими штрихами, порой едва заметными в тексте фразами. Так, например, слова Ставрогина «я детей не трогал» в разговоре с Шатовым о своей деятельности в Петербурге могут быть пропущены за невнимательностью, но подтекст подразумевает, что другие-то детей трогали²⁵. Таких примеров масса: мышь, подкинута под икону; безобразные выходки на вечере губернаторши; в конце концов, рассуждения о том, стоит или не стоит убивать Шатова из-за того, что он может выдать организацию (что само по себе было не подтверждено).

Сам Ставрогин совершал поступки, которые с точки зрения общепринятой морали обычному человеку могут показаться странными и неестественными. Чего стоит одна женитьба на хромой Марье Тимофеевне, которая совершилась из-за спора, или призыв Федьке Каторжному «еще укради и убей» в ответ на рассказ Федьки о его деятельности в городе. Это не говоря уже о том, что он мучил и Лизавету Николаевну, и Дарью Павловну, и жену Шатова, походя оскорбил чиновника, протащив его за нос и пр. Ставрогин как персонаж, который одновременно и вдохновляет многих, и каким-то странным образом отсутствует в романе (все вокруг него, но он словно бы *отчужден* от происходящего), может быть назван главным «бесом». И не только потому, что идеи и мысли остальных персонажей по большей части сконцентрированы вокруг него²⁶, но также и потому,

²⁴ Некоторые философы, такие как Т.Г. Масарик, упрекают Достоевского в неискренности. Масарик, в частности, пишет о том, что Достоевский проповедовал в своих произведениях православию и веру в Бога, в то время как сам не верил в него или верил не до конца. Однако для человека, который прошел через смертельный приговор, каторгу, смерть двоих детей и периодические припадки эпилепсии, сомнения в существовании Бога кажутся нам естественными и не требующими извинения: так или иначе, в такой ситуации задумаешься о том, существует ли Бог и почему он заставляет тебя проходить через такие трудности. Возможно именно это и позволило Достоевскому настолько глубоко проникнуть в проблему веры в Бога.

²⁵ А в главе, которая так и не вошла в роман из-за цензуры, мы читаем исповедь Ставрогина, в которой он рассказывает о насилии над девочкой.

²⁶ Удивительно, какое влияние на других персонажей оказывает Ставрогин! Он словно бы холоден и безучастен, но при этом Шатов его чуть ли не боготворил, Верховенский-младший называл Иваном Царевичем, который *необходим* организации, Кириллов относился к нему с явным уважением, Дарья Павловна была готова поехать за ним в темные места и провести там остаток жизни, Лизавета Николаевна ради Ставрогина предала саму себя и Маврикия Николаевича, Мари Шатова бросила ради него мужа. Ставрогин – персонаж поистине гипнотический и

что именно Ставрогин является крайним выражением богоборчества – это Ставрогин признает свою веру в дьявола, это Ставрогин играет роль, представляя Тихону свою исповедь (а ведь исповедь – это таинство и здесь оно нарушено!). И это из уст Ставрогина мы слышим те самые незаметные фразы, которые поражают своей чудовищностью. Как пишет сам Достоевский: «Я хотел поставить вопрос и, сколько возможно, яснее, в форме романа дать на него ответ: каким образом в нашем переходном и удивительном современном обществе возможны – не Нечаев, а Нечаевы и каким образом может случиться, что эти Нечаевы набирают себе под конец нечаевцев?»²⁷. «В моем романе *Бесы* я попытался изобразить те многообразные и разнообразные мотивы, по которым даже чистейшие сердцем и простодушнейшие люди могут быть привлечены к совершению такого же злодеяния. Вот в том-то и ужас, что у нас можно сделать самый пакостный и мерзкий поступок, не будучи вовсе иногда мерзавцем...»²⁸.

Это, на наш взгляд, и является наиболее значимым для демонстрации революции у Достоевского. Пророчество заключается не в том, чтобы предсказать конкретные события или описать в романе конкретные исторические личности, но в том, чтобы показать: когда вершится революция, люди открывают в себе способность к таким поступкам, которые бы в любое другое время осудили, о собственной предрасположенности к совершению которых даже не помышляли. *Бесы*, в таком случае, не только демонстрируют социальные явления (например, группировку «Наши» и их деятельность), но соединяют в себе также и тему духовной революции. В конце концов, революция сперва совершается в головах и сердцах людей – и лишь затем выплескивается в мир поступков.

гипнотизм этот обладает неким демоническим, бесовским флером. И Варвара Петровна, конечно же, сконцентрирована мыслями на сыне, но она мать и это объяснимо. Других же Ставрогин притягивает как магнит: одних из-за своего обаяния, идей и власти, других – из-за нанесенных оскорблений. И тех, и других, тем не менее, притягивает с одинаковой силой.

²⁷ Достоевский Ф.М. *Дневник писателя*. М., 2013. С. 93.

²⁸ Там же. С. 94.

Анна Доронина*

Революция в мировосприятии русских символистов: Андрей Белый и Александр Блок

Серебряный век – сложный для прочтения историко-культурный феномен, границы которого можно очертить лишь хронологически. Культура Серебряного века включила в себя разнообразие литературных и художественных жанров, религиозно-философских течений, трудно поддающихся сопоставлению и классификации. Время «культурного ренессанса» (по определению Бердяева), пересмотра традиционных форм искусства и жизни, возрождения поисков духовного основания человеческого бытия сочеталось с мистицизмом, вновь возникшим интересом к апокрифической литературе, исследованиями русского сектантства. Культурные веяния второй половины XIX века «таили в себе зародыши приближающегося духовного кризиса, которому предстояло распространиться на весь буржуазный уклад. Религиозная индифферентность на практике оборачивалась тягой к оккультным наукам, ясновидению, спиритизму, теософии, примитивным суевериям»¹. Рассуждая о Серебряном веке, философ Ф. Степун писал: «Нельзя отрицать, что волна религиозного обновления здесь и там обертывалась смутно чувственной мистикой, эстетствующим мистицизмом»².

Одним из наиболее значительных течений этой эпохи был символизм, он вышел за рамки литературной школы, не ограничился философской доктриной, но, вобрав в себя художественное, мистическое и религиозное, стал основой для нового мировидения. Символисты, которых сравнивают с романтиками, сделали шаг в сторону некой трансцендентной реальности, отказавшись от обыденной действительности. Русский символизм провозгласил свою символическую реальность «наиреальнейшей» и подменил ею повседневность. Этот ход символистов не был таким искусственным, как может показаться. Действительность, по мнению символистов, в свое время достаточно была опошлена реализмом и натурализмом, поэтому теперь она нуждалась в оправдании, в поиске в ней

* Стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

¹ Буланин Д. Жанна д'Арк в России: исторический образ между литературой и пропагандой. М., СПб., 2016. С. 157.

² Степун Ф. Мистическое мировидение: пять образов русского символизма. СПб., 2012. С. 304.

скрытого ценного смысла³. Время русского символизма – время острых социальных вопросов: не достаточное ли это основание для открытия новой реальности?

Символисты А. Белый и А. Блок имели особый взгляд на политические, социальные, культурные проблемы страны. Их идеи, безусловно, находили источник в поэтическом, художественном мировоззрении, поэтому работы о России и революции могут быть поняты только в свете этих фактов. Понимание революции поэтом отлично от понимания и интерпретации историка, политика и любого другого человека. А.А. Блок называет себя «литератором» и «интеллигентом», призывая учитывать это положение при оценке его мнения⁴.

В известной речи «О назначении поэта» 1921 года, посвященной годовщине смерти А.С. Пушкина, Блок говорил об уникальных способностях поэта. Представление о Пушкине как об олицетворении русской поэзии всеми признано и бережно хранимо, однако имя «поэт» прояснено не до конца. Для Блока поэт – «сын гармонии», поэтому он имеет внутреннее основание приводить к согласию звуки и слова⁵. Гармония, как и культура, в свою очередь, начинается в космосе (порядке, стройности), который происходит из хаоса. Противоположность хаоса и космоса не отрицает их близкого родства, ведь часто дети – не копии своих родителей, одной только «тайной чертой» они бывают похожи, и этого более чем достаточно⁶. Это раскрывается в поэме Блока «Возмездие», в которой главным героем является младенец, способный остановить колесо истории своей младенческой рукой.

Поэту как сыну гармонии вверено выполнить «три дела»: «освобождение звуков из родной безначальной стихии»; «приведение звуков в гармонию», оформление звуков; «внесение гармонии во внешний мир»⁷. Поэт имеет непосредственный доступ к стихии, понимаемой Блоком как первобытное, докультурное состояние. В этой способности обратиться к стихии и раскрыть таящийся в ней потенциал культуры («семена») заключается срединное положение поэта, направленного к стихии и культуре одновременно⁸. Придание формы пойманным в стихии хаоса звукам является гармонической функцией, поэт исполняет ее для того, чтобы мир смог ее воспринять. Так, создавая новые формы, поэт служит мировой культуре. Гармония, конечно, через подлинную поэзию открыта каждому, но чувство поэта и обыкновенного человека различны. Более того, поэт не ошибается, его слово последнее и самое точное.

Взгляд Блока и Белого на положение России времен первой и второй революции, на ее причины и последствия, равно как предчувствие катастрофы, – это

³ Философия. Литература. Искусство: Андрей Белый – Вячеслав Иванов – Александр Скрябин / Под ред. К.Г. Исупова. М., 2013. С. 17.

⁴ Блок А. Народ и интеллигенция // Александр Блок, Андрей Белый: диалог поэтов о России и революции. М., 1990. С. 388.

⁵ Блок А. О назначении поэта // Двенадцать: поэзия, драматургия. СПб., 2008. С. 184.

⁶ Там же. С. 184.

⁷ Там же. С. 185.

⁸ Там же. С. 185.

взгляд, прежде всего, поэтов и художников. Блок открыто говорит, предугадывая все реакции на его слова, что поэт видит события по-иному: «Дело художника, обязанность художника – видеть то, что задумано, слушать ту музыку, которой гремит "разорванный ветром воздух"»⁹. У художника все эти события найдут свое выражение в дальнейшем. Поэта, в представлении Блока, словно певца из пушкинского «Ариона», в разбушевавшейся стихии спасает божественное провидение, потому что на него возложена высокая миссия толкования исторически значимых событий. Оценка его может быть угодна или не угодна обществу, что не делает его более или менее правым.

Творческие судьбы Блока и Белого тесно переплетены. Там, где мы читаем Блока, там слышим и Белого, согласного с ним, поддерживающего или, наоборот, отрицающего идеи, высказанные Блоком. Белый – поэт, но вместе с тем, теоретик искусства, филолог и позже антропософ. Блок – национальный поэт, стоящий в одном ряду с Пушкиным, Тютчевым и Лермонтовым. В юности и молодости Белый и Блок, будучи восприимчивыми идей Вл. Соловьева, имея общий источник мысли, творческой жизни и даже чувства, были очень дружны и, хотя этот период длился недолго, он стал «лучшим, самым светлым» для Блока, временем «зорь» для Белого, и оставил после себя тысячи стихов¹⁰. Но после первой русской революции все идеалы, надежды, вера в изменение положения народа – все темы и образы, вокруг которых строился поэтический разговор о любви, Жене, облаченной в солнце, – сменились отчаянием и неверием. Степун писал: «Чтобы лучше понять Белого, нужно представить себе тот социально-политический фон, на котором после учреждения Думы происходит экономический и политический подъем». А фон этот был таким: «...у подножия "вершин" возникали глухие эротические настроения. Так образовалась "Лига свободной любви" с ее филиалами, "клуб самоубийц". К этим запахам духовного растления примешивались угрожающие симптомы политического недуга. ...В рабочих кварталах готовилась вновь разгореться тлеющая революция...»¹¹.

Известно, что тема революции и России является одной из главных в творчестве А. Блока и А. Белого, она проходит сквозь всю их творческую биографию и воплощается не только в стихах и прозе, но также в выступлениях, статьях, заметках, письмах и т.д. На активную гражданскую позицию поэтов, безусловно, повлияло их происхождение, история их отцов и дедов. Сложная политическая ситуация в стране назревала почти столетие: начиная с реформ Александра I, реакции Николая I, Великой реформы Александра II, и контрреформ Александра III. В первой главе поэмы «Возмездие» Блок напишет:

«Век девятнадцатый, железный.

Воистину жестокий век!

⁹ Блок А. Интеллигенция и революция // Александр Блок, Андрей Белый: диалог поэтов о России и революции. С. 418.

¹⁰ Берберова Н. Александр Блок и его время: биография. М., 2015. С. 54.

¹¹ Степун. Мистическое мировидение: пять образов русского символизма. С. 311.

Тобою в мрак ночной, беззвездный
Беспечный брошен человек!

.....
Двадцатый век... Еще бездомней
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла)¹².»

Сложная политическая ситуация, динамически устремленная к своей кульминационной точке, не могла быть не замечена деятелями искусства, в конце концов, не было никакого более важного вопроса, и вся жизнь, по крайней мере, у тех, кто ее по-настоящему чувствовал, должна была выстраиваться на этом неустойчивом политическом основании.

Эпоха первой русской революции 1905-1907 гг. повернула поэзию Блока и Белого от юношеских грез, навеянных философией Вл. Соловьева, к социальным и нравственным проблемам своего времени. Каждый из поэтов в этот период делает собственный выбор в соответствии со своими убеждениями. И хотя темы Вечной Женственности и Христа, так или иначе, будут присутствовать в их творчестве всегда, они не останутся общими, у каждого из поэтов сложится собственное представление об идеале женственности и полноте человеческого совершенства. Так, Белый сохранит в своем творчестве образ Жены, облаченной в солнце, как духовный идеал, имеющий мало общего с телесностью. Блок также сохранит верность Прекрасной Даме, но Вечная Женственность поменяет облик: она станет Незнакомкой, Коломбиной, Кармен, Катькой и, наконец, Россией, чреватой трагедией.

Путь А. Блока, многие исследователи называют особым служением России. Призвание определилось под влиянием первой русской революции: после 1905 года Блок бесповоротно отходит от символизма и мистицизма, тяготея к реализму: «В его стихах не осталось никакой мистики. С 1905 года начинается реакция против "неясного", "неопределенного", "зыбкого". За пять лет Блок победил "проклятие абстрактного", сему способствовал кризис символизма. Он открывает реальность – не реальность Вяч. Иванова, но совершенно простую, непосредственную, ту, что он видит в своей стране и в мире и она оказывает на него жесткое благотворное воздействие»¹³. Русская жизнь в ее многообразии становится «главной "музыкальной" темой Блока»¹⁴.

Вопрос о положении народа в России и об отношении между народом и интеллигенцией волнует Блока до последних дней его жизни. Блока привлекает идея воссоединения народа и интеллигенции не на основе социально-политической теории, а на основе единой культуры. Этот вопрос и есть камертон революционного творчества поэта. В 1908 году Блок делает доклад «Народ и ин-

¹² Блок А. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. Т. 5. М., 1999. С. 24.

¹³ Берберова. Александр Блок и его время: биография. С. 145.

¹⁴ Коровин В. Послесловие // А. Блок. Поэмы. М., 1980. С. 151.

теллигенция», впоследствии ему приходится отвечать на вопросы, возникшие как реакция на его речь, и Блок делает новый доклад «Стихия и культура». По мнению Блока, вопрос отношений интеллигенции и народа стоит настолько остро, что едва ли можно найти более важный вопрос. Интеллигенция и народ – не только два понятия, для обозначения некоторых сообществ людей, но две реальности в России, две силы, которым нужно сосуществовать. В каких отношениях находятся народ и интеллигенция? Можно ли назвать их взаимоотношениями? «С екатерининских времен проснулось в русском интеллигенте народолюбие, и с той поры не оскудевало»¹⁵. Со стороны сравнительно небольшого количества образованных и жаждущих перемен в государстве и обществе людей непрерывно вспыхивает желание узнать народ, разгадать тайну его жизни – загадку страны, где «нескольким сотням тысяч» противопоставлено «враждебно» «полтора миллиона»¹⁶. Кажется, что тайна разгадана, и душа народная понята, но ответ снова растворяется во «сне и тишине»¹⁷. Враждебность станов тайная, но есть между ними и согласие, ведь именно народ «выносил под сердцем» Пушкина, Гоголя, Достоевского и Толстого. И они-то и есть свидетельство наличия этого разрыва и исконности вражды¹⁸.

Андрей Белый, в отличие от Блока, всегда тяготел к теоретизированию искусства и философской разработке своих эстетических и художественных интуиций. Для него было важным продемонстрировать связь искусства и жизни на онтологическом уровне. Разработанный им концепт «жизнестроительства» объясняет стремление поэта к синтезу искусств, наук и всех форм человеческой деятельности. Конечная цель – проникновение к высшей реальности, более реальной, для человека более необходимой. Блок не стремился к этому. Белый не смог понять особое отношение Блока к телесной красоте.

Сборник стихотворений Белого *Пепел* считается наиболее сопоставимым с творчеством Блока. В нем Белый обращается к неприметному бытию России того времени и на время как будто забывает о мистике Вл. Соловьева. Сложно не заметить, что книга посвящена поэту Н.А. Некрасову. Это вторая после увлечения идеями Соловьева творческая близость Блока и Белого¹⁹.

Стихотворение «Отчаяние» 1908 года из сборника *Пепел* является программным в революционном творчестве Белого. В нем – апофеоз жалости и любви к родине. За все перенесенные страдания, за «бедность» страны, «нищету» и «безволье» ее, ничего нельзя сделать, только «прорыдать» в ее «раздолье» и признать, что «Россия моя»²⁰. В тот же 1908 год в стихотворении «Русь» Белый писал:

¹⁵ Блок А. Народ и интеллигенция // Александр Блок, Андрей Белый: диалог поэтов о России и революции. С. 391.

¹⁶ Там же. С. 391.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Машбиц-Веров И. Русский символизм и путь Александра Блока. Куйбышев, 1968. С. 316.

²⁰ Александр Блок, Андрей Белый: диалог поэтов о России и революции. С. 233.

«Поля моей скудной земли
Вон там преисполнили скорби.
Холмами пространства земли
Изгорби, равнина, изгорби!²¹»

Русь в этом стихотворении предстает необъятной («в пространствах таятся пространства») «косматой», «голодной», смертельно спокойной и терпеливой. А в стихотворении «Родина» страна названа злой и несчастной:

«Роковая страна, ледяная,
Проклятая железной судьбой –
Мать Россия, о родина злая,
Кто же так подшутил над тобой?²²»

Стихи Белого и Блока этого периода, хотя и объединены темой России, описывают ее томление, тоску, страх, предчувствие смерти, имеют совершенно разные направления. Россия Белого обречена, ничто ее уже не спасет, Россия Блока – выйдет из пут страха и ненависти и обретет свое новое величие. Пример тому – блоковское стихотворение «Так. Буря этих лет прошла...»:

«Так. Буря этих лет прошла.
Мужик поплелся бороздою
Сырой и черной. Надо мною
Опять звенят весны крыла...
.....
Забудь, забудь о страшном мире,
Взмахни крылом, лети туда...
Нет, не один я был на пире!
Нет, не забуду никогда!²³»

Еще одной точкой соприкосновения в творчестве Блока и Белого стали поэмы «Двенадцать» и «Христос воскрес». Поэма «Двенадцать», как известно, встретила разные отклики со стороны читающей публики. Образ Христа все еще остается самым трудным для понимания образом поэмы. «Двенадцать», созданная сразу после революции 1917 года, в январе 1918, написана Блоком не в защиту своей политической позиции, а под вдохновением «народного мятежа»²⁴. В поэме почти нет вымысла, это оформленные в произведение искусства события зимы 1918 года²⁵. Революционно настроенная интеллигенция приняла поэму. Жена поэта Л.Д. Блок читала «Двенадцать» для буржуазной публики в кафе. Другие, наоборот, осудили Блока за угождение большевикам²⁶.

²¹ Там же. С. 262.

²² Там же. С. 263.

²³ Там же. С. 88.

²⁴ Берберова. Александр Блок и его время: биографии. С. 183.

²⁵ Там же. С. 206.

²⁶ Там же. С. 207.

Не углубляясь в филологические подробности, можно заметить сочетание в поэме реализма шестивия двенадцати и мистического образа Христа, вырастающего перед строем. Этот образ Христа можно понимать в духовно-нравственном смысле, или, наоборот, видя в нем некий социально-нравственный идеал, отрицать непосредственно религиозный смысл. Известно, что до создания поэмы Блок признавался в том, что «незаметно для него из тьмы возникает образ и предстает перед ним... это образ Христа»²⁷. В поэме Блок касается вопроса индивидуальных чувств, чрезвычайно важного в ситуации коллективизации общества, подмены индивидуального всеобщим²⁸. А. Эткинд в книге *Хлыст: секты, литература и революция* замечает, что «В двенадцати революция – это шествие, метаморфоза революционера проявляется в новом качестве его шага. ... Революция производится над шагом и полом, ее результат – новый человек, а не новое государство»²⁹.

В *Записке о «Двенадцати»* 1920 года Блок скажет, что не отрекается от написанного, хотя признает, что отдавался тогда стихии. В этом смысле, поэт призывает не относиться к его творению как к политически ангажированному, но наоборот считать его реакцией на пронесшуюся бурю, затронувшую как политику, искусство, так и души поэтов. Новые политические условия, возникшие вскоре после 1917 года, отказывающие в полной свободе слова поэтам и художникам гораздо жестче, чем в царской России, создали атмосферу, усугубленную предчувствием еще большей несвободы. Блок предвидел эти условия уже в 1921 году, когда в день смерти Пушкина произнес речь *О назначении поэта*. Он передал это настроение, это смятение и разочарование слышавшим его тогда, его поняли, ему аплодировали, но до срока все еще оставалось предчувствием, которое впоследствии сбылось как пророчество. Вспоминая о прощании с Блоком, русский мыслитель эмиграции В.В. Вейдле писал: «Мы хоронили Россию. Не Россию русского государства, хоть и была она тогда разгромлена и унижена, и не Россию русских людей, а другую, невидимую Россию, ту, что становится ощутимой в слове и сквозь слово»³⁰. Смерть Блока объединила многих людей одной думой, одной мыслью о судьбе страны и культуры. Смерть поэта будто внесла небольшую ясность, подвела к осознанию пророческой одаренности, носителем которой была не только поэзия Блока, но и сама его жизнь.

В статье Блока «Интеллигенция и революция», созданной до поэмы «Двенадцать», революция предстала бурей, долго готовившейся в томившейся предреволюционной стране. Стихия революции, несущая в себе очистительную силу, приносит также страшные страдания, унижения, но для Блока это неотъемлемая ее часть. Стихия не может выборочно уничтожить лишь затронутое болезнью.

²⁷ Там же. С. 206.

²⁸ Пьяных М. Вступительная статья // Александр Блок, Андрей Белый: диалог поэтов о России и революции. С. 19.

²⁹ Эткинд А. *Хлыст: секты, литература и революция*. М., 2013. С. 347.

³⁰ Вейдле В. *Умирание искусства*. М., Республика, 2001. С. 222.

Блок видит в революции воплощение задуманного. У России есть судьба и судьба эта – изменить все. Сделать жизнь, которую поэт увидел и ощутил сполна в темные годы после первой революции, новой, справедливой, чистой, веселой. Блок верит в прекрасную жизнь.

Замыслы о прекрасном устройстве, согласно Блоку, скрыто пребывают в народе, они, безусловно, всегда есть в народной душе. Революция – выплеск этих замыслов, и что в этом может быть плохого? Цель революции – исключительно благая, а средства и сопутствующие обстоятельства («доламывание плотины», «обсыпая лишние куски берегов») – мы переживем³¹.

Не нужно ожидать от революции исполнения личных чаяний и желаний. Это маленькое и личное неуместно и вспоминать, если только личное – не созвучно всеобщему, великому. Революция – словно взбунтовавшаяся в вихре или наводнении природа. Ее сила – внешняя, общая, лишенная рационального объяснения и исторически едва ли уловимая. В силу своего размаха и иррациональной, стихийной мощи революция не отыскивает достойных или недостойных, чтобы спасти или уничтожить, поэтому, зачем разочаровываться? Ее можно только принять. Зачем бояться разрушения? Разрушенное – того заслужило, оно только казалось тем, что оно было. Вечное сохранит память, а временное и неистинное должно гореть. Не может вековой раздор между интеллигенцией и народом так просто разрешиться³².

Блок ясно говорит, что его обращение направлено именно к интеллигенции, которая хотя и старается закрыться и не слушать музыку революции, все-таки способна ее понять. Такую музыку не поймет буржуазия, которая стоит на твердой почве личных убеждений, капитала, царя, служебного положения, потому что такую почву эта музыка разрушит. А у интеллигенции нечего отнимать, а если и получится отнять, то только с головой. Но стыдно интеллигенции смеяться над безграмотностью народа, одновременно боясь ее, отмалчиваться и удивляться случившемуся. Сейчас не время (и вообще никогда не время, но сейчас особенно) говорить о личном достоинстве и заслугах тех или других. Наше прошлое – несправедливое, недостойное, пошлое – вина наша, общая. Лучшие должны это чувствовать.

Андрей Белый не принял «Двенадцати» Блока. В апреле 1918 года вышла его поэма «Христос воскрес», написанная в противостояние поэме Блока. Уже первые строчки поэмы несут утвердительную силу слов «Христос воскрес». Исследователи творчества Белого отмечают, что «духовный идеал поэт прежде всего связывал с образом Христа»³³. Поэма «Христос воскрес» основана Белым на со-

³¹ Блок А. Интеллигенция и революция // Александр Блок, Андрей Белый: диалог поэтов о России и революции. С. 418.

³² Там же. С. 421.

³³ Пьяных М. Вступительная статья // Александр Блок, Андрей Белый: диалог поэтов о России и революции. С. 3.

бытиях Евангелия, перенесенных в современную ему действительность, в ней Белый сохраняет верность идеям Вл. Соловьева. Христос «опускается на каждого из нас»:

«Перегорающим страданием
Века
Омолнится
Голова
Каждого человека³⁴.»

Белый называл свою поэму тем местом, где встречается народная душа со Христом. И также как Блок, говорил, что его поэма не столько политическая, сколько мистическая. В поэме, по указанию самого Белого, ставится проблема духовной жизни индивидуума как основания для жизни коллектива³⁵.

Творчество Андрея Белого своей прозой, поэзией и публицистикой включенного в общественно-политическую жизнь современной ему России, являет собой не только эстетическую теорию, но социальный запрос – оно стремится стать основанием жизни. Ф. Степун в своем очерке об А. Белом, отмечая влияние на последнего философии Вл. Соловьева, пишет: «...Соловьев, основоположник новой русской философии, понимал истинную жизнь, и прежде всего истинную любовь, как художественный акт сотворения формы»³⁶. Подобным образом, как отмечает Степун, понимали творчество и другие великие художники.

За год до смерти, в 1933 году, Белый пишет «О себе как о писателе», где раскрывает свой путь к символизму. И этот путь проходит через искушение очень многими науками. Через увлечение проблемами точного знания и естественными науками Белый начинает интересоваться вопросами методологии и «отсюда несколько лет переживает себя философом», далее – увлечение музыкой, через которую Белый приходит в искусство, а через Достоевского, Ибсена, символистов – в поэзию³⁷. Эти весьма схематичные сведения из творческой жизни А. Белого позволяют понять его стремление к синтезу искусств и поиск общей основы, как в искусстве, так и в «жизнестроительстве». «Я распевал в полях свои стихотворные строчки... я стал скорей композитором языка...», – говорит Белый о своем творчестве³⁸.

Белый всегда находился в поиске таких форм искусства, где художник мог бы синтезировать все виды творчества. А в этом синтезе, слиянии в художнике разнообразия творчества, Белый видел главное – «путь к творчеству жизни»³⁹. Стремлением Белого выйти за рамки текста, буквы к краскам и звукам обуслов-

³⁴ Белый А. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 1. Стихотворения и поэмы. М., 1994. С. 413.

³⁵ Пьяных М. Вступительная статья // Александр Блок, Андрей Белый: диалог поэтов о России и революции. С. 26.

³⁶ Степун. Мистическое мировидение: пять образов русского символизма. С. 316.

³⁷ Белый А. О себе как о писателе // Андрей Белый: проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации. Сборник. М., 1988. С. 20.

³⁸ Там же. С. 20.

³⁹ Там же. С. 21.

лено его творческое использование народного языка, создание новых слов. Писатель представлялся Белому «организатором языковых стремлений народа»⁴⁰. Мечтой Белого был не мистический сплав всех искусств и направлений творчества, а именно поднятая над искусствами новая сфера творчества, путь к которой будет лежать только через музыку и литературу.

В кратком биографическом очерке «О себе как о писателе» Белый также отмечает пророческую функцию своего творчества. Автор находится как бы «в разрыве между сегодня и завтра», работая на злобу дня с одной стороны и предчувствуя будущее с другой⁴¹. Этим Белый объясняет «налет символизма» в его работах, образы которого есть как бы проект (набросок) будущего («натура не в ставшем, а в становлении»)⁴². Такой синтез статики и динамики в символизме уберегает художника от абстракции и бесплодного описания настоящего.

Летом 1917 года Андрей Белый написал статью «Революция и культура», где синтезировал теорию культуры, тяготеющую к концепции символизма, и тему революции. Революция и искусство, по Белому, имеют общий центр, откуда направляются они в разные стороны. Культура формируется благодаря «бережному кропотливому уходу», эволюционной «непрерывности развития»⁴³. Революция – словно природная стихия, «подземный удар»⁴⁴. Эволюция непрерывно формирует жизнь, органично обновляя ее. Революция периодически выбрасывает красные потоки вулканической лавы, но со временем они застывают и скрываются за «зеленой порослью культуры»⁴⁵. Белый замечает, что революции и культуре, формально противоположным друг другу явлениям, характерны взаимодополняемые цвета – красный (революция) и зеленый (культура). Искусство – место встречи «революционных и эволюционных энергий», где красный, сочетаясь с зеленым, становится белым светом искусства как достояния духовности⁴⁶.

Культура «уплотнена» материальной формой искусства, но такая материальная форма не отражает подлинного, она лишь временная оболочка⁴⁷. Материальная сторона культуры, конечно, может быть конвертирована в капитал, разменную монету, но это приводит к необратимым последствиям: «видоизменяются формы культуры; наука приобретает технический, узкопрактический смысл; и гастрономией процветает эстетика... в творчестве правовых отношений царит принудительный кнут, как полицейская мера для обуздания все растущего эгоизма утонченной чувствительности...»⁴⁸. Против такой подмены динамического процесса

⁴⁰ Там же. С. 21.

⁴¹ Там же. С. 24.

⁴² Там же.

⁴³ Белый А. Революция и культура // Александр Блок, Андрей Белый: диалог поэтов о России и революции. С. 471.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 472.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

оформленным продуктом выступает революция. Исток революции – в духе, только в нем может родиться бунт против ставшего основным материального. Завершение революции – также в духе, ведь именно там заново рождается культура. В революционном процессе рушатся старые формы культуры, и в этом смысле революция опасна для культуры, однако именно революция оживляет культуру и превращает косную форму в динамически мощный процесс.

Белый обращает внимание на «двойное дно» искусства: с одной стороны, оно есть форма культуры, то есть оно в той или иной форме проявлено; с другой стороны, искусство имеет лишь умом постигаемую глубину, где «совершается революционно-духовный процесс»⁴⁹. Эти противоположные направленности встречаются, однако, в душе художника, принявшего разделение собственного «я» на высшее «я» и косное «я», которые находятся в борьбе. Революция и культура на общественно-политическом уровне представляют эти человеческие «я».

В статье «Революция и культура» Белый также обращает внимание на революционное искусство, на творчество во время революции. Для Белого протоколированный, непосредственно запечатленный ход революции даже в той или иной форме искусства, – не есть искусство. Тот, кто спешит сохранить свою принадлежность к искусству и остаться «мудрым охранителем культа» в революционные минуты, дискредитирует себя как художника. Белый замечает: «Вдохновение есть создание образов, не совпадающих с вдохновляемым образом»⁵⁰. Поскольку революция – это только «акт зачатия творческих форм», состояние настоящего художника во время революции, когда все как бы сливаются в «рядовом гражданине» и «агитаторе», – состояние целомудренной немоты, свидетельствующее о «священных событиях внутренней жизни»⁵¹. Проникая поэтической интуицией к источнику революции – духу, душа художника пророчески «зачинает» образы будущего.

Для Белого настоящее проявление революции заключается не в ее разрушающей силе, обращающей в хаос застывшую форму культуры, но в акте «давления силы» прорастающего роста⁵². Поэтому Белый называет революцию «инволюцией» или «воплощением духа в условия органической жизни»⁵³. Именно в революции сочетаются динамика и статика, свобода и насилие. Подлинная революция, согласно Белому, не есть буржуазная революция, итогом которой становится, например, большевистская форма культуры. Настоящая «революция-собственно» направлена против «душевной косности», и ее цель – царство свободы в мире искусства⁵⁴.

⁴⁹ Там же. С. 473.

⁵⁰ Там же. С. 474.

⁵¹ Там же. С. 475 и сл.

⁵² Там же. С. 477.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 486.

Понимание, осмысление революции поэтами А. Белым и А. Блоком неразрывно связано с их художественным мировосприятием, во многом сформированным, как уже было сказано, философскими идеями Вл. Соловьева. Революционное творчество поэтов преодолевает ограниченность исторического времени. Вопросы, поставленные авторами в их статьях, выступлениях, стихах, поэмах и прозе, имеют исторический контекст, но творчество поэтов понятно и близко не только для их современников, но и для людей других поколений, не знавших революцию. Вяч. Иванов в статье «О русской идее» сформулировал тезис, который, на наш взгляд, очень емко характеризует общую позицию поэтов эпохи Серебряного века Андрея Белого и Александра Блока: «...кажется, что как встарь, так и ныне, становясь лицом к лицу на каждом повороте наших исторических путей с нашими исконными и как бы принципиально русскими вопросами о личности и обществе, о культуре и стихии, об интеллигенции и народе, – мы решаем последовательно единый вопрос – о нашем национальном самоопределении, в муках рождаем окончательную форму нашей всенародной души, русскую идею»⁵⁵.

Проблема революции, поставленная Белым и Блоком в широкий культурный контекст, может быть отнесена к такого рода вечному вопросу, адресованному русской культурой к самой себе, поскольку в ней решаются этические, социальные и эстетические вопросы, расширенные до границ мировой культурной истории и метафизически преодолевающие ее.

⁵⁵ Иванов Вяч. О русской идее // Александр Блок, Андрей Белый: диалог поэтов о России и революции. С. 529.

Владимир Булдаков

Российская революция: утопия, память, наука

Мир меняется, но как: эволюционно или скачкообразно? И каких изменений – революционных или реформистских – мы хотим, если хотим их вообще? Грубо говоря, где полезнее иметь «царя»: на троне или в голове?

100-летие революции 1917 г. породило новую волну поистине споров о природе революционности вообще, российской революционности в частности. Великие революции порождают не только великие мифы, но и великие иллюзии, причем ложные представления бывают столь основательны, что человек, взявшийся опровергать их, серьезно рискует. Известно, что ни одну проблему нельзя решить на том уровне, на котором она возникла (Альберт Эйнштейн). Тем не менее, русскую революцию пытаются понять со слов политиков 1917 г., забывая о том, что они *все* – от Павла Милюкова до Владимира Ленина – обанкротились в своих конечных ожиданиях.

Конечно, «генетический материал» русской революции был запрятан в глубине веков, а отнюдь не порожден текущим столкновением труда и капитала. Архетип взаимоотношений власти и народа, эта квинтэссенция *кратосознания* человека¹, складывается на протяжении столетий². Насколько он устойчив? Что определяет реактивацию его бунтарских элементов?

В свое время мною была предложена общая схема разворачивания системных кризисов в России (на основе сопоставления событий Смутного времени, кризиса XIX – начала XX вв., революционных событий конца XX в.). Получалось, что при всей своей зыбкости кризисы в России включают в себя ряд компонентов, определяющих тот или иной этап их разворачивания: этический, идеологический, политический, организационный, социальный, охлократический, рекреационный³. Однако, вместо рассмотрения цикла революционности в целом, историки обычно ограничиваются дотошным изучением лишь тех или иных его составляющих, с позитивистской самонадеянностью полагая, что именно таким путем можно добраться до сути проблемы. На деле, даже политическая составляющая кризиса носит вполне условный характер (имитация политики интеллигенцией), а весь процесс революционной трансформации протекает на архаичной *дополнительной* основе. Это связано с упорно игнорируемым фактором – относитель-

¹ Кратос – сила, власть (др.-греч.) – прим. ред.

² См. Булдаков В.П. Революция как проблема российской истории // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 53-63.

³ Булдаков В.П. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007. С. 76-114; он же. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 669-687.

ной неизменностью психоэмоциональных реакций *homo rossicus*'а на ситуацию *во власти*.

Между прочим, эта схема в значительной степени совпадает (по крайней мере внешне) с ленинской генеалогией (этапами развития) революционного движения в России⁴. Ленин, вполне в духе этоса Просвещения, исходил из идеи соединения социализма с массовым движением. Но органичного слияния не произошло и не могло произойти: наукообразные утопии, вырабатываемые интеллигенцией, были слишком слабы для того, чтобы преодолеть инерционную архаику крестьянской ментальности, первые могли лишь стимулировать агрессивную составляющую второй.

Понятно, что проблема европейской и российской революционности непосредственно связана с эпохой Просвещения, основательно пошатнувшей соотношение между Верой и Разумом. Это, в свою очередь, изменило соотношение между рациональным и эмоциональным в массовом сознании. Но не стоит обольщаться относительно возобладания принципа разумности. Сама вера в Разум стала своего рода обыденной религией людей, привыкших решать все проблемы, исходя из ближайшего расчета. Причем не получив ожидаемых результатов, человек превращался в заложника ничем не сдерживаемых страстей. Французская революция продемонстрировала это в полной мере, несмотря на все усилия великих умов уложить ее неистовство в известные логические рамки. С русской революцией, произошедшей в усложнившихся духовных условиях и в еще более зыбкой социальной среде, случились совсем уже поразительные мнемонические и историографические метаморфозы.

Прежде всего, хотелось бы разобраться с понятиями, ибо иной раз аналитический процесс подменяется игрой во всевозможные «концепты». Так, в свое время вместо того, чтобы углубиться в внутреннюю природу событий 1917 года, началась полоса гаданий: что это было – революция или переворот? Вероятно, при этом кому-то казалось, что «понижив» уровень произошедшего до «пустякового» переворота, удастся сбросить груз непонимания явления. На деле редуцирование понятия разрушило плотину, сдерживающую напор мнемонической мнительности. Во главу революции, да и исторического процесса в целом, был поставлен Заговор. Историческое сознание опустилось на доисторический уровень. Теперь приходится выбираться из предрассудков, еще более основательно опутавших наше историческое сознание.

Для начала хотел бы пояснить, что для меня революция 1917 г. вовсе не одномоментный переворот, а нечто принципиально иное – протяженный системный кризис, подобный Смутному времени XVII в. Разумеется, внутри этого процесса появлялись точки бифуркации, возникали и соответствующие «перевороты». В принципе следовало бы принципиально различать в истории «события» и «структуры» (Р. Козеллек). В этом контексте русская революция выглядит мас-

⁴ Ленин В.И. Памяти Герцена // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 255-262.

штабнее переворота в его привычном (увы!) понятии. Она скорее ближе к исходному понятию революции: полный цикл поворота, результатом которого станет возвращение космического тела на «свое» предопределенное место. Исходя из этого, тем более нелепо сводить произошедшее в 1917 г. к двум якобы противостоящим друг другу особым социально-политическим (Февральским и Октябрьским) феноменам. Они части единого *циклического* процесса.

И этот процесс в том виде, в каком он завершился, был невозможен без Первой мировой войны. Вудро Вильсон, будучи не только президентом, но и историком, отмечал, что война началась не по какой-то одной причине, она началась по всем причинам сразу. Начало XX в. в Европе было «революционно» по своему духу – оставалось только угадать, во что эта революционность выльется. Мировой катаклизм с его представлениями о «последней войне» после которой наступит «вечный мир», можно рассматривать как обращенную форму революционности. Тогдашние геополитические (отнюдь не новые) противоречия могли вылиться в мировую войну лишь в определенных общеевропейских социально-психологических, точнее, психопатологических условиях – в данном случае, связанные с надломом якобы торжествующей культуры европеизма.

Причины, породившие войну, в настоящее время очевидны: демографический бум, галопирующие миграционные процессы, спонтанная урбанизация, болезненная пролетаризация городского населения. В условиях общего «омоложения» и маргинализации населения все это обернулось накоплением элементов неотреагированной (а потому иррациональной) агрессивности (ресентимент). В условиях тогдашней информационной революции (почта, телеграф, телефон, кинематограф) психоментальное пространство сделалось «плоским» (на манер современного телевидения и Интернета). Как известно, трудно отыскать достижение технической мысли, которое человечество не ухитрилось бы обратить во вред себе. Но когда, при каких условиях *mass media*, безудержные по своей природе, начинают захлебываться от собственного вранья? В какой момент «позитивное» информационное пространство превращается в свою противоположность? И можно ли сдержать этот процесс, не доводя его до состояния самоаннигиляции?

В начале XX в. «демократизировавшаяся» культурная жизнь утратила свою ценностную упорядоченность и иерархичность: ученые мужи словно сошли с университетских кафедр в массы. Последние, разумеется, воспринимали их неадекватно – в псевдо-эсхатологическом духе. Вся Европа стала «беременна» и войной, и революцией. Однако интернациональный выход пытались найти на основании национального гегемонизма.

Глобализация сталкивает ранее отчужденные миры, и трудно надеяться, что они сразу же найдут язык взаимопонимания. В известном смысле большевики предложили свой вариант глобализации. Разумеется, он был совершенно утопичным, но многим хотелось видеть в нем только гуманистическую составляющую, «не замечая» насильственного способа ее воплощения. И это не удивительно: к тому времени весь европейский мир был уже пронизан насилием.

В результате XX в. наглядно показал, что под покровом европейской цивилизованности таятся «погребенные ужасы ушедших эпох» (Ф. Ницше). Вся грандиозная попытка эпохи Просвещения сделать мир единообразно «разумным» потерпела крах. В это до сих пор трудно поверить, хотя об этом напоминал еще Константин Леонтьев, кажется, впервые обратившийся к социальной психологии европейских народов⁵ и заключивший, что Европа дышит будущей войной. И потому мы по-прежнему остаемся в плену «рациональных» объяснений позапрошлого XIX века. В начале XX в. величайшую опасность представляла не общеевропейская нестабильность, а действия по ее преодолению, продиктованные «логикой вчерашнего дня» (Питер Друкер). С этим же фактором связан и тот когнитивный тупик, в котором мы оказались сегодня применительно к истории русской революции. «Диктатура разума» ушла в прошлое. От нее остались, как не без оснований было сказано, «ублюдки Вольтера»⁶.

Каждая культурная среда обладает своим способом противостоять или, напротив, стать жертвой общего недуга эпохи. В России набор общеевропейских противоречий усугублялся крестьянским вопросом. И дело не просто в аграрном перенаселении исторического центра империи, породивший феномен крестьянской революции, развернувшейся с 1902 г. и достигшей апогея в 1905 – 1907 гг. В начале XX в. город и деревня пребывали в разных эпохах, в разных культурных измерениях. Однако они могли сомкнуться в городской среде, перенаселявшейся всевозможными мигрантами. «Город» попросту не знал, что делать с «деревней» – отсюда феномен народничества. Внутрироссийское «столкновение культур» приняло особо острый характер в годы мировой войны. Оно было архаичным по своим проявлениям. Неслучайно тогдашнее военно-революционное бунтарство включало едва ли не весь набор погромных и самосудных действий, характерных для Средневековья. Между тем «просвещенные» люди упорно мыслили категориями и образами «возрождения». Немногие улавливали грозящие России опасности. Достаточно вспомнить «темное вино» – «иррациональное начало», которое бродило под покровом европеизированной политики и которое, по словам Н. Бердяева, «опрокидывало все теории политического рационализма». Впрочем, еще до Бердяева А. Блок пророчески писал: «И черная, земная кровь сулит нам, раздувая вены, все разрушая рубежи, неслыханные перемены, невиданные мятежи».

Поэт интуитивно улавливает то, что никак не принимает заучившийся «рационалист». Впрочем, гениям даются не только великие пророчества, но и великие иллюзии. В 1917 г. наступило время невиданных самообольщений. В таких условиях «выигрывает» фанатик.

Как бы то ни было, своеобразное резонирование ритмов европейской и российской истории в связи с мировой войной сделалось неизбежным. Информационная революция привела к невиданной заразительности идей. «Просвещенный»

⁵ Леонтьев К.Н. Записки отшельника. М., 1992. С. 452.

⁶ См. Сол Д.Р. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. М., 2007.

российский XX век сомкнулся с «крестьянским» XVII веком. Но, разумеется, в это никак не может поверить обычный человек, особенно, если он травмирован неудачей «строительства социализма в одной отдельно взятой стране». Некоторые наши эпигоны (а их, как всегда, предостаточно) не случайно ухватились за «веховское» истолкование истоков революции в России. Революции, действительно, предшествует интеллигентская «смута в умах» и соответствующее «бурление крови». Но общеизвестное не есть истинное.

Впрочем, основная масса историков, как в России, так и за рубежом, воспринимает события столетней давности в совершенно ином дискурсе. И этому тоже есть свое объяснение. Жизнь (история) не подчиняется искусственно навязываемым ритмам (как и соответствующим идеалам и идеям). В известные времена Клио не просто смеется над человеком, она словно начинает хохотать над его «футуристическими» деяниями.

Как понятие своего времени (XIX и XX вв.) революция была отрицанием старого, якобы расчищающим путь в будущее. Как реальность, прописанная в глубинах человеческих душ, она оказалась всего лишь «бессмысленным» бунтом. Причем бунт проявлял себя наиболее интенсивно именно там, где его наиболее усердно провоцировали призраком прогресса – то есть всеобщего благоденствия. Революция всегда подобна двуликому Янусу.

В сказанном нет ничего нового. Уже давно было отмечено, что «проклятием безудержного прогресса является безудержная регрессия»⁷. Это следовало бы принять не только как гипотезу, но и как аксиому. И не случайно исследователи уловили, что своеобразным пиком и, вместе с тем, началом новой европейской эпохи стал 1912 год с его практически одновременным всплеском футуризма, экспрессионизма, имажинизма в искусстве⁸.

Итак, «бунташная» русская революция была вызвана Утопией. Утопия породила Миф, доживший до наших дней. Но какая утопия? Вряд ли уместно кивать на «марксизм-ленинизм». Он был скорее Доктриной, выросшей на подходящем социальном ландшафте.

Настоящей утопией была вера в необратимость Прогресса. Предполагалось, что человеческое развитие идет либо по эволюционной экспоненте, либо революционным образом «прыгает» вверх по ступенькам общественно-экономических формаций. Но только вперед. На этом фоне различия в путях достижения прогресса казались несущественными.

Возник характерный парадокс: эпоха Просвещения и порожденный ею Модерн пытались отрицать любые виды утопии. В результате Модерн сам стал временем сплошной Утопии. Отсюда и оптимистичные представления о революции, замешанные на нерассуждающей вере в Разум и подкрепляемые соответствующими

⁷ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения: философские фрагменты. М., СПб., 1997. С. 53.

⁸ Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М., 2017. С. 106-107.

щими моральными установками. «Революция очень долго представлялась исключительно как череда победоносных войн, которые вел жаждущий свободы и вдохновленный благороднейшими стремлениями народ против союза всех сил угнетения и невежества», – писал Ж. Сорель задолго до русской революции⁹. Такие представления могли легко обернуться апологией «прогрессивного» насилия.

В связи с этим стоит вспомнить о феномене футуризма. Ни кто не будь, а итальянцы, «уставшие» от груза «застойной культуры» в 1909 г., выступили апологетами войны, «революционно» освобождающей человечество для прорыва в будущее. Впрочем, к концу XIX в. все духовное пространство Европы было пронизано футуристическим утопизмом. Россия не оставалась в стороне. И много ли стоили проекты мировой революции на фоне мечтаний о том, что обновленная Российская империя может получить свою новую столицу в Киеве, а став «главой Великого Восточного Союза» обретет «новую культурную столицу на Босфоре»!¹⁰.

Сегодня почему-то «забывают», что уже в конце XVII в. Европе зарождается новая темпоральность – люди начинают сопоставлять настоящее и будущее. И это касалось не одних только революционеров – нарастало всеобщее недовольство *status quo*. Интуитивные ощущения нестабильности вызывали соответствующие эмоции. Из эмоций рождались «пророчества». Стоит напомнить, что многие русские (и не только) поэты восторгались Ш. Бодлером – казалось, что своей «антибуржуазной» поэзией он словно подталкивает время физического бытия¹¹. Что касается первых итальянских футуристов, то они словно задались целью выпустить наружу разрушительную творческую энергию, способную до основания – в том числе и с помощью войны – разрушить всю старую культуру¹². К слову сказать, российские последователи безудержных итальянцев с началом Первой мировой войны «одумались»: антивоенным протестом был захвачен не только В. Маяковский¹³.

В известном смысле из этих представлений родился общий «революционный» взгляд на мир. Известный лозунг «Время – вперед» вовсе не изобретение сталинской «модернизации». Все «буржуазные» революции XIX в., казалось, подхлестывали время (хотя на деле они скорее сдерживали ход естественного развития, тормозили его). Но информационная революция начала XX в. действительно «пришпорила» время: людям показалось, что будущее можно выковать «здесь и сейчас».

⁹ Сорель Ж. Размышления о насилии. М., 2013. С. 102.

¹⁰ Леонтьев. Записки отшельника. С. 282.

¹¹ Ассман. Распалась связь времен? С. 37.

¹² См. Манифесты итальянского футуризма. Собрание манифестов Маринетти, Боччьони, Кара, Руссола, Балла, Северини, Прателла, Валентина де Сен-Пуан. Перевод Вадима Шершеневича. М., 1914.

¹³ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая утопию. М., 2015. С. 93, 103.

Революция 1917 г. в значительной степени была продуктом подобных футуристических императивов. Эпоха Просвещения фактически закончилась в связи с Первой мировой войной (туда же следовало бы отправиться и прогрессистским иллюзиям Модерна). Неслучайно в тогдашнем интеллектуальном мейнстриме появились не только такие фигуры как Ф. Ницше и З. Фрейд, отдававшие приоритет области бессознательного в жизни человека. Даже *внутри* позитивизма В. Вундт перенес акцент с эгоистического индивидуализма эпохи Просвещения на «национальный (народный) дух» (Volksgeist).

В России Вундта весьма почитали. А он, между прочим, как-то уловил перспективу «внушаемого будущего», когда историкам останется только определить, «каким образом было произведено внушение массам, к которым будут сводиться самые важные исторические события»¹⁴. Соблазн политтехнологизма возник не сегодня. Он имеет свою длительную историю, связанную с учеными заблуждениями целой эпохи.

Но хотя к началу XX в. эпоха Разума явственно угасала, люди, тем не менее, продолжали действовать в соответствии с ее привычными постулатами. Постепенно былой прогрессизм стал опускаться на прикладной, а затем и бытовой уровень. «Время революций» вытеснялось временем «восстания масс». Но люди не готовы к пониманию неожиданного и пугающего: даже современные «арабские революции» истолковываются в конспирологическом ключе, а не как стихийная цепь восстаний, точнее бунтов, против культурной экспансии пережившего свое время европейского Модерна.

В России конца XIX в. представления о прогрессе сблизилась с понятием революция благодаря вторжению марксизма. Это легко пояснить на примере политических метаний П. Струве. В 1894 г. он призывал «признать нашу некультурность и пойти на выучку к капитализму» (это высказывание в России «оценили» через столетие). В 1898 г. он выступил автором Манифеста I съезда РСДРП, затем ринулся к кадетам, после чего еще более поправел. Падение самодержавия он встретил, однако, с восторгом, но в эмиграции признал, что тогда «дурак был». Впрочем, незадолго до победы большевиков он заявил, что революция в России – это соединение «Карла Маркса с русской сивухой». Метафора, конечно, не лишена правдоподобия. Но более убедительно смотрелось бы напоминание (не принадлежащее Струве) об утопии, вполне конкретно «побратавшейся» со штыком¹⁵.

Струве был талантливым и столь же безответственным человеком и политиком. Впрочем, талант не пропьешь даже в России. Струве одним из первых сравнил русскую революцию со Смутным временем начала XVII в. В общем, он отказался от линейно-прогрессистского представления об историческом развитии

¹⁴ Вундт В. Гипнотизм и внушение. СПб., 1909. С. 108.

¹⁵ Филиппова Т.А. Братание идеи со штыком: политико-культурные смыслы Великой российской революции // Российская история. 2017. № 2. С. 78-92.

и, это, на мой взгляд, его основная, если не единственная, заслуга перед историософией.

А теперь мысленно представим, как все это смотрелось сквозь окуляры «марксизма-ленинизма» советских времен. Люди того времени явно забыли в каком веке живут, ибо мечтали только о том, как побыстрее запрыгнуть в будущее («догнать и перегнать»). Со временем – в порядке самоутешения! – они отождествили прогресс с темпами экономического роста. И догадаться, что они связаны по рукам и ногам не только идеями XIX в., но и представлениями об «индустриализме» времен Петра I, им было не дано.

Всякие масштабные и, особенно, «переломные» и катастрофические события особым образом впечатываются в память последующих поколений¹⁶. Было бы наивным думать, что в результате этого рождается некая «правда истории». На деле всего лишь меняется психология восприятия былого события. А в случае с революцией возможна даже радикальная перверсия представлений. Так возникает «новый» анти/миф, способный «эволюционировать» и мимикрировать соответственно запросам меняющегося исторического воображения. В общем, это все то же бесконечное плутание в потемках непонятой истории. При этом всякая ничтожная ментальная подвижка может выдаваться за «озарение».

Так бывало всегда. Тем не менее, словосочетания «историческая память», «народная память» воспринимается у нас как нечто сакральное, не подлежащее сомнению. Между тем, то, что именуется исторической памятью – ни что иное, как спрессованный набор наивных представлений о малопонятном прошлом. Она соткана из множества недоумений, порожденных попытками бытового «картографирования» исторического процесса. Основу ее составляют людские эмоции и воображение, направленное на сравнение желаемого и обретенного. Наиболее отчетливо это заметно применительно к истории революции: поскольку очередной ее образ перестает удовлетворять потребности в «нужном» прошлом, он корректируется и модифицируется утопией – как «консервативной», так и «прогрессивной». Затем из симбиоза мифических и утопических компонентов массового сознания возникает некая конвенциональная память о революции. Понятно, чтобы выбраться из пут такого «заинтересованного» копания в прошлом, следует, прежде всего, критически взглянуть на соотношение памяти, воображения и собственно историографического механизма.

В сущности, всякая историческая память противостоит попыткам научного осмысления прошлого. К тому же, в СССР эта память подверглась невиданной деформации. М. Мамардашвили писал, что обществу был навязан язык, неадекватный реальности, который, в конечном счете, привел к фокусническому устранению реальности¹⁷. Выдающийся социолог Э. Геллнер по-своему уточнил:

¹⁶ См. Corney F. *Telling October: Memory and Making of the Bolshevik Revolution*. Itaca, London, 2004; Тихонов В.В. Революция 1917 г. в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // *Российская история*. 2017. № 2. С. 92-112.

¹⁷ Мамардашвили М. *Как я понимаю философию*. М., 1990. С. 201, 205.

коммунистические правители ухитрились сделать официальной государственной доктриной и основой социального порядка «не что иное, как саму *теорию истории*»¹⁸. Эта амальгама самой передовой «науки» и одряхлевшего мифа – поистине уникальный «историографический» феномен, призванный произвести мобилизационный идеологический эффект.

Но в силу каких причин советская пропагандистская машина, инерционная по своей природе, захлебнулась от собственного вранья? Очевидно, это могло произойти тогда, когда поддерживаемое ею соотношение между реальным, воображаемым и символичным перестало соответствовать людским представлениям о должном. Потребовался очередной кризис власти, чтобы создались условия для переосмысления, как казалось, навсегда забытого и отброшенного прошлого. Прошлое не уходит: оно мстит за собственное забвение.

Однако русскую революцию подстерегали и другие коллизии исторического воображения советского человека. В СССР культивировалась жертвенно-героическая и, соответственно, *мстительная* память, основывающаяся на (якобы) личном переживании прошлого¹⁹. Дореволюционное прошлое либо селективно стиралось из памяти, либо демонизировалось²⁰. Так стимулировались не модернистские, а автаркистские и ксенофобские элементы общественного сознания. Вместе с тем, подавлялась способность к критическому осмыслению и переосмыслению истории. Последствием стало специфически «советское» отношение к прошлому.

Один западный автор весьма проникательно назвал Россию чем-то вроде «империи благих намерений», которые на деле оборачивались противоположностью²¹. В советское время традиционный патернализм предстал в ипостаси «научного коммунизма». Однако всякий обман и самообман не должен носить столь откровенной доктринально-материалистической привязки. Страх обманутости возбуждает чувство мести, способное принять характер «исторического возмездия».

С другой стороны, в советскую историческую память неуклонно внедрялось представление о том, что СССР многократно превзошел экономические достижения царской России, пиком которых был 1913 г. Возникал образ «дающей» революции, что соответствовало производственно-потребительской ментальности «простого советского человека». Иной революции не могло и быть – это представление и породило последующее стремление морально и идеологически «убить» не оправдавшую надежд революцию с помощью привычной для советского человека бюрократической цифири. Отсюда нынешнее состояние недоуме-

¹⁸ Gellner E. Foreword // Loone E. Soviet Marxism and Analytical Philosophies of History. L., N.Y., 1992. P. VIII.

¹⁹ Corney F. Telling October. P. 203.

²⁰ Святославский А.В. История России в зеркале памяти: механизмы формирования исторических образов. М., 2013. С. 281.

²¹ См. Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923 – 1939. Ithaca, L., 2001.

ния, вклинившееся в собственно историографию с помощью наиболее примитивных вариантов «социологии» революции.

Обыденная память далека от задач постижения прошлого. Однако получается еще хуже, когда с ее помощью конструируется некое верование. Для «среднего» советского человека вера в коммунистический телеологизм составляла имплицитную основу социального оптимизма. В 1957 г., к примеру, из тогдашних научно-популярных журналов можно было узнать, что через сорок лет в мире воцарится коммунизм, а последнему и единственному поклоннику принципа частной собственности из пресловутых Рокфеллеров не останется ничего иного, как попросить себе надел для индивидуального хозяйствования – иной жизни он не представлял.

Всякий революционный культ вырастает, а затем поддерживается иерархией персонифицированных «культиков»²². Из бывшего «многобожия» в СССР вырос единый Культ, который заслонил собой самый образ революции. Не удивительно, что с разрушением культа соответствующие «подозрения» пали на саму революцию. Причем поначалу в годы перестройки была сделана попытка опереться на образ «революции-ускорения», но за этим последовало поношение всякой революционности.

Развал СССР сопровождался крахом официальной историографии «Великого Октября». Восполнить потерянное на научном уровне было нечем. И не случайно западные авторы еще в 1990-е годы сделали безошибочный прогноз: возрождение конспирологических версий неизбежно. Вместе с тем, отсутствие привычных сдержек развязало всевозможные фантазии.

Вряд ли нужно пояснять, что блоковских пророчеств современная историография, некогда ушибленная квазикоммунистическим социологизмом, не замечает. Они не вписываются и в нынешний тип российской историографической психоментальности. В прошлом считалось, что в СССР невозможны ни кризисы, ни беспорядки, ни, тем более, революционные потрясения. С крахом советского коммунизма разыграли эмоции людей, «обманутых» революцией²³.

Все это и обусловило состояние идеологического вакуума, в который – словно по насмешке Клио – вторглись наиболее примитивные представления о революции столетней и более давности.

После революции неизбежны попытки примирить историческую память с историографическим воображением. Это явление не может не быть болезненным.

Наука всегда стремится опереться на «универсальные» законы и всякий раз спотыкается на этом. Дабы избежать конфуза, применительно к истории было изобретено представление о «политической культуре» того или иного народа.

²² Булдаков В.П. 1917 год: лица, личины и лики революции // Россия и современный мир. 2017. № 1(94). С. 6-20.

²³ См.: Булдаков В.П. 1917 год: Страсти революции // Труды по русистике ИНИОН. Вып. 6. М., 1916; он же. Революция и эмоции: к реинтерпретации политических событий 1914 – 1917 гг. // Эпоха войн и революций: 1914 – 1922. СПб., 2017. С. 460-475.

Слов нет – всякий народ своеобразен по определению. Но попытка охватить это своеобразие *политической* культурой – уловка, скрывающая стремление к единообразию исследовательского подхода.

Историческое бытие каждого народа словно подстраивается к ключевым событиям минувших лет, выдвигая подходящих «героев» и злодеев». Этим обеспечивается уверенность народа в собственной защищенности. Нынешняя депрессивность российской социальной среды во многом связана с тотальным отчуждением от собственной истории. При этом средний человек *sui generis* не склонен считаться с научными опровержениями причуд своего исторического воображения.

История, как наука, – не только «ненужная», но и «вредная» профессия. Она противостоит не только исторической памяти, но и «энергии воспоминаний», которая со времен Наполеона активно используется политиками в своих собственных интересах. Ф. Ницше как-то отметил, что неприкрашенная история подрывает будущее, разрушая иллюзии и отнимая у окружающих нас вещей их атмосферу, в которой они только и могут жить. В наше время, в России это очень заметно. Сообщество историков лихорадит.

Сталкиваясь с хаосом бытия, человек пытается натянуть на него смирительную рубашку «нормы» и «порядка». Этот самообман, в сущности, составляет основу обыденного восприятия как прошлого, так и настоящего. Между тем, полезнее было бы научиться понимать историю изнутри, избегая доступных «истин», которые нашептывает легкомысленная современность. На деле получается с точностью до наоборот. В современном обществе сделать это особенно легко в связи с помощью визуально-сетевых средств массовой информации. Историческая память, ранее формировавшаяся легендами, фольклором, обычаями, ритуалами оказывается под непрерывным натиском дилетантов, подсовывающих «свой» взгляд на прошлое с помощью совершенно не соответствующим ему картинок. Самое легкомысленное применительно к истории – исходить из формальных аналогий. Однако мифотворчество нашего непредсказуемо глобализующегося мира упорно оперирует внешним сходством.

Сегодня актуализировалось множество экзотических «теорий» Февральской революции. В прошлом некоторые авторы связывали ее с перманентным состоянием «расколотости» России, связанным не столько с историческим Расколом, сколько с невозможность выработать «срединную» культуру и создать «средний» социальный слой, социокультурно консолидирующей все сословия и страты²⁴. В наше время некоторые авторы переводят феномен Раскола в политико-прагматичный контекст. Доказывается, что поскольку «старая вера» – исконно народная форма «русскости», то гонения на нее спровоцировали все последующие беды России. Пишут даже об исторической «мести» старообрядчества ро-

²⁴ См.: Ахиезер А.С. Специфика российской политической культуры и предмета политологии. М., 2002; он же. Октябрьский переворот в свете исторического опыта России // Октябрь 1917 года: взгляд из XXI века. М., 2007.

мановской монархии – это следует отнести к числу модных «метаисторических» фантазий²⁵. Известно, что революционные агитаторы встречали особое понимание у раскольников; справедливо, что к началу XX в. все более значительная часть верующих бежала от «казенного» православия во всевозможные секты; несомненно, что указ о веротерпимости (апрель 1905 г.) мог активизировать старообрядчество, но роста антиправительственных настроений «староверов» или сектантов, выходящих за рамки их прежнего духовно-изоляционистского отторжения от «антихристов-Романовых», не было заметно.

Но существует и прямо противоположное представление о ныне канонизированных Романовых. Их отголоском и одновременно апогеем их апологетики является представление о том, что Николай II был «реформатором». Это обосновывается тем, что на время его царствования приходилось весьма значительное количество реформ²⁶. Правда, никто не задается вопросом: а сколько нужно было реформ, какое системное качество они должны были представлять? И можно ли утверждать, что принимаемые реформы были инициированы именно самодержцем? На деле во время правления Николая II возникла принципиально антимодернизационная ситуация: российский самодержец и интеллигенция словно оказались в разных темпоральных измерениях: первый ориентировался на якобы сакрализованный «застой», вторая – готова была бездумно отдаться на волю «прогресса». А о революционизирующем воздействии «реакционных» сил времени упоминал в свое время сам В.И. Ленин.

Было бы странным, если бы в России не сложилось особого отношения к власти. Для россиянина она поистине онтологическая величина, единственно способная упорядочить пугающие пространства территорий, этносов, не говоря уже о непокорных людских душах²⁷. Но, если бесконечность и вечность – «естественное» пространство империи – становятся «координатами» существования державы, то последняя сама становится верой²⁸. Ее крушение – есть крах Веры.

В сущности, именно этим и определяется современное состояние исторического сознания. При этом самое поразительное, что фантазийная конспирология легко уживается с материалистическим взглядом на историю. И здесь включается «железная» логика: если предреволюционная Россия экономически «процветала», уверенно двигаясь «от традиции к Модерну», если народ «благоденствовал», то никаких объективных предпосылок революции быть не могло. Марксистская догма оказалась посрамлена «экономическим детерминизмом»!

²⁵ См. Шахназаров О.Л. Старообрядчество и большевизм // Вопросы истории. 2002. № 4; Пыжиков А.В. Корни сталинского большевизма. М., 2015.

²⁶ См. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004; он же. Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Российская история. 2009. № 4.

²⁷ См. Королев С.А. Бесконечное пространство: гео- и социографические образы власти в России. М., 1997.

²⁸ Исаев И.А. Топос и номос: пространства правопорядков. М., 2007. С. 19-20.

Несомненно, конспирология связана с кризисом позитивистского исторического сознания. Стоит вспомнить, что склонность к мифотворчеству в свое время продемонстрировал даже «позитивист» П.Н. Миллюков, открывший на старости лет «масонскую» тему русской революции. Она, в свою очередь, оказалась «неожиданно» востребована в советское время в связи с истощением суггестивного потенциала официальной идеологии²⁹. Все это не случайно: практически вся историография русской революции по-прежнему исходит из парадигмы эпохи Просвещения: события 1917 г. представляются возвышенным продолжением буржуазных революций прошлого.

С другой стороны, на помощь конспирологии подросла вера в политтехнологии – этого продукта анемичной социальной среды, вновь ощутившей себя жертвой «злых сил»³⁰. Между тем политология по определению отрицает герменевтику, то есть возможность понять чужую культурную среду изнутри. В результате все, что не укладывается в политологический образ мысли, вольно или невольно задвигается в область «ненормального». В этих условиях людям параноидального воображения остается лишь придать всему непонятному inferнальный характер. В результате обыденные представления о русской революции лишаются не только логических, но и ценностных оснований.

Известно, что бывают времена, когда персональные комплексы начинают резонировать с общественными психозами. Психоментальную напасть нашего времени составляет вера в механистичность социального. В известные времена идеология, словно растворяясь в технике, начинает продуцировать технократический взгляд на весь мир, прежде всего, на людей как существ, управляемых внешней силой³¹. Так появляется еще один ресурс мифотворчества. Особенно охотно используют его люди чем-то обделенные. Их словно притягивают «невидимые силы» прошлого. Они словно дают им шанс возвыситься над «непонятным» научным окружением.

Вместо бесполезных попыток понять прошлое с помощью политологически упрощенной современности, следовало бы отталкиваться от своеобразия исследуемой эпохи. Почему в связи с этим не вспомнить об эндогенном характере кризисного ритма российской истории³²? В сущности, вся «загадка» 1917 года связана с наложением ритмов российской и мировой истории, в результате которого внутренний системный кризис срезонировал с европейской катастрофой. Отсюда и масштабы разрушений, и последующее воздействие утопических идей русской революции на внешний мир.

²⁹ Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. М., 1974. С. 4-5.

³⁰ См. Кагарлицкий Б. Наваждение. Симптомы одной болезни: конспирология и политтехнология // Русская жизнь. 2008. № 6(23).

³¹ Юнгер Ф. Совершенство техники: машина и собственность. СПб., 2002. С. 184-185.

³² См. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М., 2005; Булдаков В.П. Quo vadis. Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007.

Неспособность или нежелание понять *исторический* смысл русской революции вызывает панические призывы заняться «возвышенной» задачей «клиотерапии»³³. Но нечто подобное уже практиковалось в советское время. Не менее «вдохновляющую» роль призваны сыграть и уверения в том, что Россия – «успешная страна»³⁴. О былых достижениях СССР по производству «чугуна и стали» всем известно; в связи с этим стоило бы вспомнить о сопровождавших их ощущениях советских граждан.

В области идеологии и политики русская революция стала своеобразным состязанием «новейших» политических доктрин и утопий, диссонирующих с народной ментальностью, что закономерно обернулось «трагедией конкурирующих невозможностей»³⁵. Думать, что этим процессом, как и всякой иной революцией, можно было управлять, все равно, что исходить из предположения, что хвост управляет собакой. Возможно, для понимания фантомов и фантазмов русской революции в нашем столь же «непрозрачном» мире требуется «другая организация разума и желаний, о которых мы можем пока мечтать»³⁶. Впрочем, можно поступить проще, вспомнив кое-что из прошлых интеллектуальных достижений. Русская революция стала скорее характерным для XX в. «восстанием масс» (Х. Ортега-и-Гассет), по модернизаторскому недоразумению направленным на создание «нового человека». Последнее было невозможным – отсюда и последующее «бегство от свободы» (Э. Фромм). Как результат, футуристам пришлось довольствоваться ролью «Дон Кихотов революции»³⁷.

Русскую революцию, как и породившую ее Первую мировую войну, бесполезно пытаться анализировать в рамках линейных причинно-следственных зависимостей. Величайший российско-мировой системный кризис протекал по законам социальной синергетики, то есть динамики самовоссоздания «порядка из хаоса»³⁸. А его итог определялся малозаметным, но решающим фактором – психикой «маленького человека», вынужденного решать проблему выживания не по предписаниям «ученых мужей», а цепляясь за ускользающее прошлое. Но может ли человек освоить логику самоорганизующегося хаоса, если он сам находится внутри его?

³³ Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. 1. СПб., 2003. 3-е изд. С. XV-XL. XVII, 16.

³⁴ Соловей В.Д. Русская история: новое прочтение. М., 2005. С. 7-9.

³⁵ Критический словарь Русской революции: 1914–1921 / Сост. Э. Акстон, У.Г. Розенберг, В.Ю. Черняев. СПб., 2014. С. 48.

³⁶ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне: двенадцать лекций. М., 2008. С. 296.

³⁷ См.: Белая Г.А. Дон Кихоты революции – опыт побед и поражений. М., 2004.

³⁸ Попытки перевести вопрос в такой контекст предпринимались неоднократно. См. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997; Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998; Булдаков В.П. «Другая» революция: Пути и возможности переосмысления Октября // Академик П.В. Волобуев: неопубликованные работы, воспоминания, статьи. М., 2000. С. 238-264; он же. Империя и смута: к переосмыслению истории русской революции // Россия и современный мир. 2007. № 3 (56). С. 5-27; он же. Кризисный ритм российской истории: к культурно-антропологическому переосмыслению // Политическая концептология. Ростов-на-Дону. 2015. № 2. С. 18-52.

Вопрос остается открытым. По мнению Ю. Лотмана, система, подобная российской, провоцировала к воплощению в жизнь заведомо неосуществимого идеала, что отзывалось поэзией построения «новой земли и нового неба»³⁹. Но это скорее привлекательный своим имплицитным самоутешением образ, нежели осязаемая реальность, – человек в любом случае скрытый бунтарь. Почему же он вновь добивается «царя», отторгая очередного венценосного неудачника?

Историкам следовало бы ответить на вопрос: почему и как внутри таких устойчивых величин, как культура, хозяйство или ментальность «вдруг» происходит лавинообразный рост «малых возмущений», оборачивающийся тотальным хаосом, который пытается взломать генетический код системы. Ответ окажется прост: хаос приходит изнутри, из душ маленьких людей, тихое существование которых автократический монстр делает невозможным. Сегодня бюрократическая машина вновь воспринимает этих людей как некое среднестатистическое существо. За ней следуют мифотворцы от истории.

У всех авторитарных систем один конец: власть либо закисает от безволия «самодержцев», либо деревенеет от тупости бюрократии. Это происходит в пору материального (реального или воображаемого) расцвета: в условиях внешнего изобилия элиты теряют чувство самосохранения и впадают в словоблудие, низы, напротив, требуют своей части «дармового» общественного пирога. Достаток развращает – все считают себя обделенными. То, что считают стагнацией и застоєм, несет в себе чудовищный революционный потенциал – люди превращаются в жертв собственных прихотей и вожделений, а потому становятся заложниками собственных предрассудков.

Если человека лишают каждодневной веры в самого себя, то он непременно поверит в существование вневременной нечистой силы. Авторитарная власть, сама того не ведая, ведет именно к этому, выпуская на простор не менее авторитарных «бесов» революции. Последним остается лишь в очередной раз прикинуться «ангелами». И это будет продолжаться до тех пор, пока историческая память не избавится от иллюзий, а историческая мысль от веры в «спасительные» доктрины.

Современный человек не желает понять сути революции. Конечно, при избытке «праведной» эмоциональности он обладает совсем не той мыслительной парадигмой, которая требуется для этого. Но дело не только в том, что обыденному сознанию довольно проблематично оперировать неведомыми категориями синергетики, ему не дано ощущение своей изоморфности былому революционному хаосу. Для привычного позитивизма само понятие *Zeitgeist* – ключевое, для осмысления любой эпохи – остается недоступным.

³⁹ Лотман Ю.М. *Культура и взрыв*. М., 1992. С. 258.

Александр Доброхотов*

Метафизика революции 1917-го года в идеях и образах ее современников

Чтобы увидеть 1917 год в *непосредственных* отражениях религиозно-философской мысли, надо для начала изменить масштаб рассмотрения и взглянуть на более широкий контекст. Такая «настройка оптики» даст, возможно, не вполне ожидаемый эффект. Априори можно было бы предположить, что размышления и переживания деятелей культуры в эпицентре 17 года будут соответствовать грандиозности события, изменившего мировую историю, и окажутся максимумом духовного напряжения. Но на самом деле воображаемый «график» интенсивности мыслей о революции выглядит не совсем так. Спор о сущности, возможности и необходимости революции выходит из мира прокламаций в открытое пространство культуры примерно в последнее двадцатилетие XIX века.

Условной точкой отсчета можно принять речь «Христианство и революция», произнесенную на Высших женских курсах В.С. Соловьевым 13 марта 1881 г., главная мысль которой стала лейтмотивом русской религиозной философии революции: восстание против устоявшегося миропорядка должно иметь сакральный смысл; основанная на насилии революция лишена будущности. В 90-е годы полемика о революции стягивает к себе разные типы дискурсов и осваивает метафизический язык, а с 1902, начиная с *Проблем идеализма*, можно говорить об отчетливо выделившемся философском дискурсе революции. С этого момента, вплоть до 1914 г., начинается небывалый по интенсивности и насыщенности период постижения революции философией, литературой, социально-политической мыслью, театром, музыкой изобразительным искусством. Вершина этого взлета – 1905-09 гг.: от начала Первой революции до *Вех*. Война резко меняет актуальную тематику, и размышления о революции фактически исчезают из дискурсивного поля.

Осмысление войны доминирует и в начале 17 года: реакция на революционные события февраля-марта на удивление слабая и публицистически-поверхностная. Здесь надо учесть и то, что к этому времени созревают и публикуются итоговые книги многих философов Серебряного века. Годы 1916-20 – это время обильного урожая всего того, что выращивалось в предшествующие десятилетия; время, совпавшее – увы – с эпохой катастроф. Поэтому философы, раз-

* Доктор философских наук, профессор кафедры Школы Культурологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

деляя, как правило, общий энтузиазм, смотрят несколько свысока на долгожданный приход республиканских свобод. Их газетные и журнальные поучения чаще всего воспроизводят контент, наработанный в годы Первой революции¹, хотя со временем появляется осознание нетривиальности происходящего.

Показательна смена интонаций в статьях С. Франка в *Русской свободе*. Сначала звучит благонравная дидактичность: «Есть социализм человечности и справедливости, и есть социализм классовой ненависти и зависти. Идея социализма как внесения начал справедливости и человечности в социальные отношения есть необходимый момент нравственно-демократического идеала (...). Этот социализм есть также начало объединяющее и примирительное, тогда как социализм, обоснованный на классовом эгоизме и классовой ненависти, есть начало гражданской войны и взаимного озлобления»². Но в конце апреля открывается другая картина: с приездом Ленина «начались хлыстовские радения (...) Дух *низости* навис над русской землей (...) Страшно подумать, но кажется, что мы неудержимо катимся в пропасть»³. После падения в пропасть революционная топика философов становится еще уже: по сути она сводится к вопросу «что такое большевизм?», которому нельзя, разумеется, отказать в первостепенной важности, но столь же невозможно свести к нему все проблемное поле этой темы.

Одинокой – хотя и выдающейся – попыткой дать философскую интерпретацию катастрофы стал сборник *Из глубины* (1918), а следующая веха – это уже 1922 год, после которого размышления о революции получают те преимущества, которые дает дистанция во времени и пространстве, но теряют непосредственный исторический контекст и вместе с ним – статус включенности в событие. Таким образом, период синхронной рефлексии о революции оказывается не слишком наполненным свершениями. И это естественно – в свете того, что мы знаем о сове Минервы. (Разве что 1905–1907 годы были редким исключением.) Но от исследователей специфика периода требует особого подхода к его идейным свидетельствам: учета того, что мы имеем дело с «включенными наблюдателями».

В данной статье рассмотрены только некоторые типы и казусы постижения революции. В стороне оставлены центральные темы: не учтены собственно социально-политические идеологемы; не рассматриваются старые, но заново оживленные схемы русской историософии: эсхатология, софиология, синкретическая религиозная мистика, национально-культурный миссионизм и т.п.; не анализируется сборник *Из глубины*, требующий специального внимания. В фокусе же оказываются метафизические конструкции литераторов и поэтов, которые имеют определенные преимущества перед философией *ex professo*: они порождены быстрой реакцией на вызов времени. Особенностью философской реакции

¹ См. анализ выступлений философов в прессе 1917 г.: Кошарный В.П. Русская религиозная философия и социология революции (1917 – 1930-е гг.). Киев, 1997.

² Франк С.Л. Непрочитанное... М., 2001. С. 204-205.

³ Там же. С. 221.

на революцию 1917 г. можно признать некоторую «перегруппировку» устоявшихся течений и направлений Серебряного века, которая высвечивает невидимые ранее глубинные различия в солидарных, казалось бы, ценностных мирах тех или иных культурных номинаций. Революция оказалась своего рода призмой, развернувшей программное единство в веер разномыслия. Ниже осуществлена попытка посмотреть на такое преломленное единство на примере публицистики Вяч. Иванова, Белого, Блока, Волошина и Алданова.

Точкой отсчета можно взять идейную эволюцию Вяч. Иванова, поскольку именно его теории де факто стали признанным философским манифестом русского символизма во всех его изводах. Вяч. Иванов не принадлежал к числу тех русских интеллигентов, которые резко осудили большевистский переворот и, видимо, напряженно пытался разглядеть в событиях черты ожидаемой им «органической эпохи» (судя еще и по тому, что советский паспорт сохранялся им долгие годы, и надежды не оставляли его). Но в то же время демонизм происходящего не мог не отталкивать Иванова. Он участвует в сборнике *Из глубины*, но – что показательно – тему статьи избирает достаточно нейтральную: «Наш язык». Разумеется, здесь не было конформизма (см. стихотворение «Да, сей пожар мы поджигали» 1919 г., с его итоговыми формулами); скорее было ожидание, опирающееся на искушенность знания о путях мировой истории. Пожаров поэты 17 года не боялись (хотя огонь испепелил весь тираж напечатанной, но не вышедшей в свет книги Иванова *Эллинская религия страдающего бога* и сжег библиотеку Блока). Тревогу вызывало несоответствие ожиданий и свершений. Мечта Вяч. Иванова об «органической эпохе» в значительной мере оказалась утопией, но связанная с этим критика индивидуализма и либерального гуманизма не утратила для Иванова валентности.

Начиная со статьи 1905 г. «Кризис индивидуализма» Иванов чаует перехода от культа атомарной личности к соборности. Архаичный «байронический» индивидуализм с точки зрения этого подхода должен уступить место новому пониманию достоинства и предназначения человека. Признавая в этой программной работе величие европейского личностного начала и описывая рожденные им типы, Иванов констатирует: «несмотря на все это, какой-то перелом совершился в нашей душе, какой-то еще темный поворот к полюсу соборности...»⁴. То, что он называет «темный поворот», проясняется и становится в 1917 г. дьявольской пародией на утопию соборности.

В статье «Революция и народное самоопределение» (1917), напечатанной в еженедельнике *Народоправство* и включенной в сборник статей *Родное и вселенское*, Иванов фиксирует, что революция выбрала внерелигиозный путь и потому не отражает народного самоопределения. «Революционное действие, принужденное ограничиваться провозглашением отвлеченных схем общественной мысли и гражданской морали как новых основ народного бытия – бездейственно.

⁴ Иванов Вяч.И. Собрание сочинений. Т.1. Брюссель, 1971. С. 836.

Революционное состояние, при невозможности явить себя в творческом действии, принимает характер состояния болезненного, избощаемого грозными симптомами все растущего безначалия и общей разрухи, развитием центробежных, в разделении и раздоре самоутверждающихся сил и распадением целостного духовного организма народного на мертвые части. Революция или оставит на месте России «грудю тлеющих костей», или будет ее действительным перерождением и как бы новым, впервые полным и сознательным воплощением народного духа. Для истинного свершения своего в указанном смысле она должна явить целостное и, следовательно, прежде всего религиозное самоопределение народа»⁵.

Эту же позицию являет газетная публицистика Иванова, проанализированная Г.В. Обатниным⁶. Им в газетных статьях Иванова выделены основные инвективы: критика прогерманских симпатий большевиков и стремления к сепаратному миру; «культурный мазохизм» русского народа и интеллигенции, открытых «флюидам германской культуры»; безнаказанные убийства красноармейцами священников. Обатнин также приводит выдержки из доклада Иванова в Доме свободного искусства 19/6 мая 1918 года: «Революционные эпохи суть эпохи наименьшего творческого действия и наиболее стремительного становления. Возможно ли творчество форм, когда металл расплавлен? Возможно ли действие во время родов? Мы чувствуем, что жизнь нас *творит*, а не мы творим жизнь. Отсюда ощущение *рока* (...) Единственный возможный самовольный жест – схватить руку, протянутую из мрака. Это не творчество, а жертва. Для духа возможны только гадания по звездам, *внушения Музы Урании* (...) Да еще надежда!»⁷. Автор понимает этот доклад как ивановский «жест смирения со случившимся».

Действительно, в это время Иванов начинает работать в Наркомпросе, всерьез занимается театральной реформой и воздерживается от явной критики режима. Но показательна та смена масштабов размышлений о революции, которая заметна в статьях и стихах 1918-1921 гг. Революция как событие перемещается из непосредственного контекста времени в большую историю, которая не предполагает немедленных результатов.

Так, в статье «Кручи. О кризисе гуманизма» (1919) провозглашается приход нового антигуманистического завета, который перекликается с античной архаикой и отвергает индивидуализм Нового времени. Гуманизм уступает место тому, что Иванов назвал «монантропизмом», древней воле Адама к воссоединению своих раздробленных элементов через жертву личностным началом. Иванов при этом отмечает чуткость эстетики авангарда, которая демонтирует антропоморфное и антропоцентричное искусство. Противопоставляя индивидуализму Шекс-

⁵ Он же. Собрание сочинений. Т. 3. Брюссель, 1979. С. 364.

⁶ Обатнин Г.В. Штрихи к портрету Вяч. Иванова эпохи революций 1917 года // Русская литература. 1997. № 2.

⁷ Там же. С. 228.

пира и Гёте монантропизм Эсхила и Достоевского, Иванов пишет: «Тут древняя память и новые предчувствия встречаются. Тут намечается будущее тех очищений, религиозный смысл которых заключается в приятии индивидуальной воли и вины целым человечеством, понятым как живое вселенски-личное единство...»⁸. Вряд ли такое изменение фокусировки мысли стоит сводить к примиренчеству, но разочарование в современности и даже, возможно, потерю к ней интереса тут усмотреть можно.

Более оптимистично звучит мотив спасительной силы культуры в *Переписке из двух углов* (1921). Усмотрев в речах Гершензона (возможно, не вполне понятых, что в данном случае неважно) призыв к руссоистскому опрощению, Иванов возражает, обличая, как всегда, «исконный грех "индивидуации"». Но здесь мы видим важное уточнение идеи монантропизма: нельзя имитировать единство. Оно достигается индивидуальным восхождением по вертикали культуры. Простота есть продукт сложности: «Не выходом из данной среды или страны добывается она, но восхождением»⁹. Утопизм соборности, таким образом, обезврежен силой культурной Памяти.

Интересна попытка откликнуться на вызов современности в работе Андрея Белого «Революция и культура». В творчестве Андрея Белого статья «Революция и культура»¹⁰ занимает своеобразное место. Это – его первая и, пожалуй, последняя попытка включиться в собственно революционную тему и найти общий язык с создателями новой идеологии. Как ни странно, в эту долгожданную эпоху перемен Андрей Белый обнаруживает себя едва ли не на «чужом пиру». После пророческих глубин *Серебряного голубя* и *Петербурга* тема революции отходит на второй план: Белого волнуют тайны эволюции, близкие его гётеанству, йенского чекана романтизму и новооткрывшейся ему антропософии. Его последняя и главная тема – «история становления самосознающей души» – предполагает разгадку ритмов и смыслов эволюции, в которой революционные коллизии суть лишь закономерная цезура. В революционные месяцы им создаются *Котик Летаев* и *Глоссолалия*, которые рассказывают скорее о преодолении разрывов, чем о переворотах. «Связь блесков», «прорастание смыслов», фантазии «звукообразов», преодолевающих «раздвоенные словесности», – все это служит психогенезу: неуклонному разворачиванию «я» в личной и мировой истории. «Революция» в этом процессе – лишь один из инструментов. Ближе Белому понятие «кризиса»: именно этому феномену посвящался задуманный и частично выполненный в 20-х цикл работ. Но «кризис» в его понимании значит – ритмически необходимый «перелом» и «перевал» в ходе цельного процесса, а не катастрофический переворот.

⁸ Вяч. И. Иванов. Собрание сочинений. Т. 3. Брюссель, 1979. С. 382.

⁹ Там же. С. 412.

¹⁰ Статья написана в июне – июле 1917 г. и опубликована как брошюра: Белый Андрей. Революция и культура. М., 1917.

Статья «Революция и культура» интересна тем, что в ней Белый пытается акцентировать тему революции и таким образом найти в своих собственных темах «рифмы» к актуальным событиям. Ему представляется, что можно согласовать эволюцию души и революцию в обществе, перебросив мостик от искусства к революции, выветив их глубинное родство. Рассуждает он следующим образом. Внешне связь роста творческих форм и роста революции обратна, как рост стеблей и корней, но центр роста – один. Искусство, как и все формы культуры, предполагает культ и эволюцию; революция же разбивает и сметает все формы. С одной стороны – зеленая поросль культуры, с другой – раскаленная лава революционного вулкана. Но зеленый цвет дополнителен красному; пересечение же их – в белизне Аполлонова духовного света: в искусстве. Застывшие формы искусства становятся властью принудительной силы, и тогда их столкновение с живым духом рождает карающий Прометеев огонь. Это и есть очаг революции: революция начинается в духе. Но и заканчивается она в духе – как радуга новорожденной культуры.

В самой же революции искусство – это процесс, не имеющий проявленной формы. Революция и культура могут угрожать друг другу: разрушительна для культуры неформленность содержания революций, но продукты культуры, превратившиеся в «товар», так же уничтожают свободу движения жизни. В своей основе, как видит это Белый, столкновения революции и культуры – это социальное проявление диалога двух человеческих «я»: высшее «я» сталкивается с оплотневшими продуктами своего творчества, с косным «я» как своим двойником, и вступает с ним борьбу. Это по сути – корень всех искусств: трагедия как борьба с роком. Изобразив эту глубинную коинциденцию противоположности искусства и революции, Белый протестует против живописания революции «протоколами» и «фотографиями». Революция – акт зачатия творческих форм, но рождаются они в преображенном виде.

Здесь Андрей Белый предлагает новую цветовую семантику: голубые цветы романтики, нега лазури, золото солнца¹¹. Но еще важнее для Белого концепт «музыки». Характерна следующая его пропорция: как пролетариат есть класс среди классов, миссия которого – выход из классовой градации общества, так и музыка – форма среди форм, миссия которой – выход за форму, растворение продуктов творения (форм искусства) в процессе творения¹². Белый поминает пролетариат, не забывая о том, что цель статьи – наладить диалог с новой властью, но и не отказываясь от задачи синтеза красного и зеленого в аполлоновской белизне. Музыка важна для него тем, что не добавляет еще одну форму к другим, а переводит язык формы на язык отклика души, которая в своем отзыве уже вполне автономно формирует себя: это и есть искомый Белым психогенез, его музыкальная энтелехия.

¹¹ Белый Андрей. Революция и культура // Белый А. Символизм как миропонимание / Сост. Л.А. Сугай. М., 1994. С. 300-301.

¹² Там же. С. 307.

Отметим в этом пассаже несколько важных моментов. 1) Музыка *оформляет* «за-форменный» хаос; она остается аполлинийской, а не дионисийской силой. 2) Она апофатична, поскольку не предполагает доступного содержания («невскрытый конверт»), но она дает всеобщий «закон», и потому Белый, вполне в духе Новалиса, называет ее математикой. 3) Она «всенародна, но и – «индивидуальна» и даже «интимна». 4) Речь вторична; она – порождение музыки. Первые три пункта родственны монантропической эстетике Иванова. Разве что перевес аполлинизма мог вызвать у него протест: двуединством Аполлона и Диониса Иванов бы не пожертвовал. Но четвертый момент для него категорически неприемлем: речь для Иванова онтологически и религиозно первична. Поэтому и музыка революции должна своей энтелехией иметь логос.

Показательны его замечания о духе революции в статье о Скрябине, культовом для всех символистов композиторе. Отмечая, что «стадии внешнего обновления исторической жизни ему были желанны как необходимые предварительные метаморфозы перед окончательным и уже чисто духовным событием – вольным переходом человечества на иную ступень бытия», Иванов заключает: «Если переживаемая революция есть воистину великая русская революция, – многострадальные и болезненные роды "самостоятельной русской идеи", – будущий историк узнает в Скрябине одного из ее духовных виновников, а в ней самой, быть может, – первые такты его ненаписанной Мистерии. Но это – лишь в том случае, если, озирая переживаемое нами из дали времен, он будет в праве сказать не только: "земля была безвидна и пуста, и тьма над бездною", но и прибавить: "и Дух Божий носился над водами" – о том, что глядит на нас, современников, мутным взором безвидного хаоса»¹³. (Написано 24 октября 1917 г.)

Для Белого же сама музыка революции позитивна и конструктивна. Но при одном важном условии: мы должны считывать и расшифровывать ее ритм, а не идейно-словесные программы. Как следует из его статьи, структурно-ритмическое сообщение революции бесконечно важнее и таинственнее, чем словесно-идейные оболочки. Кажется, остается малоизученным отношение Белого к аритмологии его отца, но очевидно, что он обращал внимание на ее символический потенциал, отмечая, например, что «как математик, он включал в теорию эволюции революционную роль скачка, прерыва, вероятности, качества»¹⁴. Как символист, Андрей Белый тоже включил в свою теорию эволюции апофатическую функцию революции. И совсем не удивительно, что главным откликом на события мятежной эпохи стала его фонетическая фантазия 1917 года о семантике и ритме звукообразов. Возможно, это самая оригинальная для того времени интерпретация исторического сдвига: революция как глоссолалия.

¹³ Скрябин и дух революции // Вяч. И. Иванов. Собрание сочинений. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 194.

¹⁴ Белый А. На рубеже двух столетий. Воспоминания в 3-х кн. Кн. 1. / Вступит. ст, подг. текста и коммент. А.В. Лаврова М., 1989. С. 171.

Очерченный концепт совсем не похож на блоковскую «музыку революции»¹⁵, хотя первая ассоциация подсказывает именно этот аналог. У Блока «музыка» иносказательно чаще всего обозначает глубинную связь и переключку внешне непохожих явлений (то, что сейчас изучает культурология), применительно же к революции – это голос стихии. Пусть в статье «Интеллигенция и Революция» Блок говорит, что «дух есть музыка» и даже (не в полемике ли с Белым?) призывает не «загораживать душевностью пути к духовности», его собственная «музыка» этого текста воспринимается как эвокация духа стихии; и когда Блок вспоминает, что демон повелел Сократу слушаться духа музыки, кажется, что ключевое слово здесь не «Сократ», а «демон»:

«Надменное политиканство – великий грех. Чем дольше будет гордиться и ехидствовать интеллигенция, тем страшнее и кровавее может стать кругом. Ужасна и опасна эта эластичная, сухая, невкусная "адогматическая догматика", приправленная снисходительной душевностью. За душевностью – кровь. Душа кровь притягивает. Бороться с ужасами может лишь дух. К чему загораживать душевностью пути к духовности? Прекрасное и без того трудно. А дух есть музыка. Демон некогда повелел Сократу слушаться духа музыки. Всем телом, всем сердцем, всем сознанием – слушайте Революцию»¹⁶.

Заметим, что написано это 9 января 1918. В данном случае дата говорит больше, чем может показаться на первый взгляд. 6 января большевики разогнали Учредительное собрание, и Блок хорошо осознавал, какой демон взял на себя роль вожатого на пути к «духовности». Среди романтических тривиальностей, которыми Блок описывает отличие истинной революции от мятежа, обращает на себя внимание акцент на стихийности и жестокости, которого мы не встречаем у других символистов. И в этом контексте разница между музыкой и шумом («и в шуме его – новая музыка») становится ничтожно малой. «Горе тем, кто думает найти в революции исполнение только своих мечтаний, как бы высоки и благородны они ни были. Революция, как грозовой вихрь, как снежный буран, всегда несет новое и неожиданное; она жестоко обманывает многих; она легко калечит в своем водовороте достойного; она часто выносит на сушу невредимыми недостойных; но – это ее частности, это не меняет ни общего направления потока, ни того грозного и оглушительного гула, который издает поток. Гул этот, все равно, всегда – о великом»¹⁷.

Большой очерк Александра Блока «Катилина», созданный в апреле 1918 года, многое разъясняет в блоковской «музыке», являясь для революционной оперы своеобразным либретто. В этом сюжете римский «большевик» Катилина, как называет его Блок, восстает против старого мира и пытается взорвать изнутри

¹⁵ О многоаспектной в этом отношении оппозиции «Блок-Белый» см. Чубаров И.М. Символ, аффект, мазохизм (Образы революции у Белого и Блока) // *Философия. Литература. Искусство: Андрей Белый - Вячеслав Иванов - Александр Скрябин*. М., 2013.

¹⁶ Блок А.А. *Собрание сочинений* в 6 т. Т. 4. Л., 1982. С. 239.

¹⁷ Там же. С. 232.

«растленную цивилизацию» за несколько десятков лет до Христа. Христос впереди него, как и у двенадцати красновардейцев. В его время – перед рождением Иисуса Христа, вестника нового мира – подул ветер, который разросся в бурю, истребившую языческий мир. Катилина бросается в этот ветер, подхватывается им, живет и действует, несомый ветром.

Но Блок также указывает, на то, что отдаваясь стихии, герой платит за это моральным, психическим и даже физическим перерождением. (И тут мы понимаем, почему надо слушать революцию «всем телом».) «Простота и ужас душевного строя обреченного революционера заключается в том, что из него как бы выброшена длинная цепь диалектических и чувственных посылок, благодаря чему выводы мозга и сердца представляются дикими, случайными и ни на чем не основанными. Такой человек—безумец, маниак, одержимый. Жизнь протекает, как бы, подчиняясь другим законам причинности, пространства и времени; благодаря этому, и весь состав – и телесный и духовный – оказывается совершенно иным, чем у "постепеновцев"; он применяется к другому времени и к другому пространству»¹⁸.

Но здесь для Блока и звучит музыка революции: «Вот на этом-то черном фоне ночного города (революция, как все великие события, всегда подчеркивает черноту) – представьте себе ватагу, впереди которой идет обезумевший от ярости человек, заставляя нести перед собой знаки консульского достоинства. Это – тот же Катилина, недавний баловень львиц римского света и полусвета, преступный предводитель развратной банды; он идет все той же своей – "то ленивой, то торопливой" походкой; но ярость и неистовство сообщили его походке музыкальный ритм; как будто, это уже не тот – корыстный и развратный Катилина; в поступи этого человека – мятеж, восстание, фурии народного гнева»¹⁹.

В этом сюжете находится и место самому Блоку. Поэт, видимо, отождествляет себя с Катуллом и анализирует 63-е стихотворение Катулла «Аттис», в котором рассказывается о том, как Аттис, прекрасный юноша, впал в неистовство от ненависти к Венере, оскотил себя. Блок трактует – не слишком убедительно – этот сюжет, как переживание Катуллом гражданской войны, утверждая, что «в эпохи бурь и тревог, нежнейшие и интимнейшие стремления души поэта также преисполняются бурей и тревогой»²⁰.

Детальный анализ это странного сближения предпринимает в своей работе А. Эткинд²¹, но для наших целей достаточно зафиксировать само стремление поэта к проецированию своих «нежнейших и интимнейших» проблем и переживаний на исторический экран революции. Это почти не сублимированное упоение разрушением и загадочно-двойственное отношение к воспетому им «das Ewig-Weibliche», странно связанному с революцией, дистанцирует Блока от остальных

¹⁸ Там же. С. 274.

¹⁹ Там же. С. 289.

²⁰ Там же. С. 287.

²¹ Эткинд А.М. Хлыст: Секты, литература и революция. М., 1998. С. 363-370.

символистов. Ольга Дешарт пишет об отношении к этому блоковскому комплексу Вяч. Иванова: «Отчуждение получилось потому, что Блок чувствовал, как В.И. не любит метели, завывающие снежные столбы, не любит "слепащие вьюги" диких революций, которых дионисийский провозгласитель и призыватель "правого безумия" считал "безумием неправым", только губительным»²². Но то, что, несомненно остается общим для нашей триады символистов – это опасение подмены революции чем-то иным, совсем чужим и страшным. Подобным образом переживалось всегда народным сознанием опасение «подмены царя». К. Чуковский вспоминает о Блоке: «Сам он не боялся революции, очень любил ее, и лишь одно тревожило его: Что, если эта революция – поддельная? Что, если и не было подлинной? Что, если подлинная только приснилась ему? Чувствовалось, что здесь для него важнейший вопрос»²³.

Место Волошина в этой символической констелляции характерно своей дистанцированностью от «партийных» споров. И хотя жизненные обстоятельства вовлекли его в события едва ли не больше, чем других символистов, сам он видел себя поэтом-пророком, находящимся «над схваткой» и призванным тютчевскими «всеблагими» на пир. В размышлениях Волошина можно найти немало общего с историософией Иванова и с антропософскими схемами Белого, но в целом его философия истории самобытна и содержит – что примечательно – теорию революции, а не только рефлексию о ней.

В статье «Пророки и мстители» (1906), посвященной переключкам Французской и Первой русской революции, он пишет: «В слове "Революция" соединяется много понятий, но когда мы называем Великую Революцию, то кроме политического и социального переворота, мы всегда подразумеваем еще громадный духовный кризис, психологическое потрясение целой нации. В жизни человека есть незабываемые моменты, неизменные жесты и слова, которые повторяются в каждой жизни с ненарушимым постоянством: смерть, любовь, самопожертвование. И именно в эти моменты никто не видит и не чувствует их повторяемости: для каждого, переживающего их, они кажутся совершенно новыми, единственными, доселе никогда не бывавшими на земле. Подобными моментами в жизни народов бывают Революции. С неизменной последовательностью проходят они одни и те же стадии: идеальных порывов, правоустановлений и зверств – вечно повторяющие одну и ту же трагическую маску безумия и всегда захватывающие и новые для переживающих их»²⁴.

Этим очерком уже заданы главные волошинские схемы понимания революции: закономерность, цикличность, духовная катастрофичность и «священное безумие» с их амплитудой взлетов к сверхчеловеческому и падений в звериное. Ссылаясь на притчу Достоевского о «трихинах», он пишет, что Русская револю-

²² Дешарт О. Введение // Иванов Вяч.И. Собрание сочинений. Т. 1. Брюссель, 1971. С. 162.

²³ Чуковский К.И. Александр Блок как человек и поэт // Сочинения в 2-х т. Т. 2. М., 1990. С. 415.

²⁴ Волошин М. Собрание сочинений. Т.3. М., 2005. С. 280-281.

ция – лишь один частичный кризис, который выявил (подобно видению Достоевского) тайны последнего безумия человечества, в моральных конвульсиях которого погибнут все, кроме немногих избранных, которым предназначено начать новый род людей и перенести внешний закон внутрь души. «Тогда нынешнее – звериное сознание общественного организма, которое ниже нашего личного сознания, станет равным ему и тождественным. Но прежде чем человечество придет к этому полному и безусловному единству личности и общества, надо до самого конца пройти времена безумия. Надо все видимое, все познаваемое рассечь лезвием меча на добро и зло, правду и ложь»²⁵.

Показательно, что Февральскую революцию Волошин встречает довольно спокойными и прагматичными заметками, лишенными пафоса эсхатологии. Преимущественно в укладе нового режима его заботят место искусства и роль поэта. Так, он утверждает, что принцип равенства, разумный в области права, может стать губительным в области искусства, где все основано не на демократизме, а аристократизме. Если для мира материального верен и необходим принцип демократизма, то для мира духовного настолько же необходим принцип аристократизма: «всякое проявление референдума большинства в искусстве представляют вопиющую бессмыслицу и находятся в полном противоречии с идеей революции, т. е. освобождения»²⁶.

Но звучит в его текстах и мотив, общий в 1917 г. для многих интеллектуалов: «Россия должна идти к религиозной революции, а не к социальной. Преображение личности»²⁷. В идеологии, которая стала основным ресурсом революционной риторики, он не видит исторической перспективы: «Социализм является явлением отрицательным, потому что для направления настоящего он недостаточно практичен, а для выявления будущего его идеал слишком мелок»²⁸.

Уверенный в том, что миссия поэта – приближать религиозную революцию и защищать ее ростки от вытаптывания партийными батальями, Волошин даже не хочет замечать очевидного «большевизма» некоторых своих братьев по цеху. Позже, в 1919-м, в статье «Поэзия и революция» он вступит в спор, которого мало кто избежал в интеллигентском сообществе: о «Двенадцати» Блока. Не веря в то, что он стал «большевиком по программе», Волошин восклицает: «(...) какое дело такому поэту, как Блок, до остервенелой борьбы двух таких далеких ему человеческих классов, как так называемые буржуазия и пролетариат, которые свои чисто личные и притом исключительно материальные счета хотят раздуть в мировое событие, при этом будучи, в сущности, друг на друга вполне похожи как жадностью к материальным благам и комфорту, так и своим невежеством, косностью и полным отсутствием идеи духовной свободы. Для поэта в этой борьбе могут быть интересны только два порядка явлений: великие мировые силы,

²⁵ Там же. С. 286.

²⁶ Волошин М. Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 2. Проза 1900–1927. М., 2008. С. 356–357.

²⁷ Там же. С. 662.

²⁸ Там же. С. 349.

увлекающие людей помимо их воли, как для Верхарна, или трагедия отдельной человеческой души, кинутой в темный лабиринт страстей и заблуждений и в нем потерявшей своего Христа, как для Блока в данном случае»²⁹.

Годы постреволюционного опыта изменили характер волошинской «отстраненности». Он по-прежнему стремится стать над схваткой, но уже не как мудрец-советчик, а как молитвенник, осознающий правду каждой из сторон и неизбежность самой коллизии. Итоговые формулы его размышлений можно найти в лекции «Россия распятая» (со включенными в нее стихотворениями), над которой он работал с октября 1918 по май 1920, неоднократно выступая с ее чтением. Здесь он утверждает, что уже в феврале 1917 понял, что «Русская Революция будет долгой, безумной, кровавой, что мы стоим на пороге новой Великой Разрухи Русской земли, нового Смутного времени»³⁰.

Лейтмотивом проходит через его послереволюционную поэзию и публицистику идея неизбежной революционности всей русской истории. Бунтуют в России не только низы или оппозиция; и у самодержавия главной чертой была революционность: монархическая власть была радикальнее общества и всегда склонялась к революции сверху. Большевизм Волошин считает явлением глубоко национальным: те «страшные призраки XVI и XVII века», которые поднялись из народных глубин, выкликнутые большевистской пропагандой, оказались, как он замечает в статье «На весах поэзии», «неожиданной и глубокой правдой о России»³¹.

Может показаться странным, что при всем этом революция 17 года поражает Волошина своей нелепостью: ведь социальная революция разразилась в стране, где, по его мнению, нет ни капитализма, ни рабочего класса, ни аграрного вопроса, ни буржуазии, но борьба между этими несуществующими величинами достигает высшего ожесточения. «В этом абсурде», – восклицает поэт, – «мы находим указание на провиденциальные пути России»³². Дело в том, что, по убеждению Волошина, произошла не социальная революция, а прививка той болезни, которая грозит Европе. «Россия – социально наиболее здоровая из европейских стран – совершает в настоящий момент жертвенный подвиг, принимая на себя примерное заболевание социальной революцией, чтобы, переболев ею, выработать иммунитет и предотвратить смертельный кризис болезни в Европе»³³.

В чем заключается «здоровье» России, Волошин не поясняет, но не сомневается ни в ее всемирном служении, ни в наличии «охраняющей силы», которая спасет ее, вопреки ее собственным устремлениям. Далее он предлагает другую метафору: революционная интеллигенция с такой полнотой религиозного чувства созерцала будущую революцию Европы, что сама, не будучи распята, приняла

²⁹ Там же. С. 32-33.

³⁰ Там же. С. 459.

³¹ Там же. С. 428.

³² Там же. С. 485.

³³ Там же. С. 486.

стигмы социальной революции. Русская революция, таким образом, – это нервно-религиозное заболевание. Второй гештальт явно ослабляет пафос первого: ведь прививка – это реальное средство против грозящей болезни, тогда как стигматы – самовнушение.

Так же противоречиво и его позиционирование «над схваткой» в свете его же острого обличения большевизма. «Я не могу иметь политических идеалов потому, что они всегда стремятся к невозможному земному благополучию и комфорту. Я же могу желать своему народу только пути правильного и прямого, точно соответствующего, его исторической, всечеловеческой миссии. И заранее знаю, что этот путь – путь страдания и мученичества. Что мне до того, будет ли он вести через монархию, социалистический строй или через капитализм – все это только различные виды пламени, проходя через которые перегорает и очищается человеческий дух. Я равно приветствую и революцию, и реакцию, и коммунизм, и самодержавие (...)»³⁴. Но если мы учтем, что большевизм, по Волошину, – это не то, что человек исповедует, а то, «какими средствами и в каких пределах он считает возможным осуществлять свою веру»³⁵, то противоречие если и не исчезает, то переносится в другую – историософскую – сферу. Истоки такого «большевизма» нужно искать в природе того «пламени», в котором очищается человеческий дух.

Творческая сила мятежного «огня» является в историософии Волошина одним из космологических и исторических устоев, оказываясь, как ни парадоксально, источником равновесия и утверждения Бога через мятеж. Онтологическое измерение придает волошинским интуициям ту глубину, которой не хватает его публицистическим клише, вещающим о том, что революция должна быть религиозной, а Россия провиденциально дает урок для мира. Наиболее систематично это будет раскрыто в итоговой философской поэме Волошина *Путями Каина*, которую он создавал в течение 1922-1929 гг. (в большинстве случаев датируя стихи 1922-23 гг.).

Предпринятый здесь «спектральный анализ» символистских откликов на революцию обнаруживает некий идейный инвариант: действующими силами истории предполагаются безличные стихии, с которыми индивидуум может спорить, соглашаться или же растворяться в них с выбранной по вкусу автора эмоцией (смиренно, сладострастно, стоически et cetera). Социально-политический дискурс также предполагает активность сверхличных процессов с объективной логикой, т.е. тех же стихий. Поэтому заключить этот очерк хотелось бы краткой характеристикой альтернативного отношения к революции Марка Алданова, которое стоит особняком и обычно обманывает читателей кажущейся простотой.

Революция – сквозная тема всего творчества М. Алданова, от *Армагеддона* (1918) до диалогов *Ульмская ночь* (1953) и романа *Самоубийство* (1956). Идейный стержень этой темы – своеобразная «философия случая», которую зачастую

³⁴ Там же. С. 503.

³⁵ Там же. С. 435.

ошибочно трактуют как скептицизм³⁶. Между тем Алданов понимает историю как «борьбу со случаем» и защиту принципа «Добра-Красоты», в чем, с его точки зрения, заключается миссия морально-ответственного человека в случайном морально-нейтральном мире. Революция, по Алданову, предельно обостряет эту коллизию воли и случая, показывая невозможность подменить моральную свободу природно-исторической детерминацией. Эта установка делает Алданова наследником историософии Герцена и Льва Толстого.

В книге *Армагеддон* (1918), которая вышла «на правах рукописи» и была быстро конфискована, автор анализирует два эпохальных события. В первой части – в диалогах, озаглавленных «Дракон» и написанных как правило в 1914 г. – речь идет о Первой мировой войне; во второй – «Колесница Джагернатха» – о революции в русском и европейском контекстах. В потоке скептических – горьких, гневных и презрительных – заметок и афоризмов есть мотив, который стоит отметить: неверие во все виды объективной (исторической, экономической, политической...) разумности и надежда на этический разум, который всегда персонален и свободен именно потому, что ему противостоит случайность, а не закон. Алданов не верит в историческую рациональность революций и – вслед за Пушкиным – полагает, что превращение революции в бунт неизбежно. «Замышлять бессмысленное нельзя. Революция, которую замышляют, невозможна. К тем, кто хочет подчинить ее логическому руководству, она беспощадна. Переворот должен обратиться в бунт»³⁷. Так же не верит он и в историческую роль личности: «События 1914 г. показали историческую роль личности, – в особенности личности скверной»³⁸.

Но личность не всегда бывает скверной, и если допустить в истории энтелехию, то по Алданову она (вполне по-кантовски) в том, чтобы человек смог осуществить себя как субъект морального достоинства. От революции остается роль фермента, оплаченная слишком высокой ценой. Об этом – следующее его рассуждение. «Удачных революций не бывает. Революция по природе своей не может творить. Она лишь создает такие условия, при которых будущее государственное творчество становится возможным и – главное – неизбежным, как бы ни кончилась сама революция. По-видимому, законодательное творчество лишь с трудом обходится без периодических доз революционного фермента. (...) В смысле каталитическом для России не пройдет бесследно даже безграмотное творчество декретоманов Смольного института. (...) Есть два рода революций. Одни подавляются немедленно и влекут за собой в результате большее или меньшее число казней. Их обыкновенно называют уменьшительным именем

³⁶ Об отличии алдановского «скептицизма» от морального релятивизма см.: Дронова Т.И. У истоков алдановского скептицизма: принципы философско-исторического познания в публицистике писателя 1910-х годов («Армагеддон») // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Сер. Филология. Журналистика, вып. 2.

³⁷ Алданов М. Армагеддон. М., 2006. С. 94.

³⁸ Там же. С. 51.

восстаний, – а они, в сущности, есть самые возвышенные, героические революции. Таково было восстание декабристов; таково было восстание Косцюшки; такова была эпопея Народной Воли. Революции второго рода развиваются быстро и грозно, но их "развязка" наводит на скорбные мысли. Великая Французская революция, "закончившаяся" торжественным коронованием сперва Наполеона I, а потом Людовика XVIII, в перспективе одного двадцатипятилетия – тяжелый нелепый кошмар. Такова в аналогичной перспективе Великая английская революция с финалом, где Кромвель называется Монком, и на смену казненного Карла I приходит вдвое худший Карл II. Таковы же революции 1848 и 1871 гг. И тем не менее всегда что-то остается. Вопрос оправдания революции в цене, которой куплено это "что-то". Да еще в невещественных ценностях – в остающейся *легенде...* (...) В лучшем случае *легендой* русской революции будет то, что вожди ее первого периода, имея полную возможность сохранить свою власть и спасти от хаоса Россию ценой измены союзу и собственного бесчестия, на этот путь все же не стали. Некоторые из них ясно предчувствовали и предпочитали гибель...»³⁹.

В дальнейшем Алданов развивает эту интуицию в ряде произведений. Литературным и философским методом расшифровки истории оказывается у него системная аналогия революций во Франции и России. В тетралогии *Мыслитель* эта аналогия выражена через систему лейтмотивов и констелляций главных персонажей («Борегар – Штааль – Ламор» и «Баратаев – Ламор – Талейран»), что позволяет автору достичь своеобразной бифокальности в видении истории: так простодушно-безличный Штааль оказывается игрушкой фатума и случая, а чуждый иллюзиям Ламор – хранителем сверхвременных ценностей. (Средством разоблачения «романтики» революции и выражения позитивных ценностей часто становится у Алданова масонский «код» с его филантропической этикой и мифологемами «храма», «строительства», «посвящения» и т.п.). В *Ульмской ночи* ранние идеи оформляются в оригинальную «философию случая», созданную с неожиданной опорой на Декарта. Но исходная вера в абсолютную ценность калокагатии («Добра-Красоты») остается неизменной.

Обобщения были бы не самым адекватным завершением этого очерка. Дело в том, что ста лет так и не хватило для того, чтобы создать историческую дистанцию между революцией и сегодняшним днем: сюжет не закончен. Поэтому вместо однородного пространства событий прошлого мы видим автономные регионы, фрагментированные и свидетелями, и историками. Эпизоды, рассмотренные в этой статье, должны быть (если продолжить топографическую метафору) включены в карту сложного ландшафта духовной жизни революционной эпохи. Создание такой карты еще впереди.

³⁹ Там же. С. 110-111.

Александр Гиринский*

Феномен большевизма: философское и социологическое прочтение

Термин «большевизм» в отечественном философском дискурсе имеет весьма неопределенное значение. Можно предположить, что эта проблема связана со сложной судьбой как оригинальной русской философской традиции в XX веке, так и «советской» философии, вынужденной существовать в сложных условиях советского государства и тотальной идеологии. Актуальное медийное пространство России, в последние 20 лет активно обсуждающее советский этап русской истории, игнорирует это понятие, используя, на первый взгляд, термины-синонимы – «социализм», «коммунизм», «советизм» и так далее. Тем не менее, налицо семантическая и терминологическая путаница, возникающая как следствие неразличения основных философских и культурологических категорий.

Две традиции понимания – от философии к социологии

Заслуга самой проблематизации понятия «большевизм» как специфического явления культуры принадлежит, в первую очередь, именно русской философии и ее главным представителям – Н.А. Бердяеву, Д.С. Мережковскому, С.Л. Франку, Ф.А. Степуну, Б.П. Вышеславцеву и многим другим. Они были первыми, кто попытался осмыслить «большевизм» не как практику советской власти и не как марксистскую идеологию, используемую для политической борьбы и вполне конкретных целей захвата власти на том или ином историческом этапе. Русская философия поставила проблематику большевизма в центр своих размышлений о судьбе европейской культуры, или если быть более точным, о судьбе общества Модерна и его основных узловых сюжетов. Большевизм – это не мировоззрение партии большевиков, не практическая политическая борьба и не синоним социалистической идеологии. Для русских философов это нечто большее, это метаидея, означающая радикальный разворот всей европейской культуры в сторону «гибельного» рационализма, перешедшего свои границы. Это, по выражению

* Аспирант Школы философии факультета гуманитарных наук при Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики»; стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ, преподаватель и методист Лицея НИУ ВШЭ.

Ф.А.Степуна, «разум, сошедший с ума», это культура Модерна, потерявшая равновесие.

Узловой сюжет русской философии – сюжет о причинах и основаниях этой ментальной и интеллектуальной катастрофы. В этом смысле она, может быть, гораздо более актуальна для Запада, чем, собственно, для самой России.

Внутри самой русской философии существует как минимум две «большие» традиции осмысления большевизма как интеллектуального явления. Различие между ними представляется интересным, а самое главное, отражает и более глубинные противоречия уже внутри самой русской культуры. Долгое время классической работой, посвященной феномену большевизма, была работа Н.А. Бердяева *Истоки и смысл русского коммунизма*, в которой большевизм как явление напрямую выводился из специфического характера русского Просвещения и русской истории XVIII-XIX веков в целом. С позицией Бердяева в целом солидаризируются и многие другие русские философы, ту же самую идею можно встретить в работе «Христианский социализм» С.Н. Булгакова, в «Размышлениях о русской революции» П.Б. Струве, «Крушении кумиров» С.Л. Франка и т.д. Тем самым, ответственность за большевизм возлагалась на русскую культуру, не сумевшую грамотным образом обработать новоевропейские философские новации в силу собственной незрелости и слабости.

В исследовательской литературе эту позицию часто называют «веховской», намекая тем самым на то, что впервые она была имплицитно выражена в знаменитом сборнике *Вехи* и вышедшем позже сборнике *Из глубины*, а также и на тот факт, что почти все авторы, упомянутые выше, так или иначе участвовали в создании этих сборников. Альтернативную точку зрения, гораздо менее широко представленную в исследовательской литературе, представляют, например, И.П. Ильин и Б.П. Вышеславцев, выводящие большевизм из истории новоевропейской философии напрямую и не придающие решающего значения тем «искажениям», которые она получила в России при реализации советского проекта. Так уже позднее возникают основания для социологического, нейтрального взгляда на большевизм как целостное историческое явление западной культуры, не связанное с закоренелыми «травмами» русской души и трагического хода русской истории.

Сюжет «ответственности» возникает последовательным образом и уже в позднее советское время приобретает очевидный публицистический и полемический характер. Если большевизм – «болезнь русской души», то «лечить» ее должна сама Россия и при этом за свои грехи единолично нести справедливое наказание. Если большевизм – болезнь всего европейского рационализма как такового, если он – только часть того большого европейского поворота, который в русской философии, начиная с В.С. Соловьева, описан как «человекобожеский» и предчувствия которого даны в ряде произведений русской литературы, то Европа интеллектуально и морально ответственна за ту катастрофу, которая разразилась в России.

«Веховская» концепция большевизма (*Проблемы идеализма, Вехи, Из глубины*)

Под «веховской» концепцией большевизма следует понимать цельную, сложившуюся в русской культуре начала XX века традицию понимания «большевизма», впервые имплицитно представленную в работах авторов сборника *Вехи* и *Из глубины*, а затем последовательно развитую ими в отдельных работах.

Несомненно, авторы сборника *Вехи* не обладали абсолютным единством своих взглядов, от философских до политических, что видно как по их работам, предшествующим данному сборнику, так и по дальнейшей судьбе творчества каждого из них. Однако авторов объединило общее душевное волнение и общая тревога за судьбу России в переломный период, а также смутное общее ощущение единых причин, для экспликации и выявления которых и был задуман сборник. Об этом в предисловии пишет М.О. Гершензон: «Люди, соединившиеся здесь для общего дела, частью далеко расходятся между собою как в основных вопросах "веры", так и в своих практических пожеланиях: но в этом общем деле между ними нет разногласий. Их общей платформой является признание теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общезжития, в том смысле, что внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия и что она, а не самодовлеющие начала политического порядка, является единственно прочным базисом для всякого общественного строительства»¹.

Базовая философская идея сборника *Вехи* была сформулирована незадолго до публикации самого сборника, в книге *Проблемы идеализма*, в которой участвовало четверо будущих «веховцев» – Булгаков, Бердяев, Струве и Франк. Именно там авторами впервые намечена религиозная концепция культуры, которая с разных сторон будет предлагаться авторами *Вех* на замену интеллигентскому «расколотому» сознанию. С.Н. Булгаков посвящает свою статью об Огюсте Конте «Основные проблемы теории прогресса» именно развитию этой концепции. Описывая современные «модные» философские теории – позитивизм, материализм и неокантианство, – Булгаков отмечает невозможность удовлетворения ими всех духовных поисков человека, их склонность к «урезанию» человека до социальной единицы, обладающей некоторыми «потребностями», в том числе «духовными». Булгаков отмечает, что без цельного мироощущения человек не является человеком. Философ отдельно выделяет необходимость религиозного самосознания, гармонизирующего человека и удаляющего его от крайностей. «Только религия устанавливает поэтому связь между умом и сердцем человека, между его мнениями и его поступками. Человек, который жил бы без всякой религии за личный страх и счет своего маленького я, был бы отвратительным уродом. И

¹ Гершензон М.О. Предисловие к первому изданию «Вех» // Манифесты русского идеализма. М., 2009. С. 453.

напротив, для человека истинно религиозного вся его жизнь, от крупного до мелкого, определяется его религией, и нет таким образом ничего, что являлось бы в религиозном отношении индифферентным»².

Статья П.Б. Струве «К характеристике нашего философского развития», посвященная книге С.П. Ранского о социологии Н.К. Михайловского, бегло фиксирует основные слабости отечественной философии, связанные, в первую очередь, со вторичным и поверхностным увлечением позитивизмом и материализмом. Важнее, однако, другое: в тексте Струве впервые, еще до знаменитого текста С.Н. Булгакова «Карл Маркс как религиозный тип», выдвигается тезис о полной несоизмеримости Маркса со всей предшествующей немецкой философской традицией. «Маркс был вовсе не тот, имеющий внутреннее родство с Кантом, Фихте, Шеллингом и Гегелем философ критического духа, каким он представляется фантазирующему Вольтману; это был догматический материалист, вышедший из школы Фейербаха, но более решительно, чем последний, примкнувший к французскому материализму XVIII века. Он в этом отношении прямой продолжатель французских социалистов и коммунистов, философски отпавшихся так же, как и он, от материализма и сенсуализма»³. Маркс, таким образом, объявляется Струве наследником французского просвещенческого материализма, а не немецкой философской классики. Увлечение русской интеллигенции марксизмом, таким образом, нисколько не соединяет Россию и ее интеллектуальный слой с высокой немецкой философской культурой, оно возвращает русских к примитивному «базаровскому» материализму, преодоленному Европой именно за счет высоких уровней философской рефлексии. Но именно с высокой культурой русская интеллигенция, по мнению Струве, оказывается незнакомой.

Статья Н.А. Бердяева, посвященная этическим вопросам, подчеркивает значение практической философии Канта, почти не усвоенной, по его мнению, русским интеллигентским сознанием. Бердяев, так же, как и все остальные авторы сборника, последовательно критикует современные ему увлечения интеллектуальной молодежи – от позитивизма до марксизма, но теперь через призму этического их содержания. Основная идея Бердяева дополнительно усиливает основную тенденцию всего сборника – во-первых, этическое сознание возможно только как цельное, а значит, невозможно как нерелигиозное, а во-вторых, невозможно мыслить себе этическую цель как собственно выполняемую в эмпирическом смысле. Современные учения ошибаются, когда помещают этическое в состав событий мира, будь то желание счастья, социального благоденствия, удовольствия, отсутствия страдания и т.д. «Человек находит свое высшее счастье в осуществлении чего-то ценного с точки зрения своей сознательной природы, т. е. осуществление добра в своей воле, истины в своем познании, красоты в своих

² Булгаков С.Н. Основные проблемы теории прогресса // Манифесты русского идеализма. М., 2009. С. 25.

³ Струве П.Б. К характеристике нашего философского развития // Манифесты русского идеализма. М., 2009. С. 94.

чувствах; эти ценности и являются целями, из их осуществления складывается духовная жизнь. Все содержание душевной жизни исчезает, когда в поле сознания оказываются только удовольствие и счастье как цели. Качество счастья целиком определяется качеством объектов желания, т. е. духовной природой человека»⁴.

Статья С.Л. Франка, одна из самых академичных и объемных статей сборника, посвящена детальному исследованию моральной философии Ницше. На первый взгляд, в ней не содержится публицистических и критических по своему характеру отзывов о состоянии русской философской культуры и интеллигенции. Однако, заканчивается она важным выводом: «Современная философская мысль, опираясь на представленные ее основателем Кантом синтез реалистической трезвости мысли со смелыми идеалистическими порывами нравственного духа, проводит резкую грань между критическим позитивизмом в области научного познания и этическим идеализмом в области целостного нравственного сознания. Она в равной мере должна протестовать как против доктринерской тенденции ограничить богатое внутренними переживаниями человеческое сознание сферой реалистической мысли, так и против неосторожного стремления гипостазировать этические переживания и облекать их в форму логической системы точного знания; таким образом, она примиряет эти два противоположных направления человеческого духа, указывая каждому его границы»⁵. Нетрудно заметить, что именно в бесконечной путанице этического с логическим, нравственного с социальным, внешнего с внутренним позже авторы *Vex* будут обвинять русскую интеллигенцию.

Тезисы, высказанные в сборнике *Проблемы идеализма*, были усилены уже в самом сборнике *Vexi*. «Веховцы» хотели показать необходимость трансформации ориентации русской культуры – с внешней на внутреннюю. Необходимо было, по их мнению, переставить акценты: с проблем общества на проблему личности, с проблемы социальной справедливости на проблему личной ответственности. Русская интеллигенция была признана авторами сборника *Vexi* носителем нового революционного сознания, чуждого религии, а значит свободе и личностной культуре. Интеллигентская идеология объявлялась опасной и неуместной для будущей России. Слово «большевизм» здесь еще пока не звучит, но основной набор дескриптивных инструментов и узловых сюжетов формируется с очевидной ясностью. Интеллигенция обвинялась в отсутствии цельного сознания, в принципиальности, доходящей в своей реализации до беспринципности, в опасном забвении духовной жизни, в упоении социальным реформаторством без цели и смысла. М.О. Гершензон в веховской статье «Творческое самосознание» называет русское общество «искалеченным», «уродливым», потому что его ведущая интеллектуальная часть – интеллигенция, не представляет из себя «лю-

⁴ Бердяев Н.А. Этическая проблема в свете философского идеализма // Манифесты русского идеализма. М., 2009. С. 104.

⁵ Франк С.Л. Ницше и этика «любви к дальнему» // Манифесты русского идеализма. М., 2009. С. 182.

дей», цельных личностей. «Потому что мы не люди, а калеки, все, сколько нас есть, русских интеллигентов, и уродство наше – даже не уродство роста, как это часто бывает, а уродство случайное и насильственное. Мы калеки потому, что наша личность раздвоена, что мы утратили способность естественного развития, где сознание растет заодно с волею, что наше сознание, как паровоз, оторвавшийся от поезда, умчалось далеко и мчится впустую, оставив втуне нашу чувственно-волевою жизнь»⁶.

«Веховцы» смогли выстроить в своем сборнике целостную картину интеллигенции, которая на долгое время стала хрестоматийной. Авторы сборника назвали первых, с их точки зрения, русских интеллигентов – Бакунина, Белинского и Чернышевского. Бердяев в своей статье о «философской истине» обвиняет их в беспочвенности, поверхностном социализме, мечтании о земном рае, замене истинного искания истины на «интеллигентскую правду». Кистяковский упрекает интеллигенцию в ущербности их правосознания, Изгоев пишет о чудовищном состоянии умов интеллигентской молодежи, которая увлечена только политической борьбой, плохо воспитана, не умеет строить собственную жизнь и быт.

Интересно, что за пределами русской интеллигенции оказались все русские писатели и вся русская литература – Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Достоевский и т.д. Также под знамена интеллигенции не были записаны русские философы-славянофилы, например, Хомяков, а также Вл. Соловьев и Чаадаев. М.О. Гершензон обвиняет русскую интеллигенцию в отсутствии внимания к национальной и самобытной русской литературе и философии: «Наше сознание в массе не вырабатывало для себя своих жизненных ценностей и не переоценивало их постепенно, как это было на Западе; поэтому у нас и в помине не было своей, национальной эволюции мысли; в праздной, хотя и святой, жажде истины мы просто хватали то, что каждый раз для себя создавала западная мысль, и носились с этим даром до нового, лучшего подарка. И напротив, та истина, которую добывали – конечно, в личной работе сознания – наши лучшие умы – Чаадаев, славянофилы, Достоевский, – мы не дорожили ею, не умея распознать в ней элемент национальной самобытности – все это потому, что наше сознание было лишено существенности, которая дается ему только непрерывным общением с волею»⁷.

В 1918 году авторы *Vex* заявили о себе написанием нового сборника на ту же тему – *Из глубины*. Именно он особенно важен в контексте разговора о «веховской» концепции большевизма, так как в нем авторы подводят итоги своим размышлениям, а также фиксируют правоту своих предчувствий и предостережений. Бердяев в своей статье «Духи русской революции» заключает: «Русская революционная мораль представляет совершенно своеобразное явление. Она образовалась и кристаллизовалась в левой русской интеллигенции в течение ряда де-

⁶ Гершензон М.О. Творческое самосознание // Манифесты русского идеализма. М., 2009. С. 509.

⁷ Гершензон. Творческое самосознание. С. 518.

сятилетий и сумела приобрести престиж и обаяние в широких кругах русского общества. Средний интеллигентный русский человек привык преклоняться перед нравственным образом революционеров и перед их революционной моралью»⁸.

Изгоев идет еще дальше и впервые отчетливо проводит связь между большевизмом и ответственностью русской интеллигенции за него: «Большевики и их господство и воплотили в себе всю критику жизни. Напрасно интеллигенция пытается спасти себя отводом, будто она не отвечает за большевиков. Нет, она отвечает за все их действия и мысли. Большевики лишь последовательно осуществили все то, что говорили и к чему толкали другие»⁹. И далее еще более ясно и прямо звучит сюжет ответственности: «Для будущности России важно, чтобы социалистической и радикальной интеллигенции не дано было возможности переложить на одних большевиков идейную ответственность за крах всей системы идей. Само собой разумеется, речь идет не об уголовной ответственности. Но в области идей должно быть твердо установлено, что между большевизмом и всеми леворадикальными и социалистическими течениями русской мысли существует тесная, неразрывная связь»¹⁰.

Духовные основания большевизма авторы *Vex* видят в традиции, идущей от декабристов, продолжающейся в Бакунине и Белинском и находящей законченное выражение в леворадикальной политической ориентации русской интеллигенции в целом. Первым «большевиком» Бердяев называет декабриста Пестеля, а также разночинцев 1860-х гг. XIX века.

Русская интеллигенция, по мнению «веховцев», представляет особый духовно-исторический тип, сложившийся в России в силу особого характера ее модернизации, «беспочвенности» культуры, авторитарности самодержавия и слабости религиозных и философских оснований у ведущего интеллектуального слоя. Русские интеллигенты воинственно настроены ко всем структурам государства, нетерпимы и одержимы идеями радикального социального переустройства. Они ненавидят вышестоящие классы, при этом сочувственно относятся к «низам», хотя не понимают их еще больше, чем тех, кого ненавидят. Трагический душевный разлад и раскол порождают особую «раскольническую» (в терминологии Бердяева) или «отщепенскую» (в версии Струве) психологию, склонность к «кружковщине», заговорщичеству и стремление к фанатичному служению «идее».

Франк полагает, что первый портрет русского интеллигента дан Тургеневым в образе Базарова в романе «Отцы и дети». Именно в спорах между Базаровым и Кирсановым, по мнению Франка, слышны «раскаты грозы, обрушившейся теперь на Россию». Ненависть, которую Базаров питает к старому миру, к либера-

⁸ Бердяев Н.А. Духи русской революции // Манифесты русского идеализма. М., 2009. С. 703.

⁹ Изгоев А.С. Социализм, культура и большевизм // Манифесты русского идеализма. М., 2009. С. 769.

¹⁰ Там же. С. 770.

лизму Кирсановых, «по духовной своей субстанции совершенно тождественна с большевистской злобой». Ресентимент, который интеллигенция питает к вышестоящим классам, к слоям, представляющим «старый режим» или «старый порядок», роднит ее с большевиками, полагают авторы *Vex*.

Таким образом, с точки зрения авторов *Vex*, история возникновения большевизма в России – это история «усиления» интеллигенции и всех черт, ей присущих: отщепенства, нетерпимости, воинственной религиозной безграмотности, фанатизма. Подробно этот феномен был выявлен, в первую очередь, в русской литературе. Современный историк русской культуры Л. Люкс отмечает: «С критикой непочтительных детей-"нигилистов" выступили Тургенев, Достоевский и другие представители "романтического" поколения интеллигенции. Их повергло в ужас не только поведение, но прежде всего мировоззрение этих последышей, их яростный поход против идеалистической эстетики и философии, обращение к плоскому материализму и утилитаризму»¹¹.

Особый характер радикальных психологических черт интеллигенции сближает ее, по мнению Бердяева, с русским характером как таковым. Так, парадоксально, отщепенство становится фактором, объединяющим интеллигенцию со всей Россией, но только на этом фундаменте невозможно было выстроить никакого общественного договора.

Авторы *Vex* задаются вопросом, почему из всего многообразия западных социальных учений в России прижились самые радикальные, самые непримиримые версии тотального переустройства мира и социума. Социализм на Западе был облагорожен и «обеззаражен» зрелой буржуазной культурой и христианской религией, в России же ни один из этих факторов не имел решающего значения. Уже гораздо позже, в 1924 году, эту мысль *Vex* в поэме «Россия» прекрасно выскажет Максимилиан Волошин, обозначив трагическое противоречие между Западом и Россией в метафоре «культуры огня» и «культуры взрыва»:

«У нас в душе некошеные степи.
Вся наша непашь буйно заросла
Разрыв-травой, бьльём да своевольем.
Размахом мысли, дерзостью ума,
Паденьями и взлётами – Бакунин
Наш истый лик отобразил вполне.
В анархии всё творчество России:
Европа шла культурою огня,
А мы в себе несём культуру взрыва.
Огню нужны – машины, города,
И фабрики, и доменные печи,
А взрыву, чтоб не распылить себя, –

¹¹ Люкс Л. Интеллигенция и революция: летопись триумфального поражения // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. Русское издание. 2016. № 1. <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss25.html>. Последнее посещение 28.06.2017.

Стальной нарез и маточник орудий.
Отсюда – тяж советских обручей
И тугоплавкость колб самодержавья»¹².

Он же в той же поэме дал и прекрасный поэтический образ русского интеллигента, как будто списанный с того портрета, который был нарисован авторами *Vex*:

«От их корней пошёл интеллигент.
Его мы помним слабым и гонимым,
В измятой шляпе, в сношенном пальто,
Сутулым, бледным, с рваною бородкой,
Страдающей улыбкой и в пенсне,
Прекраснодушным, честным, мягкотелым,
Оттиснутым, как точный негатив,
По профилю самодержавья: шишка,
Где у того кулак, где штык – дыра,
На месте утвержденья – отрицанье,
Идеи, чувства – всё наоборот,
Всё «под углом гражданского протеста».
Он верил в Божие небытие,
В прогресс и в конституцию, в науку,
Он утверждал (свидетель – Соловьёв),
Что «человек рождён от обезьяны,
А потому – нет большая любви,
Как положить свою за ближних душу»¹³.

Отдельное внимание авторы *Vex*, прежде всего Бердяев, уделяют эсхатологическому характеру русской культуры, воплотившемуся и в сознании такого духовно-исторического типа, как интеллигенция. Идея особого пути России, божественного предназначения ее судьбы, находит выражение и в радикальных идеях интеллигентов, а потом закономерно заканчивается большевистским проектом «коммунистического рая». Бердяев отмечает, что таким образом, коммунизм становится «внутренним моментом» в судьбе русского народа.

Идея коммунизма, отмечают авторы *Vex*, принципиально враждебна в первую очередь христианству. Но для того, чтобы выдержать эту битву с Христом, коммунизму нужно сохранять максимальное религиозное напряжение. Таким образом, большевистский проект максимально религиозен, он пытается отвечать на те же самые конечные, смыслополагающие вопросы, на которые отвечает христианская религия. И эту религиозную, но при этом антихристианскую черту авторы *Vex* также находят в сознании русской интеллигенции. На место Христа интеллигенты ставят учение Христа, и в конечном счете приходят к гуманизму, к обожествлению человека и «мира сего». Путь радикальных социальных реформ

¹² Волошин М. Россия // Максимилиан Волошин. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. М., 1991. С. 200.

¹³ Там же. С. 196.

приобретает сотериологический характер и трактуется как история спасения человечества и преображения его природы в буквальном, социологическом и историческом смысле слова.

Отдельно стоит отметить, что период написания *Vex* в России гармонично совпал с очередным поиском роли интеллектуалов в европейской культурной и исторической жизни и в самой Европе. Шарль Моррас в работе «Будущее интеллигенции», например, упрекает интеллектуалов в том, что «революционная диктатура стала высшей точкой диктатуры литераторов»¹⁴. Об этом пишет в своей статье, посвященной сборнику *Vexi*, известный русский философ и писатель В.К. Кантор: «Не было направления русской мысли (официозного, радикального, религиозного), которое не пыталось бы подмять под себя эту неуловимую общественно-культурную субстанцию – интеллигенцию. Образ интеллигента был столь же загадочен как образ еврея, тем более, что процент русских евреев среди русской интеллигенции был весьма высок. Как правило, нападавшие на интеллигенцию (революционеры, консерваторы, чиновники, философы, писатели, поэты) сами были выходцами из этого слоя»¹⁵.

В.К. Кантор отмечает поверхностность и эмоциональность суждений авторов *Vex*, подчеркивая, что русская интеллигенция обладала не только радикальными и нигилистическими чертами, которые приписывают ей «веховцы». Русская интеллигенция также была основным «думающим» слоем в России, свободным и просвещенным, и далеко не все ее представители были радикальны и «беспочвенны», многие из них не приняли большевизм и вступили с ним в идейную и духовную борьбу. Сомнительным и односторонним кажется и радикальное размежевание русской интеллигенции с русской литературой и философией, которое проводят авторы *Vex*. В такой картине русская интеллигенция предстает исключительно слоем-«паразитом», невнимательным к настоящему русскому интеллектуальному наследию, а русские писатели и философы, наоборот, оказываются проводниками подлинного европейского Просвещения, искаженного «необразованной» интеллигенцией.

Однако В.К. Кантор подчеркивает и значимость того резкого анализа, который представили нам авторы *Vex*: «"Вехи" много пропустили мимо своего внимания, мало что объяснили, но пафос самокритики, призыв к своеобразной протестантской этике заставил мыслящую часть России перейти к деятельному труду. Возможно, это случилось бы и без появления "Вех", но не будем преуменьшать и их роль»¹⁶.

Заслуга авторов *Vex* состоит в том, что в серии своих статей они смогли создать отчетливый и публицистически яркий образ причин русской катастрофы 1917 года, в первую очередь, в идейном, мировоззренческом плане. Их концеп-

¹⁴ Цит. по: Кантор В.К. «Вехи» в контексте, или интеллигенция как трагический элемент русской истории // Вопросы философии. 2010. №4. С. 93.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 108.

ция «происхождения» большевизма заняла в русской философии и публицистике значимое место. Она была развита уже в отдельных работах и долгое время на Западе считалась основной теорией, объясняющей природу и причины русского большевизма. Тем не менее, их версия была не единственной.

Споры с «веховцами» – «сменовеховство»

Реакция на публикацию сборника *Вехи* последовала стремительно. За два года в печать вышло несколько альтернативных сборников, полемизирующих с *Вехами* – *В защиту интеллигенции* (1909), *По вехам: сборник об интеллигенции и национальном лице* (1909), *Интеллигенция в России* (1910), *Вехи как знамение времени* (1910). Авторами «антивеховских» заметок были известные деятели и публицисты – П.Н. Милюков, М.И. Туган-Барановский и т.д.

Д.С. Мережковский назвал авторов *Вех* – «семью смиренными»¹⁷ и поспешил увидеть в «безбожности русского освобождения» скрытый религиозный смысл. Уже очень скоро, с наступлением большевизма в реальности, он откажется от этой своей идеи. Показательно также название заметки П.А. Столыпина, очень выдержанной и спокойной по стилю – «Интеллигенты об интеллигентах»¹⁸, главную заслугу *Вех* русский реформатор видит в низвержении «идола политики» и в появлении самой традиции самокритики. А. Белый написал: «"Вехи" подверглись жестокой расправе со стороны русской критики; этой расправе подвергалось все выдающееся, что появлялось в России. Шум, возбужденный "Вехами", не скоро утихнет; это – показатель того, что книга попала в цель»¹⁹. Критикам, упрекающим *Вехи* в реакционности, прекрасно отвечает Е.Н. Трубецкой: «Для всякого, имеющего уши слышать, тот призыв к самоуглублению и самоусовершенствованию личности, который мы находим в "Вехах", прозвучит как призыв к свободе: ибо без свободы нет ни совершенства личности, ни даже самой личности: уважать личность – значит признавать ее свободу. Авторы "Вех" отдают себе в том ясный отчет: говоря словами Гершензона, они верят в преобразование нашей общественности через обновленную личность. Не "Вехи" льют воду на мельницу реакции, а их противники – те самые, которые сражаются за старых идолов и остаются при прежних иллюзиях»²⁰.

Полемизируя с *Вехами*, упомянутые критически настроенные авторы реагировали лишь на сиюминутные аргументы и больше отстаивали ущемленную «веховцами» позицию интеллигенции и обвиняли авторов в реакционности, чем предлагали взамен свою, альтернативную концепцию. Первой попыткой предло-

¹⁷ Мережковский Д.С. Семь смиренных // *Вехи: pro et contra*. СПб., 1998. С. 100-111.

¹⁸ Столыпин П.А. Интеллигенты об интеллигентах // *Вехи: pro et contra*. СПб., 1998. С. 84-86.

¹⁹ Белый А. Правда о русской интеллигенции // *Вехи: pro et contra*. СПб., 1998. С. 256.

²⁰ Трубецкой Е.Н. «Вехи» и их критики // *Вехи: pro et contra*. СПб., 1998. С. 330.

жить цельную, альтернативную *Вехам* концепцию происхождения большевизма и русской революции был сборник с говорящим названием *Смена вех*, породивший, как известно, целое влиятельное интеллектуальное движение Русского Зарубежья – «сменовеховство». Авторами сборника выступили Н. Устрялов, С. Чахотин, Ю. Ключников, А. Бобрищев-Пушкин, С. Лукьянов и Ю. Потехин.

«Сменовеховцы» объявили большевизм русской государственной идеей, имманентной и органичной всей русской истории. Авангардистские «выходки» большевизма они объясняли революционной ситуацией и политическими обстоятельствами, надеясь, что государственная идея в конечном счете победит революционную, и русское государство оживет в новом советском воплощении. Они считали, что большевизм возможно преодолеть изнутри, способствуя его перерождению в империю с сильной частно-государственной экономикой и серьезными геополитическими амбициями.

Движение «сменовеховцев» было органично связано с литературным процессом, и многие представители его позже вернулись на советскую родину, как, например, А.Н. Толстой. На страницах своих газет и журналов «сменовеховцы» долгое время всячески оправдывали советскую внешнюю и внутреннюю политику, создавая на Западе позитивный образ советской власти, пытаясь показать, что большевизм не является ни чем-то специфически русским, ни чем-то вообще экстремальным в каком бы то ни было смысле, он является агонией политической революционной борьбы, которая очень скоро примет конвенциональные государственные формы.

Большевизм как проект Модерна – опыт строительства институтов

Помимо философской рефлексии, проходившей вокруг «веховской» и «сменовеховской» концепций большевизма, ряд русских социологов, философов и публицистов предложил принципиально другой, социологический, или, если угодно, культурологический взгляд на природу большевизма как социально-исторического явления.

Например, Иван Ильин определяет большевизм исключительно как «западный материализм». Принципиальное отличие работ Ильина от всех предшествующих описанных нами концепций заключается в том, что философ не ищет никаких «специфических», особых оснований большевизма в русской истории, русской культуре или во взглядах того или иного класса, как это делали авторы *Вех*. Большевизм для него – социологическое воплощение большой западной идеи, появившейся не в России и знаменующей собой развитие некоторых ключевых идей западной новейшей европейской философской традиции. Так философское рассмотрение большевизма переходит в социологическое.

Наиболее точно этот «отстраненный», нейтральный социологический взгляд на природу большевизма обобщает в своей работе «Советский эксперимент строительства институтов» современный философ и культуролог В.А. Куренной: «Советская история является уникальным случаем долгосрочного общественно-эксперимента по строительству организационной и управленческой структуры, призванной радикально модифицировать поведение человека. Этот эксперимент имел как репрессивную, так и конструктивную часть»²¹.

Иными словами, большевизм – проект западного Модерна, определяемый чисто теоретически как идея тотального переустройства мира. Впервые в законченных своих воплощениях она появляется на Западе в проектах ряда сверхорганизационных мобилизационных утопий, самой известной из которых является утопия Сен-Симона. Большевизм предполагает построение тотального государства, в котором насилие является смыслом и сутью самой системы, поскольку является уникальным и ничем не сдерживаемым в пределе инструментом трансформации природы и общества. Предпосылка абсолютной пластичности человеческой природы и общества – базовая фундаментальная идея большевистского проекта. Из этой отправной точки становится возможным объяснить различные эпохи существования советского государства как единого целого, никогда не менявшего свои основные координаты, а менявшего лишь только политические режимы, исходя из обстоятельств.

Таким образом, становится понятно, что большевизм нельзя описать ни как политический режим, ни как диктатуру, ни как авторитарное государство. Исключительно политический язык описания обходит стороной главный, узловый сюжет большевистского проекта, без которого невозможно понять основные действия большевиков: как в сфере чисто политической, так и в сферах, далеких от нее. В.А. Куренной поясняет: «Конструктивная часть проекта была прямым следствием определенной логики, укорененной в комплексе идей Просвещения и имеющей несколько аспектов. Прежде всего она заключалась в предполагаемом по умолчанию нормативном цивилизующем значении образования (первоначально в элементарной форме грамотности) и рационального образа жизни (первоначально в элементарной форме гигиены). Однако эта внешняя сторона, быстро и необычайно эффективно получившая прямое выражение в соответствующих мерах большевиков уже на начальном этапе советской власти, имела под собой более фундаментальные основания – специфическую антропологическую модель (и соответствующую дискурсивную формацию), предполагавшую фактически безграничную пластичность любой формы «природы», включая человеческую, под воздействием внешней (социальной, организационной, базисной) среды»²².

²¹ Куренной В.А. Советский эксперимент строительства институтов // *Время, вперед! Культурная политика в СССР*. М., 2013. С. 12.

²² Куренной В.А. Советский эксперимент строительства институтов. С. 13.

Идея тотального насилия, понятая как абсолютная власть над реальностью, является краеугольным камнем большевистского проекта. Например, особую, уникальную в историческом плане идею «планового» хозяйства невозможно объяснить исходя из чисто политических соображений. В таком случае становится непонятно, почему большевики так держались за нее в течение всего периода существования советского проекта, даже тогда, когда многим стала очевидна экономическая неэффективность тотальной системы планового хозяйствования. Разгадка, видимо, заключается в том, что критерии политической и экономической целесообразности никогда не были определяющими для большевиков, и в этом смысле все поколения советских элит – от Ленина до Андропова, несмотря на всю разницу политических обстоятельств и типов политической власти, хранили верность изначальной большевистской идее, реализуя ее в разных направлениях – от экономики до образования и науки.

Через призму этого взгляда становится возможным объяснить такие феномены советского периода истории, как «лысенковщину», организационную сталинскую модель науки, систему школьного и высшего образования, инструменты управления культурой как особой сферой, распределительные механизмы в сфере потребления, «экспертную» систему принятия решений и трансформацию социально-гуманитарных наук внутри советской идеологической системы.

Последняя черта советского строя проанализирована известным современным социологом А.Ф. Филипповым в статье «Советская социология как полицейская наука», в которой на примере институционального положения социологии дана панорамная картина трансформации социально-гуманитарного знания внутри советской репрессивной системы. А.Ф. Филиппов пишет: «Социология была задумана как *полезная*. Она была нужна для того, чтобы обеспечить на деле декларируемое идеологами научное управление обществом»²³.

А.Ф. Филиппов описывает, как на Западе возникает понятие полицейского государства и как институционализируются науки, призванные обеспечивать управление обществом как равновесной механической системой. Наиболее ярким примером этой идеи был камералистский проект в Германии, но он достаточно быстро провалился после того, как идея полицейского государства уступила свое место государству правовому. Полицейские науки в правовом государстве оказались не нужны, и на место им приходит социология как наука принципиально теоретическая, и от политики независимая. «Во Франции она формируется (в противоположность социализму, предполагавшему революционное преобразование мира) как способ соединения порядка и прогресса на основании знания, которое позволяет видеть, чтобы предвидеть. Она полезна, но пользу приносит лишь постольку, поскольку преследует теоретические цели»²⁴.

²³ Филиппов А.Ф. Советская социология как полицейская наука // Журнальный зал. <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/123/6f.html>. Последнее посещение: 28.06.2017.

²⁴ Филиппов А.Ф. Советская социология как полицейская наука // Журнальный зал. <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/123/6f.html>. Последнее посещение: 28.06.2017.

Таким образом, на Западе социология стала инструментом познания социальной реальности, существующей помимо конструктивных и преобразующих общество механизмов тотального государства. В Советском Союзе, по очевидным идеологическим причинам, такая институционализация была бы невозможна. С размыванием форм и инструментов тотального контроля в 1960-е годы в СССР все-таки появляется «социология», но с особым, уже утраченным на Западе, но заново теперь возрожденным в новых условиях «полицейским» содержанием. «Отказаться от ключевой идеи, что социальная реальность при коммунизме имеет целиком научно сконструированный и потому вполне прозрачный для конструкторов характер, было, разумеется, идеологически невозможно, но и потребность в знании о происходящем необходимо было учитывать»²⁵. Так была создана наука «социология» с конкретной задачей – осуществлять рациональное прогнозирование и планирование с целью планомерного воздействия на общество и все социальные процессы.

Социологический анализ большевизма и его реализации в советском проекте дополняется работами по теории номенклатуры и функционирования бюрократии. На исходе советского периода получают свое развитие теории функционирования «административных рынков», описывающие механизмы воспроизводства и распределения власти и полномочий в СССР в условиях отсутствия публичной сферы и конкурентного характера власти и государственных институтов.

Таким образом, упомянутые способы анализа раскрывают нам явление большевизма с новой, «нейтральной» стороны. Они показывают нам большевизм не как «духовную болезнь» русской интеллигенции, воплотившуюся в политическом терроре и тоталитарном государстве, а как цельный, разработанный теоретический проект, опосредованный ограниченным и искаженным комплексом идей западного Просвещения, реализованный в форме конкретной системы институтов, сохранявших на протяжении почти целого века поразительную стабильность именно в цельности основной своей идеи и замысла, несмотря на все исторические и политические флуктуации.

²⁵ Там же.

Анастасия Туманова*

Экспертное сообщество ученых-экономистов и рецепты преодоления общенационального кризиса 1914-1917 гг.**

В настоящей статье рассмотрена деятельность российских экономистов, локализованная пространственными границами научных обществ. Исследуются содержание и ход мобилизации экономической науки в условиях Первой мировой войны и революционного процесса 1917 г. Мобилизация выражалась в переориентации исследований ученых-экономистов на нужды военного производства и социального реформаторства ввиду милитаризации народного хозяйства военного времени, радикализации политического процесса и радикально меняющегося вектора социальных и экономических реформ.

Речь пойдет о влиянии событий 1914-1917 гг. на экономическую профессию, о реакции экономистов на войну и революцию, о востребованности государством и рынком в этот насыщенный событиями период экспертных функций представителей экономической профессии. Важные вопросы, возникающие в этой связи: способствовали ли хозяйственные трудности периода Войны развитию профессионального самосознания российских экономистов и как трактовали последние актуальные хозяйственные меры царского, Временного и большевистского правительств?

Поскольку экономисты объединялись в научные организации и тесно взаимодействовали с властными структурами, в статье будут рассмотрены их взаимоотношения с правящей элитой в лице царского, Временного, а затем и большевистского правительств. Профессионалы-экономисты работали в таких ассоциациях, как Вольное экономическое общество (ВЭО, 1765¹), Московское общество сельского хозяйства (МОСХ, 1818), Лига аграрных реформ (1917) и др. ВЭО являлось старейшим научным обществом, занимавшимся рационализацией народного хозяйства. Московское общество сельского хозяйства со времен Александра I было крупнейшим объединением землевладельцев второй столицы. Лига аграрных реформ образовалась в 1917 г. в качестве экспертного центра для подготовки аграрной реформы. Три отмеченных общества были наиболее крупной и влиятельной экспертной площадкой для специалистов экономического профиля, по-

* Доктор исторических наук и доктор юридических наук, профессор Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики".

** Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2017 г.

¹ Здесь и далее указаны годы основания организаций.

этому автор статьи сконцентрировал свое внимание преимущественно на них. Объединяя представителей различных областей экономического знания, ассоциации способствовали мобилизации профессионалов на решение задач, выдвинутых войной и революцией.

Экономическое сообщество в начале XX столетия было далеко неоднородным. По данным, приведенным В.Р. Лейкиной-Свирской, группа «деятелей экономической помощи населению» включала инженеров и техников, а также статистиков, агрономов, ветеринаров². Проблема состояния экспертного сообщества экономистов в годы Первой мировой войны и революции находится в русле такого направления исторических исследований, как история профессий. Данное направление выделилось в исторической науке в 1990-е гг.³

В новых исторических исследованиях складывание профессий трактуется в контексте формирования среднего класса, понимаемого уже не в узком смысле, как средние слои торгово-промышленной буржуазии, а в широком значении, т.е. как сообщество профессионалов. Импульс к созданию профессий был заложен Великими реформами 1860-70-х гг., а важными элементами для самоидентификации специалистов явились развитие высшего профессионального образования, специализированных печатных изданий и профессиональных ассоциаций. Непременным «спутником» профессионализации признается также этос российской интеллигенции, включавший в себя потребность в общественном служении и стремление к просвещению народа.

Экономическая политика в повестке дня Вольного экономического общества

С началом Первой мировой войны существенные усилия российских экономистов-общественников были сконцентрированы на устройении тыла, ощущавшего нехватку продовольствия и товаров потребления, а также их дороговизну. Термин «устройство» широко использовался в их лексиконе.

Еще в первый месяц войны на заседании ВЭО была поставлена проблема устройства тыла и его лидеры постановили вести работу в этом направлении. Основную проблему тыла члены ВЭО видели в наличии тенденций к экономической дезорганизации страны, а задачу общества – в том, чтобы противостоять им.

² Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900-1917 годах. М., 1981. С. 39-49.

³ Balzer H. The Problem of Professions in Imperial Russia // *Between Tsar and People: The Search for a Public Identity in Tsarist Russia* / Ed. E. Clowes, S. Kassow, J.L. West. Princeton, 1991. P. 343-366; *Russia's missing middle class. The professions in Russian History* / Ed. H.D. Balzer. Armonk, L., 1996; Pomeranz W. «Profession or Estate»? The Case of the Russian Pre-Revolutionary «Advokatura» // *The Slavonic and East European Review*. 1999. Vol. 77. № 2. P. 240-268; Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 38-45, 217-269.

Следуя терминологии общества, оно выступало инициатором работы общественной мысли над экономическими вопросами. В представленной ВЭО правительству в августе 1914 г. записке общественные деятели предлагали бороться с хозяйственной разрухой посредством самоорганизации общественности, консолидировавшейся в добровольных обществах и в органах местного самоуправления. То же настроение наблюдалось и у членов МОСХ, видевших задачу общественности в осуществлении напряженной работы по мобилизации народного хозяйства совместно с правительством. Идея единения общества и власти в достижении победы звучала тогда из уст и представителей власти. Так, чиновник ГУЗИЗ Н.С. Ленин говорил на заседании ВЭО о неспособности своего ведомства обеспечить армию продовольствием без содействия общества⁴.

В августе 1914 г. членом ВЭО экономистом Д.И. Рихтером, автором статей по экономике и статистике для Словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона и инициатором создания статистической комиссии при ВЭО, была озвучена программа хозяйственного устройства. Она включала широкий круг направлений работы, начиная от урегулирования путей сообщения и приспособления тарифов железнодорожных перевозок к потребностям товарообмена, заканчивая организацией помощи сельскому населению, страдавшему от войны и неурожаев. Планировалось привлечь к делу хозяйственного устройства общественные организации, в особенности кооперативы, что позволяло наладить поставки в армию, организовать снабжение городов продуктами питания и предметами первой необходимости. ВЭО предлагало правительству поддержать экономические организации путем их кредитования и объединения их под эгидой авторитетного центра. На роль центра планировался создававшийся в те дни в Москве Всероссийский земский союз (ВЗС). Предполагалось, что ВЗС поставит перед собой задачу поддержки народного хозяйства и станет контактировать с кооперативами и иными организациями⁵. Таким образом, общественность должна была стать лидером мобилизационных мероприятий в российском тылу.

Созданную ВЭО комиссию для борьбы с дезорганизацией экономики возглавил либеральный экономист А.С. Посников – специалист по политической экономике и статистике, декан экономического отделения Петербургского политехнического института и член Государственной думы четвертого созыва. В комиссию вошли А.И. Шингарев, князь Д.И. Шаховской, П.Б. Струве, Н.В. Некрасов, А.М. Рыкачев, а также социалисты А.Ф. Керенский и князь В.Л. Геловани. Большинство членов комиссии выступало сторонниками обновления государственного строя на принципах либеральных реформ.

Важным пунктом повестки дня заседаний ВЭО первого военного полугодия была финансовая политика государства после ликвидации такой статьи бюджетных поступлений, как казенная продажа вина. По признанию министра финансов

⁴ Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 2014. С. 141-142, 163.

⁵ Вольное экономическое общество // Русские ведомости. 1914. 4 августа.

П.Л. Барка в октябре 1916 г., у правительства ушло два года на компенсацию потерь⁶. Специализировавшиеся на финансовых вопросах члены ВЭО поддержали отказ правительства от «пьяного» бюджета. Так, либеральный экономист Б.Д. Бруцкус, сторонник свободного рынка и фермерского хозяйства, проанализировал воздействие ликвидации винокурения на сельское хозяйство и пришел к выводу, что данная мера не будет иметь пагубных последствий, в особенности, для крестьянского хозяйства⁷.

В то же время экономисты ВЭО понимали, что отмена казенной монополии в условиях войны чревата бюджетным дефицитом. Ввиду этого ими были рассмотрены различные «слагаемые» финансового благополучия страны, такие как бюджет, бумажное денежное обращение, налоги и займы. Обсуждался вопрос о возможности покрытия бюджетной недостачи за счет введения государственных монополий на потребительские товары: табак, сахар, чай и др. Докладчиками выступали искушенные в вопросах финансов думец А.И. Шингарев, а также экономисты-профессора М.В. Бернацкий и М.И. Фридман. Все трое имели либеральные взгляды. Бернацкий и Фридман работали на экономическом отделении Петербургского политехнического института, являвшегося в ту пору кузницей кадров для экономической профессии. Бернацкий являлся профессором политической экономии, а Фридман – профессором финансового права, ведущим специалистом в косвенных налогах на предметы потребления. Шингарев и Фридман высказывались за установление государством фискальных монополий в ряде отраслей народного хозяйства для покрытия военных расходов⁸.

В заседании 5 сентября 1914 г. экономистами ВЭО обсуждался вопрос налогообложения и введения государственного чрезвычайного военного сбора (заема). По словам Б.Б. Веселовского, для решения вопроса о введении новых налогов следовало созвать законодательные учреждения и установить законодательно сроки налогообложения. Отмечая существенное напряжение, которое могла испытать страна в условиях продолжительной войны, Веселовский признавал настоящий момент неудобным для проведения финансовых реформ в широком формате, предложенном, в частности, А.И. Шингаревым. «Правительственный проект, – говорил Веселовский, – пошел, несомненно, по линии наименьшего сопротивления, и, приняв план механического повышения всех существующих налоговых ставок, пощадил те группы населения, которые всегда умеют лучше отстаивать свои интересы. Но при проведении в настоящий момент финансовых преобразований по определенному плану возникает опасение, что они будут страдать крупными недостатками, которые будут требовать исправлений впо-

⁶ Пашков Е.В. Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2010. № 10. С. 88, 90.

⁷ Отчет о действиях Императорского Вольного экономического общества за 1914 год. Пг., 1915. С. 5.

⁸ Туманова А.С. Указ. соч. С. 144.

следствии...». Веселовский ратовал за введение прогрессивно-подоходного налога и расширение системы государственного контроля⁹.

Экономист П.Б. Струве, также причастный к Петербургскому политехническому институту и преподававший там политическую экономию, напротив, присоединился к точке зрения профессора Фридмана о необходимости установления единовременного чрезвычайного налога. Перспективы выполнения плана налогообложения виделись ему в ином свете. Прогрессивно-подоходный налог, проект которого находился в Государственной думе, Струве признал несоответствующим потребностям страны: «Он может пригодиться для спасения души, но не для спасения государственного казначейства. Представляя огромную ценность с воспитательной точки зрения, чрезвычайный военный налог даст и наибольшие финансовые результаты»¹⁰.

Фридман, а также примкнувший к нему молодой, но уже известный экономист В.Н. Твердохлебов, занимавшийся исследованиями государственного кредита, налогообложения и финансов, высказали иные соображения. «Большие доходы в стране бедной, – говорил Фридман, – можно получить только при помощи комбинации поимущественно-подоходного налога с подушным, о которой говорил Струве. На подушный налог нападают потому, что он затрагивает интересы неимущих классов, но, раз нужно получить ... крупные суммы..., то обложение неимущего населения становится неизбежным. Необходимо прибегнуть и к займам»¹¹.

«Военное время – не время бессмысленной суматохи, и теперь требуется проводить реформы по строго намеченным планам», – резюмировал А.И. Шингарев. Речь идет не только о покрытии расходов на войну, Россия переживает момент социального реформаторства». Шингарев настаивал на необходимости введения подоходного налога, считая его ценным приобретением, не только для спасения души, как выразился Струве, но и для государственного казначейства. Шингарев полагал также, что финансовые реформы могут быть проведены только с одобрения законодательных учреждений. Последнее предложение было принято экономистами единогласно и создана комиссия для более подробной разработки указанных вопросов¹².

Наблюдавший за ходом «финансовых прений» в ВЭО публицист Д.В. Философов обобщил суть происходящего в Вольном экономическом обществе следующим образом: «... все речи специалистов сводились к одному: как лучше при теперешних обстоятельствах устроить наши финансы... Я слушал внимательно эти разговоры, и порой мне казалось, что я сижу не в ВЭО, а в Государственной думе, что все эти слушатели – не типичные русские интеллигенты-радикалы, а трезвые, реальные политики. Можно ли себе представить, чтобы десять лет

⁹ В Вольном экономическом обществе // Русские ведомости. 1914. 5 сентября. С. 4.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

назад наши интеллигенты серьезно обсуждали целесообразность табачной, сахарной, чайной и других фискальных монополий? Человек, выступивший с такой темой, подвергся бы заушениям. А теперь и фискальные монополии не отвергаются...»¹³.

Очевидно, что экспертное сообщество экономистов действовало в унисон с государством, предвосхищая его финансовые проекты и определяя их содержание. В начале ноября 1914 г. Министерством финансов была завершена разработка проекта государственного военного сбора. Также были подготовлены проекты подоходного налога и налога с лиц, освобожденных от воинской повинности¹⁴. В начале войны на внутреннем рынке были реализованы два долгосрочных государственных займа по 50 млн. руб. каждый¹⁵.

Разработка финансовых вопросов была главным, но не единственным направлением деятельности экономистов начального периода Войны. Интерес деятелей ВЭО к насущным хозяйственным нуждам страны был тесно переплетен с работой по «сохранению культурных ценностей». Они занимались сбором книг для рассылки по лазаретам и госпиталям (к сентябрю 1914 г. было собрано в общей сложности около 130 тыс. томов), поддержкой беженцев (в Вильно и Могилеве были открыты столовые для детей беженцев, в Вильно функционировал также приют для детей беженцев)¹⁶.

Организовывались сборы пожертвований в пользу населения театра военных действий: Царства Польского, Закавказья и др. Причем все мероприятия ВЭО проводились на подлинно демократических основаниях и с неперменным широким привлечением местных общественных сил. Организация Вольным экономическим обществом лазаретов была примером общественной инициативы в лучшем смысле слова. Отдельным кроватям и палатам, которые содержались на средства конкретных благотворителей, присваивались имена жертвователей¹⁷.

Во всех проектах и начинаниях Вольного экономического общества той поры оно играло роль своеобразного общественного контролера действий органов власти и местного самоуправления. К примеру, когда появилось известие о сокращении в земских бюджетах расходов на культурные нужды в связи с войной, лидеры Общества обратились к земским собраниям с призывом сохранять культурные ценности и не сокращать бюджетов на народную школу и здравоохранение. Ключевым направлением своей работы деятели ВЭО считали так называемую научно-критическую деятельность по разработке финансовых, общественно-экономических и иных вопросов, которые настойчиво ставились самой жиз-

¹³ Философов Д. Устройство // Русское слово. 1915. 14(27) января.

¹⁴ Государственный военный сбор // Русские ведомости. 1914. 5 ноября. С. 5.

¹⁵ Китанина Т.М. Россия в Первой мировой войне 1914-1917 гг.: экономика и экономическая политика. СПб., 2016. С. 93.

¹⁶ Вольное экономическое общество // Русские ведомости. 1914. 9 сентября.

¹⁷ Там же.

нию. Причем пути их разрешения проектировались не только на военный период, но и на послевоенное время¹⁸.

Между тем в начале 1915 г. работавшим в ВЭО экономистам пришлось переориентироваться на другие институции, поскольку 30 января 1915 г. распоряжением главного начальника Петроградского военного округа П.П. фон Зальца деятельность Вольного экономического общества на период действия в столице военного положения была приостановлена. Приостановление не означало полного закрытия ВЭО; продолжали функционировать отдельные его подразделения: Лазаретный отдел, Почвенная комиссия, Комиссия по распространению сельскохозяйственных знаний. В то же время были ликвидированы такие направления работы, как рассылка книг, сборы пожертвований, издание *Известий ВЭО* и др.¹⁹ Вольному экономическому обществу, развернувшему активную работу по устройению тылового хозяйства и призрению раненых, инкриминировалась рассылка в лазареты запрещенной литературы. До 150-летнего юбилея ВЭО оставалось всего полгода²⁰.

В 1915–1916 гг. Советом ВЭО была предпринята серия шагов, направленных на снятие довлевшей над ним кары. Общественные деятели вели переговоры с командующим Петроградским военным округом генералом П.А. Фроловым и командующим 6-й армией генерал-адъютантом Н.В. Рузским, с главноуправляющими землеустройством и земледелием А.В. Кривошеиным, а позднее с А.А. Бобринским, с министром внутренних дел А.А. Хвостовым. Однако все было безрезультатно.

Функционируя лишь в треть силы, ВЭО продолжало держать руку на пульсе экономической жизни России. Сознвая остроту стоявших перед страной экономических задач, Совет ВЭО выступал с предложением о создании при крупных организациях экономических совещаний для системной работы над народнохозяйственными вопросами. В ноябре 1916 г., в условиях нараставшей дезорганизации народного хозяйства, экономисты ВЭО обратились к председателю Государственной думы М.В. Родзянко с призывом к скорейшей выработке плана урегулирования экономической жизни страны. Разработку экономического курса они связывали уже не со старым режимом, а с новой властью, которой предстояло сформироваться, по их словам, с опорой на «живые (т.е. общественные) силы страны»²¹.

Только в феврале 1917 г. деятельность ВЭО явочным порядком возобновилась. Так, 4 февраля 1917 г. общественники собрались на заседание общего собрания

¹⁸ В Вольном экономическом обществе // Русские ведомости. 1914. 5 ноября. С. 3.

¹⁹ Более подробно о приостановлении ВЭО см.: Туманова А.С. Заочный юбилей: из истории противостояния и сотрудничества Вольного экономического общества и власти в годы Первой мировой войны // Российская история. 2014. № 5. С. 164-183.

²⁰ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 91. Оп. 1. Д. 680. Л. 5; Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф. 102.00. 1914. Д. 320. Л. 61; 1915. Д. 320. Л. 5-5 об.

²¹ Русское слово. 1916. 4 и 16 апреля.

для обсуждения докладов Г.А. Ландау и Д.И. Рихтера, посвященных самоопределению народностей России. 6 апреля 1917 г. на заседании ВЭО обсуждался доклад Б.Д. Бруцкуса по аграрному вопросу и проект организации Лиги аграрных реформ, призванной стать межпартийным объединением экономистов-аграрников и идейно-практическим центром по подготовке земельной реформы²².

В заседании 9 марта совет ВЭО постановил возобновить действия Общества в ближайшее время. Приоритетным направлением была признана организация публичных собраний для научной разработки очередных вопросов экономической политики. Благожелательное отношение к Временному правительству выражалось также в направлении последнему приветствия от ВЭО; приветственные телеграммы лидеры Общества адресовали также Совету рабочих и солдатских депутатов, а также председателю Государственной думы М.В. Родзянко и министру юстиции А.Ф. Керенскому. Выражением лояльности новой власти было также предложение избрать почетными членами ВЭО А.Ф. Керенского, Н.В. Некрасова, Ф.И. Родичева, П.И. Милюкова, А.А. Мануилова, А.И. Шингарева и Н.С. Чхеидзе. ВЭО приняло участие в похоронах жертв народного движения²³.

Однако большевистский переворот в октябре 1917 г. правление Вольного экономического общества восприняло крайне негативно. 19 ноября совет ВЭО обратился к гражданам Петрограда с резолюцией, предписывавшей не доверять большевикам и противостоять им. «Граждане столицы! – говорилось в резолюции, – Люди, именующие себя народными комиссарами, уже обманувшие многих солдат и рабочих, готовятся еще раз обмануть все население Петрограда. В то время, когда существует законно избранная всем населением столицы городская Дума, эти лица объявляют о новых выборах в Думу, несмотря на то, что на осуществление таких выборов они не имеют ни права, ни власти, ни возможности... Если люди, называющие себя народными комиссарами, сделают попытку осуществить свое намерение, это не будут выборы всем населением. Это будет подделка под выборы, это будет новый обман и новое насилие. Никто из граждан не должен оказывать какое-либо содействие, никто не должен принимать участия в таких выборах, никто не должен признавать их. Домовым комитетам и районным думам надлежит в сознании гражданского долга оказывать всяческое противодействие попыткам осуществить это новое насилие над населением столицы»²⁴.

Объединявшее ведущих экономистов Вольное экономическое общество занималось в 1914-1917 гг. разработкой программы экономической политики в широком смысле слова. Элементами этой политики были мониторинг финансово-экономической жизни, экономическая мобилизация, финансовая реформа, помощь местностям, страдавшим от войны, а также повышение уровня культуры

²² РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 680. Л. 26-27.

²³ В Вольном экономическом обществе // Русские ведомости. 1917. 11 марта.

²⁴ От Вольного экономического общества // Рус. ведомости. 1917. 19 ноября (2 декабря).

(не только экономической, но и политической и правовой) населения страны. Следуя формулировке самого Общества, оно выступало инициатором «работы общественной мысли над экономическими вопросами».

Проблемы устройства крестьянского хозяйства глазами экономистов-аграрников

Московское общество сельского хозяйства сконцентрировало свои усилия на устройении крестьянского хозяйства. Уже в первый месяц войны активисты МОСХ предрекали, что война ослабит российскую экономику и ухудшит состояние крестьянского хозяйства. По мнению видного либерала и деятеля кооперативного движения Д.И. Шаховского, наиболее уязвимой являлась денежная часть крестьянского бюджета, поскольку Война ведет к нарушению связи между производителем и потребителем. «Война создала четыре "нет" народнохозяйственной жизни: нет экспорта, нет импорта, кредита и транспорта»²⁵, – говорил он.

Преодоление экономической разрухи Шаховской связывал с консолидацией усилий государства и общества. По его мнению, государственной власти следовало сосредоточиться на борьбе с внешним врагом, доверив устройство народнохозяйственной жизни обществу в лице Земского союза, кооперативов и добровольных ассоциаций. Большое значение в выведении народного хозяйства России из грозившей ему катастрофы Шаховской придавал «младшему брату земства» – кооперации, рассматривая ее как посредника в организации поставок продовольствия и фуража для армии и критикуя правительство за то, что оно игнорировало кооперативы²⁶.

МОСХ была поставлена задача мобилизации агрономов на помощь крестьянскому хозяйству. Весной 1915 г. МОСХ выступило с инициативой расширить преподавание агрономической науки в университетах. Полемика велась по вопросу о том, где следует преподавать соответствующие курсы: на агрономических отделениях физико-математических факультетов либо же на самостоятельных агрономических факультетах университетов. В ней участвовали видные ученые-аграрники и профессора-естественники. Профессор-экономист и член кадетской партии А.А. Кауфман, к примеру, высказался за развитие специальных агрономических школ и оказался в меньшинстве²⁷. Экономист-аграрник А.В. Чаянов настаивал на существенной роли в подготовке агрономов внешкольной аг-

²⁵ Шаховской Д.И. Мобилизация хозяйства // Речь. 1914. 30 июля.

²⁶ Крестьянское хозяйство, война и агрономия // Русские ведомости. 1914. 16 августа; Кузьмина И.В., Лубков А.В. Князь Шаховской: путь русского либерала. М., 2008. С. 217, 220; Воронкова И.Е. Д.И. Шаховской: жизнь, отданная людям. М., 2007. С. 77, 82.

²⁷ Куреньшев А.А. Сельскохозяйственная столица России: очерки истории Московского общества сельского хозяйства (1818–1929 гг.). М., 2012. С. 261–262.

рономической практики, которую следовало проходить в существующих общественно-агрономических организациях²⁸.

Осенью 1915 г. руководство МОСХ признало актуальной народнохозяйственной задачей мобилизацию общественности в сфере сельскохозяйственного машиностроения. Мобилизация выразилась в организации выставки сельхозмашин отечественного производства в октябре-ноябре 1915 г., показавшей имевшиеся запасы сельскохозяйственной техники. Ее организацией решалась также задача ослабления зависимости российского земледелия от импорта техники германского и австрийского производства²⁹.

На октябрьском совещании 1915 г. прозвучало предложение к земским прокатным пунктам предоставлять населению, в особенности семьям призванных на войну, машины и оборудование на льготных условиях. Было предложено также покупать машины с целью коллективного их использования. Ряд предложений предвосхитил отдельные мероприятия советской власти периода Гражданской войны, «военного коммунизма» и НЭПа.

Ведущим направлением экспертной деятельности экономистов МОСХ военного времени было изучение влияния войны на народное хозяйство. В наибольшей степени экспертов беспокоило сокращение посевов сельскохозяйственной продукции. Летом 1916 г. недосев полей приобрел угрожающий характер. В феврале 1916 г. земский деятель Д.Н. Жбанков и ученый-экономист С.Л. Маслов, основываясь на ситуации 1915 года, предсказали, что сокращение посевов принимает в России характер народного бедствия, подрывая производительные силы страны и благосостояние народа. Масловым была предложена организация централизованного учета свободной рабочей силы и планомерная ее мобилизация в районы наибольшего сокращения посевов. Для этого планировалось использовать бюро труда, профессиональные союзы, привлекать к полевым работам пленных, военнообязанных, беженцев, свободных нижних чинов, устранить препятствия для использования труда иностранных подданных³⁰.

Проблема нехватки в сельском хозяйстве рабочих рук занимала и правительство. Так, еще в августе 1915 г. ситуация с уборкой урожая была признана главноуправляющим землеустройством и земледелием А.В. Кривошеиным катастрофической. В заседании Совета министров он объяснял «обессиление деревни» наборами в армию. К наиболее пострадавшим регионам относился Дальний Восток, где хлеб уродился великолепный, но оставался в поле. С подачи Кривошеина Совет министров отступил от прежней политики и признал возможным использование на полевых работах «желтого труда»³¹.

²⁸ Годичное собрание агрономов // Русские ведомости. 1914. 23 ноября.

²⁹ Туманова А.С. Указ. соч. С. 107-108.

³⁰ Куреньшев. Сельскохозяйственная столица России. С. 304-306.

³¹ Яхонтов А. Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров – 16 июля – 2 сентября 1915 года) // Архив русской революции. Т. 18. М., 1993. С. 79.

Кадровый состав МОСХ пополнялся как либералами, так и социалистами. В 1916 г. наблюдалось усиление влияния социалистических идей, выразившихся в предложениях введения всеобщего учета и контроля над производством и распределением, преодоления хаотичности и стихийности, присущих рыночно-капиталистической системе ведения хозяйства, усиления организованности. К началу 1917 г. связанная с аграрной наукой и производством интеллигенция, объединявшаяся вокруг МОСХ, приходит к выводу, что главным препятствием на пути рационализации производственных отношений являлся самодержавно-бюрократический строй³².

Февральскую революцию лидеры МОСХ поддержали безусловно. В заседании 7 марта 1917 г., собравшемся спустя четыре дня после провозглашения Временным правительством программы первоочередных мер, они не жалели критических высказываний в адрес старого режима. Открывая заседание, президент Ф.А. Головин, земский деятель и председатель Государственной думы второго созыва, говорил, что еще неделю тому назад «... все чувствовали себя как в казематах под надзором тюремщиков. Правительство в своем ослеплении думало, что войска готовы выступить на защиту старого порядка. Но ... войска оказались на стороне народа, а не на стороне правительства, представители которого оказались жалкими трусами». По выражению представителя так называемой организационно-производственной школы русских экономистов А.Н. Минина, последние 12 лет царского режима «были сумерками России в области политической и социальной»³³.

Особенностями русской революции признавались отсутствие в ней мещанского духа и господство настроений «миролюбия и прощения», являющихся залогом того, что в будущем развитие будет идти таким же демократическим путем. Вместе с тем, как указывал Головин, требовались «громадные усилия, чтобы закрепить добытую свободу». Первоочередной мерой признавалась победа над внешним врагом, без чего, по словам Головина, не удастся «удержать ... свободы»: «Германцы погубили бы русскую свободу, а сепаратный мир был бы изменой союзникам». Победа над врагом, в свою очередь, обуславливалась дисциплиной в армии и порядком в стране: «Без порядка в стране нет надежды удержать добытой свободы. Для сохранения порядка надо оставить партийную борьбу... и всем вместе поддерживать новое правительство, которое должно довести страну до Учредительного собрания»³⁴.

А.Н. Минин говорил о необходимости подготовки общества к спокойному правовому течению русской революции: «Страна стоит на распутье политической и социальной революции..., извне грозит жестокий враг, а внутри страны происходит борьба Совета рабочих депутатов с Временным правительством».

³² Куренышев. Сельскохозяйственная столица России. С. 296.

³³ Журнал заседания МОСХ 7 марта 1917 г. // Вестник сельского хозяйства. 1917. №№ 35-36. С. 22.

³⁴ Там же.

Высказывая опасение внутренней смуты, когда «в деревнях запылают факелы», аграрник связывал ее с осторожным отношением деревни к Февральскому перевороту, вызванным крайней аполитичностью сельского населения, не способного должным образом воспринять политического переворота. Задачу интеллигенции в этой связи Минин видел в том, чтобы прийти на помощь деревне и разбудить ее, провозгласив, как более полувека назад, лозунг «в народ», чтобы деревня поняла и оценила совершившийся переворот. В деревню Минин предлагал идти не только «с одной ... голой политикой», но и с социально-экономическими реформами. Минин призвал к поддержке трудового крестьянского хозяйства, которое обнаружило способность развивать производительные силы более, чем крупное хозяйство. Нужду крестьян в земле аграрник предполагал восполнить дополнительным наделением малоземельных; отчуждению предлагалось подвергнуть не крупные развитые хозяйства, но, в первую очередь, помещичьи земли, находящиеся в аренде у крестьян; их следовало передавать крестьянам в пользование. Помимо аграрной реформы, насущной задачей времени Минин признал проведение протекционистской таможенной политики, способствующей вывозу крестьянских товаров за границу³⁵.

Таким образом, экономисты МОСХ поддержали Временное правительство в его ключевых программных лозунгах доведения войны до победы и проведения ключевых реформ после созыва Учредительного собрания. В мартовском заседании МОСХ обсуждались изъяны установленной Временным правительством хлебной монополии: введенные нормы признавались недостаточными и угрожавшими крахом рядовым посевам. Видный аграрник А.Г. Дояренко сделал доклад о первоочередных задачах сельскохозяйственного строительства. Обсуждался также вопрос о роли Учредительного собрания в решении аграрного вопроса, призванного установить коренные для него основания с учетом предварительного обсуждения в продовольственных комитетах³⁶.

В апрельском заседании МОСХ вновь обсуждалась миссия Общества в предстоящем проведении аграрной реформы. Аграрный вопрос, как полагали деятели МОСХ, не мог быть разрешен в полном объеме в короткий срок. Причиной тому назывались как несамостоятельность Временного правительства, так и многовековая консервация в стране рабско-господских отношений. Вскрытие «нарыва» крестьянско-господского вопроса было признано делом Учредительного собрания, а аналитическая подготовительная работа возлагалась на экономические организации, подобные МОСХ и Лиге аграрных реформ. Задача МОСХ виделась в содействии освещению аграрного вопроса и правильной его постановке. Соответствующий доклад был сделан экономистом А.В. Чаяновым³⁷.

³⁵ Там же.

³⁶ Журнал заседания МОСХ 24 марта 1917 г. // Вестник сельского хозяйства. 1917. №№ 37-38. С. 23.

³⁷ Журнал заседания МОСХ 14 апреля 1917 г. // Вестник сельского хозяйства. 1917. №№ 43-44. С. 21-22.

Отдельной темой заседания являлась роль интеллигенции в проведении аграрной реформы. Д.И. Шаховской видел ее в том, чтобы освещать аграрный вопрос и помогать народу разобраться во всей его сложности. В усилиях общественников по мобилизации и объединению сил для разработки и популяризации аграрного вопроса он видел залог того, что последний не будет решен стихийно: «Если русская общественность подойдет к народу с полным доверием к его здравому смыслу, то никакие стихии не возобладают над народом». Несмотря на декларировавшуюся лидерами МОСХ беспартийность и либеральные взгляды, звучали призывы представителей социалистических партий к самоопределению народа и переходу земли в руки трудящихся³⁸.

Итак, в годы Войны специалистов МОСХ занимал широкий спектр вопросов устройства аграрного сектора. Аграрная наука все более тесно связывалась с практикой, чутко реагируя на нужды времени и выявляя причины нехватки оборудования, недосева полей, земельной тесноты. По целому ряду вопросов аграрной повестки дня экономисты тесно контактировали с царским и Временным правительствами, выступали экспертами экономических знаний. Совместно с правительственными и земскими учреждениями они занимались устройством крестьянского хозяйства, развитием агрономии и кооперации. Однако по мере радикализации общественности в 1915-1917 гг. позиция экономистов МОСХ становилась более оппозиционной правительственным мероприятиям в социально-экономической сфере.

Лига аграрных реформ и проекты земельного реформаторства

Важным направлением деятельности экономистов ВЭО и МОСХ в революционную пору 1917 г. стало участие в Лиге аграрных реформ – крупной организации, в самом названии которой была заключена ее основополагающая цель. ВЭО явилось в апреле 1917 г. создателем Петроградского отделения Лиги, а Московский отдел Лиги был организован соответственно при МОСХ. ВЭО и МОСХ, а также иные крупные либеральные экономические организации (Всероссийский земский союз, Харьковское общество сельского хозяйства и др.) вступили в Лигу в качестве членов. Согласно уставу Лиги аграрных реформ, в нее могли входить общества, учреждения, а также лица, занимавшиеся обслуживанием сельского хозяйства и рассмотрением экономических вопросов³⁹.

Учредительный съезд Лиги аграрных реформ, призванный стать объединением русских экономических сил для освещения аграрного вопроса, проходил 16-17 апреля 1917 г. В уставном документе значилось, что Лига является всероссий-

³⁸ Там же. С. 22.

³⁹ Лига аграрных реформ // Вестник сельского хозяйства. 1917. № 17. С. 6.

ским и межпартийным объединением, учреждающимся «для собирания, всесторонней разработки и широкого распространения материалов по аграрному вопросу в связи с аграрной реформой». Деятельность новой ассоциации была всецело сконцентрирована вокруг аграрной реформы. Она была призвана устраивать съезды (всероссийские и местные) по вопросам, связанным с аграрной реформой, учреждать комиссии специалистов по рассмотрению вопросов аграрной реформы, производить необходимые исследования, связанные с аграрной реформой, учреждать курсы, лекции и диспуты по аграрному вопросу, организовывать издания книг и периодических изданий по вопросам аграрной реформы⁴⁰.

Вектор проведения аграрной реформы виделся руководителям Лиги в следующем. Они полагали, что в основу аграрного строительства России должно быть положено трудовое кооперированное крестьянское хозяйство и именно ему следовало передать землю. Передачу эту планировалось осуществить на основе государственного плана земельного устройства, разработанного с учетом бытовых и экономических особенностей отдельных районов страны. Земельное устройство представлялось активистам Лиги важным составным элементом аграрной проблемы, включавшей в себя широкий круг вопросов сельскохозяйственного производства, организации трудовых хозяйств и отладки их отношений с общемировым хозяйством⁴¹.

Программные положения Лиги оказались приемлемыми для представителей различных политических течений и объединили для совместной работы большое число выдающихся русских аграрников и статистиков. В руководящий совет Лиги вошли такие видные экономисты-аграрники, как П.А. Вихляев, А.Г. Дояренко, Н.А. Каблуков, Н.П. Огановский, П.П. Маслов, А.В. Пешехонов, А.И. Стебут, А.В. Чаянов, А.Н. Челинцев и др. На апрельский съезд Лиги прибыло 130 человек – членов и представителей различных организаций, входящих в Лигу. Президиум съезда был избран в составе председателя А.И. Стебута и товарищей председателя А.П. Левицкого, П.П. Маслова, С.Л. Маслова и А.Н. Челинцева. Доклад о ближайших задачах Лиги делал А.В. Чаянов как член организационного совета. Кратко обрисовав политическую и экономическую обстановку в стране в 1905-6 и 1917 годах, докладчик указал, что политика старого правительства привела к тому, что аграрный вопрос стоит особенно остро; в экономическом и бытовом отношении деревня уже не та, какой была десять лет тому назад; различные партии стремятся к единению в решении аграрного вопроса, а не отграничиваются друг от друга, как это было десять лет назад. Эти обстоятельства заставили группу экономистов, по словам Чаянова, пересмотреть партийные программы, составить план аграрных реформ и учредить межпартийную Лигу аграрных реформ, в которой обсуждение аграрного вопроса будет организовано в одном направле-

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

нии, но с разных точек зрения, что в условиях столкновения аграрных программ политических партий сможет вылиться в однородное решение⁴².

В докладе товарища министра земледелия А.Г. Хрущова шла речь об организационной подготовке Временным правительством аграрной реформы и ее рабочих структурах в центре и на местах; ими стали земельные комитеты. Ответственные указали правительству на необходимость усиления представительства крестьян в земельных комитетах, чтобы «увеличить моральное значение этого органа в глазах народной массы», а также на настоятельную потребность считаться с особенностями и укладом местной жизни. Были заслушаны доклады о статистических работах, связанных с земельной реформой. Предполагалось произвести полную земельную перепись, обсуждались ее задачи, методы и техника проведения. В резолюциях съезда содержались предложения выяснить отношение деревни к законам об укреплении земли, представления о желательных для нее способах отвода земли во владение (коллективное или единоличное), функциях органов местного самоуправления в организации аграрной реформы. Материалы земельной реформы планировалось готовить для Учредительного собрания⁴³.

Обсуждение ключевых вопросов предстоящей аграрной реформы продолжилось на прошедшем 23-25 июля 1917 г. в Петрограде втором всероссийском съезде представителей отделов Лиги. Говорилось о значении для предстоящего аграрного преобразования России положительного опыта земельной политики и законодательства иностранных государств, поскольку аграрная эволюция в различных странах обнаруживает много общего. Видными аграрниками П.П. Масловым, Н.А. Рожковым, П.А. Вихляевым, А.В. Пешехоновым, Б.Д. Бруцкусом и др. были сделаны доклады о постановке аграрного вопроса с точки зрения основных течений русской аграрной мысли⁴⁴. Экономисты развернули активную деятельность по подготовке разнообразных изданий по аграрному вопросу: статистических справочников, атласов, сборников аграрных законопроектов и научных трудов.

21 ноября 1917 г., т.е. уже после Октябрьского переворота, в стенах МОСХ открылся третий всероссийский съезд Лиги аграрных реформ. На него съехалось около 150 представителей земельных комитетов и связанных с ними организаций, присутствовали видные русские экономисты. На съезде был подведен итог практической и теоретической работы Министерства земледелия и Главного земельного комитета по подготовке земельной реформы. Результаты получились неутешительные⁴⁵.

Участников съезда ознакомили с главными стадиями разработки земельного законопроекта, внесенного во Временное правительство экономистом С.Л. Мас-

⁴² Там же. С. 6-7.

⁴³ Там же. С. 7-8.

⁴⁴ Деятельность Лиги аграрных реформ // Вестник сельского хозяйства. 1917. №№ 23-24.

⁴⁵ Лига аграрных реформ // Русские ведомости. 1917. 23 ноября (6 декабря).

ловым незадолго до Октябрьского переворота⁴⁶. Существенной критике были подвергнуты земельные органы Временного правительства. Докладчики отмечали, что Главный земельный комитет был отвлечен от своих основных работ по подготовке земельной реформы судебно-административным урегулированием земельных отношений через местные земельные комитеты, а также инструктированием последних. По мнению участвовавшего в работе Главного земельного комитета специалиста по проблемам крестьянского хозяйства Н.П. Макарова (он заведовал кафедрой политической экономии и статистики в Воронежском сельскохозяйственном институте и работал в кооперации), Главный земельный комитет был «повинен скорее не в попустительстве, а в недостатке революционного дерзания». Он не успевал отвечать запросам жизни, идущим с мест, стремился к более совершенной разработке мероприятий в аграрной сфере и затянул с передачей земли в ведение земельных комитетов. Если бы последнее мероприятие произошло своевременно и прямо было бы заявлено с началом проведения земельной реформы, то земельной анархии, разлившейся по стране, не было бы⁴⁷.

Прения по докладам приняли, по выражению экономиста П.П. Маслова, разработчика программы аграрного вопроса, положенной в свое время основу аграрной программы РСДРП, «характер суда над революцией и созданными ею земельными органами». В роли обвинителей выступили сам Маслов, А.Н. Минин, Б.Д. Бруцкус и др. Маслов обвинил земельные органы Временного правительства в том, что они сделали много для того, чтобы привести массы к анархии. Пропагандировался «истинно-русский вариант социализма», нацеленный на достижение социальной справедливости по формуле, чтобы всё было «по боже-ски», хотя бы все оставались голодными. Отмечалась также преемственность ленинских земельных коммун; их прообразами признавались поощрявшиеся Временным правительством факты правотворчества снизу. Минин и Бруцкус возложили вину за антигосударственную политику на представителей партии социалистов-революционеров. Они говорили, что анархия проявилась в 1917 г. не только в уничтожении помещичьего хозяйства, но и в междоусобной борьбе крестьян-общинников, хуторян и отрубников. Она поддерживалась на местах разнообразными отделениями партии эсеров: комитетами, советами и пр.⁴⁸

Между тем «обвинители» аграрной политики Временного правительства сходились во мнении о необходимости продолжения и закрепления начатых в Лиге аграрных реформ и Главном земельном комитете работ. Элемент критики и даже обличения, бывший лейтмотивом речей участников съезда, явился результатом понимания ими того обстоятельства, что большевистская авантюра поставила русское государство перед невозможностью проведения земельной реформы.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Третий всероссийский съезд Лиги аграрных реформ // Вестник сельского хозяйства. 1917. №№ 51-52. С. 12.

⁴⁸ Там же.

Экономисты настаивали на принятии серьезных мер к энергичному противодействию на местах авантюристской политике большевиков в земельном вопросе, указывали на ее губительные последствия. Бруцкус отмечал, что новой властью уничтожаются не только материальные ценности, но попирается в деревне идея права и справедливости. Он утверждал, что без развития истинного правосознания невозможно насаждение в России не только социализма, но и кооперации, основанной на взаимном доверии. Экономист высказался за сохранение частной собственности на землю и неизбежность выкупа. А.В. Чаянов указал на невозможность установления нового земельного режима без проведения специальных экспертных исследований. По мнению Н.П. Огановского, для решения аграрного вопроса путем уравнительного землепользования потребуются комплекс мер по переселению 20 млн. душ крестьян, освоению окраин, постройке железных дорог, а также разработке лесов на севере России, чтобы платить лесом по долгам. Лишь немногие участники дискуссии находили нарисованную экономистами картину чрезмерно мрачной и безнадежной. Так, А.А. Рыбников указал, что революция дала много положительного и произвела большой сдвиг в народной психологии⁴⁹.

Общеполитическая резолюция ноябрьского съезда Лиги аграрных реформ выражала категорическое несогласие с аграрной политикой новой власти. В ней говорилось: «восстание большевиков, нарушая планомерность подготовительных работ земельных комитетов, подталкивая сельское население на самочинное решение земельного вопроса без общегосударственного плана, не только не разрешает аграрного вопроса..., но задерживает и мешает разрешению..., ибо частичное и противоречивое установление земельных отношений не только в отдельных областях, но и в отдельных губерниях, уездах и даже волостях не разрешит земельного вопроса, а лишь усложнит и запутает его». Несмотря на отмеченные негативные явления, участники съезда призвали к продолжению работ, как в Главном земельном комитете, так и в местных комитетах. В резолюции говорилось, что «...чрезвычайно важно, чтобы все начатые подготовительные статистические работы в связи с земельной реформой были доведены до конца, какого бы напряжения сил это ни требовало от тех правительственных и общественных организаций, которые ведут эти работы»⁵⁰.

Таким образом, Лига аграрных реформ занималась идейной и организационной подготовкой аграрных реформ, обсуждала основополагающие вопросы землеводства и землепользования. Лига внесла существенный вклад в разработку земельной реформы. Полемика профессионалов-экономистов на съездах Лиги показала, что на смену абстрактных лозунгов по земельному вопросу вышла задача осуществления преобразований, а необходимость организованной работы в

⁴⁹ Третий всероссийский съезд Лиги аграрных реформ ... С. 14.

⁵⁰ Там же.

этой области настоятельно потребовала объединения экспертов без различия партийных программ.

В качестве итога отметим, что сфера деятельности экономических организаций в 1914-1917 гг. была многогранной. Наряду с предупреждением экономического кризиса и противодействием его последствиям важной задачей ученых-экономистов являлось социальное реформирование. Эта задача вышла на первый план с приближением 1917 г., когда интеллектуалами активно обсуждались аграрная, финансовая и иные реформы, и на повестку дня вышла коренная перестройка жизни ввиду падения старого режима.

Участие в мобилизации времени войны и революции способствовало сплочению представителей профессионального сообщества экономистов вокруг общего дела вывода России из общенационального кризиса, а также усилению его влияния на решение актуальных народнохозяйственных вопросов. Научные сообщества экономистов заметно расширили сферу деятельности за счет новых направлений работы (борьба с недосевом полей, нехваткой рабочих рук и техники и др.), а также институтов для решения социально-экономических вопросов (комитетов, совещаний и др.). Работавшие в них специалисты расширяли проблематику исследований, способствовали развитию отечественной науки и техники. В то же время они все больше отдавали приоритет прикладному знанию, ориентированному на потребности времени, стремились приспособить фундаментальное знание к делу обороны и реформирования страны.

Хотя роль ученых-экономистов в решении народнохозяйственных вопросов в 1914-1917 гг. существенно возросла, отношения интеллектуалов и государства носили неоднозначный характер. Поначалу безусловно сплотившиеся вокруг власти специалисты вскоре стали критиковать экономическую политику правительства и выдвигать рецепты либерализации политического и социально-экономического строя. Как справедливо замечал либеральный политик В.А. Маклаков, участвовавшая в мобилизации государства общественность стремилась не просто быть полезной стране, но и «воочию показать преимущество "общественной" работы над "бюрократической"»⁵¹.

Несовершенство существующей системы государственного управления, с одной стороны, и недостаточное желание государства учитывать растущий авторитет и влияние российских ученых в деле устройства экономики приводили к разрушению концепции единства власти и общественности начального периода войны. Власть стремилась к мобилизации общества, однако она и препятствова-

⁵¹ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника). Париж, 1936. С. 130-131.

ла ей своими действиями и подозрениями. Свидетельством тому было приостановление Вольного экономического общества, когда активная позиция ученой элиты в отношении просвещения раненых заслонила для правительства ее преисполненную патриотизма практическую деятельность.

Одним из главных результатов ноябрьского съезда Лиги аграрных реформ 1917 г. явилась пошатнувшаяся вера экономистов-аграрников во всемогущество «организованного общественного разума», в его влияние на экономические и политические процессы, происходящие в стране. Заметно ослабла также вера экономистов в спасительность «старых» аграрных идей в виде передачи земли земельным комитетам и осуществления идеала уравнительного землепользования. Вместе с тем экономисты пытались продолжить научную разработку аграрной реформы и предложить направления возможной преемственности в политике Временного и советского правительств. Безднадежность этой затеи стала очевидной в краткосрочной перспективе. «Спасить» демократическую аграрную реформу, за которую ратовали экономисты Лиги аграрных реформ в феврале-ноябре 1917 г., не удалось.

Сергей Бычков

Истоки и причины крушения Российской империи: взгляд Георгия Федотова

Сегодня россияне стоят перед необходимостью осмысления той страшной трагедии, которая произошла в России в 1917 году. И не только потому, что в этом году исполняется сто лет со дня этой трагедии. Скорее всего потому, что ошибки прошлого с неумолимой силой повторяются вновь и вновь. Порой возникает ощущение, что осенью 2017 года вынырнет очередной, неведомый никому, кроме кучки своих приверженцев, проходимец, и власть в России вновь упадет в руки полуграмотных экспериментаторов. И это не фантазии, а грубая реальность. Казалось бы – 70-летний провал памяти у россиян остался позади. Большевики, захватив власть, прежде всего принялись истреблять творцов и носителей культурной памяти. А тех, кого не успели физически истребить, выслали из России. Но лучшие представители российской интеллигенции продолжали трудиться в эмиграции. И прежде всего для будущей России. За последние 25 лет изданы многие труды мыслителей русского религиозного ренессанса. Но для того, чтобы осмыслить их наследие, необходим не только соответствующий им высокий культурный уровень (увы, он резко упал не только за годы большевистского владычества, но и за последнюю четверть нового века), важно найти и обозначить самое ценное из их наследия.

Георгий Федотов покинул Советскую Россию позже тех мыслителей, которые были высланы по распоряжению Владимира Ульянова (Ленина) в 1922 году. Семь лет он прожил под новой властью и имел возможность более глубоко проникнуть в психологию и намерения новых властителей. Именно поэтому для нас важны его произведения, в которых он не только анализирует истоки российской трагедии, но и ищет пути ее преодоления. Будучи талантливым публицистом, Федотов принимал активное участие в эмигрантских спорах. В 1932 году он собрал свои статьи, публиковавшиеся в различных периодических эмигрантских изданиях (часть из них публиковалась в газете *Дни*, часть – в журнале *Современные записки*). Все они посвящены Великой революции (так он не случайно называл российскую трагедию осени 1917 года). Доработав и дополнив новыми статьями, он издал их книгой под символическим названием *И есть, и будет*. Будучи практикующим христианином, Федотов этим названием напоминал о возгласе, который звучит во время евхаристии, когда священник, обращаясь к пастве, произносит: «Христос среди нас!» А паства отвечает ему: «И есть, и будет». Название книги звучит оптимистически, напоминая о том, что действие

божественных сил в истории человечества не прекратилось с вознесением Христа, а продолжается и поныне.

Подход Федотова к рассмотрению трагедии 1917 года во многом резко отличается от трафаретных точек зрения. Он считает, что революционная Россия – хотя и недоношенный, но законнорожденный ребенок России императорской. И обращается к трагическому разрыву между народом и правящей элитой, который произошел во время петровских реформ. Федотов считает, что отношения между классами становятся понятными только на фоне духовной жизни общества. Свое исследование он не случайно называет «историей болезни». Как историк он считает, что революции – закономерное следствие уродливого развития общества, которое отказывается от необходимых реформ на пути своего исторического развития. Даже в том случае, когда реформы проводятся с огромным запозданием и не в полную меру, это не спасает общество от катастрофы. В то же время Федотов подчеркивает, что его исследование заключается не в том, чтобы дать оценки тем или иным историческим деятелям России. Он заявляет, что видит свою задачу в поисках нового национального сознания.

«По отношению к этой основной задаче пересмотр традиции является, выражаясь моральным языком, актом покаяния. Ничто так не вредит созидательной работе будущего, как закоренелость в старых грехах, выражающаяся в постоянных попытках идеализации России вчерашнего дня. Все эти хилые попытки пересудов уже совершившегося Божьего суда. Если для русской молодежи в России основной задачей является введение в наследство бессмертной культуры старой России, восстановление порванной связи поколений, то здесь, за рубежом, это же восстановление связи достижимо лишь путем отречения от тленного и мертвого в прошлой культуре»¹. В год столетия Великой революции продолжаются яростные споры между приверженцами монархии, последователями большевиков и представителями новой правящей элиты, пытающейся совместить и примирить непримиримые течения мысли. Еще в конце 80-х годов прошлого столетия, в период так называемой горбачевской «перестройки», мысль о необходимости покаяния брезжила в сознании российской интеллигенции.

Более того, режиссер Тенгиз Абуладзе еще в 1984 году снял фильм под знаковым названием «Покаяние», который появился на отечественных экранах лишь в 1987 году. Но в этом фильме покаяния как внутреннего процесса, приводящего к перерождению личности, как это ни парадоксально звучит, нет. Выкапывание из могилы трупа умершего диктатора – это далеко не покаяние. Звучащие уже четверть века робкие призывы предать земле мумию Ульянова (Ленина), лежащую в центре столицы России, напоминают попытки героя фильма Абуладзе хоть и по-смертно, но наказать палача, хотя он и был его отцом. Протоиерей Александр Мень писал: «Я верю, что если в минувшие эпохи находились люди, которые выводили мир из духовного тупика, то найдутся они и в наши дни. А что касается

¹ Федотов Г.П. И есть, и будет. Собр. Соч. Т. V. М., 2011. С. 6.

покаяния, то провозвестию Христа предшествовала проповедь покаяния: к нему призывал Иоанн Креститель. И первое слово проповеди Иисуса было: "Покайтесь". Причем в еврейском языке это слово означает "обратитесь", "вернитесь с ложного пути". В греческом же тексте Евангелий оно передается еще более емким словом "метаноите", то есть переосмыслите свою жизнь. Здесь – начало исцеления. Покаяние – не бесплодное "копание в себе", не мазохистское "унижение паче гордости", а переоценка, побуждающая к действию. Такое действие Иоанн Креститель называл "плодами покаяния". Вот почему так обнадеживают многочисленные попытки пересмотреть нашу историю минувших лет, "переменить ум". Нарыв необходимо вскрыть. Без этого лечение невозможно»².

Однако исторический процесс в России всегда был чреват трагическими разрывами. Быть может, самый болезненный – раскол в Русской Церкви в середине XVII века, когда церковные стены покинули самые яркие и горящие сердца. Хотя причины, побудившие их сделать это, вряд ли стоили таких жертв. Затем начались петровские реформы, которые окончательно раскололи общество. Народ перестал понимать, чего хочет царь и правящая элита. Более того, русский народ, хотя и пассивно, но все же сопротивлялся изо всех сил петровским реформам, принося неслыханные жертвы. «Народ относился к царю религиозно. Царь не был для него живой личностью или политической идеей. Он был помазанником Божиим, земным Богом, носителем божественной силы и правды. По отношению к нему не могло быть и речи о каком-либо своем праве или своей чести. Перед царем, как перед Богом, нет унижения. ...Россия с Петра перестала быть понятной русскому народу. Он не представлял себе ни ее границ, ни ее задач, ни ее внешних врагов, которые были ясны и конкретны для него в московском царстве. Выветривание государственного сознания продолжалось непрерывно в народных массах за два века империи»³. Та бездна, которая пролегла между правящим классом и народом, не только не была преодолена за два столетия, но постоянно углублялась.

Преобразования Петра были по своей сути революционными. Не случайно Максимилиан Волошин называл Петра первым большевиком. Создание империи привело к небывалому феномену – в отличие от московского царя, который был ограничен религиозными верованиями и бытовым укладом, петербургский самодержец обладал неограниченной властью. Опираясь на народ, он мог подавлять дворянство, а опираясь на дворянство, делать все, что заблагорассудится с народом. «Рождение империи в муках петровской революции предопределило ее идею властного и насильственного насаждения западной культуры на Руси. Без опасной прививки чужой культуры, и притом в героических дозах, старая московская государственность стояла перед неизбежной гибелью. Речь шла прежде всего о технике и формах народного хозяйства. Но разве мыслима техника без науки, а новые формы хозяйствования без новых хозяйствующих классов? Во-

² Мень А. Что происходит с нашей культурой? // Трудный путь к диалогу. М., 1992. С. 81.

³ Федотов. И есть, и будет. С. 9.

семнадцатый век шел без раздумья и колебаний по европейской дорожке. (Только с новыми хозяйствующими классами дело обстояло слабо.) ...Отныне и до конца империя, за исключением немногих лет, стоит на противоестественной для нее, – но не удивительной для последних поколений – позиции охранения. То, что охраняется, – не вековые основы народной жизни, а известный этап их разрушения. В консервативный догмат возводится выдохшийся, мумифицированный остов петровской революции. В этом вечная слабость русского консерватизма – его подлинная беспочвенность»⁴.

Началом упадка созданной Петром I империи и завершившей его замыслы Екатерины II Федотов считает XIX век. Он начинался славно – победой над Наполеоном, вступлением русских войск в побежденную Францию. И все же полководцы Александра I значительно уступают «екатерининским орлам» – Потемкину, Суворову, Румянцеву. Рубежом становится русско-турецкая война 1827-1829 годов. После этой военной кампании начинается пора поражений. Федотов видит причину нарастающего упадка в даровании вольности дворянам. Освобожденные в 1762 году Петром III от необходимой военной службы, дворяне получили возможность подавать в отставку, уезжать за границу, предпочитая военной службе спокойную жизнь в своих имениях или за границей. Если в XVIII веке мощь петровских и екатерининских реформ не позволяла дворянам расслабляться, то в XIX веке от поколения к поколению нарастает желание дворян наслаждаться жизнью во всех ее проявлениях, нежели чем защищать интересы империи. Русская литература запечатлела яркие образы «лишних» людей, в основном представителей дворянства. Дворянин Лев Толстой в своих лучших произведениях жестко и беспощадно описал вырождение и гибель дворянства. И все же Федотов считает, что история дворянства еще не написана. Приходится согласиться с ним. Российское дворянство все же достойно того, чтобы такая история была написана.

В начале XIX века начинает зарождаться класс российской бюрократии. Он пришел на смену откровенному беззаконию московского царства. В русских пословицах, поговорках и сказках приказные и воеводские избы – символ и средоточие самодурства и беззакония. В них не найти образа судьи, который бы руководствовался в своих действиях буквой закона или голосом совести. «Крапивное семя» – так искони называл русский народ судейских приказных. Но и бюрократия, порожденная проектами Сперанского и постепенно вытеснявшая из правящей элиты представителей дворянства, вырождалась на протяжении XIX века. «Удивляться надо тому, насколько удалось Сперанскому оздоровить это крапивное болото прививкой европейского идеала долга. Главный порок николаевской системы не в этом. Болезнь заключалась в оскудении творчества, в иссякании источников политического вдохновения. Огромная, прекрасно сложенная машина работала, по-видимому, исключительно для собственного самосохранения, ее

⁴ Там же. С. 10-11.

холостой ход напоминает беличий труд большевистских ведомств. Царь, изолировавший себя от дворянства и общественных влияний, был бессилён указать великой России достойные её пути: увязил её в провинциальном миргородском болоте. Николаевская канцелярия не была последним словом бюрократии на Руси. Вернее, она была её первым словом. После неё бюрократия у нас пережила две фазы: либеральных реформаторов Александра II и «людей двадцатого числа» двух последних царствований»⁵.

Начиная с середины XIX века в России формируется новый класс – интеллигенция. Федотов отмечает резкое различие происхождения российской интеллигенции от западной: «Различие это сводится к тому, что европейская интеллигенция нового времени была одним из слоев третьего сословия, питалась соками городской буржуазии, воспитывалась в её дисциплине, защищало её право. У нас питомником интеллигенции было дворянство. С приходом разночинцев гегемония дворянства не сразу пала. Поразительно, до какой степени даже революционные партии блещут дворянскими именами – до самого конца: Герцен, Бакунин, кн. Кропоткин, Лавров, Плеханов, Ульянов. Мы видим: это не перебежчики, а вожди. Дворянский слой непропорционально велик и среди квалифицированной интеллигенции в науке, литературе, искусстве»⁶.

Мыслитель в чём-то полемизирует с российскими историками интеллигенции, но во многом соглашается с ними. Необходимо вспомнить отличительные черты такого сложного явления, как российская интеллигенция. В 1908 г. Р. Иванов-Разумник писал: «Первым и главным из этих признаков является следующий: интеллигенция есть прежде всего определенная общественная группа... К группе интеллигенции может принадлежать полуграмотный крестьянин, и никакой университетский диплом не даёт ещё право его обладателю причислять себя к интеллигенции... второй, основной признак интеллигенции – преемственность, интеллигенция есть группа преемственная... история русской интеллигенции ведёт своё начало от группы, впервые поставившей своим девизом борьбу за народное освобождение, вторая половина XVIII века послужила только предисловием к этой истории, которую XIX век развернул во всей её широте... можем указать ещё на два характерных признака русской интеллигенции: это её внесословность и внеклассовость ... И как бы ни был мал абсолютный социологический вес интеллигенции, но в её творчестве, в её идеалах – жизненный нерв народа, ибо интеллигенция есть действительно орган народного сознания и совокупность живых сил народа»⁷.

Спустя тридцать лет Н.А. Бердяев уточнял: «Интеллигенция была у нас идеологической, а не профессиональной и экономической группировкой, образовавшейся из разных социальных классов, сначала по преимуществу из более культурной части дворянства, позже из сыновей священников и диаконов, из мелких

⁵ Там же. С. 20-21.

⁶ Там же. С. 28-29.

⁷ Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. Т. 1. СПб., 1908. С. 2, 3, 6.

чиновников, из мещан, а после освобождения из крестьян... Интеллигенция скорее напоминала монашеский орден или религиозную секту со своей особой моралью, очень нетерпимой, со своим обязательным мирозерцанием, со своими особыми нравами и обычаями... Интеллигенция всегда была увлечена какими-то идеями, преимущественно социальными и отдавалась им беззаветно. Она обладала способностями жить исключительно идеями. По условиям русского политического строя интеллигенция оказалась оторванной от реального социального дела, и это очень способствовало в ней развитию социальной мечтательности»⁸.

Героизм, подвижничество, готовность к самопожертвованию – это черты, по сути своей, религиозные. Когда произошло крушение самодержавия и Временное правительство продемонстрировало полную неспособность управлять страной, а власть захватили большевики, началось резкое размежевание в стане российской интеллигенции. Безусловно, и до революции не было полного единомыслия среди интеллигенции. Явление славянофильства, феномен Чаадаева и Владимира Соловьева, земское движение – все это свидетельства того, что наряду с разрушительным течением в стане российской интеллигенции всегда сосуществовало течение созидательное. Архимандрит Киприан (Керн) справедливо замечает: «Часто любят говорить об исключительно отрицательной роли интеллигенции, об ее выпадении из русла русской истории, удалении от Церкви, позитивизме. Обо всем этом должно скорбеть, но никто не вправе огульно осуждать. Как нигде, здесь опасны обобщения и безусловные утверждения. В частности, безбожие и индифферентизм не суть качественный признак нашего культурного класса. Искания интеллигенции, ее способность к жертвенному подвигу, отвержение себя, страдальчество за униженного, врожденный идеализм, чуждый мещанскости, – все это свидетельствует о мощи ее духа. Искания небесного града и весь долгий мучительный путь вспять от подполья к Церкви говорят о величестве ее религиозного пафоса, пред которым нельзя не преклониться».

Федотов уточняет, что российская интеллигенция в течение полувека стремилась к власти, но когда в феврале 1917 года эта возможность предоставилась, она оказалась неготовой к руководству страной. «...в сознании своем интеллигенция боялась власти, презирала ее и – в странной непоследовательности – мечтала о власти для народа. Во власти интеллигенции всегда чувалось нечто грязное и грешное. Она была сурова ко всем ярким выразителям государственной идеи в истории. В политику она вкладывала моральный пафос, видя в ней необходимую реализацию справедливости. Да и в политике ее пленяла, скорее, сама борьба, а не реализация, – жертва, а не победа»⁹. До революции эти два течения (правое и левое) внутри интеллигенции сосуществовали, иногда объединяясь для достижения общих целей, иногда резко размежевываясь. И только после большевистского переворота произошло резкое и окончательное размежевание. Часть российской интеллигенции, еще до революции вошедшая в лоно Церкви, резко проти-

⁸ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. С. 17-18.

⁹ Федотов. И есть, и будет. С. 24.

востала богоборческому и человеконенавистническому режиму. Другая часть пошла вслед за большевиками, признав, подобно Блоку и Маяковскому, правоту новых вождей. Судьба этой части российской интеллигенции достаточно ярко и широко описана не только историками, но и беллетристами, уцелевшими после сталинских чисток.

Судьба же той части интеллигенции, которая сознательно избрала путь противостояния, обрекавший ее на мученичество, еще недостаточно освещена отечественными и зарубежными исследователями. Трудно переоценить роль таких мыслителей и философов, как священник Сергей Булгаков, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Г.П. Федотов, А.А. Мейер, И.А. Ильин, Г.И. Челпанов, а также М.А. Новоселов (ставший в 30-е годы катакомбным епископом), священники Валентин Свенцицкий и Павел Флоренский, священник Алексей Мечев, А.С. Мишенькин, священник Сергей Мечев и многих других в формировании нового религиозного сознания в многочисленных кружках молодежи, повсеместно возникавших в первые годы Советской власти во многих российских городах. Эти кружки, возникавшие в годы гражданской войны и позже, в начале 20-х годов часто превращались в братства и устояли в годы сталинских гонений. Они сумели передать христианскую эстафету молодому поколению в конце 60-начале 70-х годов XX века.

Рождающаяся буржуазия, так бурно расцветшая на грани веков, как ни парадоксально, практически не принимала участия в революционном движении. По мнению Федотова, это был антиобщественный класс, презираемый почти всеми за казнокрадство и взятки. Хотя мыслитель отмечает существенный вклад российского купечества в развитие промышленности, а также меценатство купцов, вышедших из старообрядцев. Рассматривая роль народа и рождающегося рабочего класса в революционных процессах, Федотов отмечает с одной стороны враждебность крестьянства к представителям дворянства и интеллигенции, с другой – духовную беспочвенность рабочего класса, безжалостно угнетаемого российскими капиталистами. Все это в совокупности позволило большевикам опереться на крестьян, пообещав им землю, и на рабочих, одурманив их демагогией и пообещав передать власть в их руки.

Наиболее важными открытиями в анализе произошедших революционных событий в России Г.П. Федотова следует назвать его различение революций. По терминологии мыслителя следует различать Великие революции (их он насчитывает две – Французскую 1789 года и Российскую 1917 года) и революции, которые не приводят к тотальному разрушению старого социума, а лишь отсекают отмирающие социальные институты. По мнению Федотова, Великие революции можно уподобить хроническому заболеванию, которое может длиться столетиями. Временами оно характеризуется периодами улучшения состояния общества, но затем вновь активизируется, приводя к новым и новым потрясениям. В истории России XX века после Великой революции 1917 года мы можем насчитать как минимум еще две революции – хрущевскую и горбачевскую. Реформы Гор-

бачева привели к разрушению тоталитарного строя и к исчезновению империи, известной под аббревиатурой СССР. Новый XXI век характеризуется ностальгией по исчезнувшей империи. Постепенно, год от года, в средствах массовой информации нарастают ностальгические нотки, отодвигающие российское общество от необходимости покаяния. Одновременно происходят постоянные поиски виновных в разрушении СССР.

Подтверждается еще одна парадоксальная мысль Федотова – «Конституция всегда была для России утопией». Конституция, вынашиваемая императором Александром I и дарованная им царству Польскому, так и не была дана России его внуком Александром II. Она была положена под сукно Александром III. И только в XX столетии после первой русской революции в усеченном виде была дарована Николаем II. Но империя уже рушилась, и Конституция не могла спасти ее. Очередная, уже большевистская Конституция, появилась в 1918, а затем в 1924 году, но уже в 1936 году ее сменила «сталинская» Конституция. Это были годы «большого» террора, и многие статьи Конституции, даровавшие гражданам все мыслимые свободы, воспринимались населением как откровенное издевательство. «Сталинскую» Конституцию в 1977 году сменила «брежневская». В ней подчеркивалась руководящая и направляющая роль КПСС. В 1990 году из Конституции была удалена статья о руководящей роли КПСС. В 1993 году была разработана и принята «ельцинская» Конституция. По сравнению с предыдущими Конституциями она казалась наиболее демократической. Но все попытки власти сделать нормы закона обязательными для всех не увенчались успехом. Российское общество до сих пор живет не столько по законам, сколько по «понятиям». Отчасти это объясняется тем, что лишь 156 лет назад в России было отменено крепостное право. Рабское сознание – это болезнь. Оно лечится покаянием – осознанием не только собственных, личностных, но и общественных грехов своей Родины. Хочется верить, что это время все же настанет для России.

Эдуард Тинн

Консерватизм русской элиты и катаклизмы российской истории двадцатого века*

В последнее время в России любят спорить на тему – что важнее – экономическая или военная мощь страны. Вот, мол, Царская Россия занимала по экономическим показателям 5-е место, и если бы не было революции, то Россия могла бы стать в экономическом плане второй страной в мире. Да и в военном плане Россия могла бы быть среди стран победителей, если бы не этот проклятый 17-й год. Вспомним хотя бы победы генерала Юденича на кавказском фронте. Мне кажется, что революция в России была неминуема, просто современные аналитики, как правило, не учитывают рядом с экономическим и военным аспектом еще один важнейший аспект или обстоятельство тогдашней российской действительности – речь идет о том, что в России перед Первой мировой войной почти семьдесят процентов населения были безграмотны.

Царская Россия – страна с чудовищным внутренним расколом и раздвоением. С одной стороны – 20 процентов европейской России, России с великой культурой и с высокой самооценкой. А с другой стороны – безграмотная крестьянская Россия, которую русские историки называют и «новой степью», это уже не монгольская степь, это новая взрывоопасная степь разиных и пугачевых, которая, конечно же, несла в себе азиатчину, до 20-го столетия непобежденную азиатчину. Напомню, что после победы над монголами московская Русь во многом была и московским ханством – то есть приняла от монголов их модель управления страной. В XX веке восемь человек из десяти называли остальных двух баринами. Перед нами противостояли друг другу два мира.

В том, что Россия оставалась в начале двадцатого столетия в такой взрывоопасной ситуации можно винить лишь русскую элиту и никого кроме нее. Большинство русской элиты оставалось в течение предшествующего девятнадцатого века излишне консервативным и недалеким. Страх перед степью, перед русским мужицким бунтом не позволял реформировать страну. Безграмотные мужики ведь были, если необходимо, хорошими солдатами, да и страну хлебом накормить были в состоянии. Чего же еще? В России не возникло настоящего гражданского общества и среднего класса. Великий Петр Столыпин со своими реформами опоздал. А большая часть русского дворянства в начале двадцатого века была еще старомодно-феодальной и мало что понимала в бизнесе. В песе

* Некоторые положения статьи не соответствуют мнению редакции – *прим. ред.*

Вишневы сад Чехов великолепно передает ментальность дворянства; в детальной планировке они мало что понимали и были уверены, что бизнес дела – это сфера купеческих мужиков. В русской элите выделялись две крайности – одни верили, что как предкам, так и им удастся удержать мужика в послушании. Верилось, что против авторитета царя и православной церкви мужики не пойдут. Как видите, это была иллюзия. Другая часть элиты отличалась радикализмом и всячески способствовала тому, чтобы в России начался революционный пожар. Поражения своей армии желали не только во время Первой мировой войны, но уже и во время русско-японской войны. Жажда гражданской войны – вот что толкало радикалов вперед. Гражданскую войну Россия получила. И не надо удивляться, что красные победили белых – их было ведь намного больше, за ними пошли массы. Не стоит забывать, что красными руководили пугачевы с высшими образованиями во главе с Ульяновыми Ленинами.

В начале двадцатых годов возникал, разумеется, простой вопрос – долго ли протянет страна под руководством большевиков? Все казалось ужасным – старую элиту почти что уничтожили или она оказалась за границей, население в основе своей безграмотно, общечеловеческая мораль и православная церковь канули в лету. А во главе пролетарской страны (пролетариев было в России 3-4 процента) орудовали, по сути дела, мафиозники. Правда, надо признать, что очень даже образованные мафиозники. Советы устояли. Безграмотность, по крупному счету, ликвидировали. Большевикам хватило ума завозить в страну немецкую технологию и американские заводы. Руководство страны сумело сформировать новую советскую техническую интеллигенцию, представители которой в большинстве своем были детьми безграмотных родителей. Но именно они смогли в сороковых годах создать военную технологию мирового класса. Как ни парадоксально, но несмотря на осуществленный радикальный переворот советская Россия была все-таки европейской страной. И дело тут, конечно же, в марксизме, который был западным учением и объективно закреплял связь с Европой. То, что т.н. русский марксизм (марксизм-ленинизм) имел на самом деле не так уж много общего с аутентичным учением Карла Маркса, вопрос отдельный. Вклад после-революционной Россией в мировую литературу и искусство был значительный (особенно в двадцатые годы, пока партии большевиков было не до искусства). Мастера искусства начали творить свои выдающиеся произведения:

Эйзенштейн и Дзига Вертов в кино, русские конструктивисты, дизайнеры и представители художественного авангарда в своей области, в театральном искусстве бесспорным является вклад Станиславского, Мейерхольда и Вахтангова. Слава российской музыкальной культуры немыслима без имен Шестаковича и Прокофьева, не говоря о десятках поэтов, писателей, актеров высочайшего международного уровня.

Советский Союз был целостным и любопытнейшим явлением. А в каждом явлении есть свои плюсы и минусы. О последних – сталинизме, ГУЛАГе, преступлениях и репрессиях, об обществе страха и т.п. – говорится и пишется в послед-

нее время постоянно. Правда, в последнее время пишут и о Сталине как «удачном менеджере». Но сейчас речь о другом. Революционеры ведь выдвинули идею создания на земле социально справедливой, социалистической модели общества. И эта модель рассматривалась как альтернатива капитализму. Советский Союз не смог доказать правоту своей социалистической модели общества. Ее погубила, как не странно, опять-таки Революция. Да, русские пережили в двадцатом веке и четвертую революцию – когда из т.н. социализма двинулись бодрым шагом в капитализм. Такого эксперимента мировая история до этого еще не знала. Кто допустил революцию и кто виноват в этих катаклизмах, нахлынувших на Россию и ее людей в начале девяностых? Ответ прост – как и перед семнадцатым годом, так и перед девяностым русская правящая элита, как царского, так и советского времени не оказалась на высоте. Консерватизм элит и на данной стадии исторического развития не позволял реформировать страну.

Корни русского консерватизма, как мне кажется, следует искать в принципах, властвующих в Московской Руси. Что касается Киевской Руси, то ее принципы выглядят симпатичнее: правовое государство, *Русская Правда* Ярослава Мудрого, право частной собственности на землю, уважение к грамотности и умение находить общий язык с другими странами. С консервативным наследием миропонимания московской Руси кто-то соглашается, кто-то нет. Но то, что советская элита не доверяла своему народу, не уважала личность – это бесспорно. Классики марксизма утверждали в *Манифесте коммунистической партии*, что «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех». Т.н. советские марксисты не уважали интересы каждого, они обещали осчастливить всех сразу, одним махом. Страна, которая амбициозно заявляла, что она принесет свободу всему миру, всему прогрессивному человечеству – не смогла в течение семидесяти лет накормить свой собственный народ. Консерватизм в вопросах сельского хозяйства был вопиющим. Догматики боялись разноукладного труда на земле, держались лишь за колхозы и совхозы, держали крестьян, как крепостных без паспортов. Опыт других стран не учитывался. Да и то, что и в Киевской Руси было право частной собственности на землю и Петр Столыпин пытался развивать в России фермерство – все это утаивалось. Вся земля ведь должна была в далекие времена принадлежать Хану. При Советах – государству. Но качественно управлять этой государственной землей что-то не получалось.

Когда-же в советской науке, несмотря на бесспорные достижения, началось отставание от Запада? Несмотря на то, что на начальной стадии не признавалась генетика и кибернетика, советская наука, в общем-то, еще выдерживала гонку с конкурентами. Проблемы возникли в связи с началом инфо-технологического освоения мира. Стало ясно, что закрытая модель общества торпедировала научное развитие. В короткий отрезок времени было возможно развивать науку под руководством товарища Берии в условиях несвободы. Но наука требует свободы, без определенного уровня свободы невозможны крупные достижения в этой сфере человеческой деятельности. Стратегические интересы страны не требова-

ли открывать одним махом границы для всех людей и устраивать вакханалию Свободы, нет, реформировать страну следовало постепенно шаг за шагом, а для науки открывать границы. Надо было дорожить завоеваниями советской эпохи в социальной сфере и ни в коем случае не выпускать из рук бразды правления страной. Да, надо было умело брать из капитализма все лучшее. И осуществить теорию конвергенции в 70-80 годы было вполне мыслимо. Социализм и должен быть с человеческим лицом. Но раз СССР строил альтернативный тип общества, то надо было бороться за свой путь. Но для этого надо было иметь мозги, а руководители страны оказались не на высоте. Были консерваторами и догматиками. Ведь СССР смог создать не только мощную военную технологию, но и образованного, исходящего из гуманистических ценностей человека и соответствующее этому человеку достойное искусство.

И вот в 80-годы появилась идея, что следует сдать Запад, ибо имеется лишь один, капиталистический путь развития. СССР при новых революционерах добровольно лег под Западом, поверив в свою никчемность. Капиталистическая революция в начале прошла вроде бы без крови, но скоро будет и кровь, и обнищание масс, и беспризорные дети, и олигархи, и бандитизм, и падение морали, и т.п. Но самым главным, пожалуй, стало то, что у народа отняли веру в себя и во всякую справедливость. Как не парадоксально, товарищи М. Горбачов и Б. Ельцин оказались революционерами русской капиталистической революции. Наивность русских революционеров была невероятной. В заключение надо констатировать, что развиваться следует без революции. А элита страны обязана быть творчески модерной и нести ответственность за свою отчизну.

II. История, культ и дискуссии вокруг Организации украинских националистов (2)*

II.1. ОУН в 1930-е годы и во время германо-советской войны 1941-1945 гг.

Олена Петренко

Игры в эмансипацию: женщины и ОУН в 1930-х годах**

Варшава, 1936 г.: В зале суда находятся двенадцать подсудимых. Большинство из них говорит на украинском языке и отказывается отвечать судье на польском. Среди них двадцатитрехлетняя Дарья Гнаткивская, дочь грекокатолического священника, состоявшая в Организации украинских националистов (ОУН)¹. Польская пресса отмечает, что тюремная кошка – единственное существо, которое знает, что она говорит по-польски, так как подсудимая демонстративно разговаривает с ней на этом языке во время своих ежедневных прогулок по тюремному двору².

* См. также ранние специальные секции *Форума* по этой теме: Украина во Второй мировой войне // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2013. № 1. С. 285-334; История современного украинского национализма // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2014. № 2. С. 133-254; История, культ и дискуссии вокруг Организации украинских националистов (1) // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2016. № 2. С. 7-189.

** Немецкая версия статьи была ранее напечатана в журнале *Osteuropa* (2016. Vol. 66. № 4).

¹ Их целью было давление на государственные и частные учреждения путем саботажей и «экспроприаций». На счету членов ОУН более 60-ти покушений и убийств. Среди жертв были польские политики, такие как министр внутренних дел Бронислав Перацкий и комиссар польской полиции во Львове Емельян Чеховский, а также украинцы, которые не разделяли радикальную политику ОУН, искали компромиссы с польским правительством или считались «отступниками» (например, директор гимназии Иван Бабий и члены ОУН Михаил Копач и Мария Ковалюк). В 1940-ом году ОУН разделилась на «мельниковцев», ОУН(м), в основном старшие, консервативно настроенные эмигранты, возглавляемые Андреем Мельниковым, и «бандеровцев», ОУН(б), чей лидер Степан Бандера стал известен широкой общественности благодаря процессам против членов ОУН 1935–1936 гг. К ОУН(б) относилось также ядро будущей Украинской повстанческой армии.

² Національна гідність: як поводитися Гнатківська у в'язниці // Жінка. 19.10.1936. С. 3. Журнал *Жінка* (Женщина) Союза украинок резюмировал репортажи польской прессы во время судебного процесса.

Гнаткивскую обвиняли в причастности к организации покушения на министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого. Она поддерживала связь с нападавшими и вела постоянную слежку за самим министром. Гнаткивская была приговорена к пятнадцати годам лишения свободы. Рядом с ней на скамье подсудимых сидела Катерина Зарицкая, которая позже возглавила Украинский «Красный Крест» (УЧХ) в подполье. Она также участвовала в покушении на Перацкого³.

Так как женщины могли передвигаться по городу относительно незаметно, не вызывая подозрений, они принимали участие в многочисленных терактах ОУН. Они вели наблюдение за потенциальными жертвами, изучали их привычки, налаживали дружеские отношения с полезными людьми, прятали оружие, помогали скрываться своим соучастникам и собирали бомбы. Так, например, Катерина Зарицкая подготовила убийство студента Якова Бачинского (1934), которого ОУН подозревала в сотрудничестве с польской полицией. В том же году она участвовала в нападении на заместителя комиссара львовской тюрьмы Владислава Кособудцкого и заложила бомбу в типографии «Праця», где печатались антиоуновские материалы. Наконец, помогла совершившему нападение на Бронислава Перацкого, Григорию Мацейко, избежать ареста⁴.

В начале 1930-х годов Зарицкая состояла в так называемой «боевой разведывательной пятерке» («бойово-розвідувальна п'ятірка»), которая подчинялась руководству округа («крайова ексекуція») ОУН. Вместе с Зарицкой и Гнаткивской в пятерку входили Вера Свенцицкая и Олена Недзвецкая. Возглавляла группу Мария Кос⁵. Еще одна женщина, Анна Чемеринская, принадлежала к окружному руководству ОУН, где она выполняла обязанности курьера и заведовала финансами⁶.

³ Катерина Зарицкая (1914–1986) является сегодня символом участия женщин в украинском националистическом подполье. Приговоренная к восьми годам заключения, в 1939 году она вышла из тюрьмы. В 1940 она снова была осуждена, на этот раз НКВД. В тюрьме Зарицкая родила сына. Во время войны ей удалось бежать из тюрьмы и снова начать активную политическую деятельность в подполье. Она возглавила Красный Крест в подполье, позже стала личной связной Романа Шухевича. В 1947 ее арестовали в третий раз и приговорили к 25 годам лагерей. См.: Онишко Л. «Нам сонце всміхалось крізь ржавії ґрати»: Катерина Зарицька в українському національно-визвольному русі. Торонто, Львів, 2007.

⁴ Розправа за вбивство міністра Перацького: акти обвинувачення // Діло. 21.11.1935. С. 3; Petrenko O. Makellose Helden des Terrors: Die «Organisation der Ukrainischen Nationalisten» im Spannungsfeld zwischen Heroisierung und Diffamierung // Terrorismus, Geschlecht, Erinnerung: Tradierung und Transformation von Geschlechterbildern in Terrorismusdebatten (19.–21. Jahrhundert) / Ed. Ch. Nikel, S. Schraut. Frankfurt/Main, 2012. P. 198.

⁵ Вера Свенцицкая (1913–1991) была оправдана во время судебного процесса во Львове (1936). Олена Недзвецкая (Климишин) (1911–1998), связная ОУН между Краковом и Львовом, была осуждена во время процесса, однако вскоре ее выпустили. Мария Кос (1914–1934) следила за очередной жертвой ОУН, Алексеем Майловым (высокопоставленный сотрудник советского консульства во Львове), и принимала участие в покушении на Владислава Кособудцкого. См.: За вбивство директора Бабія, студента Якова Бачинського і так далі: великий процес у Львові. Докінчення акту обвинувачення // Діло. 27.5.1936. С. 3.

⁶ Розправа за вбивство міністра Перацького: тринадцятий день розправи // Діло. 4.1.1935. С. 3.

Из-за подпольного характера организации сложно сказать, сколько женщин было в рядах ОУН, равно как и назвать точное число всех ее членов. Однако о приблизительной степени их вовлеченности можно судить по судебному процессу против них, проведенному в начале 1941 г. во Львове: 22 из 59 обвиняемых были женщины⁷. Подсудимым уделялось большое внимание со стороны средств массовой информации: их отказ отвечать на польском языке и выкрики «Слава Україні!» в зале суда сделали их символами национальной борьбы и примером для подражания для западноукраинской молодежи. Позже, в 1940-х годах, Катерина Зарицкая, как и многие другие члены ОУН, вступит в ряды Украинской повстанческой армии (УПА).

В последнее время устная история, феминистские инициативы и критическое осмысление политической истории дают новый толчок в изучении роли женского участия в ОУН⁸. Тем не менее, «нация» остается ключевой концепцией постсоветской украинской историографии и накладывает свой отпечаток на исследование женской и гендерной истории – от историзации женских движений до семейной жизни.

Гендер и нация в украинском гранд-нарративе

В том, что национальные процессы имеют четкие гендерные особенности, нет ничего нового. Эта мысль прослеживается, например, в известной фразе Бенедикта Андерсона: «В современном мире каждый человек может, должен и будет ‘иметь’ национальность так же, как он ‘имеет’ пол»⁹. Однако вопрос, как формируется, воздействует, изменяется и пересекается национальное и гендерное, остается открытым¹⁰.

Немецкая исследовательница Карин Хаузен разработала концепт «неединства истории», в котором она предложила акцентировать внимание на «несоответствии времени и пространства, [...] происхождении и жизненных ситуациях мо-

⁷ Комар Л. *Процес 59-ти*. Львів, 1997.

⁸ Havryshko M. *Illegitimate Sexual Practices in the OUN Underground and UPA in Western Ukraine in the 1940s and 1950s* // *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*. 2016. Vol. 17. <http://pipss.revues.org/4214>; Kis' O. *National Femininity Used and Contested: Women's Participation in the Nationalist Underground in Western Ukraine during the 1940s-50s* // *EAST/WEST: Journal of Ukrainian Studies*. 2015. Vol. 2. P. 53-82; Кісь О. *Жіночий досвід участі у національно-визвольних змаганнях на західноукраїнських землях у 1940–50-х роках* // *Схід – Захід*. 2009. ТТ. 13-14. С. 101-125.

⁹ Anderson B. *Die Erfindung der Nation: Zur Karriere eines folgenreichen Konzepts*. Frankfurt/Main, 1996. P. 14.

¹⁰ См. на эту тему: Planert U. *Vater Staat und Mutter Germania: Zur Politisierung des weiblichen Geschlechts im 19. und 20. Jahrhundert* // *Nation, Politik und Geschlecht: Frauenbewegungen und Nationalismus in der Moderne* / Ed. U. Planert. Frankfurt/Main, 2000. P. 15-65. Mayer T. *Gender Ironies of Nationalism: Sexing the Nation*. L., 2002.

лодых и пожилых людей, женщин и мужчин» и, таким образом, отказаться от доминирующих нарративов¹¹. В «универсальной истории» общее обычно отображается в парадигме истории государства, то есть национального государства¹². У «старого здания национальной истории» появилась пристройка, однако фундамент остался прежним, пишет Карин Хаузен. В этом «строении» гендерная история занимает лишь флигель и ей приходится довольствоваться этим пространством¹³.

В дискуссионном переплетении национального и гендерного семейная модель, как правило, переносится на нацию¹⁴: мужчина, как глава семьи (нации), должен быть готов защищать отечество и принять смерть героя. Женщина, как (будущая) мать потенциального защитника семьи, должна быть готова воспитывать в своих детях национальное сознание, а в случае войны отправить своих детей на войну за нацию (отечество) и посвятить себя служению родине. При необходимости ей следует покинуть свой дом и остаться одной на неопределенный срок и, кроме того, действовать как воин и, подобно мужчине, быть готовой к героической смерти¹⁵.

Если брать за основу концепцию Андерсона, нация, как «воображаемое сообщество», то это прежде всего ряд ограничений, которые определяют рамки этого сообщества и по-разному влияют на людей различного пола, религиозного убеждения и этнического происхождения¹⁶. Такое внешнее разграничение наряду с внутренней гомогенизацией создают динамику, которая часто сопровождается готовностью к самопожертвованию и насильственным актам¹⁷.

Уже в начале 1930-х годов ОУН имела славу жесткой и авторитарной организации, которая именно благодаря своей радикальности получала ощутимую поддержку. Женщины из ОУН, такие как Зарицкая или Гнаткивская, принимали, как уже было сказано, активное участие в терактах. В сущности, даже если женщины в ОУН не принимали непосредственно участие в актах насилия, они проводили слежку за жертвой, заботились о конспиративных квартирах или скрывали оружие и деньги. В изложении истории организации насилие имеет четкую гендерную коннотацию: женщины сталкиваются с насилием, мужчины же его создают. То, что сами женщины осуществляли насилие, не вписывается ни в образ жен-

¹¹ Hausen K. Die Nicht-Einheit der Geschichte // Geschlechtergeschichte und allgemeinen Geschichte: Herausforderungen und Perspektiven / Ed. H. Medick, A.-Ch. Trepp. Göttingen, 1998. P. 35-36.

¹² Ibid. P. 37.

¹³ Ibid.

¹⁴ Davis Nira Yu. Gender and Nation. L., 2007; McClintock A. «No Longer in a Future Heaven»: Gender, Race and Nationalism // Dangerous Liaisons: Gender, Nation and Postcolonial Perspectives / Ed. A. McClintock. Minneapolis, 1997. P. 89-112.

¹⁵ Schasser A. Nation, Identität und Geschlecht: Nationalgeschichtsschreibung und historische Frauen- und Geschlechterforschung // Geschichte und Geschlechter: Revisionen der neueren deutschen Geschichte / Ed. K. Hagemann, J. Quataert. Frankfurt/Main, 2008. P. 64-91.

¹⁶ Opitz-Belakhal C. Geschlechtergeschichte. Frankfurt/Main, 2010. P. 89.

¹⁷ Planert U. Nationalismus und weibliche Politik: Zur Einführung // Nation, Politik und Geschlecht. P. 10.

щин из ОУН, ни в социальные рамки того времени, в этом контексте восприятие насилия зависит от распределения власти и подчиняется социальным структурам¹⁸.

ОУН и эмансипационное движение 1930-х годов

На первый взгляд деятельность ОУН и в общем явное усиление националистических тенденций открыли новую политическую площадку для женщин, ведь они служили нации не только как матери и хранительницы домашнего очага, но и как те, кто мог вести войну за национальные идеи. В понимании одного из ведущих идеологов украинского национализма, Дмитрия Донцова (1883–1973), каждый отдельный интерес должен быть подчинен интересу нации. В своем фундаментальном труде *Национализм* 1926 г. Донцов подчеркивает, что важнейшей задачей украинской нации является достижение единства и независимости, которые «приведут к конфронтации и борьбе за выживание»¹⁹. В связи с этим включение женщин в ряды ОУН рассматривалось как ситуативно важная мера.

Общественность принимает женщин в основном потому, что они помогают вести борьбу за национальные цели. Это значит, что национальный «гендерный контракт», по которому женщины обязаны быть матерями и хранительницами домашнего очага, в исключительных условиях войны должен быть временно приостановлен, но продолжать действовать в мирное время.

Хотя редактор и публицист, который позже эмигрировал, никогда не был членом ОУН²⁰, его концепция вызвала большой резонанс среди радикально настроенной молодежи. Дарья Ребет, одна из немногих высокопоставленных женщин в ОУН, отмечала, что молодые люди ее поколения открыто называли себя «учениками Донцова»²¹, которые «мечтали о сильной украинской империи и – более того – передавали эту идею из уст в уста»²². В этом смысле политическая деятельность тех, действия которых не вписывались в рамки «национального дела» («національна справа»), была дискредитирована: она была чуждой национальному характеру и национальным интересам украинцев.

¹⁸ Women, Gender, and Terrorism / Ed. L. Sjoberg, C.F. Gentry. Athens (USA), 2011.

¹⁹ Донцов Д. *Націоналізм*. Лондон, Торонто, 1966. Р. 233.

²⁰ Зайцев О. *Український інтегральний націоналізм (1920–1930-ті роки)*. К., 2013. С. 170-172.

²¹ Ребет Д. *Націоналістична молодь і молодечий націоналізм* // Євген Коновалець та його доба. Мюнхен, 1974. С. 482-501, здесь с. 489-450. О Донцове и восприятии его работ: Зайцев А. *Доктрина Дмитрия Донцова* // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2014. № 2. С. 175-194; Shkandrij M. *Ukrainian Nationalism: Politics, Ideology, and Literature, 1929–1956*. New Haven, 2015. Р. 79-100; Божко Я. «Новый национализм» Дмитрия Донцова: между интегральным национализмом и консервативной революцией // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2016. № 2. С. 180-189.

²² Ребет. *Націоналістична молодь*. С. 494.

Одним из наиболее ярких примеров является непонимание и резко негативное отношение приверженков и приверженцев ОУН к галицкому Союзу украинок. Союз украинок был основан в 1921 году, с 1928 года его возглавила Милена Рудницкая²³. Для большинства женщин, входящих в эту организацию, решающее значение имела социальная направленность союза. Кооперативы защищали права крестьянок и помогали им быстро и выгодно продавать свои продукты.

Во время «польской фазы» борьбы ОУН националистически настроенные издания часто подвергали критике Милену Рудницкую и Союз украинок, обвиняя их в подрыве «антиимпериалистической борьбы» и предательстве нации. Прежде всего их упрекали в поисках компромиссов с польскими властями. Молодые люди считали деятельность союза отсталой²⁴. Так называемая «антинациональная» позиция феминисток организации привела к тому, что радикально и националистически настроенная молодежь отделилась от нее.

Представительниц женских организаций в Галиции Донцов называл «народными активистками» и иронично отмечал, что они видели рождение нации в «кооперативном движении (кооперативный рух) или антиалкогольном обществе»²⁵. Он считал, что женщине следует выйти из всех женских организаций, потому что реальные задачи показывает жизнь, а не «ограниченное мировоззрение женской прессы»²⁶.

Тем не менее, галицкое женское движение также не поддавало сомнению неразрывную связь между своими целями и нацией, оно видело в женщинах важный потенциал в борьбе украинских националистов против польского государства. Так, журнал *Жінка*, издававшийся «Союзом украинок», сообщает о варшавском процессе 1935–1936 гг., в ходе которого были выдвинуты обвинения против Гнаткивской и Зарицкой. Журнал отошел от общепринятой газетной практики представлять террористок как сексуализированные объекты, и описывал их подобно обвиняемым мужчинам. Язвительно отмечалось, что «по сравнению со многими мужчинами женщины во время процесса были не так разговорчивы, как им обычно приписывают»²⁷. Кроме того, автор подчеркивает, что как польская, так и украинская пресса фокусируют свое внимание на одежде и внешнем виде обеих подсудимых. Красивое лицо и сияющая улыбка Гнаткивской, шерстяное платье цвета граната Зарицкой, в котором она выглядит как гимназистка, – такие темы интересуют прессу²⁸.

²³ Ранее эту высокую позицию занимали Катря Гриневич, Мария Билецкая и Константина Малицкая. Позже Рудницкая стала членом Украинского национально-демократического объединения.

²⁴ Додюк М. Український жіночий рух у міжвоєнній Галичині: між гендерною ідентичністю та національною заангажованністю. Львів, 2011. С. 134.

²⁵ Донцов Д. Поетка вогняних меж. Торонто, 1953. С. 25.

²⁶ Там же.

²⁷ Варшавський процес // *Жінка*. 15.12.1935. С. 2; Nacos B.L. The Portrayal of Female Terrorists in the Media: Similar Framing Patterns in the New Coverage of Women in Politics and in Terrorism // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2006. Vol. 5. P. 435-451.

²⁸ Варшавський процес. 1.12.1935. С. 2, 4.

Кроме того, на страницах *Жінки* активистки союза пытались усилить общее участие женщин в национальном движении. В одном из изданий *Жінка* взывает к читательницам: «Что Ты сделала, чтобы изменить что-то? Твоя вина в Твоей слабости, в Твоей неорганизованности, в неуверенности в себе. Где Твое решительное, организованное сопротивление против уныния и хаоса, которые разрушают наш ослабленный национальный организм? Что Ты делаешь для того, чтобы примирить враждующих сыновей и братьев и вернуть чувство живого единства нации?»²⁹

Рудницкая постоянно подчеркивала совместимость национальной идеи и феминизма для подрастающего поколения³⁰. В своих статьях она представляла феминистские взгляды как хороший и полезный образец для строительства нации. Под заголовком «Разногласия феминизма» она отклоняет обвинение в том, что женщины действуют эгоистично и зацикливаются на себе, преследуя личные интересы, а не интересы нации. Это противоречит пониманию украинского женского движения, подчеркивала Рудницкая. Так как движение «всегда формулирует обязанности, а не только права. Если речь идет о правах, то это право на работу для народа и служение нации»³¹.

Тем не менее в понимании украинских националистов союзу не хватало антиимперского настроения против польского государства. Представители ОУН обвиняли организацию в ее мирной позиции и готовности к сотрудничеству с польским правительством. Союз украинок вызывал неприязнь среди националистических кругов, так как его приоритетом было укрепление индивидуальных женских прав, что препятствовало мобилизации женщин в ряды ОУН, а позднее – УПА.

Известным критиком Союза украинок была Олена Телига (1906–1942), украинская поэтесса, последовательница Донцова, а затем член ОУН(м). В своем скандальном очерке «Какими вы нас хотите» («Якими ви нас прагнете») Телига критикует концепцию трех «К» («Kinder, Küche, Kirche» – дети, кухня, церковь), которую она приписывает украинским консервативным кругам, а также феминизм, призывая отказаться от двух крайностей: сведения роли женщины к материнству и освобождению женщин³². В эссе «Слепая улица» («Сліпа вулиця») Телига резюмирует свои впечатления от женской прессы и резко высказывается о публикациях союза: сначала она критикует журнал *Женская судьба* (*Жіноча доля*), который издавался под руководством Олени Киселевской. Телига критиковала преобладающую в журнале тему «семейных конфликтов». Поэтому не удивительно, писала Телига, что женщины не обсуждают никаких других вопросов³³.

²⁹ Жінка і нація // Жінка. 1.1.1935. С. 1.

³⁰ Відношення молоді до жіночого руху // Жінка. 15.2.1935. С. 1; Матері і дочки // Жінка. 1.3.1935. С. 1.

³¹ Непорозуміння з фемінізмом // Діло. 14.4.1934. С. 4-5.

³² Телига О. Якими ви нас прагнете // она же. Збірник. Детройт, Нью-Йорк, Париж, 1977. С. 65-78, здесь с. 70.

³³ Телига О. Слепа вулиця // Там же. С. 79-88, здесь с. 83.

Главным врагом женщины Телига называет «слащавую женственность» («солдакво-настроєва жіночість»), которая приводит к «массовой «примитивности». Более мягкий вердикт Телига выносит главному печатному изданию союза – журналу *Жінка*: «Всюду видна рука інтелегентного редактора и ее сотрудниц. От примитивной сладковатости не осталось и следа. Литературный материал отобран со вкусом (за исключением некоторых новелл) [...]. Но все же от страниц *Жінки*, от ее программных и актуальных статей веет не свежее дыхание современности, а давно отшумевший ветер прошлого столетия: феминизм, в его давнишней, не актуальной теперь форме, и либерализм с гуманностью, которые уже раз и навсегда дискредитированы в глазах современного поколения, учитывая ту позорную тормозящую роль, которую они сыграли в нашей освободительной борьбе».

Кроме того, Телига указывает на сложности с определением понятий: «Что касается феминизма, то в действительности сложно сориентироваться, что, в конце концов, под ним подразумевают в *Жінці*. Иногда он идентифицируется с полной равнозначностью женщины в повседневной жизни и во всех организациях. Иногда феминизм неразрывно связывается с либерализмом, а роль женщины сводится к урегулированию конфликтов между разными направлениями и применению как можно большей гуманности во всех сферах жизни»³⁴. Телига считала, что такой «едва сформировавшийся», полный амбивалентных понятий феминизм может нанести серьезный вред во время политических изменений. Таким образом, она выражала распространенное мнение ОУН, которая хоть и вербовала активно женщин, однако не предусматривала отдельных женских организаций, о которых Телига отзывалась как о «женском гетто»³⁵.

В то же время отношение Союза украинок и ее главы Милены Рудницкой к ОУН было намного амбивалентнее, нежели это сформулировала Телига. На страницах журнала *Жінка* отсутствовала открытая критика ОУН, кроме того Рудницкая, как делегатка Украинской Парламентарной Репрезентации польского Сейма, получала ощутимое содействие от Евгения Коновальца, руководителя ОУН в 1929–1938 гг. Рудницкая также поддерживала активную переписку с одним из наиболее известных украинских апологетов Муссолини Евгением Онацким. В переписке с последним, Коновалец характеризовал Рудницкую как «очень активную и успешную дипломатку», которая «умеет говорить и убеждать»³⁶.

Несмотря на близкие дружеские отношения Рудницкой и руководителя ОУН, Коновалец осознавал политические расхождения с Рудницкой и прямо обозначил ее как «не нашего человека», который в политических позициях является «либералкой, демократкой и даже пацифисткой»³⁷. Общий политический профиль Со-

³⁴ Телига Олена. Сліпа вулиця // С. 85.

³⁵ Там же. С. 87.

³⁶ См. письмо Коновальца Онацкому от 29.05.1931 в: Онацький Є. У вічному місті. Торонто, 1989. Т. 4. С. 98.

³⁷ См. Письмо Коновальца Онацкому от 06.03.1933 в: там же. Т. 3. С. 95.

юза Украинок был тоже довольно неоднозначен. Если Рудницкую можно обозначить как активистку Украинского национально-демократического объединения (УНДО), то ряд деятельниц союза поддерживали Украинскую радикально-социалистическую партию (УРСП), или же стояли в тесном контакте с националистическим движением³⁸.

Женщины из Союза украинок казались ОУН прежде всего конкурентками, которые оказывают негативное влияние на мобилизацию женщин в их собственную организацию. Это касалось во многом именно молодых кадров, которых активно вербовали как союз, так и ОУН³⁹. Националисты хоть и соглашались с тем, что женщины тоже могут быть вовлечены в борьбу и даже стимулировали это вовлечение, однако не были заинтересованы в трансформациях гендерного порядка. Напротив, они всячески препятствовали ему, интерпретируя политическую активность женщин как вынужденную меру экстремальных условий военного конфликта.

Сами женщины, принимавшие активное участие в ОУН, акцентировали свое внимание главным образом на вовлечении новых кадров в националистическую борьбу и открыто осуждали феминистические инициативы как несвоевременные и вредящие укреплению популярности организации. Таким образом, шанс к эмансипации как со стороны идеологов ОУН, так и самих участниц националистического движения был упущен, а шансы консолидации сил с Союзом украинок за национальные интересы остались неиспользованными.

³⁸ По подсчетам украинского историка Марты Гаврышко, в Союзе украинок в 1934-35 годах было от 2 до 10 процентов активисток ОУН. См.: Гаврышко М. Ставлення представників ліберального фемінізму в Галичині до ОУН в 1929-1939х роках // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. 2014. № 24. С. 85-98.

³⁹ Відношення молоді до жіночого руху // Жінка. 15.2.1935. С. 1.

Джон-Пол Химка

Львовский погром 1941-го года: немцы, украинские националисты и карнавальная толпа*

С тех пор как была опубликована книга Яна Гросса *Sоседи*, посвященная жестоким убийствам евреев их соседями-иноверцами в маленьком городке, изучение насилия лета 1941 г. вышло на передний край исследований Холокоста. Вспышка погромов и массовые казни на восточном приграничье Польши и в странах Балтии, похоже, позволяют пролить свет на мышление немцев и то, как они задумывали свою смертоносную политику против евреев в первые дни конфликта с Советским Союзом. Тем не менее, установить точную меру ответственности разных действующих лиц этих кровавых событий было весьма сложно и, соответственно, возникает необходимость исследовать их поведение на микроуровне и надеяться, что впоследствии более четко проявятся некие общие черты¹. В данной статье рассматриваются погром и казни, произошедшие в начале июля 1941 года во Львове. После предварительного общего обзора того, как проистекал погром и последовавшие за ним казни, статья рассматривает отдельных участников событий – милицию украинских националистов, чья роль в произошедшем задокументирована наиболее четко; прибегнувшую к насилию толпу, поспособство-

* Англоязычный оригинал статьи опубликован в *Canadian Slavonic Papers* (2011. Vol. 53. №№ 2-4). Позже, он был переведен на украинский язык коллективом переводчиков (Ольга Шевченко, Остап Кучма, Максим Курчинський, Павел Солодько, Захар Попович) и опубликован на сайте *Історична правда* (20 декабря 2012 г.). При подготовке нижеприведенного перевода использовался англоязычный оригинал – прим. переводчика.

¹ Gross J. *Neighbors: The Destruction of the Jewish Community in Jedwabne, Poland*. Princeton, 2001; Matthäus J. *Operation Barbarossa and the Onset of the Holocaust* // Browning Ch.R., Matthäus J. *The Origins of the Final Solution: The Evolution of Nazi Jewish Policy, September 1939 – March 1942*. Lincoln, Jerusalem, 2004. P. 244-277; Pohl D. *Anti-Jewish Pogroms in Western Ukraine: A Research Agenda* // *Shared History – Divided Memory: Jews and Others in Soviet-Occupied Poland, 1939–1941* / Ed. E. Barkan, E.A. Cole, K. Struve. Leipzig, 2007. P. 305-313. Я хотел бы поблагодарить Совет социальных наук и исследований Канады (Social Sciences and Research Council of Canada) и Программу Пинхаса и Марка Вайзена (Pinchas and Mark Wisen Fellowship) от Центра продвинутых исследований Холокоста (Center for Advanced Holocaust Studies) при Мемориальном музее Холокоста (США) (тут и далее USHMM – прим. переводчика) за поддержку, оказанную в проведении исследования, чьи результаты вошли в эту статью. Уже когда статья выходила в печать, мне стало известно о двух важных исследованиях на родственные темы: Lower W. *Pogroms, Mob Violence and Genocide in Western Ukraine, Summer 1941: Varied Histories, Explanations and Comparisons* // *Journal of Genocide Research*. 2011. Vol. 13. № 3. P. 217-246; Rich D.A. *Armed Ukrainians in L'viv: Ukrainian Militia, Ukrainian Police, 1941 to 1942* // *Canadian-American Slavic Studies*. 2014. Vol. 48. № 3. P. 271-287. У меня не было возможности включить их анализ в настоящий текст.

вавшую обретенную черту; немцев, чью роль сложно установить со всей четкостью.

Ход погрома

Накануне Второй мировой войны Львов был городом многонациональным: по состоянию на 1939 г. поляки составляли относительное большинство (157 490 из общего числа 312 231 жителей, немногим более 50%), за ними шли евреи (99 595 или 32%) и украинцы (49 747 или 16%)². В результате войны национальный состав города претерпел существенные изменения, поскольку евреев убили, поляков депортировали, а многочисленные русские поселились в городе. До начала войны Львов входил в состав Польши, однако с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. город пребывал под советской властью и был присоединен к Украинской Советской Социалистической Республике. 30 июня 1941 г. власть в городе еще раз сменилась, поскольку его захватили немцы.

Погром произошел во Львове на фоне провозглашения в городе в первый день немецкой оккупации Украинского государства – вопрос, к которому мы вернемся позже. Другим важным обстоятельством Львовского погрома 1941 г. стала находка тысяч полуразложившихся тел политических заключенных, расстрелянных в предшествующие оккупации дни, когда советское руководство осознало, что стремительное наступление немцев сделало эвакуацию тюрем невозможной³. Трупный смрад доносился из охваченных пламенем тюрем, когда в понедельник 30 июня немцы входили в город. Среди убитых было много украинских националистов. Немцы заставили евреев извлечь тела и выставили их для всеобщего обозрения. Родственники заключенных искали промеж трупов своих близких. Тела были найдены в трех тюрьмах – тюрьме на ул. Замарстыновской, тюрьме «Бригидки» и тюрьме на Лонцкого. Именно эти три тюрьмы стали сценой, где развернулся погром. Тюрьма на ул. Замарстыновской и «Бригидки» располагались неподалеку от еврейского квартала в Львове.

Согласно сообщениям немецкой армии, уже пополудни 30-го июня население Львова принялось вымещать свой гнев против убийц из НКВД на «живущих в городе евреях, которые, [как утверждалось], всегда активно сотрудничали с

² Mick C. Incompatible Experiences: Poles, Ukrainians and Jews in Lviv Under Soviet and Jewish Occupation, 1939–1944 // *Journal of Contemporary History*. 2011. Vol. 46. № 2. P. 339.

³ О свершенных НКВД убийствах см.: Musial B. «Konterrevolutionäre Elemente sind zu Erschießen»: Die Brutalisierung des deutsch-sowjetischen Krieges im Sommer 1941. Berlin, 2000 (текст существует и в польском переводе), но также следует обратить внимание на критику Дитера Поля: <http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/rezensionen/id=546> и Пера Андерса Рудлинга: Rudling P.A. Bogdan Musial and the Question of Jewish Responsibility for the Pogroms in Lviv in the Summer of 1941 // *East European Jewish Affairs*. 2005. Vol. 35. № 1. P. 69-89.

большевиками»⁴. Уже в этот день еврейских мужчин согнали на т.н. «тюремные работы» – извлечение и транспортировка тел из острогов. Евреев принуждали работать 30-го июня и в последующие дни и на других работах. Привлечение евреев для принудительных работ было общепринятой практикой во время погромов и антиеврейских событий в оккупированной нацистами Европе⁵. Во Львове это происходило уже 30-го июня⁶. Немецкие военные заставляли евреев чинить поврежденные артобстрелом улицы⁷. Некоторые их выживших евреев рассказывали, что их также вынуждали убирать в домах и чистить туалеты⁸. Иногда принудительные работы приводили к летальному исходу. Немцы привлекли Чеславу Будынскую, ее сестру и соседскую девочку к очистке поля боя. Их толкали и били, пока они исполняли предписанное задание. К работам были привлечены около 150-ти людей, в том числе и мужчины. Затем немцы загнали мужчин в близлежащий пруд, заставляя их заходить в воду все глубже и глубже. У одного из немцев в руках был багор, которым он топил мужчин. Женщины лишь бессильно наблюдали за происходящим⁹.

1-го июля, во вторник, произошел полноценный погром. В этой статье я использую простое определение Рауля Хильберга: «Погромы – это быстротечные вспышки общественного насилия против еврейского населения»¹⁰. В тот день насилие проистекало в форме некоего ритуала: евреев, как мужчин, так и женщин, принуждали убирать улицы, отдельных евреек оскорбляли, а евреев заставляли выполнять различные действия, подчеркивающие их связь с коммунизмом. Погром 1941 г. уподобился более ранним погромам, например, погрому, учиненному в ноябре 1918 г. польскими гражданскими и военными. Также погром 1941 г. позаимствовал символы и ритуалы антиеврейских акций, имевших место в других местах оккупированной нацистами Европы.

Так же, как во Львове 1918 г., в Вене марта 1938 г., во многих местах в Польше сентября 1939 г., в 1941 г. во Львове евреев силой заставляли убирать улицы. Идея состояла в том, чтобы физическим трудом унижить евреев – выдающихся представителей свободных профессий и предпринимательства. Как заметил один из выживших евреев, «это было крайне унижительно ощущение, когда доктора и

⁴ Bundesarchiv/Militärarchiv. Freiburg (далее – BA-MA). Darstellung der Ereignisse. RH 24–49–8. F. 176.

⁵ Szarota T. U progu Zagłady: zajście antyżydowskie i pogromy w okupowanej Europie: Warszawa, Paryż, Amsterdam, Antwerpia, Kowno. Warszawa, 2000. P. 21.

⁶ Український культурний та освітній центр «Осередок» (Вінніпег). Конкурс на спогади. № 40 (мемуари Дмитра Гонти). Ф. 40-16.

⁷ Паньківський К. Від держави до комітету. Нью-Йорк, Торонто. С. 35.

⁸ Институт Визуальной Истории и Образования при Фонде Шоа Университета Южной Калифорнии (USC Shoah Foundation Institute for Visual History and Education) (далее – Shoah Foundation), 9640 Ana Merdinger, P. 31; Дюков А. Второстепенный враг: ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». М., 2009. С. 69.

⁹ Shoah Foundation. 21303. Czeslawa Budynska. P. 31-42.

¹⁰ Hilberg R. The Destruction of the European Jews. Chicago, 1961. P. 203.

профессора чистили улицы с лопатами в руках...»¹¹. Согласно воспоминаниям девочки-подростка, немцы и украинцы заставили ее соседку вычищать улицу собственной зубной щеткой. Также они принудили одного еврея убирать конский навоз с улиц в его шляпу¹². Если верить фотографиям, во Львове неиудеи находили весьма забавным то, как евреи чистили улицы – в определенной мере погром был неким карнавалом.

Одной из характерных особенностей погрома было дурное обращение с еврейскими женщинами и их унижение. Немецкие фотографы зафиксировали некоторые сцены на ул. Замарстыновской¹³, о жестоком отношении был также снят фильм¹⁴. Некие прецеденты уже происходили во время погромов в оккупированной нацистами Польше. Так, в декабре 1939-го в Кракове евреек силой раздевали¹⁵, и многие члены ОУН – в особенности те, которые вскоре стали хребтом бандеровского движения – находились в Кракове в то время, поскольку пережидали советскую оккупацию Западной Украины. Нет никаких оснований предполагать, будто они принимали участие в краковских событиях, но они могли по меньшей мере наблюдать за ними. Во время Пасхального погрома в Варшаве 1940 г. подростки охотились на женщин, в первую очередь, чтобы ограбить их¹⁶. Наиболее откровенной предтечей того, что произошло во Львове в 1941 г., были события, имевшие место в городе в 1918 г. Йозеф Тененбаум, ставший свидетелем погрома 1918 г., писал: «Женщин заставили раздеться и стоять обнаженными к радости грубой черни»¹⁷. В 1941 г. во Львове женщин толкали, пинали, били по лицу и телу палками и подручными средствами, дергали за волосы, перекидывали от погромщика к погромщику. Многих принуждали раздеться и стоять перед толпой, а некоторых гнали по улицам¹⁸. У Розы Москович была школьная подруга, ставшая убежденной коммунисткой. Она попала в лапы к банде, которая побрила ей голову и погнала ее, нагую и вопящую от страха, по улице. Девушка

¹¹ Archiwum Żydowskiego Instytutu Historycznego (AŻIH). 301/1181. Lilith Stern. 2.

¹² AŻIH. 301/3510. Felicja Heller. 1.

¹³ Основное собрание фотографий находится в Библиотеке Винера (Wiener Library), фотографии 1615, 1618, 1635–1650, 1676–1677 (на фотографии 1647 в сущности изображен окровавленный обнаженный мужчина). Эти фотографии часто воспроизводятся. Некоторые в: Химка І. Достовірність свідчення: реляція Рузі Вагнер про львівський погром влітку 1941 р. // Голокост і сучасність: Студії в Україні і світі. Науковий часопис. 2008. № 2(4). С. 43-80. Другие фотографии этого же инцидента доступны в: USHMM. Фотоархив. 86319.

¹⁴ USHMM. Киноархив. Пленка 402. История RG-60.0441. Сама пленка находится в очень поврежденном состоянии, однако многие стоп-кадры с менее поврежденной копии доступны в: USHMM. Фотоархив. 73666–718.

¹⁵ Rosdolsky R. The Jewish Orphanage in Cracow. Серии, опубликованные в Сети Центром городской истории Центрально-Восточной Европы (Центр міської історії Центрально-Східної Європи). 2009. № 4. Р. 3: <http://www.lvivcenter.org/en/publications>; Zimmerer K. Zamordowany świat. Losy Żydów w Krakowie 1939–1945. Kraków, 2004. Р. 30.

¹⁶ Szarota. U progu Zagłady. Р. 25.

¹⁷ Цит. в: Hagen W. The Moral Economy of Ethnic Violence: The Pogrom in Lwów, November 1918 // Geschichte und Gesellschaft. 2005. Vol. 31. № 2. Р. 203-226.

¹⁸ Химка. Достовірність свідчення. 46, 53-56, 58, 62.

добралась домой, где свела счеты с жизнью¹⁹. Один польский спасатель видел, как «коренастый как Геракл парень» избивал двенадцатилетнюю еврейскую девочку цепью²⁰. Не удивительно, что были сообщения об изнасилованиях²¹. Беременных женщин били или пинали в живот²². Погромщики раздели одну двадцатилетнюю женщину, поместили ей во влагалище палку и заставили пройти в таком состоянии мимо здания почтамта, где в это время происходили «тюремные работы» на Лонцкого²³. Также женщин грабили²⁴, а Роза Вагнер даже утверждает, что видела проституток и сутенеров, изымавших у евреек обувь и предметы гардероба²⁵. Жертв выбирали случайно из еврейского населения²⁶.

Погром 1-го июля сопровождался представлениями и ритуалами антикоммунистического характера. Известная украинская интеллектуалка и мемуаристка Лариса Крушельницкая вспоминает огромный плакат с портретом Сталина, находившийся подле здания главного почтамта. Вместе со своей матерью она наблюдала, как его срывали. Ей было около тринадцати, и она вспоминает ликование людей, что ужас советского времени миновал. Посвященная освобождению Лемберга немецкая кинохроника, по-видимому, зафиксировала именно эти события; внушительная толпа людей действительно рукоплещет и испускает одобрительные возгласы. После этого, как вспоминает Крушельницкая, все принялись топтать плакат ногами²⁷. Однако десятилетняя еврейская девочка, также находившаяся подле почтамта в тот день, вспоминает события совершенно иначе: «Перед зданием главного почтамта стояли люди с лопатами, украинцы избивали их и кричали «Еврей! Еврей!»²⁸. Каждая из девочек записала впечатления, соответствовавшие ее собственной точке зрения и положению.

Антиеврейский погром стал частью антикоммунистического ритуала. Один поляк вспоминает, что евреев во Львове принуждали маршировать в шеренге по четыре человека, петь русские марши и выкрикивать лозунги в честь Сталина²⁹. Эти показания подтверждает и еврейка, которая видела, как толпа окружила

¹⁹ Shoah Foundation. 9851 Rose Moskowitz. 19.

²⁰ Shoah Foundation. 28371 Jerzy Grzybowski. 24-25.

²¹ АЖИИ. 302/58. Alfred Monaster. 13-14. Полуофициальный доклад о львовском погроме 1918 г. сообщал, что родители заявили о дюжине изнасилований, однако «определенное их число было скрыто из чувства стыда». Hagen. *The Moral Economy of Ethnic Violence*. P. 208.

²² АЖИИ. 301/1794. Stefania Cang-Schutzman. 2 (ее собственную сестру, находившуюся на пятом месяце беременности, пинали в живот, и она потеряла ребенка). АЖИИ. 302/58. Alfred Monaster. 13.

²³ Zaderecki T. *Gdy swastyka Lwowem władała...* (Wycinek z dziejów okupacji hitlerowskiej). Архивы Яд Вашем. 06/28, 12. Этот источник прямо не упоминает тюрьму на Лонцкого, однако пройти мимо главного почтамта необходимо, чтобы попасть именно в эту тюрьму.

²⁴ «Они должны были отдать, все что у них было». Heschel J. *Oczyrna dwunastoletniej dziewczyny*. Kraków, 1946. P. 19 (говоря так о людях, которых хватили в их жилищах).

²⁵ Химка. Достовірність свідчення. 47-48.

²⁶ Химка. Достовірність свідчення. 46, 48.

²⁷ Интервью с Ларисой Крушельницкой. 15 июня 2009.

²⁸ Heschel J. *Oczyrna dwunastoletniej dziewczyny*. Kraków, 1946. P. 18.

²⁹ Musial. «Konterrevolutionäre Elemente sind zu erschießen». P. 177.

группу из 200-300 молодых евреев обоего пола, стоявших с поднятыми руками и певших «песню русских коммунистов *Моя Москва*»³⁰. Еще одна свидетельница, украинка, вспоминает, что видела, как возле Цитадели украинцы вели под эскортом около сотни людей с воздетыми вверх руками, заставляя пленных выкрикивать «Мы хотим Сталина!»³¹. Подобные ритуалы происходили тем летом повсеместно. В Коломые, находящейся приблизительно в 165 километрах на юго-западе, были уничтожены статуи Ленина и Сталина. Затем украинцы заставили взобраться на пьедестал одного еврея, тогда как другие должны были стоять вокруг и выкрикивать: «Сталин, ты – идиот!»³².

На погром евреев доставляли украинские милиционеры: они ходили от дверей до дверей в еврейских кварталах и свозили евреев к тюрьме на ул. Замарстыновской и к «Бригидкам»³³. Для осуществления эксгумаций и глумления в тюрьме на Лонцкого милиционеры арестовывали евреев прямо на улицах. Подобные задержания, происходившие, среди прочего, на ул. Коперника, которая ведет из центра города и главного почтамта к тюрьме на Лонцкого, хорошо задокументированы на фотографиях³⁴.

Во Львове – равно как и повсеместно в Галиции первых дней немецкого вторжения³⁵ – еврейских мужчин принуждали эксгумировать трупы жертв НКВД, во время работ их унижали, били и даже убивали. Уже 30-го июня эксгумированные во Львове трупы выставляли на всеобщее обозрение и подобная практика продолжилась 1-го и 2-го июля³⁶. И хотя слова очевидцев касательно чисел разнятся, совокупность их свидетельств позволяет мне предположить, что «тюремные работы» длились три дня, тогда как общественный погром имел место лишь 1-го июля.

1-го июля, в то время как евреев конвоировали к тюрьмам, их избивали. Еврейская девочка стала свидетельницей того, как мальчишки избивали евреев

³⁰ Nadar A. *The Princess Elnasari*. L., 1963. P. 16. (Речь идет не о песне «Моя Москва», впервые исполненной в декабре 1941 г., а песне «Москва майская» с припевом «Страна моя / Москва моя / Ты самая любимая». Благодарю Андрея Заярнюку за информацию. См. также: Стругиньска М. (В. Марська). *Буря над Львовом. Повесть у двох частинах*. Філадельфія, 1952. С. 113. В повести солдаты Красной Армии поют этот припев во Львове в сентябре 1939 г. – Дополнение автора к переводу на русском.)

³¹ Musial. «Konterrevolutionäre Elemente sind zu erschießen». P. 177. Евреев также заставили маршировать с поднятыми руками к тюрьме на Лонцкого: Rogowski J. *Lwów pod znakiem Swastyki*. Zakład Narodowy im. Ossolińskich we Wrocławiu. 16711/II. P. 50. Гжегож Россолински-Либе предоставил мне копию этого источника.

³² Musial. «Konterrevolutionäre Elemente sind zu erschießen». P. 179.

³³ Химка. Довіріність свідчення. С. 45; Musial. «Konterrevolutionäre Elemente sind zu erschießen». P. 177-178; Heschel. *Oczyrna dwunastoletniej dziewczyny*. P. 19; Shoah Foundation. 14797. Lusia «Lisa» Hornstein. 14; Shoah Foundation. 29911. Maria Gesiola. 10.

³⁴ См. ниже, в том числе сноску 134.

³⁵ Musial. «Konterrevolutionäre Elemente sind zu erschießen». P. 178-179.

³⁶ Немецкая документация в: BA-MA, Anlagen zu der Denkschrift “Kriegsverbrechen der russischen Wehrmacht 1941”. Teil II. №. 91–172. RW 2/148, F. 337, 340, 350-351 позволяет установить, что работы по эксгумации начались непосредственно 30-го июня, а «демонстрация тел» (Leichenschau) продолжилась 1-го и 2-го июля.

метлами, выбивалками для ковров и забрасывали камнями, пока их вели в «Бригидки»³⁷. Тамара Браницкая сообщает, что ей и ее семье приказали держать руки вздетыми вверх, пока они десять или пятнадцать минут шли к тюрьме на Лонцкого. Все это время к ним подбегали люди и колотили по голове палками. Толпа также доставала брусчатку из мостовой, кидала в них и выкрикивала непристойности. По воспоминаниям Браницкой, им никто не пытался помочь, скорее напротив – толпа, казалось, получала огромное удовольствие от происходящего³⁸. Согласно рассказам очевидцев³⁹ и фотоматериалам⁴⁰, некоторых евреев заставляли двигаться к тюрьмам на четвереньках. Лешек Аллерханд сообщает, что несколько сотен людей ползли три километра до «Бригидок» на четвереньках и все время их пинали и били⁴¹.

Согласно некоторым свидетельствам, в тюрьмы забирали исключительно еврейских мужчин, однако согласно другим в них также находились женщины и дети⁴². По совокупности показаний можно предположить, что здоровых трудоспособных мужчин привлекали к работам по эксгумации, тогда как женщин и стариков в тюрьмы забирали в первую очередь для глумлений. В то же время, женщинам вменяли в обязанность обмывать трупы. Маленьких детей обычно – хоть и не всегда⁴³ – не трогали.

Фотография из коллекции Дэвида Ли Прэстона служит хорошей иллюстрацией происшедшему: на ней не видно лиц – лишь мужскую фигуру в костюме и туфлях, выкапывающую труп посредством кирки. Похоже, мужчину попросту схватили на улице. Подле него – человек в добротных ботинках и штанах, видны лишь его ноги, вероятно, он одет в униформу. На обороте этой частным образом сделанной солдатом фотографии надпись: «Еврей при эксгумации кровавых жертв»⁴⁴. Имеется также фильм, показывающий еврейских женщин, которые мокрыми ветками обмывают трупы⁴⁵.

³⁷ Heschel. *Oczyrna dwunastoletniej dziewczyny*. P. 19.

³⁸ Shoah Foundation. 51593. Tamara Branitsky. 50-51.

³⁹ Патриляк І. Військова діяльність ОУН(б) у 1940-1942 роках. К., 2004. С. 335. (Приводит показания польской жительницы Львова.) Musial. «Konterrevolutionäre Elemente sind zu erschießen». P. 176. (Также существуют показания одной польской жительницы Львова, взятые в 1992 г., однако мне не ясно, не является ли это показание тем же, что и вышеприведенное.) Shoah Foundation. 1339. Leon Berk. 43.

⁴⁰ Musial. «Konterrevolutionäre Elemente sind zu erschießen». Фотография между страницами 176 и 177. Эта фотография также присутствует в USHMM. Фотоархив. 73218. Другая фотография с иного места: USHMM. Фотоархив. 14026.

⁴¹ Shoah Foundation. 27779. Leszek Allerhand. 56.

⁴² Патриляк І. Військова діяльність ОУН(б). С. 335. (Приводит показания польской жительницы Львова.) Shoah Foundation. 27779. Leszek Allerhand. 53-57. (Аллерханду было на тот момент девять лет. После того, как он на четвереньках прополз до тюрьмы, получил несколько пинков в лицо и был избит, ему приказали возвращаться домой.)

⁴³ АЖИИ. 301/230. Jakub Dentel. 1.

⁴⁴ Химка. Достовірність свідчення. С. 50-51.

⁴⁵ См. ниже, в том числе и сноску 121.

Многих еврейских мужчин, привлеченных к работам в тюрьмах, впоследствии убили. На некоторых фотографиях отображены подобные жертвы «тюремных работ», хоть их иногда ошибочно принимали за жертв НКВД⁴⁶. Примером подобной ошибки служит фотография из коллекции Прэстона, на которой отображен внутренний двор «Бригидок». В отличие от ровных рядов трупов, оставленных НКВД, тела на фотографии Прэстона свалены в кучу. Их наряды яркие – особенно поражают белые рубашки – тогда как одежда на фотографиях жертв НКВД грязная и сероватая. Один из погибших на фотографии Прэстона носил подтяжки – предмет туалета, который НКВД несомненно бы отобрал у своего пленника. В конце концов, на фотографии Прэстона присутствуют жерди и инструменты, которые евреи использовали для эксгумации тел жертв НКВД⁴⁷.

Некий Гольд, оставивший записи о событиях, сопровождавших прибытие немцев во Львов, слышал, будто 1-го июля в 13:30-14:00 в «Бригидках» казнили около тридцати человек⁴⁸. Герман Кац сообщает, что именно в это время его поставили в расстрельную шеренгу: он был под сорок восьмым номером – сорок семь человек уже расстреляли и немецкий солдат как раз взбросил свое оружие, как подошел офицер и сказал: «Достаточно на сегодня». Кац и другие выжившие должны были рыть могилы для казненных⁴⁹.

Курт Левин оставил подробное описание собственного опыта «тюремной работы» в «Бригидках». Он описывает чудовищные избиения, которые довелось претерпеть как от немцев, так и украинцев. Один украинец особенно глубоко врезался в память Левина – одетый в изысканно-красивую вышитую рубашку, он избивал евреев тростью с железным набалдашником. Ошметки кожи разлетались после каждого удара, иногда – ухо или глаз. Когда трость сломалась, он подобрал огромное обугленное полено и проломил им череп одного еврея. Брызнувший во все стороны мозг попал на одежду и лицо Левина. Далее ему довелось стать бесстрастным свидетелем того, как немцы расстреляли большое число евреев, в том числе и его отца-раввина. Немцы беспрестанно фотографировали эти ужасающие сцены, что было для Левина унижением. В конце концов Левин наблюдал, как один генерал застрелил молодого выжившего 19-летнего юношу и сообщил, что «операция завершена». Он имел в виду, что в тот день новых жертв в «Бригидки» больше не доставят. Украинские милиционеры разошлись по домам, однако гестаповцы продолжали измываться над евреями, некоторые ходили и

⁴⁶ Musial B. Bilder einer Ausstellung: Kritische Anmerkungen zur Wanderausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944» // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1999. Vol. 47. № 4. P. 581.

⁴⁷ О том, каким образом различать жертв НКВД и жертв «тюремных работ», см.: Boll B. *Łódź 1941: The Wehrmacht and the Beginning of the Holocaust in Galicia. From a Criticism of Photographs to a Revision of the Past* // *Crimes of War: Guilt and Denial in the Twentieth Century* / Ed. O. Bartov, A. Grossmann, M. Nolan. N.Y., 2002. P. 61-99, 275-283.

⁴⁸ Дневник Гольда хранится в «TeKa Lwowska». Рукопись № 1. Архивы Яд Вашем. Т-32/50. P. 4.

⁴⁹ АЖИИ. 301/2299. Herman Katz. 1.

выстрелами добывали раненых. Затем, пишет Левин, прибыли «солдаты Украинского Бандеровского легиона» (т.е. Батальона «Нахтигаль», который будет рассмотрен ниже) и избиение возобновилось с новой силой. Около девяти часов вечера выживших пинками и ударами погнали прочь с территории «Бригидок», при этом приказав вернуться для продолжения работ к четырем утра. «Из двух тысяч людей в живых осталось едва ли восемьдесят», только из дома Левина забрали тридцать человек, но вернулись лишь трое⁵⁰.

Люся Хорнштайн жила неподалеку от «Бригидок», окна ее дома выходили на задний двор тюрьмы, а потому ее семья наблюдала за происходившим. 1 июля Люся и ее мать видели немцев и украинцев в униформе на территории тюрьмы. Они также слышали вопли расстреливаемых евреев, однако не видели жертв со своего дома. Выстрелы и крики доносились весь день. Брата и отца Люси привлекли к работам по эксгумации тел в «Бригидках». Когда отец вернулся вечером домой, выглядел он ужасающе и постоянно прятался в ванной или какой-нибудь комнатухе. Оттуда он наблюдал, как приводили все новых и новых евреев. Вначале людей привели, чтобы они доставали тела, однако, когда стало ясно, что в таком количестве рабочей силы нет надобности, их отвели за угол и расстреляли. Люся осознала, что среди убитых был и ее брат⁵¹.

Тамара Браницкая подробно описала опыт пребывания в тюрьме на Лонцкого. Когда она туда попала, то увидела еврейских женщин, детей и стариков, стоящих в углу подле стены. На другой стороне дворика лежали горы трупов, которые перебирали мужчины-евреи. Им приходилось переносить тела с места на место. Во дворе стояли служащие СС и Гестапо. Тамару, ее мать и сестер продержали во дворе около часа, хотя для них ожидание тянулось мучительно долго. В конце концов, ее мать собралась с духом, подошла к одному офицеру и спросила по-немецки, что с ними собираются сделать. Он ответил: «Поставим под стенкой и расстреляем». Однако несколько позже пришел высокопоставленный офицер Гестапо и приказал женщинам и детям разойтись по домам. По дороге домой люди на тротуарах бросали в них камни. Когда стараясь защитить сестру Тамары мать протянула руку, в нее попал камень – и из раны хлестнула кровь. Тем не менее, им удалось добраться домой⁵².

Матильда Вышинска и ее семья также оказались на Лонцкого. Вначале забрали ее отца. Спустя полтора дня его принесли домой в бессознательном состоянии. От него несло трупным запахом. Он долгое время пролежал без сознания, и только нервное дрожание и крики свидетельствовали, что он был жив. Затем забрали ее приемную мать и саму Матильду. От гибели их спас украинский мили-

⁵⁰ Lewin K. *Przeżyłem: Saga Świętego Jura* spisana w roku 1946 przez syna rabina Lwowa. Warszawa, 2006. P. 58-63.

⁵¹ Shoah Foundation. 14797 Lusja «Lisa» Hornstein. 14.

⁵² Shoah Foundation. 51593 Tamara Branitsky. 53-57.

ционер, который оказался братом одного школьного приятеля⁵³. Итак, те, кто мог причинить вред, могли также и спасти.

Согласно одному еврейскому источнику, конец насилию толпы на Лонцкого положил немецкий офицер. Немецкий сержант пытался защитить еврейских работников, в то время как толпа на крышах требовала их смерти. Собравшиеся успокоились лишь тогда, когда вмешался немецкий офицер, с возмущением выкрикнувший «мы же, в конце концов, не большевики»⁵⁴. По словам одного еврея, привлеченного к работам в тюрьме на ул. Замарстыновской, там расположили пулемет – и евреев несколько раз заставляли выстроиться перед стенкой, однако каждый раз высокопоставленные представители Гестапо предотвращали казнь⁵⁵. Вермахт даже подавил погром вечером 1-го июля, хотя отдельные вспышки насилия случались на протяжении нескольких последующих дней.

Независимыми от погрома как такового были систематические убийства евреев, совершенные в последующие несколько дней немцами, вероятно согласно прямому приказу Гитлера⁵⁶. Эти убийства отличались от собственно погрома, поскольку в них не была вовлечена толпа, а проводила операцию немецкая айнзацгруппа С при содействии украинской милиции правительства Стецька. 3 июля 1941 служащий айнзацгруппы Феликс Ландау записал в своем дневнике, что он принимал участие в убийстве пятисот «безоружных человек – пусть и всецело евреев»⁵⁷.

Эдварда Спайсера схватили во время облавы на евреев для казни. Ниже приводится его несколько отредактированное и сжатое свидетельство: «[Через несколько дней после погрома] неподалеку от моего дома меня задержала и отвела на близлежащую железнодорожную станцию группа украинцев. Вначале нас всю дорогу избивали, потом сталкивали со ступенек, так, что мы лежали друг на друге кучей, высотой человек в пять-шесть. Так мы пролежали около часа, затем нам приказали подняться по ступенькам, выстроили в шеренгу и снова избивали. После этого нас погнали в [...] огромное место, думаю, это была хоккейная площадка. Нас заставили лечь лицом на землю. Кто-то пнул меня в голову. Мы пролежали всю ночь, а если кто-то шевелился, его убивали ударами приклада. Там лежали только мужчины. Следующий день выдался очень жарким, однако нам совсем не давали воды. Что-нибудь поесть – даже не думайте. Потом они начали делить нас на группы, якобы для работы. Они сформировали группу их сорока человек и построили их в шеренгу. Как мы им завидовали, ведь думали, что они идут работать. Тем временем случилось нечто ужасающее: немцы начали избивать тех людей прикладами, украинские гражданские собирались отовсюду, чтобы помочь немцам нас бить. Они использовали тяжелые деревянные палки наподобие бейс-

⁵³ Shoah Foundation. 22876 Matylda Wyszynska. 36-39.

⁵⁴ Дневник Гольда. Р. 4.

⁵⁵ АЖИИ. 301/2242. Zygmunt Tune. 1.

⁵⁶ Musial. «Konterrevolutionäre Elemente sind zu erschießen». Р. 252-253.

⁵⁷ Musial. «Konterrevolutionäre Elemente sind zu erschießen». Р. 255.

больных бит. Потом людей увозили прочь на грузовиках. Ночь мы провели так же, как и предыдущую – лицом вниз. Поутру опять приехали грузовики. Некоторые украинцы приходили с лопатами и другими подобными инструментами. Я даже представить себе не мог, что люди могут так поступать с себе подобными, никогда не видел таких зверств. На следующий день людей снова увозили на грузовиках. Я попытался забраться в один из них, но немецкий офицер СС схватил меня за шею и не позволил уехать. Когда он отвернулся, я еще раз попытался улизнуть, но он снова мне помешал. Я же не понимал, что всех тех, [кого увозили на грузовиках] расстреляли, а украинцы копали траншеи. По моему разумению, убили больше двух тысяч заложников [...]. Как мне удалось сбежать? Они просто перестали увозить людей, а один из охранников сообщил нам, что вскоре нас отпустят. Но, добавил он, вам надо еще немного с нами позабавиться – вы должны вставать и падать. Auf, lauf, hinlegen. Auf, lauf, hinlegen⁵⁸. Потом я увидел неслетное количество украинцев, гражданских, они заставили нас бегать по кругу, а каждый немец и украинец избивал евреев, так что многие из них – я это видел – лежали то ли мертвые, то ли в бессознательном состоянии. Мне повезло, я увидел немца с небольшой палкой и бегал вокруг него, он меня бил, но особой боли я не чувствовал. В такие моменты ты как бы онемеваешь. А потом нас отпустили. Мне было 22 года. Понемногу, преодолевая боль, я вернулся домой»⁵⁹.

Помогавшие немцам в этих казнях украинцы были, впрочем, не гражданскими, а милиционерами, лишь незначительная часть которых носила униформу. По состоянию на 2-е июля 1941 г. украинская милиция Львова было переподчинена немецкой СС. Согласно профессору Гансу Иоахиму Байеру, который занимал высокую должность в Службе Безопасности и был тесно вовлечен в организацию зверств против поляков и евреев, милиции были предписаны «функции обеспечения порядка в городе»⁶⁰. Украинский деятель Кость Паньківський, проведший много времени с Байером⁶¹, также вспоминает, что милиция Львова была подчинена СС 2-го июля и что «немцы незамедлительно начали использовать милицию в своих собственных целях, особенно в том, что можно охарактеризо-

⁵⁸ Польский автор воспоминаний также вспоминает, что проходя в этой части Львова, ему довелось видеть, как группу евреев заставляют вставать и падать: Kryński S. Kartki ze wspomnień. 20: <http://www.lwow.home.pl/weigl/krynski.html>.

⁵⁹ Shoah Foundation. 12729 Edward Spicer. 18-26. Весьма похожую историю, хотя и датированную 10-м июля, можно найти в: AŽIH. 301/1864. Salomon Goldman. 1–5. Еще одна похожая история: AŽIH, 302/26. Lejb Wieliczker. 4–12; более поздняя версия: Wiliczker Wells L. The Janowska Road. N.Y., 1963. P. 36-43.

⁶⁰ Українське державотворення. Акт 30 червня 1931 // Збірник документів і матеріалів / Під ред. О. Дзюбана. Львів, К., 2001. С. 153. Этот документ является репринтом: Події на західноукраїнських землях (інтерв'ю з доцентом др. Г.І.Байером) // Краківські вісті. 6 липня 1941. О Байере см.: Roth K.H. Heydrichs Professor: Historiographie des «Volkstums» und der Massenvernichtungen: Der Fall Hans Joachim Beyer // Geschichtsschreibung als Legitimationswissenschaft 1918–1945 / Ed. P. Schöttler. Frankfurt am Main, 1997. P. 262-342.

⁶¹ Паньківський К. Від держави до комітету. С. 38, 48, 64-68.

вать как антиеврейские вопросы»⁶². Подробные показания одного выжившего еврея также указывают на задействованных в событиях украинцев как на служащих милиции⁶³. Ну даже если милиция и пребывала под командованием айнзацгруппы, Стецько считал ее силой на службе украинского правительства⁶⁴.

Согласно подсчетам Львовского юденрата, около 2 тыс. евреев исчезли вследствие погрома и казней первых чисел июля 1941-го г.⁶⁵, однако доклад внутренней немецкой разведки от 16-го июля сообщает, что на тот момент «полиция задержала и расстреляла около 7 тыс. евреев»⁶⁶. Точный подсчет жертв массовых убийств зачастую весьма сложен. В этом конкретном случае можно допустить, что юденрат привел заниженное количество жертв, поскольку принимал во внимание только тех евреев, которые точно исчезли – они могли кого-то пропустить. С другой стороны, немецкие служащие могли намеренно преувеличивать число жертв, чтобы засвидетельствовать таким образом, как рьяно они исполняли свой долг. Так или иначе, но несомненным остается тот факт, что в начале июля во Львове погибли тысячи евреев.

Действующие лица: украинские националисты

Томаш Шарота в своем исследовании погромов, совершенных под нацистской оккупацией, выявил характерный для немцев образ действия: они всегда сотрудничали с некой местной организованной группой, способной возглавить каждый инцидент. Согласно наблюдению Дитера Поля, «не следует недооценивать проблем практического характера, с которыми сталкивались служащие СС, когда они входили в западноукраинские города: население, топография и, конечно же, язык были им неведомы. Соответственно, они всецело зависели от переводчиков, местных управленцев или милиции, возникшей в июне 1941 г.»⁶⁷. Действуя по принципу, названному Юргеном Маттэусом «негласное разделение труда», местные действующие лица помогали идентифицировать и преследовать евреев, равно как и осуществлять погромы⁶⁸.

В 1941 г. во Львове естественным кандидатом для подобного партнерства была Организация украинских националистов (ОУН), тесно сотрудничавшая с

⁶² Паньківський К. Роки німецької окупації. Нью-Йорк і Торонто, 1965. С. 401.

⁶³ АЖИИ. 302/26. Lejb Wieliczker. 4-12; Wiliczker Wells L. The Janowska Road. P. 36.

⁶⁴ Стецько Я. 30 червня 1941. Проголошення відновлення державності України. Торонто, 1967. С. 256.

⁶⁵ Gerstenfeld-Maltiel J. My Private War: One Man's Struggle to Survive the Soviets and the Nazis. L., 1993. P. 54.

⁶⁶ Yones E. Smoke in the Sand: The Jews of Lvov in the War Years 1939–1944. Jerusalem, N.Y., 2004. P. 83.

⁶⁷ Pohl. Anti-Jewish Pogroms. P. 308.

⁶⁸ Matthäus. Operation Barbarossa and the Onset of the Holocaust. P. 268.

немцами ранее и рассматривающая национальный социализм как модель для подражания. 2-го мая 1939 г. Андрей Мельник заверил министра иностранных дел Германии Иоахима фон Риббентропа, что его организация «по своему мировоззрению соответствовала схожим движениям в Европе, особенно национал-социализму в Германии и фашизму в Италии»⁶⁹. Кость Паньківський, сам сотрудничавший с немцами и даже высказывавший замечания ОУН, когда организация погоя, в 1941 г., порвала с немцами, определял членов ОУН как «людей годами поддерживающих связи с немцами, идеологически родственных фашизму и нацизму, в речах, прессе и поступках, исповедовавших тоталитаризм и ориентировавшихся на Берлин и Рим»⁷⁰.

Погром во Львове застал ОУН в состоянии междоусобной борьбы. В самом городе контроль над националистическим движением взяла группировка Степана Бандеры, ОУН(б). Именно она провозгласила создание Украинского государства 30 июня 1941 г. Украинское правительство возглавил видный соратник Бандеры и ярый антисемит Ярослав Стецько. Весной 1939 г. он издал в украинской националистической газете *Новый путь* (печаталась в Канаде) статью, в которой излагал свою точку зрения о евреях. Главный посыл статьи Стецька был кратко изложен Орестом Мартыновичем следующим образом: «[...] Стецько [...] утверждал, что евреи были "кочевниками и паразитами", народом "мошенников, материалистов и эгоистов", "начисто лишенных героизма и идеалов, способных побудить их к самопожертвованию". Евреев интересовали исключительно "личная нажива", "удовлетворение низменных инстинктов" и они целенаправленно стремились к "разложению героической культуры воинствующих народов". Стецько пришел к выводу, будто украинцы "первыми в Европе осознали разлагающее влияние еврейства", а посему постарались отмежеваться от евреев много веков назад, сохранив таким образом "духовную и культурную чистоту". В своей статье Стецько также утверждает, что еврейские капиталисты и еврейские коммунисты тесно сотрудничали для продвижения еврейских интересов, пребывая, таким образом, во главе международного заговора»⁷¹.

В автобиографии Стецька, написанной двумя неделями после провозглашения Украинского государства и обращенной к немцам (которые Стецька со временем арестовали), можно найти такой отрывок: «В моем понимании марксизм является плодом жидовского разума, который, впрочем, воплощался и воплощается при содействии жидов в московской тюрьме народов московско-азиатской людностью. Москва и жида – се есть носитель разлагающих интернациональных идей большевизма и главные враги Украины. Считаю главным и *решающим* недругом

⁶⁹ Auswärtiges Amt. Politisches Archiv. AA, R 104430. Po. 26. №. 1m Pol. V. 4784, F. 2. Этот источник предоставил мне Рэй Брэндон.

⁷⁰ Паньківський. Роки німецької окупації. С. 13.

⁷¹ Martynowych O. Sympathy for the Devil: The Attitude of Ukrainian War Veterans in Canada to Nazi Germany and the Jews, 1933–1939 // Re-imagining Ukrainian Canadians: History, Politics, and Identity / Ed. R.L. Hinther, J. Mochoruk. Toronto, 2011. P. 189–190.

не жидов, а Москву, ведь именно она пленила Украину, я, тем не менее, всецело осознаю несомненно тлетворное и враждебное влияние жидов, способствующих порабощению Украины. А посему стою я на позиции необходимости истребления жидов и перенесения в Украину немецких методов их уничтожения, которые не подразумевают ассимиляции жидов и прочего»⁷².

Провозглашение Стецьком украинской государственности – называемое украинскими националистами «Актом восстановления Украинского Государства от 30 июня 1941 г.» – не говорило ничего особого о евреях, однако недвусмысленно задекларировало близость с национал-социалистической Германией: «По воле украинского народа, Организация Украинских Националистов под руководством Степана Бандеры провозглашает восстановления Украинского Государства, ради которого сложили головы несколько поколений наилучших сынов Украины. [...] Возрожденное Украинское Государство будет тесно сотрудничать с Национал-Социалистической Великой Германией, которая под руководством Адольфа Гитлера кует в Европе и мире новый порядок и помогает украинскому народу высвободиться из-под московской оккупации. [...] Да здравствует Суверенное Соборное Украинское Государство, да здравствует Организация Украинских Националистов, да здравствует Вождь Организации Украинских Националистов Степан Бандера!»⁷³.

Немцы не признали этого государства и мирились с его провозглашением всего несколько дней. Они арестовали большинство националистических руководителей, в том числе – Стецька и Бандеру⁷⁴. Националисты надеялись, что немцы передумают, и ОУН(б) организовала череду встреч по всей Галиции с просьбами к немцам признать украинскую государственность и освободить националистическое руководство. Во время этих встреч они подчеркивали, что восстановленная Украина должна занять свое место среди фашистских государств новой Европы⁷⁵.

ОУН(б) весьма четко изложила свою программу «Украины для украинцев», собственно это словосочетание было заголовком плаката, который члены ОУН

⁷² Berkhoff K., Carynnyk M. The Organization of Ukrainian Nationalists and Its Attitude Toward Germans and Jews: Iaroslav Stets'ko's 1941 Zhyttiepys // Harvard Ukrainian Studies. 1999. Vol. 23. №№ 3-4. P. 170-171. Выделено в оригинале. Неубедительные сомнения в подлинности этого жизнеописания выразил Тарас Гунчак (см.: Hunczak T. Problems of Historiography: History and Its Sources // Harvard Ukrainian Studies. 2001. Vol. 25. №№ 1-2. P. 129-142). Опровержение этого взгляда см.: Курило Т., Химка І.-П. Як ОУН ставилася до євреїв? Роздуми над книжкою Володимира В'ятровича // Україна Модерна. 2008. № 13. С. 253. К приведенным там аргументам можно также добавить и то, что сравнение фразеологии двух текстов (ср.: Стецько Я. [Зиновій Карбович]. Жидівство і ми // Новий шлях. 8 травня 1939) подтверждает их принадлежность перу одного автора.

⁷³ Українське державотворення. С. 173.

⁷⁴ Armstrong J. Ukrainian Nationalism. Littleton, 1980. P. 77-84.

⁷⁵ Rossoliński-Liebe G. The «Ukrainian National Revolution» of 1941: Discourse and Practice of a Fascist Movement // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2011. Vol. 12. № 1. P. 83-114.

развешивали по всему Львову 30 июня⁷⁶. ОУН начала разрабатывать план этнической чистки, как только осознала вероятность нападения Германии на Советский Союз. Уже в мае 1941 г., рассматривая вероятные шаги после немецкого вторжения, ОУН(б) отдала своим ополченцам распоряжение очистить территории от враждебных элементов: «В период хаоса и смятения позволительно ликвидировать нежелательных польских, русских и еврейских деятелей, особенно – приспешников большевистского русского империализма»⁷⁷. В инструкциях сохранился специальный раздел, посвященный «политике в отношении меньшинств». Национальные меньшинства, «стоящие на враждебных к нам позициях, а именно – русские, поляки, евреи» подлежат «истреблению в ходе боевых действий»⁷⁸. Возглавляющий подполье ОУН Иван Климов (Легенда) еще до начала немецко-советской войны подготовил листовки, которые раздавали или развешивали в общественных местах Львова в день погрома. Одна из них сообщала о создании революционных трибуналов, которые должны были карать противников украинского движения, применяя принцип «коллективной (родовой и национальной) ответственности за любой проступок против Укр. Государства, Укр. Армии или же ОУН»⁷⁹. Другая взывала: «Знай! Москва, Польша, мадьяры, жида – се Твои враги! Изничтожай их!»⁸⁰.

Более того, бандеровцы верили, будто именно евреи составляли основную массу приспешников коммунистов и что они несли особую ответственность за репрессии украинцев. Распоряжения от мая 1941 г. предписывали пропагандистам ОУН, которые должны были работать с Красной армией, делать упор на еврейской природе коммунизма: «Марксизм – это еврейский вымысел» и «главными врагами народа являются сталинские и еврейские комиссары!»⁸¹. Отождествление евреев и большевиков породило особенно взрывоопасную ситуацию летом 1941 г. ввиду свершенного НКВД массового истребления политзаключенных.

У ОУН имелись не только побуждающие мотивы, но и средства для воплощения насилия против евреев. Некоторое время в организации погрома обвиняли особое подразделение ОУН(б) – пребывавший на немецкой службе украинский националистический батальон «Нахтигаль». Однако такая версия произошедшего оказалась советской фальсификацией, направленной на дискредитацию правительства Конрада Аденауэра в Федеративной Республике Германии. В 1959-

⁷⁶ Український культурний та освітній центр «Осередок». Ф. 40-15; Наконечний Є. «Шоа» у Львові. Львів, 2006. С. 118.

⁷⁷ Патриляк. Військова діяльність ОУН(б). С. 468; Carynnyk M. Foes of Our Rebirth: Ukrainian Nationalist Discussions about Jews, 1929-1947 // Nationalities Papers. 2011. Vol. 39. № 3. P. 330.

⁷⁸ Патриляк І. Військова діяльність ОУН(б). С. 323; Carynnyk. Foes of Our Rebirth. P. 330.

⁷⁹ Українське державотворення. С. 179 ; Carynnyk. Foes of Our Rebirth. P. 330.

⁸⁰ Українське державотворення. С. 179. Этот же документ, однако с неверно приведенной датировкой, есть в: ОУН в 1941 р.: документи, у двох частинах / Під. ред. О. Веселова та ін. Київ, 2006; Carynnyk. Foes of Our Rebirth. P. 330.

⁸¹ ОУН в 1941 р.: документи, у двох частинах. С. 566-568; Carynnyk. Foes of Our Rebirth. P. 332.

1960 г. Теодор Оберлендэр, министр в правительстве Аденауэра, был заочно судим в ГДР за то, что он играл роль немецкого связного с батальоном «Нахтигаль». Суд ГДР признал Оберлендэра виновным в пособничестве погрому. Однако после рассмотрения доказательств суд ФРГ нашел в их составе советские фальсификации, а потому оправдал и Оберлендэра, и «Нахтигаль» (как военное подразделение). Иван Патрыляк, специалист по истории ООН, известный своими симпатиями к организации, подвергнул подробному рассмотрению основные вопросы⁸².

Сильным доводом, который опровергает основоположную роль «Нахтигаля» в погроме, является доказательство от молчания: играй «Нахтигаль» существенную роль, о ней несомненно упоминали бы в отчетах о преследованиях и уничтожении львовских евреев, предшествующих 1959 г., например, в работах Филиппа Фридмана⁸³, Элайху Йонеса⁸⁴ и Тадеуша Задерецкого. В начале февраля 2008 г. Служба Безопасности Украины обнародовала документы КГБ, детально описывающие, каким образом совершалась фальсификация этого дела⁸⁵. «Нахтигаль» действительно был задействован в последующем уничтожении евреев во время марша на Винницу⁸⁶, однако, как военное подразделение он, судя по всему, во Львовском погроме участие не принимал. Тем не менее, есть несколько свидетельств, предоставленных до 1959 г. – когда произошел всплеск систематических фальсификаций, – которые показывают, что отдельные члены «Нахтигаля» участвовали в погроме⁸⁷. Возможно, что в этих нескольких случаях действительно были задействованы представители батальона, однако не менее вероятно и то, что их попросту неправильно опознали. Дело в том, что у «Нахтигаля» не было собственных знаков отличия, которые бы позволили отличить батальон от других немецких подразделений, а потому опознание могло быть совершено по признаку речи, используемой солдатами в немецкой униформе. Немцы сообщали о чрезвычайном антисемитизме своих украинских переводчиков, полагавших, что было целесообразно убить всех евреев⁸⁸, а потому вероятно, что погромщиками

⁸² Патрыляк. Військова діяльність ООН(б). С. 321-368.

⁸³ Friedman F. Zagłada Żydów lwowskich w okresie okupacji niemieckiej. Munich, 1947; Friedman Ph. Ukrainian-Jewish Relations During the Nazi Occupation // idem. Roads to Extinction: Essays on the Holocaust / Ed. A.J. Friedman. N.Y., 1980. P. 176-208.

⁸⁴ Текст Йонеса был написан в 50-х годах.

⁸⁵ У Службі безпеки України відбулись Громадські історичні слухання «Звинувачення проти «Нахтігально» - історична правда чи політичні технології». Прес-реліз Служби безпеки України. 6 лютого 2008 року: http://www.ssu.gov.ua/sbu/control/uk/publish/article?art_id=74369&cat_id=74549; Як творилася легенда про «Нахтігаль» // Дзеркало тижня. 16 лютого 2008, текст доступен на сайті Служби Безпеки України: http://www.ssu.gov.ua/sbu/control/uk/publish/article?art_id=74855&cat_id=74589.

⁸⁶ Патрыляк. Військова діяльність ООН(б). С. 362.

⁸⁷ Зыгмунта Тунэ забрали в тюрьму на ул. Замарстыновской, где его избили в том числе и «члены стоявшего у ворот Украинского легиона»: АЖИИ. 301/2242. Zygmunt Tune. 1. Курт Левин также вспоминает, что видел членов «Нахтигаля» в «Бригидках» (см. выше).

⁸⁸ ВА-МА. Anlagen zu der Denkschrift «Kriegsverbrechen der russischen Wehrmacht 1941». Teil II. Nr. 91–172). RW 2/148. F. 379.

были не представители «Нахтигалья», а переводчики, которых таким образом «вознаграждали» за их службу.

На данный момент большинство исследователей склоняется к мысли, что погром возглавила милиция, созданная правительством ОУН 30 июня 1941⁸⁹. Более того, ветеран «Нахтигалья» Мирослав Кальба, доказывая непричастность своего подразделения к погрому, сослался на приказ, якобы отданный командиром батальона Романом Шухевичем: «Против врагов наших, поляков или жидов, не допускайте ни малейших проявлений мести или преступлений, ибо не должно нам заниматься этим делом». Как полагает Патрыляк, если такой приказ действительно существовал, то Шухевич имел ввиду, что «Нахтигаль» должен стать одной из ячеек украинской армии, призванной бороться на фронте, тогда как уничтожение врагов среди гражданского населения было ответственностью иных, а именно «немецких спецгрупп, бандеровской Службы безопасности и т.п.»⁹⁰.

Одной из составляющих долгосрочного плана ОУН по милитаризации националистического движения и подготовке национального восстания под предводительством собственных вышколенных кадров была Украинская Народная Милиция. В марте 1940 г. ОУН(б) предписала формирование «военной секции» при каждой ячейке ОУН во всех селах. Подробные инструкции для подразделений, обозначенных как милиция, были написаны в мае 1941 г. и они выступали одним из элементов подготовки ОУН к войне. Хотя милиция задумывалось в качестве централизованной структуры, достичь этого на практике не удалось⁹¹.

Первое упоминание отряда украинской милиции относится к 25-му июня 1941 г.: походная группа ОУН сопровождала немцев при их продвижении из Кракова на Галицию; в окрестностях села Млыны (расположено в современной Польше) «один еврей» застрелил – согласно телеграмме, посланной Стецьком Бандере, – немецкого солдата и его коня, но в ответ немцы убили «двух сознательных националистов». Позже в тот же день «евреи» убили еще двух немецких военнослужащих. «Жиды» – пишет Стецько – «сознательно провоцируют, говорят, что нет им жизни, а посему хотят изничтожить наших людей и наше население». Он сообщает Бандере: «Создаем милицию, которая поможет устранять жидов и охранять население»⁹². Судя по всему, речь шла о сугубо местной милиции.

Полномасштабное формирование милиции во Львове началось утром 30-го июня 1941 г. В своих воспоминаниях Стецько записал, что создание милиции было доверено Ивану Равлыку⁹³, сопровождавшему его в составе походной группы ОУН из Кракова. Однако из иных воспоминаний можно заключить, что

⁸⁹ Напр.: «Представители ОУН сформировали местную милицию, обратившуюся против еврейского населения. Украинские милиционеры и гражданские лица преследовали евреев, забирали в тюрьмы, принуждали эксгумировать тела, унижали и в конце концов убивали их». Mick. *Incompatible Experiences: Poles, Ukrainians and Jews*. P. 348.

⁹⁰ Патрыляк. *Військова діяльність ОУН(б)*. С. 333-334.

⁹¹ Патрыляк. *Військова діяльність ОУН(б)*. С. 104, 108-109, 112-113, 396, 525-563.

⁹² *Українське державотворення*. С. 76-77.

⁹³ Стецько. 30 червня 1941. С. 181-182.

определенную роль в назначении руководства милиции сыграл и командир «Нахтигалья» Роман Шухевич⁹⁴. В сущности, милиция набирала людей на холме Святого Юра – как раз там, где был расположен лагерь «Нахтигалья»⁹⁵.

Воспоминания украинского деятеля Дмитрия Гонты от 1947 г. указывают, что движение Бандеры начало создавать милицию во Львове в полуконспиративной манере. Гонта сообщает, что большинство добровольцев были студентами. Им выдали повязки в национальных цветах, которые необходимо было носить на левой руке. Поскольку Гонта служил в армии двадцатью годами ранее, он считал, что его опыт может оказаться полезен, – и также попытался записаться в добровольцы, однако понял, что его участие не приветствуется. Вначале, молодой крестьянин сообщил, что «мы тут всем заправляем», но не потрудился объяснить, кем были эти «мы». Затем некие несомненно ответственные лица посоветовали ему заняться чем-то иным, ведь в милиции должны были служить люди помоложе. Он снял свою повязку и позднее в тот же день послужил украинскому движению, печатая националистические листовки⁹⁶.

Два человека, сыгравшие важнейшую роль в львовской милиции, едва пережили массовую расправу в тюрьме НКВД. Одним из них был Богдан Казанивський, получивший поручение от Шухевича назначить командира милиции Львова, а вторым – Емельян Матла, который, собственно, и занял пост по распоряжению Казанивського⁹⁷. Определенное представление об образе мышления этих людей можно составить по их свидетельским показаниям, приведенным немецкой комиссией по расследованию убийств НКВД во Львове. Матла содержался под стражей в тюрьме на ул. Замарстыновской и в «Бригидках». В «Бригидках» он подвергся особенно жестокому обращению: ему кулаком выбили четыре зуба и избили все тело резиновой палкой так, что из-за частых побоев он мочился кровью даже после освобождения. Обычно при допросе его «обрабатывали» два человека: они узнавали, что именно причиняет ему наибольшие страдания и повторяли это снова и снова. Часто они наносили ему кулачные удары одновременно в лицо и пинали в пах. После начала немецко-советской войны НКВД устроил резню. По словам Матлы, большинство злодеев были евреями⁹⁸.

Второй выживший, Казанивський, сообщил, что его до беспамятства избивали тупой стороной кавалерийской шашки, затем кулаками и оружейной амуницией одновременно пятеро служащих НКВД. Также дни напролет ему не давали ни пищи, ни воды. Он рассказал об отвратительных санитарных условиях в отделе-

⁹⁴ Казанівський Б. Шляхом легенди. Спомини. Л., 1975. С. 212-213.

⁹⁵ Казанівський. Шляхом легенди. С. 212; Український культурний та освітній центр «Осередок». Ф. 40-13.

⁹⁶ Український культурний та освітній центр «Осередок». Ф. 40-13 – 40-14; эта часть воспоминаний была ранее опубликована: Химка. Достовірність свідчення. С. 64, сн. 27.

⁹⁷ Казанівський. Шляхом легенди. С. 212-214.

⁹⁸ ВА-МА. Anlagen zu der Denkschrift «Kriegsverbrechen der russischen Wehrmacht 1941». Teil II. Nr. 91–172). RW 2/148. Ff. 342-344. Выражаю благодарность Каю Струве, предоставившему мне копию этого материала.

нии предварительного задержания, которым служили конюшни, где пленников заставляли испражняться, не снимая штаны. В тюрьме НКВД г. Сокаль его отвели в каземат, положили на стол и истязали, в том числе пытая его водой. Ему удалось сбежать из «Бригидок» до начала убийств⁹⁹. Казанивському, впрочем, не было чего сообщить о роли евреев в этих вопиющих актах. И хотя его описания жутких условий в советских тюрьмах и допросов могут показаться преувеличением, они не особо противоречат тому, что нам известно о сталинистских методах ведения допросов¹⁰⁰. Опыт пребывания в этих тюрьмах несомненно породил сильный гнев.

Таким образом, созданная 30 июня 1941 г. милиция комплектовалась главным образом из двух источников – активистов ОУН, прибывших во Львов и Кракова, и членов ОУН, уже пребывавших во Львове, которые записывались на холме Святого Юра. Третьей составляющей стали бывшие украинские служащие советской милиции – небольшое количество служащих Украинской Народной Милиции носило темно-синюю униформу, вероятно приобретенную за время службы в советской милиции¹⁰¹. Переживший погром Леопольд Иванир опознал некоторых ополченцев: «Это были те самые украинцы, которые служили в советской милиции, они заменили звезды на фуражках трезубцами. Мы их знали, ведь они патрулировали в нашем районе»¹⁰². Советский милиционер мог переметнуться на другую сторону, поскольку – как заметил Тимоти Снайдер – «иногда люди принимали участие в немецких антисемитских мероприятиях, чтобы в глазах новых властей дистанцироваться от той роли, которую они играли в советской администрации»¹⁰³. Другим возможным объяснением может быть тот факт, что эти люди уже принадлежали к ОУН и проникли в ряды советской милиции для приобретения опыта службы в органах правопорядка¹⁰⁴. Как бы там ни было, ОУН высоко ценила профессиональные навыки и приветствовала помощь прошедших обучение сотрудников правоохранительных органов.

В своих воспоминаниях, опубликованных 26 лет спустя, Стецько всецело отрицает возможность участия милиции, созданной его правительством, в антиев-

⁹⁹ BA-MA. Anlagen zu der Denkschrift «Kriegsverbrechen der russischen Wehrmacht 1941». Teil II. Nr. 91–172). RW 2/148. Ff. 355–360.

¹⁰⁰ О подобных практиках см.: Musial. «Konterrevolutionäre Elemente sind zu erschießen». P. 91; Chodakiewicz M.J. The Dialectics of Pain: The Interrogation Methods of the Communist Secret Police in Poland, 1944–1955 // Glaukopis. 2004–2005. №№ 2–3. P. 1–54.

¹⁰¹ Oberstaatsanwalt Bonn. 8 Js 344/59. Verfahren gegen Oberländer und das Bataillon «Nachtigall», цит. в: Plum G. [Доклад об участии ОУН в погромах 1941 г.] Munich, 1965. P. 17; машинопись в архивах Николая Лебеда, Harvard Ukrainian Research Institute. Я. 1. Ф. 3. Автор воспоминаний видел двух ополченцев в униформе подле каждой стороны ворот тюрьмы на Лонцкого во время погрома во Львове: Kessler E. Przeżył Holokaust we Lwowie. Warszawa, 2007. P. 38.

¹⁰² Shoah Foundation. 48148. 45–47.

¹⁰³ Snyder T. What We Need to Know About the Holocaust // New York Review of Books. 30 September 2010. P. 81.

¹⁰⁴ Во время первого периода советской власти на Буковине (1940–1941) ОУН распорядилась, чтобы ее новобранцы вливались в ряды советской милиции: Фостій І. Діяльність ОУН на Буковині у 1940–1941. С. 6. <http://www.sbu.gov.ua/sbu/doccatalog%5Cdocument?id=42164>.

рейских акциях¹⁰⁵. Тем не менее, существует предостаточно доказательств обратного. Десятки показаний очевидцев распознали милиционеров как главных участников погрома. Например, Рышард Рынднер написал, что «украинские милиционеры хватали евреев прямо на улицах, свозили их в различные пункты сбора и безжалостно избивали»¹⁰⁶. Фелиция Хеллер вспоминала, что после прихода немцев «украинские националисты создали "украинскую милицию"», которая хватала евреев в их квартирах и отправляла на очистку улиц и тюремные работы¹⁰⁷. Люся Хорнштайн сообщила, что «украинцы – полиция, милиция, или чем они там были» – устраивали облавы на евреев и вламывались к ним в дома¹⁰⁸. Матильду Вышинськую, которую забрали на Лонцкого во время «тюремных работ», на месте освободил украинский милиционер, которого она лично знала¹⁰⁹.

Иногда очевидцы не указывали непосредственно на милицию, но упоминали желто-голубые повязки на левой руке, служившие милиционерам опознавательным знаком (за исключением тех случаев, когда они – как упоминалось выше – носили униформу). Янислав Корчыньский, например, видел «группу из украинцев с желто-голубыми повязками», которая вела около 70-ти евреев в тюрьму на ул. Замарстыновской¹¹⁰. Профессор Маурицы Аллерханд записал в дневнике в день погрома, что видел около двадцати украинцев, избивавших палками и кнутами евреев. «О том, что были они несомненно украинцами, явственно свидетельствовали не только желто-голубые повязки, но и проклятия, изрыгаемые ими против евреев на украинском языке»¹¹¹. Тамара Браницкая, которой было на момент событий 19 лет, видела, как украинские стражи, вооруженные винтовками и носящие желто-голубые повязки на предплечьях, вламывались в жилища. Они также ворвались и к ней, отвесили оплеуху матери, а ее саму с сестрами увезли в тюрьму на Лонцкого, где над ними измывались и избивали¹¹². Некто Гольд записал, что «мужчина с лентой в украинских цветах» потребовал его паспорт, убедился, что он был евреем, и отправил его на эксгумацию тел в «Бригидки»¹¹³. Существуют и иные схожие свидетельства¹¹⁴.

¹⁰⁵ Стецько. 30 червня 1941. С. 182, 246.

¹⁰⁶ Рынднер также утверждает, что раввин Иезекииль Левин просил митрополита Андрея Шептицкого вмешаться и не позволить «украинским властям и милиции» чинить насилие против евреев: АЖИИ. 301/18. 1.

¹⁰⁷ АЖИИ. 301/3510. Felicja Heller, 1.

¹⁰⁸ Shoah Foundation. 14797. 14.

¹⁰⁹ Shoah Foundation. 22876. 39.

¹¹⁰ АЖИИ. 301/1809. 1.

¹¹¹ АЖИИ. 229 [TeKa Lwowska]/22. 1 и 153. Его сын Лешек Аллерханд сообщил Фонду Шоа, что украинцы с желто-голубыми повязками задержали его и его семью на улице вскоре после прихода немцев. Их всех оплевали, избили, истоптали ногами и пинали неподалеку от римско-католического собора: Shoah Foundation. 27779 Leszek Allerhand, 54.

¹¹² Shoah Foundation. 51593 Tamara Branitsky, 49-50.

¹¹³ Дневник Гольда. С. 4.

¹¹⁴ Лилит Штерн вспоминала, что погромом руководили украинские милиционеры с желто-голубыми повязками на левой руке (АЖИИ. 301/1181. 2-3.). Соломон Гольдман дал показания,

Свидетели в судопроизводстве против предполагаемых украинских полицейских, которые эмигрировали в США и которым грозило лишение гражданства, указывали на украинских милиционеров, задействованных в совершении насилия во Львове в 1941 г. Один из свидетелей, Хаим Шломи, вспоминал, как евреев забирали из их жилищ: «[...] украинская милиция, которая первоначально все это организовала, состояла их людей в гражданском, без униформ, у них были одни лишь желто-голубые ленты – вот они-то и начали вывозить евреев из их домов и хватать их на улицах»¹¹⁵. Когда Авраама Гольдберга спросили, откуда он знает, что люди, арестовавшие его, принадлежали к украинской милиции, он ответил: «Они носили желто-голубые ленты, которые являлись украинскими символами. У них были винтовки и говорили они по-украински»¹¹⁶.

Подобные свидетельства невозможно просто отбросить в сторону не только из-за их большого числа, но и из-за того, что они были получены в разных местах и в разное время на протяжении более шестидесяти лет. Свидетельства очевидцев включают также сообщения выживших евреев, записанные Еврейской Исторической Комиссией в Польше непосредственно после войны¹¹⁷, и собранные по всему миру Фондом «Шоа» видео интервью 1990-2000-х годов¹¹⁸. Вдобавок к этим двум большим коллекциям существуют также другие еврейские воспоминания и свидетельства, написанные или записанные при различных обстоятельствах в разное время и в разных местах – и все они подтверждают, что украинские милиционеры сыграли ведущую роль в организации львовского погрома¹¹⁹. Есть также и польские свидетельства об участии украинской милиции¹²⁰. Украинские воспоминания, естественно, хранят молчание об участии милиции во львовском погроме.

Устные показания подтверждаются также и фотографическими уликами. Посвященный одной из эксгумаций и «тюремных работ» кинофильм запечатлел

что «в первые дни [оккупации] украинцы с милицейскими повязками на руках забрали евреев очищать тюрьмы на Лонского и ул. Замарстыновской» (AŻIH. 301/1864. 1.) Бронислав Гольцман свидетельствовал, что его жену избili полицейские с желто-голубыми повязками (Дюков. Второстепенный враг. С. 69).

¹¹⁵ USHMM RG-06.09.01*43. Ящик 45. Дело Георгия Теодоровича. 8 марта 1985. Р. 652. См. Также показания Йозефа Романского и Авраама Гольдберга, 6 марта 1985. Р. 515-517, 597-598.

¹¹⁶ Goldberg. Р. 598.

¹¹⁷ Также к приведенным показаниям см. другие собранные Комиссией свидетельства, которые показывают вовлеченность украинской милиции: AŻIH. 301/4654. Henryk Szyper. 11; AŻIH. 301/1160. Renata Braun. 1; AŻIH. 301/4626. Anna Maria Peiper. 1; Lewin K. Przeżyłem. Р. 59-60 (хоть и изданные значительно позже, показания Левина были предоставлены Комиссии в 1946 г.).

¹¹⁸ Вдобавок к приведенному, см. Shoah Foundation. 1339 Leon Berk. 42.

¹¹⁹ Дополнительные источники: Heiman L. They Saved Jews: Ukrainian Patriots Defied Nazis // Ukrainian Quarterly. 1961. Vol. 17. № 4. Р. 326; «Дневник» [по существу серия набросков, которые должны стать мемуарами] Й. Бермана в «TeKa Lwowska». Набросок 2. Архивы Яд Вашем. Т-32/50. 3; Gerstenfeld-Maltiel. My Private War... Р. 53-54, 162; Kessler. Przeżyć Holocaustu we Lwowie. Р. 34-37.

¹²⁰ Musial. «Konterrevolutionäre Elemente sind zu erschießen». Р. 176; Shoah Foundation. 28371 Jerzy Grzybowski. 25; Zaderecki. Gdy swastyka Lwowem władała. Р. 11; Rogowski. Lwów pod znakiem Swastyki. Р. 50.

милиционера с характерной повязкой, избивающего еврея¹²¹. На стоп-кадре из весьма поврежденного фильма видно милиционера в униформе, который тянет за волосы полуобнаженную женщину в тюрьме на ул. Замарстыновской. На другой фотографии отображено, как милиционер в униформе с нарукавной повязкой на левой руке принимает участие в аресте евреев на улицах Львова¹²². Наряду с этими фотографиям милиционеров в форме и с повязками (или же только с повязками) есть также опознания милиционеров в гражданском на ул. Замарстыновской, проведенные Джеффри Бурдсом¹²³.

Воспоминания и фотографии насилия над женщинами 1-го июля свидетельствуют, что злоумышленниками были преимущественно взрослые мужчины, однако также в насилии участие принимали и подростки, и даже дети. Например, 10-летняя еврейская девочка видела, как подле «Бригидок» 6-летние мальчики тягали женщин за волосы, а стариков – за бороды¹²⁴. Мария Гесьола вспоминает, что когда она и ее тетя пытались уговорить украинцев, ворвавшихся в их квартиру, не трогать ее дядю, 9-летний мальчуган вышел вперед и закончил обсуждение словами: «Пошел с нами, старый жидяра»¹²⁵. Несомненно, некоторые из этих детей присоединились к погрому, движимые жаждой приключений, однако другие были настоящими «воинами» национальной революции. Проведенный Шаротой сравнительный анализ погромов в оккупированной нацистами Европе показывает, что молодежь и даже детвору, участвовавших в погромах в других ме-

¹²¹ USHMM. Киноархив. Кассета 202В. История RG-60.0328. Временной код начала «тюремных работ» в этом фильме – 5:07:11; избивание милиционерами начинается в 5:08:18-24. Также существуют некоторые стоп-кадры (см. USHMM. Фотоархив. 23044 and 23094), однако ни на одном из них не видно, как милиционеры избивают людей. Сокращенная версия фильма озаглавлена «Lemberg 1941», она доступна на YouTube, однако это – отредактированная версия, которая концентрирует внимание зрителя преимущественно на убийствах, которые совершил НКВД, и она почти не уделяет внимание надругательствам над евреями. В частности, в полной версии из Мемориального музея Холокоста показано, как молодая женщина жестоко избивает еврея, а затем рыдает, пока немецкий солдат утешает ее. Однако на сокращенной версии, доступной на YouTube, показана только эта рыдающая женщина и утешающий ее солдат, однако не то, как она избивала человека. Лишь в одной из сцен фильма на YouTube есть избивание еврея, однако его совершают не милиционеры. См.: <http://www.youtube.com/watch?v=9dDONW2EU3Y>. И хотя в этом фильме заснят внешний вид тюрьмы «Бригидки», остается неясным, где были сняты кадры «тюремных работ» и эксгумации. (Я приношу благодарность Каю Струве, обратившему мое внимание на тот факт, что внутренняя съемка была, возможно, проведена в другой тюрьме.)

¹²² USHMM. Фотоархив. 21418. Я не уверен относительно конкретного месторасположения в городе. Яд Вашем установил, что фотография была сделана в первые дни немецкой оккупации Львова, однако по каким-то причинам датировал ее августом 1942 г. Фотография несомненно была сделана 30-го июня или же 1-го июля 1941 г. Ее репродукция приведена в: Yones E. Die Straße nach Lemberg: Zwangsarbeit und Widerstand in Ostgalizien 1941–1944. Frankfurt am Main, 1999. P. 23.

¹²³ Исследование Бурдса все еще не опубликовано. Он сопоставил фотографии погромщиков из Библиотеки Винера с идентификационными карточками украинских милиционеров. См.: Химка. Достовірність свідчення. С. 61, 63-64.

¹²⁴ Heschel. Oczyma dwunastoletniej dziewczyny. P. 19.

¹²⁵ Shoah Foundation. 29911 Maria Gesiola. 11.

стах, например, в Париже и Варшаве, обычно вербовали из праворадикальных молодежных группировок¹²⁶. В Западной Украине малолетними преступниками с наибольшей вероятностью становилась молодежь, связанная с движением Бандеры. На момент советского отступления из Галиции наиболее многочисленной и организованной из молодежных организаций оказалось «Юношество» ОУН(б), которое насчитывало 7 тыс. членов по состоянию на апрель 1941 года¹²⁷.

Почему ОУН использовала свою милицию, чтобы организовать погром и облавы на евреев для немцев, которые их затем убивали? Частично, это было следствием антисемитизма украинского националистического движения и его руководства. Однако сам по себе антисемитизм не обязательно приводит к подобному насилию. Более того, ОУН, похоже, считала поляков куда более важными врагами, чем собственно евреев. В сентябре 1939 г., когда воспользовавшись советским вторжением в Восточную Польшу / Западную Украину и возникшими условиями гражданской войны ОУН не боялась действовать в открытую, ее подразделения убили тысячи поляков. Во время немецкого вторжения в 1941 г. милиционеры ОУН и родственных организаций принимали участие в убийстве десятков тысяч евреев, тогда как поляков пострадало относительно мало¹²⁸. Однако, когда ведомая ОУН(б) Украинская Повстанческая Армия (УПА) поздней зимой – ранней осенью 1943 г. окончательно порвала с немцами, она сконцентрировала свое внимание на поляках, уничтожив десятки тысяч. В своих же официальных воззваниях ОУН всегда называла главным врагом русских. Таким образом, насилие, чинимое преимущественно над евреями в первые дни немецкой оккупации, кажется некой аномалией. Аномалию эту с наибольшим правдоподобием следует объяснить желанием ОУН показать немцам, что организация разделяла их антиеврейские взгляды и что она была достойна того, чтобы ей доверили создание украинского государства.

Карнавальная толпа

Вдобавок к политически мотивированной украинской милиции, многие львовские жители также приняли участие в насилии. Некоторые из еврейских показаний не обращали внимания или же не были осведомлены о политическом измерении, а потому просто определяли погромщиков как «украинских головорезов»

¹²⁶ Szarota. U progu Zagłady. P. 10, 60.

¹²⁷ Патриляк. Військова діяльність ОУН(б). С. 333-334. Накануне немецкого вторжения ОУН(б) якобы установило свой контроль над всеми средними школами на Волыни.

¹²⁸ Согласно подсчетам Эвы Семашко, вследствие организованного ОУН насилия 1036 поляков на Волыни и 2242 в Галиции погибли в 1939 г., в то время, как в 1941 г. в совокупности по двум регионам погибло 443 поляка. См.: Siemaszko E. Bilans zbrodni // Biuletyn Instytut Pamięci Narodowej. 2010. №№ 7-8. P. 80-81.

или «украинскую толпу»¹²⁹. По существу, во время погромов по всей Европе обычным делом было участие в насилии различных деклассированных элементов. Общим местом украинских воспоминаний и интерпретаций стало определение злоумышленников как «сброда» – в украинских источниках обычно используется понятие «шумовиння»¹³⁰. Объяснение, будто участвовавшие в погроме украинцы были разбойниками или маргинальными социальными элементами, чрезвычайно популярно в среде тех, кто стремится отстоять доброе имя ОУН. Согласно этой точке зрения, совокупность зверств, совершенных НКВД, немецкого подстрекательства и наличия уголовных элементов привели к взрыву насилия, который стал возможным и без участия какой-либо организации¹³¹.

Однако с теорией спонтанного самовозгорания существуют серьезные проблемы. Координация действий в окрестностях трех тюрем и по всему городу свидетельствует о некоем общем планировании. Пол Р. Брасс – политолог, изучавший погромы и беспорядки в широкой сравнительной перспективе, – полагает, что «тот тип насилия, который происходит во время этнических, общинных и расовых столкновений, является, по большому счету, плодом трудов неких профессионалов, в том числе – предводителей местных групп боевиков». Брасс в основном отбрасывает объяснения, предложенные моделью, называемой им «теорией сброда», и он указывает на то, что подобные акты насилия обычно совершаются при участии разрозненных социальных элементов. «В действительности» – пишет Брасс – «беспорядкам и погромам почти всегда предшествуют определенные меры планирования и организации. Более того, значительная часть планирования и организации направлена на то, чтобы одновременно побудить спонтанные действия у части населения и придать этим действиям подобие спонтанности»¹³².

Собственно, ОУН выступала против подлинно спонтанных действий, полагая своим заданием «управлять революционной стихией масс»¹³³. Две кинохроники, посвященные еврейским арестам 30 июня во Львове, оставляют впечатление, что в них были задействованы некие руководители, которые четко знали, к чему стремятся, и согласовывали свои действия¹³⁴. Трудно представить, что несо-

¹²⁹ Химка. Достовірність свідчення. С. 43, 63.

¹³⁰ Паньківський. Від держави до комітету. С. 35; Наконечний. «Шоа» у Львові. С. 112.

¹³¹ Semotiuk A. The Stepan Bandera Quandary // Kyiv Post. 19 April 2010. http://kyivpost.com/news/opinion/op_ed/detail/64386/; Наконечний. «Шоа» у Львові. С. 100-101.

¹³² Brass P. Introduction: Discourses of Ethnicity, Communalism, and Violence // Riots and Pogroms / Ed. P.R. Brass. N.Y., 1996. P. 12, 16-21, 33.

¹³³ Інструкції від травня 1941. Цит. за: Патриляк. Військова діяльність ОУН(б). С. 113.

¹³⁴ Одним из них является немецкая кинохроника *Deutsche Wochenschau* (1941. № 29[566]. 10. Juli). Информация о ней содержится на сайте: <http://www.cine-holocaust.de/cgi-bin/gdq?efw00fbw000826.gd>. Немая копия этой ленты хранится в Мемориальном музее Холокоста (США): USHMM RG-60.0267, пленка 201. На вторую кинохронику мое внимание обратила Арианна Силецкая в 2008 г. В этом немом фильме запечатлен арест мужчин и женщин, преимущественно на ул. Коперника. Съёмку проводил оператор при 1-й горнострелковой дивизии (1. Gebirgs-Division). Хроника находится во владении Украинского канадского центра исследований и до-

мненно присутствовавшие на месте преступления милиционеры ОУН позволили бы произойти этим вопиющим событиям, если бы они по меньшей мере не одобряли их.

Украинские авторы воспоминаний подчеркивают, что в актах насилия были масштабно задействованы поляки. Кость Панківський утверждал, что поскольку поляки составляли большую часть деклассированного населения Львова, вполне естественно именно они избивали евреев на улицах¹³⁵. И Панківський, и Евгений Наконечный писали, что польские погромщики часто носили желто-голубые повязки, но их выдавали скудные познания в украинском языке¹³⁶. Вполне вероятно, что польские уголовники воспользовались погромом, чтобы грабить еврейские жилища¹³⁷, однако тот факт, что они предпочли переодеться в украинских милиционеров, весьма показателен.

Присутствие польских погромщиков во Львове в 1941 г. находит свое отображение в других документах. Согласно воспоминаниям Тамары Браницкой, мучившая ее толпа казалась ей и ее семье украинцами, но, вероятно, там были и поляки¹³⁸. Роза Москович называла нападавших на евреев во Львове поляками. По ее словам, после того, как немцы в июле заняли город, они позволили польскому населению чинить все, что заблагорассудится – «и вы можете себе представить, что им нравилось делать»: они избивали евреев на улицах¹³⁹. Член ОУН(м) предоставил руководству доклад об обстановке, в котором описал погром во Львове как польский акт демонстрации силы: «После того, как большевики покинули город, а немцы в него еще не вошли, поляки по собственной воле организовали еврейский погром, чтобы, вероятно, засвидетельствовать польскую принадлежность Львова»¹⁴⁰. Таким образом, принимавшая участие в погроме толпа горожан была смешанного национального состава. Толпа измывалась над евреями, пока милиционеры вели их по улицам и держали под стражей в тюремных дворах. По описаниям выживших евреев, толпой управляли жажда крови и низменные инстинкты. Погром был неким подобием оргии. Также ему были характерны основоположные аспекты карнавала.

кументации, не позволяющего другим учреждениям копировать материал. В настоящее время, однако, оригинал утерян. (Цифровая копия находится во владении автора.)

¹³⁵ Панківський. Від держави до комітету. С. 35.

¹³⁶ Наконечний. «Шоа» у Львові. С. 112-113, 115; Панківський. Від держави до комітету. С. 35-36.

¹³⁷ Когда происходил погром во время аншлюса в Вене, уголовники также грабили деньги, драгоценности, столовое серебро, мебель и ковры из еврейских жилищ, одев нарукавные повязки со свастикой. См.: Hill L. The Pogrom of November 9–10, 1938 in Germany // Riots and Pogroms. P. 97.

¹³⁸ Shoah Foundation. 51593 Tamara Branitsky. 50.

¹³⁹ Shoah Foundation. 9851 Rose Moskowitz. 18.

¹⁴⁰ «Звіт про положення на Українських Землях, зайнятих нім. Армією». 12 липня 1941. Гонтівка, Чернівецький район, Вінницька область // Библиотека и архивы Канады. Коллекция Андрея Жука. MG 30 C167. Т. 147. Ф. 33. Выражаю свою признательность Марко Цариннику за предоставленную мне копию.

Многое из того, что Вильям В. Хэйген написал о стимулах и поведении толпы погромщиков во Львове 1918-го года, справедливо и относительно толпы во Львове года 1941-го. Его наблюдение, будто погром 1918 г. был социальным ритуалом, который разыгрывал «общественную драму, призванную излечить общество, отпавшее от правильного социального порядка»¹⁴¹, несомненно справедливо и касательно событий 1941 г. Именно в этом состоял смысл ритуалов, отождествлявших евреев с коммунизмом. Ощущение, будто евреи поднялись с самых низов социальной иерархии, где они пребывали до начала войны, почти до вершины во время правления большевиков, объясняет ту рьяную настойчивость, с которой евреев хотели поставить на место¹⁴². Улучшение социального положения евреев во времена советской власти противоречило «глубоко укоренившемуся» в польской и украинской народной культурах убеждению, что евреям должно оставаться «пассивными, бессильными и беззащитными»¹⁴³. Также, как и в 1918 г., «характер и цели погрома определялись карнавальными элементами»¹⁴⁴ и в 1941 г. Об этом свидетельствуют принуждения еврейских специалистов чистить отхожие места, наблюдаемые во время обоих погромов¹⁴⁵. Более того, «карнавальная традиция оправдывает сексуальную распущенность»¹⁴⁶, и действительно, откровенное сексуальное насилие стало характерной чертой каждого из погромов.

Толпа не была побудительным действующим лицом погрома 1941 г., но она повлияла на ход событий. И хотя ритуалы, сексуальное унижение и насилие иногда сопровождали более систематическое и невидимое уничтожение евреев во время Холокоста, важная роль, которую эти явления сыграли во Львове 1 июля 1941 г., была обусловлена именно присутствием толпы. Организаторы погрома заигрывали с толпой, позволяя ей заполнить своими ритуалами и своим разнузданным карнавалом пустоты промеж более систематических арестов и казней. Толпа также нарастила ярость и похоть, расширив время и пространство погрома в собственных интересах, как это явственно показывают многие из вышеприведенных свидетельств¹⁴⁷.

¹⁴¹ Hagen. *The Moral Economy of Ethnic Violence*. P. 203.

¹⁴² Этой мыслью я обязан Софии Грачовой: «И не объясняется ли распространение мифа о еврее-коммунисте тем фактом, что снятие дискриминационных ограничений во времена советской власти нееврейское население восприняло как угрозу собственному положению? Не выступало ли желание запугать, унижить и "поставить на место" евреев одной из причин чрезвычайной жестокости погромщиков летом 1941 г.?»: Грачова С. *Вони жили серед нас? // Критика*. 2005. № 4. С. 26.

¹⁴³ Hagen. *The Moral Economy of Ethnic Violence*. P. 219.

¹⁴⁴ *Ibid.* P. 204.

¹⁴⁵ О событиях 1918 г. см.: *Ibid.* P. 214-215.

¹⁴⁶ *Ibid.* P. 214.

¹⁴⁷ См. выше.

Немцы

По наблюдению Маттэуса, преступление, подобное львовскому погрому, «было бы невозможным без операции "Барбаросса", [и, следовательно], политика немцев служит ключом к пониманию ненемецкого участия»¹⁴⁸. Этот широкий уровень ответственности кажется самоочевидным. В равной мере очевидно и то, что немецкая армия отвечала за ситуацию во Львове, а потому если бы она захотела, то могла бы остановить и остановила бы поток насилия; в сущности, она так в конце концов и сделала, будто бы закрутив водопроводный кран.

Немецкие солдаты часто присутствовали на месте преступления. Вольф Лихтер вспоминал, как мучимые украинцами евреи надеялись, что немцы восстановят порядок, однако большинство немцев либо не обращало внимание, либо присоединялось к истязателям¹⁴⁹. Когда измывались над женщинами, Ружа Вагнер и другие еврейки просили немецких военных, проходивших по внутреннему двору тюрьмы на ул. Замарстыновской, оказать воздействие на погромщиков. «Это – месть украинцев», ответили солдаты, несомненно одобряя насилие. Команда немецких операторов сделала фотографии обнаженных женщин, пообещав, что они появятся в еженедельнике *Der Stürmer* (но этого никогда не произошло)¹⁵⁰. На одной из фотографий из коллекции Дэвида Прэстона отображен избитый еврей, лежащий на улице, и проходящие мимо немецкие солдаты. Александр Реднер, которому было 12 лет на момент событий, вспоминает, как немецкие солдаты подстрекали украинцев присоединиться к погрому¹⁵¹.

Из показаний также следует, что немцы расстреливали евреев и в день погрома в трех тюрьмах, и в последующие дни, когда евреев собрали на хоккейной площадке. Расстрелы, произошедшие 2-го июля, были несомненно делом рук айнзацгруппы С. Остается, однако, невыясненным, кто расстреливал евреев в день общественного погрома: это могла быть либо 1-я горнострелковая дивизия, основные силы оккупации Львова, либо глубоко выдвинутое подразделение айнзацгруппы С, а именно зондеркоманда 4b, прибывшая во Львов пополудни 30 июня¹⁵². Лично я склоняюсь к тому, что расстрел проводили члены зондеркоманды. На тот момент айнзацгруппы еще не получили четких указаний и только

¹⁴⁸ Matthäus. Operation Barbarossa and the Onset of the Holocaust. P. 268.

¹⁴⁹ Shoah Foundation. 29342 Wolf Lichter. 11.

¹⁵⁰ Химка. Достовірність свідчення. С. 46-47, 60, 62. Хотя немцы тщательно фотографировали все случаи антиеврейской деятельности, они ни использовали отснятый материал в пропагандистских целях. См. также: Szarota. U progu Zagłady: zajście antyżydowskie i pogromy w okupowanej Europie: Warszawa, Paryż, Amsterdam, Antwerpia, Kowno. P. 66. Я хотел бы выразить свою признательность Оксане Мыхед, которая для меня просмотрела *Der Stürmer*.

¹⁵¹ Shoah Foundation. 7394 Alex Redner. 41, 44.

¹⁵² Struve K. Tremors in the Shatterzone of Empires: Eastern Galicia in Summer 1941 // Shatterzone of Empires: Identity and Violence in the German, Habsburg, Russian, and Ottoman Borderlands / Ed. O. Bartov, E.D. Weitz. Bloomington, 2013. Приведенные выше показания Тамары Браницкой (сн. 52) относились к Гестапо и СС, которые находились на тюремном дворе и угрожали расстрелять всех присутствовавших там евреев.

нащупывали способ уничтожения евреев; главными жертвами убийств, соответственно, были мужчины призывного возраста и еврейская интеллигенция¹⁵³ – и именно таковыми были мишени расстрелов во львовских тюрьмах.

Также не ясно, подчинялась ли ОУН, когда организовывала львовский погром, приказу начальника Главного управления имперской безопасности Рейнхарда Гейдриха. За несколько месяцев до погрома во Львове и за месяц до того, как были написаны черновые инструкции для милиции, ОУН(б) официально выступила против погромов. Ниже приводится текст резолюции, которую организация приняла на Большом сборе в Кракове в апреле 1941 г.: «В СССР жида выступают наиболее преданной опорой господствующего большевистского режима и авангардом московского империализма в Украине. Московско-большевистское правительство использует антижидовские настроения украинских масс, чтобы отвлечь их внимание от истинной причины несчастья, и чтобы во время решительного действия направить их на погромы жидов. Организация Украинских Националистов противостоит жидам как опоре московско-большевистского режима, но в то же время сообщает народным массам, что главным врагом является Москва»¹⁵⁴.

Эта отвергающая погромы как метод революционной борьбы резолюция превосходно соответствует недоверию ОУН к спонтанным действиям. Однако вполне правдоподобно, что ее необходимо было пересмотреть ввиду развития ситуации накануне нападения Германии на СССР: 17 июня 1941 г. десятки служащих СС и полиции собрались по приглашению Гейдриха в Берлине на специальном заседании, во время которого до их сведения были доведены распоряжения, поощрявшие так называемые «действия по самоочищению»¹⁵⁵. Гейдрих обобщил свои мысли в телеграмме к руководителям айнзацгруппы от 29-го июня: «На недавно занятых территориях стремлению к самоочищению со стороны антикоммунистических и антиеврейских групп не следует чинить никаких препятствий. Напротив, их необходимо, не оставляя никаких следов, вызывать, по мере необходимости усиливать и направлять, однако делать это следует таким образом, чтобы у "местных групп самообороны" не было никакой возможности сослаться на приказ или политическое обещание»¹⁵⁶.

Нет никаких свидетельств о том, было ли ОУН известно о намерениях Гейдриха, но, с другой стороны, отметить подобную вероятность также нельзя. Как становится явственно из исследований Патрыляка, во второй половине июня 1941 г. ОУН была способна координировать с немцами свою военную деятельность¹⁵⁷, поэтому она в принципе могла бы согласовывать с ними и свои антиев-

¹⁵³ Matthäus. Operation Barbarossa and the Onset of the Holocaust. P. 254-258.

¹⁵⁴ Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Документи і матеріали / За ред. Тараса Гунчака і Романа Сольчаника. Б. м, 1983. Т. 3. С. 15.

¹⁵⁵ Szarota. U progu Zagłady. P. 210-214.

¹⁵⁶ Longereich P., Pohl D. Die Ermordung der europäischen Juden: Eine umfassende Dokumentation des Holocaust 1941–1945. Munich, Zürich, 1989. P. 118-119.

¹⁵⁷ Патрыляк. Військова діяльність ОУН(б). С. 166-207, особ. 200-201.

рейские погромы и казни. Слабой стороной подобного утверждения выступает факт, на который в устных беседах обратил мое внимание Кай Струве: наиболее тесно ОУН сотрудничала с Абвером, немецкой военной разведкой, а не с СС. Впрочем, о телеграмме Гейдриха ОУН могла узнать от литовских националистов, которые имели тесные контакты и с СС, и с ОУН, и которые сами совершили кровавый погром в Каунасе 25-29 июня 1941 г. Или, возможно, присутствовал некий немецкий посредник, взаимодействовавший с несколькими лагерями, – такой как упомянутый выше профессор Байер. Главным препятствием по установлению, насколько львовский погром был вдохновлен управлением имперской безопасности, выступают особые обстоятельства сознательного недокументирования. Гейдрих четко приказал не оставлять никаких следов, способных связать воедино управление имперской безопасности и местных националистов, которые организовывали погромы. ОУН сама по себе была крайне секретной организацией, способной не только совершить череду политических убийств в межвоенной Польше, но и выживать в подполье во времена советской власти. Во время погрома она – как свидетельствуют фотокадры – в целях предосторожности предписала милиционерам в гражданском определенные общественные функции.

И хотя этот вопрос, вероятно, никогда не будет разрешен на основании исторических документов, предположение, будто ОУН среагировала на желания Гейдриха, проистекает из логики или же психологии обстоятельств. Как можно заключить из внутренних документов ОУН (в том числе и резолюции от апреля 1941 г. против погромов и распоряжений на военное время, подготовленных в мае 1941 г.), ОУН отдавала предпочтение контролированному систематическому насилию перед склонным к спонтанности общественным насилием. Проведенные мною исследования деятельности ОУН в небольших городках Галиции также свидетельствуют о подобной склонности: характерный образ действия милиционеров состоял в организации облавы на евреев, их вывозу за пределы города и последующей казни. Более того, толпа во Львове, по большому счету, состояла из поляков, однако ОУН(б) едва ли приветствовала, чтобы поляки упражнялись в насилии. И действительно, не посвященный во внутренние организационные дела ОУН(б) представитель ОУН(м) вообще посчитал погром проявлением польского национализма. В конце концов, произошедший двадцатью тремя годами ранее погром во Львове был именно этим. Таким образом, сложно представить, что ОУН решилась бы на погром исключительно по собственному желанию: нечто весьма весомое должно было стимулировать ее и, вполне вероятно, что этим «нечто» была политика Гейдриха.

Необходимо рассмотреть последний вопрос: почему немцы или же конкретно Главное управление имперской безопасности были заинтересованы в организации погромов. Хильберг, полагавший, что главной причиной погромов выступал немецкий управленческий аппарат, предложил следующее объяснение: «Действовал простой административный принцип: каждый убитый по время погрома еврей переставал быть обузой для айнзацгрупп. [...] Психологическое же сооб-

ражение было более интересным: айнзацгруппы хотели, чтобы часть населения – и значительная его часть – приняла участие в погромах и таким образом переняла бы на себя часть ответственности за убийства [...]. Погромы должны были превратиться в средство защиты, с помощью которого можно было противостоять обвинителю или же шантажировать местное население»¹⁵⁸. Хотя подобные предположения выглядят обоснованно, у них нет никаких доказательств. Шарота также предположил, что немцы были заинтересованы в том, чтобы обвинять в насилии против евреев местных погромщиков, и потому-то они и прикладывали столько усилий, чтобы снимать их на пленку¹⁵⁹. Однако, если у немцев и были планы возложить вину за исчезновение евреев из Восточной Европы на местное население, они никогда основательно не приступали к их выполнению.

Шарота также допустил, что немцы использовали погромы, чтобы способствовать принятию евреями программы по созданию гетто: они могли обрисовывать еврейским лидерам гетто как меру по защите евреев от местного населения¹⁶⁰. И действительно, евреи иногда выражали некое облегчение, когда погромы заканчивались и власть перенимали немцы. Роза Москович вспоминала, как был восстановлен относительный порядок после вмешательства немцев, которые прекратили волнения во Львове. Однако – добавила она, – немцы также издали запретительные антиеврейские законы¹⁶¹. В пользу гипотезы Шароты свидетельствует тот факт, что распоряжения о создании гетто появились в августе – как раз по завершению погромов; однако изданные инструкции оказались «слабо согласованными»¹⁶². Во Львове гетто создали лишь осенью.

Отсутствие ясности в том, что касается целей волны погромов, соответствует главенствующей точке зрения большинства историков Холокоста, которые полагают, что на ранней стадии войны с СССР немцы все еще не имели четкой программы и импровизировали.

Выводы

В данном исследовании были рассмотрены три действующих лица погрома во Львове 1 июля 1941 г. Хотя в настоящий момент – а возможно и в будущем – не представляется возможным установить факты со всей надлежащей четкостью, в общих чертах роль каждого из действующих лиц предстает с некой ясностью. Немцы создали условия, необходимые для начала погрома. По меньшей мере они терпимо к нему отнеслись, но более вероятно, что собственно они к погрому и

¹⁵⁸ Hilberg. *The Destruction of the European Jews*. P. 203.

¹⁵⁹ Szarota. *U progu Zagłady*. P. 32.

¹⁶⁰ *Ibid.* P. 67, 272.

¹⁶¹ Shoah Foundation. 9851 Rose Moskowitz. 20.

¹⁶² Matthäus. *Operation Barbarossa and the Onset of the Holocaust*. P. 260.

подстрекали. И хотя задержания евреев и истязания над ними во время жестокого карнавала проводили другие, именно немцы выстраивали евреев под стенкой и расстреливали их – как непосредственно во время, так и после погрома. Вполне вероятно, что СС и лично Гейдрих несут бóльшую долю ответственности за содействие погрому и казни евреев, чем Вермахт.

Ведомая Степаном Бандерой Организация Украинских Националистов выступила двигательной силой погрома. Она установила быстротечное правительство во Львове 30 июня 1941 г., возглавленное оголтелым антисемитом. В то же время, организация обклеила город плакатами, взывавшими к свершению этнической чистки. Она также сформировала милицию, сыгравшую в погроме руководящую роль. Милиционеры ходили от дверей до дверей в еврейских кварталах, задерживали еврейских мужчин и женщин, отправляли их в одну из двух тюрем на погром, они также хватали евреев прямо на улицах и отправляли их в третью тюрьму, расположенную поодаль от мест концентрации еврейского населения. Милиционеры доставляли евреев в тюрьмы и присутствовали при их истязаниях и казнях. На следующий после погрома день они начали прямо сотрудничать с айнзацгруппами, снова задерживая евреев, которых затем расстреливали немцы. ОУН сотрудничала с немцами в этих антиеврейских действиях, поскольку она в первую очередь надеялась, что подобное сотрудничество поспособствует немецкому признанию ее государства. Собственный антисемитизм ОУН сделал насилия против евреев более удобоваримыми, однако маловероятно, чтобы он был независимым фактором решения начать погром.

Что касается толпы – того, что, собственно, и делает погром погромом – ее интересовал карнавал. Она восторгалась сменой ролей и тем, как социальная иерархия стала с ног на голову: стоя на четвереньках еврейские специалисты чистили улицы. Те, кто – как полагалось – играли во время советского владычества руководящие роли, были унижены и признавали свою вину посредством ритуальных представлений. Смердящие же трупы жертв политических убийств, казалось, оправдывали апокалиптическое отмщение тем, кого считали злоумышленниками, – то есть еврейское население. Особое сочетание высокой политики позволило толпе разыграть свой развязный сценарий грабежей, сексуального надругательства, избиений и смертоубийства, сделав возможным одновременно и требование подобных действий, и упоение ими.

Перевод с английского: Иван Гомза

Гжегож Россолинский-Либе

«Украинская национальная революция» 1941-го года: теория и практика фашистского движения*

В июле, августе и сентябре 1941 г., вследствие немецкого нападения на Советский Союз, высылались сотни писем, адресованных «предводителю» (укр.: провіднику) Организации украинских националистов (ОУН) Степану Бандере, «фюреру» Третьего рейха, Адольфу Гитлеру и главе украинского правительства, которое провозгласило ОУН(б) вскоре после начала германо-советской войны Ярославу Стецько¹. Письма выражали чувства уважения к Гитлеру, любви к Бандере и благодарности Стецько. К письмам прикреплялись несколько тысяч подписей, главным образом – но не только – западноукраинских сторонников государства ОУН(б).

Сбор этих писем был последней попыткой ОУН(б) спасти «Украинскую национальную революцию»². ОУН(б) начала ее сразу же после нападения Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г., а готовить ее начала, с согласия немцев, в Генеральном Губернаторстве в 1940-1941 годах, так и в подполье в западной части Советской Украины. Революция преследовала две цели. Первая – это провозглашение и создание украинского государства, а вторая – очищение территории

* Ранее опубликовано на английском языке в журнале *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* (2011. Vol. 12. № 1). Автор благодарит следующих коллег: Михал Млынаж, Лида Сомчински, Пер Андерс Рудлинг, Джон Пол Химка – за их сотрудничество во время подготовки настоящей статьи. (Некоторые положения статьи не соответствуют мнению редакции – прим. ред.)

¹ Аббревиатура ОУН(б) употребляется для того, чтобы отличать фракцию ОУН Бандеры от фракции, руководимой Андрием Мельником, т.е. ОУН(м).

² Термин «Украинская национальная революция» является пропагандистским термином, который ОУН(б) использовала для описания своих планов в отношении украинских территорий после начала конфликта между нацистской Германией и Советским Союзом. По этой причине этот термин всегда подается в кавычках. Об использовании этого термина ОУН(б), см.: Центральный державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГО) ф.1 (ЦК КПУ) оп. 23, д. 926, лл. 188, 193 (Постанови Великого Збору Організації Українських Націоналістів, 15, 25). Об альтернативной «Украинской революции» см.: Центральный державний архів вищих органів влади та управління (ЦДАВО) ф. 3833 (Крайовий Провід Організації Української Націоналістів на Західноукраїнських землях), оп. 2, д. 1, л. 17 (Боротьба та діяльність ОУН під час війни). Концепция революции, определяемой также как «национальная» или «перманентная», старше, чем сама ОУН(б). Основной идеей революции была необходимость освобождения украинцев от «оккупантов». Однако в 1940-1941 ОУН(б) придала этим идеям фашистские, антисемитские и расовые значение и содержание. О более старых концепциях революции, см., напр.: Перманентна революція // Сурма. 1930. № 10(37). С. 4-7; Сціборський М. Передпосилка національної революції // Розбудова нації. 1932. №№ 7-8(54-55). С. 161-169.

этого государства от евреев, поляков, «советов» и других врагов, в соответствии с лозунгом «Украина для украинцев». Таким образом «Украинская национальная революция» должна была быть главным связующим звеном между провозглашением украинского государства, которое осуществил Ярослав Стецько во Львове 30 июня 1941 г., и участием ОУН(б) в еврейских погромах, будь то в сотрудничестве с нацистами, или без их помощи³.

В 1940-1941 годах, согласно своей доктрине, ОУН имела двух врагов. Первыми были «оккупанты», то есть граждане тех государств, в которых проживало большинство украинцев в течение двух последних десятилетий. В особенности это были поляки и «советы». Второй группой врагов были евреи, самое крупное национальное меньшинство в Западной Украине, не имеющее своего национального государства. Согласно стереотипу «жидо-большевизма», евреи часто ассоциировались с «советами». ОУН(б) хотела избавиться от обеих групп при помощи насилия. Во время «Украинской национальной революции» еврейские погромы были лучше организованны и более заметны, чем акты насилия по отношению к полякам. Прежде всего потому, что еврейские погромы одобрялись и поддерживались нацистами, которые в это время еще не были особо заинтересованы поддержкой или организацией подобных акций против польского населения. ОУН(б) главную кампанию насилия в отношении поляков провела на Волыни в 1943 г., и в Галиции в 1944 г., когда было уничтожено от 70 000 до 100 000 польских граждан. Часть украинского населения стала жертвой насилия в ожесточенном конфликте между ОУН-УПА и советской властью в Западной Украине в 1944-1951 годах⁴.

Эта статья преследует три связанные друг с другом цели. Первая – исследование «Украинской национальной революции» как плана, подготовленного ОУН(б) в 1940-1941 годах и реализованного летом 1941 г. Во-вторых, статья анализирует

³ Ученые, работающие над этой темой, уже указали на определенные взаимосвязи между провозглашением Украинского государства и организацией погромов и других актов насилия, но до сих пор никто не проанализировал их как части одного и того же события, то есть «Украинской национальной революции». См., напр.: Bruder F. «Den Ukrainischen Staat erkämpfen oder sterben!» Die Organisation Ukrainischer Nationalisten (OUN) 1929–1948. Berlin, 2007. P. 149.

⁴ О насилии в отношении поляков на Волыни, см.: Motyka G. *Ukraińska partyzantka 1942–1960: działalność Organizacji ukraińskich nacjonalistów i Ukraińskiej Powstańczej Armii*. Warszawa, 2006; Motyka G. *Tak było w Bieszczadach: walki polsko-ukraińskie 1943–1948*. Warszawa, 1999. P. 110-115, 125-128; Snyder T. «To Resolve the Ukrainian Problem Once and for All»: The Ethnic Cleansing of Ukrainians in Poland, 1943–1947 // *Journal of Cold War Studies*. 1999. Vol. 1. № 2. P. 93-100. На тему второй советской оккупации Западной Украины, ожесточенного конфликта между «Советами» и ОУН-УПА, а также террора, применяемого «Советами» и ОУН-УПА в отношении гражданского населения, см.: Burds J. *AGENTURA: Soviet Informants' Networks and the Ukrainian Underground in Galicia, 1944–1948* // *East European Politics and Societies*. 1997. Vol. 11. № 1. P. 104-115; Bruder. «Den Ukrainischen Staat erkämpfen oder sterben!» P. 231-232, 261-262. Об убийствах поляков после начала II мировой войны и польско-советской войны, см.: Motyka. *Ukraińska partyzantka 1942–1960*. P. 71-73, 99-100; Siemaszko W., Siemaszko E. *Ludobójstwo dokonane przez nacjonalistów ukraińskich na ludności polskiej Wołynia 1939–1945*. Warszawa, 2000. Vol. 2. P. 1034-1037.

письма «украинского народа» Бандере, Гитлеру и Стецько. Эти письма являются одним из наиболее важных доступных источников, которые делают возможным получение информации на тему прохождения и социального контекста этой т.н. Революции⁵ или националистического антисемитского восстания. Третий момент связан с проблематикой соединения Организацией Украинских Националистов фашистских элементов с радикальным национализмом и революционными идеями. Особенно в 1940 и 1941 годах, в то время, когда ОУН(б) готовилась к «Украинской национальной революции», в ее идеологии и практике превалировали фашистские элементы. Целью этой организации было создание украинского государства в «Новой Европе» под эгидой германских национал-социалистов.

Первая мировая война и украинский фашизм

По результатам Первой мировой войны украинский народ остался без собственного государства и оказался в еще более неустойчивой ситуации, нежели такие государства, как Германия или Венгрия, недовольные Версальским миром и настроенные на его пересмотр. Это было главной причиной возникновения в 1929 г. ОУН, которая в начале 1943 г. создала Украинскую повстанческую армию (УПА). После Первой мировой войны ОУН стала наиболее сильным украинским правым движением. Борясь за создание государства, ОУН переняла национал-фашистскую идеологию, ссылающуюся на мистическое понимание прошлого. Эта система веры и идеологии позволила сформировать из своих членов организацию фанатиков, которые не останавливались ни перед чем, включая убийства, ради создания государства.

Главной целью идеологии была всеобщая мобилизация вокруг харизматического лидера и тоталитарного государства. На II Большом собрании ОУН в Риме 27 августа 1939 г., после убийства 23 мая 1938 г. Евгена Коновальца, первого пред-

⁵ Другие ученые исследовали эти документы, но, насколько мне известно, никто не посвятил им соответствующего внимания, которое они заслуживали. См., напр.: Grelka F. Die ukrainische Nationalbewegung unter deutscher Besatzungsherrschaft 1918 und 1941/1942. Wiesbaden, 2005. P. 271-273. Грелка утверждает, что в июле и августе 1941 г. ОУН(б) имела небольшую поддержку в западноукраинском обществе. Чтобы обосновать этот взгляд, Грелка приводит слишком малое число лиц, подписывавших резолюции: по его оценкам, их было «в среднем не более 60 на дистрикт» (немецкий «Bezirk», украинский «повіт» или «район», польский «powiat») в Тернопольской области, опираясь на документ *Плебисцитова акція* (ЦДАВО ф. 3833, оп. 1, д. 32). Здесь Грелка ошибочно относит 60 подписей одного села в Тернопольской области к целому дистрикту, в состав которого обычно входили десятки сел. Тот же документ содержит также список 71 местности дистрикта Зборов во Львовской области. Селом с наименьшим числом подписей в этом списке является Пополівка, с 53 подписями, а селом с наибольшим количеством подписей является Озирна с 1045 подписантами. В большинстве остальных число подписей находится в пределах между 53 и 1045 на село. Количество подписей, собранных на один дистрикт, тем самым было значительно выше 60. В одном дистрикте Золочев, например, ОУН(б) собрала 8000 подписей. См.: ЦДАВО ф. 3833, оп. 1, д. 34, л. 40.

водителя ОУН, руководство взял на себя Андрий Мельник. В это время ОУН состояла из двух поколений деятелей, из которых младшее было более радикальным и готовым к борьбе. Известная позже как «поколение Бандеры», эта группа была слишком молодой, чтобы сражаться в Первой мировой войне, но была достаточно зрелой, чтобы испытать войну и ее последствия для украинцев. Для этой группы Мельник был человеком старшим, слишком осторожным, недостаточно решительным, радикальным и харизматичным, чтобы соответствовать роли лидера фашистского движения. В связи с этим молодая и радикальная фракция ОУН отстранила Мельника и выбрала своим вождем Степана Бандеру, который больше соответствовал ее ожиданиям. В связи с этим весной 1940 г. произошел раскол ОУН на две конкурирующие между собой фракции: ОУН(м), которой руководил Андрий Мельник, и ОУН(б), руководителем которой стал Степан Бандера⁶.

Особенно враждебно и жестоко ОУН относилась к украинцам, которые отвергали ее радикальный национализм. Они воспринимались как враги и предатели священной концепции нации. ОУН была не только недемократической, но также антилиберальной и антиконсервативной организацией. Она боролась со всеми другими украинскими партиями и стремилась создать украинское государство, в котором могла бы установить свою диктатуру. ОУН старалась, особенно в 1940 – 1941 годах, уподобиться ведущим европейским фашистским движениям и перенять как можно больше их ритуалов, символов и пропагандистских технологий. Более того, ОУН была радикально антиматериалистической и антикоммунистической, а также чтит идею «Blut und Boden» (кровь и почва), веря в то, что этническая украинская территория должна быть очищена от любого неукраинского элемента⁷.

Еще в 1935 г. Мыкола Сциборский, который после раскола остался в ОУН(м) и 30 августа 1941 г. погиб в Житомире, разработал проект политической системы для украинского государства. Согласно этому документу, будущее украинское государство должно было стать «независимым», «тоталитарным» и «авторитарным»⁸. Политической системой в нем должна была стать т.н. «нациократия», означавшая власть «нации в государстве», которая являлась украинской версией фашизма⁹. Важнейшей фигурой в новом государстве должен был стать вождь нации, воплощение «независимости и единства нации», который должен был

⁶ Golczewski F. Die Kollaboration in der Ukraine // Kooperation und Verbrechen: Formen der «Kollaboration» im östlichen Europa 1939–1945 / Ed. Ch. Dieckmann, B. Quinkert, T. Tönsmeier. Göttingen, 2003. P. 162; Лісовий Р. Розлам в ОУН (Критичні нариси з нагоди двадцятиліття заснування ОУН). Б.м., 1949. Р. 38-40.

⁷ На тему идеологии ОУН, см.: Bruder. «Den Ukrainischen Staat erkämpfen oder sterben!» P. 37-48; Motyl A.J. The Turn to the Right: The Ideological Origins and Development of Ukrainian Nationalism, 1919–1929. N.Y., 1980. P. 163-169.

⁸ ЦДАВО ф. 3833, оп. 1, д. 7, л. 2 (Проект конституции украинского государства).

⁹ Там же. Для более подробной характеристики «нациократии», см.: Bruder. «Den Ukrainischen Staat erkämpfen oder sterben!» P. 34-35.

править пожизненно. Этим вождем должен был быть лидер ОУН, единственной легальной партии в будущей независимой Украине¹⁰. Политическая и общественная жизнь в этом государстве должна была организовываться и контролироваться ОУН. Все другие политические группировки, организации или партии должны были быть запрещены.

Украинский национализм, часто характеризуемый как «интегральный национализм», был предметом многих ранних, в большинстве своем одобрительных и восхваляющих исследований¹². Концепция украинского фашизма, наоборот, не вызвала такого же интереса среди ученых. Большинство историков украинского национализма упоминает только некоторые фашистские элементы в ОУН, вероятно, чтобы избежать обвинения в антиукраинской позиции. Например, Александр Мотыль утверждает, что ОУН была националистической организацией с сильным фашистским влиянием, но не могла быть фашистской организацией по причине отсутствия украинского государства¹³. Однако для восточноевропейских фашистов состояние отсутствия государственности было довольно распространенным. Как недавно указал Даниэль Уршпрунг, в Восточной Европе в период

¹⁰ ЦДАВО ф. 3833, оп. 1, д. 7, л. 2, 7.

¹² Термин «интегральный национализм» стал популярным среди историков национализма в 1940-х годах. Интегральный национализм ассоциируется с ОУН и украинским националистическим движением с момента публикации исследований Дж. Армстронга *Ukrainian Nationalism* (N.Y., 1955. P. 19-21). В определенной степени эта связь проблематична. Термин «интегральный национализм» был выдуман профашистским французским монархистом Шарлем Моррасом. Так же, как Моррас, ОУН утверждала, что нация является «предварительным условием каждого общественного и индивидуального блага», но ОУН не утверждала, например, что «традиционная наследственная монархия» является необходимым условием существования государства, как это делал Моррас. По этой и многим другим причинам украинское националистическое движение, в особенности ОУН в 1920-х, 1930-х и 1940-х, ни в коем случае не может быть сужено до интегрального национализма. Даже тогдашние идеологи украинского национализма, как Дмитрий Донцов, инспирировавший ОУН в 1920-30-х гг., не употребляли этого определения. Донцов часто характеризовал украинский национализм как фашистский и националистический, утверждая, что он принадлежал к семье европейских фашистских движений. С современной точки зрения, *Ukrainian Nationalism* Армстронга является проблемным исследованием. Оно частично опирается на базу интервью с деятелями ОУН и ветеранами УПА, а также обходит вниманием множество важных архивных документов, недоступных в период «холодной войны». Учитывая его исследовательские методы, Армстронг обошел вниманием такие существенные события, как еврейские погромы в Западной Украине летом 1941 г. и этнические чистки польского населения, проведенные УПА на Волыни и в Галиции в 1943-1944 гг. О личности Шарля Морраса и интегральном национализме, см.: Bastow S. *Integral Nationalism // World Fascism: A Historical Encyclopedia / Ed. C.P. Blamires. Santa Barbara, CA, 2006. Vol. 1. P. 338.* О Донцове, см.: Stryjek T. *Ukraińska idea narodowa okresu międzywojennego: analizy wybranych koncepcji. Wrocław, 2000. P. 118-119, 132, 139-140, 143-151;* Курило Т., Хімка Дж.-П. Як ОУН ставилася до євреїв: формулювання позиції на тлі катастрофи // *Україна модерна. 2008. № 2. P. 264.* См. также: Motyl. *The Turn to the Right. P. 68, 71-85.*

¹³ Motyl. *The Turn to the Right. P. 163-169.* Георгий Касьянов в статье об идеологии ОУН (Идеология ОУН: историко-ретроспективный анализ // *Український історичний журнал. 2004. № 1. P. 38-41*) пришел к подобному выводу. Исследование Касьянова подчеркнуло исключительность ОУН и недооценку идеологического трансфера извне, цитируя сомнительных псевдо-ученых из ОУН, таких как Петро Мирчук. Исследованию не хватает достаточного аналитического подхода, хотя оно и дает ряд полезных интерпретаций украинской идеологии.

между войнами было только несколько фашистских групп, которым удалось захватить власть в государстве: «фашизм в Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе редко выступал в виде политических систем, а прежде всего в форме групп и движений, которые стремились к власти, но добились этого только в некоторых случаях, и то на короткое время»¹⁴.

В ходе создания ОУН к ней присоединились такие фашистские украинские организации, как Союз украинских фашистов¹⁵. Позднее, в 1941 г., ОУН(б) с энтузиазмом присвоила всю символическую и мобилизационную формулу фашизма, который не противоречил ее природе, а фактически дополнял радикальный националистический характер ОУН¹⁶. Вероятней всего, ОУН хотела приспособиться к германским национал-социалистам, а также к другим тоталитарным и фашистским государствам, веря, что организация и созданное ею государство будут признаны нацистской Германией в качестве равного партнера в «Новой Европе».

На II Большом сборе бандеровской фракции ОУН, который состоялся в апреле 1941 г. в Кракове, было узаконено отделение ОУН(б) от ОУН. Руководящий орган новой партии получил название «Революционное предводительство ОУН» (укр. «Революційний провід ОУН»). Присутствующие заявили, что нынешний лидер организации Андрий Мельник – предатель, действовавший в ущерб ОУН. Кроме того, присвоили Степану Бандере титул украинского «предводителя» (укр. провідника, соответствовавший немецкому «фюреру» или итальянскому «дуче») и чтили его позднее, особенно во время «Украинской национальной революции», как предводителя украинского народа¹⁷. Таким образом, Бандера стал символом украинского государства в фашистском стиле¹⁸.

¹⁴ Ursprung D. Faschismus in Ostmittel- und Südosteuropa: Theorien, Ansätze, Fragestellungen // Der Einfluss von Faschismus und Nationalsozialismus auf Minderheiten in Ostmittel- und Südosteuropa / Ed. M. Hausleitner, H. Roth. München, 2006. P. 22. Об особенностях Восточно-Европейского фашизма, см. также: Fischer-Galati F. Introduction // Who Were the Fascists? Social Roots of European Fascism / Ed. S.U. Larsen, B. Hagtvet, J.P. Myklebust. Bergen, 1980. P. 351-353.

¹⁵ О включении Союза украинских фашистов в ОУН в 1929 г., см.: Golczewski F. Deutsche und Ukrainer 1914–1939. Paderborn, 2010. P. 550; Панченко О., Лебедь М. Життя, діяльність, державно-правові погляди. Кобеляки, 2001. P. 15.

¹⁶ Отличные дискуссии о теории фашизма, помимо характеристики фашизма и фашистских движений, можно найти в: Mann M. Fascists. Cambridge, 2004. P. 1-23; Eatwell R. Fascism: A History. L., 1995. P. 3-12; Griffin R. The Nature of Fascism. L., 1991. P. 1-19; Borejsza J.W. Schulen des Hasses: Faschistische Systeme in Europa. Frankfurt am Main, 1999. P. 54-56; Payne S.G. A History of Fascism, 1914–1945. Madison, 1995. P. 3-19, 26-52; Wippermann W. Faschismus: Eine Weltgeschichte vom 19. Jahrhundert bis heute. Darmstadt, 2009. (На русском языке в *Форуме*: Гриффин Р. Современное состояние и будущие направления сравнительных исследований исторического фашизма и неофашизма // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2011. № 2. С. 257-277; он же. Фашизм до и после Второй Мировой войны: историческая роль, идеологические установки, политическое значение // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2014. № 1. С. 341-354 – прим. ред.) О влиянии фашизма в Центрально-Восточной и Южно-Восточной Европе, см.: Ursprung. Faschismus in Ostmittel- und Südosteuropa. P. 9-52.

¹⁷ Другое украинское определение лидера – «вождь» – было зарезервировано для Андрея Мельника после II Великого сбора ОУН 27 августа 1939 г. Поэтому ОУН(б), чтобы отличать свой

После своей второй конференции ОУН(б) ввела также фашистское организационное приветствие: поднятие правой руки «слегка вправо, немного выше верха головы», одновременно произнося «Слава Украине!» с ответом «Героям слава!»¹⁹. Красно-черный флаг, символизирующий кровь и почву («Blut und Boden»), был введен на той же самой конференции в качестве эмблемы ОУН(б). Это гармонировало с расистской и националистической немецкой идеологией, провозглашающей неразрывную связь между народом и отчизной, а также естественное стремление к земле, проявляющееся в форме духовных и мифологических ассоциаций.

ОУН(б) пробовала приучать украинское общество к фашистской и авторитарной идее, согласно которой украинское государство должно быть управляемо и контролируемо ОУН и предводителем, двумя главными символами Украины. Все остальные украинские политические партии и организации воспринимались как «оппортунистские» или обструктивные, с которыми нужно было бороться и которых нужно было ликвидировать в ближайшем будущем. Все общество должно быть милитаризовано и всегда держать себя в боевой готовности. Этнические меньшинства Украины воспринимались как потенциальные враги украинского государства, особенно евреи, в которых ОУН(б) видела «руку московско-большевицкого режима»²⁰.

Таким образом, если в 1930 г. ОУН(б) включала элементы как фашизма, так и просто радикального национализма, то в начале 1940-х она была готова к «Украинской национальной революции», становясь типичным примером восточноевропейских фашистских организаций. ОУН(б) уподобилась другим восточноевропейским фашистским организациям, таким как «Железной гвардии» в Румынии, партии Глинки в Словакии, «Скращенным стрелам» в Венгрии и «Усташам» в Хорватии. Факт, что ОУН(б) не удалось убедить нацистов поддержать свой проект государства, как «Усташам» в Хорватии или партии Глинки в Словакии, не означает, что ОУН(б) во время «Украинской национальной революции» действовала против нацистов или не желала стать частью фашистской «Новой Европы» под их эгидой. Также ничто не указывает на то, что ОУН не была заинтересована в сотрудничестве с нацистами в последние годы Второй мировой войны, когда советские войска вернулись в Западную Украину.

принцип Führerprinzip (вождизма) от аналогичного в ОУН(м), называла Бандеру «проводником». Больше информации об этом конгрессе, см.: Golczewski. Deutsche und Ukrainer 1914–1939. P. 943-944.

¹⁸ ЦДАГО ф. 1, оп. 23, д. 926, лл. 199-202, 207.

¹⁹ Там же. Л. 199. Это приветствие позже стало проблемой для ОУН. В послевоенных публикациях при перепечатке решения II Большого Собрания ОУН(б) в апреле 1941 г. постановление о фашистском приветствии было удалено из текста. Можно сравнить, напр., *ОУН в світлі постанов Великих зборів, конференцій та інших документа з боротьби 1929-1955 р.* (Упор. Закордонні частини Організації українських націоналістів. Б.м., 1955. С. 44-45), с оригинальной публикацией *Постанови II Великого збору Організації українських націоналістів з 1941 р.* (ЦДАВО ф. 1, оп. 23, д. 926, л. 199).

²⁰ ЦДАГО ф. 1, оп. 23, д. 926, лл. 190-193.

Правда, в 1943 г., когда нацисты начали проигрывать войну, ОУН отдала себе отчет в том, что ее новыми главными союзниками против Советского Союза должны будут стать Соединенные Штаты и Великобритания – т.е. демократические государства. Начиная с этого момента ОУН начала очищать свое фашистское и антисемитское прошлое и пропагандировать приукрашенную версию собственной истории. С тех пор она представляла себя как исключительно национально-освободительное движение и назвала это процесс реформирования «демократизацией». И все равно, даже «демократизируя» собственную историю и структуру, по крайней мере, некоторые подразделения УПА, видимо, остались верны изначально фашистской доктрине ОУН(б) и ее расистской идеи об «Украине для украинцев» и проводили этнические чистки польского населения на Волыни, а позднее в Восточной Галиции²¹.

Планирование и подготовка «Украинской национальной революции»

В 1940 – 1941 годах ОУН(б) готовилась к германо-советской войне в Генеральном Губернаторстве, главным образом в Кракове. Руководство ОУН рассчитывало, что война и освобождение украинской территории из-под советской оккупации создаст удобную возможность для создания украинского государства. Поэтому ОУН(б) поддерживала хорошие контакты с Абвером и Вермахтом, но не имела контактов с Гитлером, Гиммлером и другими ведущими политиками нацистской Германии, которые исповедовали расовую идеологию и были против создания независимого украинского государства²².

В политическом воображении Гитлера территория Украины, как и многих других восточноевропейских стран, должна была быть освоена согласно Generalplan Ost (Генеральному Плану Восток): на украинской территории должны были поселиться немцы, а украинцы должны были быть частично порабощены, а частично «устранены»²³. Насколько хаотическим был нацистский аппарат и

²¹ Для осмысления этих элементов фашизма в ОУН, см.: Степанів О.І. За правильний підхід // Ідея і чин. 1943. № 2. Р. 22. О решении об удалении из оборотных документов фактов, свидетельствующих об участии украинской милиции в погромах 1941 г. и помощи, которую она оказывала немцам в расстреле евреев, см.: Курило, Хімка. Як ОУН ставилася до євреїв. Р. 260. См. также сам документ: ЦДАВО ф. 3833, оп. 1, д. 43, л. 9 (Приказ ч. 2/43). О процессе «демократизации», см.: Marples D.R. Heroes and Villains: Creating National History in Contemporary Ukraine. Budapest, 2007. P. 194-196.

²² Grelka. Die ukrainische Nationalbewegung. P. 269.

²³ О «Generalplan Ost», см.: Madajczyk Cz. Vom Generalplan Ost zum Generalumsiedlungsplan // Der «Generalplan Ost»: Haupttrichtungen der nationalsozialistischen Planungs- und Vernichtungspolitik / Ed. M. Rössler, S. Schleiermacher. Berlin, 1993. P. vii. Об отношении Гитлера к восточным европейцам и Украине, см.: Madajczyk Cz. Vom Generalplan Ost zum Generalumsiedlungsplan,

насколько различные планы составлял он относительно Восточной Европы, хорошо иллюстрирует тот факт, что в то время, когда не-немцы уже давно начали служить в войсках Вермахта, Гитлер все еще твердил, что «никому кроме немцев нельзя ни в коем случае позволять носить оружие»²⁴.

В 1940-1941-х годах ОУН сотрудничала с такими офицерами Абвера и Вермахта, как Вильгельм Канарис²⁵, Теодор Оберлендер²⁶, Ганс Кох²⁷ и Альфред Бизанц²⁸. ОУН была таким образом активно привлечена к подготовке к германо-советской войне. Условия этого сотрудничества не были до конца определены, что позднее стало причиной многих недоразумений между ОУН(б) и нацистами. За свои услуги ОУН(б) ожидала политической компенсации в виде украинского государства в фашистской Европе под нацистским контролем. Однако, немецкие офицеры не были уполномочены давать такие обещания (хотя не исключено, что тем не менее давали их). Предводители ОУН(б) либо не хотели, либо не были в состоянии понять политическую ситуацию, в частности, отношение немцев к плану создания украинского государства.

Результатом военного сотрудничества было, помимо других явлений, создание батальонов Вермахта «Nachtigall» (Соловей) и «Roland», которые насчитывали соответственно 350 и 330 солдат. Оба были укомплектованы украинскими солдатами под руководством немецких и украинских офицеров²⁹. Кроме этих двух батальонов ОУН(б) использовала свою организационную сеть в западной Украине для оказания шпионских услуг Абверу³⁰.

Другие коллаборанты из ОУН(б), которые не вступили в батальоны «Nachtigall» и «Roland», проходили подготовку в Военной Академии им. Евгена Коновальца в Кракове и позже служили в так называемых «походных группах»³¹. Численность личного состава в этих группах, по разным оценкам, варьировалась

München, 1994. P. 23-25; Picker H. Hitlers Tischgespräche: Im Führerhauptquartier 1941–1942. Bonn, 1951. P. 50-51, 69, 115-116.

²⁴ Neulen H.W. An deutscher Seite: Internationale Freiwillige von Wehrmacht und Waffen-SS. München, 1992. P. 17.

²⁵ Müller R.-D. An der Seite der Wehrmacht: Hitlers ausländische Helfer beim «Kreuzzug gegen den Bolschewismus» 1941-1945. Berlin, 2007. P. 194.

²⁶ Kappeler A. Hans Koch (1894–1959) // Osteuropäische Geschichte in Wien: 100 Jahre Forschung und Lehre an der Universität / Ed. A. Suppan, M. Wakounig, G. Kastner. Innsbruck, 2007. P. 243; Wachs Ph.-Ch. Der Fall Theodor Oberländer (1909–1998): Ein Lehrstück deutscher Geschichte. Frankfurt am Main, 2000. P. 55-71.

²⁷ Kappeler. Hans Koch. P. 243; Brandon R. Hans Koch // Handbuch der völkischen Wissenschaften / Ed. I. Haar, M. Fahlbusch. München, 2008. P. 329-332.

²⁸ Климишин М. В поході до волі, Detroit, Українська книгарня, 1987. P. 293-294.

²⁹ Украинцы называли батальоны «Дружинами украинских националистов» (Дружини українських націоналістів). См.: Armstrong A. Ukrainian Nationalism. N.Y., 1963. P. 74; Патриляк І.Л. Військова діяльність ОУН (В) та 1940-1942 роках. К., 2004. P. 274-288.

³⁰ Климишин М. например, вспоминает встречу с таким украинским солдатом, работающим в Абвере (В поході до волі. P. 322-323). О наборе украинцев в Абвер см. Боляновський А. Українські військову формування в збройних силах Німеччини (1939-1945). Львів, 2003. P. 53-54.

³¹ Климишин. В поході до волі. P. 297-301.

от 750 до 1200 членов ОУН(б)³². «Походные группы» были небольшими подразделениями боевиков ОУН, которые после 22-го июня 1941 г. шли по следам немецкой армии и организовывали администрацию на территориях, с которых отступили советские войска³³. Как показывают письма, адресованные Гитлеру, Бандере и Стецько, они также ознакомляли местное население с националистической, фашистской и антисемитской идеологией ОУН(б).

«Революцию» поддерживали также внутренние силы, которые находились в конспирации до самого начала германо-советской войны. Эта часть организации под руководством Ивана Клымыва во время подготовки «революции» поддерживала близкие контакты с активистами ОУН(б) в Генеральном Губернаторстве. Согласно подсчетам Клымыва, подготовленным для руководителей ОУН(б) в Генеральном Губернаторстве, эти силы насчитывали около 20 000 членов в 3300 ячейках³⁴. Клымыв завершил назначение кандидатов в областные украинские революционные администрации и районные украинские революционные администрации уже 20 мая 1941-го года³⁵.

Готовясь к своей «революции» весной 1941 г., ОУН составила по крайней мере два важных документа на эту тему. Первый был озаглавлен *Инструкция пропаганды на довоенный период, на время войны и революции, и первые дни построения государства*³⁶. Этот документ подтверждает решимость ОУН(б) начать революцию, которая должна создать государственность. Написан он был в период с декабря 1940-го по апрель 1941-го гг. с фашистской, националистической и военной точки зрения, преследовал цель сориентировать революционеров во время наиважнейших первых дней «Украинской национальной революции». Текст указывает, что руководители ОУН(б) чувствовали необходимость мобилизации украинцев на «революцию», поскольку в их понимании только такое массовое движение могло привести к созданию государства. Для этой цели следовало применить все виды пропаганды, от сеяния слухов до пения народно-революционных песен, печатания и распространения брошюр и журналов, а также трансляции пропаганды «национальной революции» по радио³⁷. Основным содержанием пропаганды было «восстановление» украинского государства

³² Motyka. *Ukraińska partyzantka 1942–1960*. Р. 93. По его подсчетам, в «походных группах» было от 5000 до 7000 членов ОУН(б). См. также: Ходанович О.Л. *Військово-політична діяльність похідних груп ОУН та території України в роки Другої світової війни*. Дисс. на соискание уч. ст. доктора исторических наук. Национальная библиотека Украины им. Вернадского, 2006.

³³ Armstrong. *Ukrainian Nationalism*. Р. 84-85. Автобиографическое описание организации и функционированию «походных групп» можно найти в: Климишин. *В поході до волі*. Р. 315-535. В этих воспоминаниях, однако, как признается сам Климишин, по предложению Степана Бандеры все темные пятна были подвергнуты «выбеливанию» (Там же. Р. 333).

³⁴ ЦДАВО ф. 3833, оп. 1, д. 45, лл. 1-2. 5 000 на Волыни, 13 000 в Галиции, и 1 200 во Львове.

³⁵ ЦДАВО ф. 3833, оп. 1, д. 45, л. 2.

³⁶ Там же. Д. 69, лл. 23-28 (Пропагандивні вказівки на перевоєнний час, на час війни та революції та на початкові дні державного будівництва).

³⁷ Там же. Лл. 23, 25-28. ОУН(б) модифицировала, например, гимн европейского пролетариата, «Интернационал», для использования в своей «национальной революции». См.: там же. Л. 25.

ОУН(б) и неизбежная война с «московскими жидами» и другими врагами. Характерным лозунгом был: «Убивайте врагов, находящихся среди вас – евреев и доносителей»³⁸.

Важной частью «революции» была мобилизация украинских сел против космополитичных городов, в которых, согласно тексту, проживало большинство врагов украинского народа. Второй важной целью было убедить украинцев, что провозглашение или «восстановление» государства было не неким театром, а действительностью. Для этой цели члены ОУН(б) при каждой возможности организовывали встречи и читали собравшимся людям свой манифест, призывающий к восстановлению «украинского государства»³⁹. Стандартный текст этого документа выглядел следующим образом: «От имени всей Украины Организация украинских националистов под предводительством Степана Бандеры провозглашает украинское государство, во имя которого целые поколения наилучших сынов Украины отдали свои жизни. Организация украинских националистов, которая под предводительством своего создателя и вождя Евгена Коновальца вела неустанную борьбу за свободу на протяжении последних десятилетий московско-большевицкого ига, призывает весь украинский народ не опускать оружие, пока суверенная украинская власть не возьмет под контроль все украинские земли. Суверенная украинская власть гарантирует украинскому народу право и порядок, всеобщее развитие всех его сил и удовлетворение всех потребностей»⁴⁰. Содержание этой прокламации похоже на содержание некоторых писем, адресованных Гитлеру, Бандере и Стецько.

Согласно *Инструкции* ОУН(б) должна была перенять власть на «революционных» территориях посредством разоружения врага (НКВД или советские власти), после чего должны были быть организованы встречи с местным населением и провозглашение государственности путем прочтения прокламации. Во время этого акта вся общественность, в том числе женщины и дети, была обязана признать руководство Степана Бандеры и принести присягу верности украинскому государству до самой смерти. Более того, все присутствующие должны были присягнуть, что будут служить украинскому государству всей своей жизнью, защищая его до последней капли крови. После прочтения прокламации каждый украинец, способный нести военную службу, должен был вступить в Украинскую национальную армию и быть мобилизованным к немедленным действиям на окрестных территориях. Целью всей процедуры провозглашения было «включение собравшихся людей в украинское национальное государство», как духовно, так и формально⁴¹.

³⁸ Там же. Л. 24; там же. Оп. 2, д. 1, л. 80 (Боротьба та діяльність ОУН під час війни). На украинском языке: «Вбивайте ворогів, що між вами – жидів і сексотів». Этот слоган был выработан для заводских рабочих.

³⁹ Там же. Оп. 1, д. 69, л. 26.

⁴⁰ Там же. Л. 43.

⁴¹ Там же. Л. 26.

Не должно было быть никакого милосердия к украинцам, которые не соглашались с политикой ОУН(б) и не исполняли ее политических ожиданий. Украинцы должны были понять, что ОУН(б) была единственной силой в Украине. Чтобы убедить в этом массы, члены ОУН(б) старались запугивать непокорные элементы народа угрозами наказания⁴². Авторы *Инструкции* отождествляли волю ОУН(б) с волей всего народа, что было важной составляющей как фашистских, так и радикально националистических дискурсов того времени.

Другой важный документ, имеющий тесную связь с «Украинской национальной революцией», составленный в мае 1941 г., был озаглавлен *Борьба и деятельность ОУН во время войны*⁴³. Согласно этому документу, главной целью революции была не борьба с подразделениями НКВД во время их отступления, хотя некоторые силы ОУН(б) после начала германо-советской войны так иногда поступали⁴⁴, а использование политического вакуума, появившегося после отступления «советов» и перед прибытием немцев для установления органов государственной власти ОУН(б)⁴⁵. В этот период группа из 10-15 членов ОУН(б) в каждом селе должна была ликвидировать локальные структуры власти и попытаться убедить или принудить население поддержать ОУН(б). Важным революционным актом было приветствие немецких войск от имени Степана Бандеры и украинского государства, а также доведение до немцев информации, что ОУН очистила территорию от «советов» и выражает готовность к дальнейшей борьбе на стороне немцев⁴⁶.

«Украинская национальная революция» на практике

Как было упомянуто выше, «Украинская национальная революция»⁴⁷, иногда называемая ОУН(б) также «Украинской революцией»⁴⁸, планировалась как принятие власти при помощи внешних и внутренних сил. Во время «революции» украинское население должно было быть ознакомлено с идеалами украинского государства и пропагандой ОУН(б), должна была быть создана новая администрация, и провозглашение государственности должно было состояться на многочисленных публичных собраниях по всей стране. Согласно планам ОУН(б), несколько других стран Восточной Европы, которые, как и Украина, были советскими республиками, должны были присоединиться к революции и бороться за

⁴² Там же. Л. 27. Подробная информация о том, как ОУН(б) хотела контролировать политическую ситуацию в украинском государстве, см. там же. Оп. 2, д. 1, лл. 44-45.

⁴³ Там же. Оп. 2, д. 1, лл. 15-89.

⁴⁴ Там же. Оп. 1, д. 15, л. 7 (Внутрішня телеграма ОУН, 31 липня 1941 р.).

⁴⁵ Там же. Оп. 2, д. 1, л. 32.

⁴⁶ Там же. Лл. 22, 31-32, 83.

⁴⁷ ЦДАГО ф. 1, оп. 23, д. 926, л. 188, 193.

⁴⁸ ЦДАВО ф. 3833, оп. 2, д. 1, л. 2.

свою государственность. Лозунгом революции было: «Свобода народам и человеку!»⁴⁹.

Большинство украинцев не знало о расколе и распрях в ОУН в 1940 г., поскольку жизнь в СССР отрезала их от такой информации⁵⁰. В решающих первых днях германо-советской войны этот факт позволил более активным элементам ОУН(б) утверждать, что только они являются настоящей ОУН, лидер которой, Степан Бандера, поведет украинский народ к великому и героическому будущему. Более того, после судебных процессов против ОУН в 1935 г. в Варшаве и в 1936 г. во Львове по делу об убийстве Бронислава Перацкого Степан Бандера стал одной из наиболее популярных фигур среди западных украинцев.

Первым и наиважнейшим шагом в «Украинской национальной революции» было провозглашение государственности во Львове, крупнейшем городе западной части Украины. Такое провозглашение не было столь впечатляющим, как провозглашение в столице страны – Киеве, но было настолько существенным, чтобы его заметили и начали серьезно воспринимать новые оккупанты и население западной Украины. Это случилось в тот самый день, когда Львов был занят немецкими и украинскими подразделениями Вермахта – 30 июня 1941 г. Государственность была провозглашена в восемь часов вечера в малом конференц-зале здания образовательного общества «Просвита». Сначала ОУН(б) хотела сделать это в государственном театре (бывшем Большом театре), но немецкая армия уже его реквизировала для собственных нужд⁵¹. Двое немецких офицеров – Вильгельм Эрнст цу Айкерн и Ганс Кох – участвовали в заседании, и Кох даже произнес поздравления, хотя, вероятнее всего, только по поводу освобождения Украины от большевиков, а не по поводу провозглашения государственности. Офицеры напомнили собравшимся, что война еще не закончилась, поэтому это еще не самое подходящее время для провозглашения государства, а единственным лицом, которое могло бы принять решение о создании украинского государства, был Адольф Гитлер⁵².

Степан Бандера, наиважнейшая фигура революции, не был в состоянии лично провозгласить государственность, поскольку Главное управление имперской безопасности (RSHA) запретило ему ехать во Львов⁵³. В связи с этим, государственность была провозглашена замещающим Бандеру Ярославом Стецько, который прибыл во Львов с «походной группой». Стецько использовал политический ва-

⁴⁹ ЦДАГО ф. 1, оп. 23, д. 926, л.; Климишин. В поході до волі. Р. 303-304, 311-313.

⁵⁰ Armstrong. Ukrainian Nationalism. Р. 77.

⁵¹ Там же. Р. 79-80.

⁵² «Aufzeichnungen des Vortragenden Legationsrats Großkopf», Akten zur deutschen Auswärtigen Politik 1918–1945, Serie D, Band XIII / Ed. W. Bußmann. Göttingen, 1970. Р. 167-168. См. также: Bundesarchiv Berlin-Lichterfelde (BA Berlin-Lichterfelde) R. 6 (Reichsministerium für die Besetzen Ostgebiete)/150, kk. 4–5 (Rücksprache mit Prof. Dr. Koch am 10.7.1941); Паньківський Л. Від держави до комітету. Нью-Йорк, Торонто, 1957. С. 30-32.

⁵³ Ярослав Стецько называл арест Степана Бандеры «конфискацией» (ЦДАВО ф. 3833, оп. 1, д. 6, л. 2).

куум и старался действовать как представитель воли украинского народа и не наперекор интересам Германии. Во время собрания в зале «Просвиты» после приветствия Степана Бандеры Стецько прочитал официальное заявление: «Согласно воле украинского народа, Организация украинских националистов под предводительством Степана Бандеры декларирует восстановление украинского государства, ради которого принесли себя в жертву поколения наилучших сынов Украины»⁵⁴.

Далее декларация утверждала, что, во-первых, независимая украинская власть гарантирует украинскому народу порядок; во-вторых, что украинский государственный орган, возникающий в западной Украине в будущем, будет подчинен власти в Киеве; и в-третьих, что украинское государство будет тесно сотрудничать с «Национал-социалистической Великой Германией, которая создает под предводительством Адольфа Гитлера новый порядок в Европе и в мире, а также поможет украинскому народу освободиться от советской оккупации»⁵⁵.

Согласно протоколу, вечером, после прочтения декларации, люди собрались в холле и исполнили национальный гимн, «Ще не вмерла Україна», с перерывами на аплодисменты. Греко-Католическая Церковь была представлена на собрании в лице Иосифа Слипого. Другое духовное лицо, в мундире Абвера, д-р Иван Грындох, представлял батальон «Nachtigall», который в 1941 г. в порыве национальной эйфории называли также «батальоном Степана Бандеры»⁵⁶. Согласно свидетельству одного из солдат, этот батальон под руководством Романа Шухевича истребил все еврейское население в двух селах спустя несколько дней после торжественной церемонии в зале «Просвиты»⁵⁷. Встреча закончилась приветствиями, адресованными Степану Бандере, Адольфу Гитлеру, митрополиту Андрею Шептицкому⁵⁸.

На следующий день, 1 июля 1941 г. в 11.00, активисты ОУН(б) использовали львовскую радиостанцию, занятую батальоном «Nachtigall» после отхода «советов» и переименованную в «радиостанцию им. Евгена Коновальца»⁵⁹, чтобы проинформировать радиослушателей, как по-украински, так и по-немецки, о торжестве провозглашения и создании украинского государства. Один из солдат в радиоэфире эмоционально рассказывал о своем прибытии во Львов и братских отношениях между немецкими и украинскими солдатами, а также пел немецкие и украинские песни⁶⁰. Ведущий также информировал слушателей о существова-

⁵⁴ Там же. Д. 5, л.3 (з акту прокламації, підписаної Ярославом Стецьком).

⁵⁵ Там же. Л. 3.

⁵⁶ Там же. Д. 4, л. 6 (Протокол урочистостей проголошення).

⁵⁷ Там же. Д. 57, л. 17 (Автобіографії відомих членів ОУН); Bruder. «Den Ukrainischen Staat erkämpfen oder sterben!» P. 150.

⁵⁸ ЦДАВО ф. 3833, оп. 1, д. 4, л. 7.

⁵⁹ Калба М. У лавах дружинників. Денвер, 1982. С. 9-10; BA Berlin-Lichterfelde: NS 26 (Hauptarchiv NSDAP)/1198, л. 1 (Информационная листовка ч. 1, 1 июля 1941 г.).

⁶⁰ BA Berlin-Lichterfelde: NS 26/1198, лл. 1, 12 (Niederschrift über die Rücksprache mit den Mitgliedern des ukrainischen Nationalkomitees und Stepan Bandera von 3.7.1941).

нии «Украинского Вермахта»⁶¹. Кроме того, ОУН(б) познакомила радиослушателей с письмом митрополита Андрея Шептицкого, которое объявляло, между прочим, что государство ОУН(б) создается по воле Бога⁶². Для усиления пропагандистского эффекта ОУН(б) строила во многих селениях триумфальные арки с украинскими и немецкими флагами и надписями, среди которых: «Да здравствует Украина!», «Да здравствует Бандера!», «Да здравствует Германская Армия!», «Heil Hitler!», «Да здравствует наш вождь Степан Бандера!» и «Свобода Украине – Смерть Москве!»⁶³.

Местное население, одетое в национальные костюмы, с радостью приветствовало нацистов традиционным хлебом и солью. Немецкие войска быстро узнали схему, согласно которой ОУН(б) механическим, повторяющимся и театральным способом провозглашала восстановление украинского государства⁶⁴. Более того, ОУН(б) побуждала украинское население к вывешиванию в селах украинских и немецких флагов. Книги и портреты коммунистических вождей должны были быть вынесены на главные площади и сожжены. В то же самое время местное население собиралось в этом месте для выслушивания пропагандистских речей. Могилы погибших активистов ОУН должны были быть украшены цветами; от людей, проходящих мимо, требовали воздать честь погибшим героям поднятием правой руки⁶⁵. Шептицкий приказал всем греко-католическим священникам украсить церкви немецкими флагами и быть послушными немецким и новым украинским властям⁶⁶.

Несмотря ни на что, воплощение «революции», Степан Бандера, не смог оказаться на охваченных революцией территориях. Он находился под контролем немцев, сначала в Кракове, а позднее в Берлине. Но дух и харизма проводника были с «революционными» массами. Духовное присутствие Бандеры чувствовалось во время церемоний провозглашения и в содержании всех писем, адресованных Гитлеру, Бандере и Стецько. Иван Клымыв написал своему вождю, что не имел никаких сомнений в том, кому выказать свою лояльность после раскола в ОУН, поскольку он и другие коллеги, члены ОУН «дважды видели Бандеру под

⁶¹ Там же. Л. 2.

⁶² Там же. Лл. 1-3. О пастырском письме Шептицкого, см.: ОУН в світлі постанов Великих Зборів... С. 58.

⁶³ Для ознакомления с инструкцией ОУН(б) о воздвижении триумфальных арок см. ЦДАВО ф. 4620, оп. 3, д. 379, л. 34 (Инструкция пропаганды, ч. 1). Фотографии и описания триумфальных арок: Чередниченко В. Націоналізм проти нації, К., 1970. С. 93; Grelka. Die ukrainische Nationalbewegung. P. 256; Archiwum Wschodnie (AW) II/737, л. 25; обложка книги: Дюков А. Второстепенный враг: ОУН, УПА и решение еврейского вопроса. М., 2008.

⁶⁴ BA Berlin-Lichterfelde: R 58 (Reichssicherheitshauptamt)/214, Ereignismeldungen UdSSR, Berlin, 17.07.1941, ч. 25, л. 202.

⁶⁵ ЦДАВО ф. 4620, оп. 3, д. 379, л. 34.

⁶⁶ ЦДАВО ф. 3833, оп. 1, д. 15, л. 4 (Звіт про роботу в справі організації державної адміністрації на терені Західних областей України). О фото Шептицкого со знаком свастики на его плаще во время революции, см.: Sabrin B.F. Alliance for Murder: The Nazi-Ukrainian Nationalist Partnership in Genocide. N.Y., 1991. P. 172.

виселицей, непобежденного и верного идеи»⁶⁷. Для них было очевидно, что Бандера был настоящим украинским вождем и что во время «Украинской национальной революции» вся революционная территория должна быть покрыта плакатами и листовками, прославляющими Бандеру.

Бандера, хотя и менее харизматический, чем первый предводитель ОУН, Евгений Коновалец, убитый в 1938 г. в Роттердаме – был наделен подобным культом личности. Под влиянием ОУН(б), украинское население на «освобожденных» территориях с энтузиазмом почитало обоих – Бандеру и Гитлера, создателя «Новой Европы». Портреты Гитлера были выставлены на всеобщее обозрение во многих местах. Например, в Тернополе 3 июля 1941 г. портреты Бандеры, Гитлера и Коновальца демонстрировались на вече, во время которого члены ОУН(б) приветствовали немцев, праздновали освобождение от «жидокоммуны» и провозглашали государственность⁶⁸.

3 июля 1941 г. Ярослав Стецько, глава вновь сформированного правительства, выслал официальные письма к нескольким европейским фашистским лидерам: «дуче» Италии Бенито Муссолини, хорватскому «поглавнику» Анте Павеличу, «каудильо» Испании, Франсиско Франко, и, конечно, «фюреру» Адольфу Гитлеру. Письма были написаны по-немецки – *lingua franca* новой фашистской Европы. Стецько информировал Павелича, что «в результате многовековой борьбы украинского народа за свою суверенность украинское государство было провозглашено во Львове 30 июня 1941 года». Он выразил свою убежденность, что «оба революционных народа [украинский и хорватский – *Г. Р.-Л.*], закаленные в бою, станут гарантами установления стабильности в Европе нового порядка».

Аналогичная надежда на «творческое сотрудничество», на этот раз между испанским и украинским народами, была декларирована в письме Стецько к Франко. Муссолини был проинформирован, что «украинское государство было восстановлено на территориях, освобожденных от жидо-московской оккупации [...] согласно воле украинского народа, выраженной через Организацию украинских националистов под руководством Степана Бандеры». Стецько также передал итальянскому лидеру свои горячие поздравления, пожелал быстрой победы его храброму народу и выражал уверенность, что «Украина будет частью нового фашистского порядка, который должен прийти на смену версальской системе»⁶⁹.

В письме к Гитлеру Стецько передал свои поздравления и выразил желание «от имени украинского народа и его правительства, сформированного в осво-

⁶⁷ ЦДАВО ф. 3833, оп. 1, д. 45, л. 3. Утверждая, что он «видел Бандеру дважды под виселицами, непобедимого и верного идеи», Клымыв имел в виду судебные процессы против ОУН в 1935 – 1936 гг. в Варшаве и в 1936 г. во Львове, на которых Бандера был приговорен к смерти. Говорилось, что он не выказал тогда никакого страха. На втором процессе смертный приговор был заменен пожизненным заключением.

⁶⁸ Фото немецкого офицера и двух мужчин в гражданской одежде на подиуме напечатано в: Чередниченко. Націоналізм проти нації. С. 93. О дате этого события, см.: ЦДАВО ф. 3833, оп. 1, д. 15, л. 15.

⁶⁹ ЦДАВО ф. 3833, оп. 1, д. 22, лл. 1-3.

божденном Львове», что немецкий вождь увенчает борьбу «вечным триумфом». Стецько выражал также убежденность, что победы германской армии позволят Гитлеру расширить новую Европу на восток. «Таким образом, – писал он, – Вы позволили украинскому народу, как одному из полноправных и свободных членов европейской семьи народов в его суверенном украинском государстве, активно участвовать в великом плане»⁷⁰. Кроме этих официальных писем к фашистским руководителям Стецько планировал послать представителей своего правительства в Словакию, Румынию, Японию, Хорватию, Германию и, вероятно, в некоторые другие страны, образующие новую фашистскую Европу⁷¹.

Правительство, о создании которого Стецько пытался информировать фашистских руководителей Европы, воплощенное в жизнь по воле Бандеры, получило название Государственное правление Украины (укр. Українське державне правління). Это правительство не состояло исключительно из членов ОУН(б), но все его члены были лояльны этой организации. Через несколько дней после создания Государственное правление Украины было запрещено нацистами и перестала функционировать, но с целью продолжения существования создало Совет старейшин (укр. Рада сеньйорів). Эта институция должна была исполнять функции парламента в государстве ОУН(б) и планировала заседать в здании Львовского университета, которое до 1918 г. использовали как Галицкий сейм⁷². Проект парламентской системы будущего государства ОУН(б) был подготовлен осенью 1940 г. юристом и членом ОУН(б) Михаилом Степаняком, которого в 1930 годах преследовали за коммунистическую деятельность⁷³.

Из фрагментов протоколов правительственных сессий мы знаем, что Государственное правление хотело организовать кампанию уничтожения евреев в Украине. Участники дискуссии, однако, не определили, как эта «акция уничтожения» должна быть проведена. Кроме того, правление с большим энтузиазмом обсуждало что-то вроде украинского Generalplan Ost (Генерального плана Восток). Согласно этому плану все не-украинцы, проживающие в Украине, должны были быть эвакуированы или уничтожены, а все украинцы, живущие вне территории «этнической» Украины, например, в Москве или Ленинграде, должны были быть переселены в ее пределы. Предусматривалась также возможность присоединения к украинскому государству территорий, на которых проживали украинцы. По

⁷⁰ Там же. Оп. 3, д. 7, л. 26.

⁷¹ Там же. Оп. 1, д. 10, л. 4 (Список послів українського уряду за кордоном).

⁷² BA Berlin-Lichterfelde, R 58/214, Ereignismeldungen UdSSP. Berlin, 4.7.1941, ч. 12, л. 69. О Совете Старейшин, см. также: ЦДАВО ф. 3833, оп. 1, д. 15, л. 3.

⁷³ О всех проектах государственного аппарата, подготовленных Степаняком, см.: Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ) ф. R-9478 (Главное управление по борьбе с бандитизмом МВД СССР), оп. 1, д. 136, лл. 14-15. О коммунистической деятельности Степаняка в 1930-х годах, см.: там же. Л. 10.

словам одного из членов правительства, этнический вопрос в Украине должен быть решен «немецким способом»⁷⁴.

Следом за отступлением «советов» из Западной Украины и провозглашением украинского государства во Львове происходит серия погромов⁷⁵. Во Львове наиболее жестокая фаза погромов началась где-то утром 1 июля 1941 г., спустя всего несколько часов после провозглашения государственности ОУН(б). Маловероятно, что это было только случайное стечение обстоятельств⁷⁶. Насилие было спровоцировано нацистами во взаимодействии с членами ОУН(б). Перед этим в подвалах львовских тюрем были найдены тела около 3000 человек, убитых НКВД. Евреев, которых немцы и члены ОУН(б) заставили выносить тела из подвалов, обвинили в смерти этих заключенных. Это был один из наиболее важных факторов вспышки массового насильственного гнева. Фактор, высвободивший гнев, не подействовал бы без сильного антисемитского стереотипа «жидо-большевизма» и революционной пропаганды ОУН(б), направленной также против евреев. Общее количество погромов и их жертв, а также роль, которую сыграли в них немцы, трудно оценить. Согласно наиболее достоверным подсчетам,

⁷⁴ ЦДАВО ф. 3833, оп. 1, д. 9, лл. 1, 3 (Копія протоколу засідання Правління України). На украинском языке: поставити справу по німецьку. Там же. Л. 1. Об очень подобном заявлении по поводу обращения с «не-украинцами» на «Украине», см.: там же. Д. 69, л. 36.

⁷⁵ О погромах в Западной Украине, см.: Pohl D. Anti-Jewish Pogroms in Western Ukraine – A Research Agenda // *Shared History – Divided Memory: Jews and Others in Soviet-Occupied Poland, 1939–1941* / Ed. E. Barkan et al. Leipzig, 2007. P. 305-313; Lesser G. Pogromy w Galicji Wschodniej w 1941 г. // *Tematy polsko-ukraińskie* / Ed. R. Traba. Olsztyn, 2001. P. 103-126. Похожие волны погромов произошли также кратко после начала германско-советской войны в северо-восточной Польше и в Литве. О погромах в Польше, см.: Żbikowski A. Pogroms in Northeastern Poland – Spontaneous Reactions and German Instigations // *Shared History – Divided Memory*. P. 315-354. О Литве, см.: Dieckmann Ch. Lithuania in Summer 1941 – The German Invasion and the Kaunas Pogrom // *Shared History – Divided Memory*. P. 355-385.

⁷⁶ Погром начался 30 июня 1941 г., и даже раньше. О свидетельствах, которые определяют дату начала насилия 1 июля 1941 г., см. Lewin L.I. *Przeżyłem: Saga Świętego Jura spisana w roku 1946*. Warszawa, 2006. P. 56-57; *ŻIH* 229/54, TeKa Lwowska. Л. 2. О ходе погрома во Львове, см.: Mick Ch. *Ethnische Gewalt und Pogrome in Lemberg 1914 und 1941* // *Osteuropa*. 2003. Vol. 53, 12. P. 1810-1811, 1824-1829; Heer H. *Einübung in den Holocaust: Lemberg Juni/Juli 1941* // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 2001. Vol. 49. P. 410, 424; Bruder. «Den Ukrainischen Staat erkämpfen oder sterben!» P. 140-150; Grelka. *Die ukrainische Nationalbewegung*. P. 276-286; Pohl D. *Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941–1944: Organisation und Durchführung eines staatlichen Massenverbrechens*. München, 1997. P. 60-62; Wachs. *Der Fall Theodor Oberländer (1909–1998)*. P. 71, 78-80. О плакатах и остальных формах пропаганды ОУН(б) во Львове во время погрома см. Rogowski J. *Lwów pod znakiem swastyki: Pamiętnik z lat 1941–1942* (неопубликованный манускрипт) / *Zakład Narodowy im. Ossolińskich we Wrocławiu*, 16711/II,10; Lewin. *Przeżyłem*. P. 65; Yones E. *Die Straße nach Lemberg: Zwangsarbeit und Widerstand in Ostgalizien 1941–1944*. Frankfurt am Main, 1999. P. 18; Дюков. *Второстепенный враг*. С. 47-52. По Дюкову, некоторые солдаты батальона «Нахтигаль» также участвовали в насилии во Львове (Дюков. *Второстепенный враг*. С. 71-72). Непосредственные свидетели видели солдат из батальона «Нахтигаль», избивающих евреев 1 июля во дворе тюрьмы на ул. Замарстыновской (*AŽIH*, 301/2242, Zygmunt Tune, 1; Lewin. *Przeżyłem*. P. 61).

во время львовского погрома погибло около 4000 евреев⁷⁷, в то время как во всей западной Украине погибло, согласно различным подсчетам, от 13 000 до 35 000 евреев⁷⁸.

Готовясь к «Украинской национальной революции», ОУН(б) предусматривала ликвидацию «польских, московских и еврейских активистов»⁷⁹. Это было заданием прежде всего для украинской народной милиции, служить в которой имели обязанность все мужчины от 18 до 50 лет, способные держать оружие⁸⁰. Поскольку ОУН(б) не имела мундиров для милиции, каждый милиционер был обязан носить на рукаве либо сине-желтую повязку, либо повязку с надписью «Народная милиция». Руководителем подразделения милиции должен был быть «хорошо известный националист», верный идеологии ОУН(б)⁸¹. Эти подразделения милиции приняли активное участие в погромах⁸². Руководство ОУН(б) ожидало от них также подобных действий против других врагов украинского народа, таких как русские, поляки (оккупанты), и украинские информаторы (сексоты)⁸³.

Создание милиции после советского отступления было заранее запланировано ОУН(б), как мы знаем из ранее упомянутого документа *Борьба и деятельность ОУН во время войны*. Ярослав Стецько, настроенный решительно антисемитски

⁷⁷ Mick Ch. *Ethnische Gewalt und Pogrome in Lemberg 1914 und 1941* // Osteuropa. 2003. Vol. 53. № 12. P. 1825. Во время этого погрома было убито 4000 евреев. Кроме того, 5 июля от 2500 до 3000 евреев было расстреляно немецкими специальными силами. См.: Pohl. *Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941–1944*. P. 61, 69. Между 25 и 28 июля 1941 г. другой погром, названный «днями Петлюры», произошел во Львове. Несколько сотен евреев было убито, в основном украинскими милиционерами и крестьянами, которые прибыли во Львов из соседних сел, чтобы принять участие в насилии. Ср. АЖИИ, 301/230, Jakub Dentel, 2; АЖИИ, 301/1864, Salomon Goldman, 5; АЖИИ, 301/4654, Henryk Szyper, 11; АЖИИ, 301/1584, Izak Weiser, 1; А-ИИ, 302/26, Lejb Wieliczker, 21; АЖИИ, 301/4944, Jan Badian, 1-6; АЖИИ, 301/1117, Leonard Zimmerman, 1; АЖИИ, 301/1801, Henryk Baldinger, 1-4; АЖИИ, 301/2278, Lucyna Hallensberg, 1.

⁷⁸ Pohl. *Anti-Jewish Pogroms in Western Ukraine*. P. 306.

⁷⁹ ЦДАВО ф. 3833, оп. 2, д. 1, л. 32.

⁸⁰ Там же. Лл. 62, 64. Все украинские мужчины в возрасте от 18 до 50 лет, которые были обязаны вступить в милицию, были поделены на две категории: профессиональных милиционеров, которые работали полный рабочий день, и резервные силы («члены-добровольцы»), которые зарабатывали на жизнь в другом месте, но могли быть мобилизованы в любой момент.

⁸¹ Там же. Л. 62.

⁸² О действиях украинской милиции во время погрома, см.: Yones. *Die Straße nach Lemberg*. P. 18-19; АЖИИ, 301–1809, Jarosław Korczyński (*Zeznania ocalałych Żydów*), 1; АЖИИ, 301/4654, Henryk Szyper, 6; АЖИИ, 301/1864, Salomon Goldman, 1; АЖИИ 229/22, Maurycy Allerhand (*Teka Lwowska*), 1; АЖИИ: 229-54, TeKa Lwowska, 1. Об общей численности украинских полицейских сил во время II мировой войны в Украине, см.: Pohl D. *Ukrainische Hilfskräfte beim Mord an den Juden* // *Die Täter der Shoah: Fanatische Nationalsozialisten oder ganz normale Deutsche?* / Ed. G. Paul. Göttingen, 2002. P. 202-234; FINDER G.N., Prusin A.V. *Collaboration in Eastern Galicia: The Ukrainian Police and the Holocaust* // *East European Jewish Affairs*. 2004. Vol. 34. № 2. P. 95-118. О помощи, оказанной немцам в антиеврейских акциях, см.: Патриляк. *Військова діяльність ОУН (Б) в 1940–1942 роках*. С. 232.

⁸³ ЦДАВО ф. 3833, оп. 2, д. 1, лл. 60, 62.

во время революции⁸⁴, написал Степану Бандере 25 июня 1941 г., за пять дней до провозглашения государственности, из селения Млыны: «Мы организуем украинскую милицию, которая поможет нам устранять евреев и защищать население»⁸⁵. Лица, завербованные в милицию, получали также идеологическую подготовку. Владимир Панасюк, с Волини, которого готовили в милицию украинские националисты из Галиции, должен был принести присягу Степану Бандере и независимой Украине. После такой присяги Панасюк и его «начальники» исполнили национальный гимн⁸⁶. Панасюк, как и многие другие милиционеры, был, вероятно, подготовлен либо членами ОУН(б), которые находились в подполье Клымыва, или членами «походных групп» из Генерального Губернаторства, пропагандирующими идею «Украинской национальной революции» и создающими государство ОУН(б).

Поскольку погром во Львове произошел практически одновременно с провозглашением государства ОУН(б), город был полон плакатов, прославляющих ОУН(б), Адольфа Гитлера, Степана Бандеру, «великую германскую армию», войну против «жидовских коммунистов» и так далее⁸⁷. Под стенами с этими плакатами лежали трупы убитых евреев. Наиболее многочисленной национальной группой среди убийц были украинцы, подстрекаемые ОУН(б). Однако вероятно, что среди преступников были также поляки, поскольку они, как и украинцы, нашли тела своих родственников среди жертв НКВД. Газеты ОУН(б), издаваемые на территориях «Украинской национальной революции», совпадающей с местами погромов, были полны восхищения руководителями революции. Газета *Самостоятельная Украина* в Станиславской области распространяла пропаганду в пользу государства ОУН(б) начиная с 7 июля; 10 июля она напечатала текст прокламации с фотографией Ярослава Стецько на первой странице⁸⁸. 24 июля *Украинское слово* напечатало фотографию вождя Степана Бандеры вместе с пропагандистскими статьями об украинско-германо-венгерской войне против «НКВД и его преступников, которые мучили украинский народ»⁸⁹.

⁸⁴ Об антисемитизме лидера ОУН(б) Ярослава Стецько, см.: Berkhoff K.C., Carynyk M. The Organization of Ukrainian Nationalists and Its Attitude toward Germans and Jews: Iaroslav Stets'ko's 1941 *Zhyttiepys* // Harvard Ukrainian Studies. 1999. Vol. 23. №№ 3-4. P. 149-184. О деятельности украинской милиции см.: Pohl. Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien. P. 46.

⁸⁵ ЦДАВО ф. 3833, оп. 1, д. 12, л. 10 (Телеграма Ярослава Стецька Степану Бандері, ч. 13, 25.6.1941).

⁸⁶ U.S. Holocaust Memorial Museum, Record Group (USHMM RG) 31.018M, reel 20; Управління Служби Безпеки України у Рівненській області (СБУ у Рівненській області). № 19090, т. 3, лл. 3, 3в., 100, 101. О милиции, см. также: Pohl. Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien. P. 46.

⁸⁷ Согласно Дмитру Гонте, печатнику плакатов, десять евреев было принуждено к помощи при печатании пропагандистских плакатов: см. Друкарство Західної України під час окупації, Конкурс на спогади, Осередок Ukrainian Cultural and Educational Centre Winnipeg, лл. 14–16. Некоторые из этих плакатов находятся в собраниях ЦДАВО. См. ЦДАВО ф. 3822, оп. 1, д. 63, лл. 112-114.

⁸⁸ Акт проголошення Української держави // Самостійна Україна. 10 липня 1941. С. 1.

⁸⁹ Святочна академія // Українське слово. 24 липня 1941. С. 1.

Несмотря на то, что ОУН(б) связывали с нацистской Германией тесные идеологические связи и организация охотно поддерживала нацистов в их войне против «жидо-большевизма», ни ведущие нацистские политики в Берлине, ни офицеры Абвера, находящиеся в контакте с украинскими националистами и сотрудничающие с ОУН, до начала германо-советской войны (некоторые из них – в том числе Ганс Кох – даже присутствовали на собрании 30 июня 1941 г.) не согласились с провозглашением украинской государственности. Заместитель государственного секретаря в Генеральном Губернаторстве, Эрнст Кундт, организовал 3 июля в Кракове встречу с участием четырех политиков ново провозглашенного правительства и вождя государства ОУН(б), Степана Бандеры.

На встрече Кундт информировал своих гостей, что, хотя украинцы, быть может, считают себя союзниками Германии, в действительности таковыми не являются. Согласно официальной номенклатуре нацисты были «завоевателями» советской территории, и было бы лучше для украинских политиков, чтобы они не вели себя иррациональным образом, что означало, что они не должны провозглашать и пытаться создавать государство, пока война с Советским Союзом на украинской территории не будет окончена. Кундт сказал также, что понимает ненависть украинцев по отношению к полякам и русским, а также их энтузиазм в создании украинского государства с сильной украинской армией, но подчеркнул, что, если они хотят остаться в хороших отношениях с нацистской Германией и не компрометировать себя в глазах украинского народа, они должны перестать «делать такие дела» и подождать решения Гитлера⁹⁰.

Бандера, который опоздал на встречу, подчеркнул, что «украинские националисты не были в борьбе с большевиками пассивными наблюдателями, а активными членами, [вели борьбу] в форме, какую позволяла им немецкая сторона». Он объяснил, что дал приказ своим людям сражаться вместе с немцами и создать на территориях, оккупированных немцами, украинскую администрацию и украинское правительство. Он пробовал объяснить свою политику офицерам Абвера, но они не были компетентны, чтобы решать политические вопросы. В ходе дальнейшей беседы Бандера заявил, что является вождем украинского народа. Его власть следует из факта, что он является руководителем ОУН, организации, стоящей во главе украинского народа. Кундт ответил, что, по его мнению, только фюрер уполномочен создавать украинское правительство; Бандера ответил, что, хотя санкции свыше не было получено, украинское правительство уже существует и собирается сотрудничать с Германией. Украинский вождь не мог сказать, получили ли активисты ОУН(б) согласие кого бы то ни было с немецкой стороны перед провозглашением государственности, но подчеркнул, что украинский военный капеллан в немецком мундире Иван Грынёх присутствовал на торжестве провозглашения независимости украинского государства⁹¹.

⁹⁰ BA Berlin-Lichterfelde: NS 26/1198, л. 1-5, 10.

⁹¹ Там же. Л. 9-12.

Встреча завершилась коротким монологом каждой из двух сторон. Кундт повторил, что провозглашение украинской государственности не было в интересах Германии, и что только «фюрер» мог решить, как и в какой форме украинское государство и правительство могут появиться. Он объяснил также, что даже если ОУН(б) информировала немецкую сторону о своем намерении провозгласить государственность, то есть о том, что ОУН(б) пробовала сделать, это не значит, что ОУН(б) получила на это согласие⁹². Бандера признал, что нет смысла далее утверждать, что он действовал с согласия немецких институций, и заявил, что действовал на основании мандата, полученного от украинского народа. В конце, стремясь к нахождению компромисса с Кундтом, добавил, что украинское государство могло быть построено только с разрешения Германии⁹³.

С одной стороны, недоразумения между нацистами и политиками ОУН(б) касательно политической системы в Украине вытекали из наивности руководства ОУН(б) и его иллюзий сотрудничества с нацистской Германией на равных условиях. С другой стороны, несогласие было вызвано намерением нацистского руководства использовать Украину экономически, без поддержки политических устремлений тамошних националистов. Вследствие этого конфликта интересов государство, провозглашенное Стецько, не было признано нацистами так, как другие фашистские государства Восточной Европы, такие как Хорватия или Словакия. Бандера был арестован 5 июля, а Стецько 9 июля, после того как вышел невредимым после покушения на его жизнь во Львове. Оба были увезены в Берлин. 14 июля они были освобождены из-под ареста при условии регулярной регистрации в полиции⁹⁴.

В середине сентября 1941 г. многие члены ОУН(б) были арестованы, а летом 1942 г. некоторые из них были доставлены в концентрационный лагерь Аушвиц⁹⁵. Офисы ОУН в Берлине и Вене были закрыты⁹⁶. Тем не менее, до начала сентября 1941 г. ОУН(б) все еще пыталась прийти к согласию с нацистами. В

⁹² Член ОУН(б) Владимир Стахив выслал «Вашему Превосходительству» Адольфу Гитлеру 23 июля 1941 г. Официальное письмо, в котором проинформировал Гитлера, что ОУН верила, что последствия еврейско-большевистской деятельности в Европе вскоре будут ликвидированы и что «воссоздание независимого украинского национального государства на условиях Брест-Литовского мирного договора стабилизирует национальный [völkisch] Новый Строй». От имени предводителя ОУН Стахив выслал также меморандум о решении украинского вопроса. См.: Bundesarchiv Koblenz R 43 II (Reichskanzlei)/1500, л. 61, memorandum. Л. 63-77. Член ОУН(б) Рихард (Рико) Ярый выслал телеграмму из Вены в Берлин; заверил Гитлера в лояльности ОУН(б), ее готовности к борьбе с «покрытым славой германским Вермахтом» против «московского большевизма», в ее стремлении к мобилизации большого числа украинцев, проживающих в Германии, которые могут бороться за «освобождение Украины» и «завершение хаоса в Восточной Европе». См.: ЦДАВО ф. 3833, оп. 1, д. 22, л. 10.

⁹³ BA Berlin-Lichterfelde: NS 26/1198, л. 12-14.

⁹⁴ Bruder. «Den Ukrainischen Staat erkämpfen oder sterben!» P. 135.

⁹⁵ Там же. P. 137. Bruder F. «Der Gerechtigkeit dienen»: Die ukrainischen Nationalisten als Zeugen im Auschwitz-Prozess // Im Labyrinth der Schuld: Täter – Opfer – Ankläger // Ed. I. Wojak I., S. Meinl. Frankfurt am Main, 2003. P. 138, 148.

⁹⁶ Дюков. Второстепенный враг. С. 66.

декабре 1941 г. Бандера передал члену ОУН(б) Евгению Стахиву, который навещал его в это время в Берлине, сообщение, информирующее его заместителя в Украине, Мыколу Лебеда, что ОУН(б) не должна бороться с Германией, а вместо этого следует пытаться улучшить германо-украинские отношения⁹⁷.

Письма как источник исследований «Украинской национальной революции»

Письма, написанные после ареста немцами Бандеры и Стецько, были наименее радикальным способом, при помощи которого ОУН(б) пробовала спасти свою «революцию» и улучшить свои отношения с нацистами. Немцы знали об источниках кампании писания писем и собирания подписей под «петициями об освобождении»⁹⁸ Бандеры, но реагировали на это холодно и не придавали этой акции особого значения.

На день написания этой статьи, письма, написанные во время «Украинской национальной революции», находились в семи папках в Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины в Киеве⁹⁹, а также в Политическом архиве Министерства иностранных дел в Берлине¹⁰⁰. Папки в Киеве озаглавлены *Постановления собраний граждан о провозглашении так называемого Украинского Государства (Постанови зборів громадян в справі проголошення званої Української Держави)*. Письма разложены в папках по областям, в которых были написаны. Содержание незначительно отличается, но все письма были написаны с одной целью: поддержка существования украинского государства, провозглашенного Ярославом Стецько 30 июня 1941 г., и продолжение «Украинской национальной революции», которая должна привести к созданию украинского государства под контролем ОУН(б).

Семь папок отличаются по размеру. Наименьшая папка содержит только 65 листов с 30 письмами. Наибольшая – 141 лист, или от 80 до 90 писем. Некоторые письма содержат только несколько строк¹⁰¹, в то время как другие состоят из двух или трех страниц текста¹⁰². Некоторые были написаны на печатной машин-

⁹⁷ Стахів Є. Кризь тюрми, підпілля і кордони. К., 1995. Р. 99-100.

⁹⁸ BA Berlin-Lichterfelde, R 58/217, Ereignismeldungen UdSSR, Berlin, 10 September 1941, ч. 79, л. 10; Berlin-Lichterfelde, R 58/216, Ereignismeldungen UdSSR, Berlin, 9 September 1941, ч. 78, л. 355.

⁹⁹ ЦДАВО ф. 3833, оп. 1, д. 29-35.

¹⁰⁰ Только четыре письма находятся в Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, R 105191 (Akten betreffend Ukraine: Lage der Volksdeutschen. Gebietsansprüche Rumäniens. Ukr. Nationalbewegung, Denkschrift z. Entwicklung d. ukr. Gebiete). Не могу утверждать, сколько писем в действительности выслано в Берлин.

¹⁰¹ Напр., ЦДАВО ф. 3833, оп. 1, д. 29, л. 4 (Листи з Явлонки, Разничі и Тельчі).

¹⁰² Напр., там же, д. 31, лл. 29-30 (Лист з Стенятина Степану Бандері, 19 липня 1941 р.) или д. 30, лл. 8-9 (Лист з Бараніх Перетоків Ярославу Стецьку).

ке, в то время как другие – от руки. Некоторые начинались заголовком «заявление»¹⁰³, другие использовали заголовок «резолуция»¹⁰⁴, а еще другие были адресованы непосредственно, без заголовка, «предводителю Организации украинских националистов Степану Бандере»¹⁰⁵ или «вождю немецкого народа Адольфу Гитлеру»¹⁰⁶ или «главе украинского правительства Ярославу Стецько»¹⁰⁷.

Одна тонкая папка только с 65 страницами содержит письма из областей: Волынской, Житомирской, Киевской, Каменец-Подольской и Станиславской¹⁰⁸. Две папки писем из Львовской области охватывают только местности, начинающиеся буквами от Б до К и от П до Я. Письма из Тернопольской области находятся в трех папках. Но здесь есть только письма из населенных пунктов с названиями, начинающимися буквами от Б до Д и от Ж до Я. Даже из такой простой оценки очевидным образом следует, что многие письма по различным причинам не сохранились в архивах¹⁰⁹. Общее их количество не может быть определено по разным причинам. Вероятно, значительная часть была утеряна во время Второй мировой войны.

Письма, как правило, были подписаны сотнями людей, чтобы показать, что политические цели ОУН(б) были очень популярны. Принимая во внимание, что письма в большинстве написаны в селах со смешанным еврейским, польским и украинским населением, среднее число в любом месте от 60 до 500 подписей на населенный пункт, в зависимости от района, в котором были собраны, указывает на значительную поддержку инициативы ОУН(б) в украинском обществе. Однако количество подписей следует воспринимать с осторожностью, поскольку в интересах ОУН(б) было, чтобы их было как можно больше.

Что интересно, так это количество населенных пунктов и районов, в которых ОУН(б) провозглашала государственность. По мнению группы историков, созданной украинским правительством в 1997 г. с целью исследования истории ОУН-УПА, ОУН(б) в 1941 г. проводила революцию и мобилизовала людей писать письма в 213 районах по всей Украине, из чего 187 в западной Украине и 26 в восточной Украине¹¹⁰. Если в каждом из этих районов ОУН(б) нашла 8000 сто-

¹⁰³ Там же. Д. 31, л. 1. Письмо, написанное от руки, под заглавием «Заява до Уряду Ярослава Стецько».

¹⁰⁴ Там же. Д. 29, лл. 2-3 (Резолюція села Яблунівка, 13 липня 1941 р.). Тут и ниже эти цитаты приводятся для примера.

¹⁰⁵ Там же. Л. 13 (Лист з села Ксаверівка, 19 липня 1941 р.).

¹⁰⁶ Там же. Д. 31, л. 36 (Лист зі Стенятина Адольфу Гітлеру, 19 липня 1941 р.).

¹⁰⁷ Там же. Д. 29, л. 9 (Лист з села Ксаверівка Ярославу Стецьку, 18 липня 1941 р.).

¹⁰⁸ Там же. Д. 29.

¹⁰⁹ Письма и телеграммы из разных мест, декларирующие лояльность по отношению к правительству ОУН(б) и новой администрации, а также несколько описаний торжеств провозглашения украинского государства находятся там же, д. 15.

¹¹⁰ Звіт робочої групи істориків при Урядовій комісії з вивчення діяльності ОУН і УПА // Ukrainepoland. www.ukrainepoland.com/u/publicystyka/publicystyka.php?id=3480. Последнее посещение: 24 февраля 2009; ЦДАВО ф. 3833, оп. 1, д. 45, л. 2. См. также: Звіт про роботу в справі організації державної адміністрації на терені Західних областей України, ЦДАВО ф. 3833, оп. 1, д. 15, лл. 1-4.

ронников, как это было в Золочевском районе¹¹¹, то в сумме ОУН(б) была бы в состоянии убедить поддержать свой проект государства 1 704 000 людей. Принимая во внимание короткое время, за которое ОУН(б) работала для установления государственности, «Украинская национальная революция» ОУН(б), по видимому, распространялась быстро, а окончилась и исчезла внезапно вследствие конфликта с нацистами. Для сравнения, согласно расчетам одного из членов ОУН(б), Ивана Клымива, ОУН(м) провозгласила государственность только в двух районах¹¹².

На этом фоне, общее количество сторонников государства ОУН(б) следует вычислять с осторожностью. Например, к некоторым письмам были прикреплены подписи или перечни подписей, что делает возможным проверить число подписей, заявленных в письмах. Остальные, однако, не содержат подписей и указывают только количество лиц, которые согласились с их текстом и должны были под ними подписаться. Вполне возможно, что члены ОУН(б), которые собирали подписи, в некоторых случаях завышали их число. Тем не менее можно утверждать, что в июле и августе 1941 г. в западной Украине ОУН(б) удалось убедить очень многих людей поддержать свою «Украинскую национальную революцию».

Бандера, Гитлер и Стецько как кумиры революционных масс

Главной целью написания писем была поддержка существования «украинского государства», провозглашенного во Львове 30 июня 1941 г. Некоторые письма не имеют стандартной формы. Их авторы используют различные аргументы и стратегии, поддерживающие государство ОУН(б). Остальные письма являются стандартными текстами, переписанными с минимальными изменениями, или даже без каких бы то ни было изменений. Они соответствуют образцу, определенному в *Инструкции пропаганды для довоенного периода, во время войны и революции и в первые дни построения государства*. Важнейшее различие между письмами и прокламацией, содержащейся в *Инструкции*, написанной несколькими месяцами до «Украинской национальной революции», заключается в привлечении аргументов, которые имели целью убедить Гитлера или нацистов в необходимости создания украинского государства и освобождении Степана Бандеры. Во время написания *Инструкции* ОУН(б) не предвидела, что Бандера и Стецько будут арестованы. После начала «Революции» члены ОУН(б) приспособивались к ситуации и использовали собрания для сбора подписей и убеждения населения писать «рекомендательные письма» Гитлеру.

Стандартные письма, вероятно, только зачитывали вслух во время собраний, созданных ОУН(б), коротко или вообще не обсуждали, подписывали и отправля-

¹¹¹ ЦДАВО ф. 3833, оп. 1, д. 34, л. 40 (Звіт з зустрічі українських громадян району Золочів).

¹¹² Там же. Д. 45, л. 2 (Рапорт Івана Климівка керівництву ОУН).

ли. Вот пример одного из таких стандартных документов: «Мы, жители села Рудники, были собраны на торжественное собрание, на котором было провозглашено Независимое Украинское Государство. Мы выслушали текст акта декларации с невыразимым удовольствием: мы гордимся тем, что имеем такого вождя ОУН и всего украинского народа, как Степан Бандера. Мы очень благодарны непобедимой союзнической Германской Армии и ее вождю Адольфу Гитлеру, помогающему освободить украинский народ из жидо-московской неволи. Да здравствует Великая Национал-социалистическая Германия и ее вождь Адольф Гитлер. Да здравствует Независимое Украинское Соединенное Государство. Да здравствует предводитель ОУН и всего украинского народа Степан Бандера»¹¹³. Мы находим здесь короткие ссылки на то, что имело место во время «Украинской национальной революции»: деятельность ОУН(б), находящаяся в связи с началом германо-советской войны, взаимодействие между ОУН(б) и местным украинским населением, политические настроения в частях Украины, непосредственно занятых нацистской Германией, и популярность Степана Бандеры среди украинцев, жаждущих иметь собственное государство.

Второе письмо, которое я хотел бы представить, не является одним из однообразных, повторяющихся текстов, написанных на машинке. Оно написано от руки, вероятно составлено местным жителем, крепко связанным с ОУН(б), в очень простом стиле. Оно содержит много грамматических ошибок, свидетельствующих о том, что его автор был крестьянином со слабым знанием грамоты: «Предводителю Организации Украинских Националистов Степану Бандере: Сообщение. Мы, жители села Ксаверивка собрались в воскресенье 19 июля 1941 г. на площади, чтобы продемонстрировать перед всем миром, что Украинская Нация борется за свои права и за Независимое Украинское Государство. Мы полностью признаем Украинское Правительство, провозглашенное во Львове и будем верно исполнять все его приказы. Просим вождя Немецкого Народа, чтобы он утвердил временную сельскую раду. Мы благодарны Немецкой Армии и ее руководителям. Прежде всего, мы благодарны канцлеру Адольфу Гитлеру за приказ его Армии выгнать большевика, жидовского бандита и польское предательство, угнетающих украинский народ в тюрьмах и лагерях. Мы приветствовали немецкую армию с большим удовлетворением, поскольку она выгнала армию бандитов с нашей Украины и нас освободила. Мы верим, что Германия не жаждет порабощения украинского народа и что сделает Украинскую Нацию раз и навсегда Нацией свободы и дела, которая присоединится к борьбе с жидовским коммунизмом и всеми палачами украинского народа, угнетающими Украинский Народ и оказывающим сопротивление Германии и Гитлеру. Просим великого Гения Немецкого Народа Адольфа Гитлера освободить нашего Предводителя ОУН Степана Бандеру, ведущего украинский народ много лет под террором Польши и

¹¹³ Там же. Д. 29, л. 1. Текст письма из села Рудники был использован с небольшими модификациями в письмах из других мест, таких как Омельно, Куликовичи, Явлонька, Разный. Тельчи и т.д. См. также лл. 1, 4-5.

Москвы, и верим, что он сейчас также поведет нас верным путем, как до сих пор. Украинский народ и Организация Украинских националистов верят в свои силы и в то, что только он, как Проводник Украинских Националистов, в состоянии вести нас и положить конец всей коммунистической диверсии, а также сделать возможным сотрудничество с великой Германией. Слава Немецкой Армии. Слава Фюреру Немецкого Народа Адольфу Гитлеру. Слава Украине. Слава Героям»¹¹⁴.

Эти два письма дают представление об остальных письмах, адресованных Бандере, Гитлеру и Стецько. Они представляют важную информацию об ОУН(б), а также о психическом и политическом состоянии, в которое ОУН(б) пробовала ввести украинские массы. Во всех этих письмах мы находим антисемитские фрагменты, подчеркивающие освобождение Украины от «жидо-московской оккупации». «Жидо-московский» стереотип, приравнивающий всех евреев к коммунизму, был распространенным в период «Украинской национальной революции». Он был подкреплен двумя годами советской оккупации и убийством тысяч заключенных, в том числе украинцев, работниками НКВД во многих западно-украинских тюрьмах, а позднее усилен в общественном сознании благодаря пропагандистскому использованию тел жертв коммунистических преступлений нацистами и ОУН(б). Это презрение к евреям и коммунистам, которые в общественном мнении стали одним и тем же, иногда выражалось в намного более жестокой форме, чем в цитированных выше письмах.

В деревне Стенятын, например, Бандере, Гитлеру и Стецько было написано три длинных письма¹¹⁵. Авторы этой корреспонденции назвали себе «крестьянами и интеллигенцией». Они выражали глубокую благодарность и восхищение немецким фюрером и его армией. По их мнению, «Великий Вождь Германской Нации [...] навсегда уничтожил врагов нашего народа и коммунистическую угрозу для всего цивилизованного мира»¹¹⁶. Гитлер вывел их из коммунистического варварства, что позволит им вернуться в «цивилизованный мир». Факт, что нацистская мораль в действительности сделала этот «цивилизованный мир» одним из современных варварств, скорее всего не повлиял на их четко сформулированное желание стать его частью. Авторы писем восхищались Гитлером за его «непобедимую, прославленную на весь мир, армию», за его «справедливость» и его «волю освобождения украинского народа из-под ярма жидо-московских и польско-большевистских недочеловеческих тварей, палачей украинского народа». Все письма и собрания, во время которых провозглашалась государственность, заканчивались следующим приветствием: «Да здравствует Великий Вождь и Гений Адольф Гитлер!»¹¹⁷.

¹¹⁴ Там же. Лл. 13-14. Список с 80 подписями прилагается к письму. То же самое письмо было направлено также Ярославу Стецько и подписано 75 лицами (там же. Лл. 9-12).

¹¹⁵ Там же. Д. 31, лл. 29-30, 36-37, 31-32, соответственно.

¹¹⁶ Там же. Л. 36. В другой части того же самого письма враги называются «озверевшими азиатами».

¹¹⁷ Там же.

Образ Адольфа Гитлера в письмах 1941 г., как кажется, занимает то самое место, что образ габсбургских императоров для галицких крестьян, предков авторов письма, в XIX веке. Они, в самом деле, верили и ожидали, что Адольф Гитлер прочтает их письма, поймет петицию и «защитит от всех врагов Украины». Как авторы петиций XIX века просили императоров Габсбургов защищать их от польских панов, держащих крестьян в состоянии подобном рабству, их потомки XX века обращались к Гитлеру с петициями, обоснованными расово¹¹⁸.

Хотя в глазах «революционных масс» Гитлер мог создавать впечатление справедливого и покрытого славой, однако это именно он в Берлине арестовал и посадил в тюрьму Бандеру. Это был акт, который, очевидно, не понравился многим украинцам, но они не осмелились протестовать против него. Некоторые авторы писем выражали надежду, что «немцы не стремятся притеснять украинский народ». Это означает, что с одной стороны украинские массы восхищались Гитлером как «освободителем», но с другой стороны не были уверены в его отношении к себе и только могли питать надежду, что Гитлер «сделает Украинскую Нацию раз и навсегда Нацией свободы и действия, которая присоединится к борьбе с жидовским коммунизмом»¹¹⁹.

Другие письма открыто выражали желание добиться освобождения Бандеры. ОУН(б) должна была информировать авторов и подписантов об аресте «провідника» и убедила их, что Бандера лично поведет украинский народ к независимости. Эти украинские авторы питали надежду, что ключевое значение их предводителя будет понято «братским немецким народом»¹²⁰. ОУН(б) восприняла концепцию «единого народа, единой партии, единого вождя» от более политически продвинутых фашистских правительств и организаций¹²¹. Кажется, что ее пропаганда пришлась по вкусу людям, писавшим и подписавшим письма, которые таким образом вероятно неосознанно стали сторонниками фашистской идеологии.

Некоторые авторы утверждали, что у них нет слов, чтобы выразить силу своего восхищения предводителем и что их любовь к Бандере была безмерна. Некоторые уточнили, что они полюбили Бандеру «чисто крестьянскими сердцами» – наивысшая форма любви. Их единственное желание – быть «верными слугами их предводителя и народа». Они хотели быть такими, как он и другие великие герои украинского народа¹²². При помощи таких сантиментов ОУН(б) организо-

¹¹⁸ О крестьянских петициях в Галиции и империи Габсбургов XIX века, см.: Himka J.-P. *Galician Villagers and the Ukrainian National Movement in the Nineteenth Century*. Basingstoke, 1998. P. 20-21.

¹¹⁹ ЦДАВО ф. 3833, оп. 1, д. 29, л. 13-14.

¹²⁰ Там же. Д. 31, л. 36.

¹²¹ Там же. Оп. 2, д. 1, л. 85. На украинском языке: «ОУН(б), Один народ – один провід – одна влада».

¹²² Там же. Оп. 1, д. 31, л. 29.

вывала военизированные молодежные организации, названные именем Степана Бандеры. Дети в 12 лет приносили присягу «провіднику»¹²³.

Последний объект восхищения, Ярослав Стецько, представлен в письмах как славный борец за свободу и ключевая фигура в ОУН. Письма приветствовали Стецько, используя националистическое приветствие. Он был лицом, провозгласившим государственность во Львове, а значит – совершившим наиболее революционный акт, ставший позднее образцом, который тиражировали в селах и городах по всей Украине. Как главный герой 30 июня 1941 г. Стецько вызывал такое же восхищение и сыновнюю любовь, как и «провідник»¹²⁴.

Выводы

«Украинская национальная революция» была хорошо спланированной чередой действий, которые, в конце концов, потерпели крах, поскольку ОУН(б) не была в состоянии убедить нацистское руководство признать украинское государство. Нацистские лидеры высокого ранга, такие как Адольф Гитлер или Ганс Франк, были заинтересованы исключительно в экономической эксплуатации, а не в политическом сотрудничестве с украинцами. ОУН(б) с успехом удавалось сотрудничество только с офицерами или политиками низшего ранга, связанными с Абвером и Вермахтом.

Две главные цели «Украинской национальной революции» – это создание украинского государства и очищение его территории от всех врагов украинского национального движения в версии ОУН(б), то есть не только от евреев, поляков и русских, но также от просоветских и нелояльных украинцев. Эти две тесно связанные между собой цели помогают понять, почему территории, на которых произошли погромы, совпадали с территориями, на которых провозглашали государство.

Массовые убийства евреев были целью как ОУН(б), так и нацистов, но это имело место не только в Западной Украине. Погромы произошли также на других территориях, в том числе в Литве и северо-восточной Польше, «освобожденных» немцами из-под советской оккупации. Однако в Западной Украине погромы имели место также в городах, городках и селах, в которые нацисты никогда не входили, но там активно действовала ОУН(б). В других местах погромы происходили еще до прихода нацистов. Это указывает на то, что отношение ОУН(б) к евреям во время «Украинской национальной революции» было подобно отношению к ним нацистских оккупантов.

Эта жестокая форма антисемитизма, вместе с всеобщей ненавистью к «врагам украинского народа», недвусмысленно выражается в письмах, адресованных Гитлеру,

¹²³ Там же. Д. 12, л. 15.

¹²⁴ Там же. Д. 31, л. 31.

Бандере и Стецько. Хотя это были пропагандистские документы, эти письма появились в результате взаимодействия между активистами ОУН(б) и местным украинским населением. Письма были написаны главным образом западно-украинскими крестьянами, которых привлекала к этому или заставляла ОУН(б). Письма помогают понять «Украинскую национальную революцию» 1941 г. и ее влияние на население. Длинные и «креативно» составленные письма проливают свет как на взгляды их авторов, так и на пропагандистскую кампанию ОУН(б). Эта политическая сила мобилизовала массы к участию в революции и настраивала их против евреев, разжигая тем самым антисемитское насилие. Наконец, кампания писания писем открывает, что ОУН(б) переоценила свои силы и ошибочно интерпретировала цели нацистов относительно Украины. Она быстро потеряла контроль над «революцией» и не была в состоянии убедить нацистов включить украинское государство ОУН(б) в состав фашистской «Новой Европы».

Письма, проанализированные в этой статье, интересны также потому, что в них содержатся различные элементы фашистской идеологии. В этот период ОУН(б) старалась представить себя на международной арене, особенно перед нацистами, в качестве фашистского движения и партнера, которому можно доверять. По этой причине во время подготовки и проведения «Украинской национальной революции» ОУН(б) пыталась стать не менее фашистской, авторитарной и недемократической, организацией, чем были бывшие для них образцом итальянские фашисты и гитлеровцы. Эту темную страницу истории ОУН(б) позднее старались скрыть. Советская власть же, напротив, на протяжении всех послевоенных десятилетий использовала увлечение ОУН фашизмом и ее сходство с фашистскими движениями для того, чтоб очернить не только ОУН и УПА, а все украинское национальное движение.

Фашистские элементы в ОУН(б) ее члены со всей остротой замечали во время конфронтации с Восточной Украиной. Евгений Стахив, в 1941 г. действовавший в одной из «походных групп», которые отправились из Генерального Губернаторства в Восточную Украину с целью мобилизации масс для «Украинской национальной революции», быстро понял, что восточные украинцы были очень скептически и негативно настроены по отношению к ОУН(б) и ее планам создания украинского коллаборационного государства. Стахив пришел к выводу, что найти в них поддержку ОУН(б) невозможно. После войны он утверждал, что начал понимать сущность фашистской, авторитарной и недемократической стороны ОУН(б)¹²⁵.

¹²⁵ Євген Стахів, інтерв'ю з автором, Берлін, Нью-Йорк, 11 ноября 2008 г.

Дмитрий Титаренко

Пресса Украины периода нацистской оккупации как фактор украинской националистической пропаганды

Периодика, как известно, помимо чисто информационной функции также всегда играет роль важного фактора формирования общественного сознания. Именно поэтому при изучении прессы периода нацистской оккупации перед исследователем всегда стоит вопрос о том, каким образом шел процесс конструирования общественного мнения, какие факторы влияли на него, какие скрытые смыслы можно найти в публикуемых материалах и в какой степени можно судить о лояльности изданий к власти и, в свою очередь, власти к изданиям.

В период нацистской оккупации на территории Украины идеологическое воздействие на население оказывал достаточно мощный и разветвленный пропагандистский аппарат, ключевым элементом которого была пресса. Долгое время традиционная советская историография при характеристике периодических изданий, выходивших на территории Украины в период нацистской оккупации, применяла такие штампы, как «продажные газетенки», «фашистские газетки», «националистические листки». В то же время процессы деидеологизации украинской исторической науки, доступ исследователей к новым источникам, в том числе и зарубежным, позволяет предположить, что феномен оккупационной прессы был намного сложнее, нежели это представлялось партийным историкам. В значительной степени эта сложность объясняется тем обстоятельством, что попытка использовать легальный сектор пропаганды помимо нацистов была предпринята и другой политической силой – Организацией украинских националистов. Она, имея с нацистами общего врага – коммунизм – в то же время преследовала свои стратегические цели, направленные на создание украинского государства. Это шло вразрез с колониальными планами оккупантов относительно Украины.

В определенной степени роль украинских националистов в деятельности периодических изданий, выходивших на оккупированной территории, уже находила свое отражение в зарубежной историографии¹. В условиях формирующегося

¹ Armstrong J.A. *Ukrainian Nationalism*. 2nd edn. N.Y., L., 1963; Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941-1944). Пер. с нем. А. Артемова, А. Долгорукова, И. Карабутенко, Ю. Чупрова, Г. Шевченко / Под ред. А. Юденкова. М., 1974; Верт А. Россия в войне 1941-1945. Пер. с англ., вст. ст. и ред. Е.А. Болтина. М., 1967; Krawchenko V. *Soviet Ukraine under Nazi Occupation, 1941-4 // Ukraine during World War II: History and Its Aftermath*. Edmonton, 1986. P. 15-37; Косик В. Україна і Німеччина у Другій світовій війні. Париж, Нью-Йорк, Львів, 1993; Hunchak T. *OUN-German Relations, 1941-5 // German-Ukrainian Relations in Historical Perspective*. Edmonton, 1994.

плюрализма тем и проблем исследований на постсоветском пространстве, отхода от идеологических табу и клише свидетельством возросшего интереса к этой проблеме в Украине стало появление ряда публикаций украинских исследователей в 90-е годы XX – в начале XXI века². Однако исследователями при этом не всегда учитывалось то обстоятельство, что вся территория Украины входила в различные оккупационные зоны со своими особенностями реализации оккупационной политики, в том числе и в сфере пропаганды. Недостаточное освещение, по мнению автора, получила характеристика особенностей функционирования официозов оккупационных властей и роли в этом Организации украинских националистов на территории центральных и восточных областей Украины, входивших в период оккупации в состав рейхскомиссариата Украина и зоны военного управления, население которых до войны не имело представления о целях и задачах ОУН. Данная публикация представляет собой попытку до некоторой степени восполнить этот пробел.

Обстоятельства возникновения и функционирования оккупационных периодических изданий

Еще накануне нападения на Советский Союз в «Директиве начальника штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил Германии по вопросам про-

Р. 178-186; Hiroaki K. *Freedom and Terror in the Donbas: A Ukrainian–Russian Borderland*. Cambridge, 1998.

² Луцкий О.І. Офіційна україномовна преса Галичини періоду німецької окупації (1941-1944 рр.): умови і проблематика публікацій // Українська періодика: історія і сучасність. Доп. та повід. третьої Всеукр. науково-теорет. конф. 22-23 грудня 1995 р. / Ред. кол.: М.М. Романюк (відп. ред.) та ін. Львів, 1995. С. 105-110; Лизанчук В.В. Газета «Станиславівське слово» (1925-1944 рр.) // Збірник праць Науково-дослідного центру періодики / За ред. М.М. Романюка. Львів, 1996-1997. Вип. III/IV. С. 418-436; Малик Я.Й., Сурмач О. Преса про діяльність української греко-католицької церкви в період німецької окупації (1941-1944 рр.) // Українська періодика: історія і сучасність. Доп. та повід. п'ятої Всеукр. наук.-теорет. конф. 27-28 листопада 1998 р. / За ред. М.М. Романюка. Львів, 1999. С. 169-174; Чиркова М.Ю. Полтавська преса періоду німецько-фашистської окупації як засіб відродження національної самосвідомості українців та підвищення їх культурного рівня // Українська періодика: історія і сучасність. 1999. С. 399-401; Борисенко Т. «Краківські вісті» – український часопис Холмщини та Підляшшя // Українська періодика: історія і сучасність. Доп. та повід. шостої Всеукр. наук.-теорет. конф. 11-13 травня 2000 р. / За ред. М.М. Романюка. Львів, 2000. С. 306-310; Савицький Л. Вплив української преси на формування національної свідомості населення Кам'янець-Подільської області під час фашистської окупації (1941-1944 рр.) // Українська періодика: історія і сучасність. Доп. та повід. шостої Всеукр. наук.-теорет. конф. 11-13 травня 2000 р. / За ред. М.М. Романюка. Львів, 2000. С. 164-167; Павлюк І. Українська легальна преса Волині, Полісся, Холмщини та Підляшшя 1917-1939, 1941-1944 рр. Львів, 2001; Титаренко Д. Преса Східної України періоду німецько-фашистської окупації як історичне джерело (1941-1943 рр.). Дис на здоб. наук ступ к.і.н. Донецьк, 2002; Курилишин К. Українська легальна преса періоду німецької окупації (1939-1944 рр.): Історико-бібліографічне дослідження. У 2 тт. НАН України. ЛНБ ім. В. Стефаніка. Відділ україніки. Відділення «НДЦ періодики» / Наук. ред.-консуль. М.М. Романюк; Відп. ред. Л.В. Сніцарчук. Львів, 2007.

паганды» от 6 июня акцентировалось внимание на необходимости выпуска на территории СССР, прежде всего Украины и Прибалтики, газет под немецкой цензурой, основная задача которых должна была бы заключаться в осуществлении антисоветской пропаганды, а также в том, чтобы «...оказывать на население успокаивающее действие, удерживать от каких бы то ни было актов саботажа»³.

В зависимости от времени и территории оккупации, степени удаленности от линии фронта, функции организации и контроля за деятельностью периодических изданий, выходивших на оккупированной территории, входили в сферу компетенции разных структур. Так, в зоне военной администрации вопросами пропагандистского обеспечения, в том числе и посредством прессы, занимались роты пропаганды (Propaganda-Kompanien), приданные армиям и танковым группам (позднее – танковым армиям), которые вели боевые действия на территории Украины⁴, и отдел (батальон) пропаганды U (Propaganda-Abteilung U), созданный при штабе группы армий «Юг» летом 1941 г. Отдел пропаганды U делился на 6 команд (т.н. Propaganda-Staffel), имевших литерную нумерацию от U 1 до U 6, которые вместе с подчиненными им группами дислоцировались в различных населенных пунктах, располагавшихся в тылу вермахта. В ряде случаев названия этим пропагандистским единицам давались также по месту дислокации («Пропаганда-штафель Мариуполь», «Пропаганда-штафель Сталино», «Пропаганда-штафель Харьков», «Пропаганда-штафель Славянск», «Пропаганда-штафель Ворошиловград» и т. д.). Роты пропаганды занимались организацией пропаганды в зоне боевых действий и тыловом районе армий, отдел пропаганды U охватывал своим влиянием тыловой район группы армий и тыловой район армий⁵. По мере передислокации на восток пропагандистских структур вермахта контролируемые ими ранее периодические издания передавались отделу пропаганды политического управления рейхскомиссариата Украина⁶, которое и осуществляло дальнейшее руководство ими. Так, в частности, в соответствии с информационным сообщением отдела пропаганды U от 27 августа 1942 г. им было передано упомянутой структуре 17 газет⁷. Всего же в период оккупации только лишь на территории рейхскомиссариата Украина выходило более 200 периодических изданий.

Процесс создания новых официозов продолжался в течение практически всего периода оккупации, что объяснялось как зависимостью от материальных и организационных предпосылок, так и требованиями текущего момента. Издавались

³ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: исторические очерки. Документы и материалы. В 2 тт. Т. 2: Агрессия против СССР. Падение «Третьей империи» (1941-1945 гг.). С. 196.

⁴ von Wedel H. Die Propagandatruppen der Deutschen Wehrmacht. Neckargemünd, 1962. P. 54.

⁵ Buhbender O. Das tötende Erz: Deutsche Propaganda gegen die Rote Armee im zweiten Weltkrieg. Stuttgart, 1978. P. 52-53.

⁶ Черняков Б. Окупаційна преса Райхскомісаріату Україна: розбудова і функціонування (1941-1943 рр.) // Наукові записки: збірник. К., 2006. С. 54.

⁷ Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg (далее – BA-MA), RH 22/23, Bl. 115, 116.

газеты в подавляющем большинстве на украинском языке, хотя ряд изданий выходил и на русском. В то же время имели место случаи, когда часть материалов, носивших характер перепечаток, публиковалась и на другом языке (русском либо украинском), отличном от языка выхода газеты. Тиражи изданий колебались в диапазоне от нескольких сотен до нескольких десятков тысяч экземпляров. Издания носили, как правило, региональный характер и распространялись в основном на территории городов, районов, либо областей, где они выходили. Ключевыми принципами, которые должны были определять содержание и тональность газет на оккупированной территории, были следующие: использовать название «Украина» лишь в понимании территориальном, а не государственном; писать о Германии как о «протекторе» Украины, а не как о ее союзнике; рассматривать вермахт как «спасителя», но не как оккупанта⁸.

«Союзник или враг?» Политика оккупационной администрации по отношению к периодическим изданиям

Касаясь институционального аспекта деятельности официозов следует отметить, что с самого начала продвижения немецких войск на восток инициатива создания газет и журналов на оккупированной территории Украины принадлежала не только пропагандистским структурам вермахта, военным комендатурам и штабам воинских частей. Определенную роль в создании периодических изданий на территории Украины сыграли украинские националисты. С первых же дней войны руководство ОУН рассматривало Гитлера как равного партнера в борьбе с большевизмом и рассчитывало на лояльность нацистов относительно идеи самостоятельного украинского государства. Нацистская оккупация Украины открыла для ОУН достаточно широкие возможности для разворачивания своей деятельности на той территории, которая вследствие действия объективных факторов в довоенный период не испытывала влияния националистической пропаганды.

Вместе с немецкими войсками либо вслед за ними, в составе так называемых «походных групп», члены бандеровской и мельниковской фракций ОУН двигались на восток, хотя немецкое командование обращало внимание на негативное с точки зрения немецких интересов влияние националистической пропаганды и необходимость принятия мер по воспрепятствованию деятельности националистов, особенно бандеровцев, на оккупированной территории центральных и восточных областей Украины⁹. Используя свое влияние в создаваемых на оккупи-

⁸ Armstrong. *Ukrainian Nationalism*. P 268. Мальчевський І. Українська преса під німецькою окупацією // На зов Києва: український націоналізм у II світовій війні. Збірник статей, спогадів і документів / Зредагував К. Мельник, О. Лашенко, В. Верига. К., 1994. С. 323.

⁹ BA-MA, RW 4/253, Betr.: Propaganda. Anlage 2 zu Gen.Qu II /6743/ 41 g.; BA-MA, RW 41/1, Betr.: Wehrmachtbefehlshaber Ukraine, Monatsbericht № 2 v. 14.11.1941.

рованной территории органах местного самоуправления, иницируя в ряде случаев создание оккупационных периодических изданий, участвуя в них, националисты пытались получить возможность для легальной пропагандистской деятельности и таким образом оказывать влияние на национальное самосознание местного населения. Естественно, что наиболее благоприятные условия для возникновения прессы под националистическим влиянием складывались в западных регионах Украины, вошедших в состав СССР в результате раздела Польши в 1939 году. Хотя впоследствии, по мере перехода этих областей под гражданское управление, включения их в состав Польского генерал-губернаторства ситуация изменилась.

С продвижением немецких войск на восток пропагандистская деятельность организации при помощи периодических изданий распространялась на центральные и восточноукраинские земли. При этом стремительность продвижения вермахта, зачастую отсутствие на местах, особенно на периферии, в районах, представителей его пропагандистских структур, не всегда достаточная компетентность органов военной администрации на местах в политических вопросах и стратегических планах высшего руководства на оккупированной территории на первых порах давали возможность членам ОУН активно влиять на процесс организации прессы. Следует отметить в этой связи, что в соответствии с проектом «Указаний о деятельности отделов и команд пропаганды в оккупированных районах Советского Союза» от 18 июля 1941 г. командир отдела был правомочен передавать право цензурного надзора и иным структурам, которые не входили в его состав (в частности, фельдкомендатурам¹⁰). На практике это приводило к тому, что цензуру изданий осуществляли даже штабы воинских частей, не имеющие ни кадров, ни времени для тщательного контроля над газетами.

Наиболее значимыми с точки зрения и содержания, и тиражей изданиями, в которых уже осенью 1941 года достаточно четко проявлялась позиция украинских националистов, стали газеты *Волинь* (Луцк), *Вінницькі вісті* («Винницкие вести»), *Дніпровська газета* (Днепропетровск), *Дзвін* («Колокол», Кривой Рог), *Дніпрова хвиля* («Днепровская волна», Кременчуг), *Українське слово* (Киев), *Літаври* (Киев) и ряд иных.

Следует отметить, что в этих условиях украинские националисты неоднократно предпринимали попытки заявить о своих политических целях даже открыто. Так, в частности, в г. Городище Черкасской области в одном из номеров местной газеты был опубликован лозунг «Пусть живет свободная и независимая Украина и ее глава Бандера»¹¹, а в одном из номеров газеты *Український Донбас*, выходившей в Горловке под редакцией бывшего полковника армии УНР И.О. Голуба¹², в

¹⁰ ВА-МА, RW 4/253, Вл. 2.

¹¹ Косик В. Україна і Німеччина у Другій світовій війні. Париж, Нью-Йорк, Львів, 1993. С. 190.

¹² Денисенко Б.И. Так велело сердце // Герои подполья: о борьбе советских патриотов в тылу нем.-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Вып. 2-й / Ред. Б.И. Денисенко. М., 1972. С. 227.

декабре 1941 года появилось несколько обращений украинских националистов, в одном из которых, к примеру, содержался призыв к местному населению такого содержания: «Помогаем Организации Украинских Националистов под руководством Степана Бандеры строить великое Самостоятельное Украинское Государство»¹³. Принимая участие в деятельности периодических изданий, националисты облекали свои идеи как в вербальную форму, так и в форму символов. Тризуб, довольно часто использовавшийся в качестве элемента логотипа изданий, может служить достаточно убедительным, хотя и не единственным идентифицирующим признаком участия оуновцев в издании газет. Однако по мере установления контроля за изданиями и ужесточения цензуры такого рода открытые формы проявления пропаганды пресекались, а редакторы отстранялись от работы либо же арестовывались.

Следует отметить, что в ряде случаев, особенно на востоке Украины, идеи создания украиноязычной прессы наталкивались на сопротивление органов местного самоуправления, которые небезосновательно усматривали в националистах нежелательных конкурентов за влияние на массы. Определяющую роль в решении спора играла позиция немецких властей. В зависимости от ситуации на текущий момент, от значимости проукраинских элементов в реализации задач оккупационных властей, она могла быть разной.

Весьма показательным в этом плане является пример Донбасса – наиболее русифицированного региона Украины. Так, в Мариуполе в конце 1941 года немецкая администрация поддержала инициативу местной украинской интеллигенции и, что самое главное, оуновцев, работавших при немецких штабах в качестве переводчиков, и дала разрешение на создание украиноязычной газеты. Хотя, как отмечает известный украинский историк Б. Кравченко, здесь националисты выступили в качестве конкурентов тех представителей городской общественности, которые планировали организовать издание русскоязычной газеты¹⁴. Обратная ситуация имела место в другом городе Донбасса – Сталино. После того, как заведующий типографией *Мариупольской газеты* Я. Жижюра написал резкое письмо заместителю главного редактора газеты *Донецкий вестник* с требованием перехода на украинский язык, редактор мариупольского издания М. Стасюк, которому подчинялся Жижюра, даже получил за эту инициативу подчиненного 10 суток ареста¹⁵.

В условиях искоренения всякого рода оппозиционных политических настроений преследованию на оккупированной территории подвергались и украинские националисты, которые развернули достаточно активную агитационно-пропагандистскую работу. Показательно, что в такого рода аналитических мате-

¹³ Сусликов В.С., Титаренко Д.М. Горлівка в період Великої Вітчизняної війни та перші повоєнні роки (1941-1950): історичний нарис та джерела. Донецьк, 2010. С. 161.

¹⁴ Krawchenko. Soviet Ukraine under Nazi Occupation, 1941-4. P. 22.

¹⁵ Архив Управления Службы безопасности Украины в Донецкой области (далее – Архив УСБУ в Донецкой области), д. 36824-пф, л. 58.

риалах, как «Сообщения о событиях в СССР», и «Сообщения из оккупированных восточных областей», составляемых службой безопасности III Рейха, борьба с оуновским подпольем занимала одно из первоочередных мест. В контексте этой борьбы следует рассматривать и усилия, направленные на уничтожения системы генерирования и воспроизведения идей украинских националистов, которую представляли редакции некоторых официозов. Яркими примерами преследования и даже физического уничтожения националистов, задействованных в редакциях газет, являются примеры изданий *Кіровоградські вісті* (Кировоград), *Українське слово* и *Літаври* (Киев), *Дніпрова хвиля* («Днепровская волна», Кременчуг), *Дзвін* («Колокол», Кривой Рог).

Наиболее известной является судьба издания *Українське слово*, которая с конца сентября 1941 года стала выходить в Киеве. При редакции газеты было основано издательство с таким же названием, организован выпуск нескольких приложений, в частности *Література і мистецтво*, *Літаври*, *Останні вісті*. Ключевую роль в изданиях играли члены мельниковского крыла ОУН, нашедшие в Киеве поддержку в лице ряда представителей местной интеллигенции. Редакция газеты стала своеобразным центром украинской общественно-культурной жизни Киева и важным инструментом осуществления националистической пропаганды. Однако уже 12 декабря в Киеве органами СД была арестована целая группа украинской интеллигенции, в том числе и сотрудники редакции *Українського слова* во главе с И. Рогачем. Через некоторое время нацистами была арестована активистка ОУН Е.Телига, редактировавшая одно из приложений к газете *Українське слово – Літаври*. После расследования большая часть литературных сотрудников в начале 1942 г. была расстреляна нацистами в печальноизвестном Бабьем Яре¹⁶.

Арест и ликвидация состава редакции *Українського слова* была заранее спланированной акцией, свидетельством чего является то, что никаких перебоев с выходом газеты не было и уже на следующий день – 13 декабря – начала выходить газета *Нове українське слово* во главе с редактором Константином Штепой¹⁷. Несмотря на выход издания на украинском языке, тональность его резко изменилось, что объяснялось влиянием немецкой цензуры. В отчете командующего войсками вермахта в Украине (*Wehrmachtbefehlshaber Ukraine*) о ситуации за февраль 1942 года отмечалось, что «...несколько украинских газет, в частности "Новое украинское слово", защищают ... очень позитивно и недвусмысленно идею новой общности судеб европейских народов и не боятся ... старую, изжившую себя украинскую идеологию заклеить как неверную»¹⁸. Именно такой подход, реализуемый в деятельности подавляющего большинства выходивших в период оккупации газет, дал основание одному из активных участников национа-

¹⁶ Документи і матеріали з історії Організації Українських Націоналістів / Редкол. В. Верига та ін. К., 2004. Т. 10. Ч. 2.: Газета «Українське Слово» 1941 року / Упоряд. О. Кучерук. С. 7-21.

¹⁷ Там же. С. 10-11.

¹⁸ ВА-МА, RW 41/1, Betr.: Wehrmachtbefehlshaber Ukraine, Bericht № 6 v. 23.3.1942.

листического движения в период оккупации Льву Шанковскому констатировать, что «...украинские газеты стали немецкими рептильками»¹⁹.

И тем не менее появление на оккупированной территории оуновских эмиссаров, которые проникали сюда нелегальным либо полулегальным путем и достаточно часто использовали собственноручно изготовленные ими документы, которые содержали обращение к представителям вермахта о предоставлении им помощи, вызывали определенное беспокойство органов военной администрации. Так, в январе 1942 г. командованием тылового района группы армий «Юг» было издано распоряжение, в котором внимание акцентировалось на том, что появление оуновцев, которые не выполняют поручений немецкой стороны, в оккупированных восточных областях является запрещенным²⁰. Это, безусловно, обуславливалось стремлением воспрепятствовать обработке населения в ближайшем тылу вермахта потенциально опасной националистической пропагандой, хотя следует признать, что в целом в зоне военной администрации возможности для функционирования периодических зданий, находившихся под влиянием националистов, были более благоприятны, нежели на территории рейхскомиссариата «Украина»²¹.

Примечательно, что по отношению к редакторам и сотрудникам изданий, заподозренным в националистической пропаганде, применялся разный арсенал репрессий – от предупреждений и высылки до расстрела. Вероятно, ключевую роль при этом играла позиция руководства службы безопасности, на которую, вполне возможно, в некоторых случаях могли оказывать влияние и военные власти, в частности в зоне военного управления. При этом, очевидно, немаловажное значение имела и оценка потенциальных вреда и пользы, которые могли принести националистические активисты. Достаточно интересной в этом отношении выглядит судьба одного из деятелей националистического подполья на востоке Украины Николая Стасюка. Видный украинский общественно-политический деятель, он в период национально-демократической революции 1917-1920 гг. входил в состав правительства Центральной Рады – Генерального Секретариата, где занимал должность секретаря по продовольственным вопросам. В 20-х годах Н. Стасюк работал во Всеукраинском союзе сельскохозяйственной кооперации, был тесно связан с известным государственным и партийным деятелем П. Любченко, который позднее возглавлял СНК УССР. В 1930 г. Н. Стасюк был арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы. После освобождения он в 1940 г. поселился в Мариуполе. С приходом немцев Н. Стасюк, установив связь с оуновскими эмиссарами, возглавляет печатный орган городской управы – *Маріюпільську*

¹⁹ Шанковський Л. Похідні групи ОУН. Мюнхен, 1958. С. 8.

²⁰ ВА-МА, РН 22/19, ВІ.114.

²¹ Мальчевський. Українська преса під німецькою окупацією. С. 323-329.

газету, становится одним из организаторов местной национально-культурной организации «Просвіта»²².

Осенью 1942 г. он был арестован во время волны арестов украинских националистов в Мариуполе. Однако в феврале 1943 г. Н. Стасюка вместе с председателем местной «Просвіты» А. Ирием освободили и приказали выехать из Мариуполя в течение 24 часов²³. После этого Н. Стасюк переехал в с. Куйбышево Запорожской области к знакомым. О дальнейшей его судьбе достоверных документальных свидетельств не осталось. Существует версия, что весной 1943 года, попытавшись вернуться в Мариуполь, он погиб в дороге²⁴, хотя, возможно, после войны ему удалось перебраться в США или Канаду²⁵.

В то же время было бы ошибочным полагать, что оуновская пропаганда, осуществлявшаяся на страницах оккупационных изданий, в качестве ключевой и ближайшей задачи ставила провозглашение украинской государственности и вооруженную борьбу против оккупантов. В определенной степени основные ее векторы определила состоявшаяся в апреле 1942 года под Львовом 2 конференция ОУН(б), которая, хотя и осудила колониальную политику Германии относительно Украины, но признала, что главным фронтом борьбы является борьба против «московского империализма». Основные задания ОУН(б) на внешнем фронте борьбы сводились к выступлениям против «московско-большевистских влияний, против пропаганды партизанщины». На «внутреннем украинском фронте» главные усилия должны были концентрироваться на строительстве «независимых сил» и объединении всего народа «под флагом одной идеи, одного руководства и одной организации», на борьбе с «ориентацией на чужие силы», ликвидации разных «агентурных групп»²⁶. Безусловно, эти установки должны были реализовываться при помощи всего комплекса пропагандистских средств, в том числе и при помощи прессы.

Учитывая жесткий цензурный контроль за изданиями, репрессии по отношению к редакциям изданий, националистические активисты продолжали свою деятельность, применяя тактику латентной пропаганды. Как отмечал на допросе в органах НКВД М. Бернацкий, редактор ворошиловградской газеты *Нове життя*

²² Титаренко Д. Людський фактор в окупаційній періодичній пресі України // Наукові записки Національного університету «Острозька академія»: історичні науки. Вип. 7 / Відп. редактори І. Пасічник, Л. Винар. Острог, Торонто, Нью-Йорк, 2006. С. 221.

²³ Архив Управления Службы безопасности Украины в Донецкой области, Д. 36824-пф, л. 55; Архив УСБУ ДО, Д. 35692-пф, л. 60, 61; Суслик Р.Л. Криваві сторінки з неписаних літописів. Дербі, 1956. С. 312.

²⁴ Чабан М. Чільний діяч Центральної Ради: сторінки біографії Миколи Стасюка // Молода нація. 2004. № 3(32). С. 87.

²⁵ В 2000 году на одной из конференций, которая проводилась на базе Харьковского национального университета, один из участников, профессор В. Калиниченко, услышав упоминание о Н. Стасюке в докладе автора, сообщил, что в 70-е – 80-е годы в одной из передач радиостанции «Голос Америки» он слышал информацию о Н. Стасюке, который оказался в эмиграции.

²⁶ Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія: історичні нариси / Відп. ред. С.В. Кульчицький. К., 2005. С. 96.

(«Новая жизнь»), оуновским эмиссаром, одним из организаторов националистического подполья на востоке Украины Е. Стаховым перед ним было поставлено задание «...обеспечить работу газеты таким образом, чтобы в ней сквозь рамки немецкой цензуры освещались вопросы националистического движения и вокруг нее сбивались кадры украинских националистов»²⁷. Подобным образом были вынуждены действовать редакции и иных изданий, стремившиеся осуществлять националистическую пропаганду на население.

В условиях цензурного контроля со стороны оккупационных структур необходимым условием легитимации со стороны оккупационных властей был акцент на общности задач, стоящих перед Германией и Украиной. Как отмечалось в статье «Більшовизм і завдання української преси» (она была напечатана в ряде изданий, выходивших на оккупированной территории), лозунгом украинской прессы должна была стать «...ненависть к большевизму, вера в силы украинского народа, сотрудничество с немцами и вера в победу»²⁸. Эти принципы стали определяющими в деятельности изданий, выходивших на оккупированной территории. Более конкретное выражение они могли находить в редакционных передовых статьях газет, находившихся под влиянием националистов. Так, например, одно из влиятельнейших изданий оккупированной Украины *Маріупільська газета* определило задачи своей работы следующим образом: «...жестокая борьба с большевизмом, развитие национальной культуры Украины, тесное сотрудничество с Германией, изучение ее культуры, недопустимость равнодушного отношения к борьбе, которая ведется во имя создания в Европе нового порядка и, наконец, пробуждение местной национальной общественности и частной активности и инициативы...»²⁹.

Харьковская газета *Нова Україна* как фактор националистической пропаганды

Наиболее показательной с точки зрения роли и места украинских националистов в функционировании периодических изданий в течение практически всего периода оккупации выглядит история харьковской газеты *Нова Україна*. Уже через несколько дней после оккупации Харькова группа местных журналистов во главе с бывшими сотрудниками газет *Соціалістическа Харківщина* и *Ворошиловец* братьями Царинниками выступила перед городской управой и немецким коман-

²⁷ Архив УСБУ в Луганской области, д. № 5204, л. 24-26, 124.

²⁸ Донецкий вестник. 11 декабря 1942; Нове життя. 22 січня 1943.

²⁹ Маріупільська газета. 3 листопада 1942.

дованием с инициативой основать местное издание. Вскоре разрешение было получено³⁰.

Активную помощь в организации газеты оказали оуновские эмиссары, мельниковцы Коник и Олейник, которые прибыли в Харьков с целью организации оуновского центра распространения националистических идей. Они имели возможность опираться на отдел пропаганды Харьковской городской управы, который, как отмечает харьковский историк А. Скоробогатов, «...фактически превратился в легальный центр оуновской организации»³¹. На совещании Коник от всех присутствующих потребовал ускорить выпуск газеты, выступил с программными заявлениями относительно задач националистической прессы и журналистов. Братья Царинники предлагали назвать газету *Українська думка*, однако не получили на это разрешения.

Ответственным редактором новой газеты стал член ОУН мельниковец Петр Сагайдачный, который уже имел опыт создания газет на оккупированной территории, в частности в Полтаве³², и прибыл в Харьков в конце ноября 1941 г. Всеволод Царинник стал главным редактором. 7 декабря 1941 г. увидел свет первый номер *Нової України*. Газета сразу же стала одним из центров украинской общественно-культурной жизни в Харькове. Однако репрессии, которые с начала 1942 г. начались против оуновцев в Харькове, не могли не отразиться на издании – в апреле 1942 г. с логотипа издания исчез украинский герб – тризуб. 18 апреля 1942 г. вышел последний номер *Нової України* под редакцией П. Сагайдачного. По одним данным он выехал на Кубань с целью организации там украиноязычной прессы³³, по другим – он выехал в Краков и лишь в январе 1943 г. на некоторое время вернулся в Харьков³⁴.

Преемником Сагайдачного стал Всеволод Царинник, который стремился, как и ранее, использовать оккупационную прессу в интересах националистов, осуществляя на ее страницах скрытую пропаганду. Он поддерживал тесные связи с оуновскими эмиссарами, в частности с известным украинским писателем Уласом Самчуком, в то время сотрудником отдела пропаганды рейхскомиссариата Украина.

Со второй половины 1942 г. значительная помощь газете предоставлялась со стороны члена ОУН Костюка, который работал в отделе пропаганды У. При его содействии сотрудникам редакции была предоставлена возможность передвиже-

³⁰ Архив Управления Службы безопасности Украины в Харьковской области (далее – архив УСБУ в Харьковской области), д. 022954, л. 118.

³¹ Скоробогатов А.В. ОУН у Харкові за часів окупації (1941-1943 рр.) // Український історичний журнал. 1999. № 6. С. 83.

³² Центральный государственный архив общественных объединений Украины, ф. 1, оп. 22, д. 123, л. 109.

³³ Архив УСБУ в Харьковской области, д. 022954, л. 109.

³⁴ Государственный архив Харьковской области, ф. Р-6452, оп. 1, д. 5346, л. 90.

ния не только по территории Харьковской области, но и по территории иных областей Украины, организации новых периодических изданий³⁵.

Украинским националистами, действовавшим в Харькове, удалось привлечь к работе в изданиях местных журналистов и литераторов, что не могло не способствовать в силу достаточно высокого уровня квалификации журналистов популяризации националистических идей. Так, сотрудники редакции издания *Нова Україна* П. Беляев, И. Олійник, К. Кондратенко, В. Москаленко, А. Белосвит работали в прессе Харьковщины еще с довоенного времени³⁶. Кстати, секретарь редакции А. Белосвит заменил на этой должности журналиста Шостенко, в адрес которого звучали обвинения в русофильстве³⁷. Заместитель главного редактора газеты Н. Оглоблин до войны преподавал в Харьковском институте журналистики. А. Парадысский, Ю. Блохин, Ю. Шевелев, которые в разное время входили в состав редакции, ранее преподавали ряд филологических и литературоведческих дисциплин в вузах Харькова³⁸.

На протяжении ноября 1941-февраля 1943 гг. на страницах *Нової України* печатались произведения по меньшей мере 5 членов довоенного Союза писателей Украины. (А. Любченко, О. Вараввы, О. Веретенченко, А. Гака (Антипенко), Л. Топчия)³⁹. Из них четверо (все перечисленные выше за исключением Л. Топчия) входили в штат издания и были достаточно известными еще с довоенного времени. Аркадий Любченко, в частности, в 20-х – 30-х годах находился в самом центре литературной жизни, занимал должности ответственного секретаря писательских организаций «Гарт», ВАПЛІТЕ, «Пролетфронт». Вероятно, что значительная часть принимавших участие в деятельности издания, в той или иной степени разделяла идеи украинского национализма. Большая часть сотрудников *Нової України* вела активную общественную деятельность, в частности входила в состав местной «Просвितы». Активная националистическая деятельность А. Любченко даже после того, как он выехал в Западную Украину, вызывала серьезную обеспокоенность у начальника полиции безопасности и СД в Киеве⁴⁰.

В целом же *Нова Україна* была одной из немногих, если не единственной газетой, которая в течение практически всего периода оккупации имела достаточно ярко выраженный национальный характер. В то же время солидаризация с рядом одиозных мер нацистов, в частности активная пропаганда за выезд в Германию на работу⁴¹, была той платой за лояльность властей, которая негативно отрази-

³⁵ Архив УСБУ в Харьковской области, д. 022954, л. 109.

³⁶ Там же, л. 113.

³⁷ Гак А. Аркадій Любченко, «Нова Україна» і я // Український засів. 1994. № 6. С. 34, 37.

³⁸ Архив УСБУ в Харьковской области, д. 035617, л. 32.

³⁹ Там же, д. 022954, л. 110-111; там же, д. 035567, л. 37.

⁴⁰ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины, ф. 3676, оп. 4, д. 475, т. 2., л. 538.

⁴¹ Grelka F. Die Ukrainische Nationalbewegung unter deutscher Besatzungsherrschaft 1918 und 1941/42. Wiesbaden, 2005. P. 429.

лась на репутации официозов и позволила характеризовать их как «немецкие газеты на украинском языке».

Содержательный аспект пропаганды

При анализе материалов периодики методологически целесообразной является их классификация, конечно, достаточно условная, на 2 комплекса: материалы идеологически-пропагандистской направленности и материалы текущего информирования, которые отражали украинизационные процессы на оккупированной территории Украины.

Следует отметить, что распространенным явлением в условиях дефицита квалифицированных журналистских кадров, постоянного круга авторов являлась перепечатка материалов из ведущих периодических изданий Украины, выходивших на оккупированной территории. Учитывая это обстоятельство можно говорить, что некоторые материалы изданий, находившихся под влиянием националистов, находили большую аудиторию и вызывали большой общественный резонанс. Одним из основных источников пропагандистского влияния националистов на население и, соответственно, наполнения периодических изданий, которые находились под влиянием оуновцев, материалами, была нелегальная печатная продукция, которая поступала из западных областей Украины через связных. Так, в частности таковыми являлись нелегальные периодические издания *Вільна Україна* («Свободная Украина»), *Молодий націоналіст*, *Бюлетень*, *Інформатор*, *Ідея і чин*, *Наша боротьба*, *Вісті*, брошюры, в которых содержалось изложение программных положений ОУН и освещались неизвестные либо малоизвестные страницы истории Украины⁴².

Конечно, осуществление контент-анализа с целью определения тех или иных тенденций в зависимости от времени, региона, периодического издания является достаточно затруднительным. Это обусловлено в первую очередь неполнотой подборок. И тем не менее определенные выводы сделать можно. Так, только в 1942 г. в 295 номерах харьковского издания *Новая Украина*, находившегося под влиянием националистов, было опубликовано около 180 украиноведческих исторических, этнографических, культурологических материалов⁴³. Информация подобного рода присутствовала практически во всех изданиях, хотя и в разном соотношении в зависимости от степени украинизации той или иной газеты.

Достаточно показательными в этом плане являются результаты анализа на предмет выявления определенных символов-информантов двух наиболее крупных изданий Восточной Украины – региона, с наибольшим удельным весом русского и русскоязычного населения. Так, если в газете *Донецкий вестник* (Стали-

⁴² Архив УСБУ в Донецкой области, д. 34465-пф, л. 15.

⁴³ Подсчитано автором.

но, ныне Донецк) символ-информант «Украина» встречается 4,4 раза на номер, а «украинский» – 4 раза, то в издании *Нова Україна* (Харьков), где были наиболее сильны позиции украинских националистов – 11,7 и 17,7 раз соответственно⁴⁴.

Учитывая то, что одним из методов будирования национального самосознания является актуализация интереса к прошлому, значительное внимание уделялось освещению проблем украинской истории. Ключевыми в этом плане были публикации, в которых нашли отражение история Киевской Руси-Украины, период казачины, период национально-освободительной борьбы 1917-1920 гг. – этапы, связанные с существованием форм украинской государственности. В публикациях нашли отражение история украинской литературы, искусства, в целом особенности культурных процессов в разные исторические периоды. Некоторые из материалов были подготовлены на достаточно высоком профессиональном уровне, что связано с привлечением к сотрудничеству авторитетных историков и литераторов, а также с публикацией фрагментов произведений, вышедших за пределами Советского Союза.

Одним из способов, который способствовал росту национального самосознания, являлось осознание драматичности и травматичности своего прошлого. Именно поэтому тема преступлений Сталина и большевистского режима стала одной из наиболее популярных тем, которые разрабатывались украинскими националистами на страницах оккупационной периодики. Безусловно, в этом отношении пропаганда националистов шла в одном ключе с «Дополнительными директивами относительно осуществления пропаганды в Украине» от 16 декабря 1942 г., подготовленными в Рейхсминистерстве оккупированных восточных территорий. Они, в частности, предусматривали следующее:

«...1) Необходимо разжигать ненависть по отношению к Москве, а именно ненависть не только против большевизма, который является виновником нынешнего, ужасного состояния страны, но и ненависть относительно всего великороссийского вообще, с которым Украина во времена Хмельницкого, а позднее вместе с Карлом XII вела историческую борьбу;

2) Необходимо все больше пробуждать воспоминания о смерти от голода миллионов, о двадцатилетней постоянной борьбе на уничтожение большевиков против украинских селян, которые были раньше сознательными собственниками...»⁴⁵.

Значительный пропагандистский потенциал в этом плане представляла проблема голодомора, который, не используя, конечно же, в то время еще не известный термин «геноцид», представляли как преступление, направленное против украинцев. Безусловный интерес при анализе особенностей освещения голодомора на страницах прессы вызывает статья украинского экономиста С. Соснового⁴⁶, которая впервые была опубликована в газете *Нова Україна* в ноябре 1942 г.

⁴⁴ Подсчитано автором.

⁴⁵ Bundesarchiv, Berlin (далее – ВА), R6/206, Bl. 159-160.

⁴⁶ Имеет место и иной вариант написания его инициалов – Т.М.

В отличие от иных посвященных событиям 1932-33 гг. газетных публикаций, которые в основном базировались на воспоминаниях, публикацию Соснового характеризовали глубина, аналитичность, критический анализ доступных ему советских статистических источников. Фактически именно эта статья, базирующаяся на статистических выкладках и расчетах, позволила широким слоям общественности на оккупированной немцами территории Украины осознать масштабность трагедии 1932-1933 гг. В течение нескольких месяцев статья либо ее реферативные изложения были опубликованы в ряде ключевых изданий Украины. Руководство оуновскими центрами на местах проявило повышенный интерес к этому материалу. Как отмечал позднее на допросе в НКВД сотрудник *Мариупольской газеты* Н. Фененко, оуновским активом в Мариуполе, в частности редактором *Мариупольской газеты* Н. Стасюком, ему было поручено подготовить реферативное изложение этой статьи⁴⁷.

Материалы информационных жанров оккупационных периодических изданий – репортажи, корреспонденции, заметки – во многих случаях дают возможность охарактеризовать украинизационные мероприятия на оккупированной территории. В них нашла отражение деятельность украинских театров, национальных культурно-просветительных организаций «Просвита», музеев, литературно-издательская работа на оккупированной территории. Эти материалы заслуживают особого внимания, поскольку во многих случаях являются не только основными, но и единственными источниками, которые отражают те или иные социокультурные явления и процессы на оккупированной территории. Динамика появления публикаций позволяет соотнести их со степенью активности украинских националистов. Так, например, только лишь в 1942 г. на страницах *Мариупольской газеты* было опубликовано не менее 35 материалов, которые в той или иной степени освещали деятельность «Просвиты» в Мариуполе⁴⁸. Однако репрессивные акции по отношению к украинским националистам, и, естественно, членам «Просвиты» в Мариуполе в конце 1942-начале 1943 гг., отразились на страницах прессы. В 1943 г. было помещено лишь 4 публикации, да и то исключительно информационного плана, посвященные ее деятельности⁴⁹.

Рассматривая в качестве одной из основных своих задач воспитание сознательных украинцев, большое значение в оккупационной периодике националисты уделяли вопросам украинизации образования. Акцентировалось внимание на привнесении в школы «украинского духа»: в своей работе учителя должны были «последовательно и неуклонно прививать любовь ко всему украинскому – к украинским борцам за освобождение своей родины от большевизма, к украинской литературе и искусству, украинскому слову и фольклору»⁵⁰. Наиболее доступным способом этого был переход на украинский язык обучения там, где до

⁴⁷ Архив УСБУ в Донецкой области, д. 36824-пф, лл. 236-237, 300.

⁴⁸ Подсчитано автором.

⁴⁹ Подсчитано автором.

⁵⁰ Відбудова. 7 січня 1943.

войны использовался русский. Справедливости ради следует отметить, что далеко не всегда практическая деятельность националистов в данном русле создавала благоприятную почву для распространения их идей и восприятия их населением. Так, житель восточноукраинского промышленного центра Макеевка Е. Фурсов вспоминал, что в школе, где он учился в период оккупации, классы были разделены на русский и украинский. Более привилегированное положение учеников украинского класса (в школе для них было организовано питание⁵¹) стало причиной для ссор и предопределило дальнейшее враждебное отношение к любым лозунгам и идеям националистов.

В ходе учебного процесса особое внимание должно было уделяться изучению истории Украины и украинской литературы. В определенной степени это следует рассматривать в качестве декларации о намерениях, поскольку планами нацистской администрации не было предусмотрено включение этих дисциплин в школьную программу. И тем не менее в программу педагогических курсов, открытых в Харькове в январе 1943 г., помимо основ педагогики и методики преподавания были включены такие украиноведческие дисциплины, как развитие языка, история Украины и история украинской литературы⁵². Примечательно, что на одной из конференций харьковских учителей было выдвинуто предложение использовать в учебном процессе материалы местных изданий *Нова Україна* и *Український засів*⁵³ («Украинский посев»), что позволяет говорить о достаточно высоком содержательном и языковом уровне этих изданий.

Действуя в условиях цензуры, периодические издания, реализуя программные установки ОУН, вынуждены были прибегать к латентной пропаганде. Определенные возможности для этого давала публикация материалов, посвященных взаимоотношениям Украины и Германии. Пресса, апеллируя к историческому опыту контактов Украины и Германии, в ряде случаев выражала надежду на возможность обретения Украиной независимости после победы над общим врагом – «жидо-большевизмом».

Проблема эффективности и восприятия националистической пропаганды

В то же время следует отметить, что националистическое кредо, строившееся на идее «чистоты»⁵⁴ украинского народа и лозунге «Украина для украинцев», непонимание специфики этнонациональных, этнокультурных процессов на террито-

⁵¹ Интервью с Фурсовым Е.М., 1928 г.р. (г. Донецк, апрель 2004 г. Транскрибированная аудиозапись) // Из личного архива автора.

⁵² *Нова Україна*. 30 січня 1943.

⁵³ *Нова Україна* (щотижневе видання). 17 січня 1943.

⁵⁴ Armstrong. *Ukrainian Nationalism*. P. 109.

рии Украины, особенно ее восточной части, акцент на языке общения как главным и чуть ли не единственным национально-идентифицирующим факторе и в целом недостаточная гибкость националистической пропаганды в ряде случаев приводили к дискредитации оуновских идей. Классическим примером этого является случай, описанный в дневнике известного украинского писателя и общественного деятеля Аркадия Любченко, входившего в состав редакции газеты *Нова Україна*. Однажды в редакцию газеты пришел харьковский автор по фамилии Филиппов и заявил, что подготовил статью антикоммунистического содержания. Когда Любченко отверг статью, поскольку она была написана на русском языке, Филиппов объяснил, что его мать является украинкой и он с уважением относится к украинскому языку, но при этом язык материала, по его мнению, и национальность автора не имеют значения. Любченко с насмешкой отметил, что настоящие украинцы не желают иметь дело с человеком, который не решил для себя, украинец он или русский, так как такой человек является интернационалистом вроде большевиков⁵⁵.

Знакомство с реалиями полиэтничного и поликультурного восточноевропейского общества вызвало определенную эволюцию в националистической пропаганде, которая стала более гибкой и доступной для восприятия местного населения⁵⁶. Хотя в то же время вплоть до конца оккупации в аналитических отчетах оуновских эмиссаров русскоязычные издания характеризовались в качестве дезориентирующих местное население и вредящих работе оуновцев⁵⁷.

Безусловно, возникает вопрос и о степени влияния националистической пропаганды, осуществлявшейся на оккупированной территории при помощи оккупационной прессы. Сложность ответа на него обусловлена закрытостью вплоть до сегодняшнего дня ряда материалов украинских архивов, в частности материалов советских спецслужб, уходом из жизни большинства людей – очевидцев оккупации, которые могли бы выступить в качестве потенциальных респондентов и экспертов по данному вопросу, невозможностью применения оценочных категорий в тех случаях, когда наряду с оккупационной прессой действовали и иные пропагандистские факторы, в частности нелегальные издания ОУН, листовки, плакатная пропаганда. Однако бесспорно одно – и нацистами, и советской властью после ее возвращения националисты рассматривались в качестве достаточно серьезных политических врагов и конкурентов в борьбе за влияние на население.

Показательно, что в ходе судебных процессов относительно бывших сотрудников оккупационных периодических изданий осуществление националистической пропаганды было одним из квалифицирующих признаков инкриминиру-

⁵⁵ Любченко А. Щоденник // Березіль. 1994. № 6(18). С. 58-59; Armstrong. Ukrainian Nationalism. P. 110.

⁵⁶ Стахів Є. Крізь тюрми, підпілля й кордони. К., 1995. С. 134.

⁵⁷ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины, ф. 3833, оп. 1, д. 113, л. 43.

емых им обвинений в измене Родине (статья 54 пункт 1-а Уголовного Кодекса УССР), антисоветской пропаганде или агитации (статья 54 пункт 10), участии в деятельности контрреволюционной организации (статья 54 пункт 11 Уголовного Кодекса УССР)⁵⁸.

Выводы

Период нацистской оккупации стал временем реализации пропагандистской концепции украинских националистов, которая должна была учитывать условия военного времени, прежде всего военного противостояния двух могущественных врагов, и необходимость охвата влиянием территории, население которой имело довольно смутное представление о целях и задачах ОУН. Деятельность националистов в этот период сыграла значительную роль в росте национального самосознания и формирования национальной идентичности населения, тем более ценную, что осуществлялась она в условиях жестокой нацистской цензуры. Националистическая пропаганда на страницах оккупационной прессы, апеллируя к духовным ценностям украинского народа, традициям и возможностям государственного строительства, по определению не могла не вступать в противоречие с идеологией нацизма, отрицающей не только возможность создания самостоятельного украинского государства, но и вообще полноценность славян. Этим прежде всего и объясняются те репрессии, которыми сопровождалась деятельность редакций газет, выходивших на оккупированной территории.

В то же время деятельность националистов в официозах оккупационных властей, солидаризация с рядом одиозных мероприятий нацистов (что в определенной степени было средством легитимизации националистов в оккупационных официозах) не могла не привести в определенной степени к компрометации идей украинского национализма в глазах местного населения. Просчеты оуновского руководства, которое недооценило важности проведения пропагандистской работы среди представителей других национальностей, приоритетность для населения задач выживания в условиях оккупационного режима, репрессии по отношению к ряду изданий и журналистов привели к тому, что пропаганда ОУН на страницах изданий оккупационных властей не нашла той массовой поддержки, на которую рассчитывали ее лидеры.

В целом пропагандистская деятельность ОУН, осуществлявшаяся при помощи оккупационных периодических изданий, была направлена на гипотетическое будущее, поскольку первоочередной задачей стояло все-таки воспитание сознательных украинцев – будущих борцов за независимость Украины. Однако даже находившаяся под влиянием украинских националистов легальная пресса не

⁵⁸ Реабілітація репресованих: законодавство та судова практика / За ред. В.Т. Маляренка. К., 1997. С. 20-24.

смогла в силу цензурных ограничений дать обществу ответ на главный вопрос, как и когда получить свободу и создать свое государство, предложить конкретную, соответствующую этим задачам программу деятельности.

Михаил Тяглый

«Цыганский вопрос» в идеологии и практике украинского национального движения во время Второй мировой войны

В последние годы в историографии Холокоста и в смежном с ней публичном пространстве все больше обсуждаются вопросы реакций местного населения на оккупированных территориях Украины на преследования евреев. Особенно это касается проблематики восприятия «еврейского вопроса» деятелями разных течений ОУН и затем УПА, их взглядов и решений о роли и месте еврейского населения в планировавшемся ими национальном проекте и соответствующих шагов для реализации этих представлений на практике. Такие дискуссии, в отличие от аналогичных в других восточноевропейских странах, пока еще нельзя назвать интенсивными, но сегодняшняя тенденция демонстрирует их постепенную активизацию. Вместе с тем, если вспомнить о судьбе другой группы жертв национал-социалистического режима – цыган, – положение которых во время господства нацизма было в значительной мере схожим с положением евреев, то становится очевидным, что относительно ромского меньшинства такие вопросы являются актуальными и крайне малоисследованными.

Эти вопросы, на первый взгляд, кажутся второстепенными по сравнению с изучением намерений и действий главного исполнителя экстерминационных акций – нацистских карательных структур. Очевидно, что в контексте оккупационной политики и установления политического управления на захваченных территориях именно немецкие и румынские карательные органы ответственны за массовые уничтожения мирных жителей и «особое обращение» с теми категориями населения, которые считались «расово» враждебными или потенциально опасными для «нового порядка». В то же время, бесспорным фактом является то, что какие бы меры в отношении цыган ни планировали и осуществляли оккупационные власти, они не реализовывались в вакууме, с участием в этом процессе только двух сторон: «исполнитель» – «жертва». Поскольку оккупационные власти не всегда и не повсюду полностью контролировали ситуацию, действия относительно преследовавшихся групп совершали не только оккупанты, но и различные коллективные или индивидуальные акторы, формально не связанные с органами власти. Что касается позиции по «ромскому вопросу» коллективных социальных акторов, которые действовали на украинских землях в период оккупации, то прежде всего необходимо обратить внимание на действия двух влиятельнейших сил – Организации украинских националистов (ОУН) и затем Украинской по-

встанческой армии (УПА), с одной стороны, и советского партизанского движения – с другой.

Итак, занимал ли «цыганский вопрос» какое-то заметное место в идеологических установках и военно-политической практике украинских националистов, и если так, то способствовало ли это выживанию ромов, которых нацистский оккупационный режим подвергал преследованию и уничтожению? Рассмотрим вначале идеологическую и политико-пропагандистскую плоскость восприятия «цыганского вопроса» ОУН и УПА. Что касается ОУН, то можно заметить, что в видении будущего устройства Украинского государства среди идеологов и практиков украинского национализма «цыганский вопрос» не занимал заметного места – до тех пор, пока он не начал граничить с представлениями о порядке и социальной упорядоченности общества. Другими словами, этническое измерение этого вопроса само по себе не играло никакой роли и не привлекало внимания авторов украинского проекта, если речь шла об оседлых ромах, интегрированных в социальную структуру общества. Другое восприятие вызывали кочевые ромы – те, которые не отвечали критериям полезных членов общества, якобы угрожая его порядку и стабильному устройству. Такие группы расценивались как имеющие преступный характер и потому требовавшие контроля со стороны государственного аппарата.

Примером такого отношения является проект *Предложения ОУН (А. Мельника) к структуре и компетенции министерств будущего Украинского государства*, который был подготовлен не позже 22 июня 1941 г. К компетенции будущего Министерства внутренних дел автор предлагал отнести «вопрос бродячих цыган и людей без определенных занятий», который соседствовал с «сотрудничеством в деле домов принудительных работ и колоний для малолетних преступников»¹. Такой подход свидетельствовал о готовности отождествлять в юридической плоскости кочевых ромов с криминальными слоями общества и применять этнический принцип идентификации вместо социального при решении проблем, связанных с преступностью. Очевидно, что при этом многочисленные таборы кочевых ромов попадали в категорию коллективного преступника. Такой же подход к решению проблем предупреждения преступности демонстрирует *Общая инструкция Службы безопасности ОУН (С. Бандеры)*, которая появилась ориентировочно в 1941 г.: для успешного проведения облав служащим милиции рекомендовалось тщательно изучить территорию, на которой происходила облава, и в частности, «знать... те места, где происходит нелегальная продажа водки, те дома, где ночуют цыгане, бродяги и т.д., жилье политически подозреваемых лиц... и т.д.»².

Хоть и не столь заметно как «еврейский», «цыганский вопрос» тоже занимал определенное место в националистической пропаганде времен войны. В пропа-

¹ ОУН в 1941 році: документи. В 2-х чч. Ч. 1 / Упор. О. Веселова, О. Лисенко, І. Патриляк, В. Сергійчук; відп. ред. С. Кульчицький. К., 2006. С. 233.

² Там же. С. 593.

гандистской литературе, адресованной бойцам УПА или мирному населению, ромы фигурировали как одна из групп, которые считались вредоносными, лишними и такими, от которых следовало избавиться. Одна из листовок ОУН, обращенных к красноармейцам, призывала последних не воевать за «жидов, цыган и прочую сволочь»³. В августе 1943 г. в обращении Главного командования УПА к украинцам Холмщины и Подляшья отмечалось, что «для уничтожения украинского народа исконный враг Украины, Москва, шлет вагаги цыган, москалей, жидов и другой сволочи – так называемых "красных партизан"»⁴. В *Материалах политической подготовки* В. Юрьева⁵ приведено обращение штаба группы УПА «Туров» к украинцам Полесья начала 1944 г., которое также изображает исторические и современные вызовы времени глазами тех, кто стремился к построению украинской государственности на основах моноэтничного национализма: «И идут приспешники целыми ордами на Украину – жида, татары, цыгане и всякое другое отребье. И снова обещают они грушки на вербе, "все будет, все дадим, вы сдайтесь только под наше покровительство"»⁶.

В какой мере такое отношение к цыганам не только распространялось на уровне распоряжений и пропагандистских документов, но и определяло повседневные действия по отношению к ним? Исследователь Н. Бессонов приводит соответствующие примеры из многочисленных интервью с цыганами, которые пережили преследования. Он сравнивает отражение в цыганской исторической памяти образов украинских националистов и советских партизан: «Если советские партизаны воспринимались как братья и даже среди оккупантов ромы вспоминают "добрых немцев", то для бандеровцев не осталось не одного доброго слова... Бандеровцы для ромов – это бандиты, которые уничтожали мирное население, то есть поляков, евреев, русских и, конечно же, кочевые табора. О случаях, когда дело ограничилось насилием, оскорблениями и побоями, бывшие кочевники вспоминают как о большом везении»⁷. Н. Бессонов также приводит воспоминания польских ромов, зафиксированных в 1949 г. Ежи Фицовским, о жестоких преследованиях ромов на Волыни украинскими националистами⁸.

Согласно свидетельствам цыган, которые собрали Е. Фицовский, Н. Бессонов, а также свидетельствам украинских цыган, записанных Институтом визуальной истории Фонда ШОА (USC Shoah Foundation Institute) и другим источникам, пик

³ Центральний державний архів громадський об'єднань України (далее – ЦДАГОУ), ф. 57, оп. 4, спр. 370, арк. 3зв.

⁴ Сергійчук В. ОУН-УПА в роки війни: нові документи і матеріали. К., 1996. С. 366 – со ссылкой на: Центральний державний архів вищих органів влади України (далее – ЦДАВОУ), ф. 3833, оп. 1, спр. 86, арк. 25-26.

⁵ Віктор Юрійв – псевдочлен Провода ОУН, заступитель Главы генерального секретариата УГВР, подполковник УПА Осипа Дякива-«Горнового».

⁶ Літопис УПА: нова серія. Т. 17. К., Торонто, 2011. С. 183.

⁷ Бессонов Н. Цыгане СССР в оккупации: стратегии выживания // Голокост і сучасність: студії в Україні і світі. 2009. № 2(6). С. 49.

⁸ Там же. С. 49-50. Бессонов ссылается на: Ficowski J. Cyganie Polscy. Warszawa, 1953. P. 219-223.

гонений на ромов со стороны украинских националистов приходится на 1943 г., прежде всего на Волыни, где УПА начала партизанские действия против немецких и советских сил и этническую чистку местного польского населения. Рассказывая об антипольских и антиеврейских действиях УПА, бывший боец УПА вспоминал о том, что осенью 1943 г. националисты под руководством А. Шкытака устроили нападение на цыганский хутор, расположенный поблизости от сел Плоское и Галовка на Старосамборщине. «Оуновцы на куски порубили всех цыган, которых им удалось захватить», – свидетельствовал он⁹.

Почему в такой ситуации ромы стали объектом преследования со стороны по крайней мере части украинских националистов? Ответ на этот вопрос лежит в плоскости восприятия цыган участниками украинского национального движения. Вместе с идеологически-пропагандистским взглядом на цыган как инородную этническую составляющую, которая мешала созданию однородного украинского пространства и развитию государственности на этой основе, еще одной причиной было то, что на тот момент многие цыгане искали и уже нашли убежище в советских партизанских отрядах. Во внутренней документации украинских повстанческих формирований есть множество подтверждений, что среди воинов на противоположной стороне фигурирует немало цыган.

Например, в очерке Владимира Макара *Северо-западные украинские земли. Вооруженная самооборона украинского народа* (компиляции сообщений политической референтуры Службы безопасности (далее – СБ) ОУН и информативно-разведывательной службы УПА на Волыни и Полесье), датированном концом мая или началом июня 1943, указано, что «...большевицкое партизанское движение уже в 1942 году овладела всецело Полесьем и северной лесной полосой Волыни. ... Их ряды постоянно пополнялись красными парашютистами – москoviтами, белорусами, беглецами поляками, евреями и цыганами, а ко времени отступления УПА еще и украинцами из сожженных сел и насильно мобилизованными крестьянами»¹⁰. Дальнейшие воспоминания о нахождении цыган в рядах противника можно найти в многочисленных отчетах, представленных различными отрядами УПА, подразделениями СБ ОУН, политическими отделами ОУН. Рассмотрим несколько фрагментов из этих документов:

⁹ Yad Vashem Archives, O. 32, file 112, page 13 (Заявление Я.И. Шпитала от 31 января 1964 г.).

¹⁰ Літопис УПА. Т. 5. Волинь і Полісся. Німецька окупація. Кн. 3-тя: спомини учасників / Ред. Є. Штендера. Торонто, 1984. С. 16.

Дата	Название документа	Содержание	Источник
Начало августа 1943 г.	<i>Отчет общественно-политического референта округа о ситуации в местности «Болото» (Пиньская округа)</i>	«[...] Национальный состав красных партизан очень разный. Там есть кацапы, цыгане, поляки, белорусы, узбеки, есть и украинцы, в большинстве из восточных областей и бывшие коммунистические активисты. Наибольшие их подвиги – это подрывы железных дорог, ликвидация украинского освободительного элемента, грабеж населения, насилие...»	Літопис УПА: нова серія. Т. 11. К., Торонто, 2007. С. 256 (ЦДАВОУ, ф. 3833, оп. 1, спр. 128, арк. 3-4)
Начало сентября 1943 г.	<i>Обзор общественно-политических событий, составленный проводником Луцкого округа. Общественно-политический обзор Луцкого округа</i>	«12.8 в Рожищенском районе, в окрестностях сел Богушовка, Трилесцы (Прилесное), Колония Эмилины появились большевистские парашютисты. В ту самую ночь подорвали железную дорогу...Красные партизаны насильно проводят мобилизация на северных территориях. В их состав входят евреи, белорусы, ляхи, цыгане, москали и т.п. сброд.»	Літопис УПА: нова серія. Т. 11. К., Торонто, 2007. С. 98 (ЦДАВОУ, ф. 3833, оп. 1, спр. 125, арк. 6-10)
15 октября 1943 г.	<i>Отчет о деятельности Службы безопасности за время от 15\9 до 15\10 1943 г.</i>	«Раздел 3. Сила врагов и их тактика в борьбе с нашим движением. [...] В красном партизанском движении нашли убежище все политически преследуемые немцами или украинцами, такие как поляки, евреи, казаки, цыгане и т.д.»	Літопис УПА: нова серія. Т. 2. К., Торонто, 1999. С. 309 (ЦДАВОУ, ф. 3838, оп. 1, спр. 55, арк. 1-5)
3 декабря 1943 г.	<i>Отчет политического референта надрайона об организационной деятельности [Ровенский] надрайон 3/3</i>	«Красные. Партизанское движение действует в Александровском районе: с. Метков, Рубное и С[уск]. В состав входят: коммунисты, украинцы (местное население), поляки, евреи и цыгане. Задача – как можно больше уничтожить людей. К полякам относятся благосклонно. Ведут пропаганду о скором приходе большевиков»	Літопис УПА: нова серія. Т. 11. К., Торонто, 2007. С. 693 (ЦДАВОУ, ф. 3838, оп. 1, спр. 51, арк. 43-44)
Декабрь 1943 г.	<i>Хроника о деятельности ОУНовских боевых групп на Столицине ВО «Заграва», Столицина</i>	«№ 50. В с. Березичи собрались цыгане, евреи и всякие другие недобитки, где организуются и выезжают в села грабить»	Літопис УПА: нова серія. Т. 14. К., Торонто, 2010. С. 456 (ЦДАВОУ, ф. 3838, оп. 1, спр. 51, арк. 43-44)

На основе этих отчетов можно предположить, что негативный устоявшийся взгляд украинских повстанцев на цыган как на нежелательный элемент во время активных боевых действий усугублялся еще и фактом наличия цыган в рядах их противников. В этом, в частности, заключался трагический замкнутый круг положения цыган и их стратегии выживания в то время: искать защиты в рядах националистического партизанского движения они не могли из-за стремления последнего к этнической гомогенизации пространства, поэтому шли к советским партизанам – и находясь в отрядах последних, все больше ассоциировались в глазах украинских националистов с врагами их борьбы. Известны лишь отдельные исключения. Например, на территории подполья УПА на Волыни о романах было упомянуто в отчете политического референта Цуманского района от 24 октября 1943 г., где среди национальных меньшинств, вероятно, цыган было больше всех – около 50 человек. Автор отчета обрисовал ситуацию нейтральных отношений между повстанческим движением и цыганским населением: «Цыгане заявляют, у нас и власти – [цели] не расходятся (из цыгана комиссара не будет), нам "лишь бы жить"»¹¹.

В дополнение отметим, что при рассмотрении этого вопроса следует учитывать не только политико-идеологические установки и представления военного времени, но и существовавшие внутри националистической среды сложившиеся на протяжении последних столетий и унаследованные традиционной культурой стереотипные представления о цыганах. Известно, что предубеждения, существующие у одной группы относительно другой, в период стабильного и мирного сосуществования не влияют принципиально на взаимоотношения, оставаясь лишь латентными представлениями. Однако в экстремальных условиях эти преобладающие в спящем режиме предрассудки могут активизироваться и повлиять негативно на динамику взаимоотношений между группами и индивидами, дополнительно способствуя эскалации насилия.

В украинском фольклоре и литературе XIX – 1-й трети XX вв. есть множество примеров изображения цыган. Отдельных исследований коллективных представлений о романах в украинском культурном пространстве нет, поэтому охарактеризуем некоторые доступные нам фрагменты, принадлежавшие самим представителям украинского националистического движения. Таких свидетельств немного, но все же иногда они встречаются в воспоминаниях бывших членов ОУН и бойцов УПА. Крайне колоритное и информативное свидетельство оставил бывший воин УПА Иван Лыко, который в воспоминаниях *На грани мечты и действительности* описывал, в частности, как он вдруг понял, что семья, которая при-

¹¹ Літопис УПА: нова серія. Т. 11. К., Торонто, 2007. С. 188. См. также: Стародубець Г. М. Міжнародні відносини в рамках повстанського заплілля в 1943 році // Історичні уроки Голокосту та міжнародні відносини: матеріали міжнародної науково-практичної конференції для викладачів та студентів (Житомир, 23-24 жовтня 2009 р.). Дніпропетровськ, 2010. С. 284 – со ссылкой на: Державний архів Рівненської області (далі – ДАРО), ф. Р-30, оп. 2, спр. 39, арк. 136-144.

нимала его за ужином в своей хате в галицком селе, – цыганская: «Двери открыла мать девушки, типичная цыганка, а ее брат, который тогда находился в комнате, своим внешним видом убедил меня, что я попал в цыганскую семью. Предубеждения к цыганской расе с детства, когда ты не раз слышал от старших людей, что цыгане – злодеи, питающиеся мясом дохлых зверей, которых выкапывают из земли, порой в подгнившем состоянии, потрясли меня. Мать подала закуску – колбасу, сало, кулич и четверть литра самогона. Чарку я опрокинул без раздумий, но когда стал закусывать салом, мне казалось, что оно “растет у меня во рту”. Извиняясь перед хозяйкой и девушкой за аппетит тем, что только встал из-за стола, в голове пробовал найти идею, чтобы “выйти из ситуации”. ...На счастье, я увидел Бурого, который подходил на пригорок к цыганской хате, а когда он зашел в хату и сказал, что боевая группа отходит из села, у меня не иначе как тяжелый камень с плеч упал. Поблагодарив хозяйку за гостеприимство, на прощание поцеловал молодую цыганочку, которой пообещал, что постараюсь ее навестить и побыть с ней дольше в следующий раз»¹².

Этот отрывок в частности демонстрирует, что представления автора разделяло общество, к которому он принадлежал. Отдельный небольшой подраздел посвятил цыганам в своих воспоминаниях *На грани двух миров* бывший участник партизанского движения Мыкола Терепенко. Он также описывает, как пожаловал с товарищами в хату к цыганской семье в Словакии и их пригласили к ужину: «Я смотрю, она (цыганская хозяйка. – М. Т.) выливает воду с картошки, которая уже сварилась и сыплет из большого горшка в большую миску (в которой литров 10). ...Все взялись за совместную трапезу. Я делаю так же, как и они, меня судьба всему научила, только мой товарищ за ложку не берется и не ест. Старая цыганка смотрит на него, говорит: “Ешьте, господин. Я знаю, почему вы не едите, – говорит она, – ибо все время все говорят, что мы едим падаль, а это неправда. Посмотрите, какое хорошее мясо. Мы его купили у соседа..., оно вполне хорошее”. Но мой товарищ не ел. Сказал, что он не голодный, а я ел, хотя про себя думал, что, может, эта корова сдохла. Черт побери! Если они не помрут, то почему я должен? После супа и картошки цыганка подала мясо, по большой порции. Я все это съел. Когда они завершили ужин, все повставали, и мы тоже. Я хозяйку поблагодарил и похвалил ее, что она хорошо готовит, но она выглядела недовольной, потому что мой товарищ не ел. Мы вдвоем поблагодарили ее и пошли, и хотя я и думал, что в моем животе начнется “революция”, но ничего подобного не произошло. После этого ужина мне было и немного смешно. Думал я над тем, что такие бедные люди, цыгане, но при этом человечные и гостеприимные»¹³.

Разумеется, прямую линию между вышеописанными предрассудками, бытовавшими в коллективном сознании, и случаями преследований ромов украинскими националистами проводить нельзя. Реальность была намного сложнее. В

¹² Лико І. На грані мрії і дійсності (спогади підпільника) // Літопис УПА. Т. 37. Торонто, 2002. С. 178.

¹³ Терепенко М. На грані двох світів (спогади) // Там же. С. 509.

этих фрагментах воспоминаний речь не идет о враждебном отношении бойцов УПА к тем, в чьих домах они гостили. Но необходимо обратить внимание, что в этих случаях речь идет о ромах оседлых, которые были неотъемлемой частью сельского пространства того времени. Что касается кочевых ромов, то в глазах партизан они представляли собой другой образ. Существовавшая тенденция негативного восприятия не могла не повлиять на практические действия по отношению к ним в реальной ситуации, когда воины УПА встречались с таборами цыган-кочевников на лесных тропах. Выше упоминалось, что украинские националисты знали о широком участии цыган в советских партизанских отрядах. К этому следует добавить еще одно важное представление, которым руководствовалось любое военизированное формирование в отношении к кочевым цыганам в военные времена, а именно убежденность в будто бы шпионских способностях или задачах табора. Конечно, сочетание всех этих обстоятельств приводило во многих случаях к физической расправе националистических партизан над цыганами.

Естественно, из источников ОУН и УПА о таких случаях узнать невозможно. Как исключение можно привести следующий пример. Тот же Иван Лыко в своих мемуарах вспоминает, что в 1946 г. районный проводник под псевдонимом «Чернота» убеждал его в необходимости ликвидировать цыганскую семью из шести человек в одном из сел Галиции, потому что один из членов семьи будто бы был «доносчиком». И. Лыко отказался, а на следующий день узнал, что всю семью по приказу Черноты убили¹⁴. О том, что цыгане наряду с другими «инородцами» подлежали уничтожению СБ ОУН, свидетельствовал на допросе в 1944 г. И. Яворский, который был комендантом СБ Млыновского района Ровенской области¹⁵. Вот еще один эпизод, иллюстрирующий логику убийства цыган служащими СБ ОУН. Бывший комендант подрайона № 67 (на Волыни) Л.Э. Кульчинский под псевдонимом «Явир» свидетельствовал в 1944 г. советским органам, что на его территории (село Новомалин около Острога) в августе 1943 г. появилась группа цыган. Он предоставил им хату, участок земли и семена для ведения хозяйства, но в октябре из районного центра приехала группа бойцов СБ ОУН и убила этих цыган. Явир написал об этом коменданту района и получил ответ, что цыгане были убиты как «ненадежные элементы»¹⁶.

Подводя итоги, отметим: попытки изучить судьбу цыган на территории оккупированной Украины, как и в других регионах, не могут ограничиваться иссле-

¹⁴ Лыко І. На грані мрії і дійсності (спогади підпільника). Торонто, 2002. Т. 37. С. 214-215. Показательно, что в ходе 27-го пленарного заседания Издательского комитета *Літописи УПА* в июне 2003 г. И. Лыка упрекали в том, что он включил в свои воспоминания сюжеты о цыганах и о других событиях «без необходимости», на что автор ответил, что «писал только правду. У нас водится, что во всех воспоминаниях повстанцы описываются как самые святые люди, а в действительности это не всегда было так» (см.: *Літопис УПА*. Т. 42. Торонто, 2003. С. 443). Это воспоминание свидетельствует о стремлении как минимум части диаспоры реализовать селективный принцип саморепрезентации.

¹⁵ Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны: документы. В 2 тт. Т. 2: 1944-1945 / Под ред. А.Н. Артизова. М., 2012. С. 174.

¹⁶ Архів УСБУ в Рівненській області, ф. 4, спр. № 897, арк. 22.

дованием лишь действий немецкой или румынской оккупационной власти. Негцыганское местное население играло в них значительную, а порой решающую роль. Но при рассмотрении этого важного при изучении любого геноцидного явления аспекта необходимо принимать во внимание как разнообразие групп и слоев общества, которых мы обобщаем под категорией «местное население», так и множество факторов, которыми каждый из них руководствовался, когда сталкивался с «цыганским вопросом» в какой-то момент оккупационной реальности.

Одну из групп этих факторов можно отнести к идеологическим, другую – к социальным, третью условно назовем «фольклорно-бытовой», поскольку она коренилась в распространенных массовых представлениях о цыганах. Анализ того незначительного элемента идеологии и пропаганды украинских националистов, который касался цыган, свидетельствует, что «цыганский вопрос» не занимал в них какого-то заметного места – однако приобретал существенную роль тогда, когда начинал противоречить их представлениям о будущем социальном устройстве и порядке, который, наряду с другими преступниками, якобы ставили под угрозу кочевые ромы. К этому следует добавить представление об опасности, которую якобы представляли кочевые цыгане для националистических партизанских отрядов, а также попытки ромов найти убежище и спасение в рядах советских партизан. Ситуация усложнялась распространенными на уровне фольклорно-бытовой культуры представлениями, которые никак не способствовали благосклонному отношению к таборам. Все это приводило к вспышкам насилия со стороны националистичных отрядов, прежде всего по отношению к кочевым группам ромов, но в некоторых случаях – и к оседлым ромам, жителям сел, по простой причине – они были «цыганами», а значит, в глазах комбатантов – тоже потенциальным источником небезопасности и носителями тех «нежелательных» качеств, от которых следовало избавляться.

II.2. Формы и последствия коллаборационизма ОУН с нацистской Германией

Кай Струве

Команда особого назначения «Львов», украинская милиция и т.н. «Дни Петлюры» 25-26 июля 1941-ого года*

Данная статья исследует связь между немецкой полицией безопасности и украинской милицией на примере «Дней Петлюры» 25 и 26 июля 1941 г. во Львове, когда в первые недели после нападения Германии на Советский Союз происходили преследования и убийства евреев.

Погром и массовый расстрел

Утром 30 июня 1941 г. город Львов был оккупирован немецкими войсками. На следующий день, 1 июля 1941 г., начались первые эксцессы и насильственные действия по отношению к евреям на улицах города. Большинство актов насилия произошло, когда евреи были доставлены к трем тюрьмам, чтобы убирать трупы расстрелянных там заключенных из камер, подвалов и массовых захоронений в тюремных дворах. Местные подразделения НКВД в дни перед своим отступлением убили в львовских тюрьмах от 2 до 3,5 тыс. заключенных, в основном, выстрелами в затылок¹.

* Ранее опубликовано в журнале *Проблеми історії Голокосту* (2013. Вып. 6).

¹ По советским документам, во львовских тюрьмах, которые подчинялись Львовской тюремной администрации, после 22 июня 1941 г. были убиты 2 464 заключенных. См.: Звіт начальника Тюремного управління НКВС УРСР заступникові Народного комісара внутрішніх справ СРСР і начальникові Тюремного управління НКВС СРСР, 12 липня 1941 // Романів О., Федущак І. Західноукраїнська трагедія 1941. Львів, 2002. С. 368. В это число, правда, были также включены заключенные, убитые в тюрьме Золочева, однако в это число не вошли те заключенные, которых убили в следственном изоляторе НКВД на ул. Лонцкого во Львове. Так как число убитых в Золочеве заключенных было больше, чем число жертв этого советского преступления в тюрьме на ул. Лонцкого, то из этого следует, что число убитых заключенных во Львове составляет приблизительно 2 тыс. человек. По оценкам немцев, после проведения работ по эксгумации во львовских тюрьмах было обнаружено 3,1–3,5 тыс. трупов. См.: Hryciuk G. Polacy we

Действия вермахта обычно заключались в том, что после оккупации населенного пункта евреи в принудительном порядке привлекались к экзгумационным и другим работам. Коменданты вермахта на местах, в основном, поручали это здешней милиции, которая привлекала евреев в качестве рабочей силы. Милиция, по всей вероятности, в Львове получила приказ заставлять евреев выносить трупы. А гражданское население, спонтанно присоединившееся к милиции в этом деле, пригнало гораздо больше евреев, чем необходимо было для уборки тел. Сама работа уже была наказанием, а привлекаемые к ней евреи были предметом насмешек на улицах и в тюрьмах; их избивали, многие были убиты.

Это было частью спонтанно развивающегося процесса, в котором на евреев была возложена ответственность за советские преступления, а с другой стороны – который знаменовал падение советского режима, носителями которого считались евреи². В актах насилия было выражено одновременно чрезвычайное эмоциональное напряжение, которое возникло из антагонизма к советским преступлениям, а также от радости освобождения от советской власти, с чем украинцы связывали надежду на возникновение собственного государства. В актах насилия принимали участие также немецкие военнослужащие и полицейские.

Первого июля, предположительно, во дворе Бригидской тюрьмы членами айнзацгруппы Ц было расстреляно приблизительно 100 евреев³. При этом речь шла, по-видимому, не о запланированных экзекуциях, а о спонтанно происходящих действиях. Не имея точных сведений об общем количестве погибших во время погрома, так как никто не считал трупы, едва ли возможно установить реальное количество жертв. Анализ многочисленных сообщений об актах насилия 1 июля дает возможность говорить о нескольких сотнях жертв как наиболее вероятном масштабе погрома⁴.

Lwowie 1939–1944: *Życie codzienne*. Warszawa, 2000. P. 190. Согласно Романову и Федущак (с. 55-58, 63), количество жертв составляет 4 тыс. человек.

² По погрому 1 июля 1941 г. основными являются следующие статьи: Himka J.-P. The Lviv Pogrom of 1941: The Germans, Ukrainian Nationalists, and the Carnival Crowd // *Canadian Slavonic Papers / Revue canadienne des slavistes*. 2011. № 53. P. 209-243; Химка І. Достовірність свідчення: реляція Рузі Вагнер про львівський погром влітку 1941 р. // *Голокост і сучасність*. 2008. № 2(4). С. 43-79.

³ О расстреле во дворе Бригидской тюрьмы см: Heimkes H. Ein Münchner als Gebirgssoldat im Kaukasus und auf dem Balkan. München, 2000 (Selbstverlag). P. 12, 135; Vernehmung Horst Meier // *Bundesarchiv Ludwigsburg (BAL) B 162/1639*. Bl. 115.

⁴ Несколько сотен убитых и несколько тысяч раненых – такую оценку дал Марек Реднер, врач, который лечил раненых после погрома и который, вероятно, имел относительно точное представление о количестве жертв. См.: Redner M. *Żalobne wspomnienia* // *Yad Vashem Archives (YVA) O-3/430*. P. 16. Другие сообщения переживших погром евреев называют приблизительно 2 тыс. жертв, напр.: Gerstenfeld-Maltiel J. *My Private War: One Man's Struggle to Survive the Soviets and the Nazis*. Portland, 1993. P. 54. Он ссылается при этом на более позднюю оценку количества жертв, определенную Еврейским советом. Названные в исследовательской литературе цифры от 4 тыс. и более жертв только лишь при погроме 1 июля завышены. Книга автора по насильственным действиям против евреев летом 1941 г. в г. Львов и других местах Западной Украины: Struve K. *Deutsche Herrschaft, ukrainischer Nationalismus, antijüdische Gewalt: Der Sommer 1941 in der Westukraine*. München, 2015. В ней подробнее исследуется вопрос о числен-

По окончании погрома айнзацгруппа Ц приказала полиции безопасности и СД арестовать с помощью украинской милиции от 2-х до 3-х тыс. мужчин евреев. Среди схваченных были как случайные прохожие, так, очевидно, и задержанные целенаправленно. Арестованные, преимущественно, были доставлены к комиссариатам милиции, а затем к стадиону на улице Пельчинской, который находился около бывшего здания НКВД, где расположилась немецкая полиция безопасности. Большинство арестов состоялось 4 июля, возможно, первые аресты имели место уже 3 июля. Приблизительно 1,4 – 2 тыс. задержанных лиц 5 июля на грузовиках были вывезены в лесную зону под городом и расстреляны исполнительными командами полиции безопасности. Остальных отпустили.

Задержанные евреи на стадионе подвергались насмешкам и жестокому обращению со стороны немецкой полиции и, очевидно, также солдат вермахта. Шеф айнзацгруппы Ц Раш обосновал этот массовый расстрел как «возмездие» за массовое убийство заключенных, совершенное советской властью в тюрьмах⁵. Украинская милиция принимала участие в арестах и, возможно, в транспортировке евреев к местам экзекуции, однако же прямого участия в расстрелах не принимала.

Создание украинской милиции

Создание украинской милиции началось 30 июня 1941 г. в первой половине дня во дворе собора Святого Юра. Ранним утром этого дня сюда прибыла первая рота батальона «Нахтигаль» – украинское подразделение в вермахте, сформированное с помощью ОУН(б). Роман Шухевич, являвшийся украинским командиром батальона, встретил возле собора местного руководителя ОУН г. Львова, который пришел с другими членами подполья ОУН. В течение первой половины дня на площадь возле собора Святого Юра прибыла также группа руководящих активистов ОУН(б) во главе с Ярославом Стецько. Под их руководством началась регистрация членов украинской милиции.

По воспоминаниям Богдана Казанивского, Роман Шухевич назначил (по предложению Казанивского) Омеляна Матлу «временным комендантом города Львов». Казанивский стал его заместителем. Назначение Матлы было «временным», потому что уже был назначен на должность коменданта Евгений Врецьо-

ности жертв. См. также на английском языке: idem. Tremors in the Shatter-Zone of Empires: Eastern Galicia in Summer 1941 // *Borderlands: Ethnicity, Identity and Violence in the Shatter-Zone of Empires* / Ed. O. Bartov, E. Weitz. Bloomington, 2013. P. 463-484; Struve K. Rites of Violence? The Pogroms of Summer 1941 // *Polin: Studies in Polish Jewry*. 2011. Vol. 24. P. 257-274.

⁵ Pohl D. *Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941–1944*. München, 1996. P. 68-69. См. также: Weliczker Wells L. *The Janowska Road*. Washington, DC, 1999. P. 46-54 (первая публикация: N.Y., 1963). Подробности этой массовой казни содержатся в: Struve. *Deutsche Herrschaft...*

на, хотя он еще не прибыл из Генерал-губернаторства⁶. Зарегистрированные во дворе милиционеры были распределены по группам и направлены к стратегически важным объектам и местам города. В течение дня они заняли здания комиссариатов в различных районах города⁷.

Омельян Матла и Богдан Казанивский, как и Евгений Врецьона, многие годы были активистами ОУН. Оба пережили жестокие избиения в тюрьмах НКВД в Львове. Казанивский провел в различных тюрьмах около полутора лет, и смог сбежать после ухода советской охраны из Бригидской тюрьмы 28 июня. Вместе с другими беглецами он скрывался в подвалах собора Св. Юра⁸. Омелян Матла уже 24 июня смог сбежать из следственного изолятора, находящегося на ул. Лонцкого. Он был арестован в августе 1940 г.⁹ Оба во время ареста были подвергнуты пыткам.

С немецкой стороны власть находилась в руках коменданта города полковника Винтергерста. Городская комендатура подчинила себе украинскую милицию еще 30 июня и поручала ей, помимо прочего, собирать оружие и радиоприборы¹⁰. Среди поручений, которые она получала, могло быть, как было упомянуто выше, и привлечение евреев к работам по уборке улиц города и выносу тел убитых в тюрьмах. 2 июля полиция безопасности взяла на себя командование милицией. Богдан Казанивский вспоминает, что как-то в кабинете коменданта милиции Матлы появился штурмбаннфюрер СС Отто Кипка и объявил, что теперь милиция подчиняется ему¹¹. Кипка входил в состав СД в Кракове и вошел во Львов 2 июля с подразделением полиции безопасности, в которое входило приблизительно 200–250 человек под командованием начальника полиции безопасности и СД в Генерал-губернаторстве оберфюрера Эберхарда Шонгарта – командой особого назначения «Львов». Первые части айнзацгруппы Ц уже 30 июня 1941 г. прибы-

⁶ Казанівський Б. Шляхом Легенди. Спомини. Л., 1975. С. 210-214. О происходящем возле собора Святого Юра в первой половине 30 июня сообщает также Ярослав Стецько. После этого Иван Равлык, который прибыл во Львов вместе со Стецько, руководил формированием милиции (Стецько Я. 30 червня 1941. Торонто, 1967. С. 179-182). Об образовании милиции см. также: Німка. The Lviv Pogrom. P. 227-229.

⁷ Казанівський. Шляхом Легенди. С. 216.

⁸ Там же. С. 203-205.

⁹ Допрос кригсгерихтсратом Мёллером, судьей 17-й армии, Львов, 6 июля 1941 г. // Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA) RW 2/148. Bl. 342-344.

¹⁰ Казанівський. Шляхом Легенди. С. 215; см. также: Unterstaatssekretär Kundt, Rücksprache mit Major Weiner, Ic-Offizier im Rahmen der Heeresgruppe Süd am 9. Juli 1941 // Україна в Другій світовій війні у документах / Сост. В. Косик. Львів, 1997. Т. 1. С. 147.

¹¹ Казанивский сообщает, что его (Кипку) сопровождал один украинец, которого он обозначил инициалами О.Ч. и назвал адъютантом Кипки. При этом речь могла идти об Остапе Чучкевиче, одном из руководителей ОУН(м) из Генерал-губернаторства. Он с начала войны работал на краковскую полицию безопасности. См.: Климишин М. В поході до волі: спомини. Детройт, 1987. Т. 1. С. 317. Относительно подчинения милиции полиции безопасности 2 июля см. интервью с д-ром Байером «Події на західно-українських землях» (Происшествия на западно-украинских землях) в: Краківські вісті. 6 липня 1941. С. 2 (также опублик. в: Українське державотворення: акт 30 червня 1941 / Сост. О. Дзюбан. Львів, 2001. С. 151-153).

ли в город, а до 10 июля части оставили город¹². Зато сотрудники полиции безопасности из Генерал-губернаторства оставались в будущем дистрикте «Галиция» и создавали там структуры полиции безопасности¹³.

Внутри украинской милиции Евгений Врецьона, по крайней мере, формально никогда не был комендантом украинской милиции. «Список работников городского комиссариата украинской милиции во Львове, ул. Казимирская, 30», датированный 7 августа 1941 г., называет его комиссаром городского комиссариата, что значит – его начальником¹⁴. В списке значится, что Евгений Врецьона вступил в милицию 2 июля 1941 г. Эта же дата вступления значится в списке также для Ивана Витушинского, заместителя Евгения Врецьоны. Витушинский также был в течение многих лет членом ОУН. Городская комендатура, которой руководил Матла, находилась в то время на ул. Лозинского, 9, где располагался комиссариат¹⁵. Руководимый Евгением Врецьоной городской комиссариат имел внутри украинской милиции во Львове, очевидно, более высокую позицию и представлял собой высший руководящий состав. В списке личного состава от 7 августа 1941 г. значится, что почти все 25 членов городского комиссариата окончили гимназию и многие, по меньшей мере, учились несколько семестров в высшем учебном заведении. Это подтверждают сообщения, что Евгений Врецьона выполнял в милиции руководящие функции¹⁶. Комендатура милиции под руководством Матлы существовала и далее, хотя нет документов, которые бы позволили узнать, что входило в ее компетенцию и каковы были задачи ее деятельности, в отличие от городского комиссариата.

К городскому комиссариату относился «Следственный отдел украинской милиции», которым руководил Василий Турковский¹⁷. Казанівський обозначил его в своих мемуарах как «политико-следственный отдел». Турковский был одновременно заместителем Мыколы Арсенюка в качестве референта службы безопасности в руководстве ОУН(б)¹⁸. Ярослав Стецько считал Турковского вместе с

¹² Донесение о событиях № 19 от 11 июля называет г. Ровно как место дислокации айнзацгруппы Ц. См.: Die «Ereignismeldungen UdSSR» 1941: Dokumente der Einsatzgruppen in der Sowjetunion / Ed. M. Mallmann et al. Darmstadt, 2011. P. 104.

¹³ Pohl. Nationalsozialistische Judenverfolgung. P. 53-54; Schenk D. Der Lemberger Professorenmord und der Holocaust in Ostgalizien. Bonn, 2007. P. 93-100.

¹⁴ Государственный архив Львовской области (далее – ГАЛО), ф. р-12, оп. 1, д. 149, л. 1.

¹⁵ В первые дни городская комендатура размещалась в здании Ордена сестер святейшего сердца Иисуса на площади напротив собора Святого Юра (Казанівський. Шляхом Легенди. С. 214); в дальнейшем – на ул. Лозинского (Там же. С. 241) – под названием «Главная команда украинской милиции во Львове» (ГАЛО, ф. р-12, оп. 1, д. 150, л. 48).

¹⁶ «Комендантом милиции» назвал Врецьону также сотрудник СД Х.-И. Байер в интервью от 5 июля 1941 г. (Українське державотворення. С. 153).

¹⁷ Список працівників слідчого відділу У.М. // ГАЛО, ф. р-12, оп. 1, д. 149, л. 3.

¹⁸ Казанівський. Шляхом Легенди. С. 241. О Турковском: Дарованець О., Мороз В., Муравський В. Націоналістичний рух 1920–1930-х років // Мірчук П. Нарис історії ОУН 1920–1939 роки. К., 2007. С. 827.

Иваном Климовым, Львом Ребетом, Мыколой Лебедем и Иваном Равлыком ядром руководства ОУН(б) в первые июльские дни во Львове¹⁹.

В одном из документов, вероятно, также от 7 августа, содержится список личного состава подразделения Турковского из 45 человек²⁰. 14 июля 1941 г. по распоряжению немецкого коменданта Львова милиция была разделена на «городскую милицию», которая должна была находиться в распоряжении комиссарского бургомистра Юрия Полянского, и «милицию по особым заданиям», которая подчинялась команде особого назначения «Львов». Все милиционеры должны были получить удостоверения личности²¹. Считалось ли «милицией по особым заданиям» только подразделение, которым руководил Турковский, или это был весь городской комиссариат под руководством Евгения Врецьоны – этого документы не проясняют. По крайней мере, милицейское удостоверение Василия Турковского было подписано 14 июля 1941 г. штурмбанфюрером СС Отто Кипкой²².

«Дни Петлюры»

После расстрела 5 июля положение евреев поначалу стало немного спокойнее. Однако с 15 июля евреи должны были носить на верхней части правой руки белые повязки со звездой Давида, для них были введены ограничения на посещения магазинов и общественных заведений²³. Рацион на продукты питания для евреев был меньше, чем для остального населения²⁴. Станислав Ружицки уже в середине июля жаловался, что голод среди евреев усиливается потому, что мага-

¹⁹ Стецько. 30 червня 1941. С. 222.

²⁰ Список працівників слідчого відділу У.М. // ГАЛО, ф. р-12, оп. 1, д. 149, л. 3.

²¹ Stadtkommandant von Lemberg, 14.07.1941, Kommandantur-Befehl Nr. 3, gez. Russwurm, ВА-МА RH-22/5, Bl. 92.

²² ГАЛО, ф. р-12, оп. 1, д. 150. Удостоверение № 35, подписанное Кипкой. Кроме подписи это и другие удостоверения, полученные позже, имеют на обратной стороне круглую печать «Kommandant der ukrainischen Miliz in Lemberg – Комендант української міліції у Львові». Это была должность Матлы. Передняя сторона удостоверения со штампом приведена у: Химка. Достовірність. С. 61. Кроме удостоверения Турковского, такое же удостоверение было у Петра Галушко. Они датированы 14 июля 1941 г. Другие удостоверения, подписанные Кипкой, датировались 21 июля 1941 г.

²³ Feldkommandantur 603, Tätigkeitsbericht der Militärverwaltungsabteilung, Lemberg, 16 Juli 1941 // Российский государственный военный архив (далее – РГВА), ф. 1275, оп. 3, д. 663, л. 7; использована копия из: United States Holocaust Memorial Museum Archive (USHMMA) RG-11.001M.13. К этому же: Archiwum Ringelbluma: Konspiracyjne Archiwum Getta Warszawy. Tom 3: Relacje z Kresów / Ed. A. Żbikowski. Warszawa, 2000. P. 722; Henryk Szyper // Archiwum Żydowskiego Instytutu Historycznego (AŻIH) 301/4654. P. 13; Gerstenfeld-Maltiel. My Private War. P. 56; Zaderecki T. Gdy swastyka Lwowem władała... (Wycinek z dziejów okupacji hitlerowskiej) / Yad Vashem Archives (YVA) O-6/367. P. 45-48 (на иврите опубликовано в Иерусалиме в 1982 г.).

²⁴ Feldkommandantur 603, Tätigkeitsbericht der Militärverwaltungsabteilung, Lemberg, 16 Juli 1941. РГВА, ф. 1275, оп. 3, д. 663, л. 7.

зины для них больше недоступны²⁵. Все евреи привлекались к принудительным работам и для этого, как правило, подвергались арестам на улицах украинской милицией либо насильно уводились из своих квартир. Задержание евреев и надзор за ними во время принудительных работ, в основном, проходили не без побоев и унижений, однако насилие над ними по сравнению с первыми днями оккупации уменьшилось²⁶.

Между 5 и 26 июля все же произошло событие, во время которого было убито большое количество евреев, предположительно 80 мужчин. 12 июля всех мужчин-евреев забрали из нескольких домов на ул. Св. Анны и на ул. Яховица и, по-видимому, в этот же день они были расстреляны полицией безопасности. Основанием этому послужило то, что в ночь с 11 на 12 июля, когда немецкое подразделение маршировало по ул. Св. Анны, якобы раздался выстрел²⁷.

Крупный массовый расстрел состоялся снова в связи с «Днями Петлюры» 25 и 26 июля 1941 г. В некоторых воспоминаниях и научно-исторических работах это событие отражается как продолжение погрома 1 июля. Но события этих дней были более схожи с событиями 4 и 5 июля 1941 г.

Уже в июле 1941 г. понятие «Дни Петлюры», очевидно, распространилось на новый акт насилия. Однако не ясно, откуда это понятие пришло, т.е. неизвестно, стало ли оно распространяться то ли от украинских, то ли от немецких исполнителей, с политико-пропагандистскими намерениями или же возникло спонтанно²⁸. Само название акции представляло ее как месть евреям за убийство Симона Петлюры и поэтому приобретало специфический украинский национальный оттенок. Разумеется, Шалом Шварцбард застрелил Петлюру не 25 июля, а 25 мая 1926 г. Однако 25 июля было ближайшим 25-м числом месяца после падения советской власти в регионе.

Эти события, по всей вероятности, были связаны с посещением 21 июля 1941 г. Львова рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером. О самом посещении ничего не известно, кроме того, что Гиммлер, вероятно, вместе с высшим руководителем

²⁵ Nr. 31 (Stanisław Różycki) // *Relacje z Kresów*. P. 552-553; см. также: Gerstenfeld-Maltiel. *My Private War*. P. 57-58; См. также записи инспектора военной администрации в *Rüstungskommando Kiew* Эдвина Грюцнера, 1941–1943 в: *Die deutsche Wirtschaftspolitik in den besetzten sowjetischen Gebieten 1941–1943* / Ed. R.D. Müller. Boppard, 1991. P. 590-591. Грюцнер находился со своим подразделением во Львове между 20 июля и первыми числами августа и наблюдал, как торговцы на крестьянском рынке отказывались продавать продукты евреям.

²⁶ Сообщения о принудительной работе у Weliczker Wells. The Janowska Road. P. 55-61; Gerstenfeld-Maltiel. *My Private War*. P. 57-58; Kahane D. *Lvov Ghetto Diary*. Amherst, 1990. P. 10, на украинском опубликовано: Кахане Д. Щоденник львівського гетто. К., 2003; Zaderecki. *Gdy swastyka Lwowem władała*. P. 14-15, 32-39.

²⁷ Rubinsteinowa N. *Pamiętnik ze Lwowa* // *Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego*. 1967. № 61. P. 90. Несколько иное описание дает Филипп Фридман в: Friedman P. *The Destruction of the Jews of Lwów* // *idem. Roads to Extinction: Essays on the Holocaust*. N.Y., 1980. P. 249. См. также: Jones E. *Żydzi Lwowa w okresie okupacji 1939–1945*. Łódź, 1999. P. 50.

²⁸ Согласно воспоминаниям Яна Роговского, в этот день в городе на украинских флагах висели черные повязки. См.: Rogowski J. *Lwów pod znakiem swastyki. Pamiętnik z lat 1941–1942* // *Biblioteka imienia Ossolińskich we Wrocławiu*, sygn. 16711/II. Bl. 106.

СС и полиции обергруппенфюрером Фридрихом Еккельном встречались в этот день с главнокомандующим войсками оперативного тылового района группы армий «Юг» генералом Карлом фон Роквесом²⁹.

Между тем, есть достаточно подтверждений, что за поездками Гимmlера на Восточный фронт в июле и в августе 1941 г. и его встречами с действующими здесь офицерами СС и полиции следовал рост количества массовых расстрелов евреев в данных областях³⁰. О произошедшем существует ряд сообщений и воспоминаний евреев, которые пережили эти дни в Львове. Особое значение имеют три свидетельства очевидцев, которые были арестованы и случайно избежали массовой экзекуции 26 июля.

Зубного врача Хенрика Балдингера 25 июля забрали украинцы из его квартиры наряду с другими евреями под предлогом перепроверки документов и доставили сначала к комиссариату милиции. Отсюда их переместили в тюрьму на ул. Лонцкого³¹. Когда Х. Балдингер вошел в тюремный двор, там уже были другие евреи. Потом он заметил, как построенных в два ряда евреев избивают украинцы с помощью толстых свежесрезанных палок с такой яростью, что можно было слышать тяжелое дыхание исполнителей. Во дворе лежало много таких палок. Потом эту группу евреев отвели в здание тюрьмы, и процедура повторилась с группой Х. Балдингера. Когда они точно так же в два ряда были построены, к нему приблизился немец и закричал на него: «Коммунист!». На это Балдингер ответил: «Врач». Тогда немец так сильно ударил его палкой по лбу, что расшиб его до крови, и Балдингер упал на землю³².

Избиения продолжались и в здании тюрьмы, куда их перевели со двора. Самого Х. Балдингера отвели на третий этаж. Здесь заключенные вынуждены были часами стоять в тесноте при недостатке воздуха, некоторое время с поднятыми вверх руками. На противоположной стороне коридора стояли женщины.

На следующее утро их под ударами опять повели во двор, где уже были выстроены колонны евреев. Потом офицеры СС приказали евреям из интеллигенции зарегистрироваться соответственно своим профессиям. Два адвоката были подвергнуты особым насмешкам и издевательствам – их запрягли в телегу. Затем всем, кроме врачей и ремесленников, было приказано бросить в кучу у стены

²⁹ Befehlshaber rückwärtiges Heeresgebiet Süd, Kriegstagebuch v. 22.6.-31.12.1941, BA- MA RH 22/3. Bl. 64. О пребывании Гимmlера во Львове см. также: Pohl. Nationalsozialistische Judenverfolgung, P. 65; Cüppers M. Wegbereiter der Shoah: Die Waffen-SS, der Kommandostab Reichsführer-SS und die Judenvernichtung 1939-1945. Darmstadt, 2005. P. 137; Der Dienstkalender Heinrich Himmlers 1941/42 / Ed. P. Witte et al. Hamburg, 1999. P. 186.

³⁰ Matthäus J. Controlled Escalation: Himmler's Men in the Summer of 1941 and the Holocaust in the Occupied Soviet Territories // Holocaust and Genocide Studies. 2007. № 2. P. 218-242; О деятельности Гимmlера в летние месяцы 1941 см. также: Longerich P. Heinrich Himmler: Biographie. München, 2008. P. 543-552.

³¹ Henryk Baldinger // AŽIH 301/1801. P. 1. Якоб Герстенфельд-Малтил сообщает также, что его отца во время «Дней Петлюры» вызвали в комиссариат милиции по вопросу паспорта и больше он не вернулся. См.: Gerstenfeld-Maltiel. My Private War. P. 61.

³² Henryk Baldinger. P. 2.

содержимое своих карманов, прежде всего, документы. Врачей, среди них и Х. Балдингера, отвели к воротам, и отпустили домой. Позже от украинца, который его арестовывал, Балдингер узнал, что остальных вывели со двора тюрьмы и расстреляли за пределами города. Во дворе осталось приблизительно 100 человек³³. Он также вспоминал, что на пути домой ему встретились другие группы евреев, которые конвоировались к тюрьме на ул. Лонцкого.

Среди тех, кого доставили в эту тюрьму, был Ян Бадриан. До вступления немецких подразделений во Львов он работал в университете биологом. В своем сообщении, написанном в конце войны на немецком языке, он заявил, что в 3 часа утра его насильно забрали из собственной квартиры украинцы из гражданской милиции (*Zivilmiliz*)³⁴. Также насильно забрали и доставили к комиссариату милиции на ул. Киркова всех мужчин евреев из его дома. Женщин милиционеры не брали. Во дворе комиссариата милиции группа Яна Бадиана встретила евреев, которых арестовали днем ранее. Бадриан узнал, что всю ночь их продержали в подвалах и избивали³⁵. Затем, в 9 часов, большую группу евреев, среди которых был и Ян Бадриан, отконвоировали от комиссариата через город к стадиону и далее – мимо бывшего здания НКВД на улице Пельчинской – к полицейско-тюремному комплексу на ул. Сапеги и ул. Лонцкого³⁶.

Дальше он сообщает: «Когда ворота за нами закрылись, положение мгновенно изменилось. Люди передо мной начали бегать. Я увидел широкоплечего немца с согнутой в полукруг дубинкой в руках. Дубинка выглядела как турецкая сабля. Он бил ею всех входящих. Через какое-то время я смог заметить большое количество немцев и украинцев, каждый с полукруглой дубинкой [...] Они загоняли нас глубже во двор [...] Двор был полон людей: группы [...] людей прижимались к стене. Я заметил также и женские группы, которые толпились у стены. Люди были в постоянном движении. Они бегали от одной стены к другой, из одного

³³ Ibid. P. 4. Балдингер считает, что ремесленники не были вывезены. Это может быть его интерпретация рассказа одного украинца. Среди оставшихся был и доцент университета Бадриан. Местом расстрела он называет «пески». В связи с этим посчитали, что это песчаный карьер около села Лисиничи.

³⁴ Ян Бадриан, сообщение от 9 мая 1945 г. (AŽIH 301/4944). Бадриан свой арест датировал 25 июля. Но его дальнейшие описания показывают, что он, очевидно, в определении дня ошибся. Среди тех, кого уже 25 июля доставили к комиссариату на ул. Куркова, был брат Саломона Гольдмана Давид, а также Абрам Шарф, который якобы был убит уже в комиссариате. Его брат также не вернулся (Salomon Goldman, 20. Januar 1946 // AŽIH 301/1864. P. 5). Ян Роговский наблюдал (вероятнее всего, вечером 25 июля), как группа молодых евреев конвоировалась милиционерами к комиссариату милиции на ул. Куркова. См.: Rogowski. Lwów pod znakiem swastyki. P. 195.

³⁶ Бадриан здесь ошибочно говорит о том, что речь шла о «бывшей военной тюрьме», но называет в качестве адреса ул. Сапеги, 1, то есть комплекс зданий, к которому относилась и тюрьма на ул. Лонцкого (Jan Badian // AŽIH 301/4944. P. 1). Бывшая военная тюрьма находилась на ул. Замарстыновской. О прохождении маршем по ул. Пельчинской, которое, очевидно, носило демонстративный характер, вспоминает Иzaak Вейсер, принудительно работавший в здании гестапо и наблюдавший проходящих маршем: «Они проходили три раза по ул. Пельчинской и были потом доставлены в тюрьму на Лонцкого» (Izak Weiser, Juni 1946 // AŽIH 301/1584. P. 1). Возможно, он видел несколько групп, которые проходили по улице.

угла двора к другому. За ними и вокруг них бегали те с дубинками и били [...]. Это были люди, которых арестовали в предыдущий день. Всю ночь их избивали... Я понял, почему дубинки согнуты [...] В середине двора стояла странная группа. Может быть, 10 рядов по 6 человек. Синие от ударов лица, одежда разорвана и в крови. Они держали руки поднятыми вверх и кричали хором: "Мы евреи виноваты в войне!"»³⁷.

Бадиян описывает, как группы евреев во дворе под продолжающимися ударами были погружены в грузовые машины и увезены. Через некоторое время автомобили вернулись пустыми и забрали следующую группу. Я. Бадиян вспоминает, как немцы особенно долго истязали раввина с бородой и пейсами. Правда, когда украинцы хотели применять для избиений железные прутья вместо деревянных дубинок, немцы этому помешали³⁸. Во второй половине дня, в два часа, когда основная часть людей со двора была уже увезена, открыли ворота, и оставшихся выгнали на улицу. Среди них был также Бадиян. Он был единственным из своего дома, кто вернулся. Тех, кого вывезли из тюрьмы, немцы, как, вероятно, позже слышал Бадиян, расстреляли за пределами Львова под селом Лисиничи³⁹.

Мендель Гернер осенью 1944 г. дал показания, что он к «годовщине смерти Петлюры» был задержан на улице милиционерами и доставлен в комиссариат полиции на ул. Академическая. Когда он прибыл, там уже находилось приблизительно 100 евреев. Среди них Гернер встретил знакомого, который сообщил ему, что в помещение согнали приблизительно 60 человек и избили. Чтобы заглушить крики, был включен проигрыватель. Милиционеры объяснили, что евреи убили немецкого офицера, и за это нужно расстрелять тысячу евреев. Гернер, правда, потом не был доставлен в тюрьму на ул. Лонцкого, а вместе со 100 другими людьми был отправлен из комиссариата на работу на железной дороге. Вечером его и других отпустили⁴⁰.

Пережившие все это евреи сообщали, правда, также о других мотивах, которые исполнители истязаний ставили им в упрек. Так, Хенрик Балдингер вспоминает, что когда он вместе с другими евреями стоял в проходе тюремного здания, немец спрашивал, кто распространял листовки против Гитлера⁴¹. По распространявшимся по городу в эти дни слухам, якобы жестокое обращение и аресты были

³⁷ Jan Badian. P. 1f. Согласно воспоминаниям Лилит Штерн, евреи должны были перед расстрелом за городом кричать: «Мы коммунисты». Вероятно, она знала об этом только из рассказа своего отца, который был арестован, а затем освобожден, таким образом, можно предположить, что в действительности это касалось происходящего в тюремном дворе (Lilith Stern // АЖИИ 301/1181. P. 3).

³⁸ Jan Badian. P. 3.

³⁹ Ibid. P. 4f.

⁴⁰ Показания Менделя Гернера 23.09.1944 г. во Львове (ГАРФ, ф. 7021, оп. 67, д. 77; использована копия из USHMM RG-22.002M, reel 13).

⁴¹ Henryk Baldinger. P. 4.

наказанием за то, что евреи распространяли «ложную пропаганду» о поражении немецких войск под Киевом⁴².

26 июля, очевидно, был день, в который состоялись самые массовые истязания и расстрелы. Изак Вайсер, который выполнял принудительные работы в здании гестапо на ул. Пельчинской, сообщает, что в этот день все 170 служащих там гестаповцев отправились к тюрьме. Другой принудительно работающий, который мог наблюдать происходящее в тюрьме по ул. Лонцкого, сообщил ему, что гестаповцы сильно избивали приводимых в тюрьму евреев. Это началось в первой половине дня, и после обеденного перерыва они продолжили избиение⁴³. Имеются ссылки на то, что аресты и, возможно, расстрелы продолжались 27 и 28 июля⁴⁴. В первую очередь арестам подвергались мужчины. Но Я. Бадиан и Х. Балдингер сообщают, что они видели в тюрьме на ул. Лонцкого также группы женщин. Были ли они расстреляны – неизвестно. По крайней мере, не удалось найти никаких ссылок на то, что их отпустили.

В городе в эти дни вновь господствовали погромные настроения, и это вновь привело к насилию на улицах. Якоб Герстенфельд-Малтиль слышал о трех убийствах в центре города и о том, что на улицах избивают до бессознательного состояния⁴⁵. Янина Хешелис видела лежащего на улице до крови избитого еврея, ботинки которого были украдены⁴⁶. Евреев арестовывали не только в квартирах, а также непосредственно на улицах, чтобы потом доставить в тюрьму на ул. Лонцкого. Якоб Герстенфельд-Малтиль чудом избежал ареста на улице⁴⁷. Из всего этого складывалось впечатление, что против евреев что-то замышлялось. Это

⁴² Relacje z Kresów. P. 553. Ружицки привел здесь только слух. Фактически Киев был оккупирован не в середине июля, как немцы ожидали, но лишь в сентябре 1941 г.

⁴³ Izak Weiser, Juni 1946 // AŻIH 301/1584. P. 1.

⁴⁴ Роговский (Rogowski. Lwów pod znakiem swastyki. P. 195) датирует «Дни Петлюры» 25, 26 и 27 июля 1941. Среди тех, кого арестовали 25 и 26 июля, был глава хасидского общества из Бобова Бен-Цион Гальберштам, а также его сын Моше Арон и три его зятя. Возможно, они были расстреляны только 28 июля 1941 г. См.: Eliach Y. Hassidic Tales of the Holocaust. N.Y., 1982. P. 184-185; см. также статью о Бен-Ционе Гальберштаме на Википедии: http://en.wikipedia.org/wiki/Ben_Zion_Halberstam (5 February 2013). Тадеуш Задерецки сообщает, что аресты в эти дни продолжались, и он связывает их с контрибуцией, которая была наложена на львовских евреев 28 июля. См.: Zaderecki. Gdy swastyka Lwowem władała. P. 63, 67-68, 71-72. По другим сообщениям, заложники были арестованы только в начале августа 1941 (см. примечание № 67).

⁴⁵ Gerstenfeld-Maltiel. My Private War. P. 60.

⁴⁶ Она датирует это наблюдение 26 июля, которое по ошибке называет четвергом. Фактически четвергом был день 24 июля 1941 г. Ее мать насильно забрали двое украинских милиционеров, но только для работ по уборке в школе Собеского и после непродолжительного времени отпустили. См.: Heschel J. Mit den Augen eines zwölfjährigen Mädchens // Tagebücher aus dem Ghetto / Ed. J. Heschel. Leipzig, 1961. P. 356 (вначале опубликовано как: Oczyma dwunastoletniej dziewczyny: Pamiętnik Janiny Heschel. Kraków, 1946).

⁴⁷ Gerstenfeld-Maltiel. My Private War. P. 60. См. также: Relacje z Kresów. P. 554. Двенадцатилетний двоюродный брат Янины Хешелес был схвачен на улице 25 июля и доставлен в тюрьму на ул. Лонцкого. Он смог, будучи жестоко избитым, ночью сбежать. См.: Heschel. Mit den Augen eines zwölfjährigen Mädchens. P. 356.

побуждало других к насилию на улицах⁴⁸. То, что евреев группами гнали по улицам города к комиссариатам и тюрьмам, напомнило о событиях, произошедших в первые июльские дни.

Возбужденное настроение, которое в начале июля было одной из причин насильственных действий, снова усилилось. Военно-административный инспектор Эдвин Грюцнер сообщил, что как-то один мужчина, сопровождаемый двумя милиционерами, позвал его и других находящихся рядом немецких солдат на помощь. Он на ломаном немецком и польском языках рассказал им, что где-то евреи высыпали белый порошок из окна на двоих прохожих. Те сразу же упали и попали в госпиталь. Грюцнер с другими последовал за ними к какому-то дому: «Дверь заперта. Нас окружают люди, о которых мы не знаем, враги они нам или нет. Наконец, дверь изнутри открывается. Нас приветствуют много парней дикого вида с дубинками в руках. У некоторых в петлице лента украинца, у некоторых – желто-голубые повязки. В самом темном углу прихожей мы обнаружили жертв. Приблизительно 20 еврейских женщин, девушек, детей и одного старика. Страх и ужас отражались на их лицах, при нашем появлении они усилились. Жителей дома загнали дубинками в угол. Некоторые были в крови». Когда «дико выглядевшие парни» заметили, что немецкие солдаты не на их стороне, а потребовали удостоверения личности и хотели записать их фамилии, они удалились. Квартиры были опустошены и разграблены⁴⁹.

По всей вероятности, массовый расстрел 26 июля был осуществлен айнзацкомандой «Львов», так как айнзацгруппа Ц покинула Львов еще две недели назад. Число жертв можно установить только приблизительно. Некоторые предположения евреев, которые это пережили, очень завышены. Это стало одним из следствий травм, нанесенных насилием «Петлюровских дней» каждому из них. Так, Я. Бадиан полагал, что во дворе тюрьмы было до 10 тыс. евреев⁵⁰. Станислав

⁴⁸ Нет убедительных документов о том, что кроме арестов милицией в эти дни произошел новый крупный погром с массовым насилием со стороны штатских и большим числом убитых, как описывает, например, Элияху Ионес. См.: Jones. Żydzi Lwowa w okresie okupacji 1939–1945. P. 52-54. Он подробно изложил еврейский перевод воспоминаний Коппеля Хольцмана, которые касаются, однако, погрома в Бориславе, а не «Дней Петлюры» во Львове. См.: Holzman K. Ziemia bez Boga. Wrocław, 1947. Элемент погрома подчеркивает также Задерецки, который сообщает, что украинская милиция в этот день расстреляла евреев на еврейском кладбище. См.: Zaderecki. Gdy swastyka Lwowem władała. P. 60. Другим местом, куда в этот день привели евреев в большом количестве, он называет склад мельницы Аксельбрада в Жовковском городском районе. Для подтверждения обоих этих сообщений мы не смогли найти других документов. Описание Задерецкого приведено в статье «Дни Петлюры» в: Enzyklopädie des Holocaust. München, 1995. Vol. 2. P. 1108.

⁴⁹ Grützner. Aufzeichnungen. P. 593. Грюцнер не называет точной даты. Благодарственное письмо еврейских жителей дома, которое он цитирует, было датировано 27 июля 1941 г., так что допустимо, что сообщаемые им события происходили 25 или 26 июля (Ibid. P. 594).

⁵⁰ Jan Badian. P. 2.

Ружицки сообщал, что, по слухам, исчезло 15 тыс. человек⁵¹. Фактически количество жертв было, по всей вероятности, между одной и полутора тысячами⁵². Из служебного донесения главнокомандующего полицией безопасности и СД в Кракове Шонгарта следует: «Боевыми подразделениями г. Лемберг в период с 21 по 31 июля 1941 г. было расстреляно 1 726 человек»⁵³. Большая часть этих расстрелов, очевидно, происходила в связи с «Днями Петлюры».

В истязаниях людей в тюрьме на ул. Лонцкого принимали участие не только милиционеры и члены полиции безопасности, но также и немецкие солдаты. Очевидно, полиция безопасности впускала солдат в тюрьму, чтобы они избивали людей. Карл фон Роквес, главнокомандующий оперативного тылового района группы армий «Юг», в своих воспоминаниях о первых месяцах войны утверждал: «Я был очень огорчен еще в последние дни (пребывания в Лемберге), когда мне 26 июля утром комендантом города полковником Притвицем было доложено, что накануне вечером солдаты вермахта участвовали в запланированном украинцами еврейском погроме в тамошней тюрьме, чтобы [...] насладиться истязаниями людей. В связи с этим я отдал распоряжение прибыть во второй половине дня всем комендантам воинских частей во Львове и пригородах и, с позволения сказать, "вздул их хорошо", как я при офицерах раньше никогда не делал. Но это подействовало! Во всяком случае, о подобных делах я никогда больше не слышал»⁵⁴.

Эти события стали поводом для издания Карлом фон Роквесом приказа, в котором он распорядился: «Участие служащих вермахта в эксцессах, которые замышляются определенными слоями гражданского населения, пресечь жесткими мерами. Немецкий солдат, который участвует в еврейских погромах и т.д., самым серьезным образом наносит урон авторитету вермахта и демонстрирует недостойное солдата поведение». Своим приказом Карл фон Роквес в данном случае

⁵¹ Relacje z Kresów. P. 553. См. также: Gerstenfeld-Maltiel. My Private War. P. 61 Он называет здесь 18–20 тыс. жертв и ссылается на еврейский совет. Лилит Штерн полагает, что было арестовано 6 тыс. евреев (Lilith Stern. P. 3).

⁵² Рубинштейнова предполагает, что «свыше 2 тыс. евреев в "Дни Петлюры" были убиты». См.: Rubinsteinowa. Pamiętnik ze Lwowa. P. 91. Дитер Польш оценивает количество жертв как «свыше тысячи». См.: Pohl. Nationalsozialistische Judenverfolgung. P. 69. Филипп Фридман называет «по меньшей мере 2 тыс.» жертв. См.: Friedman. The Destruction of the Jews of Lwów. P. 249. Тадеуш Задеречки упоминает о 1,5 тыс. См.: Zaderecki. Gdy swastyka Lwowem władała. P. 63.

⁵³ Mallmann. Die «Ereignismeldungen UdSSR» 1941. P. 231 (EM Nr. 43, 5. August 1941).

⁵⁴ Kriegs-Erinnerungen des Generals der Infanterie Karl von Roques aus der ersten Zeit des Ostfeldzugs 1941, I. Teil, VA-MA N 152/10, Bl. 10. Бывший комендант города фон Притвиц подтверждает в послевоенных показаниях вспышку ярости Роквеса. См.: Hasenclever J. Wehrmacht und Besatzungspolitik in der Sowjetunion: Die Befehlshaber der rückwärtigen Heeresgebiete 1941–1943. Paderborn u.a., 2010. P. 523. Волжский немец, писатель Ханс Хардер, который был переводчиком в Rüstungskommando Kiew, наблюдал, как солдаты участвовали в издевательствах над евреями. Об этом он написал рапорт, который переслали в городскую комендатуру. См.: Grützner. Aufzeichnungen. P. 591.

настоятельно обязал начальников выявить виновников и вынести им «заслуженное наказание»⁵⁵.

Фактически в описании событий предыдущих дней речь шла не о «еврейском погроме, организованном украинцами в качестве сладостного возмездия и расплаты», а также не об «эксцессах, которые замышляются определенными слоями гражданского населения», как это значится в его приказе от 29 июля, хотя эти элементы, несомненно, сыграли определенную роль. Речь шла о событиях, которые произошли по приказу и под контролем львовской полиции безопасности. Тюрма находилась под контролем львовской полиции безопасности. Насильственные действия проводились здесь не гражданским населением, а немецкими служащими полиции и вермахта, а также украинскими милиционерами. Комиссариаты милиции, другие места актов насилия во время «Дней Петлюры», находились под контролем милиции.

Все, что происходило в тюрьме и в комиссариатах, соответствовало воле полиции безопасности и руководства милиции. Если Карл фон Роквес события объяснял неверно, значит он тем самым избегал конфронтации с полицией безопасности, о которой он в обоих документах не упоминает. Полиция безопасности, под контролем которой был вход в тюрьму, предоставила возможность солдатам участвовать в насильственных действиях в тюрьме на ул. Лонцкого. Практически Роквес и позднее поддерживал массовые расстрелы немецкими подразделениями СС и полиции. Для него это был всего лишь вопрос отстранения солдат от выполнения актов насилия, в которых он видел несовместимость с «воинской честью»⁵⁶.

Почему полиция безопасности устраивала перед расстрелом 24-часовые или более долгие оргии избиения – полностью неясно. Очевидно, в этом проявлялась ненависть к евреям, которую сами немецкие полицейские чувствовали в себе. Возможно, дело в том, что вспышка «народного гнева» организовывалась согласно приказу шефа управления безопасности Рейха Райнхарда Гейдриха от 29 июня 1941 г. «Устремление к самоочищению антикоммунистических и антиеврейских слоев», позволявшим действовать такими методами, как «местные народные погромы»⁵⁷. Но так как «народ» здесь, в основном, был представлен украинской милицией, которая выполняла немецкие приказы, а также немецкими полицейскими и солдатами, то ясно, что это фактически было чистой инсценировкой⁵⁸.

⁵⁵ Berück/Süd/Is, 29.07.1941, Betr.: Befriedungsmaßnahmen, BA-MA RH 22/5, Bl. 72. См. также: Pohl D. Die Herrschaft der Wehrmacht: Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944. München, 2008. P. 245.

⁵⁶ Об отношении Роквеса к массовым убийствам еврейского населения см. подробно: Hasenclever. Wehrmacht und Besatzungspolitik in der Sowjetunion. P. 522-542.

⁵⁷ Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941/42: Die Tätigkeits- und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD / Ed. P. Klein. Berlin, 1997. P. 319.

⁵⁸ Согласно сообщению Тадеуша Задерецкого, имелась целенаправленная, правда, не удавшаяся попытка организовать широкое погромное движение. Крестьяне из ближайших сел запаслись

Украинская милиция и ее участие в «Днях Петлюры»

Среди удостоверений личности украинской милиции, которые находятся в Государственном архиве Львовской области, имеется формуляр со следующим двуязычным (немецким и украинским) текстом: «Служащий украинской милиции [внесено рукой: Стечович Михаил] должен проводить по приказу полиции безопасности – айнцакоманда “Львов”, обыски и задержания. Просим все ведомства оказывать ему защиту и помощь. Это удостоверение действительно только от 25 июля 1941 г. 12.00 часов до 29 июля 1941 г. 12.00 часов».

Документ был датирован 25 июля 1941 г. и подписан штурмбаннфюрером СС Кипкой⁵⁹. Очевидно, это экземпляр удостоверения, которое выдавалось украинским милиционерам, участвовавшим в арестах в «Дни Петлюры». Кроме того, сохранялись удостоверения, оформленные между 25 и 29 июля в количестве 13 штук на двух языках как «временные удостоверения» под названием «Украинская милиция города Лемберг», подписанные Евгением Врецьоной в качестве «городского комиссара» со следующим немецким текстом: «Подтверждается, что ... состоит на службе украинской милиции и является сотрудником городского комиссариата»⁶⁰. Были ли эти удостоверения выданы в связи с «Днями Петлюры» – не совсем ясно, но вероятно.

Хотя милиция действовала по приказу немецкой полиции безопасности, она находилась еще в тот период под руководством ОУН(б). В формирование личного состава руководства милиции до тех пор немцы не вмешивались. Только в середине августа 1941 г. немцы преобразовали милицию в украинскую вспомогательную полицию⁶¹, вошедшую в подчинение немецкой полиции порядка («Ордуnungсполицай»), которая при присоединении к Генерал-губернаторству Галиции создала свои собственные структуры. Из письма Владимира Питулея, который возглавлял украинскую вспомогательную полицию позднее описываемых событий, становится ясно, что в полицию было принято 122 бывших сотрудника

алкоголем в комиссариатах. Они стояли якобы потом с дубинками на улицах, но большой инициативы не проявляли, так как евреи из-за слухов об угрожающем погроме на улице не показывались. Только когда милиция пригоняла сюда евреев, они их били. Но из этого большого погром все же не развился. Потом они вместе с представителями городских низших слоев сопровождали милицию во время арестов и грабили квартиры (Zaderecki. Gdy swastyka Lwowem władała. P. 59f). Другие документы, подтверждающие эту версию, не найдены.

⁵⁹ ГАЛО, ф. р-12, оп. 1, д. 150, л. 11.

⁶⁰ Там же. Л. 12-24. Два других идентичных удостоверения личности были датированы 5 августом (Там же. Л. 31-32).

⁶¹ Роспуск милиции и создание украинской вспомогательной полиции осуществлялись по приказу главнокомандующего полицией порядка в Генерал-губернаторстве от 12 августа 1941, который был направлен начальнику полиции порядка в новом дистрикте Галиция. См.: FINDER G.N., PRUSIN A.V. Collaboration in Eastern Galicia: The Ukrainian Police and the Holocaust // East European Jewish Affairs. 2004. Vol. 34. № 2. P. 104.

украинской милиции⁶². Евгений Врецьона не являлся более членом новой полиции. Омельян Матла же выполнял обязанности «коменданта украинской полиции» еще до начала октября 1941 г. Только к этому времени его заменил Владимир Питулей, бывший офицер польской полиции, который принес с собой профессиональные знания полицейской работы⁶³. Обстоятельства замены О. Матлы не известны, но, несомненно, это было связано с возрастающим немецким давлением на ОУН(б) и многочисленными арестами ее активистов в новообразованном дистрикте «Галиция». Другие, вероятно, неизвестные немцам члены ОУН(б) остались в руководстве украинской полицией и выполняли распоряжения В. Питулея⁶⁴.

Даже после «Акта провозглашения Украинского Государства» 30 июня 1941 г. во Львове и последующего задержания Степана Бандеры и Ярослава Стецька 5 и 10 июля 1941 г. в Берлине, когда отношения между украинскими националистами и немцами испортились, сотрудничество с немецкой полицией безопасности при арестах и жестоким обращении с евреями не противоречило целям руководства ОУН(б). «Бандеровцы» и далее искали точки взаимопонимания с немцами и не отказались от надежды убедить их в том, чтобы те предоставили Украине определенную самостоятельность. Это, очевидно, еще имело силу, когда за несколько дней до 25 июля стало известно о предстоящем присоединении (1 августа 1941 г.) Галиции к Генерал-губернаторству. Одновременно оуновцы стремились создать по возможности сильные местные и региональные украинские административные структуры, в которых они сами имели бы сильное влияние. Одну из сфер практического сотрудничества с немцами они видели, очевидно, в преследовании евреев⁶⁵.

⁶² Kommando der Ukr. Polizei in Lemberg an das Kommando der Schutzpolizei, Betr.: Zuschrift des Stadthauptmannes in Lemberg, 13.03.1942, Unterschrift: Pitulej, Major und Kommandant der Ukr. Polizei (ГАЛО, ф. р-12, оп. 1, д. 84, л. 10). Сотрудники милиции, которые хотели служить во вспомогательной полиции, должны были писать заявление о приеме. См.: Finder, Prusin. *Collaboration in Eastern Galicia*. P. 104-105.

⁶³ Последнее письмо, которое содержится в документах украинской полиции, подписанное Матлой как «Комендантом украинской полиции г. Львов», датировано 7.10.1941. В документах на немецком языке он значится как «Эмиль Матла». Первый документ, в котором Питулей значится на такой же должности, датирован 13.10.1941 (ГАЛО, ф. р-12, оп. 1, д. 86, л. 7f).

⁶⁴ Казанівський. Шляхом Легенди. С. 264. Казанівський оставался в украинской вспомогательной полиции по меньшей мере до сентября 1941. В списке, состоящем из 410 служащих, датированном 6.09.1941 и подписанном О. Матлой, он значится как старший полицейский в подразделении украинской полиции (ГАЛО, ф. р-12, оп. 1, д. 77, л. 1об.). В другом списке (без даты) он значится как заместитель руководителя в четвертом комиссариате украинской полиции на ул. Куркова, 23. Руководителем комиссариата был Йоахим Байда (ГАЛО, ф. р-12, оп. 1, д. 66, л. 7).

⁶⁵ Himka. *The Lviv Pogrom of 1941*. P. 234. См. также написанную Стецько в середине июля 1941 г. в Берлине биографию для гестапо, где он изложил основные политические позиции, на основе которых считал возможным дальнейшее сотрудничество: Berkhoff K.C., Carynyk M. *The Organization of Ukrainian Nationalists and Its Attitude toward Germans and Jews: Iaroslav Stets'ko's 1941 Zhyttiepys* // *Harvard Ukrainian Studies*. 1999. Vol. 23. №№ 3-4. P. 162, 167.

Но их участие в этом имело не только инструментальный характер, а находилось в соответствии со стереотипным представлением о евреях как о ярых сторонниках советского господства, а также соотносилось с целью создать однородное украинское национальное государство. Степан Ленкавский, руководитель центра пропаганды ОУН(б) во Львове, во время заседания по планированию деятельности ОУН(б) в областях советской Украины так закончил дискуссию об отношении к евреям: «Відносно жидів приймемо всі методи, які підуть їм на знищення» («Относительно евреев применяем все методы, которые приведут к их уничтожению»)⁶⁶.

Письмо львовского центра пропаганды от 28 июля, направленное в службу безопасности ОУН(б), подтверждает, что им одобрялись массовые аресты во время «Дней Петлюры» украинской милицией, и он хотел предотвратить уклонение евреев от задержания, хотя знал, что целью ареста был расстрел евреев. В том письме сообщалось: «Нас повідомляє о. протоієрей Табінський про слідує: Наша міліція переводить тепер враз з німецькими органами численні арештування жидів. Перед ліквідацією жиди бороняться всім середниками, в першу чергу грішми. Згідно з вістками, які мав о. протоієрей Табінський, серед наших міліцентів мають бути люди, які за гроші чи золото звільняють жидів, які мають бути арештовані. Ми, на жаль, в тій справі не одержали жодних конкретних даних, все ж таки подаємо Вам повище до відома до використання» («Нас информирует о. протоієрей Табінський про следующее: наша милиция проводит теперь вместе с немецкими органами многочисленные аресты евреев. От ликвидации евреи защищаются всеми способами, в первую очередь деньгами. Согласно с известиями, которых имел о. протоієрей Табінський, среди наших милиционеров должны быть люди, которые за деньги или золото освобождают евреев, которые должны быть арестованы. Мы, к сожалению, в этом деле не получили никаких конкретных данных, [но] все же подаем Вам вышеизложенное к сведению для использования»)⁶⁷.

Непосредственно после окончания «Дней Петлюры» 28 июля 1941 г. немецкий городской комендант наложил контрибуцию на юденрат в размере 20 млн рублей, которые евреи Львова должны были доставить двумя взносами 2 и 6 августа. В противном случае немцы пригрозили им «строжайшими репрессиями». Чтобы требование выглядело убедительно, полиция безопасности взяла в заложники 5 и 6 августа, когда юденрат еще был не в состоянии заплатить полную сумму, по

⁶⁶ Українське державотворення. С. 190. Этот документ неоднократно интерпретировался как протокол совещаний созданного в первые июльские дни 1941 г. ОУН(б) Совета сеньоров под председательством К. Левицкого. Но, очевидно, это ошибочно. Фактически речь шла об одном заседании по планированию политической стратегии и пропагандистской деятельности ОУН(б) в украинских областях восточнее Збруча, которым руководил Степан Ленкавский; Кость Левицкий в этом участия не принимал.

⁶⁷ Головний осередок пропаганди ОУН до Служби Безпеки ОУН, Львів, 28 липня 1941 // ОУН в 1941 році: Документи. Ч. 2 / Упоряд.: О. Веселова, О. Лисенко, І. Патриляк, В. Сергійчук. К., 2006. С. 389.

меньшей мере тысячу евреев. Заложники также не вернулись назад. Преимущественно речь шла об интеллигенции, которая, по-видимому, была арестована по именному списку. Украинская милиция и в этом случае осуществляла аресты⁶⁸.

В общей сложности украинская милиция во Львове, руководимая членами ОУН(б), демонстрировала полное сотрудничество в немецкой программе убийства евреев. Насильственные действия погрома 1 июля носили еще в значительной степени спонтанный характер, и при задержаниях перед массовым расстрелом 5 июля 1941 г., возможно, представляется, что руководство ОУН(б) и милиция не знали точно, что большинство задержанных будет расстреляно. Но если тогда это для них и было неожиданностью, то при арестах во время «Дней Петлюры» непонимания больше не оставалось. Для ОУН(б) массовое убийство евреев явно не служило основанием для прекращения сотрудничества с немецкой полицией безопасности.

Перевод с немецкого Г. Забабуриной

⁶⁸ Friedman. The Destruction of the Jews of Lwów. P. 249; Pohl. Nationalsozialistische Judenverfolgung. P. 65; см. также документы в «Teki Lwowskiej» (Dokumenty i materiały o martyrologii Żydów lwowskich w pierwszych miesiącach hitlerowskiej okupacji) // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. 1980. №№ 2-3(114–115). P. 139-141, а также: Gerstenfeld-Maltiel. My Private War. P. 62-64; Gold, АЖИИ 229/53. По данным Тадеуша Задерецкого, уже во время «Дней Петлюры» часть схваченных евреев была оставлена в заложниках: Zaderecki. Gdy swastyka Lwowem władała. P. 62-63.

Пер Андерс Рудлинг

Обучение убийству: шуцманшафт батальон 201 и гауптман Роман Шухевич в Белоруссии в 1942-ом году*

Операции ОУН(б) и УПА в 1943 и 1944 гг., имевшие целью чистку Западной Украины от этнических меньшинств, проводились систематически и самым жестоким образом. Кульминацией насилия были чистки, проведенные УПА против поляков, населявших Волынь и Галицию. Для того чтобы их понять, необходимо ознакомиться с контекстом событий и исследований ответственности руководителей украинского национализма. Некоторые ученые подчеркивают, что значительная часть руководителей УПА обучалась нацистской Германией, однако здесь необходимы дальнейшие исследования. Необходимо ответить на многие вопросы¹. Кажется ясным, что военные зверства на Восточном фронте в значительной степени повлияли на уровень жестокости и тактику ведения действий УПА.

Именно поэтому для того чтобы понять природу операции УПА, направленной против поляков, а в особенности ее самой жестокой фазы в 1943-44 гг., следует сосредоточиться на руководителях этой организации, и в особенности на их деятельности и связях в 1941-42 гг. Одним из них был командующий УПА Роман Шухевич, который отличился на немецкой службе. Неся военную службу в немецком мундире с 1938 года, Шухевич объединял политическую деятельность украинского националиста с образцовым выполнением военных задач. В 1941 году он стал командиром батальона «Нахтигаль» – формирование вермахта, состоявшее из украинских националистов. Солдаты под его командованием проводили массовые расстрелы евреев в окрестностях Винницы. Роль Шухевича и «Нахтигалья» в львовском погроме 30 июня 1941 года остается темой горячих дискуссий². Менее известным аспектом службы Шухевича гитлеровской Герма-

* Статья была ранее опубликована на белорусском языке в журнале *ARCHE* (2012. №№ 7-8).

¹ Сложные вопросы поднимаются, например, в этих статьях: Snyder T. To Resolve the Ukrainian Problem Once and for All: The Ethnic Cleansing of Ukrainians in Poland, 1943-1947 // *Cold War Studies*. 1999. № 1. P. 86-120; Himka J.-P. Ukrainian Collaboration in the Extermination of the Jews During the Second World War: Sorting Out the Long-Term and Conjunctural Factors // *The Fate of the European Jews, 1939-1945: Continuity or Contingency*. N.Y., Oxford, 1997. P. 170-189; Katchanovski I. Terrorists or National Heroes? Politics of the OUN and the UPA in Ukraine. Paper presented at the Annual Convention of the Association for the Study of Nationalities, New York, 15 April 2010; История, культ и дискуссии вокруг Организации украинских националистов (1) // *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*. 2016. № 2. С. 7-189.

² На предмет противоречий в версии участия батальона «Нахтигаль» в львовских погромах см.: Wachs P.-C. Der Fall Theodor Oberländer (1905-1998): Ein Lehrstück deutscher Geschichte. Frank-

нии, который часто обходят в обсуждениях, является его деятельность в 1942 году, о которой умалчивается в националистической историографии³. Именно в том году Шухевич был капитаном (звание «гауптман») батальона шуцманшафта, подчинявшимся Генриху Гиммлеру – главнокомандующему СС и полиции. Данная статья является попыткой задокументировать этот период деятельности Шухевича и тем самым восполнить пробел в его биографии.

Фон: евреи, партизаны и «бандиты»

Принимая во внимание огромные размеры советской территории, находившейся под немецкой оккупацией, количество немецких военных на ней оказалось явно недостаточным. Отдавая себе отчет в этой нехватке, Вильгельм Кейтель, глава верховного командования вермахта, посчитал: «Поскольку мы не можем за всеми наблюдать, мы должны править страхом». Сам Гитлер, когда он ознакомился с воззванием Сталина о необходимости организации партизанского движения летом 1941 года, воскликнул: «Это только лучше для нас, потому что дает нам возможность ликвидировать всех, кто будет сопротивляться нашему правлению»⁴. Гитлер сравнивал борьбу с партизанами с борьбой американцев против индейцев⁵. 16 сентября 1941 года Кейтель издал приказ, согласно которому за смерть каждого немецкого солдата, погибшего на оккупированных территориях СССР от рук партизан, необходимо было отомстить, уничтожив «50-100 коммунистов»⁶. В сентябре 1941 года на встрече высших офицеров генерал-майор СС (бригадефюрер СС) Эрих фон дем Бах-Залевский и Артур Небе, лидер айн-

furt/Main, 2000. P. 55-71; Rudling P.A. The Shukhevych Cult in Ukraine: Myth Making with Complications. Доклад, представленный на конференции «Вторая мировая война и создание исторической памяти на современной Украине, Киев», 25 сентября 2009 // Historical Memory. http://ww2-historicalmemory.org.ua/abstract_e.html. Последнее посещение 11.10.2009.

³ Типичная биография Шухевича в националистической прессе выглядит следующим образом: «Из команды ОУН [Шухевич] отправился в Гданьск, в июне 1941 года он был назначен заместителем командира так называемого Украинского легиона. Он собрал лучших украинских молодых людей, которые будут оставаться в эмиграции в Польше и Германии. После обучения, легион шел на восток вместе с немецкой армией. Когда легион прибыл в Винницу, он был расформирован, потому что Гитлер не симпатизировал Шухевичу, и наказал его таким образом. В 1943 году Роман Шухевич возглавил Бюро управления ОУН, а с осени также стал верховным главнокомандующим УПА». Роман Шухевич – Тарас Чупринка // Українські вісті. 1975. № 22. С. 7.

⁴ Адамович А. Записные книжки разных лет // Неман. 1997. № 7. С. 14.

⁵ Blood P.W. Hitler's Bandit Hunters: The SS and the Nazi Occupation of Europe. Washington, 2006. P. 79.

⁶ Кузнецов И.Н. История Беларуси в документах и материалах. Минск, 2000. С. 542; Erlaß des Chefs des Oberkommandos der Wehrmacht Keitel über Vergeltungsmaßnahmen bei Widerstand gegen die deutsche Besatzungsmacht, vom 16. September 1941 // Deutsche Propaganda in Weißrußland 1941-1944: Eine Konfrontation von Propaganda und Wirklichkeit. Berlin, 1996. P. 13.

загруппы «В», связали борьбу с партизанами с уничтожением евреев: «Там, где есть партизан, там же и еврей, а еврей там, где партизан»⁷.

В декабре 1941 года, за месяц до конференции в Ваннзее, в расписании встреч Гиммлера появилась таинственная пометка: «еврейский вопрос (ликвидировать как партизан)»⁸. Поскольку убежавшие евреи укрепляли силы партизан, гитлеровцы связали уничтожение евреев с антипартизанской деятельностью. Точка зрения, что понятие «еврей» равнозначно понятию «партизан», была главным положением немецкого командования, планировавшего кампанию против повстанцев⁹.

Коллаборационизм на местах во время Второй Мировой войны

Нехватка немецких военных кадров повлияла на увеличение потребности в местных добровольных пособниках. Батальоны шуцманшафта (вспомогательные силы полиции) должны были стать орудием, которое было предназначено для исполнения для оккупантов так называемой «грязной работы» (*Schmutzarbeit*) под началом жандармерии¹⁰, в том числе для казней евреев и коммунистов¹¹. Самой важной их задачей была «антипартизанская деятельность, прочесывание гетто, их изолирование во время «операций», и казни на местах военных преступлений»¹².

Шуцманшафты изначально располагали относительно небольшими силами, которые значительно возросли летом 1942 года. С июля 1942 до конца этого года численность *Schutzmannschaft – Einzeldienst* увеличилась примерно с 30 000 до более чем 200 000 человек¹³. Этот динамичный рост отражал увеличение числа просоветских партизанских формирований. В октябре 1942 в местной полиции на территории Остланда (т.е. оккупированных странах Прибалтики и Западной Белоруссии) несли службу 55 562 человека, но среди них только 4428 были

⁷ Krausnick H. *Hitlers Einsatzgruppen: Die Truppe des Weltanschauungskrieges 1938 – 1942*. Frankfurt/Main, 1993 P. 218.

⁸ Blood. *Hitler's Bandit Hunters*. P. 54.

⁹ Heer H. *Killingfields: The Wehrmacht and the Holocaust in Belorussia, 1941-1942* // *Holocaust and Genocide Studies*. 1997. № 11. P. 88.

¹⁰ Dean M.C. *The German Gendarmerie, the Ukrainian Schutzmannschaft and the «Second Wave» of Jewish Killings in Occupied Ukraine: German Policing at the Local Level in the Zhitomir Region, 1941-1944* // *German History*. 1996. № 14. P. 178.

¹¹ Breitman R. *Himmler's Police Auxiliaries in the Occupied Soviet Territories* // *Simon Wiesenthal Center Annual*. 1997. № 7. P. 27.

¹² Büchler Y. *Kommandostab Reichsführer-SS: Himmler's Personal Murder Brigades in 1941* // *Holocaust and Genocide Studies*. 1986. № 1. P. 94; Dean M.C. *Collaboration in the Holocaust: Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941-44*. N.Y., 2000. P. 77; Dean. *The German Gendarmerie, the Ukrainian Schutzmannschaft*. P.181, 192.

¹³ Dean. *Collaboration in the Holocaust*. P. 122.

немцами, т.е. пропорция составляла 1:13¹⁴. За исключением советских военнопленных, полицейские (Schutzmäner) служили добровольно¹⁵.

Деятельность самого института шуцманшафта является одним из наименее известных эпизодов Холокоста¹⁶. Хотя существует значительная документация, доказывающая участие этих батальонов в нацистских военных преступлениях¹⁷, их непосредственное участие в действиях против евреев слабо документировано в немецких источниках. Немецкие оккупационные власти оставили относительно мало информации о своих местных пособниках. То, что известно нам на тему антипартизанских действий, до сих пор сильно ограничено. Только в исключительных случаях возможно установить фамилии отдельных солдат или их командиров. После войны западно-немецкие власти не много внимания уделяли вопросу истребления во время войны славянского гражданского населения. В отличие от убийств евреев, операции против партизан были признаны стандартными военными преступлениями и чем-то таким, чему немецкие федеральные прокуроры в Людвигсбурге вообще не уделяли особого внимания¹⁸. Тот факт, что множество преступлений на местном уровне было совершено не немцами, а их пособниками, еще более снижал интерес Германии к этим преступлениям¹⁹. Вплоть до конца 60-х большая часть доказательного материала находилась в недоступных советских архивах²⁰. Записи судебных процессов по военным преступлениям бывших полицейских (Schutzmäner) долго были недоступны, а многие белорусские и российские архивы до сих пор остаются недоступными для исследователей. Историки только сейчас начинают пользоваться материалами советских процессов, относившихся к военным преступлениям²¹. Кроме того, многие до-

¹⁴ В генерал-губернаторстве и Норвегии это отношение составляло 1:1, в Голландии и протекторате Чехии и Моравии – 1:4, в Сербии – 1:6, во Франции – 1:15, а в России – 1:20. См.: Станкерас П. Литовские полицейские батальоны 1941-1945 гг. М., 2009. С. 37.

¹⁵ The Minister of Citizenship and Immigration (applicant) v. Vladimir Katriuk (respondent) (T-2408-96), Federal Court of Canada Trial Division, Nadon, J., January 29, 1999 // Federal Trial Reports. 1999. № 156. P. 178-179.

¹⁶ «Малоизвестная роль полиции и шуцманшафта указывает на "открытую" или плохо исследованную природу геноцида на оккупированных территориях Советского Союза. Евреи были расстреляны в ямах возле своих соседей. У немецкой армии, в частности, полиции безопасности, было и так много проблем с человеческими ресурсами в этой области. Для того, чтобы осуществить такую комплексную программу она должна была воспользоваться помощью местных коллаборационистов». Цит. по: Dean. The German Gendarmerie, the Ukrainian Schutzmannschaft. P. 191.

¹⁷ Report by Gebietskommissar Carl, October 30, 1941 // «Schöne Zeiten»: Judenmord aus der Sicht der Täter und Gaffer. Frankfurt am Main, 1988. P. 164-167.

¹⁸ Browning C.R. Ordinary Men: Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland. N.Y., 1998. P. 150.

¹⁹ Bim R.B. «Zaunkönig» an «Uhrmacher»: Grosse Partisanaktionen 1942/43 am Beispiel des «Unternehmens Winterzauber» // Militärgeschichtliche Zeitschrift. 2001. № 60. P. 99-101.

²⁰ Deland M. Purgatorium: Sverige och andra världskrigets förbrytare. Stockholm, 2010. P. 60.

²¹ Prusin A.V. «Fascist Criminals to the Gallows!» The Holocaust and Soviet War Crimes Trials, December 1945-February 1946 // Holocaust and Genocide Studies. 2003. № 17. P. 1-30; Berkhoff K.C. Dina Pronicheva's Story of Surviving the Babi Yar Massacre: German, Jewish, Soviet, Russian, and

кументы были уничтожены во время или непосредственно после войны²². В конце войны многие члены шуцманшафта покинули немецкую армию. Исследования биографий около 200 шуцманов показали, что более 30% из них остались после войны на Западе²³. Лишь несколько было привлечено к ответственности за свои действия, если это вообще случалось. В странах Запада до сих пор не пытались осудить ни одного шуцмана за военные преступления²⁴.

Шуцманшафт батальон 201

30 июня 1941 года во Львове бандеровское крыло Организации Украинских Националистов (ОУН(б)) опубликовало заявление о возникновении украинской государственности, основанное на прецедентах в Словакии и Хорватии. ОУН(б) надеялась, что Рейх признает их прогитлеровское государство, которое намеревалось стать союзником гитлеровской Германии. К разочарованию ОУН(б), нацистские руководители в Германии отказались признать их государство, что серьезно осложнило отношения ОУН(б) с ее главным союзником и спонсором. Немецкий отказ принять декларацию о независимости украинского государства привел к конфликту с командованием батальона «Нахтигаль», коллаборационистского формирования, состоявшего практически исключительно из членов ОУН(б), вследствие чего батальон был расформирован. 13 августа 1941 года был издан приказ о его возвращении из Винницы в Нойхаммер, где батальон был разоружен, находясь под прицелом немецких солдат. Затем его члены были этапированы во Франкфурт на Одере, где 21 октября 1941 года солдат реорганизовали и переформировали в 201 украинский батальон вспомогательной полиции (шуцманшафт), состоявший из 4 рот. Его формальным командиром был майор (гауптманбаннфюрер) Евгений Побигущий под надзором немецкого капитана Вильгельма Моха²⁵. Роман Шухевич был назначен командиром первой роты и заместителем командира батальона²⁶. Несмотря на то что призыв носил добровольных характер, из около 300 оставшихся членов отряда «Нахтигаль» только

Ukrainian Records // *The Shoah in Ukraine: History, Testimony, Memorialization*. Bloomington, 2008. P. 291-317.

²² Станкерас. Литовские полицейские батальоны. С. 5.

²³ Dean M.C. *Der Historiker als Detektiv: Fluchtwege der einheimischen Schutzmannschaften und anderer deutschen Polizeieinheiten aus der besetzten Sowjetunion, 1943-1944* // *Fantom-online*. <http://www.fantom-online.de/seiten/scienc2.htm>. Последнее посещение 07.11.2007.

²⁴ Breitman R. *Himmler's Police Auxiliaries in the Occupied Soviet Territories* // *Simon Wiesenthal Center Annual*. 1997. № 7. P. 33.

²⁵ Боляновський А. *Українські військові формування в збройних силах Німеччини 1939-1945*. Львів, 2003. С. 143; Чуев С. *Украинский Легион*. М., 2006. С. 180.

²⁶ Побігущий-Рен Є. *Мозаїка моїх споминів*. Івано-Франківськ, 2002. С. 62; Боляновський. *Українські військові формування*. С. 60, 143, 360; Роман Шухевич у документах радянських органів державної безпеки (1940-1950). Т. 1. К., 2007. С. 529.

15 отказались от службы в шуцманшафте²⁷. Сами служившие назвали батальон именем Евгена Коновальца, в честь одного из основателей и первого руководителя ОУН, организации, к которой принадлежал практически каждый из них²⁸. В батальон были включены 60 советских военнопленных из Полтавской и Днепропетровской областей, выбранных лично Шухевичем²⁹. В 201 батальоне шуцманшафта служили несколько будущих руководителей УПА. Кроме Романа Шухевича, это были также Александр Лютский – организатор и первый руководитель УПА-Запад, располагавшейся главным образом в Галиции, и его преемник Василь Сидор, который командовал УПА-Запад в 1944-1949 годах³⁰.

После обучения в Германии 16 февраля 1942 года этот батальон был выделен для действий на территории Белоруссии. Солдаты подписали годовой контракт с Германией³¹. Шуцманы были разочарованы этим распределением, поскольку надеялись, что будут расквартированы на Украине. Побигущий написал в своем дневнике: «С горечью в моем сердце и с тяжелыми мыслями я вернулся во Франкфурт [на Одере] и там получил приказ, что 19 марта 1942 года мы будем направлены в так называемую Einsatz для выполнения военных задач. Дислокация нашей группы не была указана, поскольку только командир располагал этой информацией. Несмотря на то что я был командиром, я приказа не получил. Только Моха его видел. Вот так немцы относились к командиру легиона... Как же разочарованы мы были, когда оказалось, что едем мы не на Украину, а в Белоруссию...»³².

Члены этого батальона носили мундиры немецкой полиции без национальных символов. 16 марта 1942 года они получили приказ отбыть на восток и достигли Белоруссии, заменив латышский батальон шуцманшафта. Под командованием генерала Й. Якоба полицейские были расквартированы в 12 различных населенных пунктах, рассредоточенных в треугольнике Могилев-Витебск-Лепель, охра-

²⁷ Посохов П. Шухевич: белое пятно в биографии // Frazz. 15.08.2007. <http://frazz.org.ua/zametki/15.08.07/40788.html?c=post&i=113503>. Последнее посещение 18.11.2007.

²⁸ Чуев. Украинский Легион. С. 180; В'ятрович В. Роман Шухевич: солдат // Українська правда. 2 мая 2008. <http://www.pravda.com.ua/news/2008/4/25/75222.htm>. Последнее посещение 06.05.2008; Боляновський. Українські військові формування. С. 143.

²⁹ Там же. С. 144; Котелець-Лісовий С. Мій спомин з леґіону: у Кракові і Команчі // У лавах дружинників: спогади учасників. Денвер, 1982. С. 91.

³⁰ Katchanovski. Terrorists or National Heroes? P. 13-14; Соболев П. Українська повстанська армія, 1943-49: довідник. N.Y., 1994.

³¹ Посівнич М. Роман Шухевич (30 VI 1907 – 5 III 1950) // Генерал Роман Шухевич – «Тарас Чупринка» Головний Командир УПА. Сер. Літопис УПА. Т. 45. Торонто-Львів, 2007. С. 29; Кальба М. Дружини Українських Націоналістів. Детройт, 1994. С. 45-53, 75-80.

³² Побігущий-Рен. Мозаїка моїх споминів. С. 64.

няя территорию площадью в 2400 квадратных километров³³ во время уничтожения белорусских евреев³⁴.

В источниках нет согласия относительно действий батальона. Магистерская работа Андрея Боляновского на тему украинских военных формирований на службе нацистской Германии лишь несколько страниц уделяет месту пребывания и действиям батальона в 1942 году³⁵. Франк Гольчевски определяет действия 201 батальона шуцманшафта, как «борьбу с партизанами и уничтожение евреев», но не приводит источников этой информации³⁶. Многие ветераны батальона переехали после войны на Запад. Около 30-40 были живы еще в 1980 году, а до 2004 их оставалось только четверо³⁷.

Ветераны батальона вполне осознавали усилия, которые предпринимались с целью выследить коллаборационистов и виновных в военных преступлениях³⁸, поэтому в большинстве опубликованных воспоминаний бывших солдат батальона они избегают упоминаний о его местоположении. Побигущий в воспоминаниях 1982 года не приводит никаких подробностей относительно месторасположения батальона в Белоруссии. Многие свидетельства относятся к воспоминаниям шуцмана Теодора Крочака. Их обработанная версия была опубликована в 1953 году в сборнике, который помогал составлять Побигущий³⁹. Мирослав Кальба, унтер-офицер в «Нахтигале» и 201 батальона шуцманшафта⁴⁰, автор 6 книг о

³³ Боляновський. Українські військові формування. С. 144; Чуев. Украинский Легион. С. 183.

³⁴ Трагедия евреев Белоруссии в годы немецкой оккупации (1941-1944): сборник материалов и документов. Минск, 1995. С. 169-181.

³⁵ Боляновський. Українські військові формування. С. 143-151.

³⁶ Golczewski F. Die Kollaboration in der Ukraine // Kooperation und Verbrechen: Formen der «Kollaboration» im östlichen Europa 1939-1945. Göttingen, 2003. P. 176.

³⁷ Кальба М. ДУН в розбудові УПА. Детройт-Тернопіль, 2005. С. 109-112; Побігущий-Рен Є. Мозаїка моїх споминів. Т. 2. München, L., 1985. P. 264.

³⁸ Второй том мемуаров Побегущего содержит раздел о его переписке с бывшими шуцманами. Мирослав Кальба в послевоенной переписке с Побегущим относительно деятельности Центра Визенталья писал, что это «еврейская атака, которая не знает границ». В своих нападках на Центр Визенталья Кальба называет ложью попытки доказать, что «Нахтигаль» и «Роланд» оставили кровавый след на пути в Киев и в Бабьем Яру. См.: Побігущий-Рен. Мозаїка моїх споминів. Т. 2. P. 268.

³⁹ Крочак Т. Витяги з щоденника 1941-1943 рр.: про побут у Легіоні ДУН // У лавах дружинників: дружини українських націоналістів в 1941-1942 роках. Денвер, 1953. С. 59-72. Существует некоторое сомнение относительно авторства этой работы. В неподписанном предисловии содержатся воспоминания четырех авторов. К ним относятся: Евгений Побугущий, Теодор Крочак, Карло Малый и Евгений Рен. Позднее Евгений Побигущий использовал имя Побигущий Евгений Рен. В 1982 году он писал в своих мемуарах, что у работы, изданной в 1953 году, было три автора, это были: он, Крочак и Малый. Он также рассказывает своим читателям, что автор неподписанного предисловия Степан Ленкавский. Возможно, что Евгений Побигущий и Евгений Рен из книги 1953-го года – это один и тот же человек. См.: Побігущий-Рен. Мозаїка моїх споминів. С. 53.

⁴⁰ Kentii A. Lozyts'kyi V. From UVO Fighter to Supreme Commander of the UPA // Життя і боротьба Генерала «Тараса Чупринки» (1907-1950): документи і матеріали. Сер. Літопис УПА. New Series. Т. 10. К., Торонто, 2007. С. 95; Боляновський. Українські військові формування. С. 59.

формировании, которое националисты предпочитают называть ЛУН (Легион Украинских Националистов), или ДУН [ДУН – Дружина Українських Націоналістів], вообще либо избегает описывать местоположение батальона в 1942 году, либо использует сокращения, относящиеся к городам: «К», «М», «Л»; деревням: «Ж», «В», «П»; «маленькому городу Б»; или «местности Х»⁴¹. Ничего удивительного, что воспоминания ветеранов, содержащие информацию касательно их пребывания в Белоруссии, не говорят о военных преступлениях, но интерпретируют действия батальона как выполнение задач военного характера. Евгений Побігуций описывает военные задачи следующим образом: «Охрана главных мостов на реках Березина и Двина, и недопущение их уничтожения большевистскими партизанами. Это должно было быть их главной задачей. С этой целью легион был размещен на площади почти 50 километров в длину и около 50 километров в ширину. Солдаты были расквартированы в деревнях группами по 40 человек, поскольку их задачей была также охрана местных властей. Кроме того, одной из задач легиона было постоянное прочесывание лесов в поисках большевистских партизан. Такие операции по прочесыванию (в целом очень опасные), требовали не менее двух отрядов (80 человек), они, однако, ослабляли наши позиции в деревнях, так называемых "шутцпунктах". Все время, невзирая на различные трудности, т.е. с 22 марта по 31 декабря 1942, легион старательно и образцово исполнял свою военную службу, делая невозможным для большевистских партизан уничтожение очередного большого моста»⁴².

Разумеется, существовали первостепенные военные задачи, которые также требовали особого внимания. Так называемые Витебские Ворота (или Ворота Сураж) были сорокакилометровым отрезком немецкой линии фронта между городами Велиж и Усвяты в РСФСР на стыке районов действий немецких групп армий «Север» и «Центр». Они открылись в результате атаки Третьей и Четвер-

⁴¹ Крочак. Витяги з щоденника 1941-1943 рр. С. 59-72; У лавах дружинників: спогади учасників / Упоряд. М. Кальба. Денвер, 1982. С. 102-106. В 2008 году Кальба сообщал: «Все отряды были расположены далеко от Боровки, в таких местах, как Зары, Коменя, Воронеж и других». См.: Кальба М. «Нахтігаль» в запитаннях і відповідях Мирослава Кальби. Львів, 2008. С. 45; Побігуций-Рен. Мозаїка моїх споминів. Т. 2. С. 87, 97, 103; Кальба М. Ми присягали Україні: ДУН 1941-1942. Львів, 1999. С. 63, 69, 70, 79. Под редакцией Кальбы в 1982 году был выпущен сборник воспоминаний ветеранов батальона, который, однако, содержит мало информации о деятельности батальона в Белоруссии. Воспоминания в большей степени ориентированы на описание деятельности батальона в 1941 году и на его роспуске. В большинстве воспоминаний нет никакой конкретики относительно места пребывания батальона или специфики его использования. Однако в некоторых – воспоминания «Василя» (без указания настоящего имени) – указывается смена отрядов, дислоцированных в Жарах, Летелу (?) и в «городе Воронеже на реке Березина». На Пасху 1942 Крочак локализует «боевое крещение» батальона на юго-востоке от Жаров недалеко от Гомеля, где «никто из нас не был прежде». В своем разделе Степан Котелец-Лисовский упоминает несколько населенных пунктов Белоруссии – деревни Червень и Комена, село Порыч, недалеко от Комена, Боровка, Жары и «деревню Воронеж на реке Березина», но не дает конкретных дат пребывания в тех местах. См.: У лавах дружинників: спогади учасників. С. 91-95, 102, 104, 106, 117, 119, 144.

⁴² Побігуций-Рен. Мозаїка моїх споминів. С. 65.

той советских армий зимой 1941-42 гг., и были открыты с февраля до 28 сентября 1942 года. Именно тогда через линию фронта врага были переброшены советские боеприпасы, оружие, диверсионно-саботажные группы и медицинское снаряжение⁴³. В регионе действовало множество партизанских отрядов. Так, партизанский отряд 406 проводил операции на железнодорожных линиях Минск-Вильно, Молодечно-Полоцк и Минск-Лепель. В годы войны партизаны атаковали 148 дорожных мостов и взорвали 3 железнодорожных моста. Одна из наиболее ярких атак была проведена 14 октября 1942 года, когда они уничтожили «9 автомобилей и 70 немцев на дороге Пухавичи-Омельна»⁴⁴. Возможно, что целью этой атаки были солдаты 201 батальона шуцманшафта. Ветераны этого батальона описали множество партизанских атак 25 августа и 2 октября в «У» и «Ж»⁴⁵. Эти сообщения не содержат информации на тему ответных карательных операций, предпринятых шуцманшафтом, несмотря на то, что это было стандартной практикой.

Однако даже сами воспоминания полицейских указывают, что у батальона были и другие задачи помимо охраны местной инфраструктуры. Побигущий написал, что его солдаты «разузнали», что рядом находился лагерь советских военнопленных. Согласно Побигущему, Шухевич попытался освободить 45 украинских пленных, чтобы затем завербовать их в шуцманшафт. Однако это не удалось, поскольку на него было наложено взыскание за отказ участвовать в операции по принудительному изъятию хлеба у местного белорусского населения⁴⁶.

На допросе в НКГБ в самом конце войны ветеран батальонов «Нахтигаль» и шуцманшафт 201 Александр Луцкий⁴⁷ дал следующие показания, касавшиеся действий батальона: «Во второй половине апреля 1942 года мы были выведены из Минска в город Лепель, где были поделены на 4 группы. Каждой группе были выделены особо важные военные объекты, которые надлежало охранять, но их главным заданием была борьба с советским партизанским движением в Лепеле, Ушачи и в Бешенковицком районе. Я лично входил в состав группы из 90 человек, которая направилась на юг от города Лепель в населенный пункт Велющина, где я принимал участие в обеспечении дорог, охране представителей немецкого командования, которые перемещались по дороге с места на место. Несколько раз я посылался на операции по ликвидации советских партизан. Информация, которую мы получали, передавалась работникам легиона, расквартированного в городе Лепель»⁴⁸.

⁴³ Meltser D., Levin V. *The Black Book with Red Pages (Tragedy and Heroism of Belorussian Jews)*. Cockneysville, 2005. P. 249.

⁴⁴ *Ibid.* P. 106.

⁴⁵ Крочак. Витяги з щоденника 1941-1943 рр. С. 76-82.

⁴⁶ Побигущий-Рен. Мозаїка моїх споминів. С. 65.

⁴⁷ Содоль. Українська повстанська армія. С. 99.

⁴⁸ Боляновський. Українські військові формування. С. 144; Роман Шухевич у документах... Т. 1. С. 529.

Луцкий подтвердил, что «в октябре 1941 года весь легион был отдан в распоряжение СС. Немцы использовали нас для борьбы с советскими партизанами. В это время батальон наш был назван батальоном шуцманшафт 201»⁴⁹. Советские следователи были более заинтересованы ролью ветеранов в батальоне «Нахтигаль» в 1941 году и в УПА в 1943, чем местом их пребывания в 1942. Поэтому в отчетах содержится мало информации о деятельности батальона шуцманшафт 201. Володимир Павлик рассказал советским следователям, что: «[В] 1941 и 1942 годах служил в немецких вооруженных формированиях командиром взвода и роты. В это время я, как командир взвода и роты, не принимал участия в борьбе с партизанами и Красной Армией, но помогал в формировании подразделений и направлении их на борьбу с красными партизанами»⁵⁰.

В протоколах допросов других ветеранов, таких как Омелян Полёвый, не упоминается о деятельности батальона 201⁵¹. Сохранилась незначительная часть переписки, которая велась между батальоном и его немецким командованием. Последний рапорт батальона был выслан 3 ноября 1942 года, когда часть была расквартирована в 20 км к северу от Лепеля⁵².

1 декабря 1942 года истекал срок договора батальона шуцманшафт 201. Изначально его солдаты согласились добровольно продолжать службу до 31 декабря 1942 года, однако в конце 1942 года немецкие власти стали больше привлекать солдат к принудительным работам на оккупированных территориях, продлевая срок службы в батальоне на неопределенное время⁵³. В связи с этим служащие в батальоне отказались от повторного подписания контракта. У них также были претензии к тому, как к ним относилось немецкое командование. Побигущий жаловался: «Последней каплей, которая привела к распаду всего легиона [батальон шуцманшафт 201], было страшное происшествие, непростительное преступление, которое немецкое командование совершило против одного из стрелков легиона. На похоронах одного из павших добровольцев не было даже украинского флага на гробе, только немецкие. Один из [наших украинских шуцманов] засунул ленты с символом свастики под венок. Когда немецкий полицейский увидел [украинского шуцмана], то посчитал это страшным злоупотреблением. Никакие апелляции и заявления с украинской стороны не помогли. Это было признано оскорблением немецкого государства, стрелок был взят под стражу, а затем...

⁴⁹ Боротьба проти повстанського руху і націоналістичного підпілля: протоколи допитів заарештованих радянськими органами державної безпеки керівників ОУН і УПА 1944-1945. Сер. Літопис УПА. New Series. Т. 9. К., Торонто, 2007. С. 320-363.

⁵⁰ Там же. С. 564-573.

⁵¹ Там же. С. 78.

⁵² Records of the Reich Leader of the SS and Chief of the German Police (Part II) // Guide to German Records Microfilmed at Alexandria, VA. №. 33. Washington DC, 1961. С. 4 // Archives.gov. <http://www.archives.gov/research/microfilm/t175-2.pdf>. Последнее посещение 17.01.2010.

⁵³ Dean. The German Gendarmerie, the Ukrainian Schutzmannschaft... P. 179.

расстрелян. С этой минуты отношение солдат [батальона шуцманшафт 201] к немцам изменилось»⁵⁴.

Это событие, по мнению Побигущего, привело к отказу личного состава батальона продлевать контракт: «Мы решили воздержаться от [дальнейшей] службы, поскольку этого требовал наш воинский долг. Мы не получили ответов на вопросы, почему наши командиры были арестованы, а наши близкие были высланы на работы вглубь Германии, почему раненые украинские солдаты не лечились в тех же самых госпиталях, что и немцы, а нас забирали в госпитали для "чужаков". Легион не хочет сражаться за такую "новую Европу", разделенную на разные категории граждан и солдат. Стоя перед лицом смерти, все мы равны, однако раненые имеют разные права и получают разного рода лечение»⁵⁵.

В канун Рождества 1942 года обергруппенфюрер фон дем Бах-Залевский информировал Побигущего, что батальон будет распущен. 6 января 1943 года батальон был выслан во Львов. Большинство его солдат добрались туда 8 января. Офицеры покинули Белоруссию 5 января, а последние солдаты 14 января 1943 года⁵⁶. Во Львове офицеры были арестованы и помещены в тюрьму на ул. Лонцкого. Некоторые, в том числе Роман Шухевич, сумели бежать и уйти в подполье⁵⁷. Формально офицеры были арестованы за отказ продолжать службу, но немцы отнеслись к ним с достаточным пониманием. «Отношение во время нашего ареста было очень мягким. Мы должны были только сдать наше оружие, и в сопровождении немецкого офицера поехать во Львов»⁵⁸, – написал Побигущий.

Местные немецкие власти заявили Берлину, что в то время как они проводят по отношению к украинцам мягкую политику («лучшее отношение к украинцам со стороны местной администрации не может не оказывать влияния»), факт расформирования батальона шуцманшафт 201 вызывает «возмущение» и «большое беспокойство»⁵⁹ среди галицийских украинцев и их интеллигенции. Немецкое командование рекомендовало собрать людей из этого батальона в Люблине с целью создания новой части. В этот раз большинство из состава батальона отказа-

⁵⁴ Побігущий Є. Дружини Українських Націоналістів на Белорусі // У лавах дружинників: дружини українських націоналістів в 1941-1942 роках. С. 38.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. С. 40; Побігущий-Рен. Мозаїка моїх споминів. С. 85.

⁵⁷ Посівнич М. Роман Шухевич (30 VI 1907-5 III 1950) // Генерал Роман Шухевич – «Тарас Чупринка» Головний Командир УПА. Сер. Літопис УПА. Т. 45. Торонто, Львів, 2007. С. 29; Кальба М. Дружини Українських націоналістів. Детройт, 1994. С. 45-53, 75-80; Чуев. Украинский Легион. С. 184.

⁵⁸ Побігущий-Рен Є. Спогади про генерала Романа Шухевича // У лавах дружинників: дружини українських націоналістів в 1941-1942 роках. С. 123.

⁵⁹ Der Befehlshaber der Sicherheitspolizei und des SD im Generalgouvernement an das Reichssicherheitshauptamt – Amt VII – Berlin. February 2, 1943, Meldungen aus dem Generalgouvernement für die Zeit von 1. bis 31. Januar 1943. P. 0310, p. 8. См. также: Regimekritik, Widerstand und Verfolgung in Deutschland und den besetzten Gebieten [microform] / Ed. H. Boberaeh; Meldungen und Berichte aus dem Geheimen Staatspolizeiamt, dem SD-Hauptamts der SS und dem Reichssicherheitsamt 1933-1944, cz. 2. Besetzte und angegliederte Gebiete (1939-1945), Mikrofische 006.

лось подписывать договор, хотя некоторые предложили свои услуги нацистской Германии и служили до 1945 года. Одним из них был Евгений Побигущий, который вступил в ряды дивизии Ваффен СС «Галичина», дослужившись даже до звания майора⁶⁰.

Действия против партизан или массовое убийство?

Материалы источников, касавшиеся пребывания батальона шуцманшафт 201 в Белоруссии, сохранились не полностью. Однако, в свою очередь, осталась часть переписки между батальоном и его немецким командованием. Согласно Мирославу Кольбе, ДУН, «Нахтигаль» и шуцманшафт 201 потеряли 450 солдат и офицеров, то есть 2/3 личного состава, в течение всего периода военных действий в 1941-1945 годах⁶¹. Чаще всего поводом для этого служило дезертирство, принявшее массовый характер после 1943 года. Однако за 10 месяцев нахождения в Белоруссии батальон потерял всего лишь 49 человек, а 40 было ранено. Это число следует соотнести с более чем 2000 «партизан», уничтоженных батальоном⁶². Если бы даже все людские потери батальона происходили по причине смерти в бою, соотношение потерь среди солдат батальона и «бандитов» составило бы более чем 1:40. Настолько непропорционально малые потери немцев и коллаборационистских отрядов в сравнении с потерями «бандитов» совпадают, однако, с тем, что мы знаем о действиях других батальонов шуцманшафта. Этот дисбаланс находит также подтверждение в данных Эрика фон дем Бах-Залевского. 30 октября 1942 года фон дем Бах-Залевский отметил 26 убитых из батальона шуцманшафт 201, 4 немцев и 22 «погибших членов шуцманшафта». Потери врага составили 89 убитых и 20 раненых⁶³. Повседневные рапорты фон дем Бах-Залевского о действиях батальона шуцманшафт 201 появляются вместе с 15 разными рапортами, направленными рейхсфюреру СС Гиммлеру, который передал

⁶⁰ «Mit großem Unwillen wurde die Auflösung des ukrainischen Bat. 20 [sic! – речь идет о батальоне 201] der Schutzmannschaften in der Ostukraine aufgenommen. Die Festnahme des Offizierskorps, das früher das bekannte Roland-Nachtigalunternehmen geführt hat, stieß auf allgemeines Unverständnis und führte insbesondere unter den Kreisen der Intelligenz in Lemberg zu einer weitgehenden Beunruhigung, die sich erst nach Freilassung der Offiziere allmählich legte». Ibid. P. 8-9, P. 0310, 0311.

⁶¹ Роман Шухевич у документах... Т. 1. С. 529-530.

⁶² Кальба. ДУН в розбудові УПА. С. 68.

⁶³ Патриляк І. Військова діяльність ОУН (б) у 1940-1942 роках. К., 2004, С. 386; Meldung Nr. 36, «Ergebnisse im Gebiet Russland Mitte. Gefecht des Schutzmannschafts-Bataillons 201, 20 km nördlich Lepel, Feld-kommandostelle Nov 3, 1942», Records of the Reich Leader of the SS and Chief of the German Police [Reichsführer – SS und Chef der deutschen Polizei], United States National Archives and Records Administration (Henceforth NARA), EAPT-175, item 161-b-12/250, reel 124, frame 2599081; Blood, 90-91, citing Tagebuch von dem Bach (TVDB), Bundesarchiv, Berlin (Lichterfelde) A R20/45b. P. 55, 95; см. также: «Meldungen an den Führer über Bandenbekämpfung».

их Адольфу Гитлеру лично. Они содержали серию информационных бюллетеней, касавшихся сил немецкой полиции на оккупированных территориях Белоруссии и Украины⁶⁴. Эти рапорты иллюстрируют характер «контрпартизанских» действий, в которые был вовлечен батальон шуцманшафт 201.

Рапорт №51 является пересказом хода контрпартизанских действий на Юге России, на Украине, а также в Белостокском округе (Bezirk Białystok). Он подводит итог действиям полиции в этом регионе. Переданный Гитлеру 29 декабря 1942 года, он описывает фактическую сторону контрпартизанских операций. Число убитых евреев превышает все другие группы казненных, а число «бандитов», расстрелянных после операции (Aktion), определенно превышает число лиц, убитых в ходе военных действий.

<i>Бандиты:</i>	убито в бою 1337 казнено заключенных 737 казнено позже 7827
<i>Помогавшие бандитам:</i>	арестовано 16 553 казнено 14 257 казнено евреев 363 211 дезертиры 140
<i>Немецкие потери:</i>	убито 174 ранено 132 пропало без вести 13
<i>Шуцманшафт:</i>	убито 285 ранено 127 пропало без вести 133 ⁶⁵ .

Рапорты номер: 36, 40-42, 44-49, 55-57, охватывавшие территорию Центральной России и Белоруссии осенью 1942 года, сообщали о 28 360 потерях в рядах врага, а также о «собственных потерях» – 381 человек. Соотношение составило, таким образом, 1:74⁶⁶. Рапорт 51а, который находится в том же собрании, подводит итог потерям во всем регионе Юга России и на Украине, а также в Белостокском округе, и показывает соотношение убитых служащих шуцманшафта и немцев к убитым «бандитам» и «пособникам бандитов» (за исключением категории «казненные евреи»), составляющее 1:52. Если учесть число казненных евреев в разделе *Bandenverdächtige* (363 211), то есть «подозреваемых в бандитизме», это соотношение составит 1:843⁶⁷.

⁶⁴ Meldung Nr. 36.

⁶⁵ US National Archives, MF-3293, T-175, roll 124, Reichsführer-SS Chef der Deutschen Polizei, Feld-Kommandostelle, NARA EAPT-175, item 161-b-12/250, frames 2598495 to 2599093. www.archives.gov/research/microfilm/t175-2.pdf. Последнее посещение 17.01.2010.

⁶⁶ Meldung 51a, «Russland-Süd, Ukraine, Bialystok vom 1.9. bis 1.12. 1942», December 29, 1942. NARA, RG 242, T175, reel 81, frame 2601524.

⁶⁷ NARA MF-3293, T-175, rolka 124, klatki (kadry) 2599081, 2599082, 2599007, 2598963, 2896965, 2598940, 2598915, 2598937, 2598916, 2598925, 2598926, 2598836, 2598837, 2598814, 2598815,

Стоит также сравнить соотношение убитых шуцманов к бандитам в ходе жестокой контрпартизанской операции (т.н. операции «Котбус»), проведенной в 1943 году, в ходе которой зарегистрировано «убитыми в ходе операции» 6 087 бандитов, в то время как погибло 88 немецких солдат и офицеров и 40 шуцманов, а 152 было ранено. То есть соотношение потерь составило 1:47. Во время операции «Котбус» 90% убитых составили безоружные люди⁶⁸. Христиан Герлах подсчитал, что только от 10 до 15 процентов жертв «охоты на партизан» в Белоруссии в действительности были партизанами⁶⁹. Обычно войны или операции против повстанцев не демонстрируют такого удивительного дисбаланса. Это объясняет, чем в действительности были эти действия: геноцидом, истреблением, реализованным согласно директивам Кейтеля, Гимmlера и Гитлера. Немецкий историк Манфред Мессершмидт так оценивает поступки солдат шуцманшафта: «При оценке деятельности батальона Schuma следует учитывать, что они были вовлечены в беспощадный жестокий террор. Это касается также использования определенного языка. Они должны были говорить о "бандитах". Операции по уничтожению населения описывались как "карательные операции" или "восстановление порядка и безопасности"»⁷⁰.

Бывшие шуцманы в УПА

Весной 1943 года служащие батальона шуцманшафт 201, который переместился из Белоруссии на Волынь, создали центр ОУН(б) – Службу Безопасности⁷¹. В результате массового дезертирства солдат коллаборационистских сил из рядов немецкой армии после Сталинградской битвы, несколько тысяч украинцев, сбросив с себя мундиры полицейских, присоединились к рядам УПА, составив ее основу⁷². С 15 марта до 15 апреля 1943 года около 4000 бывших украинских шуцманов присоединилось к УПА⁷³. Это были шуцманы и члены иных форми-

2598775-2598778, 25987783-25987784, 2598709, 2598710, 2598703-2598704, 2598692-2598693, 2598653, 2598655.

⁶⁸ Reichsführer-SS Chef der Deutschen Polizei, Meldungen 35-38, 40 42, 45-49, 51, 55, oraz 56, wydane między 3 listopada 1942 a 17 stycznia, 1943. NARA MF-3293, T-175, rolka 124.

⁶⁹ The Minister of Citizenship and Immigration (applicant) v. Vladimir Katriuk (respondent) (T-2408-96), Federal Court of Canada Trial Division, Nadon, J., January 29, 1999 // Federal Trial Reports. 1999. № 156. P. 183.

⁷⁰ Gerlach Ch. Kalkulierte Morde: Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weissrussland, 1941 bis 1994. Hamburg, 1999. P. 907.

⁷¹ The Minister of Citizenship... P. 184.

⁷² Тимоти Снайдер дает несколько большие цифры – около 5000 украинцев, оставивших шуцманшафт и присоединившихся к УПА в марте 1943. См.: Snyder. To Resolve the Ukrainian Problem Once and for All. P. 97.

⁷³ Другие батальоны шуцманшафта также пострадали от массового дезертирства в то же время. О 115 и 118 батальонах шуцманшафта см: Дуда А., Старик В. Буковинський курінь в боях за

рований вспомогательной полиции, которые вступили в УПА по приказу ОУН(б). Они составляли около половины командиров УПА и руководителей ОУН(б) осенью 1943 года. 23% имели опыт службы в региональных и местных частях немецкой вспомогательной полиции; 18% прошли обучение в немецких военных и разведывательных школах в начале войны; 11% служили в батальонах «Нахтигаль» и «Роланд»; 8% – в местных и региональных органах власти на оккупированной немцами Украине; 1% получил опыт службы в дивизии Ваффен СС «Галичина»⁷⁴. Навыки, полученные в 1941-42 гг., оказались пригодными в этнических чистках, проведенных УПА среди поляков на Волыни⁷⁵. Джон-Пол Химка пишет: «Очевидно, вовлечение украинцев в формирование немецкой полиции означало их участие в операциях против евреев. Кажется, это не составило никаких препятствий для украинских националистов и не повлекло никаких угрызений совести. В действительности, участие в некоторых операциях было даже полезно, поскольку во время чисток в гетто существовала возможность конфискации оружия, которое можно было присоединить к имевшимся запасам»⁷⁶.

Побигущий, отмеченный немецким командованием за проявленный в боях героизм⁷⁷, подводит итог своему опыту службы в айнзацгруппах в Белоруссии следующим образом: «Борьба против партизан была необычайно ценным уроком для наших солдат и офицеров. Она научила нас многому. Жаль, что мои заметки пропали, когда я был интернирован. Наши знания, умения и опыт в борьбе весьмагодились всем нашим солдатам, унтер-офицерам и офицерам, которые продолжали свой воинский путь в Украинской Повстанческой Армии или в 1 УД УНА [1 украинской дивизии Украинской Народной Армии]»⁷⁸.

В 1943 году, когда усилилось давление со стороны немцев по отношению к ОУН(б), последняя начала интересоваться своей прежней деятельностью и образом шуцманшафта. До тех пор советские партизаны в Белоруссии, говоря о батальоне шуцманшафт 118 в этнических категориях, описывали его как «украин-

українську державність: 1918, 1941, 1944. Чернівці, 1995. С. 132, 152; Рудлинг П.А. Террор и коллаборационизм во время Второй мировой войны: случай 118-го батальона охранной полиции в оккупированной Белоруссии // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2016. № 1. С. 274-310. О 103 батальоне шуцманшафта, см.: Качановский И. Украинцы не верят в мифы об ОУН и УПА // Frazza. 14.10.2009. <http://www.fraza.ua/print/14.10.09/76064.html>. Последнее посещение 22.01.2010.

⁷⁴ Роман Шухевич у документах... Т. 1. С. 11.

⁷⁵ Katchanovski. Terrorists or National Heroes?

⁷⁶ Snyder T. The Reconstruction of Nations; Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569-1999. Princeton, 2003. P. 162; Bruder F. «Den ukrainischen Staat erkämpfen oder sterben!» Die Organisation Ukrainischer Nationalisten (OUN) 1929-1948. Berlin, 2007. P. 184.

⁷⁷ Himka. Ukrainian Collaboration. P. 179.

⁷⁸ Heike W.-D. Sie wollten die Freiheit: Die Geschichte der Ukrainischen Division 1941-1945. Dorheim, n.d. P. 42.

ский» и «украинскую полицию»⁷⁹. ОУН(б) же начала дистанцироваться от шуцманшафта. «Украинская полиция может существовать только в украинском государстве», – провозглашала пропаганда ОУН(б)⁸⁰.

Итог

Исследования, касающиеся пребывания батальона шуцманшафт 201 на территории оккупированной Белоруссии в 1942 году, это кропотливая работа сродни детективному расследованию. Ее затрудняет не только малое количество источников, но также и поведение субъектов: советских властей, украинских националистов и самих ветеранов, пытавшихся исказить исторические факты⁸¹. Во время президентства Виктора Ющенко (2005-2010) политика правительства заключалась в восхвалении Шухевича, который стараниями президента в 2007 году даже был посмертно объявлен национальным героем. Проводимому правительством культу Шухевича сопутствовала организованная государственными историками кампания, имевшая целью агиографически представить жизнь Шухевича. Его деятельность в шуцманшафте игнорировалась и замалчивалась, а присутствие нескольких евреев в УПА представлялось в качестве довода в пользу того, что ОУН не могла быть вовлечена в антисемитскую деятельность⁸². Участие ОУН в погромах, ее фашистский характер и сотрудничество с нацистской Германией были приуменьшены или попросту отброшены⁸³. Участие батальона «Нахти-

⁷⁹ Побігуший-Рен. Мозаїка моїх споминів. С. 72. «Украинская Народная Армия», такое название выбрали для своей части члены 14 Ваффен-гренадерской дивизии СС (Галичина №1) 17 марта 1945 года, чтобы избежать употребления термина «СС».

⁸⁰ Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1450. оп. 4. Д. 168,11. С. 70, 72, 153.

⁸¹ Нахманович В. До питання про склад учасників каральних акцій в окупованому Києві (1941-1943) // Друга світова війна і доля народів України: матеріали 2-ї Всеукраїнської наукової конференції м. Київ, 30-31 жовтня 2006 р. К., 2007. С. 254.

⁸² Бывший солдат «Нахтигалья» и 201 батальона шуцманшафта Мирослав Кальба, один из немногих выживших членов «Нахтигалья» и 201 батальона, который присутствовал во Львове 30 июня во время этой хорошо документированной резни, отрицает ее, и утверждает, что не видел, чтобы кто-нибудь кого-нибудь убил. См.: Кальба. «Нахтигаль» в запитаннях і відповідях... С. 23-25. Те, кто пережил погром во Львове, помнят эти события очень по-разному и подчеркивают участие украинской милиции. Свидетельства очевидцев и фотографии погрома во Львове см.: Химка І. Достовірність свідчення: реляція Рузі Вагнер про львівський погром влітку 1941 р. // Голокост і сучасність. 2008. № 4. С. 43-79. Тот факт, что воспоминания являются селективными и выборочными, хорошо известен. Чтобы понять, как участники этих хорошо документированных событий искажают воспоминания, чтобы соответствовать определенной политической повестки, см.: Himka J.-P., Himka E. Absence and Presence of Genocide and Memory: The Holocaust and the Holodomor in Interviews with Elderly Ukrainian Nationalists in Lviv. Paper presented at the Fifth Annual Danyliw Research Seminar in Contemporary Ukrainian Studies, University of Ottawa, 29-31 October 2009.

⁸³ См. также: В'ятрович В. Ставлення ОУН до євреїв: формування позицінапа катастрофи. Львів, 2006. С. 77-79; Курило Т., Химка Дж.-П. Як ОУН ставилася до євреїв? Роздуми над

галь» в убийствах евреев летом 1941 года было предметом эмоциональных дебатов. Польский Сейм определил этнические чистки УПА, направленные против волынских поляков в 1943 году, в категориях «геноцида»⁸⁴. Для сравнения, роль Шухевича как гауптмана батальона шуцманшафт в 1942 году была маргинализована, однако, анализируя этот период, можно прийти к нескольким выводам.

Шухевич, по-видимому, имел порывистый характер и, кроме того, физически оскорблял своих солдат⁸⁵. Под его командованием солдаты батальона «Нахтигаль» совершали массовые убийства еврейского гражданского населения, в том числе в Виннице в 1941 году⁸⁶. Именно под предводительством Шухевича УПА проводила серию массовых убийств на Волыни и в Галиции в 1943-1944 годах, в ходе которых расстались с жизнью 60 000 – 100 000 поляков и тысячи, а может даже, десятки тысяч евреев⁸⁷. Известно, что батальон шуцманшафт 201 точно так же, как и другие батальоны шуцманшафта и батальон «Нахтигаль», участвовал в совершении жестоких убийств не только «бандитов» (т.е. партизан и евреев), но также свидетелей и посторонних лиц⁸⁸. Руководство ОУН(б) – Шухевич,

книжі Володимира В'ятровича // Україна Модерна. 2008. № 12. С. 252-265; Rudling P.A., Himka J.-P. The Ukrainian Insurgent Army (UPA) and the Holocaust. Paper presented at the 41st Annual Convention of the American Association for the Advancement of Slavic Studies, Boston, 13 November 2009.

⁸⁴ Решение польского сейма от 15 VII 2009 о трагической судьбе поляков на Восточных Землях. http://orka.sejm.gov.pl/opinie6.nsf/nazwa/2183_u/Sfile/2183_u.pdf. Последнее посещение 18.10.2009.

⁸⁵ Член ОУН(б), «Нахтигаль» и 201 батальона шуцманшафта Виктор Харькив (Хмара) в своих воспоминаниях описывает следующий инцидент: Харькив (Хмара) пошел в парикмахерскую, не доложив о том командиру, в это время остальные члены батальона начали его искать. «После возвращения из парикмахерской я побежал к капитану Шухевичу, который был проинформирован об этом. Он сразу напал на меня и спросил, как мне удалось выбраться, несмотря на четкий запрет на выезд из лагеря. Я начал объяснять, что я был только на стрижке. Капитан Шухевич не слушал и ударил меня в лицо». См.: ЦДАВОВ Ф. 3833. Оп. 1. Д. 57. Л. 18.

⁸⁶ Виктор Харькив (Хмара) написал в своем дневнике: «Идя на восток, мы видели жертв еврейско-большевистского террора, и их вид настолько укрепил нашу ненависть к евреям, что в двух деревнях мы расстреляли всех евреев, с которыми столкнулись. Я помню один пример. Во время марша через деревню мы видели много бездомных. Когда их спросили, куда они едут, они ответили, что евреи угрожают им и что они боятся оставаться в своих домах. Таким образом, мы убивали всех евреев, которых там встречали». См. также: Патриляк. Військова діяльність ОУН (б) у 1940-1942 роках. С. 361-362.

⁸⁷ Обоснованная оценка числа польских жертв этнической чистки ОУН-УПА может составлять до 60 000 в 1943-1944 годах на Волыни и около 32 000 в 1944 году в Восточной Галиции. См.: Siemaszko E. Bilans zbrodni // Biuletyn IPN. 2010. №№ 7-8. P. 85, 88, 92. Г. Мотыка установил, что ОУН и УПА уничтожили от 70 000 до 100 000 поляков. См.: Motyka G. *Ukraińska partyzantka: działalność Organizacji Ukraińskich Nacjonalistów i Ukraińskiej Powstańczej Armii*. Warszawa, 2006. P. 411. См. также: Rossolinski-Liebe G. *Der polnisch-ukrainische Historikerdiskurs über den polnisch-ukrainischen Konflikt 1943-1947 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2009. № 57. P. 54-85; Rudling, Himka. *The Ukrainian Insurgent Army (UPA) and the Holocaust*.

⁸⁸ Другие батальоны шуцманшафта (203 и 204) в Генерал-губернаторстве осуществляли охрану лагерей смерти, таких как Собибор и Бельжец. См.: Golczewski F. *Shades of Grey: Reflections on Jewish-Ukrainian and German-Ukrainian Relations in Galicia // The Shoah in Ukraine: History, Testimony, Memorialization*. Bloomington, Indianapolis, 2008. P. 114-155.

Бандера, Ленкавский, и Стецько – разделяли нацистские стереотипы о жидокоммуне, евреях как орудии в руках Москвы и/или большевизма, а двое последних открыто одобряли истребление немцами евреев⁸⁹. Подобно нацистам, руководство ОУН(б) приравнивало борьбу с коммунизмом к борьбе против евреев и русских-москалей⁹⁰. Для шуцманштафта борьба с коммунизмом была связана с уничтожением евреев. В Белоруссии истребление евреев и партизан были тождественными задачами. Антипартизанские действия носили характер кампании по уничтожению, или даже резни. Еврейских гражданских лиц часто уничтожали под предлогом того, что они были партизанами. Шуцманштафт и его немецкие командиры соглашались на массовое уничтожение евреев, называемых «партизанами». Соотношение убитых «бандитов» к шуцманам в батальоне 201 составляло 1:40, что указывает на проведение массовых убийств и казней, а не на проведение последовательных операций по борьбе с партизанами. Согласно инструкциям Кейтеля, касавшимся применения массового террора в качестве возмездия, эти цифры будут соответствовать результатам действий других батальонов шуцманштафта на территории оккупированной Белоруссии. Они были частью более масштабной системы реализации генерального плана «Ост» (Generalplan Ost), который предусматривал депортацию или уничтожение целых этнических групп и слоев общества⁹¹. Не случайно тактика этнических чисток ОУН и УПА, проведенных против волынских поляков, принимая во внимание обучение, которое получили руководители УПА и СБ ОУН, организованное для них нацистской Германией, напоминает антипартизанскую тактику шуцманштафта. Значительная часть руководства УПА знала о непропорционально широком применении насилия, нападениях на гражданское население и массовых акциях возмездия. Этнические чистки, проведенные среди волынских поляков, евреев, армян, чехов, носят признаки, характерные для тактики и «антипартизанских» действий СС, и шуцманштафта.

Перевод с английского Юрия Андрейчука

⁸⁹ Finder G., Prusin A. Collaboration in Eastern Galicia: The Ukrainian Police and the Holocaust // East European Jewish Affairs. 2004. № 2. P. 102; Berkhoff K., Carynyk M. The Organization of Ukrainian Nationalists and Its Attitude towards Germans and Jews: Iaroslav Stets'ko s 1941 *Zhyttiepys* // Harvard Ukrainian Studies. 1999. №№ 3-4. P. 171.

⁹⁰ План военных действий ОУН(б) *Боротьба і діяльність ОУН під час війни* от мая 1941 года, составленный Шухевичем, Стецько, Ленкавским и Бандерой, выделяет необходимость создания в ОУН «народной милиции» и организации «лагерей интернирования для жидов, аполитичных элементов и пленных». См.: ОУН в 1941 році: документи. Ч. 1. К., 2006. С. 143, 159, 165.

⁹¹ О Генеральном плане «Ост», см.: Generalny Plan Wschodni: zbiór dokumentów. Warszawa, 1990; General Plan East: Hitler's Master Plan for Expansion // Polish Western Affairs. 1962. № 3. <http://www.worldfuturefund.org/wffmaster/Reading/GPO/moarticle.HTM>. Последнее посещение 28.08.2009.

Игорь Баринов

Союзники или коллаборанты? ОУН и нацистская Германия в ходе оккупации Украины в 1941-1943 гг.

Дискуссии о деятельности Организации украинских националистов (ОУН) в годы Второй мировой войны ведутся в академической среде уже весьма продолжительное время, порой выходя за рамки научной беспристрастности. Столь же оживленный отклик получают работы, повествующие не только о месте ОУН в войне между СССР и нацистской Германией, а вообще о жизни и деятельности лидеров ОУН, как это было с книгой Гжегожа Россолинского-Либе, посвященной Степану Бандере¹. В этом смысле можно полностью согласиться с современным украинским исследователем Яной Примаченко, по словам которой деятельность ОУН и ее бандеровской фракции во Второй мировой войне выступает одной из «наиболее дискуссионных и политизированных тем в современном историческом дискурсе Центрально-Восточной Европы»².

Нужно отметить, что проблемной является не только тема ОУН как объекта исследования, но и наследие самой организации, вернее, его перцепции в сегодняшней Украине. Стержневой слоган ОУН – «Нація понад усе!» («Нация превыше всего!») – как оказалось, по-прежнему очень притягателен для современных украинских националистов. Сила эмоционального фона, который окружает эту идею, по сути убивает любую рефлексию о рисках ее реализации в рамках концепции «нация-государство» (их подробно разобрал в своей последней работе Алексей Миллер)³. Здесь мы возвращаемся к тезису американского политолога Кэтрин Вердери о символической природе нации. По мнению автора, особенность символа нации заключается в том, что он вызывает к жизни мощные эмоции, при этом будучи, в силу своей неоднозначности, открытым различным интерпретациям. Национализм для Вердери представляется совокупностью «политического использования символа нации» и эмоций как реакции людей на использование такого символа⁴.

В данном случае подобным символом стал лидер радикальной части ОУН Степан Бандера. Культовость фигуры лидера ОУН(б) в среде украинских правых

¹ Rossoliński-Liebe G. Stepan Bandera: The Life and Afterlife of a Ukrainian Nationalist. Fascism, Genocide, and Cult. Stuttgart, 2014.

² Примаченко Я.Л. Эволюция национального вопроса в идеологии ОУН(б) в годы Второй мировой войны // Советские нации и национальная политика в 1920-1950-е годы. М., 2013. С. 396.

³ Миллер А.И. Нация, или могущество мифа. СПб., 2016. С. 130 и сл.

⁴ Цит. по: Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике русских властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб., 2000. С. 14-15.

радикалов, отмеченная Россолинским в подзаголовке его работы, определяется двумя решающими моментами. Во-первых, он являет собой типичный для романтического национализма образ пассионарного Героя. Именно жизнь и смерть Бандеры в глазах части современных украинских националистов стали воплощением девиза «нация превыше всего». Реальные исторические события заменяются здесь мифологизированным нарративом, который мобилизуется соответствующими группами для оформления собственной идентичности.

С другой стороны – и это не менее важно – радикализм Бандеры стал своего рода реакцией на поражение в «войне за независимость» («визвольних замаханях») 1917-1921 гг.⁵, ответом на слабость украинских национал-демократов. Тяга националистов к харизматичному лидеру Бандере, а не к кабинетному интеллектуалу Грушевскому в данном случае вполне объяснима – ведь первый, в их глазах, вел борьбу за Украину до последнего вздоха, а второй, хотя и обладал реальной властью, не только сдался и отошел от политики, но и вернулся в Россию.

Любопытно также, что Провідник⁶ со своим радикализмом в духе донцовского «интегрального национализма» сумел отодвинуть на задний план даже других лидеров ОУН. По этому поводу Гжегож Россолинский замечает, что Бандера, обладавший меньшей харизмой, чем первый лидер ОУН, Евгений Коновалец, «обрел аналогичный культ личности»⁷. Действительно, хотя фигура Коновальца в наши дни также используется украинскими националистами в символическом пространстве, объем ее присутствия несравним с бандеровским. Еще об одном «отце-основателе» ОУН, ближайшем соратнике и сроднике Коновальца, Андрее Мельнике, в данной связи даже не приходится говорить.

Как можно видеть, оба старших товарища Бандеры оказались вытеснены другим пассионарием и «человеком действия» – командующим Украинской повстанческой армии (УПА) Романом Шухевичем. Это отразилось в известном националистическом лозунге «Бандера, Шухевич – герої України». Именно этот дуумвират стал олицетворением связки ОУН-УПА как в риторике самих украинских националистов, так и в устах их противников. Примечательно, что ни Коновалец, ни Мельник, в свою очередь, не получили в постсоветской Украине формального признания своей деятельности в виде присвоения звания Героя.

Подобное внимание к личностям Бандеры и Шухевича говорит о том, что первоочередными для националистов являются события Второй мировой войны и попытки организации государственности уже непосредственно на территории Украины. Стоит отметить, что, в отличие от национал-демократов, в свое время предлагавших концепцию украинского государства⁸, националисты имели доста-

⁵ Примаченко. Эволюция национального вопроса в идеологии ОУН(б). С. 398.

⁶ «Вождь», один из уважительных эвфемизмов для обозначения Бандеры среди украинских националистов.

⁷ Rossoliński-Liebe G. The «Ukrainian National Revolution» of 1941: Discourse and Practice of a Fascist Movement // *Kritika*. 2011. № 1. P. 99.

⁸ Украинская государственность в XX веке: историко-политологический анализ. К., 1996. С. 18-22.

точно туманные представления о процессе становления будущей Украины. В их понимании, первым этапом должна была стать «освободительная борьба» и последующее установление национальной диктатуры⁹. В какой форме должны были быть реализованы оба явления, не объяснялось, однако, по словам самого Бандеры, единственным путем к освобождению была «национальная революция»¹⁰. Данное идеологическое клише подразумевало единение всех украинцев под эгидой ОУН в борьбе за собственную государственность. Именно «национальная революция» стала, по выражению Гжегожа Россолинского, «недостающим звеном» между провозглашением украинского государства в 1941 г. и участием ОУН(б) в еврейских погромах и сотрудничестве с нацистами¹¹.

ОУН и нацистская Германия накануне вторжения в Советский Союз

Организация украинских националистов, которая часто демонизируется в общественном сознании как некая грозная монолитная сила, на самом деле никогда не отличалась внутренним единством. С момента возникновения ОУН в 1929 г. в ней были четко выражены два центра силы – эмигрантский и галицийский. В первом случае главенствующие места занимали выходцы из Украинской военной организации (УВО). Эту структуру в свое время организовали в Праге ветераны украинских войсковых формирований 1914-1920 гг. Среди них нужно назвать, прежде всего, Коновальца и Мельника, а также не менее знаковых в тогдашних националистических кругах Николая Сциборского и Омеляна Сеника.

На другом полюсе находился краевой исполнительный комитет (эксекутива) в Галиции, который разительно отличался от эмигрантского центра. Здесь в рядах ОУН преобладала молодежь, которая при этом социализировалась в условиях экзистенциально чуждого польского государства. Кроме того, представители этого поколения выросли в атмосфере непрекращающегося насилия, начиная с событий Первой мировой войны и заканчивая политикой «пацификации». Неудивительно, что эта часть украинских националистов оказалась наиболее восприимчива к тезисам «интегрального национализма», подразумевавшего, помимо прочего, культ войны и насилия¹². Именно с деятельностью краевой эксекутивы связаны самые громкие акции ОУН межвоенного периода, такие как убийство секретаря советского консульства во Львове Алексея Майлова (1933) и министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого (1934). За обеими акциями стоя-

⁹ Касьянов Г.В. До питання про ідеологію Організації українських націоналістів (ОУН): аналітичний огляд. К., 2003. С. 15-16.

¹⁰ Бандера С.А. Перспективи української революції. Дрогобич, 1998. С. 267.

¹¹ Rossoliński-Liebe. The «Ukrainian National Revolution» of 1941. P. 84.

¹² Касьянов. До питання про ідеологію Організації українських націоналістів (ОУН). С. 7.

ли руководитель краевого провода ОУН, 21-летний Степан Бандера, и глава боевой референтуры (отдела) экзекутивы, 26-летний Роман Шухевич.

Между полуавтономной галицийской экзекутивой и высшим руководством ОУН в эмиграции достаточно быстро наметился конфликт, вылившийся в скрытую внутреннюю борьбу¹³. В тлеющем виде он продолжался все 1930-е гг. и резко обострился после убийства лидера организации Евгена Коновальца в результате спецоперации НКВД в 1938 г. В начале 1940 г. в ОУН произошел раскол, в основе которого, как отмечает украинский историк Георгий Касьянов, лежала как раз проблема взаимоотношений «центр – край», а не вопросы идеологии¹⁴. В результате возникли две фракции – ОУН(м), оставшаяся верной Андрею Мельнику, ранее избранному руководителю организации, и так называемая «революционная ОУН», затем названная ОУН(б) – по имени своего лидера Степана Бандеры. Это положение было зафиксировано на 2-ом Большом конгрессе ОУН в Кракове в апреле 1941 г.

В указанное время и для одной, и для другой группировок украинских националистов становилось очевидным грядущее столкновение между нацистской Германией и СССР. Не было сомнений и в том, кто будет главным союзником ОУН в предстоящей войне. Однако по-прежнему оставался открытым ряд ключевых вопросов – какова будет роль украинских националистов в походе против большевиков? В каком качестве будет выступать ОУН в отношениях с рейхом? Наконец, как немецкие цели будут соотноситься с целями украинской «национальной революции»?

Прежде всего, украинских националистов волновали политические вопросы, а именно будущая украинская государственность. Стоит отметить, что в своих политических калькуляциях лидеры двух фракций ОУН отталкивались от двух принципиальных моментов. Во-первых, взаимодействие с нацистами должно было скрепить схожесть идеологий. Не случайно, как пишет Гжегож Россолинский, в 1940-1941 гг. ОУН стремилась «перенять как можно больше ритуалов, символов и способов пропаганды» от европейских фашистских движений, не говоря уже об ее крайне антикоммунистическом характере и преклонении перед концепцией «крови и почвы»¹⁵. В этой связи происходит понимание того, что українська держава в представлении ОУН была как раз не «украинским государством», а «государством украинцев». Точно так же понятия «deutsches Reich» (немецкая империя) или «großdeutsches Reich» (велико-немецкая империя) можно расшифровывать как «государство этнических/для этнических немцев».

Первому моменту сопутствовал второй, а именно вера в особое геополитическое положение Украины и непреходящий интерес к ней у руководства Германии. Это представление находилось ближе к истине, хотя, как справедливо указывает Франк Гольчевский, континуитет немецкого интереса к Украине был сконструирован

¹³ Касьянов. До питання про ідеологію Організації українських націоналістів (ОУН). С. 4.

¹⁴ Там же. С. 17.

¹⁵ Rossoliński-Liebe. The «Ukrainian National Revolution» of 1941. P. 86.

рован фантазией украинских националистов¹⁶. В любом случае ответ на этот вопрос о будущем украинского государства по сути мог дать только один человек – Адольф Гитлер.

В научной литературе встречается версия о том, что фюрер с самого начала придерживался мнения о невозможности существования независимой Украины в каком бы то ни было виде¹⁷. Однако это не совсем так. Противоречивость позиции Гитлера заключалась в том, что он, будучи сведущим в восточноевропейских вопросах, колебался от категоричности к уступчивости, и наоборот. Так, по словам начальника Генштаба сухопутных сил вермахта Франца Гальдера, летом 1940 года создание «украинского государства» рассматривалось в качестве контрмеры политике Сталина по сдерживанию рейха¹⁸. Пользуясь расположением Гитлера, куратор восточной политики Альфред Розенберг, известный своим приятным отношением к украинским националистам, в мае 1941 г. представил фюреру докладную записку о будущей концепции германской политики в оккупированных областях Советского Союза, предложив разделить территорию СССР на ряд губернаторств, а отдельным субъектам, в том числе и Украине, предоставить автономию¹⁹. Гитлер, как свидетельствует Гальдер, долго колебался²⁰, однако в итоге отверг предложение Розенберга, указав, что речь может идти только о включении оккупированных территорий в состав рейха.

Украинские националисты, скорее всего, не знали об этих дискуссиях. В любом случае лидеры фракций ОУН рассматривали себя как союзников рейха – с той лишь разницей, что Мельник уступал первенство Германии, а Бандера настаивал исключительно на равноправных отношениях. Оба случая коренились в объективных обстоятельствах – Мельник, в силу своего положения, мог надеяться лишь на покровительство Берлина, тогда как Бандера располагал крепкой социальной базой, которая, к слову, доставляла заметные хлопоты органам НКВД в первый короткий период советской власти в Западной Украине²¹.

Можно лишь догадываться, как себе представляли взаимоотношения с Мельником и Бандерой в руководстве рейха. С одной стороны, ОУН(м) с ее изначально подчиненным положением вызывала больше доверия. Так, еще в сентябре 1940 г. заместитель Розенберга, Арно Шикеданц, в письме главе РСХА Рейнхарду Гейдриху, очевидно, имея в виду ОУН(б), подчеркивал, что она не может претендовать на политическую значимость в виду того, что по сути является «ма-

¹⁶ Golczewski F. *Deutsche und Ukrainer, 1914-1939*. Paderborn, 2010. P. 40.

¹⁷ Torzecki R. *Kwestia ukraińska w polityce III Rzeczy (1933-1945)*. Warszawa, 1972. P. 172.

¹⁸ Гальдер Ф. *Военный дневник: ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939-1942 гг.* Т. 2. М., 1971. Запись от 22 июля 1940 года.

¹⁹ Friedrich G. *Kollaboration in der Ukraine im Zweiten Weltkrieg: Die Rolle der einheimischen Stadtverwaltung während der deutschen Besetzung Charkows 1941 bis 1943*. Dr. phil.-Diss. Bochum, 2008. P. 43.

²⁰ Об этом см.: Arnold K.J. *Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik in den besetzten Gebieten der Sowjetunion: Kriegführung und Radikalisierung im «Unternehmen Barbarossa»*. Berlin, 2005. P. 86.

²¹ См., напр.: Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Т. 1. С. 243-251.

ленькой террористической группой местной галицийской окраски». Пытаться придать ей такую значимость, по словам Шикеданца, было бы «бесполезно и неумно»²². Тем не менее, зимой 1940/41 гг. абвер сформировал в лагере Нойхаммер (Нижняя Силезия) батальон из бывших военнослужащих польской армии – украинцев по национальности, имевших хорошие боевые навыки²³. Этот батальон получил название «Нахтигаль» («Соловей») и впоследствии был передан под командование Романа Шухевича, активиста ОУН(б).

Вероятно, здесь речь идет о двух условных линиях взаимодействия с украинскими националистами, которые шли параллельно. Первая, «линия Розенберга», опционально допускала организацию некой формы украинской автономии в рамках сотрудничества с ОУН в целом. Вторая, «линия спецслужб», рассчитывала использовать в своих целях диверсионный опыт украинских радикалов – неслучайно ОУН(б) курировали спецслужбы, а не армия или политическое руководство²⁴. Симптоматично, что связной абвера, уроженец Галиции Ханс Кох, присутствовал на провозглашении украинского государства лидерами ОУН(б) во Львове 30 июня 1941 г.

Таким образом, ответ на первый ключевой вопрос был так или иначе дан – Берлин был не против участия ОУН в войне против СССР. Вместе с тем, другие два вопроса, которые следовало решить в первую очередь, остались без ответа. Статус ОУН во взаимоотношениях с Германией не был четко обозначен, устремления и амбиции двух ее соперничавших фракций по сути никак не разграничивались. Вопрос о вероятной организации «на освобожденной территории» украинского государства также завис в воздухе. Именно из-за подобной неосмотрительности уже в ходе оккупации Украины первоначальная стратегия не сработала.

Сотрудничество ОУН и нацистов: сложности трактовки

Феномен коллаборационизма на оккупированных нацистами советских территориях относится к наиболее сложным и противоречивым темам изучения в рамках войны между Германией и Советским Союзом. Для исследователя, который начинает заниматься данной проблематикой, сразу же встает вопрос наполнения самого термина «коллаборационист»²⁵. Одно и то же слово использовалось и ис-

²² Das Dritte Reich und die ukrainische Frage. Dokumente 1934-1944. P. 51.

²³ Torzecki. Kwestia ukraińska... P. 204.

²⁴ Дерейко І. Місцеві формування німецької армії та поліції у Райхскомісаріаті «Україна» (1941–1944 роки). К., 2012. С. 21.

²⁵ Этот вопрос применительно к оккупированной советской территории артикулировал Олег Будницкий. См.: Будницкий О.В. Свершилось – пришли немцы: идейный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны. М., 2012. С. 6. В рамках настоящей статьи я условно разделяю понятия «коллаборант» и «коллаборационист» по тому принципу, что во

пользуется для обозначения как минимум двух принципиально разных по всей природе явлений – идейного сотрудничества с врагом и контактов с оккупационной властью без идейной мотивации. С наступлением мирного времени обозначение «коллорационист», используя терминологию Джона Остина, стало «перформативным». Амир Вайнер недаром выделил в названии своей во многом новаторской монографии ту роль опыта войны, которую он сыграл в поиске и обретении послевоенных смыслов. Как указывает автор, повлиять на жизнь отдельно взятого человека мог даже тот факт, что он отказался вступить в партизанский отряд и остался на оккупированной территории, что давало простор для дальнейших подозрений²⁶.

Как это часто бывает, теоретические построения не могли охватить весь спектр реальных явлений. По свидетельству очевидцев, переживших оккупацию, население условно разделилось на три группы: сторонников советской власти, тех, кто принципиально сотрудничал с немцами, и безынициативных граждан, которые просто хотели выжить²⁷. По образному выражению немецкого историка Гюнтера Фридриха, работа в немецкой столовой означала доступ к остаткам еды со стола²⁸. В этой связи возникает вопрос, следует ли относить к коллорационизму вынужденные бытовые контакты с оккупантами, преследовавшие цель элементарного выживания? Не исключено, что колхозник из случая, описанного Вайнером, попадает даже не в третью, а в первую группу.

Со второй группой все ясно только на первый взгляд. Как свидетельствуют исследования украинских историков, среди полицейских Галиции, до сих пор считающейся самой антисоветской областью Украины, сознательных врагов советской власти было лишь около трети, тогда как до 40% служащих действовали под давлением иных обстоятельств²⁹. Схожая ситуация была и на территории рейхскомиссариата «Украина»³⁰. Так, среди 33 человек, вступивших в организованную в Золотоноше в начале декабря 1941 г. украинскую казачью сотню, к идейным врагам большевиков можно отнести только семерых – двух участников «украинской революции» 1917-1922 гг. и пятерых раскулаченных/репрессированных³¹ (то есть лишь 20% от общего числа добровольцев).

Стремление к сотрудничеству со стороны местных жителей в рамках охранно-полицейских структур имело для немецких властей и обратную сторону. Учи-

втором случае инициатива сотрудничества не всегда встречала изначальную расположенность нацистов.

²⁶ Weiner A. *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton, 2001. P. 184-185.

²⁷ Куликов В.Я. *Оккупация Винницы (18.07.1941-20.03.1944): свидетельство очевидца*. К., 2012. С. 132.

²⁸ Friedrich. *Kollaboration in der Ukraine...* P. 187.

²⁹ Клименко О.О., Ткачов С.В. *Українці в поліції в дистрикті «Галичина» (Чортківський округ): німецький окупаційний режим в південних районах Тернопільщини у 1941-1944 рр.* Харків, 2012. С. 274.

³⁰ Дерейко. *Місцеві формування...* С. 84.

³¹ Там же. С. 44.

тывая общую направленность этно-демографической политики нацистов на оккупированной территории, коллаборационизм местных жителей приносил весьма относительные и не всегда долговременные материальные блага³². Очевидно, те, кто пошел на сотрудничество с немцами, стремились как можно больше выжать из своего положения. Служащие украинской вспомогательной милиции³³ – те самые «полицаи» из советских фильмов – воровали на производстве, которое охраняли, и затем выменивали продукцию, делали фальшивые накладные на получение дефицитного товара, вымогали выкуп у задержанных евреев³⁴. Часть набранных милиционеров в итоге пришлось удалить из-за драк, пьянства и совершения краж³⁵.

В другом случае бойцы местной самообороны могли действовать исключительно в интересах своей округи, не подчиняясь приказам из Ровно, столицы рейхскомиссариата³⁶. С этим явлением связан феномен Полесской сечи – крупного соединения вспомогательной милиции, действовавшего под руководством коменданта Сарненского района Тараса Боровца (Бульбы)³⁷. Именно эти формирования изначально носили название «Украинская повстанческая армия», которое впоследствии переймут вооруженные отряды ОУН(б). Бульба первоначально отказывался подчиняться немцам, подчеркивая, что он командует украинскими частями, которые считают законным правительство УНР в изгнании. В этом смысле не очень понятно, насколько такие своевольные «коллаборационисты» из местных реально были полезны немецким властям.

Вопрос имплементации действий ОУН в общую картину коллаборационизма на оккупированной территории Украины наталкивается сразу на несколько серьезных препятствий. Начать нужно с вопросов чисто юридического характера. Те кадры ОУН, которые находились в Галиции и Буковине к осени 1939 г., после «освободительного похода» Красной армии автоматически стали советскими гражданами. С этой точки зрения их коллаборационизм по идее нужно рассматривать неотрывно от аналогичного явления в других областях советской Украины. Вместе с тем, с момента присоединения регионов Западной Украины до начала немецкого вторжения прошло меньше двух лет, в связи с чем возникает вопрос, успело ли население этих территорий стать «советскими людьми». Этот

³² Дерейко. Місцеві формування... С. 43.

³³ В разных районах оккупированной Украины охранные части, сформированные из местных, именовались по-разному («полиция», «вспомогательная милиция», «самооборона»). В рамках данной статьи эти понятия являются синонимами.

³⁴ Гінда В., Дерейко І. Корупція в райхскомісаріаті «Україна»: маловивчена сторінка окупаційної дійсності // Сторінки воєнної історії України: зб. наук. статей. Вип. 14. К., 2011. С. 183; Олійник Ю.В., Завальнюк О.М. Нацистський окупаційний режим в генеральній окрузі «Волинь-Поділля» (1941-1944 рр.). Хмельницький, 2012. С. 61.

³⁵ Олійник, Завальнюк. Нацистський окупаційний режим... С. 62.

³⁶ Дерейко І. Локальний вимір партизансько-поліційного протистояння в Райхскомісаріаті «Україна»: еволюція сільських відділків поліції у 1941–1944 рр. // Сторінки воєнної історії України: зб. наукових статей. Вип. 15. К., 2012. С. 87, 95.

³⁷ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 500к, оп. 1, д. 775, л. 75.

сюжет становится еще более противоречивым, учитывая то, что в рамках ОУН новые граждане советской страны взаимодействовали и идейно солидаризировались с эмигрантами, которые никогда не являлись гражданами СССР.

Во-вторых, сотрудничество ОУН с нацистами изначально было идейным, то есть материальная составляющая или была вторичной, или вообще не играла значительной роли. Активные коллаборационисты из числа советских граждан, признавая верховенство «новой власти», стремились в изменившихся условиях к поддержанию и вероятному улучшению своего статуса. На фоне оккупационной действительности служащие вспомогательной милиции могли обеспечить себе сносное существование. Так, запорожские полицейские в июле 1942 года получали в неделю 3,5 кг хлеба, 10,5 кг картофеля и другие продукты³⁸. Было введено и денежное довольствие: дневное жалование командиров подразделений вспомогательной милиции составляло 1 рейхсмарку, рядовых бойцов – 50 рейхспфеннигов³⁹. Для сравнения, молодой квалифицированный рабочий на оккупированной территории за 11-часовой рабочий день получал около 1,5 рейхсмарок⁴⁰. По иронии расплачиваться с бойцами милиции могли не только немецкими, но и советскими деньгами⁴¹ с изображением Ленина. Служащие украинской милиции официально имели право на социальный пакет, в том числе на лечение в местных оздоровительных учреждениях при ранении, полученном за время службы. Их семьи имели право на пенсию в случае гибели кормильца. В зависимости от семейного положения, наличия детей, возраста, чина и некоторых других факторов она составляла от 17 до 80 рейхсмарок в месяц, существовали также надбавки для вдовы и детей⁴².

Со своей стороны, активисты ОУН рассматривали себя как нарождающуюся законную власть будущей Украины. В особенности это касалось «бандеровцев»: согласно инструкции, выработанной их лидером, построение украинской государственности должно было начинаться на освобожденных от «московско-большевистской оккупации» украинских землях сразу же, без промедления⁴³. Следуя за наступающими немецкими войсками, члены ОУН стремились самостоятельно легализоваться в органах оккупационной администрации⁴⁴. По данным украинских историков, более чем в 200 районах Западной и Центральной Украины были сформированы низовые органы власти ОУН, ждавшие момента

³⁸ Golczewski F. Die Kollaboration in der Ukraine // Kooperation und Verbrechen: Formen der «Kollaboration» im östlichen Europa, 1939-1945. Göttingen, 2003. P. 174.

³⁹ РГВА. Ф. 1323к, оп. 2, д. 276, л. 4 об, 25.

⁴⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р7021, оп. 148, д. 33, л. 17.

⁴¹ Медведь Н.Т. Оккупация. М., 1995. С. 28.

⁴² РГВА. Ф. 1323к, оп. 2, д. 287, л. 2 об-5; Олійник, Завальнюк. Нацистський окупаційний режим... С. 56; Дерейко. Місцеві формування... С. 87.

⁴³ Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Т. 1. С. 299.

⁴⁴ Титаренко Д.Н. Деятельность Организации украинских националистов в период нацистской оккупации на Востоке Украины (зона военной администрации): коллаборация или сопротивление? // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: роль СССР во Второй мировой войне – неизвестные и малоизученные страницы. Краснодар, 2006. С. 161.

для легализации⁴⁵. Факты говорят о том, что националисты скорее хотели использовать проявления коллаборационизма среди местных жителей в своих целях. Как указывает Юрий Радченко, структуры украинской полиции становились для членов ОУН «школой» в проведении массовых этнических чисток⁴⁶. Националисты пользовались отсутствием дисциплины среди украинских полицейских: известен случай, когда служащие Васильковской районной полиции продали агентам ОУН два пулемета⁴⁷.

Все это может говорить о том, что украинские националисты, прежде всего, члены ОУН(б), рассматривали себя именно как союзников нацистской Германии. Вместе с тем, с политико-правовой точки зрения, у украинских националистов отсутствовали те атрибуты, которые бы действительно позволили поставить их в один ряд со странам-сателлитами рейха – прежде всего, государственность и регулярная армия. Здесь мы вновь возвращаемся к проблеме статуса ОУН и обеих ее фракций, который так и не был четко определен немцами.

Насколько можно судить, немецкая сторона исходила из того, что ОУН(м) и так согласна на подчиненное положение, а ОУН(б) является небольшой группой террористов, с которой легко можно совладать. В реальности же «мельниковцы» медлили, засыпая Берлин меморандумами и ожидая хотя бы словесной поддержки, тогда как «бандеровцы» сразу же стали проводить свою линию, ни на кого не оглядываясь. Неловкость ситуации обнаружилась очень быстро. Как можно видеть, изначально в Берлине планировали использовать ОУН(б) в подчиненном положении, однако «бандеровцы» видели себя исключительно в роли союзников Германии. Вероятно, в изменившихся условиях немецкая сторона и хотела видеть ОУН(м) своим союзником, однако «мельниковцы» могли предложить себя только в роли зависимых коллаборантов.

«Странные» союзники

Вторая мировая война породила ряд коллизий, дотоле неведомых европейскому и мировому праву. Одной из них была «странная война». Так характеризовалось положение на Западном фронте с сентября 1939 по апрель 1940 гг., когда Германия и ее противники – Великобритания и Франция, – находясь в состоянии войны, практически не вели боевых действий. За полгода до начала этих событий, весной 1939 г., на карте Европы появился «протекторат Богемии и Моравии», созданный из остатков бывшей Чехословакии. Данный термин впервые был

⁴⁵ Олійник, Завальнюк. Нацистський окупаційний режим... С. 44-46.

⁴⁶ Радченко Ю. «Ukrainische Hilfspolizei» и Холокост на территории генерал-бецирка Чернигов, 1941–1943 гг. // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2013. № 1. С. 299.

⁴⁷ Гінда, Дерейко. Корупція в райхскомісаріаті «Україна». С. 181.

применен к европейским реалиям – до этого так именовались только колониальные владения.

Взаимоотношения нацистов и украинских националистов в 1941-1943 гг. по праву могут занять свое место в этом ряду. Их взаимодействие на оккупированной Украине не укладывается в рамки традиционной категоризации коллаборационизма. При этом его, в силу обозначенных причин, нельзя называть и союзничеством. По сути это было некое ситуативное сотрудничество, которое в итоге оказалось не слишком продуктивным ни для одной, ни для другой стороны. Достаточно быстро между немцами и ОУН(б) возникло взаимное недоверие. Тем не менее, немецкая сторона продолжала контактировать с «бандеровцами», тогда как деятельность более слабой ОУН(м) была силовым методом сведена Берлином на нет. Между этими событиями, которые достигли своего пика летом-осенью 1942 г., и вступлением украинских националистов на советскую территорию был целый год. В течение этого года целый ряд акторов, включая различные немецкие структуры и группы украинских националистов, пытался реализовать каждый свою программу, периодически блокируясь или сталкиваясь с другими.

По словам Гжегожа Россолинского, «за свои услуги» ОУН(б) ожидала в качестве политического вознаграждения организацию украинского государства⁴⁸, а «хорошо продуманная программа действий» в рамках «украинской национальной революции» в итоге не осуществилась просто потому, что «ОУН(б) оказалась неспособна убедить нацистское руководство согласиться с ней»⁴⁹. Здесь я позволю себе решительно не согласиться с коллегой. Рассматривая действия сторонников Бандеры, можно заметить, что с политической точки зрения это была смесь идеализма и ничем не подкрепленных амбиций. Здесь важно как раз то, что Бандера не собирался никого ни в чем убеждать. Безотносительно немецких гарантий и собственных возможностей у лидеров ОУН(б) существовало твердое намерение основать свое государство. Это проистекает как из довоенной инструкции Бандеры, так и из имплицитного стремления украинских националистов стать полноценной стороной конфликта, что было невозможно без государственности и вооруженных сил. Не исключено, что намерением украинских националистов было вообще желание стать, без объективных на то предпосылок, некой «третьей силой»⁵⁰.

Идеологическое сходство программ НСДАП и ОУН придавало Бандере уверенности в том, что нацисты в таком случае смогут рассматривать его в качестве полноправного союзника рейха в борьбе против большевиков. Это сразу нашло отражение и на символическом уровне: в пропагандистской риторике ОУН(б)

⁴⁸ Rossoliński-Liebe. The «Ukrainian National Revolution» of 1941. P. 91.

⁴⁹ Ibid. P. 113.

⁵⁰ Титаренко. Деятельность Организации украинских националистов в период нацистской оккупации на Востоке Украины. С. 169.

Гитлер и Бандера фигурировали на одном уровне⁵¹, учитывая, что в реальности они, конечно, были несопоставимы. В этой связи неудивительно, что первым же политическим актом радикального крыла ОУН стало провозглашение государства 30 июня 1941 г. Премьер-министром образованного в тот же день правительства стал заместитель Бандеры – Ярослав Стецько.

Как следует из документов, для немецкого руководства образование украинского правительства стало полной неожиданностью. Так, эксперт МИД по делам России Георг Гросскопф писал министру Риббентропу, что «самовольное предприятие тщеславной группы Бандеры» стало сюрпризом для немецкой администрации⁵². Правительство Стецько, между тем, не теряло времени и перешло ко второй фазе, призванной институализировать сотрудничество ОУН(б) и немцев, а именно к созданию собственных вооруженных сил. Уже в конце июня 1941 г. ОУН начала организовывать местную народную милицию⁵³. По данным украинских историков, в начале оккупации ОУН(б) удалось укомплектовать ее на 100% своими кадрами⁵⁴. Кроме того, референтам «бандеровских» походных групп поручалось сформировать в населенных пунктах национальные военные гарнизоны для создания в дальнейшем украинской народной революционной армии⁵⁵. Как говорилось в довоенной инструкции Бандеры, ее основой должны были стать в том числе «украинские части» Красной армии⁵⁶.

Как уже было сказано, различные участники событий на оккупированной территории стремились продвинуть каждый свою адженду. Это вызывало к жизни ряд процессов, которые могли идти параллельно, пересекаться, продолжаться или дополнять друг друга. Важно в этом отношении то, что каждая сторона могла наделять одни и те же события собственным смыслом. В данной связи показателен случай Львова, который 30 июня 1941 г. был занят немецкими войсками. Вошедшие в город вместе с ними отряды украинских националистов начали ужасающий еврейский погром, бушевавший во Львове всю следующую неделю. Как отмечает немецкий историк Ханнес Хеер, части вермахта и полевой жандармерии были не против, чтобы украинские боевики выполнили эту «грязную работу», тогда как сами только координировали ее, например, в ходе заключения евреев в тюрьмы или их сортировке⁵⁷. Таким образом, в глазах немцев украинские националисты были добровольными инициативными помощниками.

⁵¹ Heer H. Einübung in den Holocaust: Lemberg Juni/Juli 1941 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 2001. № 5. P. 417.

⁵² Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918-1945. Serie D. Bd. XIII.1. Göttingen, 1970. P. 167.

⁵³ Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Т. 1. С. 331.

⁵⁴ Олійник, Завальнюк. Нацистський окупаційний режим... С. 57.

⁵⁵ Дерейко. Локальний вимір партизансько-поліційного протистояння в Райхскомісаріаті «Україна». С. 89.

⁵⁶ Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Т. 1. С. 298.

⁵⁷ Heer. Einübung in den Holocaust. P. 419. См. на эту тему также статью Кайя Струве в этом выпуске Форума – прим. ред.

Члены ОУН воспринимали этот погром совершенно по-другому. В их представлении провозглашение государственности, начало формирования армии и преследование евреев были частями одного большого процесса, а именно организации «украинской державы», как они ее представляли. По свидетельствам очевидцев, переживших львовские события, «как из-под земли» возникли люди с желто-голубыми повязками, которые стали наводить свой «порядок»⁵⁸. Впоследствии, по мере продвижения немецких войск по Украине, вооруженные отряды ОУН оказывали им помощь в борьбе с оставшимся на оккупированной территории советским активом⁵⁹.

Названные сюжеты призваны проиллюстрировать как раз те случаи, когда происходило совпадение изначальных намерений нацистов и ОУН. Однако так было далеко не всегда. Армейское командование, которое изначально поддерживало самоорганизацию украинцев, прибывших вместе с частями вермахта, после львовских событий переменяло свою точку зрения. В начале июля 1941 г. было принято решение об усилении немецкого воинского контингента для обеспечения безопасности продвижения фронтовых дивизий и организации командных пунктов «в условиях, когда во Львове орудовали тысячи украинских националистов»⁶⁰. Похожим образом поступила и гражданская администрация, потребовав от руководства ОУН(б) прекратить полномочия украинских органов государственной власти. После саботажа решения немецких властей Бандера и Стецько 5 июля 1941 г. были задержаны и переведены под домашний арест. В течение следующей недели были арестованы остальные члены несостоявшегося украинского правительства.

Вместе с тем, проблема была в том, что зона активности ОУН(б) не ограничивалась Львовом и Галицией. Вооруженные формирования украинских националистов двигались практически синхронно с наступавшим вермахтом. Так, в августе 1941 г. они уже действовали на Волыни, в сентябре – в Киеве, а к ноябрю того же года «походные группы» организации добрались и до Донбасса. Здесь немцы решили зайти с двух сторон – попытаться использовать ОУН(м) и одновременно нейтрализовать боевые части ОУН(б).

С этими сюжетами связана одна любопытная и важная для нашего исследования деталь. Десятилетия спустя, уже в эмиграции, близкий сотрудник Бандеры и один из самых известных историографов ОУН, Петр Мирчук, писал, что Мельник в действительности был лишь послушным исполнителем воли Гитлера. Как указывал автор, действия лидера ОУН(м) шли вразрез с благородным стремлением Бандеры возродить украинское государство. В данном контексте Мельник был обвинен в самом страшном преступлении – намерении передать украинскую территорию под власть Германии. В этой связи самоустранение Мельника от

⁵⁸ Heer. Einübung in den Holocaust. P. 418.

⁵⁹ Титаренко. Деятельность Организации украинских националистов в период нацистской оккупации на Востоке Украины. С. 162, 167.

⁶⁰ Heer. Einübung in den Holocaust. P. 422.

«акта 30 июня» представлялось Мирчуку логичным, а его «пылкое желание» служить Германии якобы стало для Бандеры сродни «удара ножом в спину»⁶¹.

Насколько можно видеть, в представлении «бандеровской» фракции безоговорочное следование в германском фарватере, очевидно, и было тем самым коллаборационизмом, которому противопоставлялось «союзничество» с немцами, как уже отмечалось, неизбежное в ходе войны. В инструкции Бандеры оно даже именовалось «естественным» и распространялось не только на рейх, но и вообще на те государства, которые вели «борьбу с Москвой» и не относились к Украине враждебно⁶². С точки зрения «бандеровцев», положение «мельниковцев» действительно могло показаться подчиненным. Организованные военными активистами ОУН(м) вооруженные формирования – Буковинский и Киевский курени – продолжили сотрудничать с немцами даже после того, как были слиты вместе и преобразованы во вспомогательную полицию. Подразделения же, сформированные ОУН(б), были в августе-октябре 1941 года либо распущены, либо преобразованы в подчиненные карательным немецким частям отряды или рабочие команды⁶³.

В данном случае злость Бандеры, особенно на фоне разгона львовского правительства, могла вызвать скорее политическая деятельность мельниковской фракции⁶⁴. Так, в октябре 1941 г. бургомистром Киева стал активист ОУН(м) Владимир Багазий. Тогда же в городе был организован Украинский национальный совет, ставивший своей целью координировать организацию украинских органов управления. Информационной поддержкой действий Совета занималась массовая газета *Украинское слово*. Учитывая разногласия между ОУН(м) и ОУН(б), неслучайно, что с именем лидера ОУН(б) связывается убийство в августе 1941 г. Николая Сциборского и Омеляна Сенюка, фактических представителей Мельника на оккупированной Украине.

Воодушевление «мельниковцев» и их обширные планы не могли остаться незамеченными со стороны немецкой администрации. Стабильность в тылу была особенно важна в условиях наступления вермахта на Москву в октябре-ноябре 1941 г. В этих условиях Украинский Национальный совет по распоряжению рейхскомиссара Украины Эриха Коха был расформирован. Были арестованы и в феврале 1942 г. расстреляны бургомистр Багазий, редактор *Украинского слова* Иван Рогач и другие активисты ОУН(м). Репрессии против членов фракции Мельника продолжались в течение всего 1942 г. Лишив военизированные формирования «мельниковцев» политического руководства, нацисты фактически

⁶¹ Мірчук П. Революційний змаг за УССД. Т. 1. Нью-Йорк, Торонто, 1985. С. 8-10, 36, 103.

⁶² Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Т. 1. С. 299.

⁶³ Дерейко. Локальний вимір партизансько-поліційного протистояння в Райхскомісаріаті «Україна»... С. 94.

⁶⁴ Berkhoff K.C. Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under Nazi Rule. Cambridge, Mass., 2004. P. 52.

превратили их в обыкновенных коллаборационистов, наподобие тех, которые были выходцами из местного населения.

Как представляется, та же участь ожидала и «бандеровцев». Первые аресты в среде актива ОУН(б) начались уже в начале сентября 1941 г., причем не только на украинской территории⁶⁵. В западных и центральных районах Украины вспомогательная милиция была полностью перенабрана, дабы избежать влияния на нее бандеровских активистов. На востоке она была очищена от нелояльных украинских националистов⁶⁶. Выборность была ликвидирована⁶⁷, а сами бойцы стали лишь формально подчиняться местному бургомистру, на самом деле находясь в введении отделения гестапо⁶⁸. Батальоны «Нахтигаль» и «Роланд», организованные за счет бандеровских кадров, в октябре 1941 г. были передислоцированы во Франкфурт-на-Одере. В скором времени на их базе был развернут 201-й батальон шуцманшафта (охранных подразделений)⁶⁹.

Массированный натиск немцев дезорганизовал и дезориентировал ОУН(б). Сперва «бандеровцы» не поверили в столь резкую перемену отношения своих «союзников»: так, в начале октября 1941 г. в политическом отношении было решено не вступать с немцами в конфликт и не вести открытой антинемецкой пропаганды⁷⁰. Тем не менее, перспектива стать расходным материалом в руках нацистов не просто не прельщала «бандеровцев», а противоречила всей политической концепции ОУН(б). В начале 1942 г. в Виннице появились листовки ОУН, в которых Германия именовалась «вечным врагом» Украины⁷¹. В апреле того же года на 2-ой конференции организации Германия и вовсе была признана «оккупантом» Украины⁷².

Немецкая сторона не оставалась в долгу: уже к маю 1942 г. все активисты ОУН(б), несогласные с линией рейха, фигурировали в официальных документах как представители «нелегального движения»⁷³. Началось наступление и на украинскую символику. Так, организованные ранее вспомогательные вооруженные подразделения за принесение присяги на верность Украине под желто-голубым

⁶⁵ Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія: історичні нариси. К., 2005. С. 91.

⁶⁶ Радченко. «Ukrainische Hilfspolizei» и Холокост на территории генерал-бецирка Чернигов, 1941–1943 гг. С. 304.

⁶⁷ Дерейко. Локальний вимір партизансько-поліційного протистояння в Райхскомісаріаті «Україна»... С. 95.

⁶⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17, оп. 125, д. 172, л. 13.

⁶⁹ Мотыка Г. От волынской резни до операции «Висла»: польско-украинский конфликт 1943–1947. М., 2014. С. 41.

⁷⁰ Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. С. 92.

⁷¹ Weiner. Making Sense of War. P. 165.

⁷² Титаренко. Деятельность Организации украинских националистов в период нацистской оккупации на Востоке Украины. С. 167.

⁷³ РГВА. Ф. 500к, оп. 1, д. 775, л. 71.

флагом расформировывались⁷⁴, а к концу 1942 г. украинская атрибутика исчезла на всей территории рейхскомиссариата⁷⁵.

К этому времени «бандеровская» фракция ОУН находилась в весьма сложной ситуации. Бандера и Стецько находились под арестом, политические активисты преследовались и уничтожались немцами. Боевые кадры батальонов «Нахтигалья» и «Роланда» до самого конца 1942 г. находились в Белоруссии и по сути превратились в коллаборационистов, участвуя в карательных и антипартизанских акциях. ОУН(б) раздирали внутренние противоречия относительно того, какую позицию теперь должна занять организация по отношению к рейху. Ответ на этот вопрос неожиданно дали события на советско-германском фронте.

Соучастники преступлений или сопротивленцы?

Наступление германских войск в ходе летней кампании 1942 г. на Востоке, вопреки расчетам главного командования вермахта, не принесло решающей победы. Затяжная Сталинградская битва окончилась для Германии тяжелым поражением в феврале 1943 г. Стратегическое преимущество Красной армии было закреплено в результате успешных сражений под Курском в июле 1943 г. Уже через месяц, после взятия Харькова, советские войска были готовы широким фронтом перейти в наступление в Украине.

Еще до летних боев у политического руководства ОУН(б) возникла иллюзия скорого поражения Германии. В рамках этих представлений место главных врагов будущей Украины должны были занять СССР или Польша, или же обе страны сразу. В этой связи член главного совета ОУН(б) Михаил Степаняк, претендовавший на лидерство в организации, предлагал поднять восстание против Германии с целью овладеть Украиной до прихода Красной армии. Как предполагалось, это должно было послужить углублению конфликта между западными союзниками и Советским Союзом и, возможно, перерасти в войну уже между ними⁷⁶. Подобный пересмотр отношения к немцам имел не только сугубо военные причины. Реалии двух лет нацистской оккупации и приток в ряды ОУН представителей нового поколения, в том числе выходцев из советской Украины, привел к мировоззренческому сдвигу в рядах организации⁷⁷, которую приходилось адаптировать к новым условиям.

Предложение Степаняка и поддержавшего его формального (вместо арестованного Бандеры) руководителя ОУН(б) Николая Лебеда натолкнулось на пози-

⁷⁴ Дерейко. Локальний вимір партизансько-поліційного протистояння в Райхскомісаріаті «Україна»... С. 90-91.

⁷⁵ Berkhoff. Harvest of Despair. P. 53.

⁷⁶ Мотыка. От волынской резни до операции «Висла». С. 62.

⁷⁷ Примаченко. Эволюция национального вопроса в идеологии ОУН(б) в годы Второй мировой войны. С. 396-397.

цию Романа Шухевича, признанного лидера военного крыла организации. В представлении Шухевича главным противником независимой Украины являлся Советский Союз, тогда как столкновения с немцами должны были происходить в рамках неизбежной «самообороны». На 3-ем Чрезвычайном Большом собрании ОУН(б), прошедшем в августе 1943 г., в определенной форме произошло сочетание элементов обеих платформ. С одной стороны, должен был произойти отказ от этнического подхода к «украинской державе», декларировалась надпартийность ОУН. Наряду с этим, была озвучена концепция «борьбы с двумя империализмами», германским и советским, между которыми оказалась Украина. Для ведения боевых действий с весны 1943 г. под командованием Шухевича и Дмитрия Клячковского из партизанских отрядов начала формироваться Украинская повстанческая армия (УПА). Ее бойцы достаточно быстро, за лето-осень 1943 г., сумели подавить своих «конкурентов» – отряды ОУН(м) и «бульбовцев».

Набирая силу, УПА заметно отклонялась от предписаний Большого собрания. Что касается первых двух пунктов, то они оказались скорее формальностью, чем действующим правилом. По словам украинского историка Игоря Илюшина, имеющихся документов достаточно, чтобы в целом представить себе масштаб антипольских акций ОУН-УПА на Волыни⁷⁸. Проблема участия украинских националистов в Холокосте также нашла отражение в литературе⁷⁹. По-прежнему имела заметное влияние и политическая компонента: так, «бандеровцы» не считали своим союзником Боровца, хотя он так же видел врагов и в «бешеном гестапо», и в «московских опричниках»⁸⁰.

Что касается третьего пункта, то, как указывает Анатолий Кентий, изначально действия УПА были скорее «формой самообороны украинского населения» на оккупированной территории, и она не стремилась вступать в открытые столкновения с превосходящими силами немцев. Железные дороги, войсковые комендантуры и сосредоточения боевой техники оставались «за рамками внимания» повстанцев⁸¹. По замечанию Гжегога Мотыки, ОУН(б) по очевидным причинам не была заинтересована в ослаблении вермахта, воевавшего против СССР⁸².

Таким образом, мы можем видеть целый ряд разнообразной активности украинских националистов (прежде всего, бандеровской фракции ОУН) в течение двух первых лет войны на Востоке. У нас перед глазами есть примеры специфических квазисоюзнических отношений между украинскими националистами и нацистами в течение двух летних месяцев (конец июня – конец августа) 1941 г. С

⁷⁸ Ілюшин І.І. Волинська трагедія 1943-1944 рр. К., 2003. С. 196.

⁷⁹ На эту тему, см. работы Джона-Пола Химки, Пера Рудлинга, а также последнюю книгу Кайя Струве *Германское владычество, украинский национализм, насилие против евреев*: Struve K. Deutsche Herrschaft, ukrainischer Nationalismus, antijüdische Gewalt: Der Sommer 1941 in der Westukraine. München, 2015.

⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 69, оп. 1, д. 578, л. 17 об.

⁸¹ Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія: історичні нариси. С. 183-184.

⁸² Мотыка. От волынской резни до операции «Висла». С. 64.

другой стороны, нельзя отрицать более длительный по времени период их коллаборационизма (годовая служба «бандеровцев» в рядах 201-го батальона шуцманшафта с декабря 1941 по декабрь 1942 гг.). На категоризацию действий украинских националистов на оккупированной территории заметно влияет раскол ОУН. Так, при рассмотрении действий конкретного подразделения приходится уточнять, к какой фракции какого периода времени оно относилось. Это существенно затрудняет создание общей картины активности членов организации.

Наиболее сложным представляется соотнесение двух сторон, сотрудничавших с нацистами, – ОУН и советских коллаборационистов из числа местных жителей. Здесь были возможны самые разные варианты и комбинации. К примеру, эмиссары ОУН(б) могли идейно мобилизовать вспомогательную милицию в каком-то районе. Ее участие в карательных акциях против евреев может одновременно трактоваться и как коллаборационизм по отношению к немцам, и как часть стратегии ОУН по организации «украинской державы». С другой стороны, аполитичные полицаи (а таковыми они были, как показывают исследования, в 70-80% случаев) могли сами себя рассматривать как сотрудников немцев, однако немецкая администрация, под влиянием своеволия ОУН, в свою очередь могла «отказаться» от их услуг путем расформирования отряда.

Как указывает немецкий историк Гюнтер Фридрих, взаимоотношения немцев и коллаборационистов – как «идейных», так и «вынужденных» – носили взаимно прагматичный характер⁸³. Это соотносится с замечанием Гжегожа Россолинского о том, что неудачная попытка ОУН(б) получить поддержку собственного государственного проекта от нацистов не означала, что «бандеровцы» действовали против них в ходе «украинской национальной революции»⁸⁴. Тем не менее, у этого прагматичного подхода быстро выявилась обратная сторона. Первоначальные контрагенты – нацисты и украинские националисты – на практике фактически перешли к ситуативному сотрудничеству. Коллаборационисты из числа советских граждан стремились скорее к укреплению и поддержанию своего статуса в сложившейся ситуации неопределенности, чем к действительному участию в реализации программы, предусмотренной нацистами. Оккупационная администрация достаточно быстро осознала, что не может положиться ни на одних, ни на других. В этом смысле можно говорить о том, что по-своему просчитались все участники процесса.

⁸³ Friedrich. *Kollaboration in der Ukraine...* P. 71.

⁸⁴ Rossoliński-Liebe. *The «Ukrainian National Revolution» of 1941.* P. 90.

Заключения

Настоящая статья ставит больше вопросов, чем дает ответов. При сложности поднятой темы, с одной стороны, это неудивительно. С научной точки зрения строгая классификация взаимодействия нацистов с украинскими националистами и коллаборационистами из числа местных жителей на оккупированной Украине представляется крайне проблематичной. Это связано с тем, что исследуемые процессы просто отказываются ложиться в рамки удобных и понятных концепций. Вместо этого они пересекаются, перетекают друг в друга, расходятся, чтобы затем снова сойтись.

Вероятно, подобная сложность подтолкнула советскую историографию, что называется, «рубить с плеча», расценивая коллаборационистов из числа украинских граждан как некую единую массу предателей. При этом, как убедительно показал Амир Вайнер, в реальности советские следственные органы разбирали каждое отдельное дело о вероятном «пособничестве оккупантам». Те же, кто принадлежал к ОУН и УПА, в свою очередь, всегда выделялись в отдельную категорию – «украинские буржуазные националисты» и априори рассматривались как орудие «гитлеровцев».

Изучение событий оккупации украинскими историками уже после распада СССР столкнулось с аналогичной проблемой категоризации действий украинских националистов, поскольку, как уже говорилось, не все моменты можно было трактовать как коллаборационизм. Для изучения активности ОУН-УПА в годы войны еще в 1997 г. указом президента Кучмы была организована целая правительственная комиссия. Ее работа так же стала предметом дискуссий – в частности, речь шла об уже упомянутых сюжетах сотрудничества УПА с немцами и объемах нанесенного ей реального урона.

С другой стороны, проблема нацистроительства в постсоветской Украине вернула в общество сохранявшийся в диаспоральной традиции нарратив об украинцах «между двумя империализмами/тоталитаризмами». Его ценность для националистов заключается в том, что он позволял тогда и позволяет сейчас сглаживать все перечисленные противоречия. Это касается не только сложности дефиниции понятий «союзник/коллаборант» применительно к оккупации Украины. В нем спокойно уживаются ультранационалистический лозунг «нація понад усе» и характеристика действий УПА как «движения сопротивления» (рух опору) тем, чьи идеи не сильно отличались от таких лозунгов.

Здесь мы возвращаемся к тому, с чего началась эта статья, – к топосу «Героев, Сражавшихся за Украину». Речь здесь идет исключительно об ОУН(б) ввиду того, что только «бандеровцы» стояли, согласно этому топосу, за подлинные интересы «украинской державы» и только они могут, таким образом, репрезентировать «рух опору». Как можно видеть, действия ОУН(м) и других украинских политических сил не находят здесь отражения – по разным причинам они были

стигматизированы или как «оппортунисты», пособничавшие немцам, или как идейно чуждые озвученному принципу «украинской нации». Именно поэтому звание Героя Украины получили Бандера и Шухевич, а не «предатель» Мельник и даже не Коновалец, занимавшийся своего рода «подготовительной работой».

Не менее важный сюжет связан с тем, что идея борьбы «с врагами Украины» фактически призвана легитимировать любые действия ОУН(б) и УПА как во время оккупации Украины, так и после ее окончания. В этом смысле вопрос категоризации украинских националистов как союзников или коллаборантов нацистов отходит на задний план, тогда как вперед уже выдвигается проблема исследования их самоценных преступлений на оккупированной территории.

Юрий Радченко

Дневник нацистского идеолога и бюрократа Альфреда Розенберга: Холокост и «восточная политика» Третьего Рейха*

Дневники и личные записки, в том числе мемуарного характера, различных политических деятелей всегда привлекали историков, и исследователи Второй мировой войны – не исключение (так, огромный интерес вызывают ежедневные записки министра пропаганды и просвещения нацистской Германии Йозефа Геббельса). В послевоенный период многие нацисты, которым удалось избежать смертной казни, а часто и вообще какого-либо длительного тюремного срока, писали мемуары. Во второй половине 1950-х-1960-х гг. в Западной Германии наблюдался своего рода бум публикаций и спроса на мемуары деятелей Третьего Рейха. К примеру, бывший министр вооружений нацистской Германии после выхода из тюрьмы сделал состояние на издании своих воспоминаний и тюремных дневников¹. Спрос на дневники даже стимулировал появление фальшивок. К примеру, известен скандал с публикацией фальшивых «дневников Гитлера» в 1980-е годы, который стоил репутации историку Хью Тревору-Роперу (Hugh Trevor-Roper)².

Несмотря на то, что дневник министра оккупированных восточных территорий и одного из главных идеологов германского национал-социализма Альфреда Розенберга был известен еще со времен Нюрнбергского процесса и частично публиковался в 1956 и 1964 годах³, в полном объеме он был опубликован только в 2015 году, и сразу на двух языках – немецком и русском. Немецкую версию издали специалисты из Института современной истории (Мюнхен) и Мемориального музея Холокоста (США) – Франк Байор (Frank Bajohr) и Юрген Маттхойс

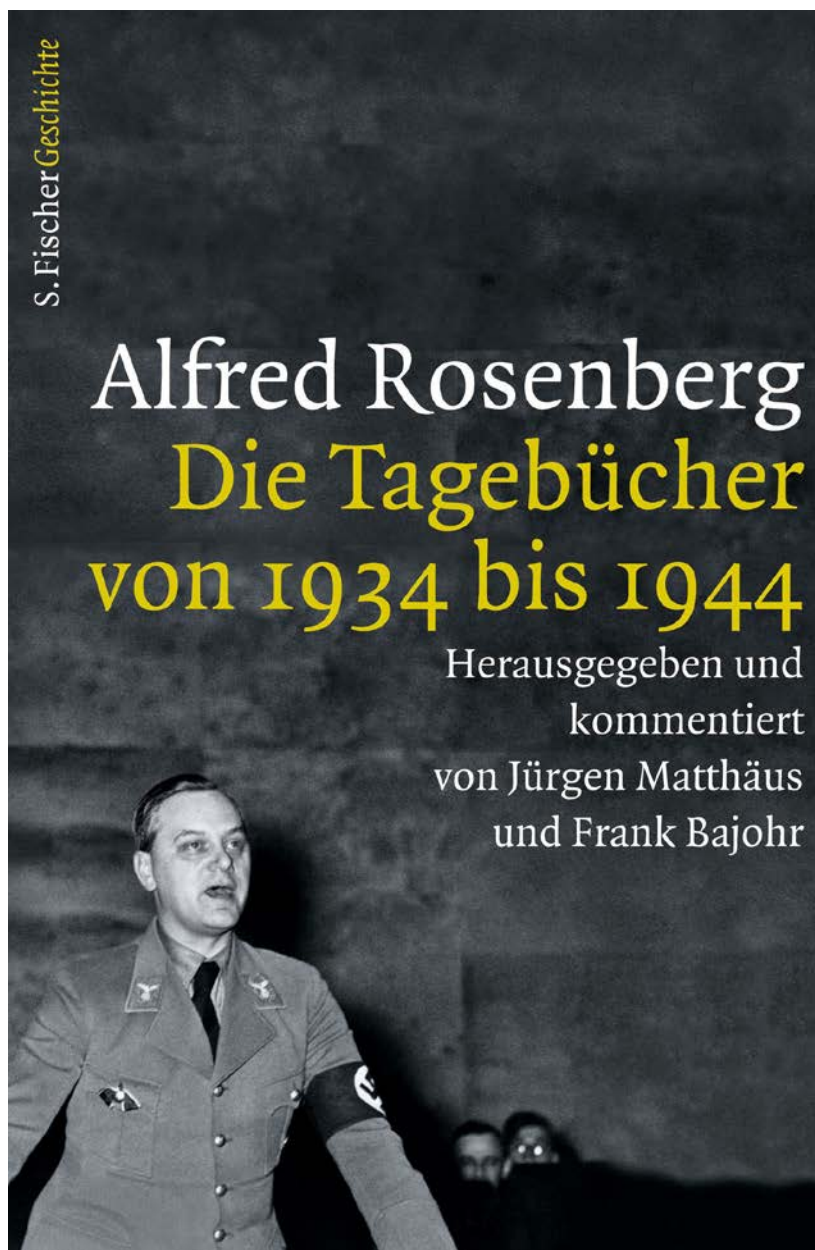
* Впервые статья была опубликована в журнале *Ab Imperio* (2016. № 1). Она написана в рамках исследовательского проекта, поддержанного: L. Dennis and Susan R. Shapiro Fellowship (Center for Advanced Holocaust Studies, United States Holocaust Memorial Museum); European Holocaust Research Infrastructure Fellowship (Zentrum für Holocaust-Studien, Institut für Zeitgeschichte, Munich, Germany); DAAD Fellowship; Petro Jacyk Visiting Fellowship and The Anne Tanenbaum Centre for Jewish Studies (CJS) Visiting Fellowship at University of Toronto; стипендия Немецкого исторического института в Варшаве; Yahad In Unum Fellowship. Печатается с некоторыми изменениями – прим. ред.

¹ Speer A. *Erinnerungen*. Berlin, 2005; Speer A. *Spandauer Tagebücher*. Frankfurt am Main, 1978.

² Rentschler E. *The Fascination of a Fake: The Hitler's Diaries // New German Critique*. 2003. Vol. 90. P. 177-192.

³ Rosenberg A. *Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs, aus den Jahren 1934-35 und 1939-40: Nach der photographischen Wiedergabe der Handschrift aus den Nürnberger Akten / Ed. H.G. Seraphim*. Göttingen, 1956; *Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs, 1934-35 und 1939-40*. München, 1964.

(Jürgen Matthäus)⁴; русскую – московский фонд «Историческая память»⁵. Немецко-американское издание книги имеет большое предисловие и несколько вступительных статей, в которых изложена биография Розенберга, информация о его участии в Холокосте и влиянии на оккупационную политику в СССР.

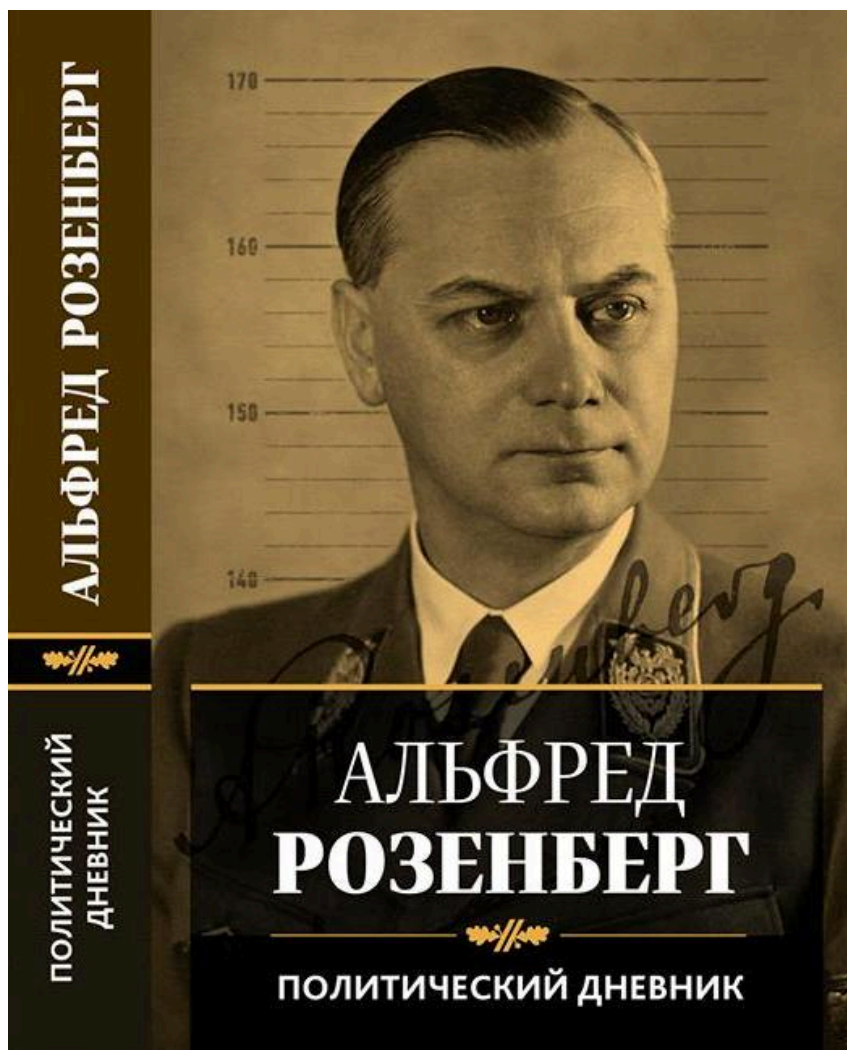

В этом издании, в отличие от российского варианта книги, содержится большее число малоизвестных фотографий, собранных из разных архивов. Немецкие и американские исследователи, которые готовили публикацию дневника, снабдили его приложением, в которое включили много новых, малоизвестных докумен-

⁴ Alfred Rosenberg: Die Tagebücher von 1934 bis 1944 / Ed. J. Matthäus, F. Bajohr. Frankfurt am Main, 2015.

⁵ Политический дневник Альфреда Розенберга, 1934-1944 гг. / Под ред. И. Петрова. М., 2015.

тов, посвященных деятельности Розенберга в 1920–1940-е годы. Российские издатели ограничились двумя короткими вступительными статьями и комментариями, о которых речь пойдет ниже. Кроме того, российские публикаторы не включили в текст опубликованного источника отрывки из дневника, которые в оригинале были зачеркнуты Розенбергом (чаще всего – отдельные слова).

Ценность записок Розенберга заключается не только в том, что они проливают свет на многие аспекты политики Третьего Рейха. Главное – перед нами личное восприятие одного из главных идеологов нацизма, что отмечается и в появившихся довольно скоро после выхода немецкого издания рецензиях⁶. Какой Розенберг видел «восточную политику»? Чем отличался его подход от видения Гитлера и других лидеров Третьего Рейха? Каковым было мнение Розенберга о разных народах Европы и Азии? Что он писал о Холокосте? В этой статье я постараюсь ответить на эти и другие вопросы.

⁶ Théofilakis F. La publication des journaux d'Alfred Rosenberg: Entretien avec Jürgen Matthäus // Revue d'histoire de la Shoah. 2015. Vol. 2003. P. 361-370.

«Украинский вопрос»

В дневнике Розенберг очень часто касается украинской проблематики. Из записей видно, что интерес к ней возрастает по мере того, как «украинский фактор» начинает играть роль во внешней политике нацистской Германии. Одно из первых упоминаний «украинского вопроса» мы находим в записи от 18 декабря 1938 года, в момент, когда после подписания Мюнхенского соглашения и оккупации нацистами Судетской области Гитлер готовил полное уничтожение Чехословакии. Факторы немецкого (в Судетах), словацкого и украинского национализма играли в его планах важную роль. В Германии активно обсуждалось создание лояльного нацистам украинского государства на территории Закарпатья. В дневнике Розенберг говорит о себе как о «главном специалисте» в «украинских делах»; его раздражают те, кто занимается этим вопросом, хотя «абсолютно не разбирается» в нем: «Украинский вопрос занимает теперь умы всех политиков; каждый полагает, что разбирается в нем. Причем те, кто до недавнего времени не подозревал о его существовании, держатся так, словно изучили его вдоль и поперек – в их числе господин ф[он] Р[иббентроп]» (С. 180, Р. 265).

Из дневника следует, что эмиссары правительства Августина Волошина и ОУН в Закарпатье (в том числе, Рико Ярый) посещали МИД Германии и структуры Розенберга со своими проектами создания независимого украинского государства на территории Закарпатья. Иногда Розенберг игнорировал этих украинских эмиссаров, перепоручая общение с ними своим заместителям. В той же записи он сообщает: «Три укр[аинских] министра из Карпато-У[краины] побывали в моем ведомстве. Я не захотел их принимать. Они были у д[октора] Л[ейббрандта] и попросили передать мне благодарность от своего имени и от имени укр[аинского] народа, так как именно я указал Европе на укр[аинский] народ» (С. 181, Р. 266).

Дневник Розенберга показывает, что в это время «украинскими делами» интересовались и в фашистской Италии: «Д[октор] Л[ейббранд] представил отчет о поездке в Рим: Италия также наблюдает за Украиной. Старый д[октор] Инсабато по-прежнему активен и склоняет Муссолини защитить карпато-у[краинцев] от притязаний венгров, которые, заручившись нашей поддержкой, решили, что смогут вернуть себе былое господство над прочими народами» (Там же).

Как известно, в марте 1939 года Гитлер дал возможность армии Венгрии оккупировать провозгласившую независимость Карпатскую Украину. Розенбергу, как свидетельствует дневник, это решение не понравилось, он рассматривал это как своего рода «предательство», тем более что сторонники независимости Карпатской Украины в конце 1938 – марте 1939 г. всюду декларировали лояльность нацистской Германии. Близкая к ОУН украинская эмиграционная газета *Дальний Восток*, которая выходила в Харбине и активно поддерживала правительство Августина Волошина, 20 октября 1938 года, после подписания Мюнхенских со-

глашений, опубликовала статью, где приводилась выдержка из выступления Гитлера 26 сентября 1938 года: «Я сочувствую судьбе словаков, поляков, венгров и украинцев. Конечно, я являюсь выразителем судьбы немцев». В этой публикации подчеркивалось, что «украинцы воспринимают заявление Гитлера о том, что он сочувствует их судьбе, с огромным моральным удовлетворением»⁷. Евреи, пережившие войну и Холокост на Закарпатье, вспоминают, что солдаты «Карпатской Сечи» – фактически, вооруженных сил Карпатской Украины, составляли еврейские «черные списки», избивали и выгоняли евреев из их домов, грабили и облагали высокими налогами еврейских бизнесменов⁸.

Несмотря на типологическую и идеологическую близость, Розенберг относился к ОУН негативно. Заявления руководства Карпатской Украины и командования «Карпатской Сечи» о том, что они действуют от имени Германии, он считал «бесцеремонными»: «... когда К[арпато]-Укр[аина] была принесена в жертву, мы оказались предателями, так как представители ОУН выдавали себя там за наших представителей и делали все обещания от нашего имени. Сыграла свою роль и пропаганда в пользу ОУН на венском радио. Теперь украинцы настроены против нас. В ответ я даю указание в статье по укр[аинскому] вопросу установить вину ОУН, что соответствует действительности, поскольку данная группа действовала бесцеремонно и т.д.» (С. 189, Р. 275-276).

Интерес Розенберга к «украинскому вопросу» вновь вырос в период подготовки нацистской Германией нападения на СССР в 1941 году и не ослабевал до конца войны. После очередного совещания с Гитлером в марте 1941 года Розенберг сделал вывод, что у руководства имеется общая позиция по отношению к Украине. 28 марта 1941 года он записывает: «Я уже слышу рассуждения (от Гитлера – Ю.Р.) о том, что следует думать об экономике "без идеологии", я думаю, укр[аинский] вопрос может быть решен только ясной и четкой установкой: против москвитов и евреев. Эти лозунги имеют двухсотлетнюю историю, и *сейчас* они могут быть претворены в жизнь» (С. 286, Р. 276).

Показательно, что в российской версии книги после этой цитаты стоит примечание сотрудников фонда «Историческая память» (возможно, директора фонда Александра Дюкова), в котором сообщается, что через несколько дней после того, как была сделана запись, в Кракове прошел «II Великий съезд (!) ОУН», «постановления которого были оперативно переведены на немецкий язык и направлены руководству Третьего Рейха». Авторы примечания справедливо отмечают, что программа, принятая на Втором Великом Сборе ОУН(б) в апреле 1941 года, имела резко антирусскую и антисемитскую направленность. Но само примечание – явная попытка однозначно привязать ОУН под руководством Степана Бан-

⁷ Гитлер: «Я співчуваю долі Словаків, Поляків, Мадярів і Українців» // Далекий Схід. 1938. № 15. 20 жовтня. С. 4-5.

⁸ Косаківський М. З недавнього минулого // Наше Слово. 1977. № 5. С. 69-70; Segal R. Imported Violence: Carpatho-Ruthenians and Jews in Carpatho-Ukraine, October 1938 – March 1939 // Polin: Studies in Polish Jewry. 2014. Vol. 26. P. 326.

деры к структурам Альфреда Розенберга. Конечно, невозможно отрицать факт сотрудничества ОУН(б) с нацистской Германией, как и ксенофобский характер ее идеологии, но буквальная связка «ОУН(б) – Розенберг» выглядит идеологической натяжкой. Как уже говорилось выше, Розенберг довольно прохладно отзывался об ОУН. Записи в дневнике свидетельствуют, что он испытывал уважение и финансировал гетмана Павла Скоропадского (С. 286, 299; Р. 379), а также эмиграционного украинского казацкого деятеля Ивана Полтавця-Остряницу (С. 299; Р. 379). Известно также, что министерство Розенберга финансировало президента УНР в изгнании Андрея Левицкого⁹.

В то же время, бандеровская пропаганда, по крайней мере, в 1943 году, создавала крайне нелицеприятный образ министра оккупированных восточных территорий и часто отождествляла его с рейхскомиссаром Украины Кохом. Так, например, одна из газет УПА – *Свободная Украина* – в сентябре 1943 года сообщала, что Розенберг и Кох планируют конфискации урожая в Украине с целью организации там голода¹⁰. В нескольких случаях Розенберг высказывается в дневнике в поддержку репрессий Коха против членов ОУН, старавшихся проникнуть в органы власти оккупированной нацистами Украины. В записи от 21 ноября 1942 года Розенберг сообщает об отмене указа рейхскомиссара Украины о закрытии «всех школ и институтов», но вместе с тем сетует на то, что в Киеве «...тамошний медицинский институт раздулся до 2000 "учащихся". Большею частью националисты из Лемберга (Львова – Ю.Р.), которые не работают, а занимаются другими делами. Кох хочет снова продемонстрировать "сильную руку"» (С. 364, Р. 462).

Также негативно Розенберг относился к участию украинских националистов, чаще всего – членов ОУН(м), в пропагандистской работе. 16 октября 1942 года он ругал в дневнике «украинских писателей» – авторов «неудачной» брошюры для солдат Вермахта: «Я указывал д[октору] Л[ейббрандту] на совершенно негодную брошюру о Востоке для походной библиотечки. К ней приложила руку пара укр[аинских] писателей, чтобы распространить в Вермахте сентиментальные воззрения. Два вечера мне пришлось перерабатывать ее в соответствии с предметом обсуждения» (С. 352, Р. 451).

Определенная предвзятость русского комментария к дневнику видна и в переводе текста постановлений II Великого Сбора ОУН в апреле 1941 года. Российские авторы цитируют антиеврейские пассажи в этом документе, используя украинскую галицийскую форму этнонима «жид» без перевода на русский («еврей»). Конечно, было бы странно отрицать радикальный антисемитский характер идеологии ОУН в 1941 году, особенно на фоне массы современных исследований на эту тему¹¹. Но вместе с тем историческая аккуратность требует учета того, что

⁹ Bundesarchiv Berlin (BAB). R 6/151. Bl. 0786.

¹⁰ Цьогорічні жнива та поїздка Розенберга по Україні // Вільна Україна. 1943. № 7. С. 6-7.

¹¹ См., напр.: Himka J.-P. The Organization of Ukrainian Nationalists, Ukrainian Police, and the Holocaust. Presented at the Seventh Annual Danyliw Research Seminar in Contemporary Ukrainian

в русском языке слово «жид» имеет резко негативную коннотацию, в то время как в польском и галицийском украинском языке и на Волыни (а в украинской диаспоре и сейчас) это – нейтральное обозначение «еврей». Устраняя нюансы, авторы примечания прибегают к неакадемическим приемам, чтобы подчеркнуть антисемитизм ОУН и представить его как марионетку нацистского режима.

20 июля 1941 года Розенберг составил короткий конспект того самого совещания у Гитлера 16 июля 1941 года, где руководство нацистской Германии решало судьбу Советского Союза. Он выступал на совещании как сторонник расширения культурной автономии Украины в рамках нацистского оккупационного режима: «...нужно поднять украинское историческое самосознание, поддерживать словесность, основать в Киеве украинский университет...» (С. 310; Р. 396).

Будучи реализованной, программа оккупационных властей шокировала тех украинских политиков, которые сотрудничали с Германией ради восстановления украинской государственности. Как следует из дневника, после создания дистрикта Галиция и присоединения его к Генерал-Губернаторству (1 августа 1941) Розенберг получал протесты от украинских национальных активистов. 2 августа 1941 г. он записал: «Да еще посыпались украинские докладные записки, затем протесты против присоединения Галиции к Генерал-Губернаторству. Якобы это тяжелейший удар, новый раскол, сводит на нет все дружеские чувства к немцам и т.п.» (С. 318, Р. 400).

Среди политиков, которые слали письма Розенбергу, был, к примеру, «вождь» ОУН(м) полковник Андрей Мельник. Он сообщал рейхслайтеру: «Украинские националисты, которые словом и делом отстаивали немецко-украинское сотрудничество, с возмущением воспринимают слухи про скорое включение Западной Украины в Генерал-Губернаторство. Такой план противоречит жизненным интересам и желанию украинского народа. Он означает очередную историческую несправедливость против украинского народа и делает иллюзорным великое дело фюрера, который добивается справедливой и прочной перестройки Европы на национальной основе...Сердца всех украинцев бьются не для Кракова, а для Киева»¹².

Из записей начала осени 1941 года становится ясно, что позиции Гитлера и Розенберга по «украинскому вопросу» заметно отличались. Розенберг констатировал в дневнике (1 сентября 1941 г.), что Гитлер выступает за более жесткую

Studies; Chair of Ukrainian Studies, University of Ottawa (Canada). 20-22 October 2011. http://www.academia.edu/1071550/The_Organization_of_Ukrainian_Nationalists_the_Ukrainian_Police_and_the_Holocaust; idem. The Ukrainian Insurgent Army and the Holocaust. Paper prepared for the forty-first national convention of the American Association for the Advancement of Slavic Studies. 12-15 November 2009. http://ualberta.academia.edu/JohnPaulHimka/Papers/1123498/The_Ukrainian_Insurgent_Army_UPA_and_the_Holocaust; idem. The Lviv Pogrom of 1941: The Germans, Ukrainian Nationalists, and the Carnival Crowd // Canadian Slavonic Papers. Revue Canadienne des Slavistes. 2011. Vol. LIII. №№ 2-4. P. 209-243.

¹² Головний Державний Архів Служби Безпеки України (ГДАСБУ). Ф. 12. Спр. 372. Т. 32. Арк. 411.

политику в отношении этнических украинцев: «Фюрер придерживается мнения, что если такой большой народ постоянно позволяет себя угнетать, то он не настолько ценен, чтобы быть признанным другими народами самостоятельным. Вывод: с ними следует обращаться так же, как с русскими. Эта многократно высказанная точка зрения весьма отлична от отстаиваемой мной и от принятой фюрером ранее» (С. 320, Р. 403).

Розенберг пишет, что он выступает «за признание украинских антимосковитских идей и тем самым за привлечение добровольных помощников при освоении украинской территории» (Там же). Он также сообщает, что направил Гитлеру протест против присоединения Одессы к Румынии, а также инструкцию назначенному рейхскомиссаром Украины Эриху Коху, в которой изложил свою версию решения «украинского вопроса». Интересно, что в этой записи проиллюстрированную выше позицию Гитлера он называет «сиюминутной». Он все еще надеется, что Гитлер изменит свое отношение к украинцам. «В м[оей] инструкции Коху я обобщил все основополагающие аспекты, которые представляются мне целесообразными для немецкой политики. Если не считать сиюминутных рассуждений фюрера, все разделяют мои взгляды...» (С. 321, Р. 404).

Через месяц оснований для подобных надежд не осталось: Гитлер категорически отказался принять «мягкий» курс в отношении украинцев. На одном из совещаний руководитель Третьего Рейха высказал идею о том, что даже зависимая от Германии Украина может стать в перспективе врагом: «...возможный план создания независимой Украины со всеми культурными и государственными следствиями из него – в сущности положен под сукно. Фюрер опасается, что мы можем взрастить *врага*. Эту точку зрения поддерживают суждения Антонеску и докладная записка, представляющая Украину ядром будущего общероссийского сопротивления» (С. 329, Р. 407).

К украинской теме Розенберг обращается вновь в связи с обнаружением в Виннице в мае 1943 года останков жертв Великого террора 1937-1938 гг. Он использует традиционные нацистские антисемитские клише и стереотипы: исполнителями казней были «жидо-большевики», а жертвами – исключительно украинцы. Розенберг сравнивает место расстрелов в Виннице и обнаруженное весной 1943 года захоронение убитых НКВД польских офицеров под Катыню, и его симпатии в данном случае – на стороне украинцев: «Здесь речь идет не о расстреле руководителей враж[еского] народа (Катынь), а об убийстве своих соотечественников. Детали показаний являющихся сейчас свидетелей позволили установить имена евр[ейских] доносчиков и евр[ейских] комиссаров. Из округи в сто к[ило]м[етров] приезжают сейчас плачущие украинки и пытаются опознать их пропавших мужей и пр. Простые люди ...: крестьяне и рабочие, стали жертвой евр[ейской] кровожадности» (С. 383, Р. 482).

К октябрю 1944 года большая часть территории Советского Союза уже была освобождена Красной Армией. К этому времени фактически отпала надобность в министерстве Розенберга, который пребывает в политической изоляции, по-

гружается в депрессию и пытается в дневнике понять, как случилось, что «крупные сражения идут на немецкой земле...вблизи главной ставки фюрера» (С. 417, Р. 515). Розенберг перечитывает свои записки Гитлеру на тему «восточной политики» и «украинского вопроса» от 1941 года и сокрушается, что к его идеям «никто не прислушался». По его словам: «История Востока пошла бы по иному пути, если бы эта (Розенберга – Ю.Р.) концепция сохранилась... Армия из миллионов украинцев с перспективой новых земель на Востоке, возможно, избавила бы нас от сталинградской катастрофы» (С. 416, Р. 515).

В провалах «восточной политики» на территории оккупированной Украины Розенберг винит главным образом Коха. Для него рейхскомиссар Украины – «...показательный пример одичавшего филистерства в мировой политике. Он был хорош для разведения свиней в Восточной Пруссии и постройки поселений в Цихенау, но в восточной политике стал несчастьем для Рейха. Не потому, что он имел формат крупного оппонента, а потому – и это потрясает больше всего – что, будучи мелким хвастуном, нашел себе поддержку в главной ставке» (С. 418, Р. 515).

Своего «оппонента» Розенберг обвиняет в симпатиях к большевизму, русофильстве и украинофобии: «У К[оха] есть практическая жилка для конкретных экономических задач, но для *политики* – ни малейшей. Прежде сторонник большевизма, восторгался русской молодежью, сочинявший вздорнейшую чушь о единстве восточно-прусской и русской территории ("Становление Востока", 1934), сейчас он и на самых крупных собраниях именовал все народы Востока неполноценными. Будучи главным чиновником Рейха на Украине, он вопреки всем инструкциям опубликовал 1.1.44 в "Укр[аине] Цайтунг" воззвание, в котором самым жирным шрифтом было напечатано, что народ У[краины] "не обладает богатой историей"! Ничего более глупого и сказать нельзя» (С. 418-419, Р. 517).

Читая эти рассуждения, важно помнить, что розенберговская модель восточной политики не предполагала «государственности» для народов СССР даже в виде фашистских государств, а ведь именно к государственности стремились национальные движения, сотрудничавшие с нацистами. 12 сентября 1941 года, все еще на гребне эйфории от летних побед Вермахта, Розенберг записал в дневнике: «Сегодня эстонцы, латыши и т.д. благодарны, через некоторое время они снова потребуют свою "собственную государственность", как будто Германия только для этого и существует, чтобы раз в 20 лет рисковать своей шкурой для всякой мелкоты. Весь этот рейхскомиссариат Остланд под немецкой протекцией должен навсегда стать землей Рейха. Иначе через 30 лет москвит в новом мессианском одеянии снова засядет в Ревельской крепости» (С. 326, Р. 409).

«Русский вопрос»

Много страниц дневника Розенберга отведено размышлениям о том, как должна выглядеть послевоенная Россия. Известно, что Розенберг был сторонником ослабления русских («москвитов») и делал ставку на менее многочисленные народы, прежде всего, на украинцев, как это видно из предыдущего раздела. Одна из первых записей, посвященная русским, датирована 12 сентября 1941 года. В ней Розенберг обрушивается не только на евреев как «виновников» преступлений большевиков, но и на русских, которые, по его словам, несут «ответственность» за действия режима Сталина.

Гитлеровский министр вспоминает преследования немцев в 1812 году и в период Первой мировой войны, а также депортацию волжских немцев, начавшуюся в августе 1941 года. По его словам, «из 2,5 миллионов фольксдойчей 1 миллион наверняка уничтожен, из 1,5 поволжских немцев осталось 400 000. И они сейчас отправляются в сибирскую мерзлоту» (С. 325, Р. 408). Розенберг считает, что русские должны ответить за преступления против фольксдойчей, тем более что, по его мнению, вместо сопротивления режиму русские активно защищают большевизм: «Законы истории суровы. За эти убийства должна заплатить вся русская нация, тем более что, движимая своими извращенными чувствами, она не отталкивает своего мучителя от себя, а фанатично защищает. Это довольно удивительный феномен: заключенные защищают своих охранников от тех, кто хочет их освободить из тюрьмы. Этот "советский патриотизм" сегодня и надолго и есть Россия и русский народ, пусть русс[кие] эмигранты и не хотят видеть правду» (С. 325-326, Р. 409).

Из-за своих политических взглядов Розенберг игнорировал русских коллаборационистов и не считал нужным мобилизовывать тех представителей русского населения СССР, которые ждали немцев, были уверены в их победе и желали сотрудничать с ними против советской власти. Лидия Осипова, которая летом 1941 года проживала в Царском Селе, узнав о нападении Германии на СССР, в своем дневнике записала: «Неужели же приближается наше освобождение? Каким бы ни были немцы – хуже нашего не будет. Да и что нам до немцев? Жить-то будем без них. У всех такое самочувствие, что вот, наконец, пришло то, чего мы все так долго ждали и на что не все смели надеяться, но в глубине сознания все же крепко надеялись. Да и не будь этой надежды, жить было бы невозможно и нечем. А что победят немцы – сомнения нет. Прости меня, Господи! Я не враг народу своему, своей родине. Не выродок. Нужно смотреть прямо правде в глаза: мы все, вся Россия страстно желаем победы врагу, какой он там ни был. Этот проклятый строй украл у нас все, в том числе чувство патриотизма»¹³.

¹³ Осипова Л. Дневник Коллаборантки // «Совершилось. Немцы пришли!» Идеиный коллаборационизм в России в период Великой Отечественной войны. М., 2012. С. 65.

Позже Осипова сотрудничала с немцами в период нацистской оккупации. Даже зная о преступлениях нацизма, она была готова быть коллаборанткой «до конца». 26 марта 1944 года она записала в своем дневнике: «Что бы немцы ни делали с народами, как бы они ни были подлы, им далеко до большевиков. Никогда они не сумеют так зажать все духовные истоки народов, как эти. И мы будем с немцами до конца»¹⁴.

Как известно, многие русские политические эмигранты пытались проникнуть вместе с Вермахтом в оккупированные районы СССР. Там они устраивались переводчиками, работали в самоуправлении, вспомогательной полиции и СД, служили зондерфюрерами в Вермахте. Многие из них были активными сторонниками нацистской Германии, как, к примеру, доброволец 373-го валлонского пехотного полка (позже бригада СС «Валлония») Ростислав Завадский. 22 августа 1941 года он записал в дневнике: «Если возможность борьбы дается мне фюрером, то как я могу не подчиняться? Я отдаю себя в полное распоряжение борьбы с коммунизмом»¹⁵.

Розенберг же был против того, чтобы эти люди попадали на подконтрольные нацистам территории, подозревая, что русские эмигранты, так же, как члены ОУН, будут использовать свое положение для реализации собственных политических целей. 28 декабря 1941 года Розенберг отметил в дневнике, что на оккупированных территориях организация Тодта и монополии «жаждут русских эмигрантов. Я пока не пустил на Восток ни одного» (С. 343, Р. 427).

27 декабря 1942 года была опубликована известная «Смоленская декларация», подписанная уже вышедшим из немецкого плена и начавшим сотрудничать с нацистами генерал-лейтенантом Андреем Власовым. Декларация призывала «русский народ» к «свержению Сталина и его клики» и к подписанию «почетного мира с Германией»¹⁶. Но записи Розенберга свидетельствуют, что он оставался противником создания любого, даже абсолютно фиктивного «русского правительства». По его мнению, это могло вызвать цепную реакцию среди других национальностей СССР, чьи коллаборационисты обратятся с аналогичными требованиями к правительству Германии. 30 октября Розенберг записал: «Снова всплывает проблема "временного фиктивного русского правительства". Вполне понятное желание фронта, а именно на севере и в центре. Но одно фиктивное русс[кое] правительство немедленно повлечет требования десятка других. Так далеко заходить нельзя, и удовлетворятся ли русские, если им пообещать территорию от Москвы до Урала, должно остаться открытым» (С. 356, Р. 455).

¹⁴ Там же. С. 171.

¹⁵ Завадский Р. Своя чужая война: дневник русского офицера вермахта, 1941–1942 гг. М., 2013. С. 83; Радченко Ю. «Якщо можливість боротьби мені дає фюрер, то як я можу не підкорятися?!»: щоденник російського націоналіста на чужій своїй війні. <http://uamoderna.com/shafkadok/radchenko-zavadsky>.

¹⁶ Смоленская декларация. <http://generalvlasov.ru/documents/smolenskaya-deklaraciya.html>.

Дневник отчетливо демонстрирует, что Розенберг боялся любого вида русского национализма больше, чем других национальных движений в зоне оккупации. В записи от 18 декабря 1942 года он отмечает: «У меня состоялось совещание командующих всех округов оперативного тыла... Оф[ицеры] были единодушны во мнении, что русская нация является основным двигателем сопротивления. Их, русских, следует сделать активными борцами со Сталиным. Генерал фон Шенкендорф заявил, что его русские безупречно вели себя и сражались – но спрашивали все настойчивее: за что? Они достаточно разумны, чтобы отказаться от прежних границ, но им всем нужна русская родина. Если таковую им не могут обещать, то возникает непосредственная опасность, что они перейдут на сторону партизанских банд. То есть, решающая проблема заключается в том, можно ли удержать кавказцев, украинцев и пр. и одновременно гарантировать русским развитие их народа между Москвой и Уралом плюс в Сибири?» (С. 367-368, Р. 465-466). Розенберга очень сильно раздражало то, что генерал-лейтенант Власов и его единомышленник Георгий Жиленков «в своем воззвании обвиняют Сталина в том, что он продал англичанам Мурманск и Баку: явное указание на то, где лежит конечная цель и для этих офицеров» (С. 373; Р. 472).

Осенью 1944 организация Русской освободительной армии (РОА) и Комитета освобождения народов России (КОНР) в Германии под командованием Власова шли полным ходом. Куратором этого проекта стал рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Розенберг, как уже указывалось, в это время фактически потерял влияние в Германии. 12 ноября 1944 года он с некоторой долей ревности отметил, что «власовский проект» поручили не ему, но тут же сообщил о своем недоверии к командующему РОА из-за его «великорусских настроений» (С. 421; Р. 518). По словам опального министра, Власов «впишет сейчас в русскую конторскую книгу» жертвы, «принесенные (в сражениях за Рейх – Ю.Р.) другими народами» (С. 425; Р. 520). Розенберг осознает свою полную изоляцию от Гитлера (уже несколько месяцев он не может выступить перед лидером нацистов с докладом!), но не сдается. Он сообщает о создании «управления по делам восточных народов», куда входят «представители (восточных – Ю.Р.) легионов», пишет про «акцию помощников ПВО, задействование белорусских ремесленников», отвод казаков с Дона / Кубани через Белоруссию в Северную Италию, учебные курсы в Варшаве и назначение начальников лагерей, обслуживание ставших инвалидами легионеров и пр. (С. 423; S.519).

Однако на уровне официальной пропаганды Розенберг не мог критиковать Власова. Журнал *Welt-Dienst*, который курировало его ведомство, 8 октября 1944 года опубликовал биографию генерала. На страницах этого издания будущий командующий РОА назывался «вождем русского освободительного движения»¹⁷.

¹⁷ ВАР. NS 20/77. Вл. 4.

Холокост

Известно, что министерство Розенберга сыграло значительную роль в осуществлении Холокоста в Европе. Так, в конце января 1942 года министерство восточных оккупированных территорий выпустило ряд инструкций, которые определяли, кого на подконтрольных немцам территориях можно считать евреем. Во многом эти инструкции основывались на «расовых законах», принятых в нацистской Германии в сентябре 1935 года¹⁸. В дневнике же тема преследований и уничтожения европейских евреев возникает редко – вероятно, потому, что в Третьем Рейхе существовал запрет на разглашение подробностей убийства евреев. Тем не менее, из дневника видно, что гитлеровский министр активно поддерживал уничтожение еврейского населения.

Дневник пропитан ненавистью и презрением к евреям. Розенберг отмечает, что Гитлеру не понравились Бердичев и Житомир, «так как это преимущественно еврейские городки» (С. 329; Р. 412-413). В записи от 12 сентября 1941 он делится своими впечатлениями от новости про депортацию советами волжских немцев в Сибирь. По его словам, от этих действий Сталина «наша ненависть к Москве взбурлила как никогда» (С. 324; Р. 408). В депортации волжских немцев Розенберг винит «международное еврейство». Он пишет, что «дал указание сделать очень резкое заявление (для прессы – Ю.Р.) и отправил подготовленную формулировку фюреру» (Там же). В проекте сообщения говорилось, «что если это массовое убийство (волжских немцев – Ю.Р.) будет осуществлено, Германия заставит поплатиться за это *евреев* Центральной Европы» (С. 324-325; Р. 408).

Два дня спустя в дневнике появляется упоминание об убийствах евреев Эстонии. Заслушав доклады своих подчиненных на эстонских территориях, Розенберг сделал вывод, что «сейчас, когда евреи и коммунисты искоренены, народ оживает» (С. 327, Р. 410). Наверстывая упущенное после длительного перерыва в ведении дневника и подводя итоги 1941 года, 29 декабря гитлеровский министр записал, что 3 июля этого года занимался кадровыми вопросами в оккупированных нацистами странах Балтии и слушал «доклад о ликвидации евреев литовцами» (С. 333; Р. 418).

¹⁸ Institut für Zeitgeschichte Archiv (IFZA). MA 247.

Европейский фашизм

В дневнике Розенберга имеется много информации о контактах немецких нацистов с другими фашистскими движениями в Западной и Южной Европе. Автор делится впечатлениями от встреч с лидерами этих движений. По записям в дневнике Розенберга можно проследить, как в 1930-е годы расизм становился частью идеологии итальянского фашизма. Так, 12 февраля 1937 года он записал свои впечатления от общения с итальянским профессором Джулио Коньи, автором книги по «расовой теории». По словам Розенберга, Коньи беседовал с Муссолини, и тот «понимает теперь значение ("расовой" – Ю.Р.) проблемы, он выяснил, что в Северной и Центральной части Италии почти 50% детей имеют светлый тип кожи» (С. 149; Р. 237). Автор *Мифа XX века* сравнивает «решение еврейского вопроса» в Германии с агрессией фашистской Италии в Эфиопии: «...любая нация нуждается в экстремальных примерах, это позволяет постичь всю глубину вопроса: у нас евреи, у итальянцев абиссинцы» (Там же). Розенберг констатирует, что «складывается впечатление, что фашизм все-таки вынужден будет постепенно склониться к определенным выводам. Интересно посмотреть, какую мину заставят скорчить Ватикан эти "новые язычники"» (Там же).

О «расовых вопросах» Розенберг говорил и с венгерским политиком Имреди Мечером. В частности, Розенберг советовал не называть праворадикальное движение, которое его венгерский гость хотел основать, «национал-социалистическим»: «каждая нация должна выбирать название, опираясь на *собственную* ситуацию. Мечер согласился, он полагает, что можно будет вновь ввести в обиход старое венгерское наименование "*защитники расы*"» (С. 174, Р. 262).

В конце мая 1944 года Розенберг описал свой визит в оккупированную нацистами Голландию. Там он встречался с местными нацистскими чиновниками и коллаборационистами из Национал-социалистического движения (НСБ) Антона Муссерта. В рамках визита Розенберг прочитал лекцию «Попытка решения европейской проблемы» в концертном зале Амстердама. Вот его описание аудитории: «Рядом с нашим гитлерюгендом (стояла – Ю.Р.) голландская молодежь в синих рубашках. Половина слушателей также местные. Неожиданный отклик, который показывает, как *некоторые* энергичные круги в Нидерландах идут в новое время в ногу с нами» (С. 405; Р. 503). На одной из таких встреч во время выступления Муссерта сказал, что «принявшие христианство готтентоты не станут строить готические соборы» (С. 407; Р. 505). В дневнике также имеется сообщение о том, что лидер голландских правых радикалов «был гостем» на открытии т.н. Института исследований еврейского вопроса во Франкфурте (С. 406; Р. 504).

Из дневника видно, что Розенберг и его ведомство активно поддерживали контакты с фашистскими движениями, которые боролись за власть в Южной и Центральной Европе. По анализу политической ситуации в Румынии видно, что Ро-

зенберг симпатизировал «Железной гвардии». В записи от 7 мая 1940 года он упоминает о встрече руководителя этой организации Хориа Симы с его сотрудником Арно Шикеданцем (С. 249; Р. 330). Позже, в феврале 1941 года, уже после того, как «легионеры» неудачно попытались захватить власть в Бухаресте и совершили ужасный погром еврейского населения, Розенберг пекся о перезахоронении Корнелиу Кодряну – лидера «Железной гвардии», убитого в 1938 году правящим режимом Румынии (С. 277; Р. 356). В записи от 29 марта 1941 года Розенберг упоминает о контактах его ведомства с хорватскими усташами под руководством Анте Павелича «еще около 1933 года» (С. 285, 287; Р. 364, 366).

Дневник Розенберга позволяет узнать кое-что и о конфликтах в среде европейских фашистских движений. Иногда разногласия существовали в фашистском движении в рамках одной многонациональной страны. К примеру, Муссерт жаловался Розенбергу на то, что «фламандцы уравниены с валлонами». Лидер голландских национал-социалистов «был возмущен» тем, что лидер валлонских фашистов из движения «Рекс» Леон Дегрель «въехал на танке Брюссель». Муссерт считал этот город «столь же нидерландским... как Данциг – немецким» (С. 406; Р. 505).

Даже в последние месяцы войны, когда Розенберг фактически потерял политический вес в Германии, он все равно пытался поддерживать своего рода клуб, куда бы входили европейские правые радикалы, настроенные пронемецки. На одной из встреч европейского «клуба» в Дрездене в начале декабря 1944 года, где присутствовал французский коллаборант Марсель Деа, а также представители «советов фламандцев, валлонов и голландцев», обсуждался в том числе вопрос, почему книга Розенберга *Миф XX столетия* не была переведена на иностранные языки и издана. Розенберг мотивировал отсутствие переводов тем, что «книга написана для Германии», но вместе с тем из записи в дневнике видно, что именно публикация этого памфлета завоевала симпатии многих европейцев к нацистской Германии: «Внезапно в этом кругу я ощутил, какое воздействие оказал "Миф". Кстати: любопытный факт: насколько мне известно, впервые легальное французское правительство ищет защиты в Рейхе. Остальные: настроены великогермански. Профессор де Фрис (голландский историк-медиевист, коллаборант Ян Де Фрис – Ю.Р.) (два сына в Ваффен СС) сказал: Голландия должна вернуться в Рейх, это единственное решение ее судьбы. То, что и валлоны подчеркивают свою германскую сущность – удивительное развитие событий последних лет. Великая война и совместные бои в рядах Ваффен СС помогли закалить новое сообщество, которое начинает отказываться от партикулярности» (С. 428; Р. 522-523).

Ислам, панарабизм, пантюркизм, народы Кавказа

Как следует из дневника Розенберга, его ведомство активно пыталось использовать арабский национализм, в том числе его антиссионистские тенденции, в борьбе против стран антигитлеровской коалиции. Известно, что в ноябре 1941 года Гитлер встречался с беглым иерусалимским муфтием Амином Аль-Хусейни. Лидер нацистской Германии пообещал гостю всеми силами бороться против зарождающейся еврейской государственности в подмандатной Палестине. Во время войны Аль-Хусейни неоднократно призывал мусульман убивать евреев и поддерживать нацистскую Германию. По дневнику Розенберга видно, что Аль-Хусейни искал контакты с лидерами Третьего Рейха еще весной 1939 года. Согласно записям, муфтий посетил Розенберга в начале мая 1939 года и просил поддержки.

В результате стороны договорились выпустить общую листовку: «Меня посетил лидер палестинских арабов: о моей работе знают повсюду. Нет ли у нас желания оказать моральную поддержку. Например, посредством передачи партии медикаментов муфтию в Бейруте. Он привез с собой из Лондона карту, на которой нанесены притязания евреев. Мы договорились об издании листовки. Макет разработан нами и незамедлительно напечатан арабами за границей» (С. 185, Р. 273). Из этой же записи видно, что Розенберг активно поддерживал идею установления дипломатических отношений с королем Саудовской Аравии Абдул Азизом ибн Саудом, а также с арабскими антибританскими националистами в Багдаде (С. 186; Р. 273).

Пытаясь использовать национализм тюркских и кавказских народов в борьбе против советского строя, Розенберг был противником эксплуатации идей панисламизма. 18 ноября 1942 года он записал в дневнике: «Легион "Идель-Урал" (коллорабационистское формирование, куда вербовались народы Поволжья, главным образом татары – Ю.Р.) хочет получить новые эмблемы – с полумесяцем. Мы пока пресекали это, так как поддерживаем *национальную* борьбу, а не религиозную. Указывается на то, что это лишь достойная почитания традиция» (С. 361; Р. 406).

Из дневников видно, что у Розенберга был своего рода «фольклорный интерес» к культуре крымских татар. В мае 1944 года, уже накануне прихода в Крым Красной Армии, Розенберг, совершая поездку из Бахчисарая в Симферополь, сделал остановку в поселке Албат (после депортации крымских татар в 1944 году – Куйбышево). Он вспомнил свое путешествие туда же 26 лет тому назад: «Все кажется гораздо запущеннее. Там, где раньше ювелиры мастерили серебряные изделия, а сапожники – башмаки, там, где на своих низеньких балконах сидели и курили татарки в цветастых платьях, там, где царило настроение 1001 ночи – сегодня ничего подобного не осталось. Неухоженные лавки, грязь на доро-

гах. Да и сам "дворец" тоже обветшал. Вероятно, в нынешних условиях я смотрел на все более критически» (С. 401; Р. 499-500).

Выводы

Дневник Розенберга – очень интересный документ эпохи. В нем отразилась судьба автора, прошедшего путь от одного из главных идеологов национал-социализма до человека, который фактически потерял влияние на политику Германии к концу войны. Весной 1941 года Гитлер, планируя наступление на Советский Союз, на одном из совещаний говорил ему: «Розенберг, теперь настал *ваш* час!» (С. 290; Р. 372). Осенью 1944 года, когда Розенберг стал министром без «оккупированных восточных территорий», он не мог добиться приема у высшего руководства нацистского государства. К этому времени он, по сути, уже не мог активно участвовать в общественной, политической и военной жизни умирающего Третьего Рейха. В это время Розенберг напоминал Муссолини 1944 года, который тоже записывал собственные размышления о причинах личного фиаско и политического и военного падения системы, которой он активно служил.

Дневник создает образ Розенберга – радикального антисемита и сторонника полного уничтожения евреев. В евреях он видел главного врага нацистской Германии и «нового порядка». По этому вопросу мы не видим расхождений между дискурсом личного дневника и официальным дискурсом нацистской пропаганды. Так, на протяжении многих лет на страницах журнала, который выходил при поддержке ведомства Розенберга, публиковались антисемитские статьи. К примеру, в мае 1943 года там вышел немецкий перевод с русского статьи «Роль евреев в большевистской октябрьской революции 1917 года в России» Н. Маркова¹⁹, где евреи обвинялись в организации февральской и октябрьской революций²⁰.

Кроме того, дневник позволяет лучше понять то, как Розенберг видел будущее народов СССР. Несмотря на призывы к нерусским народам «бороться с Москвой», он не был готов поддержать их планы полноценной государственной независимости. Розенберг отстаивал колониальную и империалистическую политику Третьего Рейха на захваченных территориях Советского Союза. Разногласия с Гитлером, Гиммлером и Кохом по «восточной политике», о которых шла речь выше, не являлись принципиальными. Подобно остальным лидерам нацизма, Розенберг был сторонником захвата «жизненного пространства» для Германии «на Востоке», и русские, украинские, кавказские, среднеазиатские и прочие колониальные, в конечно счете, оказывались лишь инструментами воплощения этой

¹⁹ Скорее всего, это Николай Евгеньевич Марков (Марков Второй, 1866–1945) – известный монархист и лидер черносотенцев, депутат III и IV Государственной Думы. В годы войны он активно сотрудничал с нацистами, специализируясь на антисемитской пропаганде.

²⁰ ВАР. NS 20/77. Р. 3.

политики. Пожалуй, все разногласия между Розенбергом и Гитлером можно свести к желанию первого с помощью национализма нерусских народов ослабить «Москву». Кроме того, ради победы Третьего Рейха и торжества его колониальной и геноцидальной политики Розенберг был готов развивать идеи пронацистского «паневропеизма», привлекая тем самым европейских правых радикалов, многие из которых воевали в войсках СС и сотрудничали с пронацистскими режимами в своих странах. При этом дневник свидетельствует, что Розенберг был противником идеи панисламизма. Однако он рассматривал (пан)арабский национализм как возможного стратегического партнера в борьбе с антигитлеровской коалицией и в деле уничтожения еврейского населения на территории подмандатной Палестины.

К сожалению, в отличие от, скажем, записей Геббельса, Розенберг вел дневник нерегулярно, и далеко не все события жизни автора в период с 1934 по 1944 год нашли отражение в опубликованных заметках. Некоторые периоды, как, например, 1942–1943 гг., представлены особенно фрагментарно и скупо. Хочется надеяться, что исследователи в будущем найдут записки или другие документы, которые компенсируют эти пробелы дневника.

III. Культурология

Станислав Панин

Научное изучение эзотеризма в России: история и современность

Академическое исследование эзотеризма является динамично развивающимся направлением междисциплинарных исследований на стыке ряда гуманитарных и естественнонаучных дисциплин. Учитывая, что оно прошло достаточный долгий путь становления и развития, рефлексия по поводу собственной истории становится сегодня необходимым условием для дальнейшего движения вперед в этом направлении, что в равной степени относится и к европейским исследователям, и к их российским коллегам. В рамках данной статьи мы, прежде всего, попытаемся выделить основные этапы и подходы к изучению эзотеризма, исторически складывавшиеся в России.

Дореволюционный период

Истоки научного изучения эзотеризма в России, как и в Европе, уходят своими корнями в конец XIX века, когда стали появляться переводы на русский язык европейских и американских работ, посвященных этим темам, а также первые оригинальные тексты российских авторов. О развитии данной области в начале XX века можно составить представление, обратившись к *Лекциям по истории новой философии* профессора Московского университета Л. М. Лопатина, в которых, в том числе, рассматривается влияние эзотерических учений на историю европейской философии. В число важнейших фигур в философии Нового времени он включает Парацельса и Беме, говоря об эпохе Возрождения, отмечает влияние на философию этого времени «веры в магию, в алхимию, в астрологию, в еврейскую каббалу, в пифагорейские числа»¹. Интересен представленный в лекциях анализ учения Спинозы, религиозный фундамент которого усматривается в еврейской мистике. По мысли Лопатина, философы-христиане не способны были

¹ Лопатин Л. Лекции по истории новой философии. М., 2007. С. 28.

проявить последовательность в отношении пантеистических идей, поскольку были ограничены христианским восприятием мира, подразумевающим противопоставление Бога и его творения. Отсюда проистекала невозможность преодоления христианскими мыслителями картезианского дуализма. Спиноза попытался, согласно Лопатину, решить эту проблему, соединив учение Декарта с принципами каббалы, восходящими к неоплатоническим идеям и открывавшими пространство для пантеистических интерпретаций². Таким образом, в лекциях Лопатина история западной философии и история западного эзотеризма были представлены как единый процесс, в котором второе подпитывает первое, становится фактором его развития.

В российских исследованиях этого времени можно выделить несколько основных направлений. С одной стороны, существовал ряд авторов, не только благожелательно настроенных по отношению к эзотеризму, но и непосредственно вовлеченных в эзотерические круги, как, например, А.Н. Аксаков и М.С. Аксенов. Конечно, едва ли возможно назвать работы этих авторов объективными и соответствующими современным научным стандартам, поскольку они предлагали взгляд на эзотеризм скорее с инсайдерских, чем с исследовательских позиций. Являясь вполне самостоятельными философами, эти авторы ориентировались на европейский и американский опыт, развивая оригинальные модели идеалистического мировоззрения, основанные на идеях Сведенборга, Дюпреля и других западных авторов, которые, в итоге, повлияли в большей степени на российских эзотериков и в меньшей степени на научное сообщество.

Тем не менее, в их работах присутствует исследовательская составляющая, которую также ошибочно было бы отрицать. Например, в *Трансцендентально-кинетической теории времени* Аксенова содержится любопытное рассуждение об «истории отношения христианской церкви к вопросу об астральном теле», под чем он понимает, в первую очередь, существующее в христианстве представление о том, что «душа имеет форму нашего тела»³. Такое представление, действительно, существует в христианском богословии и восходит к сочинениям Тертуллиана и Ириния Лионского. Современный исследователь А. Позов, анализируя представление о душе в работах древнейших церковных авторов, указывает: «Душа связана с телом в определенных пунктах, но проникает собою все тело, имеет его форму и потому называется в древнецерковной антропологии также тонким телом»⁴. Именно такое понимание души, наряду с церковным учением об ангеле-хранителе, Аксенов рассматривает в качестве основы для формирования в западном эзотеризме представления о «тонких телах» человека. Заслуживает внимания и его предисловие к книге К. Дюпреля *Загадочность человеческого существа*, в котором Аксенов приводит подробные сведения о биографии и

² Там же. С. 123.

³ Аксенов М.С. Трансцендентально-кинетическая теория времени. М., 2011. С. 174.

⁴ Позов А. Основы древнецерковной антропологии. СПб., 2008. Т. 1. С. 38.

учении этого немецкого философа⁵. Последнее имеет немаловажное значение, поскольку личность Дюпреля остается относительно слабо изученной в работах российских исследователей, так что вступительная статья Аксенова остается одним из ценных источников информации об этом немецком мыслителе на русском языке.

Что же касается известного сочинения Аксакова *Анимизм и спиритизм*, изданного в 1893 году и снабженного подзаголовком «Критическое исследование медиумических явлений и их объяснения гипотезами "нервной силы", "галлюцинации" и "бессознательного"», то эта работа, помимо прочего, представляет собой попытку каталогизации и классификации различных типов «спиритических феноменов». Несмотря на общий апологетический характер сочинения и очевидное стремление автора отстоять спиритическое мировоззрение, проделанная им работа по сбору и систематизации опубликованных сообщений о «спиритических феноменах» с указанием источников, в которых были опубликованы те или иные сообщения, может представлять интерес для современных исследователей истории спиритического движения. Важно отметить стремление Аксакова к рациональному анализу спиритического мировоззрения, эмпирической проверке и критическому рассмотрению спиритических опытов, сопровождаемому анализом возможных психологических объяснений. Эта установка, несмотря на то, что работы Аксакова не были в полной мере научными, сыграла важную роль в дальнейшем формировании исследовательской позиции по отношению к эзотерическим учениям. При этом особую научную ценность работе Аксакова придает то, что автор включает в нее обстоятельный обзор истории развития и современного автору состояния некоторых психологических концепций, направленных на объяснение спиритических феноменов, подробно анализируя, в частности, «галлюцинаторную гипотезу» немецкого психолога Эдуарда фон Гартмана, полемика с которым является одной из ключевых задач книги Аксакова⁶.

Особый взгляд на эзотеризм был развит в конце XIX – начале XX века в работах религиозных философов: Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского, В.С. Соловьева. Отношение этих авторов к эзотерическим учениям было двойственным. С одной стороны, являясь православными, они нередко демонстрировали критическое отношение к эзотеризму; в то же время, нельзя сказать, что они были настроены по отношению к нему исключительно враждебно. Напротив, в стремлении к рациональному осмыслению христианства они сами нередко сближались с эзотерическими идеями. Некоторые из них относились к эзотеризму благожелательно, хотя иногда и снисходительно, и порой в их работах можно обнаружить интересный и для современного читателя анализ значения эзотеризма в истории мысли, а также точную характеристику значимых особенностей эзотерического мировоззрения. Например, Н.А. Бердяев, критикуя «мифологию научности», развивал идею о генетической связи между «естественной магией» и современной наукой,

⁵ Дюпрель К. Загадочность человеческого существа. М., 2010. С. 3-11.

⁶ Аксаков А.Н. Анимизм и спиритизм. М., 2001. С. 52-300.

в которой усматривал элементы языческого взгляда на мир⁷, в то время как П.А. Флоренский рассматривал магическое мышление как основание платонизма и, шире, идеалистической философии в целом, противопоставляя холистичность магической картины мира «духовному атомизму» современного общества⁸. Интересно, что в подтверждение своих идей в другом месте он ссылается на Карла Дюпреля⁹. Это показывает, что круг чтения Флоренского, как и других представителей религиозной философии того времени, был близок к кругу чтения идеалистов «спиритического» толка. Их общая мотивация в изучении эзотеризма состояла в том, чтобы использовать полученные таким образом знания как материал для собственных философских построений, для осмысления своего места в мире и актуальных мировоззренческих вопросов.

Существовали в дореволюционный период и авторы, писавшие свои работы в сциентистском или, как предпочитали говорить они сами, «рационалистическом» ключе. Для них было, в целом, характерно негативное отношение как к эзотеризму, так, зачастую, и к религии. И то, и другое виделось им пережитком прошлого, суеверием, а задачу ученого они усматривали в том, чтобы бороться с «суевериями» с позиций здравого смысла. Примером такого подхода является сочинение Н.В. Сперанского *Ведьмы и ведовство*, где вера в колдовство называется «погоней за возвращением на землю чудес, без которых многим кажется на ней так скучно», «гимнами средневековому суеверию» и т.д.¹⁰ Следствием такого подхода являлся упрощенный, редукционистский взгляд на историю: вместо того, чтобы попытаться понять мировоззрение людей, живших в другую эпоху, автор сводит его к необразованности и легковерию. В то же время, Сперанский собирает и анализирует большой объем материала, связанного с колдовскими процессами и эволюцией представления о ведьмах и колдовстве в средние века, анализирует развитие христианского богословия и европейского законодательства в отношении этой темы.

Таким образом, дореволюционный период истории академического изучения эзотеризма в России характеризовался, в первую очередь, постепенным накоплением фактической информации о различных формах эзотеризма, а также постепенным оформлением ряда важных для будущего развития исследований в области изучения эзотеризма концепций: о влиянии христианского богословия на развитие западного эзотеризма у Аксенова, о влиянии «естественной магии» на европейскую науку раннего Нового времени у Бердяева, о значении магического мировоззрения для формирования различных форм идеалистической философии в работах Лопатина и Флоренского. Можно вполне справедливо указать, что ав-

⁷ Силантьева М.В. Грани свободы в духовной культуре // Духовность, достоинство и свобода человека в современной России: философско-этические, религиозные и культурологические аспекты. Труды Международного научного симпозиума-диалога. Ч. 2. Пермь, 2009. С. 31-39.

⁸ Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. М., 2003. С. 9.

⁹ Там же. С. 548.

¹⁰ Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство. М., 2012. С. 3-4.

торы этого времени были еще далеки от современных стандартов научности; тем не менее, в их работах уже явно прослеживается стремление к рациональному осмыслению истории и современного состояния эзотеризма и опоре на эмпирический материал.

Изучение эзотеризма в СССР

В советское время произошел ряд заметных трансформаций в академическом изучении эзотеризма. Доминирующее место постепенно занял сциентистский подход, главным критерием научности в котором стало соответствие установкам марксизма, а исследовательская составляющая оказалась в подчиненном положении относительно идеологических задач. Ставший государственной идеологией марксизм-ленинизм подразумевал вполне однозначное отношение к религии: в соответствии с высказыванием Энгельса, она понималась как фантастическое отражение в сознании людей внешних природных и социальных сил, которые господствуют над ними. Религия и эзотеризм при этом подвергались критике как атрибут западной буржуазной культуры, противопоставляемой советскому обществу, постепенно освобождающемуся от подобных «суеверий». Таким образом, исследование эзотеризма в СССР оказалось одним из институтов формирования советской антизападной идеологии.

Расцвет такого рода критических исследований пришелся на 1960-е годы, поскольку принятое в 1954 году постановление ЦК КПСС об усилении атеистической пропаганды дало «зеленый свет» развитию так называемого «научного атеизма». Критика эзотеризма в рамках марксистского подхода базировалась на представлении о «иррациональности» эзотеризма, а сам эзотеризм определялся, как и религия, через «веру в сверхъестественное», становясь, таким образом, всего лишь одной из форм религии. Такая установка не позволяла авторам этого времени увидеть специфику эзотерического мировоззрения относительно религии: для советских авторов и то, и другое было, в сущности, простым суеверием, порожденным социальными противоречиями. Учитывая такой контекст, вполне логично, что знаменитая работа С.А. Токарева, посвященная ранним формам религии, включала в их число «ведовство», «знахарство», «шаманизм» и другие аналогичные представления¹¹. Тем более не стоит удивляться, что многих авторов этого периода совершенно не интересовали различия между такими понятиями, как «эзотерика», «мистика», «магия», которые чаще всего использовались как синонимы.

Впрочем, направленность советских авторов на рассмотрение религии и эзотеризма с атеистических и сциентистских позиций в рамках «научного атеизма»

¹¹ Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1964.

сыграла не только негативную, но и положительную роль. Пытаясь показать эволюцию религиозных представлений от древности до настоящего времени, они проделали большую работу по выявлению элементов магических представлений в христианстве и других мировых религиях, примером чего может служить работа Н.М. Никольского *Следы магической литературы в книге псалмов*¹². Нацеленность на критику религии в данном случае способствовала более объективному изучению истории эзотеризма и его взаимосвязи с религиозным мировоззрением. В этой же связи большое внимание уделялось изучению древнейших форм мировоззрения, таких как шаманизм, и тому, как на их основе постепенно развились более сложные мировоззренческие построения. Решению этой задачи были посвящены работы таких исследователей, как С.А. Токарев и М.И. Шахнович. Последний, помимо прочего, заложил в Советском Союзе традиции изучения внеконфессиональной мистики с позиций «научного атеизма»¹³.

Наконец, в контексте истории науки традиционно затрагивалась история алхимии, которая обязательно упоминалась в учебниках и популярных работах, посвященных истории химии. В общем и целом, пафос подобных работ был критическим: алхимия рассматривалась в них лишь как прародительница химии, которая послужила основой для возникновения в дальнейшем химической науки. К числу таких работ могут быть отнесены, например, изданные в 1930-х годах книги Я.И. Перельмана¹⁴ и В.В. Рюмина¹⁵, рассчитанные на широкую аудиторию. Как отмечает С.О. Зотов, образ алхимии в советской литературе претерпевал изменения с течением времени. В текстах 1930-х годов, когда во Франции активно действовало «Алхимическое общество», алхимия описывалась советскими авторами как распространенное на Западе суеверие, от которого следовало отличать подлинно научную советскую химию, однако к 1950-м годам алхимия в научно-популярной литературе постепенно трансформировалась в полумифическое древнее верование, упоминаемое лишь в контексте рассказов о прошлом науки¹⁶.

На фоне активизации атеистической борьбы и бурного развития «научного атеизма» в 1960-х годах появляются научные и научно-популярные тексты о магии, в которых магия рассматривается как пережиток прошлого, сохраняющийся в современных буржуазных обществах. Эти работы, к числу которых можно отнести, например, книгу В.Ф. Зыбковца *О черной и белой магии*, становятся значимыми для дальнейшей истории советской науки попытками академического осмысления современного состояния эзотеризма и его истории. Так, Зыбковец в своей работе предлагает интересное осмысление соотношения «религии» и «ма-

¹² Никольский Н.М. Следы магической литературы в книге псалмов. Минск, 1923.

¹³ Шахнович М.И. Современная мистика в свете науки. Л., 1965.

¹⁴ Перельман Я.И. Наука на досуге. Л., 1935.

¹⁵ Рюмин В.В. Занимательная химия. Л., 1936.

¹⁶ Зотов О.С. «Занимательная алхимия» и раннесоветский (анти)окультурный дискурс // Феномен алхимии в истории науки, философии, культуре. Вторая международная научная конференция. Смоленск, 2014. С. 32.

гии» в истории авраамических религий, рассматривая библейскую полемику против магии не как дискуссию «религии» против «магии», а как дискуссию по поводу легитимной и нелегитимной магии в контексте древнееврейской культуры: «...из приведенных библейских текстов видно, что древнееврейские священники занимались чародейством и это было их официальной профессией, якобы узаконенной самим богом. (...) ...священники, стремясь укрепить свою духовную власть и влиятельное положение в обществе, преследовали своих непосвященных, так сказать самодеятельных, конкурентов – знахарей и чародеев из простонародья. Приведенные библейские тексты хорошо показывают, сколь острым было это соперничество. Что же касается самих магических приемов, то они в сущности своей были одинаковыми у тех и других и имели общее происхождение»¹⁷. Таким образом, хотя подобные работы и опирались на идеологические положения советского «научного атеизма», новая социальная среда, в которой развивалось изучение эзотеризма в СССР, актуализировала исследования в таких областях и описания под такими ракурсами, которые в дореволюционный период, в целом, оставались маргинальными, что оказалось плодотворным для последующего развития академического изучения эзотеризма.

Работа в этом направлении, то активизируясь, то отходя на второй план, тем не менее продолжалась вплоть до распада СССР. Из числа работ позднего советского периода представляет интерес, например, изданная в 1984 году книга П.С. Гуревича *Возрожден ли мистицизм?*, в которой возрождение интереса к эзотеризму рассматривается как вызов рациональности, порожденный внутренними проблемами западного общества. Работа Гуревича демонстрирует характерное для советских исследователей соединение обширной эрудиции и знакомства с современными научными исследованиями с принципиальным нежеланием понять изучаемое мировоззрение и, в лучшем случае, снисходительным отношением к нему. Исследовательские цели здесь систематически вытесняются идеологическими, что выражается в направленности на критику и «развенчание» как самого «мистицизма», так и «буржуазных исследователей», писавших о нем.

Признавая связь эзотерических и научных представлений в трудах мыслителей раннего Нового времени, Гуревич, в частности, вполне справедливо указывает: «...их мышление было нерасторжимо связано с мистицизмом. Ученый был одновременно и магом, ибо постигал таинственное. Магия же сводилась к поиску божественных истин в сотворенной природе»¹⁸. В то же время, эта связь интерпретируется Гуревичем чисто механически и понимается им как нечто, свидетельствующее лишь о «сложных процессах продвижения к истине, о трудных поисках специфики науки как сферы человеческой деятельности»¹⁹. Таким образом, взаимосвязь науки и эзотеризма в начале Нового времени трактуется Гуревичем в сциентистском ключе как атрибут ранней стадии развития науки, когда

¹⁷ Зыбковец В.Ф. О черной и белой магии. М., 1963. С. 69.

¹⁸ Гуревич П.С. Возрожден ли мистицизм? М., 1984. С. 20.

¹⁹ Там же. С. 26.

ученые еще недостаточно понимали специфику своей деятельности относительно разного рода мистических и магических представлений. Поэтому и наука в строгом смысле этого слова, согласно Гуревичу, зарождается лишь в XVIII в. через критику «суеверий» и «предрассудков». Такие значимые в истории науки фигуры как Кеплер оказываются у Гуревича отнесенными к «донаучному» периоду, а связь их научной деятельности и эзотерических представлений анализируется поверхностно.

Говоря о распространении мистицизма, Гуревич выделяет периоды роста интереса к нему, которые он называет «волнами неразумия» и «эпидемиями мистического помешательства». Пытаясь объяснить рост интереса к мистическим учениям с марксистских позиций, Гуревич отвергает социологические теории Э. Тириакаяна и Дж. Уэбба, противопоставляя им марксистскую концепцию, согласно которой распространение мистических учений объясняется наступлением «эпох общественных кризисов», во время которых «происходит крутая ломка социальных порядков, традиционных воззрений»²⁰. Несмотря на ограниченный характер подобных редукционистских интерпретаций, сводящих интерес к мистицизму к выражению классовых противоречий, нельзя не признать, что в своей работе Гуревич, подобно «скептикам» дореволюционного периода вроде Сперанского, собрал обширный эмпирический материал, связанный как с историей эзотерических учений, так и с историей их изучения в зарубежной литературе, что оказало положительное влияние на дальнейшее развитие исследований в данной области.

Другой работой подобного рода является изданная в 1990 году книга В.С. Поликарпова *Наука и мистицизм в XX веке*, в которой подробно рассматривались работы таких зарубежных авторов, как Ф. Капра, Ч. Тарт, Т. Лири и др. Работа Поликарпова проникнута уже знакомым нам изобличительным пафосом: «В условиях небывалой по интенсивности и остроте борьбы двух полярных мировоззрений – диалектико-материалистического и буржуазного – для современной буржуазной методологии научного исследования становится характерной реакционная тенденция к "синтезу" данных новейшей науки с традициями мистических учений. ...мистицизм захлестнул в XX в. страны Запада, иррационализм пронизывает почти все сферы жизнедеятельности человека, глубоко укоренился в массовом сознании, несмотря на колоссальные достижения научно-технического прогресса»²¹.

Цель, которую ставит перед собой автор, состоит в анализе причин существующего в современном обществе интереса к концепциям, пытающимся связать научные и мистические идеи. Что же касается ответа, который предлагается читателю, то он весьма предсказуем, учитывая идеологический фундамент работы: «Это обусловлено, – пишет Поликарпов, – в первую очередь социально-экономическими, социально-политическими условиями буржуазного общества,

²⁰ Там же. С. 11.

²¹ Поликарпов В.С. *Наука и мистицизм в XX веке*. М., 1990. С. 3.

стимулирующими духовное обнищание западного обывателя. (...) К тому же научно-техническая революция многократно усиливает эти процессы, обостряет внутренние противоречия капитализма»²².

В массив позднесоветской критической литературы об эзотеризме входила и известная книга Е.И. Парнова *Трон Люцифера*. Несмотря на то, что это изданное в 1985 году сочинение было наполнено разоблачительным пафосом, в контексте которого «магия» представлялась как «орудие политической борьбы, бережно сохраняемое в арсеналах самой крайней реакции»²³, а увлечение эзотерическими учениями в современном мире характеризовалось не иначе как форма «шизофренирования»²⁴, *Трон Люцифера* стал, судя по всему, первой работой, снабдившей советских исследователей полноценным обзором истории и современного состояния основных направлений современного западного эзотеризма. Во второй половине 1980-х годов число работ подобного рода только возросло, пополнившись такими сочинениями, как, например, книга А.Ю. Григоренко *Разноликая магия*²⁵, которые, не отличаясь особой оригинальностью и по преимуществу воспроизводя информацию из опубликованных ранее работ, вносили свой вклад в дальнейший рост интереса к соответствующим темам.

В то же время, с начала 1980-х годов в советской науке постепенно формируется новая тенденция, связанная со стремлением к более нейтральному, объективному рассмотрению истории эзотеризма. Именно в это время были заложены важные традиции, ставшие основой для дальнейшего развития исследований в этой области. К числу наиболее значимых советских авторов этого времени, повлиявших на выработку новых для советской науки подходов к научному изучению эзотеризма, следует отнести, прежде всего, исследователя алхимии В.Л. Рабиновича. Еще в 1979 году в своей работе *Алхимия как феномен средневековой культуры* он подверг критике попытки интерпретации алхимических трактатов с редукционистских сциентистских позиций, в которых алхимия характеризовалась лишь как ранний этап в истории химии и которые игнорировали ее сложность и специфику. Рабинович писал относительно таких интерпретаций: «Таково "буквально-химическое" прочтение алхимического текста. Обретена точность прописи. Точность же исторически неповторимого явления культуры осталась за пределами анализа, не познанной сторонним наблюдателем – человеком XX столетия. "Вчувствования", "вживания" не произошло. "Дегерметизация" мышления не состоялась»²⁶. Очевидно, насколько сильно отличается этот подход от рассмотренных нами ранее авторов советского периода. Рабинович, прежде всего, ставит перед собой очень смелую по меркам своего времени цель: не критиковать, не изобличать, не исправлять «буржуазные заблуждения», но исследо-

²² Там же.

²³ Парнов Е. *Трон Люцифера*. М., 1985. С. 10.

²⁴ Там же. С. 13.

²⁵ Григоренко А.Ю. *Разноликая магия*. М., 1987.

²⁶ Рабинович В. *Алхимия как феномен средневековой культуры*. М., 1979. С. 19.

вать и понять – цель, которая и характеризует работу об эзотеризме как научную в строгом смысле этого слова.

В это же время, на рубеже 1970-х и 1980-х годов, публикуются работы по истории науки П.П. Гайденко, в которых рассматривается влияние эзотерических представлений на становление и развитие ряда научных дисциплин. В монографии *Эволюция понятия науки (становление и развитие первых научных программ)*, впервые изданной в 1980 году, Гайденко рассматривает, в частности, влияние мистических идей пифагорейцев на становление математики, отмечая: «...именно то обстоятельство, что ранние пифагорейцы воспринимали число как начало устройства – и соответственно познания мира, а в исследовании числовых отношений видели такое же средство спасения души, как и в религиозных ритуалах, – именно это обстоятельство сыграло важную роль в превращении математики в науку, научную систему, какой она не была раньше»²⁷. Таким образом, можно констатировать, что именно в это время на смену критике и разоблачению пришли собственно исследовательские работы, связанные со стремлением адекватно определить место эзотеризма в истории западной культуры, не преувеличивая, но и не недооценивая его историческое значение. Представляется, что именно работы Рабиновича, Гайденко и других авторов этого времени стали переходным этапом между работами советского периода и исследованиями новой, постсоветской «волны».

Именно в 1980-х годах, не в последнюю очередь благодаря деятельности культуролога и философа науки В.М. Розина, который «еще в позднесоветские годы полуподпольно читал свой курс по эзотерическим учениям для неконформистски настроенной публики»²⁸, в Советском Союзе «изучение эзотеризма» окончательно оформляется как самостоятельная область, что выражается в появлении исследований, рассматривающих не какие-то отдельные исторические формы эзотеризма (алхимию, астрологию и т.п.), но эзотеризм как таковой, причем используя именно термины «эзотеризм», «эзотерика», «эзотерические учения». В это же время интерес к изучению эзотеризма и связанных с ним явлений демонстрируют и представители естественных наук, например, Н.П. Бехтерева. «...я заинтересовалась, – пишет Бехтерева в своей автобиографии, – явлениями, которыми как-то не принято заниматься в серьезных научных исследованиях, теми, которые могут быть обозначены как особые случаи – "странные" явления: сверхсильное влияние одного человека на другого или на других в заданной ситуации, причем влияние не только на психическую, но и на соматическую сферу, видение отдельных событий настоящего, прошлого и (что уж ни в какие ворота не лезет!) будущего»²⁹. Бехтерева интересовалась самыми разными случаями, такими как

²⁷ Гайденко П.П. *Эволюция понятия науки (становление и развитие первых научных программ)*. М., 2014. С. 25.

²⁸ Пахомов С.В. Специфика современной российской эзотериологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 4(31). С. 40-41.

²⁹ Бехтерева Н.П. *Магия мозга и лабиринты жизни*. СПб., 2010. С. 208.

околосмертный опыт, целительство, «выходы из тела», стремясь дать им естественнонаучное объяснение. Как отмечала сама Бехтерева относительно такого рода необычных явлений, «очень много – фальшивка, шарлатанство; много только кажется странным, его можно объяснить уже сейчас, и, таким образом, многое "сверхъестественное" (странное) становится естественным»³⁰. В западной науке подобные исследования, в конечном итоге, сформировали целое направление, однако у российских ученых, в отличие от их западных коллег, оно не получило большого распространения и лишь в последние годы постепенно пытается «отвоевать» себе законное место в академической среде.

Современное состояние

Переходя к современному этапу развития исследований в данной области, можно отметить, что на сегодняшний день в академическом исследовании эзотеризма на постсоветском пространстве существуют несколько основополагающих тенденций, сложившихся в конце 1980-х и 1990-х годах. Пожалуй, самая важная из них – постепенная консолидация исследователей, появление у них представления об академическом исследовании эзотеризма как особом научном направлении, можно сказать, появлении профессионального самосознания, выражением чего стало, в том числе, создание в 2009 году Ассоциации исследователей эзотеризма и мистицизма, а также профильных научных изданий и учебных программ.

Вторая тенденция – активное знакомство с первоисточниками и зарубежными исследованиями, включение в мировое исследовательское сообщество, выход самих российских исследователей на международный уровень. В 1990-х годах этому во многом способствовало появление известных сборников *Магический кристалл* (1994) и *Знание за пределами науки* (1996), посредством которых русскоязычные читатели познакомились с работами таких классиков, как К.Г. Юнг и Б. Малиновский, а также с переводами первоисточников, как древних (Плотин, Ямвлих, Альберт Великий), так и современных (Кроули, Кастанеда). Кроме того, подготовка *Знания за пределами науки* стала одним из первых случаев международной кооперации в истории российской эзотериологии, поскольку в создании сборника принял участие немецкий исследователь К. Хюбнер. Развитию международного сотрудничества в этой области способствовало и проведение профильных международных конференций, таких как симпозиумы «Пути гнозиса», организуемые с 1990-х годов на базе ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, и, уже в 2000-х годах, регулярной конференции «Мистико-эзотерические движения в теории и практике».

³⁰ Там же. С. 207.

Третья тенденция – это увеличивающийся интерес к академическому исследованию эзотеризма со стороны самих эзотериков, некоторые из которых в итоге сами становятся членами академического сообщества, получив соответствующее образование, в то время как другие пытаются использовать в своей эзотерической деятельности знания, получаемые из научных изданий, или сами вносят вклад в научное изучение эзотеризма, например, посредством перевода зарубежных научных исследований. Традиционно в подобной работе стремятся участвовать последователи теософских, розенкрейцеровских и масонских групп, различных восточных духовных учений. С начала 2000-х годов заметную активность в этом отношении проявляют российские телемиты (последователи учения А. Кроули), а в последние годы к ней подключились и члены неоязыческих групп.

С другой стороны, на фоне постоянно возрастающего роста значения Русской православной церкви в общественной жизни все больший вес приобретает критика эзотеризма православными авторами, которая нередко преподносится как «научная», хотя, в сущности, является либо теологической, либо основанной на устаревших сциентистских аргументах, заимствованных из работ дореволюционного и советского времени. Примерами этого могут служить публикации Л.В. Денисовой, А.Ю. Севальникова и ряда других авторов. Примечательно, что если в дореволюционной России религия и эзотеризм тяготели к объединению в противоположность сциентистскому взгляду на мир, сегодня конфессионально ориентированные исследователи стремятся объединиться со сторонниками сциентистского подхода, противопоставив пару «наука и религия» новым врагам: «тоталитарным сектам», «деструктивным культам», «псевдонауке», «суевериям» и т.д. Причин у такого поворота несколько. Прежде всего, представляется, что в современных условиях церковь видит в альтернативных формах духовности своего рода «конкурентов» и активно пытается бороться с ними. Если в начале XX века монополия православия в духовной жизни была фактом свершившимся, а главную угрозу ему создавало распространение атеизма, сегодня православие приходится существовать в условиях серьезной конкуренции, что делает актуальными попытки дискредитации и устранения (например, в форме законодательного запрета) конкурентов. А поскольку наука с советских времен имеет в российском обществе значительный авторитет, «научность», очевидно, видится критикам эзотеризма наиболее подходящей формой для их полемических текстов. В наиболее радикальных своих формах деятельность церковных авторов перерастает в «сектоведческую» деятельность, которая уже эксплицитно определяет в качестве своей цели борьбу с «неправильными» формами мировоззрения.

Противоположная тенденция, не менее проблематичная для академического изучения эзотеризма, связана с деятельностью критиков эзотерических учений, занимающих сциентистские позиции, таких как В.Л. Гинзбург. Используя свои научные регалии, эти авторы, чья научная деятельность и квалификация, как правило, не связана с изучением эзотерических учений, в силу своих личных

убеждений начинают заниматься критикой различных форм эзотеризма, позиционируемой в качестве научных или научно-популярных работ, а тот факт, что многие из этих людей, как, например, вышеупомянутый В.Л. Гинзбург, действительно являются выдающимися учеными, обеспечивает их мнению высокий авторитет как в обществе в целом, так и в научных кругах. В то же время, по своей научной специализации это, как правило, физики и математики, биологи и врачи, незнакомые или слабо знакомые с предметом, о котором пишут. Например, в книге *Об атеизме, религии и светском гуманизме*³¹ Гинзбург критикует астрологию, опираясь на два источника: популярную критическую брошюру астронома В.Г. Сурдина *Астрология и наука*³² и газету *Известия*. Разбирая публикуемые в газете прогнозы, Гинзбург приводит классический аргумент против астрологии, отмечая, что прогноз «дается сразу всем "Весам", т.е. более чем 500 миллионам человек», из чего, по мнению автора, любому здравомыслящему человеку сразу становится очевидно, что «астрология это типичная лженаука, и советы астрологов это просто бред, чепуха»³³.

Конечно, если бы автор был знаком с первоисточниками и не ограничивался чтением критических работ, он знал бы, что классические астрологические карты строятся индивидуально для каждого человека, а профессиональные астрологи относятся к публикуемым в газетах гороскопам так же критично, как и он сам. Но обращение к первоисточникам и объективный анализ астрологических концепций автору не интересны, поскольку он ставит перед собой цель не изучить, но подвергнуть критике явление, о котором пишет. Таким образом, ставя перед собой благородные просветительские цели, автор, к сожалению, достигает противоположного эффекта, способствуя распространению расхожих клише об астрологии, с которыми затем приходится сталкиваться специалистам, стремящимся заняться ее академическим изучением в рамках истории, религиоведения и других профильных дисциплин.

Таким образом, исследователь, стремящийся к объективному, научному изучению истории и содержания эзотерических учений, оказывается в непростом положении. Критики эзотеризма подозревают его в личной вовлеченности, а эзотерики, когда такой исследователь хочет заняться полевыми исследованиями, могут относиться к нему настороженно или даже враждебно, либо опасаясь встретить очередного «сектоведа» или «борца с лженаукой», либо считая его самого «профаном», бесцеремонно вторгающимся в сферы, которые он не способен понять. Характеризуя актуальное состояние развития академического изучения эзотеризма в России, следует сказать, что, несмотря на большой объем проделанной работы, определившей наличие определенных положительных тенденций, гораздо больше еще предстоит сделать в будущем. Сообщество исследователей эзоте-

³¹ Гинзбург В.Л. Об атеизме, религии и светском гуманизме. М., 2013.

³² Сурдин В.Г. Астрология и наука. Фрязино, 2007.

³³ Гинзбург В.Л. Астрология и лженаука // Наука и жизнь. <http://www.nkj.ru/archive/articles/12665/>. Последнее посещение 26 февраля 2017.

ризма на постсоветском пространстве еще только складывается, и в настоящее время оно далеко не так консолидировано, как хотелось бы, что нередко приводит к тому, что авторы, пишущие по одной и той же теме, иногда не знают о существовании друг друга.

Не менее важно, что ни в обществе в целом, ни в академическом сообществе в частности еще не сложилось четкого и ясного понимания того, что же представляет собой «академическое исследование эзотеризма», поэтому нередко оно подменяется либо критическими работами «разоблачителей», либо, что представляет другую крайность, некритическими сочинениями самих эзотериков. Здесь, очевидно, накладывает свой отпечаток то, что периоды спокойного развития науки в нашей стране прерывались длительными отрезками времени, в течение которых на первое место выходили идеологические соображения. В такие периоды попытки объективного изучения эзотеризма сталкиваются с серьезными трудностями. С одной стороны, в это время активизируются критически настроенные авторы, подменяющие исследование «критикой» или «разоблачениями», с другой – сами эзотерики «уходят в подполье» и, противопоставляя себя «мэйнстриму» культуры, маргинализируются, вырабатывают критическое отношение как к науке в целом, так и к научному изучению эзотеризма в частности, что, в свою очередь, ограничивает возможность полевых исследований. Остается надеяться, что современные исследователи, вне зависимости от своей мировоззренческой платформы, смогут перешагнуть через предубеждения и стереотипы, чтобы объединить усилия для объективного изучения этого важного культурного феномена.

IV. Политология

Руслан Кермач

Отношение украинцев к России и россиянам: динамика и основные тенденции*

Одним из наиболее важных измерений состояния межгосударственных отношений является динамика отношения граждан различных государств друг к другу. Этот индикатор общественного мнения в значительной мере отражает глубинные аспекты восприятия жителей других стран, которые выходят далеко за рамки общих дипломатических деклараций и заявлений должностных лиц во время публичных встреч или дипломатии на высшем уровне. О действительно «здоровых» межгосударственных отношениях, очевидно, можно говорить лишь в том случае, когда на уровне общественного мнения соответствующих государств сохраняется взаимное положительное или хотя бы нейтральное отношение.

Отношение украинцев к своему восточному соседу – России, как и наоборот, отношение россиян к Украине и украинцам – довольно длительное время находится в фокусе внимания социологов обеих стран. В частности, в рамках совместного проекта Киевского международного института социологии (КМИС) и негосударственной исследовательской организации «Левада-Центр» (Москва) осуществлялся регулярный мониторинг общественного мнения в двух соседних странах (Украине и России), который был направлен на изучение отношения населения Украины к России и населения России к Украине соответственно¹.

В представленной статье будут рассмотрены и проанализированы основные этапы и значимые трансформации общественного мнения Украины в отношении к России и россиянам в течение последних восьми лет мониторинга (с 2008 по 2016 гг. включительно). Вместе с тем будут определены фундаментальные факторы, которые потенциально могли оказывать влияние на формирование тех или иных тенденций либо изменений в общей динамике общественного мнения в Украине.

* Ранняя версия статьи была опубликована на украинском языке в сборнике *Трансформації суспільних настроїв в умовах протидії агресії Росії на Донбасі: регіональний вимір* (Ред. О. Гарань. К., 2017). Некоторые положения статьи не соответствуют мнению редакции – прим. ред.

¹ Автор выражает признательность Киевскому международному институту социологии и лично генеральному директору КМИС, профессору кафедры социологии НаУКМА Владимиру Паниотто за содействие в получении необходимых социологических данных мониторингов общественного мнения в Украине.

Динамика общественного мнения Украины в довоенный период (2008-2013 гг.)

С самого начала мониторинга общественного мнения в Украине и России вплоть до начала российской агрессии против Украины в 2014 году социологи в целом отмечали относительную стабильность динамики отношения украинцев к России. Однако этот предвоенный период мониторинга общественного мнения в Украине по отношению к России можно условно разделить на 2 основных этапа: (1) этап стабильно высокого уровня положительного отношения к России (2008-2010 гг.) и (2) этап пониженного положительного отношения к России (2011-2013 гг.).

Этап стабильно высокого уровня положительного отношения к России (2008-2010 гг.)

В общем, как свидетельствуют данные мониторинга КМИС, показатели «хорошего отношения» к России² среди украинских граждан на первом этапе мониторинга (за период с апреля 2008-го по октябрь 2010 г.) имели очень высокий уровень и составляли в среднем порядка 90%. При этом общий уровень волатильности показателя «хорошего отношения» к России в общественном мнении украинцев в этот период времени был сравнительно незначительным: наименьший зафиксированный показатель держался на уровне 88%, в то время как наивысший составлял 93%. «Плохо» к России относились в период с 2008 по 2010 год в среднем около 6% украинских граждан и этот показатель вообще не превышал 9% в указанный период. Примечательно также, что количество неопределившихся в своих симпатиях или антипатиях к России украинцев было статистически незначительным – в среднем на уровне 3-4% опрошенных в Украине граждан³. Таким образом, можно констатировать весьма высокую степень определенности в общественном мнении украинского населения в период с 2008 по 2010 год в контексте общего отношения к России.

Примечательно, что в то же самое время динамика общественного мнения в самой России относительно Украины не характеризовалась таким же постоянством и высоким уровнем позитивного отношения, которое демонстрировали украинские граждане в отношении России. Напротив, меньше чем за год с начала мониторинга общественного мнения в апреле 2008 года и вплоть до мая 2009 года процент положительно настроенных к Украине россиян стремительно сни-

² Показатель «хорошего отношения» обобщает суммарное количество (процент, %) опрошенных респондентов в Украине, которые относятся к России «очень хорошо» и «в основном хорошо».

³ Динаміка ставлення населення України і Росії одне до одного // Київський міжнародний інститут соціології (КМІС). 2 марта 2012. <http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=92&page=35>. Последнее посещение 29 июня 2017 года.

зился с 55% до 34%⁴. Однако уже со второй половины 2009 года динамика так же стремительно начала меняться на противоположную, и процент положительно настроенных к Украине российских граждан начал динамично расти, достигнув своего пикового показателя – 70% – во второй половине (октябре) 2010 года⁵. Резкое негативное изменение общественного мнения в России относительно Украины в 2008-2009 гг. может быть продиктовано, в частности, рядом знаковых международно-политических событий, произошедших в этот период, и соответствующей реакцией российской власти и СМИ на эти события в контексте Украины.

Прежде всего, обращает на себя внимание событие, которое потенциально могло стать судьбоносным для Украины в ее евроатлантическом продвижении – Бухарестский саммит НАТО (2-4 апреля 2008 года), во время которого, среди прочего, рассматривался вопрос о возможности предоставления Украине Плана действий по членству (ПДЧ) в НАТО. Как известно, высшие должностные лица Российской Федерации выступали с резкой критикой и даже прямыми угрозами в адрес Украины и Грузии в случае, если этим странам будет предоставлен План действий по членству в Североатлантическом альянсе⁶. В августе 2008 года имела место российско-грузинская война, в ходе которой украинская сторона выступила в поддержку официального Тбилиси, что, конечно, также негативно было воспринято в Москве. Наконец, третьим знаковым событием, которое в указанный период мониторинга общественного мнения могло повлиять на общую динамику отношения россиян к Украине, стало разворачивание так называемой «газовой войны» на рубеже 2008-2009 гг., когда российская сторона полностью прекратила поставки газа в Украину⁷. Безусловно, все вышеназванные события не проходили бесследно для общественного мнения и имели высокий общественный резонанс в российских СМИ. Последние, будучи уже на тот момент в значительной степени контролируемые со стороны государственных органов власти России⁸, осуществляли целенаправленную политику дискредитации Украины в глазах российских граждан, что, в свою очередь, негативно сказывалось на их

⁴ Россияне об Украине, украинцы о России // Левада-Центр. 25 февраля 2010. <http://www.levada.ru/2010/02/25/rossiyane-ob-ukraine-ukraintsy-o-rossii/>. Последнее посещение 29 июня 2017 года.

⁵ Динаміка ставлення населення України і Росії одне до одного, жовтень 2010 // Київський міжнародний інститут соціології. 11 ноября 2010. <http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=276&page=36>. Последнее посещение 29 июня 2017 года.

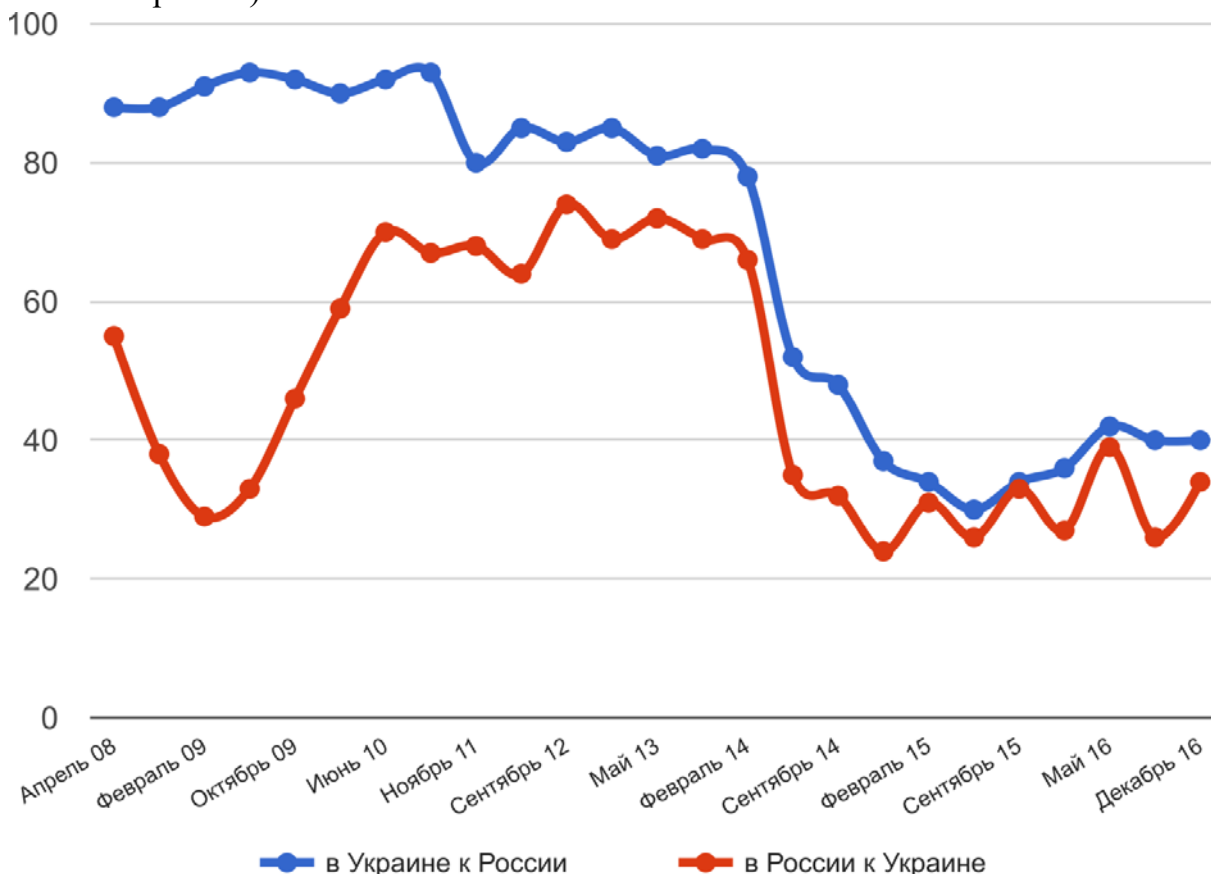
⁶ Russia army vows steps if Georgia and Ukraine join NATO // Reuters. 11 April 2008. <http://www.reuters.com/article/us-russia-nato-steps-idUSL1143027920080411>. См. также: Socor V. Moscow makes furious but empty threats to Georgia and Ukraine // Eurasia Daily Monitor. Vol. 5. № 70. 2008. http://www.jamestown.org/single/?tx_ttnews%5Btt_news%5D=33544&no_cache=1#.V7MZVluLSUk. Последнее посещение 29 июня 2017 года.

⁷ Russia shuts off gas to Ukraine // BBC News. 1 January 2009. <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/7806870.stm>. Последнее посещение 29 июня 2017 года.

⁸ Freedom of the Press 2009 – Russia // Freedom House. <https://freedomhouse.org/report/freedom-press/2009/russia>. Последнее посещение 29 июня 2017 года. См. также: Freedom of the Press 2010 – Russia // Freedom House. <https://freedomhouse.org/report/freedom-press/2010/russia>. Последнее посещение 29 июня 2017 года.

отношении к Украине. Это искаженное восприятие Украины и фиксировалось социологическими исследованиями, в частности, теми, которые на том этапе проводил «Левада-Центр» в России.

График 1. Динамика положительного отношения населения Украины к России и населения России к Украине (% тех, кто относится к другой стране «хорошо» и «очень хорошо»)

Источник: Как менялось отношение населения Украины к России и населения России к Украине в 2016 году // Киевский международный институт социологии (КМИС). 10 февраля 2017.

Как видно по результатам социологического мониторинга, устойчивая динамика позитивного отношения украинских граждан к России на первом этапе мониторинга (апрель 2008 - октябрь 2010 гг.) сохранялась даже при наличии определенных ощутимых раздражителей в двусторонних отношениях и несмотря на откровенно недружественные шаги российского руководства (такие как «газовая война» 2008-2009 гг.) по отношению к Украине в этот период.

Этап пониженного положительного отношения к России (2011-13 гг.)

Условно второй этап мониторинга общественного мнения в Украине в «предвоенный» период (ноябрь 2011-2013 гг.) начинается с фиксации социологами в ноябре 2011 года определенного падения в Украине процента положительно настроенных к России украинских граждан сразу на 13%: с максимального для всего периода мониторинга показателя в 93% положительно настроенных граждан до несколько более скромных 80% (см. график 1). Правда, уже в ходе последующих этапов мониторинга 2012 года показатель «хорошего отношения» к России среди украинских граждан несколько вырос (до 85%) и в дальнейшем колебался примерно на уровне этой отметки⁹.

Характерный для данного этапа мониторинга уменьшенный уровень положительного отношения к России в общественном мнении Украины можно объяснить как соответствующей динамикой двусторонних отношений Украины и России, так и общими внешнеполитическими ориентациями украинского руководства в данный период. Как известно, с приходом к власти президента Виктора Януковича заметно активизировался пророссийский вектор внешней политики Украины. Изменение внешнеполитических ориентаций Киева, в частности, нашло свое выражение в подписании т.н. «Харьковских соглашений» (2010) относительно пролонгации срока базирования в Севастополе Черноморского флота РФ и фиксации «внеблокового статуса» Украины в законе «Об основах внутренней и внешней политики», который Верховная Рада приняла 1 июля 2010¹⁰. Однако форсирование пророссийского вектора во внешней политике и одновременно уступки в вопросе пролонгации базирования ЧФ РФ не принесли ожидаемых встречных уступок со стороны Москвы по Украине: скорее, наоборот, начиная с 2011 года, российская сторона начала прибегать к таким откровенно недружественным мероприятиям, как «продуктовые» и «таможенные войны» против украинской экспортной продукции¹¹.

Мониторинг общественного мнения за 2013 год хотя и в определенной степени демонстрирует нисходящую тенденцию показателя положительного отношения к России в Украине, но в целом не отличается очень резкими колебаниями, как в общенациональном, так и региональном разрезе. Количество граждан Украины, которые выражают положительное отношение к России, по-прежнему составляет абсолютное большинство в каждом из макрорегионов страны (Западном, Центральном, Южном и Восточном), как и в целом по Украине.

⁹ Динаміка ставлення населення України і Росії одне до одного // Київський міжнародний інститут соціології (КМІС). 2 марта 2012. <http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=92&page=35>. Последнее посещение 29 июня 2017 года.

¹⁰ Закон України № 2411-VI «Про засади внутрішньої і зовнішньої політики» // Офіційний портал Верховної Ради України. 1 июля 2010. <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/2411-17>. Последнее посещение 29 июня 2017 года.

¹¹ Говдя Д. Снова сыр: Россия вводит новые торговые ограничения // ИА ЛігаБізнесІнформ. 9 октября 2012. <http://biz.liga.net/all/prodovolstvie/stati/2326677-opyat-syr-rossiya-vvodit-novyetorgovye-ogranicheniya.htm>. Последнее посещение 29 июня 2017 года.

Таблица 1. Отношение в Украине к России (в %, по регионам): 2013 год (май)

	Макрорегионы*			
	Западный	Центральный	Южный	Восточный
Очень хорошо/ в основном хорошо	65,5	79,8	84,8	92,6
В основном плохо/ очень плохо	20,5	9,2	7,5	4,4
Трудно сказать	14	11,0	7,7	3

* *Западный регион:* Волынская, Закарпатская, Ивано-Франковская, Львовская, Ровенская, Тернопольская, Хмельницкая, Черновицкая области; *Центральный регион:* г. Киев, Киевская, Винницкая, Житомирская, Кировоградская, Полтавская, Сумская, Черкасская, Черниговская области; *Южный регион:* Днепропетровская, Запорожская, Николаевская, Одесская, Херсонская области; *Восточный регион:* Харьковская, Донецкая, Луганская область. Источник: КМИС. <http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=177&page=25>.

Последний «предвоенный» мониторинг общественного мнения в Украине об отношении к России, который был проведен с 8 по 18 февраля 2014 года Киевским международным институтом социологии (КМИС) и Фондом «Демократические инициативы» имени Илька Кучерива, показал дальнейшее сохранение в Украине нисходящего тренда в динамике положительного отношения к России. По сравнению с маем 2013 года, когда уже было зафиксировано падение уровня положительного отношения к России среди украинцев до 82%, в феврале 2014 году этот показатель дошел уже до 78%. Примечательно, что это впервые за весь период мониторинга общественного мнения в Украине в контексте отношения к России (начиная с 2008 года), когда процент положительно настроенных к России украинских граждан опустился ниже условной планки в 80%. В то же время процент украинских граждан, которые негативно относились к России, вырос с 10% (в ноябре 2013 года) до 13% - в феврале 2014 года¹².

Такое изменение общественного мнения в Украине по отношению к России, среди прочего, могло быть обусловлено недовольством украинских граждан резким ростом влияния и непосредственного вмешательства со стороны российских властей в политические процессы в Украине особенно в период конца 2013-го и начале 2014 года, направленного, прежде всего, на недопущение подписания Ки-

¹² Динамика отношения населения Украины к России и населения России к Украине, каких отношений с Россией хотели бы украинцы // Киевский международный институт социологии (КМИС). 4 марта 2014. <http://kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=236&page=1>. Последнее посещение 29 июня 2017 года.

евом Соглашения об ассоциации с Европейским Союзом¹³. Как известно, именно в этот период правительство Украины приняло решение о «приостановлении» подписания Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС¹⁴. Тогдашний премьер-министр Украины Николай Азаров фактически признал российский фактор в качестве первоочередной причины решения затормозить подписание Соглашения об ассоциации с ЕС. Объясняя в парламенте причины приостановки процесса ассоциации Украины с ЕС, тогдашний глава украинского правительства, в частности, заявил следующее: «Совершенно очевидно, что на первое место для правительства [Украины – авт.] стал вопрос восстановления нормальных отношений с Российской Федерацией и урегулирования всех спорных вопросов»¹⁵.

Примечательно также, что в разгар антиправительственных протестов, которые разворачивались в Киеве осенью-зимой 2013-14 гг., Москва осуществляла нескрываемую протекцию и поддержку политического режима Виктора Януковича, одним из показательных подтверждений чему стало внезапное решение российских властей предоставить Киеву кредит в 15 млрд. долларов США и скидку в цене на импортируемый из России газ (до 268,5 долл. за 1000 куб. м)¹⁶. На фоне роста недовольства украинских граждан тогдашним президентом Украины Виктором Януковичем откровенная игра российской стороны в поддержку последнего, как и перманентное давление Москвы относительно приостановления евроинтеграционных устремлений Киева, могли восприниматься в среде значительной части украинских граждан не иначе как проявление прямого вмешательства во внутренние дела страны, что соответственно оказывало долгосрочное влияние на общественное мнение в Украине в целом.

¹³ За отказ от евроинтеграции Россия предложила Украине реструктуризировать старые долги // Зеркало недели. 30 ноября 2013. http://zn.ua/ECONOMICS/za-otkaz-ot-evrointegracii-rossiya-predlozhila-ukraine-restrukturizovat-starye-dolgi-133935_.html. Последнее посещение 29 июня 2017 года.

¹⁴ Питання укладання Угоди про асоціацію між Україною, з однією сторони, та Європейським Союзом, Європейським Співтовариством з атомної енергії і їх державами – членами, з іншої сторони (Кабінет Міністрів України, Розпорядження від 21 листопада 2013 р. № 905-р.) // Офіційний портал Верховної Ради України. 21 ноября 2013. <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/905-2013-%D1%80>. Последнее посещение 29 июня 2017 года.

¹⁵ Азаров назвал причины приостановки процесса ассоциации Украины с ЕС // Forbes. 22 ноября 2013. <http://www.forbes.ru/news/247760-azarov-nazval-prichiny-priostanovki-protsessassotsiatsii-ukrainy-s-es>. Последнее посещение 29 июня 2017 года.

¹⁶ Putin Pledges Billions, Cheaper Gas to Yanukovich // Radio Free Europe – Radio Liberty. 17 December 2013. <http://www.rferl.org/content/ukraine-protests-yanukovich-moscow/25203138.html>. Последнее посещение 29 июня 2017 года.

Резкая трансформация общественного мнения в Украине в свете российской военной агрессии (2014-2016 гг.)

Как было проиллюстрировано выше, в течение почти всего «довоенного» периода мониторинга общественного мнения в Украине (сентябрь 2008 - ноябрь 2013) ощутимых резких колебаний в общей динамике положительного отношения к России фактически не происходило, за исключением лишь одного этапа определенного уменьшения соответствующего показателя в период с конца 2010 года до 2011 года. Но после фиксации этого незначительного падения в 2011 году дальнейшая динамика «хорошего отношения» украинцев к России оставалась достаточно устойчивой и ощутимых колебаний этого показателя социологи не фиксировали вплоть до февраля 2014 года, когда впервые появились признаки нового «проседания» процента положительно настроенных к России украинцев. Однако это «проседание» в феврале 2014 все-таки не было настолько заметным, если сравнивать с данными мониторинга общественного мнения в Украине за 2013 год. (См. график 1).

Как уже было сказано, практически за весь «предвоенный» период мониторинга (сентябрь 2008 - ноябрь 2013 гг.) процент положительно настроенных к России украинских граждан в целом не падал ниже 80% вплоть до последнего «предвоенного» мониторинга в феврале 2014 года. Зато в самой России, как свидетельствуют данные мониторинга Левада-Центра, динамика отношения к Украине имела чрезвычайно неустойчивый характер. Диапазон фиксированных в период с 2008-го по февраль 2014 года колебаний составлял 45%: от 29% положительно настроенных к Украине россиян в январе 2009 года до 74% таковых в сентябре 2012 года¹⁷.

И хотя последний «предвоенный» мониторинг впервые показал падение уровня хорошего отношения к России ниже «психологической отметки» в 80%, действительно серьезные изменения в общественном мнении Украины продемонстрировал уже следующий мониторинг, проведенный Киевским международным институтом социологии (КМИС) в апреле-мае 2014 года. В это время территория Автономной Республики Крым уже была незаконно аннексирована Российской Федерацией, тогда как на Донбассе в апреле 2014 года Кремль попытался реализовать сценарий так называемой «русской весны», направленный на дальнейшую дестабилизацию и дезинтеграцию территориальной целостности Украины.

Все это, безусловно, не могло не сказаться на общественном мнении и, в частности, на отношении украинских граждан к России, которое начало претерпевать планомерную трансформацию. Так, опрос КМИС, проведенный в мае 2014 года, уже зафиксировал динамичное падение уровня положительной настроенности

¹⁷ Российско-украинские отношения в зеркале украинского кризиса // Левада-Центр. 3 октября 2014. <http://www.levada.ru/2014/10/03/rossijsko-ukrainskie-otnosheniya-v-zerkale-ukrainskogo-krizisa/>. Последнее посещение 29 июня 2017 года.

украинских граждан к России: по сравнению с опросом от февраля 2014 года этот показатель упал сразу на 26%: с 78% до 52%. В то же время почти втрое за этот промежуток времени, согласно данным того же КМИС, выросла доля украинцев, склонных скорее негативно относиться к России: с 13% до 38%¹⁸. При этом следует отметить, что в региональном разрезе наиболее стремительная эрозия положительного отношения к России имела место, прежде всего, в Западном и Центральном регионах Украины – падение на 40% и 33%, тогда как на Юге и Востоке Украины уменьшение по вышеуказанному показателю составило 21% и 15% соответственно¹⁹.

Вместе с тем, как свидетельствуют данные КМИС, в общенациональном измерении доля положительно настроенных к России украинцев даже несмотря на начало российской агрессии все еще продолжала составлять минимальное, но все же, большинство (52%) на тот момент. Это происходило во многом благодаря регионам Юга и Востока Украины, где большинство граждан продолжали выказывать положительное отношение к России (65% и 77%) даже несмотря на уже реализованную на тот момент аннексию Автономной Республики Крым и города Севастополя Российской Федерацией (18 марта 2014)²⁰ и начало захватов вооруженными пророссийскими боевиками административных зданий в ряде городов на Донбассе²¹.

В сентябре 2014 года социологи зафиксировали дальнейшее падение положительного отношения к России среди украинских граждан, которое впервые за весь период мониторинга в целом по Украине составило менее половины всего населения - 48% (в мае 2014 было 52%), тогда как доля негативно настроенных к России украинцев выросла с 38% (в мае 2014) до 41% соответственно²². При этом стоит отметить, что во время майского и сентябрьского социологических опросов 2014 года наряду с вопросом об отношении украинских граждан к соседнему государству (Российской Федерации) изучалось также отношение отдельно к жителям соседней страны (россиянам) и к руководству российского государства. Эти исследования выявили, что российская агрессия против Украи-

¹⁸ Паниотто В., Пясковская Т. Как изменилось отношение населения Украины к России и населения России к Украине // Киевский международный институт социологии (КМИС). 17 июня 2014. <http://kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=347&page=17>. Последнее посещение 29 июня 2017 года.

¹⁹ Там же.

²⁰ «Договор между РФ и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» // Президент России. 18 марта 2014. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20605>. Последнее посещение 29 июня 2017 года.

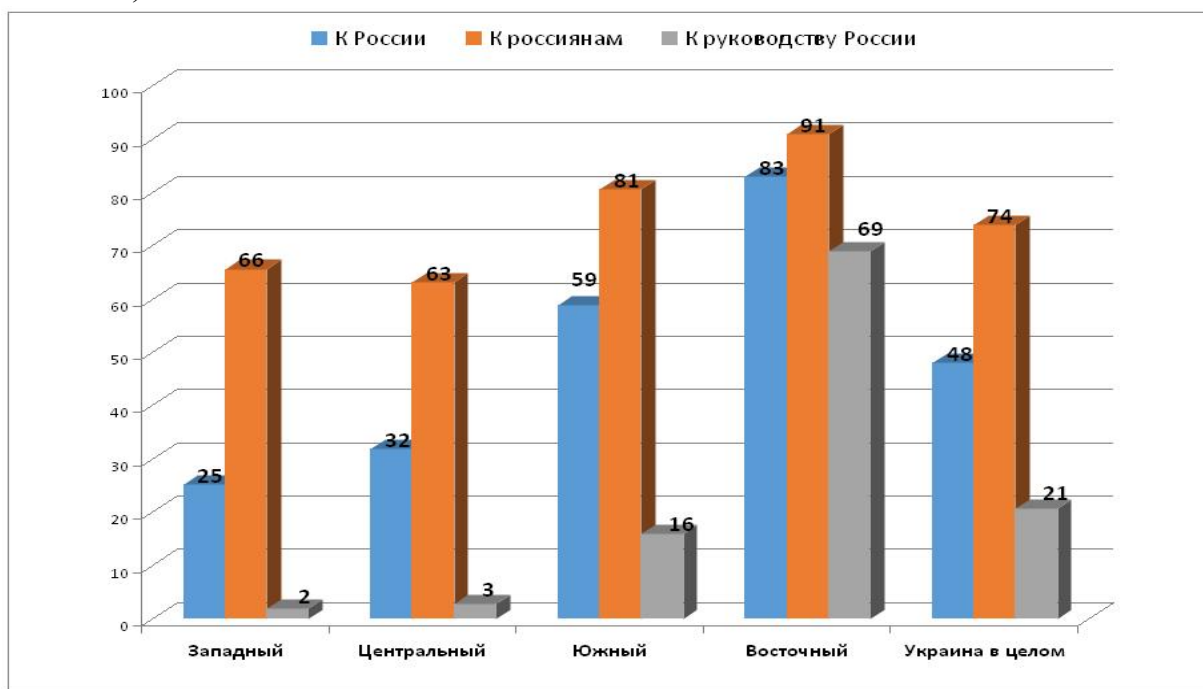
²¹ Вторжение в Украину: хроника за 5–15 апреля // Liga.net. 15 апреля 2014. http://news.liga.net/articles/politics/1280196-vtorzhenie_v_ukrainu_poslednie_sobytiya_v_krymu_i_na_yugo_vostoke.htm. Последнее посещение 29 июня 2017 года.

²² Как изменилось отношение населения Украины к России и населения России к Украине // Киевский международный институт социологии (КМИС). 6 октября 2014. <http://kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=404&page=15>. Последнее посещение 29 июня 2017 года.

ны сказала, прежде всего, на отношении к российскому руководству (69% украинцев в целом относились к нему отрицательно), тогда как отношение украинских граждан к россиянам и впредь оставалось на достаточно высоком положительном уровне (74% высказывали в целом хорошее отношение) согласно данным опроса сентября 2014²³.

В региональном разрезе, согласно данным вышеупомянутого сентябрьского опроса, во всех без исключения макрорегионах Украины (от 63% в Центре до 91% на Востоке) подавляющее большинство украинских граждан в целом хорошо относилось к россиянам (см. график 2 ниже). В то же время к российскому руководству большинство относилось положительно только в Восточном макрорегионе (69%), тогда как во всех других регионах, как и в Украине в целом, таких было абсолютное меньшинство граждан²⁴.

График 2. Региональная дифференциация отношения населения Украины к России, россиянам и руководству России – процент тех, кто относится в целом «хорошо» (сумма процентов тех, кто высказывает «хорошее» и «очень хорошее» отношение)

Источник: Как изменилось отношение населения Украины к России и населения России к Украине // Киевский международный институт социологии (КМИС). 6 октября 2014.

Наконец, последний в 2014 году декабрьский опрос КМИС зафиксировал очередное довольно ощутимое падение числа положительно настроенных к России украинских граждан (с 48% до почти 37%) и параллельно с этим рост числа

²³ Там же.

²⁴ Там же.

негативно настроенных к России украинцев – с 41% до 48%²⁵. Таким образом, впервые за весь предшествующий период мониторинга общественного мнения в Украине (с апреля 2008 года) доля негативно настроенных к России украинцев превысила долю тех, кто имеет положительное отношение к соседней стране. При этом разница между первой и второй группами респондентов составила 11%.

Динамичное сворачивание положительного отношения к России в украинском обществе в 2014 году, очевидно, стало закономерным следствием российской агрессии против Украины. При этом на первых этапах мониторинга после начала российской агрессии в марте-апреле 2014 года (после аннексии Крыма и развёртывания сепаратистских мятежей на Донбассе) процент положительно настроенных к России украинцев хотя и ощутимо обвалился (78% до 52%), но все еще продолжал составлять большинство (см. график 1). Такая, казалось бы, парадоксальная ситуация могла быть, среди прочего, обусловлена некоторой неочевидностью для определенного сегмента украинских граждан роли России в тогдашних процессах развёртывания сепаратизма на Донбассе в силу преимущественно гибридного характера российского влияния на политические процессы в Украине (март-апрель 2014) на том временном этапе.

Однако уже во второй половине 2014 года, когда вторжение российских войск на территорию Украины расширилось (23-24 августа 2014)²⁶, факт российской агрессии в Украине стал абсолютно очевидным и свершившимся для подавляющего большинства украинских граждан²⁷. Это собственно и спровоцировало дальнейшее планомерное уменьшение части положительно настроенных к России украинских граждан и соответственно рост негативных настроений по отношению к соседней стране, отмеченные социологами уже к концу 2014 года.

В первой половине 2015 года общая нисходящая динамика изменения общественного мнения в отношении к России сохранилась, и, следовательно, уже в мае 2015 года, процент положительно настроенных к России украинских граждан достиг своего абсолютного минимума (26%), тогда как процент негативно

²⁵ Енин М. Как изменилось отношение населения Украины к России и населения России к Украине // Киевский международный институт социологии (КМИС). 6 февраля 2015. <http://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=502&page=11>. Последнее посещение 29 июня 2017 года.

²⁶ Kinstler L. Putin Will Never, Ever Admit That Russia Has Invaded Ukraine // New Republic. 28 August 2014. <https://newrepublic.com/article/119260/russias-invasion-ukraine-evidence-convincing-putin-denies>. Последнее посещение 29 июня 2017 года. См. также: New Satellite Imagery Exposes Russian Combat Troops Inside Ukraine / The US Mission to NATO. 28 August 2014. <http://usnato.tumblr.com/post/96003086125/new-satellite-imagery-exposes-russian-combat>. Последнее посещение 29 июня 2017 года.

²⁷ Оперативна інформація Інформаційно-аналітичного центру РНБОУ за 21 листопада // Рада національної безпеки і оборони України. 21 ноября 2014. <http://www.rnbo.gov.ua/news/1878.html>. Последнее посещение 29 июня 2017 года.

настроенных начал составлять абсолютное большинство – 56%²⁸. Только в сентябре 2015 года тенденция, установившаяся с момента начала российской агрессии против Украины, начала в незначительной степени меняться. Мониторинг общественного мнения второй половины 2015 года (сентябрь) зафиксировал некоторое улучшение отношения к России среди украинцев – до 34% (с 26%) положительно настроенных, и соответственно уменьшение доли негативно настроенных по отношению к соседней стране – с 56% до 53%²⁹.

Зафиксированные в сентябре 2015 года изменения, казалось бы, стали началом новой тенденции к определенному росту положительного отношения к России среди украинских граждан. Последующие мониторинги общественного мнения КМИС также фиксировали рост части положительно настроенных к России сначала до 36% (в феврале 2016 года), а затем уже до 42% опрошенных украинских граждан (в мае 2016 года). Вместе с тем несколько уменьшился процент негативно настроенных к соседнему государству украинцев: от 47% в феврале 2016 до 43% в мае того же года³⁰. Примечательно также, что в региональном разрезе наибольшая динамика роста положительного отношения к России, согласно данным КМИС от мая 2016 года, наблюдалась в Западном (с 21% до 28%), Центральном (с 29% до 39%) и Южном (с 44% до 55%) регионах Украины³¹. Однако новая тенденция достаточно быстро достигла своих пределов и уже во второй половине 2016 года наблюдалась стабилизация показателя положительного отношения к России среди украинских граждан на уровне 40% в целом по Украине³².

²⁸ Динамика положительного отношения населения Украины к России и населения России к Украине («Конец неразделенной любви украинцев к России») // Киевский международный институт социологии (КМИС). 5 октября 2015. <http://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=550&page=8>. Последнее посещение 29 июня 2017 года.

²⁹ Там же.

³⁰ Паниотто В. Как менялось отношение населения Украины к России и населения России к Украине с апреля 2008 по май 2016 // Киевский международный институт социологии (КМИС). 22 июня 2016. <http://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=632&page=1>. Последнее посещение 29 июня 2017 года.

³¹ Там же.

³² Как менялось отношение населения Украины к России и населения России к Украине в 2016 году // Киевский международный институт социологии (КМИС). 10 февраля 2017. <http://kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=680&page=1>. Последнее посещение 29 июня 2017 года.

Таблица 2. Отношение в Украине к России (в %, распределение по макрорегионам): 2016 год

	Макрорегионы*				
	<i>Украина</i>	<i>Западный</i>	<i>Центральный</i>	<i>Южный</i>	<i>Восточный</i>
Очень хорошо/ в основном хорошо	42,1	27,8	38,8	54,5	50,5
В основном плохо/ очень плохо	43	61,4	46,5	31,9	28,2
Трудно сказать	15	10,7	14,7	13,7	21,3

* *Западный регион*: Волынская, Закарпатская, Ивано-Франковская, Львовская, Ровенская, Тернопольская, Хмельницкая, Черновицкая области; *Центральный регион*: г. Киев, Киевская, Винницкая, Житомирская, Кировоградская, Полтавская, Сумская, Черкасская, Черниговская области; *Южный регион*: Днепропетровская, Запорожская, Николаевская, Одесская, Херсонская области; *Восточный регион*: Харьковская, Донецкая, Луганская область. Источник: КМИС. <http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=632&page=1>.

Пока что преждевременно говорить о том, возможно ли в ближайшем будущем восстановление недавно фиксированного тренда улучшения общего отношения к России среди украинских граждан³³. Но само появление этого тренда после динамичного падения в течение 2014-2015 годов требует дополнительных объяснений и исследований. Как отмечал директор КМИС Владимир Паниотто, новая тенденция в общественном мнении Украины проявила себя уже после завершения активной фазы противостояния на Донбассе, и потому, как предполагает Паниотто, могла быть связана с определенной «рутинизацией конфликта на Востоке Украины» и, в частности, с «уменьшением в украинских СМИ информации о присутствии на Донбассе российских войск»³⁴. Так или иначе, улучшение от-

³³ Результаты последнего опроса КМИС, проведенного в сентябре 2016 года, зафиксировало сокращение до 40% (с 42% в мае 2016 года) количества украинцев, которые хорошо относятся к России. В целом этот спад за последние полгода в 2% является статистически незначительным, хотя и дает определенные основания утверждать о неустойчивости новой тенденции улучшения общего отношения к России среди украинских граждан, которая наметилась начиная со второй половины 2015 года.

³⁴ Шурхало Д. Українці стали краще ставитися до росіян, але не до Кремля – Паниотто // Радіо Свобода. 24 июня 2016. <http://www.radiosvoboda.org/a/27817038.html>. Последнее посещение 29 июня 2017 года. См. также: Паниотто В. Как менялось отношение населения Украины к России и населения России к Украине с апреля 2008 по май 2016 // Киевский международный институт социологии (КМИС). 22 июня 2016. <http://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=632&page=1>. Последнее посещение 29 июня 2017 года.

ношения к России в Украине в самом деле имело место в последнее время. Хотя прежде всего эта новая тенденция, как свидетельствуют данные социологических мониторингов, могла быть связана скорее с изменением отношения украинцев к гражданам соседнего государства, но уж никак не к его руководству.

Общественное мнение Украины в контексте аннексии Крыма (2016 г.)

Учитывая тот факт, что далеко идущая трансформация отношения украинских граждан к России и россиянам закономерно началась именно после военной агрессии соседней страны в украинском Крыму, который был незаконно аннексирован и «присоединен» к России, целесообразно обратить внимание и на то, как украинские граждане оценивают сегодня будущее Крыма. С этой целью Фонд «Демократические инициативы» имени Илька Кучерива совместно с социологической службой Центра Разумкова в мае 2016 года провел общенациональный опрос во всех регионах Украины, за исключением АР Крым и находящихся под контролем сепаратистов частей Донецкой и Луганской областей.

Таблица 3. Как Вы считаете, Крым должен входить в состав России, Украины или было бы лучше, чтобы он оставался независимым государственным образованием (как Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье)? (в %, по макрорегионам)

	<i>Украина</i>	<i>Запад</i>	<i>Центр</i>	<i>Юг</i>	<i>Восток</i>	<i>Донбасс</i>
Крым должен входить в состав России	7,2	0,9	3,8	16,4	8,1	15,6
Крым должен входить в состав Украины	68,6	84,4	79,2	49,4	56,5	51,8
Крым должен быть независимым государственным образованием	12,4	8,6	8,2	13,8	19,4	17,5
Трудно ответить	11,8	6,1	8,8	20,3	16,0	15,1

Источник: Будущее Крыма: возможна ли реинтеграция? Как и когда? (общенациональный и экспертный опрос) // Фонд «Демократические инициативы» имени Илька Кучерива. 2016. <http://dif.org.ua/ua/polls/2016a/maibutnepituvannja.htm>.

Результаты опроса демонстрируют твердую убежденность абсолютного большинства украинских граждан – 69% – в том, что Крым должен входить в состав Украины. При этом такое мнение разделяет абсолютное большинство респондентов во всех основных макрорегионах за исключением юга Украины, где таких относительное большинство (49%). В частности, на Юге Украины, а также на Донбассе, 16% опрошенных считают, что Крым должен входить в состав России³⁵.

В то же время в общественном мнении Украины, несмотря на уже более чем трехлетний период (с марта 2014 года) фактической неконтролируемости Украинской территории Автономной Республики Крым, преобладают скорее оптимистические ожидания относительно перспективы возвращения данной территории в состав Украины. Так, в целом 54% опрошенных в Украине респондентов верят в возможность возвращения ныне оккупированной территории полуострова под украинскую юрисдикцию, хотя большинство этих условных оптимистов (34%) склоняются к мнению о долгосрочном периоде реализации такого сценария³⁶.

Важно подчеркнуть, что видение украинских граждан относительно крымского вопроса резко контрастирует с тем, как этот вопрос рассматривает большинство российских граждан. После аннексии Крыма Россией можно говорить о формировании в российском общественном мнении так называемого «посткрымского консенсуса», который нашел свое выражение в массивной поддержке россиянами принадлежности территории оккупированного полуострова к России (87%)³⁷. Более того, 79% россиян склонны считать, что Россия путем «присоединения» Крыма возвращается к своей традиционной роли великой державы и утверждает свои интересы на постсоветском пространстве. В то же время в Украине многие респонденты (45%) склонны видеть в акте аннексии Крыма скорее «рост авантюризма российской власти, которая пытается таким образом отвлечь российское население от реальных социальных и экономических проблем, коррупции и недовольства властями в самой России»³⁸. Эти диаметрально противоположные мнения служат свидетельством того, что крымский вопрос, вероятно, еще долго будет оставаться краеугольным камнем конфликтности в контексте общественного мнения Украины и России соответственно.

³⁵ Майбутнє Криму: чи можлива реінтеграція? Як і коли? (загальнонаціональне і експертне опитування) // Фонд «Демократичні ініціативи» ім. Ілька Кучеріва. 8 июня 2016. <http://dif.org.ua/article/maybutne-krimu-chi-mozhliva-reintegratsiya-yak-i-koli-zagalnonatsionalne-i-ekspertne-opituvannya>. Последнее посещение 29 июня 2017 года.

³⁶ Там же.

³⁷ Крым два года спустя: внимание, оценки, санкции // Левада-Центр. 7 апреля 2016. <http://www.levada.ru/2016/04/07/krym-dva-goda-spustya-vnimanie-otsenki-sanktsii/>. Последнее посещение 29 июня 2017 года.

³⁸ Майбутнє Криму: чи можлива реінтеграція?

Выводы

Рассмотренные данные регулярных мониторингов общественного мнения в Украине в «предвоенный» период (2008-2013 гг.) дают основания говорить о довольно высокой устойчивости показателя положительного отношения к России в среде украинских граждан. В целом, несмотря на существование в этот период разного рода конфликтных ситуаций, «продуктовых» и «газовых» войн, откровенно недружественных шагов со стороны российских властей в измерении двусторонних российско-украинских отношений, общая динамика почти консенсусного «хорошего отношения» к России устойчиво сохранялась. В период с 2008 до 2013 года имело место лишь единовременное небольшое проседание показателя «хорошего отношения» к России в Украине на рубеже 2010 и 2011 годов. Однако до и после этого разового изменения динамика отношения граждан Украины к России была положительно устойчивой с незначительным уровнем волатильности, что ощутимо контрастировало с динамикой общественного мнения в самой России в отношении Украины.

Целенаправленная политика вмешательства во внутренние дела Украины накануне и во время революционных событий в Украине 2013-2014 гг., как и нескрываемая поддержка Москвой режима Виктора Януковича в этот период внутриполитической турбулентности в Украине, создавали предпосылки для определенной эрозии положительного отношения к России уже в начале 2014 года. Однако российская агрессия против Украины сначала гибридного, а позже и почти открытого военного характера стали определяющими факторами резкого и фактически обвального падения процента положительно настроенных к России украинских граждан. Причем соответствующее падение имело место среди жителей всех без исключения регионов Украины.

Результаты социологических исследований также показывают, что снижение уровня положительного отношения к России в значительной степени было связано с резким ухудшением отношения, прежде всего, к российской власти, тогда как к россиянам, даже после начала военной агрессии России, подавляющее большинство украинских граждан относилось скорее положительно, чем отрицательно.

С сентября 2015 отношение украинских граждан к России незначительно улучшилось, что, однако, не стало устойчивой тенденцией и уже во второй половине 2016 года показатель положительного отношения к России закрепился на уровне 40%. Очевидно, что описанная выше политика российского руководства стала тем обременительным фактором для всей дальнейшей динамики двусторонних украино-российских отношений, который не может быть быстро нивелирован в силу определенной инерции общественного мнения, как и закономерных трансформаций в украинском публичном общественно-политическом дискурсе самой парадигмы восприятия соседнего государства в последние годы.

Результаты мониторинга общественного мнения Украины и России относительно крымского вопроса указывают, среди прочего, на глубинные и, как представляется на сегодня, непреодолимые противоречия в трактовке гражданами обеих стран одного из определяющих для будущего российско-украинских двусторонних отношений вопроса о принадлежности полуострова. Ответ на этот вопрос еще долго будет оставаться одним из ключевых индикаторов, определяющим перспективы возможного «оздоровления» отношение украинцев к россиянам.

Трансформації суспільних настроїв в умовах протидії агресії Росії на Донбасі: регіональний вимір

V. Эссе

Михаил Блюменкранц

Проснувшиеся в Армагеддоне: размышления о символической реальности в эпохи кризисов

В рассказе Рэя Брэдбери *Уснувший в Армагеддоне* астронавт, потерпевший крушение на чужой планете, в течение четырех дней отчаянно борется с наваливающимся на него сном. Он знает, что если он сдастся, уступит, его сознанием безраздельно завладеют невидимые обитатели этого пугающего, враждебного мира. Мы же часто оказываемся перед угрозой иного рода: внезапно пробудиться, очнуться от привычных будничных сновидений и очутиться лицом к лицу с непостижимой действительностью.

Одним из важнейших условий нашего пребывания в состоянии грезящего сознания является присущая нам способность удобно обустроиваться в пространстве символической реальности. Наши привычные представления о действительности, о себе самих и о других, то, что мы называем своей системой ценностей, наши вкусы и эстетические предпочтения, словом, все то, из чего складывается наша картина мира, – все это мы кропотливо собираем в паззлы символических форм, имеющиеся в нашем распоряжении. Мы создаем реальность так же, как и реальность создает нас. Символические формы – это оптика, посредством которой наше сознание фокусируется на окружающем мире. Эта оптика позволяет нам не только преобразовывать окружающий нас хаос в космос, но и дает возможность структурировать саму нашу личность, преобразуя и упорядочивая хаос нашего внутреннего мира. Таким образом, собственно, и выполняется основная цивилизационная миссия культуры.

В связи с вышесказанным возникает естественный вопрос – а что же такое символ, чем он принципиально отличается от другого семантического знака? О значении символа и о проблемах символизма существует обширная литература. Однако, чтоб не заниматься инвентаризацией сухих научных дефиниций, попробуем привести один наглядный пример отличия знака от символа. Возьмем деревянный крест. Для человека, находящегося вне определенного культурно-исторического контекста, это просто две сколоченных вместе деревяшки. Для другого – это *знак*, указывающий на кладбище. Для человека, обладающего достаточной эрудицией и не являющегося верующим христианином – это *эмблема*,

важнейший атрибут христианской религии, распространенный способ казни во времена Римской империи. Для верующего христианина – это сакральный *символ* искупительной жертвы Иисуса Христа.

В первом случае крест воспринимается сознанием субъекта как материальный объект окружающего мира, не несущий в себе никаких дополнительных смыслов, во втором – как сигнал, метка, маркер специфически организованного пространства; в третьем – как эмблема, оживляющая в памяти значимые события человеческой истории, и, наконец, в последнем – крест воспринимается как символ в его сакральном значении: человек переживает страдания распятого Христа как собственный экзистенциальный опыт, вплоть до появления стигматов веры. В данном случае символ является не только и не столько формой познания, но прежде всего формой восприятия и переживания мира. «Язык символов», – полагал Эрих Фромм, – «это язык, посредством которого мы выражаем наше внутреннее состояние так, как если бы оно было чувственно воспринимаемым, как если бы оно было чем-то таким, что мы думаем, или чем-то, что делается с нами в окружающем материальном мире. Язык символов – это язык, в котором внешний мир есть символ внутреннего мира, символ души и разума»¹.

Эрнст Кассирер, который рассматривал культуру как иерархию символических форм, писал: «Миф и искусство, язык и науки являются ... формами *чеканки бытия*, они не просто отпечатки нашей действительности, а директивы движения духа, того идеального процесса, в котором реальность конструируется для нас как единая и многообразная, как множество форм, спаянных в конечном счете единством смысла»². В продолжение идей Э. Кассирера приведем высказывание Альфреда Вебера: «Каждая культура существует в своем уникальном историческом теле. Возникает не объективный космос, а душевно обусловленная рядоположенность символов»³.

В то же время имеется и точка зрения, которая рассматривает символ не как нашу субъективную проекцию, форму *чеканки бытия*, а как объективно существующую действительность. Романо Гвардини полагал, что: «...символ так же реален, как химическая субстанция или телесный орган»⁴. По мнению Пауля Тиллиха: «... символы соучаствуют в той реальности, на которую указывают»⁵. Более того, символы способны «... не только обнажать те измерения и элементы реальности, которые иначе были бы недоступны нам, но и открыть те измерения и элементы нашей души, которые соответствуют этим измерениям и элементам реальности»⁶.

¹ Фромм Э. Забытый язык // он же. Душа человека. М., 1992. С. 185.

² Кассирер Э. Философия символических форм. М., СПб., 2002. Т. 1. С. 41.

³ Вебер А. Избранное: кризис европейской культуры. СПб., 1999. С. 21.

⁴ Гвардини Р. Конец Нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 141.

⁵ Тиллих П. Избранное: теология культуры. М., 1995. С. 160.

⁶ Там же. С. 160.

Вопрос о субъективном или объективном характере символических форм можно переформулировать в другой плоскости: насколько объективен или субъективен мир человеческой культуры. С одной стороны, он субъективен, как креативный акт человеческого сознания, с другой – он объективен как материализовавшийся артефакт нашего бытия.

Существование символических форм позволяет человеку быть демиургом: творить окружающий мир по своему образу и подобию.

Но, как всякое истинное творчество, эта работа не сводится только к работе сознания. Один известный американский писатель как-то отозвался о творчестве своего собрата по перу в том духе, что тот никогда не станет большим писателем, так как у него слишком мало хаоса в подсознании. (Это высказывание прозвучало еще до известной теории И.Р. Пригожина о «творящем хаосе».)

Все тот же П. Тиллих, вслед за К. Юнгом, считал: «Преднамеренно создать символы невозможно... Они рождаются в индивидуальном и коллективном бессознательном и способны действовать, лишь если их примет бессознательное измерение нашего бытия. Символы, исполняющие особую социальную функцию, как например, политические и религиозные, творятся, или, по крайней мере, принимаются коллективным бессознательным той группы, в которой они возникают»⁷.

Так же, как и в рассказе Р. Брэдбери, где голоса инопланетян, лишенных собственной плоти, способны материализоваться только в чужом теле, во время сна, т.е. в бессознательном состоянии, так и символы рождаются и овладевают нашим сознанием на каком-то смутном, не подотчетном рациональному мышлению уровне нашего Я. Это уровень веры, а не знания. Здесь мир, в котором чары поющих сирен подчас приобретают неодолимую власть над нашими душами. Вместо того чтобы открывать новые измерения действительности, символ начинает аннулировать реальность, заменяя мир реальных объектов их символическими значениями. Таким образом, конкретная реальность ускользает, без остатка растворяясь в символе. Символ подменяет собой действительное содержание реалий нашего бытия. История изобилует многочисленными примерами, когда охваченные святым чувством поруганной справедливости массы безжалостно истребляют друг друга и умирают в полной убежденности, что делают это во имя высших нравственных ценностей: свободы, братства, светлого будущего всего человечества. Когда же рассеивается мираж, завороживший их сердца символической реальностью, то оказывается, что разрушенные города, годы бед и лишений, горы оставленных трупов оказались неизбежной платой не за воплощение в жизнь святых идеалов, а непомерной ценой, заплаченной за то, чтобы одних ничтожных властителей сменить другими, не менее ничтожными.

Проблема заключается в том, что символы способны не только открывать новые уровни реальности, но и успешно камуфлировать существующие. В этом,

⁷ Там же. С. 160.

последнем случае, символ становится эффективным средством ценностных подмен и искусным способом манипуляции массовым сознанием. И тогда, как это происходит с объемным изображением на открытках, вместо вымечтанного Золотого века в духе Клода Лорена, нам неожиданно открывается картина брейгелевских слепых, ведущих толпы незрячих в *Сад радостей земных* Босха.

Символическая реальность может оказаться как условием наших высочайших духовных взлетов, так и причиной наших глубочайших нравственных падений. Трудно обрести знамя, но еще больше усилий требуется иной раз для того, чтобы его потерять.

На заре человеческой истории, в архаических обществах, символическое мышление было важнейшим средством адаптации человека к окружающему миру. Символ лежал в основе магии и, используемый в магических целях, являлся не только способом познания мира, но, в первую очередь, способом овладения, подчинения себе природных стихий. Внутренние переживания и внешний мир находились в непосредственном нерушимом единстве, и, в соответствии с уже цитированными воззрениями Э. Фромма, работа души обуславливала картину мира и его символическое содержание. В ходе дальнейшего исторического развития постепенно теряется это единство, как и представление, присущее архаическому сознанию, о неразделимости конкретного предмета и его символической формы. В процессе отмеченной Максом Вебером рационализации отношений человека с миром природы, *расколдованием мира*, символические значения обретают более автономное, независимое от предметного мира существование. Происходит дифференциация некогда целостного мира магической реальности на мир материальных и мир духовных сущностей, раскол между которыми со временем увеличивается. Сакральное измерение бытия трансцендирует из реальной действительности в действительность идеальную, и символ из мощного средства овладения природной средой становится мостиком, соединяющим расколовшийся мир.

В результате произошедших перемен усиливается функция символических форм как способа познания действительности, но при этом хоть и ослабляется, но отнюдь не атрофируется их магическая функция подчинения, овладения окружающим миром. Как тонко подметил Вольфганг Гете, «Мы имеем дело с истиной символической, когда особое репрезентирует общее не как сновидение и тень, но как жизненно-мгновенное раскрытие неиспытываемого»⁸. Именно это *жизненно-мгновенное раскрытие неиспытываемого*, в котором *особое репрезентирует общее* и является скрытым инструментом магического воздействия символа, благодаря которому целостность мира не познается, а переживается как единство природы и духа, внешнего и внутреннего, духовного и телесного. На этом уровне сознания символ приобретает творческую силу, с неограниченной мощью воздействия на реальность материального мира. Таковую особенность символиче-

⁸ Цит. по: Аверинцев С. София-Логос: словарь. К., 2005. С. 392-393.

ских форм отмечал Э. Кассирер: «Символические формы – это не просто события, которые играют в нас и с нами, они – особые *энергии*, с чьей помощью строится мир культуры, мир языка, искусства, религии»⁹.

С исчезновением магического сознания эти особые энергии сублимируют, трансформируясь из средств овладения природным миром в средства открытия и овладения духовной реальностью. Особенно интенсивно этот процесс проходил в эпоху Средневековья. По мнению Р. Гвардини, «Средневековый человек видит символы повсюду». Этому времени, считает философ, свойственно «... – на самом элементарном уровне – познание символического содержания бытия»¹⁰.

Однако обладая огромной культуросозидающей мощью, символические формы несут в себе в то же время и серьезные риски, риски иссякновения *реального* бытия. Эту опасность хорошо понял и сформулировал один из исследователей: «Можно утверждать, что *главная особенность символизации, как приема абстрагирования, заключается в том, что она позволяет нам оперировать с объектами предметно-физической реальности по законам воображения, а не по физическим (природным) законам*. Говоря иными словами, в пространстве символической реальности материальные объекты и природные явления освобождаются от своей физической закрепленности и связанности. Это позволяет высказать предположение о том, что *главной функцией символической реальности является размягчение "реальной реальности", придание ей пластических, "жидкостных" свойств*»¹¹.

Об опасностях, подстерегающих нас в символизме, предупреждал Альфред Норт Уайтхед: «Существует большая разница между символизмом и научным знанием. Прямой опыт непогрешим. Чему вы научились, тому и научились. Но символизм более подвержен погрешности в том смысле, что он может индуцировать действия, чувства, эмоции и доверие к вещам, которые являются просто понятиями без той достоверности в мире, которую символизм заставляет нас предположить. Я хочу развить тезис о том, что символизм является важным фактором для того, как мы действуем в результате нашего прямого знания. Высокоразвитые организмы возможны только при условии, что их символические действия обычно оправданы постольку, поскольку это связано с важными результатами. Однако ошибки человеческого рода равным образом проистекают из символизма. Задача рассудка – понять и очистить символы, от которых зависит человечество»¹².

Из всего вышесказанного и процитированного напрашиваются, по крайней мере, три вывода. Первый – символы обладают высоким энергетическим потенциалом. Второй – символы способны открывать новые уровни реальности как в окружающем нас мире, так и в нашем сознании. И третий – символы могут вы-

⁹ Кассирер Э. Избранное: опыты о человеке. М., 1998. С. 59.

¹⁰ Гвардини Р. Конец Нового времени // Вопросы философии. 1990. №. 4. С. 134.

¹¹ Речицкий В. Символическая реальность и право. Львов, 2007. С. 27.

¹² Уайтхед А.Н. Символизм, его смысл и воздействие. Томск, 1991. С. 9.

ступать в качестве эффективного средства по размыванию конкретной реальности и ее успешному преобразованию в фантомную действительность, творимую нашим воображением.

Исходя из этих трех присущих символической реальности свойств, попытаемся взглянуть на актуальные проблемы сегодняшней европейской действительности.

Сегодня у людей духовно чутких появилось ощущение какого-то глубинного тектонического сдвига, происшедшего в еще вчера казавшемся стабильным мире. На смену вере в прочность мирового порядка приходит чувство нарастающей тревоги и неуверенности, предчувствие надвигающейся катастрофы. Успешный процесс глобализации, под знаком которого прошли последние десятилетия, столкнулся с вызовами, которые, впрочем, сам он и породил. Невольно вспоминается предостережение одного из современных мыслителей о том, что все цивилизации в конечном итоге погибают от тех ядов, которые они сами и вырабатывали в процессе своего развития. Добавим еще, что мы чаще всего до последнего момента не замечаем губительного действия этих ядов, так как их работа совершается, как правило, незаметно.

Как ни банально звучит высказывание о том, что мы живем в эпоху стремительных перемен, бесспорно, что процессы, которые в прошлые времена занимали столетия, теперь нередко протекают в продолжение жизни одного поколения. Стремительные изменения происходят не только в сфере научно-технического прогресса и на уровне социально-экономических условий нашего существования, но и в пространстве символической реальности, присущей как индивидуальному, так и общественному сознанию. Происходит радикальная переоценка традиционной системы ценностей и пересмотр существовавших на протяжении тысячелетий табу. Процесс неотвратимый и исторически неизбежный, но зачастую сопровождаемый серьезными катаклизмами и глубокими потрясениями, в итоге приводящий иногда к успешной модернизации, а иногда и к гибели вступивших на путь кардинальных преобразований цивилизаций.

Смена фундаментальных культурных ценностей и священных табу, несущих сакральный смысл, обычно свидетельствуют о сломе культурной парадигмы. Начиная со времен племенной культуры и первых архаических форм государственного устройства система табу структурировала социокультурный континуум человеческих сообществ. Процесс радикального растабуирования грозит разрушением основ цивилизации и крахом ее культурной парадигмы, если он не сопровождается появлением новой системы ценностей, заповедей и запретов, наделенных сакральным значением.

И вот сегодня мы стали свидетелями и невольными участниками многочисленных столкновений на почве неоспоримой правоты своих символических форм, происходящих в глобализированном мире.

Современную ситуацию в западном мире определяют, по меньшей мере, два фактора. С одной стороны, это глубинные внутренние процессы ускоренной мо-

дернизации всех форм культуры и технических средств европейского социума. С другой – коренные изменения состава народонаселения в европейских странах, происходящие в результате мощных волн иммиграции из стран третьего мира, прежде всего, мусульманских. Первый фактор нашел свое выражение в постмодернистских проявлениях индивидуального и общественного сознания, воплотившихся в искусстве, политике и социальной сфере: от театральных и политических перформансов до института однополых браков и гендерного равенства, воспринимаемого как тождество. Второй фактор – опыт по реализации грандиозного проекта ассимиляции или, по крайней мере, интеграции огромных масс людей с принципиально разными культурными ценностями и мировоззренческими установками в единый социум.

Провал проекта мультикультурализма не так давно признали политические лидеры европейских стран¹³. То, что могло успешно состояться в США, где работал плавильный котел молодой, только еще зарождающейся культуры, и из различных культурных элементов создавались новые формы, не сработало на прошедшей свой специфический тысячелетний путь развития европейской кухне. Не каждый дичок можно привить ко всякому дереву. Даже если совпадают генетические коды культур, видимо, должны совпадать и их возрастные характеристики, и временные стадии исторического развития цивилизаций. Не следует забывать, что и сам сравнительно успешный *американский проект* осуществился вследствие вытеснения и частичного истребления населявших территорию страны индейских племен. Христианская культура в лице своих европейских представителей «умело» интегрировала культуру аборигенов в жестких границах отведенных для носителей этой культуры резерваций. Попытка же осуществить социокультурный симбиоз, с одной стороны, светского постиндустриального общества, берущего свое начало в секуляризованной философии европейского Просвещения и отстаивающего идеалы свободы убеждений и приоритета прав личности, а с другой стороны, с обществом, руководствующимся глубоко сакрализованными законами Шариата и рассматривающим человека как послушное орудие воли Аллаха, вряд ли имеет шанс на успех. Трудно найти основу для взаимных компромиссов, скорее, отыщутся причины для взаимных конфликтов. И в таких конфликтах символическая реальность исламского мира способна создавать более мощные поля энергетического воздействия на сознание правоверного мусульманина, нежели символическая реальность нашего постиндустриального общества на секуляризованное сознание западноевропейского индивида, придерживающегося светлых идеалов свободы и демократии.

Проблема состоит и в том, что в процессе постмодернистской перестройки западного сознания под воздействием лежащей в основе этого проекта релятивистской мировоззренческой установки произошло энергетическое истощение символических форм. В то время как религиозное мироощущение населения ислам-

¹³ [Это спорный тезис: существуют в Европе также и примеры удачного сосуществования различных культур – прим. ред.]

ского мира сохраняет высокую энергетику своей сакральной символики. Отсюда и его бóльшая пассионарность.

Упадок энергетики символических форм, произошедший под влиянием рационализации отношений человека с окружающим миром, является следствием катастрофического ослабления витального начала современной западной цивилизации, свидетельством ее дряхления. В то же время у нее появляются искушения второй молодости, которые несут в себе националистические движения, пробуждающиеся в ряде европейских стран. В них кроется мощный соблазн обретения современным индивидом утерянной им ценностной самоидентификации на основе приобщения к сверхличностным ценностям, где вакантное место Бога занимает народ. Однако вряд ли наступление новой эпохи варварства может стать панацеей для нашей слабеющей цивилизации. Скорее, оно сможет дать лишь кратковременное ощущение вернувшихся сил и здоровья, иногда обманчиво возникающее у больного на пороге смерти. Любовь к ближнему, вспыхнувшая на почве ненависти к дальнему, как правило, ненадежна и непродолжительна. В то время как коллективное чувство ненависти не в пример прочней и живучей, и с уничтожением дальнего с успехом находит свой предмет в ближнем. Все это с удручающим постоянством повторяется в массовых движениях. Причем развитие средств современных коммуникаций вносит в этот процесс свои новации.

Сегодня для того, чтобы психологически ощутить эффект своего присутствия в толпе, в массе, не обязательно выходить на улицу. Индивид органично становится частью толпы, не покидая своего компьютерного кресла. Посредством социальных сетей или, на худой конец, через пропагандистские трансляции телевизионных каналов он подключается к коллективной символической реальности и энергетически подзаряжается от нее. Все то, что происходит даже с высокоразвитым индивидом, оказавшимся частью уличной толпы, происходит и с ним. Как известно, в толпе человек приобретает драгоценное право на анонимность, что приводит к исчезновению у него мучительного чувства личной ответственности.

О психологии масс написано немало работ. Приведу только две цитаты из одного автора, имеющие непосредственное отношение к нашей теме: «Масса чрезвычайно легко поддается внушению, она легковерна, она лишена критики, невероятное для нее не существует. Она мыслит картинками, которые вызывают одна другую так, как они появляются у индивида в состоянии свободного фантазирования. Они не могут быть измерены никакой разумной инстанцией по аналогии с действительностью. Чувства массы всегда просты и чрезмерны. Итак, масса не знает ни сомнений, ни колебаний, высказанное подозрение превращается у нее тотчас в неопровержимую истину, зародыш антипатии – в дикую ненависть»¹⁴. «И, наконец, массы никогда не знали жажды истины. Они требуют иллюзий, от которых они не могут отказаться. Ирреальное всегда имеет у них преимущество перед реальным, несуществующее оказывает на них столь же сильное воздей-

¹⁴ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1896. С. 186.

ствие, как и существующее. У них есть явная тенденция не делать разницы между ними»¹⁵.

Все это свидетельствует о том, что эффективность воздействия символической реальности на индивида в толпе резко возрастает. Как и о том, что психологические состояния, возникающие, по мнению Г. Лебона, в массовом сознании, могут вполне успешно транслироваться и захватывать сознание индивида при помощи имеющихся масс-медиа и средств коммуникации, даже если при этом фактически человек не находится в окружении толпы.

Созданное современной цивилизацией тотальное информационное пространство наряду с позитивными факторами – расширением индивидуального кругозора – несет в себе и скрытые угрозы порабощения личности массовым сознанием. Это пространство, всепроникающее, словно радиация, работает не только методом рациональной обработки нашего сознания, но и как технология незаметного вторжения в пласты нашего бессознательного. И в конечном итоге оно закрепляется в нашей душе скорее как феномен нашей веры, нежели как результат нашего познания. В итоге мы оказываемся в символической реальности, которую воспринимаем как плод наших духовных усилий и жизненного опыта, не замечая того, что ее в нас искусственно, без нашего ведома, имплантировали. Информационное пространство, как правило, всегда суггестивно заряжено, и гипнотическое воздействие этой суггестии по большей части остается для нас скрытым. Во времена серьезных кризисов – войн, революций, стихийных бунтов – символические формы сакрализуются и дают мощную энергетическую подпитку национальным, социальным, конфессиональным и другим противоречиям и конфликтам, вызывая неподдельный энтузиазм массовых движений. Основной соблазн таких движений кроется в том, что индивид, захваченный волной общего энтузиазма, переживает свое существование как невероятно наполненное, удивительно полноценное и необыкновенно интенсивное, в отличие от привычной будничной рутины. Пребывание в подобном состоянии оказывается прекрасным наркотическим средством, не позволяющим ему осознать тот факт, что теперь он существует уже в фантомной реальности, в гипнотическом сне овладевших его сознанием символических форм. Тем более что эта реальность плотно населена его многочисленными единоверцами. Самое глубокое погружение в гипноз – погружение в гипноз коллективный. Эту характерную черту массового сознания отмечал и Г. Лебон: «В психологической массе самое страшное следующее: какого бы рода ни были составляющие ее индивиды, какими схожими или несхожими ни были бы их образ жизни, занятия, их характер и степень интеллектуальности, но одним только фактом своего превращения в массу они приобретают коллективную душу, в силу которой они совсем иначе чувствуют, думают и поступают, чем каждый из них в отдельности чувствовал, думал и поступал бы. Есть

¹⁵ Там же. С. 187.

идеи и чувства, которые проявляются или превращаются в действие только у индивидов, соединенных в массу»¹⁶.

Парадокс состоит в том, что то, что первоначально казалось актом свободного выбора индивидом своей личностной самоидентификации, на деле обернулось полным растворением личностного «я» в коллективном «мы». Произошло распыление индивидуальной души и индивидуальной воли в общем энергетическом поле символических форм, индуцированном массовым сознанием.

Недаром, по мнению некоторых мыслителей, отличительной чертой нашего времени стала ситуация, определяемая как «восстание масс», т.е. эпоха господства массового сознания во всех сферах социокультурной жизни общества. Философия постмодерна явилась органичным выражением этой массовой души. Основной пафос постмодернистского мироощущения заключается в отрицании какой-либо иерархии как в культуре, так и в общественной жизни. Руководствуясь в высшей степени благородными побуждениями, оно отстаивает либеральные убеждения о самоценности и автономности каждой индивидуальной формы социокультурного бытия.

Существовавшие в истории человечества иерархические системы так или иначе были источниками угнетения и несправедливости привилегированных слоев общества по отношению к непривилегированным. Нравственное чувство приверженца борьбы с иерархическим принципом оскорбляет и сам способ мышления бинарными оппозициями, создающий неизбежные предпосылки для возникновения всевозможных иерархических структур. Ведь сам принцип деления на хорошее и плохое, высокое и низкое, талантливое и бездарное, свое и чужое, уже содержит в свернутом виде репрессивную составляющую. Однако, при всем сочувствии к моральному императиву, лежащему в основе этого мировоззрения, возникает невольное опасение – не явится ли избавление от головной боли следствием избавления от самой головы.

Несмотря на значительный ущерб, понесенный человечеством в результате логически выстроенных иерархических систем, сам принцип иерархии является неотъемлемым базовым свойством как культуры, так и бытия, поскольку они основываются на принципе качественных отличий. Неиерархичны лишь небытие или же сверхбытие, т.е. Бог. Из чего следует, что проведенная до своего логического конца кампания по избавлению от всех и всяческих иерархий – это форма манифестации небытия, т.к. сверхбытие нам по-прежнему не угрожает.

Что же касается борьбы со сковывающими мышление бинарными оппозициями, то, к сожалению, эти оковы спадают лишь на высоких стадиях определенных духовных практик. Но так называемое состояние просветленного сознания, как свидетельствует исторический опыт, в долговременной перспективе доступно только немногим избранным. Для простых же смертных с сознанием, омраченным жизненной суетой и мирскими заботами, выход за рамки бинарных оппози-

¹⁶ Лебон. Психология народов и масс. Цит по: Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я». Кн. 1. Тбилиси, 1991. С. 74.

ций, боюсь, будет означать не преодоление иллюзорной двойственности мира, а отказ от мышления как такового и растворение в постмодернистском *хаосмосе*.

Пройдя опыт осознания относительности всех доставшихся нам в наследство культурных и нравственных ценностей как целиком обусловленных обстоятельствами исторического развития предшествующих поколений, мы достигли таких несомненных духовных завоеваний современной цивилизации, как толерантность, политкорректность, мультикультурализм, и прочие сравнительно безопасные формы проявления любви к ближнему. Однако вместо поколения освобожденных прометеев наше общество репродуцирует лишь мучимых жаждой удовольствий танталов, утративших саму способность испытывать удовольствия.

Эпоха индивидуализма оказалась на редкость бедна индивидуальностями. Символическая реальность современного постиндустриального общества, при всей своей кажущейся пестроте, скудна и убога. Она не способна придать человеческому существованию какой-либо высший смысл, вернуть утерянное чувство единства с универсумом, укорененности в бытии. Процесс отчуждения личности, провозглашенный еще философией экзистенциализма, сменился процессом ее разложения и распада, запротоколированным деконструктивизмом.

Новые ценностные ориентиры, выработанные современной либеральной мыслью, берут свое начало в секуляризованном гуманизме эпохи Просвещения. Они лишены горизонта Вечности, который был присущ религиозному мироощущению, и потому наглухо замыкают человека в пространстве трех измерений. В такой ситуации символическая реальность обречена на малокровие – открываемые ею смыслы живут в других измерениях. Таким образом, нарушенной оказывается корневая система культуры, которая успешно питала существовавшие до нас цивилизации.

Процесс рационализации отношений человека с природой, расколдования мира, продолжается сегодня как процесс растабуирования общества. Он без сомнения имеет свои позитивы, но в то же время несет и смертельные риски – риски обмеления бытия. Символическая реальность, изгоняемая в ее привычных формах, может вернуться к нам в формах демонических.

Работа цивилизации по одомашниванию человека как вида, его приручению и преодолению заложенных в нем хищнических инстинктов в какой-то момент казалась близкой к успеху. Но то, что успешно вытеснялось нашей постмодернистской эпохой из сознания современного человека, осталось существовать в древнейших слоях его подсознания. И уже несложно заметить, что импульсы к новому коллективному единению на основе сверхличностных целей, обретающие и сакрализирующие те или иные символические формы, легко находят пути к архетипам его бессознательного. И воинственные голоса давно умерших обитателей этой планеты внезапно начинают звучать в нас самих. И мы снова готовы повторить губительный опыт прошедших поколений, принося кровавые жертвы на священные алтари фантомной реальности.

Леонид Люкс*

Был ли распад СССР неизбежен? Замечания по поводу одного спора**

Несмотря на то, что Михаил Горбачев и борцы за «управляемую демократию» в нынешней Москве воплощают почти противоположные традиции в политической культуре России, есть все же пункт, в котором они едины: Советский Союз, по их мнению, был вполне жизнеспособен, а его роспуск представляет собой волюнтаристский акт. Горбачев видит главного виновника распада Советской Федерации в своем внутривнутриполитическом противнике Борисе Ельцине: «(Российское) руководство тяготеет Центром», – сказал Горбачев в своем интервью 12 декабря 1991 года¹. В воспоминаниях, опубликованных в 1995 году, он добавил: «Решающим фактором распада СССР явилось поведение не Прибалтики, а России»².

Администрация Обамы копирует в отношении России политику Рональда Рейгана?

Но для команды Путина виновным в том, что вторая по силе мировая держава вынуждена была сойти с политической арены, является «вечный враг России» – Запад. В таком смысле высказался недавно близкий к Кремлю политолог Сергей Караганов. Для него политика администрации Обамы в отношении России – это копия политики Рональда Рейгана, преследовавшего цель «(развала) СССР. Тогда была Польша с "Солидарностью" (...). Теперь – Украина. (...) Снова попытка снизить нефтяные цены (...). В рейгановские времена – "империя зла" и санкции. Теперь – безудержная сатанизация образа Путина и нескрываемая нацеленность (...) на (...) "смену режима"»³.

* историк, Католический университет г. Айхштетт, Бавария; научный руководитель Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

** Расширенная версия статьи, ранее опубликованной на немецком языке в интернет-журнале *The European* (10 февраля 2015).

¹ В Политбюро ЦК КПСС: по записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). М., 2006. С. 738.

² Gorbatschow M. Erinnerungen. Berlin, 1995. P. 503.

³ Караганов С. Переломный год: предварительные итоги // Русская мысль. 2015. № 1. С. 20-21.

Но оба заявления, как Горбачева, так и Караганова, совершенно не убедительны. Причины распада Советского Союза заключались не в волюнтаризме каких-то определенных политиков, а в глубинных процессах, наметившихся уже давно. Многие наблюдатели на Востоке и на Западе указывают на взрывную силу национальных движений на окраинах СССР, которые существенно ускорили процесс распада Советского Союза. Но все же нерусские народности едва ли были в состоянии в одиночку привести к распаду империи.

В своей борьбе против коммунистического Левиафана они нуждались в мощном союзнике, которым могла стать лишь сама Россия — сердце империи. Здесь речь идет не только о российском руководстве во главе с Борисом Ельциным, как это утверждает Михаил Горбачев, а о широких слоях российского населения. Без отказа самой активной части российского общества от доктрины, которая идеологически легитимировала Советскую Федерацию, отделение нерусской периферии от центра было бы немыслимо.

Уже царская империя развалилась потому, что народ перестал ее поддерживать

До некоторой степени процессы 1989-1991 года сходны с процессами в 1917 году. Распад царской империи был возможен только потому, что широкие массы российского населения отвернулись от тогдашней правящей системы. Устрашающая пустота, окружавшая царский трон во время революции 1905 года и в феврале 1917 года, показала, что династия Романовых потеряла какую бы то ни было опору у своих подданных. Не удивительно, что царский режим оказался самым слабым звеном в цепи воюющих держав и развалился первым, не справившись с вызовами первой мировой войны.

Спустя 70 лет, когда Михаил Горбачев попытался демократизировать страну и отказался от догмы о непогрешимости КПСС, оказалось, что коммунистическая идея, придававшая легитимность возникшему в октябре 1917 года советскому государству, была дискредитирована в глазах большинства населения так же, как и вера в царя в начале 20-го века. Когда 19 августа 1991 года коммунистические догматики попытались остановить процесс реформ и насильно повернуть вспять колесо истории, они потерпели полное поражение, и это несмотря на тот факт, что они неограниченно контролировали все рычаги власти в стране. В отличие от 1917 года, они чувствовали, однако, что история не на их стороне.

«Революции становятся неизбежными, если власть вызывает уже не страх, а смех и презрение»

Утрата веры в собственные идеалы и в историческую легитимность собственной власти парализовала доселе несокрушимую волю к власти коммунистов. Трясущиеся руки формального главы ГКЧП Геннадия Янаева на пресс-конференции 19 августа 1991 года символизировали нечистую совесть заговорщиков. Вновь вытасненный на свет старый коммунистический жаргон звучал после шести лет гласности так, как будто заговорило привидение.

Русский историк и политический деятель Павел Милуков однажды заметил, что революции становятся неизбежными тогда, когда активность авторитарных правителей вызывает уже не страх, а только насмешку и презрение. Исходя из этого, 19 августа 1991 года революционная ситуация была налицо. Коммунисты выглядели такими же беспомощными, как в свое время их демократические оппоненты, которых они с такой легкостью прогнали с российской политической сцены в октябре 1917 года.

Один из главных действующих лиц большевистского переворота в октябре 1917 года, Лев Троцкий, цитирует в своей *Истории русской революции* французского писателя Клода Ане, который сказал, что правительство Керенского было свергнуто еще до того, как оно само это заметило. Нечто подобное можно сказать и о Государственном комитете по чрезвычайному положению, который был создан путчистами 19 августа 1991 года.

Распад Советского Союза как «коварный заговор»?

Обо всех этих перипетиях в кругах нынешних российских «национал-патриотов» никто не хочет вспоминать. Они торжествуют по поводу включения Крыма в РФ. Для них это событие представляет собой первый шаг на пути как минимум частичного пересмотра результатов встречи в Беловежской Пуще в декабре 1991 года, принявшей тогда решение о роспуске Советского Союза. Они рассматривают эту встречу как коварный заговор заклятых врагов Российской империи, которые стремились разрушить Россию как великую державу по указке Запада. Эта легенда об «ударе ножом в спину» имеет поразительное сходство с той, которая возникла в Германии сразу после окончания Первой мировой войны и сильнейшим образом отравила политическую культуру Веймарской республики.

Российские «национал-патриоты», точно так же как и правые круги в Веймарской республике, не могут смириться с утратой гегемониальной позиции своей империи. Крах обеих империй изображается как результат рафинированной интриги западных демократий. Якобы в «открытой и честной» борьбе западные

страны не могли победить своих противников. Поэтому они прибегли к «коварным» средствам психологической войны. Развернув пропаганду так называемых «западных ценностей», они-де сначала выхолостили советский колосс, а затем и свалили его. При этом ни словом не упоминается, что Советский Союз со своей стороны десятилетиями пытался подорвать западные демократии с помощью коммунистической пропаганды.

Этот подход с двумя разными мерками еще раз напоминает аргументацию правых в Веймарской республике. Они так же морализировали и возмущались психологической войной, которую вели западные страны, особенно их пропагандой пацифизма. Но забывали при этом, что немецкое Верховное командование использовало в 1917 году точно такой же метод, когда оно организовало для Ленина проезд через Германию в Россию, и впоследствии всячески поддерживало его антивоенную пропаганду.

В имперской программе Путина отсутствует интернационализм

Но вернемся обратно, к борцам за имперский ренессанс в современной России. Демонизируя беловежскую встречу, они недооценивают тот факт, что у советской империи не было шанса пережить КПСС, потерявшую власть и полностью дискредитировавшую себя после августовского путча. Ибо Советский Союз мог существовать, только опираясь на идеологию пролетарского интернационализма. Крах КПСС, которая была носителем этой идеологии, стал, в сущности, последним ударом для СССР, ибо вместе с ней исчезли важнейшие мировоззренческие и организационные скрепы, сохранявшие до тех пор целостность Советского Союза.

Владимир Путин, который в апреле 2005 года назвал распад СССР «величайшей геополитической катастрофой 20-го века», по всей видимости стремится к тому, чтобы восстановить советскую империю, хотя бы в новом облике. Однако его неоимперский проект в корне отличается от советской модели, а именно, его руссоцентризм. Несмотря на то, что большевизм все больше и больше русифицировался, его интернационалистическая составляющая все же никогда не переставала накладывать свой отпечаток на его сущность, даже в сталинскую эпоху. Все восхваления русской нации идеологами большевизма всегда сопровождались одним «но». Эти идеологи отдавали себе отчет, что «русская идея» абсолютно недостаточна для того, чтобы служить единственной скрепой для более чем сотни народов, населяющих советскую империю. А что касается бесчисленных симпатизантов Советского Союза на Востоке и на Западе, то они поддерживали Москву в первую очередь потому, что она была центром «мировой революции», а не потому, что она провозглашала универсальное значение русскости. Чтобы соответствовать всем идеологическим вызовам, советские вожди,

невзирая на их склонность к руссоцентричному мышлению, вынуждены были сохранять свое «интернационалистическое» лицо.

В имперской программе Путина, напротив, интернационалистическая составляющая почти полностью отсутствует. И это невзирая на его флирт с правыми и левыми популистами в Европе и его заигрывания с идеями евразийства. Имперский конструкт, к созданию которого он стремится, по сути представляет собой увеличенную Россию, опирающуюся за пределами Российской Федерации прежде всего на русскую диаспору. Не удивительно, что этот проект Кремля вызывает большой страх во всем регионе.

Страны созданного при главенстве России Евразийского Союза, такие, например, как Казахстан, испытывают глубокое смятение из-за действий Москвы. Их готовность признавать гегемониальные амбиции кремлевского руководства стремительно уменьшается. И это понятно – на их территориях тоже проживают русские меньшинства, которые в один прекрасный день могут быть инструментализованы Москвой подобно тому, как это делается в Украине.

Таким образом, руссоцентризм обнаруживает себя как в высшей степени шаткий фундамент для имперских планов Путина. Это, между прочим, уже было предсказано в 1927 году Николаем Трубецким, одним из основоположников возникшего в русской эмиграции евразийского движения. Уже в то время он констатировал: время единовластного господства русских в Российской империи ушло безвозвратно⁴.

Перевод с немецкого Ларисы Лисюткиной

⁴ Трубецкой Н. Общевразийский национализм // Евразийская хроника. 1927. № 9. С. 24-60.

Андреас Умланд

Будущее международное положение Украины: шесть внешнеполитических сценариев для ключевого государства Восточной Европы*

Главный вопрос о будущем Украины, на который до сих пор нет четкого ответа, сегодня касается не только и не столько ее внутренних дел, экономической трансформации и социальной стабильности – темы, которые часто звучат в СМИ и обсуждениях экспертов¹. В конечном счете, решающим вызовом перед Киевом в следующие несколько лет остается вопрос защиты национальной безопасности от российской гибридной войны против Украины². В первую очередь это касается сдерживания возможных дальнейших военных атак Москвы вглубь украинского государства, таких как воздушные бомбардировки, артиллерийские обстрелы, ракетные удары или продвижения войск за пределы сегодняшних оккупированных территорий. Последнее могло бы, например, произойти, если Кремль вздумает создать сухопутную связь между Россией и Крымом вдоль Азовского моря в случае неудачи российского строительства стабильного и функционирующего моста через Керченский пролив.

В этой связи имеет смысл обозначить шесть нижеизложенных возможных вариантов будущего международного позиционирования Украины. Эти сценарии потребуют от Киева, Запада и Москвы разных концептуальных подходов, взаимных сигналов и совместных или же антагонистических действий. Они могут привести к самым различным последствиям не только для Украины, но и для всей Европы – если не для всего мира (ввиду изложенной ниже связи между территориальной целостностью Украины и международным режимом по нераспространению ядерного оружия).

* Разные варианты этой статьи также опубликованы на украинском, русском, английском и немецком языках на сайтах *Новое время*, *ИноСМИ*, *Ukraine-Nachrichten*, *Huffington Post Deutschland*, *Focus Online*, *Harvard International Review* и в журналах *Sirius: Zeitschrift für Strategische Analysen* (2017. № 3) и *The Brown Journal of World Affairs* (2018. В печати).

¹ См., напр.: Foxall A., Pigman L. Ukraine's Stalled Revolution: Kiev May Talk Like Brussels But It Acts Like Moscow // *Foreign Affairs*. 29 June 2017. <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2017-06-29/ukraine-s-stalled-revolution>; Minakov M. Reconstructing the Power Vertical: The Authoritarian Threat in Ukraine // *Open Democracy*. 29 June 2017. <https://www.opendemocracy.net/od-russia/mikhail-minakov/reconstructing-power-vertical-authoritarian-threat-in-ukraine>; Umland A. Zurück zu einem patronalistischen Regime in der Ukraine? // *Religion und Gesellschaft in Ost und West*. 2017. №№ 7-8. P. 13-15.

² Umland A. How to Achieve a Ukrainian Success Story // *Judy Dempsey's Strategic Europe*. 4 July 2017. <http://carnegieeurope.eu/strategieurope/71419>.

Как будет проиллюстрировано, относительные шансы, риски и возможности воплощения того или иного сценария резко отличаются друг от друга. Тем не менее, имеет смысл обсудить все шесть сценариев в примерно равной мере, так как они все активно обсуждаются в экспертной среде и международной дипломатии, а также иногда в масс-медиа. Имеет и смысл сравнить сегодняшнюю относительную вероятность их воплощения и открыто сказать об утопичности, желательности, рискованности, привлекательности, мрачности и т.д. их будущей реализации.

Более того, в следующие годы нельзя исключить ни новые потрясения или трансформации международной системы безопасности, ни резкие изменения во внутреннем раскладе вовлеченных в «украинский кризис» разных национальных государств и межгосударственных организаций. В результате таких мутаций условий для изложенных шести сценариев – например, после ухода Путина – относительная вероятность их реализаций может снизиться или повыситься по сравнению с теперешней ситуацией. Некоторые из здесь представленных сценариев могут на фоне сегодняшней международной ситуации показаться простыми фикциями. Тем не менее, их предварительное обсуждение уже сегодня имеет определенный смысл на тот случай, если в следующие годы произойдут резкие повороты, например, внутри Украины, России, США и/или Европейского Союза. Последние годы научили тому, что даже самых – казалось бы – невероятных новых развитий нельзя полностью исключать.

Такого рода, с одной стороны, политические катаклизмы или же, с другой стороны, прогрессивные прыжки могут для Украины и ее друзей предоставить новые «окна возможностей». Если такое окно действительно вдруг откроется – Киеву, Брюсселю, Вашингтону и другим игрокам нужно будет действовать, возможно, быстро и решительно, чтобы не упустить исторический момент. Именно на этот случай, т.е. чтобы быть готовым и к самому резкому повороту событий, здесь обсуждаются пока лишь гипотетические варианты украинского будущего. Они могут остаться такими же фантастическими, какими они представляются на сегодня – или же, наоборот, стать вполне возможными, если мир существенно изменится. Помимо продолжения сегодняшнего состояния невключенности в значимые международные структуры безопасности, у Украины есть, по-моему, пять альтернативных сценариев: «финляндизация», вступление в ЕС, присоединение к НАТО, отдельный договор с США, создание коалиции «Междуморья».

Первый сценарий: Украина (совместно с Грузией и Молдовой) остается в нынешней геополитической «серой зоне» Европы и получает только неформальную поддержку своей безопасности со стороны Запада

Простая экстраполяция нынешнего положения Украины, Молдовы и Грузии без существенного изменения их международного статуса является, на сегодняшний день, наиболее вероятным сценарием в ближайшие годы. Возможны новые развития внутри этого сценария, как, например, разные двухсторонние партнерства, проекты и договоренности. Но в итоге такие отдельные инициативы, скорее всего, оставят уровень институциональной встроенности всех трех стран, т.е. отсутствие их организационного включения в европейскую систему безопасности, аналогичным сегодняшнему. В результате, с одной стороны, можно справедливо утверждать, что только обсуждение разных вариантов будущего в рамках этого первого сценария событий – действительно реалистичная дискуссия, и что только попытки улучшения именно этого сценария имеют политический смысл для Украины.

С другой стороны, очевидным недостатком этого украинского, грузинского и молдавского будущего является то, что оно будет по сути продолжением ситуации, которая сложилась с 1991-го года³. Этот сценарий будет и далее воспроизводить тот набор обстоятельств, который привел к катастрофе 2014-го года. Частичная западная помощь Украине, Молдове и Грузии в виде финансовой поддержки, различных схем сотрудничества и поставки некоторого оружия, в худшем случае, когда-то будет рассматриваться как отвлечение от задачи более креативного и существенного решения принципиальной проблемы международного положения этих трех стран.

Скруплезная работа над постепенным улучшением сценария «серой зоны» ввиду его высокой вероятности на следующие годы, конечно, нужна – и, ввиду, неясности альтернатив ему, является даже первоочередной. Однако чрезмерный или даже исключительный фокус на всего лишь эту цель может привести как в Украине, так и на Западе к забывчивости касательно того факта, что этот сценарий в конечном счете будет означать сохранение опасной геополитической «дыры» в Европе. Пока эта хрупкая модель международных отношений Восточной Европы не будет заменена некой серьезной структурой, она может привести к еще большему краху, чем тот, который произошел в 2014-ом году.

Идея о том, что Украина, Молдова и Грузия должны и могут сами по себе стать достаточно сильными, чтобы противостоять России – почетная и симпатичная. Но она, в конечном счете, наивна, если не легкомысленна. То, что эти

³ Härtel A. Westintegration oder Grauzonen-Szenario? Die EU- und WTO-Politik der Ukraine vor dem Hintergrund der inneren Transformation (1998-2009). Münster, 2012.

страны самостоятельно могут справиться с новым полномасштабным российским военным вторжением, включая воздушные и ракетные удары – а именно об этом кошмарном сценарии нужно говорить, если серьезно обсуждать вопросы базовой национальной безопасности трех стран – всего лишь необоснованная мечта⁴.

Второй сценарий: В рамках большой сделки между Россией и Западом Украина получит некие общие гарантии безопасности, но может потерять часть своей территории и/или суверенитета

Тогда как первый вариант является на сегодняшний день наиболее вероятным, то второй, иногда называемый «финляндизацией», стал за последние три года наиболее популярным среди многих политиков, дипломатов, наблюдателей в Западной Европе и некоторых аналитиков России. Идея о большой сделке между Москвой и Западом часто упоминается как в СМИ, так и в экспертных дискуссиях. В принципе, Украина должна быть самой заинтересованной страной в стабильном, всеобъемлющем и справедливом мире с Россией. Однако устойчивая сделка с Москвой кажется мало вероятной без фундаментальных изменений в нынешнем политическом режиме России или, по крайней мере, в её внешнеполитических приоритетах. Сегодняшний Кремль вряд ли по-настоящему признает суверенитет Украины или согласится на действительное решение вопроса о Крыме. Разве что можно предположить возможный будущий уход России из украинского Донбасса в обмен на снятие большинства западных санкций.

Вероятно, что Москва потребует и для этого прогресса добавочных уступок со стороны Запада, как, например, официального исключения возможности будущего вступления Украины в ЕС и/или НАТО. Кремль также скорее всего не откажется от Крыма и не прекратит поддержку своих марионеточных режимов в Приднестровье, Южной Осетии и Абхазии. Таким образом, такая асимметричная сделка, которая игнорирует интересы особенно Киева, стала бы фактическим отказом США и Великобритании от их обещаний в известном Будапештском меморандуме о заверениях безопасности Украины 1994-го года. (Название этого документа часто неправильно переводится в Украине как «Меморандум о [якобы] *гарантиях* безопасности», хотя в английском варианте текста говорится о «security assurances», а не о «security guarantees».) Тем самым такое возможное соглашение еще больше подорвало бы уже треснувший в 2014-ом году всемир-

⁴ Umland A. Can Kyiv Defend Itself? Illusions About and Options for Securing Ukraine's Future // Krytyka. 8 January 2017. <https://krytyka.com/en/articles/can-kyiv-defend-itself-illusions-about-and-options-securing-ukraines-future>.

ный режим нераспространения ядерного оружия, о чем ниже будет сказано более подробно⁵.

К тому же, такая сделка повторила бы различные предыдущие неудачные попытки прийти к взаимопониманию между Западом и Кремлем о постсоветском пространстве путем коллективных переговоров и подписания многосторонних документов. В Будапештском меморандуме 1994-го года с США, Великобританией и Украиной Кремль – в обмен на полную передачу украинского ядерного арсенала России – заверил мир о своем уважении территориальной целостности, государственных границ и политического суверенитета Украины. В Стамбульском документе ОБСЕ 1999-го года Россия пообещала вывести свою небольшую воинскую часть из Приднестровья. В российско-грузинском мирном договоре 2008-го года, достигнутом при посредничестве ЕС (т.н. «план Саркози»), руководство России согласилось вывести свои войска из Южной Осетии и Абхазии. В Женевской декларации, Минском протоколе и Минском меморандуме 2014-го года, и в Минском соглашении 2015-го года Москва согласилась на деокупацию Донбасса.

Ни одно из российских обещаний в этих многосторонних соглашениях (как и в целом ряду двухсторонних договоров России с Украиной, Молдовой и Грузией) не было выполнено, хотя Москва в той или иной степени принимала участие в инициации подписания и разработке текстов этих документов. Заключение еще одного подобного соглашения с Москвой может иметь такой же разочаровывающий результат. В худшем случае оно может соблазнить Запад подписаться под перманентным нарушением политического суверенитета Украины в обмен на несущественное улучшение безопасности Восточной Европе. Такой результат на фоне событий и соглашений касательно украинского ядерного арсенала 1990-их годов еще глубже подорвал бы логику демонстративно нарушаемого Москвой с 2014-го года международного режима нераспространения ядерного оружия.

⁵ О разных проектах «большой сделки» и их дискуссии, см., напр.: Pinchuk V. Ukraine Must Make Painful Compromises for Peace with Russia // Wall Street Journal. 29 December 2016. <https://www.wsj.com/articles/ukraine-must-make-painful-compromises-for-peace-with-russia-1483053902>; Сушко А. «Игры великих»: как Украине не заиграться в игру, которая не состоится? // Зеркало недели. 13 января 2017. <https://zn.ua/internal/igry-velikih-kak-ukraine-ne-zaigratsya-v-igru-kotoraya-ne-sostoitsya-.html>; Dembinski M., Spanger H.-J. «Pluraler Frieden» – Leitgedanken zu einer neuen Russlandpolitik // HSFK-Report. 2017. № 2. https://www.hsfk.de/de/no_cache/publikationen/publikationssuche/publikation/pluraler-frieden-leitgedanken-zu-einer-neuen-russlandpolitik/; Heinemann-Grüder A. Wider den Sonderfrieden: Replik auf das Konzept vom «Pluralen Frieden» // Osteuropa. 2017. №№ 3-4. P. 103-108; Sushko O., Umland A. Unrealistisches Szenario: Anmerkungen zum «Pluralen Frieden» // Osteuropa. 2017. №№ 3-4. P. 109-120; Dembinski M., Spanger H.-J. Entspannung geboten: Antwort auf die Kritiker des Pluralen Friedens // Osteuropa. 2017. № 5. P. 135-142.

Третий сценарий: Следуя своему обещанию на Бухарестском саммите 2008 года, НАТО предоставляет Украине и Грузии Планы действий по членству (ПДЧ) и, в конечном итоге, принимает эти страны в члены НАТО

Тогда как большая сделка между Россией и Западом является предпочтительным вариантом разрешения конфликта вокруг Украины среди многих западных и российских наблюдателей, в самой Украине и Грузии наиболее популярным вариантом решения проблемы безопасности этих стран является их как можно более скорое присоединение к НАТО. (Молдова в 1994-ом году, в статье 11 своей Конституции, провозгласила себя перманентно внеблоковым государством.) Относительное большинство не только политиков и интеллигенции двух стран, но и украинского и грузинского обществ сегодня стабильно поддерживает вступление в НАТО. Уже в 2008 году Украина и Грузия официально подали заявку на членство в НАТО. Хотя эти заявления не привели к предоставлению аппликантам ПДЧ реальных возможностей вступления в НАТО, альянс пообещал в заключительной декларации своего Бухарестского саммита, что Украина и Грузия «станут членами» альянса – хотя он и не уточнил, как и когда это случится.

Принципиальная проблема подобного сценария состоит в том, что НАТО не является наднациональной организацией. Решение о принятии новых членов решают не натовские бюрократы или военные, среди которых много друзей Украины и Грузии. Вместо этого все страны-члены альянса в рамках Североатлантического совета должны единогласно согласиться на расширение. Перед гипотетическим голосованием в Североатлантическом совете заявления Грузии и Украины о вступлении в НАТО, наверное, нашли бы значительную поддержку среди политических элит стран-членов альянса из Восточной Европы и Северной Америки. Однако, поскольку каждая страна имеет право на вето, шансы на единодушно позитивное голосование были бы, тем не менее, ничтожны сегодня и в близком будущем. По крайней мере, несколько западноевропейских стран наложили бы свое вето на такое расширение НАТО – до того момента, пока не решатся территориальные споры Киева и Тбилиси с Москвой.

Парадоксальным образом Украина и Грузия, видимо, только тогда смогут стать членами НАТО, когда им это уже не будет так нужно, т.е. если и когда они решат свои конфликты с Россией. Несмотря на это, многие украинские и грузинские политики, эксперты и дипломаты сегодня вкладывают большую часть своего времени и своей энергии в то, чтобы продвигать идею как можно более быстрого вступления их стран в НАТО. Пронатовские активисты не только пропагандируют этот пока что туманный сценарий в своих странах, но и давят на своих коллег на Западе, чтобы они каким-то образом решили проблему членства, не-

смотря на то, что вероятность единодушной поддержки этого шага всеми 29-ти членами альянса на ближайшие годы близка к нулю⁶.

Хотя мотивация пронатовских грузинских и украинских политиков, экспертов и дипломатов понятна, их постоянные попытки чего-то достичь в этом плане, в данный момент не только бесполезны. Они частично контрпродуктивны, поскольку отвлекают Киев, Тбилиси и их западных партнеров от поиска более перспективных путей повышения структурной безопасности Грузии и Украины в течение того периода времени, пока вступление в НАТО в конечном итоге не станет действительно возможным. Решающий вопрос для Украины в том, что делать до того, как все страны-члены НАТО могут, без исключения, согласиться на новое большое восточное расширение альянса.

Четвертый сценарий: Присоединение к ЕС как инструмент укрепления безопасности Украины, Грузии и Молдовы

В отличие от, видимо, непреодолимых геополитических препятствий для присоединения Украины и Грузии к НАТО до тех пор, пока продолжается их конфликт с Россией, будущее вступление в ЕС трех ассоциированных стран Восточного партнерства – намного менее политизированный вопрос. Правда, действующий Лиссабонский договор ЕС включает в себя новую статью 42 о взаимной военной помощи (параграф семь) и тем самым предоставляет членам Союза гарантии, напоминающие положения известной пятой статьи Вашингтонского договора НАТО. Тем не менее, ЕС не является в первую очередь оборонным альянсом и не включает в себя США, что делает его расширение менее геополитически значимым, менее рискованным для стран-членов Союза и менее угрожающим для россиян, большинство которых до недавнего времени испытывало значимый уровень симпатии в отношении ЕС, а не боязнь – как в случае с НАТО. На этом фоне шансы, вызовы и траектории вступления в ЕС, с одной стороны, и в НАТО, с другой, отличаются.

Как известно, официальной и однозначной перспективы членства в ЕС у Киева, Тбилиси и Кишинева, конечно, до сих пор нет. Но все же, в тот момент, когда эти три страны воплотят большинство статей своих уже подписанных и ратифицированных больших соглашений об ассоциации с ЕС и таким образом «европеизируют» свои национальные законодательства, общественные структуры и государственные управления, в вопросе присоединения Украины, Грузии и Молдовы к Союзу появится много сторонников, как в Центрально-Восточной, так и в

⁶ Umland A. Ukraine's Understandable But Senseless Hope for NATO Membership // Ukraine Alert. 4 April 2016. <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/ukrainealert/ukraine-s-understandable-but-senseless-hope-for-nato-membership>; Pifer S. Will Ukraine Join NATO? A Course for Disappointment // Order from Chaos. 25 July 2017. <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2017/07/25/will-ukraine-join-nato-a-course-for-disappointment/>.

Западной Европе. Поэтому, вопреки сегодня широко распространенному мнению, будущее вступление этих трех стран в ЕС не так уж маловероятно; и такой шаг был бы не тривиальным в отношении обеспечения безопасности трех стран.

Соглашения об ассоциации, заключенные этими тремя постсоветскими республиками в 2014-ом году, являются исключительно рафинированными и всеобъемлющими договорами, которые в ближайшие годы будут постепенно усиливать их связи с ЕС. Фактически имплементация этих супер-договоров уже сама по себе сделает Украину, Молдову и Грузию участниками европейского экономического и правового пространства⁷. Когда соглашения будут полностью воплощены и будут действовать во многих сферах общественной жизни трех стран, финальный шаг к полному членству в ЕС будет уже относительно небольшим.

На этом фоне вероятно, что после того, как большинство глав соглашений об ассоциации будут реализованы, три страны получают официальный статус кандидата в члены от Брюсселя. Вероятно, также, что последующие за этим переговоры о вступлении будут короче, чем в случае более ранних подготовительных процедур для вступления тех или иных стран в ЕС, поскольку многие ключевые вопросы уже будут решены в процессе воплощения действующих обширных соглашений об ассоциации. Хотя эти договоры официально не заключены для того, чтобы подготовить три страны Восточного партнерства к членству в ЕС, фактически они делают именно это.

ЕС, правда, не является таким мощным и однозначно оборонным союзом, как НАТО, и, следовательно, не может предоставлять таких же однозначных гарантий военной безопасности, как намного более подготовленный к этому Североатлантический альянс. Тем не менее, члены ЕС институционально связаны между собой настолько прочно и многосторонне, что они не могут не быть теснейшими геополитическими союзниками. Это особенно важно ввиду того, что Союз имеет эффективные инструменты экономического давления на своих возможных противников. Таким образом, присоединение Украины, Грузии и Молдовы к ЕС значительно улучшило бы их положение в сфере безопасности и было бы геополитически менее сложным, чем дальнейшее расширение НАТО на восток.

Некоторые политики, дипломаты и эксперты этих трех стран понимают потенциальное значение членства в ЕС в разрешении проблемы безопасности Киева, Тбилиси и Кишинева и поэтому активно над этим работают. Тем не менее, особая глубина и широта трех новых соглашений об ассоциации с ЕС означают, что их имплементация потребует многие годы. Это значит, что – хотя политически вступление в ЕС легче, чем в НАТО – Украина, Грузия и Молдова еще не скоро смогут претендовать на полное членство в ЕС. Как и в случае с НАТО, остается вопрос, что делать до момента их вероятного будущего вступления в Союз.

⁷ Petrov R., Van der Loo G., Van Elsuwege P. The EU-Ukraine Association Agreement: A New Legal Instrument of Integration without Membership? // *Kyiv-Mohyla Law and Politics Journal*. 2015. № 1. P. 1-19. <http://kmlpj.ukma.edu.ua/article/view/52678>.

Пятый сценарий: Получение Украиной статуса т.н. Основного союзника США вне НАТО или/и заключение трехстороннего пакта на базе Будапештского меморандума

После распада СССР Украина унаследовала третий по величине в мире арсенал ядерного оружия, который значительно превысил суммарное количество атомных боеголовок, находящихся тогда в распоряжении Китая, Великобритании и Франции. Разумеется, у Киева в начале девяностых не было возможности использовать большую часть этого оружия. Тем не менее, этот огромный арсенал, как и значительные производственные мощности и инженерно-технологический опыт Украины позволили бы Киеву создать небольшие, но функциональные и достаточно угрожающие ядерные войска.

Однако, Киев решил отказаться от всего своего ядерного оружия, оборудования и материалов, чтобы присоединиться в середине 1990-х к всемирному Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в качестве государства без атомного оружия. Уже подозревая тогда российскую ирредентистскую угрозу, украинское правительство в ходе международных переговоров о разоружении Украины в 1993-1994 гг. году настаивало на том, чтобы Киев за отказ от своего ядерного арсенала получил гарантии безопасности со стороны т.н. стран-«депозиторов» ДНЯО, т.е. от США, Великобритании и России. В декабре 1994-го года, во время Будапештского саммита КБСЕ, эти три страны, как гаранты режима нераспространения атомного оружия, и подписали судьбоносный Меморандум с Украиной⁸.

Безусловно, Будапештский меморандум не является полноценным международным договором. Он предоставил Украине не «гарантии», как часто утверждается в украинских СМИ, а «заверения» (assurances) о безопасности. Тем не менее, поскольку четырёхсторонний документ в свою очередь тесно связан с ДНЯО, Москва в 2014 году нарушила не только территориальную целостность Украины. Опосредованной жертвой российской открытой аннексии Крыма и скрытой интервенции на Донбассе также стали юридическая логика действенности ДНЯО и международное доверие в эффективность одного из самых важных соглашений мирового сообщества⁹. На этом фоне, Украине стоит в будущем по-

⁸ Potter W. The Politics of Nuclear Renunciation: The Cases of Belarus, Kazakhstan, and Ukraine // Henry L Stimson Center Occasional Papers. 1995. № 22; Pifer S. The Trilateral Process: The United States, Ukraine, Russia and Nuclear Weapons. Washington, 2011. http://www.brookings.edu/~media/research/files/papers/2011/5/trilateral%20process%20pifer/05_trilateral_process_pifer.pdf.

⁹ Budjeryn M. The Breach: Ukraine's Territorial Integrity and the Budapest Memorandum // Wilson Center NPIHP Issue Brief. 2014. № 3. www.wilsoncenter.org/publication/issue-brief-3-the-breach-ukraines-territorial-integrity-and-the-budapest-memorandum; Manaeva Rice N., Rice D.P., Hall H.L. Ukraine at the Fulcrum: A Nuclear House of Cards // International Journal of Nuclear Security. 2015. № 1. <http://trace.tennessee.edu/ijns/vol1/iss1/7/>; Galaka S. Ukrainian Crisis and Budapest Memorandum: Consequences for the European and Global Security Structures // Ukraine Analytica. 2015. № 1. P. 45-51; Umland A. The Ukraine Example: Nuclear Disarmament Doesn't Pay // World

пробовать убедить Вашингтон и Лондон подтвердить свои заверения 1994-го года более формально и однозначно, и сделать это не только и не столько из-за солидарности с Украиной, а ради сохранения будущей прочности всемирного режима нераспространения¹⁰.

Стандартный формат обеспечения безопасности, который США применяет к избранным партнерам по всему миру – это т.н. статус Основного союзника вне НАТО, который предусматривает ряд особых возможностей по сотрудничеству в сфере национальной безопасности и может сопровождаться пактом о военной помощи между Вашингтоном и его союзником. В декабре 2014-го года в Конгрессе США уже серьезно рассматривали предоставление этого статуса Украине, но в последний момент это положение было исключено из соответствующего законопроекта. В марте 2017-го года Верховная Рада приняла резолюцию, в которой она прямо просит Вашингтон объявить Украину своим Основным союзником вне НАТО. В будущем, возможно, Киеву даже стоит стремиться к трехстороннему договору между Украиной, США и Великобританией на основании обещаний Вашингтона и Лондона Киеву в Будапештском меморандуме 1994-го года.

Очевидная причина, почему такого нового договора и полноценного военного сотрудничества еще нет – это то, что США и Великобритания в таком случае бы рискнули быть втянутыми в конфликт Украины с Россией. С другой стороны, такой шаг повысил бы ставки для России в ее гибридной войне против Украины, и тем самым мог бы помочь сдерживать будущие атаки Москвы. Более того, предоставление Украине более серьезных гарантий безопасности США и Великобритании, чем заверения в рамках Будапештского меморандума, усилило бы всеобщее доверие к международному праву в целом, и к ДНЯО в частности. На этом фоне, Вашингтон и Лондон однажды смогут решить, что им все же стоит принять такой риск и произвести «апгрейд» Будапештского меморандума 1994-го года – не только и не столько ради безопасности украинцев, а в интересах дальнейшего функционирования режима нераспространения. В таком случае, Украина сможет существенно усилить свою международную включенность и отойти от своего сегодняшнего положения в европейской «серой зоне» безопасности.

Парадоксальным образом, такое развитие было бы и в коренных стратегических интересах российского государства – факт, который, конечно, циничная «кремлевская политология» бы решительно отрицала. Восприятие России как мировой державы и ее международный вес более тесно связаны с относительной грозностью и эксклюзивностью её ядерного арсенала, чем, например, в случае таких атомных государств как США, Китай, Франция и Великобритания. Меж-

Affairs Journal. 2016. № 4. P. 45-49; Budjeryn M., Umland A. Amerikanische Russlandpolitik, die Souveränität der Ukraine und der Atomwaffensperrvertrag: Ein Dreiecksverhältnis mit weitreichenden Konsequenzen // Sirius: Zeitschrift für Strategische Analysen. 2017. № 2. P. 133–142.

¹⁰ Budjeryn M., Umland A. The Nuclear Fallout of Trump's Possible Détente with Putin // Harvard International Review. 16 February 2017. <http://hir.harvard.edu/article/?a=14509>.

дународный вес и влияние этих четырех стран, правда, тоже базируется на их статусе официальных ядерных держав в рамках ДНЯО и соответствующих арсеналах оружия массового поражения. Но их статус и репутация связаны не только с их ядерными ракетами, бомбами и снарядами, но и с другими факторами, как, например, со значимой экономической мощью, высоким академическим потенциалом и разными технологическими инновациями этих наций.

Сохранение мирового статуса и веса России как страны, достижения которой во вне-военных сферах более скромны, чем у других официальных ядерных держав, поэтому особенно тесно связано с будущим соблюдением ДНЯО. Если разные страны мира будут терять свое доверие в эффективность ДНЯО и соответственно начнут сами приобретать оружие массового поражения, то это снизит, в первую очередь, относительный международный вес России. Москве будет труднее чем другим официальным ядерным державам компенсировать постепенное снижение значения своего ядерного арсенала другими рычагами влияния. Относительные статусные потери России от возможного будущего роста количества стран с ядерным оружием будут превышать такого рода потери у других стран мира. Поэтому Москва должна была бы быть – в виду специфического международного политического и правового положения России – самым ярким гарантом ДНЯО. Но, конечно, последние операции Кремля в Украине противоречат также многим другим установкам, которых можно было бы обозначить как коренные национальные интересы России – и не только в сфере ее относительного международного веса.

Шестой сценарий: Украина, Грузия и Молдова, а также ряд посткоммунистических государств-членов НАТО создадут коалицию, воплощающую старую польскую идею Междуморья («Интермарриум»)

Геополитическая ситуация Киева, Кишинева и Тбилиси – на абстрактном уровне – похожа на ситуацию новых государств Центрально-Восточной Европы, которые появились после Первой Мировой войны, таких как Польша, Чехословакия, Литва, Латвия, Эстония. Как и эти государства в межвоенный период, Украина, Молдова и Грузия сейчас находятся в некой геополитической «дыре», и их суверенитету угрожает соседняя ревизионистская держава. Россия уже успела сделать из всех этих трех стран «несостоявшиеся государства» путем активного подстрекательства и целенаправленной поддержки в них сепаратистских движений. Без помощи Москвы пяти сепаратистских единиц на территории этих стран, скорее всего, не было бы. Опосредованно, Россия также причастна к сепаратизму

в Азербайджане, где Москва помогает Армении, которая в свою очередь поддерживает сепаратистов Нагорного Карабаха.

Грузия, Украина, Азербайджан и Молдова в настоящее время уже входят в т.н. Организацию за демократию и экономическое развитие, известную под аббревиатурой ГУАМ. Объединение четырех стран в этой коалиции отдаленно напоминает межвоенный восточноевропейский проект под названием «Интермариум» (т.е. земли между морями). После распада старых многонациональных государств, польские и другие политики бывших зависимых территорий разных империй в Европе развили идею объединения их наций между Балтийским, Черным и Адриатическим морями. Основная цель Междуморья и подобных проектов заключалась в том, чтобы усилить относительную безопасность этих самих по себе слабых стран, создав союз, который сделал бы буферную зону между потенциальными ревизионистскими Германией и Россией/СССР более безопасной. Но эта идея так и не была воплощена между 1918-ым и 1938-ым годами – и не смогла предотвратить Мюнхенский договор, пакт Молотова-Риббентропа и начало Второй мировой войны.

ГУАМ же, как и другая, частично аналогичная организация, созданная в конце 2005-го года, т.н. Сообщество демократического выбора (Украина, Молдова, Латвия, Литва, Эстония, Словения, Македония, Румыния, Грузия), стали реальностью. Однако, эти коалиции по своим составам и статусам слишком слабые, чтобы противостоять военному вмешательству и другим т.н. «активным действиям» России в нынешней «серой зоне» между НАТО, с одной стороны, и Организацией договора о коллективной безопасности, с другой. Это несмотря на то, что ближайшие западные соседи Украины – Польша, Словакия, Венгрия, Румыния – и другие восточные страны-члены НАТО должны быть заинтересованы коренным образом в стабильности и безопасности особенно Украины. Возможный крах украинского государства в результате агрессивной политики Кремля сказался бы на них в самых разных отношениях.

Но, несмотря на такую общность интересов большинства наций всей Центрально-Восточной Европы, до сих пор не было каких-либо существенных действий для создания соответствующей объемлющей структуры безопасности стран этого региона. Это тем более удивляет на фоне того, что уже существует некая модель для такого соглашения между членом и не-членом НАТО в регионе. В 2010-ом году Азербайджану удалось подписать с Турцией Договор о стратегическом партнерстве и взаимопомощи, который включает в себя и статью о возможной военной поддержке Анкары для Баку. Таким образом, не только США в своих разнообразных союзах вне НАТО, но и неядерный член альянса Турция своим договором с Азербайджаном уже пересекли «красную линию» дачи ратифицированных гарантий безопасности членами НАТО за пределами альянса¹¹.

¹¹ Umland A. Countering Russian Expansionism: Blueprints for a New Security Alliance // European Council on Foreign Relations. 28 April 2016. http://www.ecfr.eu/article/commentary_countering_russian_expansionism_blueprints_for_a_new_security_al.

Тем не менее, для Польши, Румынии и других восточноевропейских соседей Украины идея их участия в серьёзной антиимперской коалиции за пределами НАТО, видимо, неинтересна. Хотя идея Интермариума иногда упоминалась польскими политиками, в том числе нынешним президентом Польши Анджеем Дудой, в течение последних 25-ти лет Варшава еще не предприняла никаких конкретных шагов для ее реализации. Сегодня Варшава, кажется, больше заинтересована в строительстве анти-немецких восточноевропейских коалиций внутри ЕС, чем в решении проблем безопасности на восточной границе Польши¹².

В случае самого апокалиптического, но вполне возможного сценария для украинского государства, т.е. его распада, западные соседи Украины мало что могли бы ожидать от ЕС или НАТО. Непонятно, например, насколько Брюссель смог бы помочь Польше, Словакии, Венгрии и Румынии при притоке нескольких миллионов украинских беженцев или же при взрыве самой большой АЭС Европы в Запорожской области. Полагается ли Варшава на то, что войска НАТО начнут стрелять по украинским беженцам после исчерпания максимума количества беженцев, которое Польша согласна принять, т.е., например, после прихода третьего миллиона неприглашенных иммигрантов из Украины в течении нескольких недель? Уверен ли Будапешт в том, что другие страны-члены ЕС согласятся принять десятки или сотни тысячи украинских беженцев, оказавшихся по такому сценарий в Венгрии? Надеется ли Бухарест на то, что ЕС введет строгий визовый режим для запорожских радиоактивных частиц, когда они начнут массово пересекать в Шенгенскую зону через румынско-украинскую границу?

Вероятность полного краха украинского государства и его апокалиптических последствий, конечно, низкая. Однако, ставки для восточных членов НАТО в стабильности Украины – огромные; а возможности НАТО помочь в этом отношении (из-за упомянутой большой осторожности западных европейцев) – ограниченные. На этом фоне, относительная пассивность, в частности, Варшавы, Бухареста, Будапешта и Братиславы в преодолении восточноевропейской «серой зоны» удивляет. Эта бездейственность, возможно, связана с тем, что взгляд многих центрально-восточных политиков, дипломатов и даже некоторых экспертов на свой регион сегодня «астрономический».

В не полностью осознанном «астрономическом» воображении Европы среди посткоммунистических элит континент разделен на хорошую «планету» ЕС и НАТО и плохую «планету» всех других стран. Нахождение на правильной «планете», в этом пост-географическом воззрении, решает все основные проблемы безопасности. Важно лишь то, чтобы ни в коем случае не войти в какую-то связь с другой «планетой», не быть вовлеченным в ее проблемы и тем самым быть перетянутым из «правильной европейской» в «неправильную постсоветскую» зону.

¹² Fedorenko K., Umland A. How to Solve Ukraine's Security Dilemma? The Idea of an Intermarium Coalition in East-Central Europe // War on the Rocks. 30 August 2017. <https://warontherocks.com/2017/08/how-to-solve-ukraines-security-dilemma-the-idea-of-an-intermarium-coalition-in-east-central-europe/>.

В дивном новом мире центрально-восточной политологии, плохая «планета» настолько далека от хорошей, что ее проблемы несущественны для счастливых обитателей «планеты» ЕС/НАТО.

Есть, конечно, и другие причины для того, что периодически всплывающая идея о создании Междуморья пока осталась невоплощенной. Так, недавний националистический поворот во внутренней и внешней политике Польши привел к новым напряжениям как в польско-ЕСовских, так и польско-украинских отношениях. Неудачная официальная постмайдановская политика исторической памяти Киева – особенно в отношении интерпретации значения и увековечивания лидеров ОУН-УПА – подыгрывала этому польскому повороту. В частности, это касается деятельности нового руководства правительственного Украинского института национальной памяти (УИНП), состоящего из историков, которые не публикуются в серьезных академических журналах. Бездарные инициативы УИНП и ему подобных украинских институтов в значительной мере облегчили утилизацию новых польско-украинских напряжений российской пропагандистской машиной.

Заключение

Ни один из этих шести сценариев не обнадеживает. Первый, о сохранении «серой зоны», сегодня кажется наиболее вероятным. Но он, возможно, с учетом известного прошлого опыта, в конечном счете – тупиковый. Остается неясным, может ли даже более сильная чем сегодня ассоциация с Западом, адаптация к новым вызовам после 2014-го года и консолидация постмайдановского украинского государства в рамках этого сценария заменить или компенсировать официальную и устойчивую институциональную интеграцию Украины, Грузии и Молдовы в более или менее значимую международную коалицию до такой степени, что безопасность этих трех стран существенно усилится.

Остальные пять сценариев, напротив, дают некоторые международно-правовые механизмы серьезного обеспечения безопасности в сегодняшней «серой зоне». Они бы принципиально поменяли всю геополитику Восточной Европы путем подписания разного рода новых больших договоров. Но эти сценарии, которые в тех или иных измерениях выгодны Украине, Грузии и, частично, Молдове, сегодня мало реалистичны, если не фантастичны. Тем не менее, эти пять сценариев в той или иной мере могут стать возможными в будущем, если произойдут существенные изменения во внутренней или внешней политике тех или иных вовлеченных в восточноевропейский регион стран и организаций.

Коротко об авторах

Игорь Баринов, историк, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Михаил Блюменкранц, философ, Харьков/Мюнхен

Владимир Булдаков, историк, Институт российской истории РАН, Москва

Сергей Бычков, писатель и историк, Москва

Игорь Волгин, литературовед и историк, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Александр Гиринский, философ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

Александр Доброхотов, философ и культуролог, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

Анна Доронина, философ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

Руслан Кермач, политолог, Фонд «Демократические инициативы», Киев

Леонид Люкс, историк, Католический университет г. Айхштетт, Бавария; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

Станислав Панин, философ и религиовед, Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева, Москва

Олена Петренко, историк, Рурский университет г. Бохум

Юрий Радченко, историк, Институт востоковедения и международных отношений «Харьковский коллегиум»

Гжегож Россолински-Либе, историк, Свободный университет г. Берлин

Пер Андерс Рудлинг, историк, Лундский университет, Швеция

Кай Струве, историк, Университет им. Мартина Лютера, Галле-Виттенберг

Эдуард Тинн, философ, Евроакадемия, Таллин

Дмитрий Титаренко, историк, Донецкий университет экономики и права, Кривой Рог

Анастасия Туманова, историк и юрист, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

Михаил Тяглый, историк, Украинский центр изучения истории Холокоста, Киев

Андреас Умланд, политолог, Институт евро-атлантического сотрудничества, Киев

Нина Хайлова, историк, Институт российской истории РАН, Москва

Джон-Пол Химка, историк, Альбертский университет, Эдмонтон

Юлия Щербина, философ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва